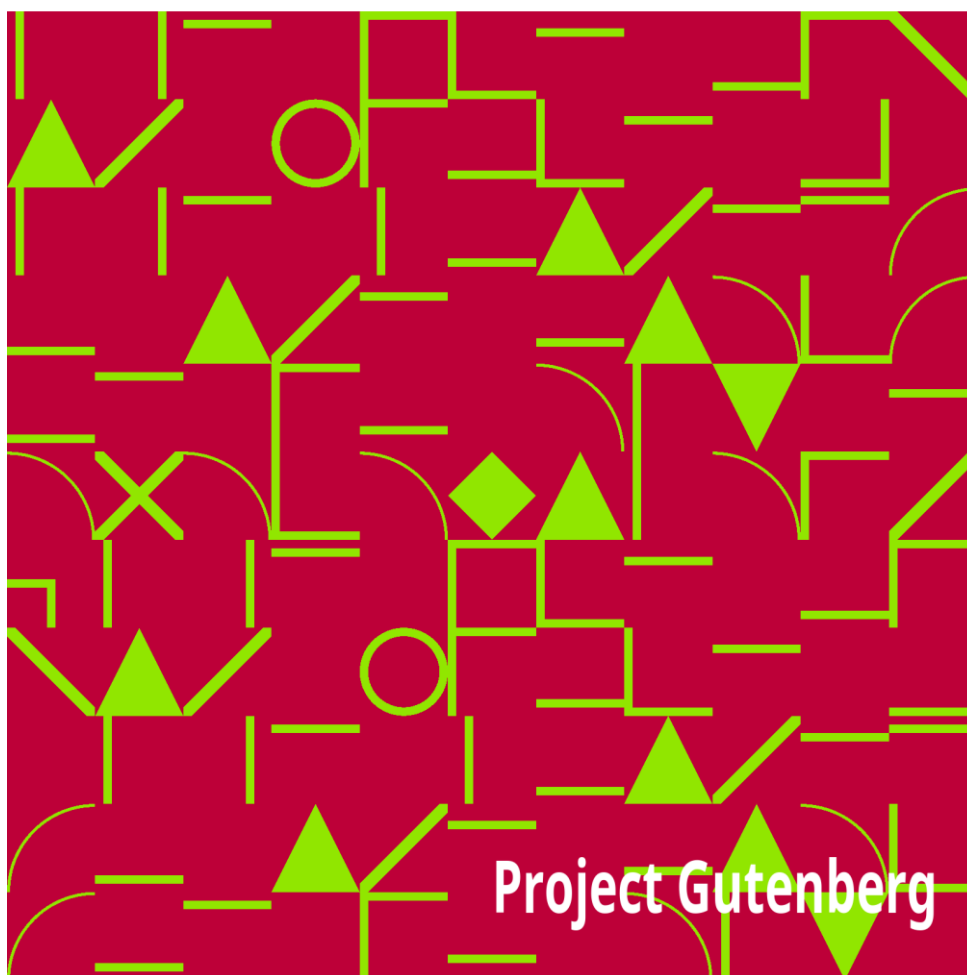

Древнеримский мир: величие и крах его цивилизации

Джон Лорд

**The Old Roman World : the Grandeur and
Failure of Its Civilization.**

John Lord

Электронная книга проекта Гутенберга о Древнеримском мире : величие и крах его цивилизации.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Древнеримский мир : величие и крах его цивилизации.

Автор: Джон Лорд

Дата выхода: 1 ноября 2004 г. [Электронная книга № 6839]

Последнее обновление: 30 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры: Роберт Нилд, Том Аллен, Тиффани Вергон, Чарльз Алдарондо, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-редакторов

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДРЕВНЕРИМСКИЙ МИР : ВЕЛИЧИЕ И КРАХ ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИИ". ***

Продюсеры: Роберт Нилд, Том Аллен, Тиффани Вергон, Чарльз Альдарондо,

Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-корректоров, распространяющих корректуру.

ДРЕВНЕРИМСКИЙ МИР ВЕЛИЧИЕ И КРАХ ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИИ ДЖОН ЛОРД, доктор права

Содержание.

ГЛАВА I.

ЗАВОЕВАНИЯ РИМЛЯН.

Ранняя история Рима—Войны при царях—Их результаты—Постепенное подчинение Италии—Великие герои Республики—Их добродетели и победы—Военное возвышение—Карфагенская, Македонская и Азиатские войны—Их последствия—Гражданские войны Мария и Суллы, Помпея и Цезаря—Завоевания варваров—Расширение римского владычества на Востоке—Завоевания императоров—Вооруженные силы империи—Военная наука—Римский легион—Военный гений римлян

ГЛАВА II.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ВЕЛИЧИЕ И СЛАВА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Обширные территории Империи—Границы—Реки и горы—Средиземное море и его острова—Провинции—Главные города—Великие архитектурные памятники—Дороги—Торговля—Сельское хозяйство—Мануфактуры—Богатство—Население—Единство Империи

ГЛАВА III.

ЧУДЕСА ДРЕВНЕГО РИМА.

Первоначальное поселение—Семь холмов—Развитие города—Основные архитектурные памятники—Описание храмов, мостов, акведуков, форумов, Базилик, Дворцов, амфитеатров, театров, цирков, Колонн, Арок, бань, обелисков, гробниц—Разные предметы старины—Улицы—Сады—Частные дома—Густонаселенные кварталы—Знаменитые статуи и картины—Общее великолепие—Население

ГЛАВА IV.

ИСКУССТВО В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Великие чудеса древней архитектуры, скульптуры и живописи — Знаменитые художники древности—Насколько римляне копировали греков—Как далеко они продвинули Искусство—Его Принципы—Его Совершенство—Причины его упадка—Постоянство его великих Творений

ГЛАВА V.

РИМСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ.

Первоначальные граждане—Comitia Calata—Comitia Curiata—Comitia Centuriata—Comitia Tributa—Плебс—Великие патрицианские семьи—Аристократическая структура древнеримского общества—Достоинство и власть Сената—Рыцари—Рост демократии—Состязания между патрициями и плебеями—Возвышение Трибунов—Популярные лидеры— Их законы—Высшие должностные лица государства—Губернаторы провинций—Узурпации удачливых генералов—Революция при Юлии Цезаре и Августе—Имперский деспотизм—Сохранение форм республики , и полное Падение его Духа

ГЛАВА VI.

РИМСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ.

Гений римлян в области государственного управления и законов—Развитие юриспруденции—Законодательные источники—Судебная власть—Суды общей юрисдикции—Профессия юриста—Великие юристы и правоведы—Древние кодексы—Имперские кодексы—Закон о лицах—Права граждан, иностранцев, рабов—Законы о браке, разводе, усыновлении—Отцовская власть—Опекунство—Законы, касающиеся реальных прав—Обязательственное право—Законы о наследовании—Завещания и наследования—Действия и процедура в

гражданских исках—Уголовное право

ГЛАВА VII.

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Греческие образцы — Насколько они повлияли на римские творения—Развитие латинского языка—Ораторы, поэты, драматурги, сатирики, историки и их главные произведения— Насколько культивировалась литература—Школы—Библиотеки—Литературное наследие римлян

ГЛАВА VIII.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Его постепенное развитие от Фалеса до Аристотеля—Насколько римляне переняли греческую философию—Какие дополнения они внесли в нее—Насколько это изменило римскую мысль и жизнь—Влияние философии на христианство—Влияние на современную цивилизацию

ГЛАВА IX.

НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ У РИМЛЯН.

Математический гений древних астрономов —Их труды и открытия—Масштабы астрономических знаний—Александрийская школа— Геометрия и то, как далеко продвинулась наука—Великие имена—Медицина— География—Другие физические науки и их ограниченные успехи

ГЛАВА X.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Пороки и страдания римского общества—Социальное неравенство— Непропорциональные состояния—Богатство и продажность знати— Деградация народа—Огромные масштабы рабства—Положение женщин—Деморализующие игры и зрелища—Чрезмерная роскошь и убогая нищета—Зарабатывание денег—Неправильное правление Империи—Всеобщий эгоизм и нечувствительность к возвышенным чувствам—Безнадежность реформ—Подготовка к разорению

ГЛАВА XI.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.

Ложная уверенность римского народа—Их чудовищные заблуждения—Вторжение варваров— Их Характерные черты—Их попеременные Победы и поражения—Опустошение провинций— Вырождение легионов— Всеобщая слабоумность и трусость—Великие общественные бедствия—Всеобщий союз германских наций—Их лидеры—Благородные, но тщетные усилия череды воинственных императоров—Растущий поток варваров—Их неудержимое

продвижение—Осада и разграбление Рима—Падение городов—Страдания всех классов—Всеобщее отчаяние и разорение—Величие о катастрофе —Размышления о падении Рима

ГЛАВА XII.

ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ КОНСЕРВАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НЕ ОСТАНОВИЛО КРУШЕНИЕ РИМСКОГО МИРА.

Неизбежное разложение всех институтов язычества—Слава сменяется позором—Армия - изношенный механизм—Низкие цели правительства—Трудности императоров—Законы извращены или неисполнены—Вырождение искусства—Легкомыслие Литературы—Несовершенный Триумф философии—В человеческих творениях нет ничего консервативного—Необходимость помощи из иностранных и Божественных источников

ГЛАВА XIII.

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНСТВО НЕ ОСТАНОВИЛО КРУШЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Победы христианства пришли слишком поздно —Небольшое количество обращенных, когда христианство было обновляющей силой —Их сравнительная незначительность с политической и социальной точки зрения на протяжении трех столетий—Церковь строит Государство для себя, а не стремится изменить устоявшиеся институты—Быстрое разложение христианства после его утверждения и принятие языческих идей и влияний—Никакого обновления изношенных рас - Нет материала, над которым могло бы работать христианство— Миссия Церкви не в спасении империй, а Расы —Больное тело должно умереть

ГЛАВА XIV.

НАСЛЕДИЕ РАННЕЙ ЦЕРКВИ БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ.

Великие идеи, которые выдвигали Отцы церкви —Принцип самопожертвования, особенно проявившийся в ранних Мученических смертях-Идея благотворительности в связи с общественной и частной благотворительностью—Важность публичной проповеди—Ораторское искусство с кафедры—Разработка христианского учения—Его связь с философией—Церковная псалмопевца—Принцип христианского равенства — Его влияние на рабство и возвышение людей—Социальное равенство полов—Превосходство современной женщины над древней—Идея народного образования—Единство Церкви

Введение.

Я предлагаю описать Величие и нищету старого римского мира; и нет в истории ничего более наводящего на размышления и поучительного.

Маленький городок, основанный разбойниками на берегах Тибра, постепенно приобретает все большее значение, хотя великие города Востока едва ли подозревают о его существовании. Его ранняя борьба просто привлекает внимание и возбуждает зависть соседних народов. Граждане этого маленького государства - воины, и либо ради защиты, либо ради славы они покоряют один за другим города Лациум и Этрурию, затем всю Италию и, наконец, старые монархии и империи мира. За двести пятьдесят лет граждане стали дворянами, и была основана великая аристократия, которая просуществовала восемьсот лет. Их агрессивная политика и безграничные амбиции вовлекают весь мир в войну, которая не прекратится до тех пор, пока

все известные грекам нации не признают их господство. Повсюду распространяются римские законы, язык и институты. Возникает обширная империя, больше, чем ассирийская и македонская вместе взятые, — вселенская империя, — великое чудо и тайна, обладающая всем величием провиденциального события. Она становится слишком великой, чтобы ею управляла олигархия знати. Гражданские войны создают императора, который, объединяя в себе все высшие государственные должности и поддерживаемый легионами-победителями, правит от Востока до Запада и от Севера до Юга с абсолютным и нераздельным суверенитетом. Цезари достигают вершины человеческого величия и могущества, а город Ромул становится надменной владычицей мира. Императору поклоняются как божеству, а гордая метрополия называет себя вечной. Империя создается силой оружия и единой политикой, какой этот мир не видел ни до, ни после.

Ранняя римская история - это в основном подробности успешных войн, агрессивных и бескомпромиссных, в которых мы видим яростный и эгоистичный патриотизм, неукротимую волю, жесткий, не знающий жалости характер, большую практическую проницательность, терпение и настойчивость, превосходство над неблагоприятной судьбой, веру в национальные судьбы, героические чувства и грандиозные амбиции. Мы видим нацию солдат-граждан, железную расу завоевателей, стремящихся к завоеваниям, к славе, к самовозвышению, придающих мало значения отдельному человеку, но возвышающих целостность и единство государства. Мы видим не импульсивную политику, не отказ от наслаждения плодами победы, не отдых, не передышку, не любовь к искусству или литературе, а безграничную страсть к господству. Римляне трудились, страдали и умирали — никогда не уставая, никогда не падая духом, никогда не испытывая удовлетворения, пока их миссия не была выполнена и мир не лежал, истекая кровью, ниц у их ног.

В последние дни Республики римский гражданин, первоначально довольствовавшийся несколькими акрами земли на равнинах и долинах, по которым протекал Тибр, становится крупным землевладельцем, владеющим обширными поместьями на завоеванных территориях, аристократом, рыцарем, сенатором, дворянином, в то время как его иждивенцы пренебрегали трудом и кормились за государственный счет. Государство могло позволить себе поставлять им зерно, масло и вино, поскольку оно было владельцем Египта, Греции, Малой Азии, Сирии, Испании, Галлии, Африки — пояса территории вокруг Средиземного моря шириной в тысячу миль, охватывающего всю умеренную зону, от Атлантического океана до диких земель Скифии. Римляне упиваются добычей завоеванных ими народов, украшают свою столицу чудесами греческого искусства и предаются удовольствиям и зарабатыванию денег. Римские вельможи делят между собой земли и богатства мира, и это жилище князей возвышается гордым центром мирской славы и могущества.

В огромном успехе римлян мы замечаем не только их собственные героические качества, но и безнадежное вырождение старых наций и безрассудную буйность западных варваров, которым и тем, и другим требовались хозяева.

Завоеванным миром нужно управлять. Римляне были гениальны как в управлении, так и в войне. В то время как война была сведена к науке, управление стало искусством. Семьсот лет войны и управления дали опыт и умения, и приобретенная таким образом мудрость стала наследием для будущих цивилизаций.

Как для ослабленных жителей Востока, так и для диких варваров было хорошо находиться под властью таких железных хозяев. Наконец-то народы обрели мир и процветание, и зародилось и распространилось христианство. Тихо возникла новая сила, которой было суждено изменить правительство, науку и все отношения социальной жизни и заложить фундамент для новой и более великолепной структуры общества, чем та, которую могло создать язычество. Мы видим руку Провидения во всех этих грандиозных переменах, и столь же величественно оно отменяет славу и позор огромной империи ради высшего блага человеческой расы.

Если мы более подробно изучим историю Республиканского или Имперского Рима, мы прочтем уроки огромной важности. В Республике мы видим постоянную войну классов и интересов— плебеи выступают против патрициев; бедные противостоят богатым; борьба между капиталом и трудом, между аристократией и демократией. Хотя привилегированные классы в целом сохраняли господство, тем не менее народ постоянно получал привилегии и, наконец, получил возможность, передав свое влияние в руки демагогов, отменить конституцию. Юлий Цезарь, величайшее имя в древней истории, сам патриций, обхаживая народ, одержал победу над аристократической олигархией и установил новый режим. Его диктатура была завершением побед народа над дворянством, столь же знаменательным, как и подчинение всех классов удачливым и беспринципным генералам. Однако мы ошибаемся, предполагая, что Республика когда-либо была демократией, как мы понимаем этот термин, или как его понимали в Афинах. Власть всегда была в руках сенаторов, знати и богачей, как это до сих пор происходит в Англии и было в Венеции. Народная свобода была именем, а демократические институты были слабыми и скованными. Свободен был гражданин-дворянин, а не пролетарий. Последний пользовался защитой законов, но только такой, какую давал первый. Какой исключительной, должно быть, была аристократия, когда семья Клавдиев хвасталась, что за пятьсот лет она никого не принимала к себе путем усыновления, и когда император Нерон был первым, кто получил ее привилегии! Именно с сенаторскими семьями, которым удалось сохранить за собой все высшие государственные должности, связано все интересное в истории Республиканского Рима, будь то политические распри, или частная вражда, или законодательство, или контроль над армиями, или благоустройство города, или управление провинциями. Именно они, как сенаторы, губернаторы, консулы, генералы, квесторы, давали людям бани, театры и храмы. Они возглавляли фракции, а также армии. Они были государством.

Главной целью, которой уделяли свое внимание правящие классы, была война, расширение империи. "*Ubi castra, ibi respublica*." Республиканский Рим был лагерем, управляемым генералами-аристократами. Господство и завоевания были их великими идеями, их целью, их честолюбием. Им приносились в жертву удовольствия, выгода, легкость, роскошь, ученость и искусство. И когда они победили, они стремились править, и они знали, как это делать. Помимо завоеваний и правления, в истории Рима нет ничего особенно впечатляющего, кроме борьбы политических лидеров и классовой войны.

Но в них есть удивительное очарование. Мифический период правления царей; сражения с латинами, этрусками, вольсками, самнитами и галлами; легенды о Порсенне, Цинциннате, Кориолане, Виргинии; героизм Камилла, Фабия, Деция, Сципиона; великая борьба с Пирром и Ганнибалом; войны с Карфагеном, Македонией и Малой Азией; соперничество между патрицианскими и плебейскими семьями; возвышение трибунов; менский, гортензианский, и Аграрные законы; благородные усилия Гракхов; цензура Катона; гражданские войны Мария и Суллы и их подвиги, за которыми последовали еще более великие завоевания Помпея и Юлия;

эти и другие проявления героизма и силы полны интереса, который никогда не может быть исчерпан. Мы размышляем о них в юности; мы возвращаемся к ним в старости.

И все же истинное величие Рима связано с императорами. С их воцарением происходит переход политики государства от войны к миру. Существует большее желание сохранить, чем расширить пределы империи. Страсть к войне сменяется страстью к правительству и законам. Труд уступает место отдыху и удовольствиям. Появляются великие произведения искусства, которые становятся историческими: Пантеон, Форум Августа, Амфитеатр Флавиев, Колонна Траяна, Термы Каракаллы, Аква Клавдия, золотой дом Нерона, Мавзолей Адриана, Храм Венеры и Рима, Арка Септимия Севера. Город меняется с кирпичного на мраморный, дворцы, театры и храмы становятся колоссальными. Живопись и скульптура украшают каждую часть города. Мраморных бюстов больше, чем живых людей. Жизнь становится более сложной и надуманной. Накапливаются огромные состояния. Художникам оказывается либеральное покровительство. Литература приходит в упадок, но по-прежнему создаются великие гениальные шедевры. Процветают медицина, юриспруденция и наука. На всех холмах можно увидеть прекрасную загородную жизнь, а сады и виллы являются объектом вечных восхвалений. Со всех уголков земли приезжие стекаются, чтобы увидеть чудеса могущественного мегаполиса, более многолюдного, чем Лондон, более великолепного, чем Париж, более роскошного, чем Нью-Йорк. Праздники, представления, процессии, гладиаторские бои, гонки на колесницах служат развлечением для широких масс населения. Величественная централизованная власть управляет всеми королевствами, расами и народами. Достигнуто наивысшее состояние процветания, которое знал древний мир, и все преклоняются перед Кесарем и видят в нем представителя божественного провидения, на волю которого нельзя взывать и от руки которого невозможно убежать.

Но *мене, мене, текел, упарсин* написано на стенах банкетных залов дворца Цезарей. Мечта о всемогуществе нарушается вторжением германских варваров. Они стремятся к старым очагам власти и богатства, чтобы улучшить свое положение. Они воинственны, жестоки, неумолимы. Они не боятся смерти и движимы вперед жадой грабежа и военным рвением. Старые легионы, которые прорвались сквозь македонскую фалангу и противостояли галлам, не могут устоять перед натиском своих недисциплинированных армий, ибо военная слава исчезла, и народ предпочитает свои удовольствия империи. Возвышаются великие императоры, но они не справляются с задачей сохранения рушащейся империи. Люди, ослабленные и эгоистичные, рассеяны, как овцы, или превращены в рабов. Гордые столицы мира падают перед безжалостными захватчиками. Повсюду запустение. Варвары топчут своими тяжелыми ногами гордые трофеи древнего искусства и власти. Мерцающие искры жизни старой цивилизации исчезают. Мир погружен в страх, нищету и отчаяние, и помощи ждать неоткуда, ибо карательное правосудие шествует с впечатляющей торжественностью. Имперский деспотизм, непропорциональные богатства, неравное разделение общества, деградация женщины, рабство, эпикурейские удовольствия, практический атеизм приносят свои жалкие плоды. Пороки и страдания общества не могут быть остановлены. На смену славе приходит позор; вся сила - в механизме, и он изнашивается; жизненная сила угасает; империя слабеет от внутреннего разложения и легко попадает в руки новых рас. "Насилие было лишь второстепенной причиной разорения; первопричинами были пороки эгоизма. Мир, такой же справедливый и славный, как наш собственный, рушится". Наше восхищение сменяется печалью и благоговением. Величие человека порицается величием Бога.

Такая история наводит на размышления. Почему такой империи было позволено подняться над кровотокающей поверхностью мира и каково было ее влияние на общую судьбу расы? Как далеко зашла в упадок ее цивилизация и как далеко она вошла в новые комбинации? Была ли ее сила материальной, или моральной, или интеллектуальной? В какой степени литература, искусство, наука, законы, философия оказались консервативными силами? Почему христианству не удалось остановить столь полное затмение славы человека? Почему великолепная цивилизация оказалась столь слабым барьером против разложения? Почему мир погрузился во всеобщий мрак и убожество, последовавшие за великой катастрофой? Неужели ничто не могло остановить это грандиозное падение?

И когда мы переходим от великих фактов римской истории к вопросам, которые она предлагает созерцательному уму в связи с состоянием общества между нами, на которые история должна пролить свет, какие загадки остаются нерешенными. Обязательно ли моральная ценность соответствует эстетической культуре, или интеллектуальным триумфам, или материальной мощи? Создают ли хваленые триумфы цивилизации те священные уверенности, на которых основано счастье? Можно ли сохранить жизнеспособность государств с помощью механических изобретений? Развивается ли общество за счет присущих ему законов развития или за счет влияний, совершенно чуждых человеку? Предначертано ли нациям подняться до определенной высоты в мудрости и могуществе, а затем уйти в бесчестье и унынии? Есть ли постоянство в каких-либо человеческих институтах? Будет ли общество двигаться по бесконечным кругам, неспособное к прогрессу и неспособное к отдыху, или оно будет бесконечно совершенствоваться? Разве не могут быть высшие триумфы искусства, литературы и науки там, где главными движущими силами общества являются чувственность и эгоизм? Склонно ли общество к демократическим, или аристократическим, или деспотическим правлениям? Предоставляет ли христианство в это устроение просто свидетелей истины, или оно будет добиваться последовательных побед над человеческим вырождением до тех пор, пока раса не будет освобождена и спасена? Может ли это остановить тенденцию общества к упадку, когда оно подорвано пороками, которые притупляют совесть человечества и которые поддерживаются всеми, кто горд своим положением, блистателен своей модой и могуществен богатством?

Это вопросы, на которые проливает свет римская история. Если история - это путеводитель или оракул, то они полны впечатляющего значения. Можем ли мы позволить себе отвергнуть все примеры прошлого в наших оптимистичных надеждах на будущее? Природа человека одинакова в любую эпоху, и человеческий опыт указывает на некоторые великие элементарные истины, которые подтверждает Библия. *Нас* они могут не трогать, но они сохраняют торжественное достоинство для всех поколений; "и на первом месте из них, — как хорошо сказал Чарльз Кингсли, - стоит закон, который человек пытался отрицать или, по крайней мере, игнорировать во все века, как и сейчас, а именно: плод праведности - богатство и мир, сила и честь, плод неправедности - бедность и анархия, слабость и стыд; ибо не на *разуме*, а на *морали* основано благосостояние человека. Наука действительно велика, но она не самая великая. Она инструмент, а не сила. Но ее законная госпожа, единственная, под руководством которой она может по—настоящему расти, процветать и доказать свое божественное происхождение, - это Добродетель, подобие Всемогущего Бога, древняя доктрина, но вечно молодая, и которую никогда не отменяют никакие научные открытия".

Следовательно, великой целью истории должно быть беспристрастное исследование гениальности прошлых цивилизаций, особенно с моральной точки зрения. В чем они были слабыми или сильными, жизненно важными или механическими, постоянными или преходящими? Мы хотим знать, что можем сравнить их со своими собственными и извлечь уроки мудрости. Расцвет и падение Римской империи особенно богаты фактами, которые имеют отношение к нашему собственному развитию. Современную историю также невозможно понять без обзора цивилизации, которая вошла в нашу собственную и составляет основу многих наших собственных институтов. Рим погиб, но не полностью его цивилизация. Поскольку она была основана на непреложных принципах справедливости, красоты или любви, она никогда не умрет, но останется драгоценным наследием для всех поколений. Поскольку она была основана на гордыне, несправедливости и эгоизме, она бесславно исчезла. *Люди* умирают, и трофеи их гордости лежат в пыли, но их истины живут. Любая истина нерушима и переживает как имена, так и мрамор.

Римская история, такая величественная и такая скорбная, в целом наводит на ободряющие мысли о человечестве, поскольку из руин, среди бурь, высоко над пожарищем возникли некие несокрушимые силы, которые, объединившись с христианством, создали новое и более славленное состояние человечества. Разрушение сменилось созиданием. Все, что было ценного в искусстве, в науке, в литературе, в философии, в законах, было сохранено. Только бесполезное погибло вместе с самими изношенными расами. Свет, который зажгли ученые, художники, поэты, философы и законодатели, осветил путь будущих наставников человечества. И особенно великие идеи, которые проповедовали преследуемые христиане, отошли в тень средневековой Европы и придали новое направление человеческой мысли и жизни. Возникли новые чувства, более поэтичные и величественные, чем когда-либо существовавшие в древнем мире, они даровали сияние домам, мир семьям, возвышение женщине, свободу рабыне, сострадание к несчастным, самоуважение человеку тяжелого труда, ликование мученику, терпение бедным и славные надежды всем; так что в грубости, в бедности, в неудобствах, в рабстве, в изоляции, в поношении родились мир и счастье, и новая раса с благородными элементами характера поднялась в величии обновленной силы для достижения еще более грандиозных побед, а также для достижения новых целей. даруй человечеству высшие благословения.

Таким образом, Римская империя, падение которой было столь бесславленным и наказание столь суровым, была создана Провидением для того, чтобы способствовать конечному прогрессу общества, поскольку ее цивилизация вступила в новые комбинации и до сих пор остается одним из самых гордых памятников человеческого гения.

Именно эту цивилизацию, в ее различных аспектах, как добрых, так и злых, возвышенных и деградировавших, я стремлюсь показать в следующих главах. Это настоящая достопримечательность римской истории. Давайте посмотрим, чего на самом деле достигли римляне — результатов своих великих предприятий; систем, которые они создавали с таким тщанием; институтов, которые они завещали нашему времени; да, даже тех пороков и безумств, которые они изначально презирали, и которые, если им позволить стать доминирующими, *должны*, согласно всем известным нам законам, в конечном итоге поглотить *любую* страну в нищете, позоре и разорении.

Представляя эту цивилизацию, я стремлюсь обобщить наиболее важные факты, предоставляя читателю на досуге изучить малоизвестные авторитеты, у которых слишком часто аргументация затемняется мельчайшими деталями, а искусство погружено в изучение.

ГЛАВА I.

ЗАВОЕВАНИЯ РИМЛЯН.

Одной из черт римского величия, которая прежде всего привлекает внимание, является военный гений и сила. Римляне превзошли все народы древности в блеске и основательности своих завоеваний. Они покорили мир и держали его в подчинении. На протяжении многих веков они наступали своей железной пятой на шеи поверженных и умоляющих царей от Атлантического океана до Каспийского моря. Ничто не могло помешать, за исключением временного, их неудержимому продвижению от завоевания к завоеванию. Они были воинами с самого раннего периода своей истории, и вся их энергия была сосредоточена на завоеваниях. Их агрессивная политика никогда не менялась до тех пор, пока существовало поле для ее развития. Они начинали как банда разбойников; они закончили тем, что стали хозяевами всех стран и королевств, которые искушали их алчность или возбуждали их честолюбие. Их империя была универсальной — единственной универсальной империей, которая когда-либо существовала на этой земле, — и она была завоевана мечом. Это не было быстрым завоеванием, но оно было систематическим и непреодолимым, свидетельствующим о великом гении, упорстве и силе духа.

[Примечание: римляне сражаются с определенной целью.]

Последовательные и удачные завоевания римлян вызывали восхищение, зависть и страх у всех народов — настолько чудесные и успешные, что они обладают величием провиденциального события. Их нельзя назвать загадкой, поскольку мы видим постоянное приспособление средств к цели. Но ни одна другая нация никогда не проводила такой единообразной военной политики, за исключением ограниченного периода или под влиянием временного энтузиазма, подобного тому, который был характерен для сарацин и германских варваров. Римляне сражались, когда в сражениях не было очевидной необходимости, когда их империя уже охватывала большинство стран, известных древним. Египтяне, ассирийцы, персы и греки совершили великолепные завоевания, но их империя была частичной и ограниченной и вскоре исчезла. Греки проявили великий военный гений, и предприятия Александра считались чудом. Но греки сражались не так, как римляне, преследуя твердую цель подчинить все народы своему влиянию, и они, в свою очередь, уступили римлянам. Римляне никогда не были покорены, но они покорили все народы — даже высшие расы. Они воздвигли всемирную монархию, которая развалилась на куски под собственной тяжестью, когда пороки своекорыстия сделали свое дело. Они стали добычей варваров в совершенно ином смысле, чем тот, который привел к упадку древние империи. Они уступили не какому-либо могущественному, воинственному соседу, как персы уступили грекам, а последовательным волнам неизвестных воинов, которые приходили в поисках поселений, и то только тогда, когда вся римская мощь иссякла и вся политика империи изменилась - когда целью императоров стало сохранение старых завоеваний, а не создание новых.

[Примечание: Война была страстью римлян.]

У римлян на протяжении тысячи лет война была страстью; и пока она длилась, она поглощала все другие страсти. Она воодушевляла государственных деятелей, правителей, генералов и граждан, вечно пылающая, никогда не находящая покоя, — страсть беспринципная, непреодолимая, всепроникающая, всепоглощающая, всепобеждающая. Успех на войне давал уважение, достоинство, почет превыше всех других успехов. Она всегда вызывала всеобщее восхищение, и ее слава всегда высоко ценилась, и так будет всегда, но она не монополизировала все должности и достоинства, как у римлян. Греки думали об искусстве, литературе и философии так же, как и о войне, и отдавали свои венцы славы за гражданское и художественное совершенство, а также за военные успехи. Греки сражались, чтобы сохранить или расширить свою цивилизацию; римляне - чтобы править. Они очень мало уважали что-либо, кроме военного гения. Только успешный воин был основателем великой семьи. Римская аристократия, такая гордая, такая богатая, такая могущественная, была основана на славе полей сражений. Каждый гражданин был обучен владению оружием, а сенаторы и государственные деятели командовали армиями. Вся структура государства была построена на войне, и на протяжении многих веков это было ведущим занятием народа. Насколько незначительным был поэт, или художник, или философ рядом с воином! Рим был городом полководцев, и они занимали общественное сознание.

[Примечание: римляне придавали большое значение военному искусству.]

Для римлянина военное искусство было высшим из всех. Оно постоянно совершенствовалось, пока не достигло абсолютного совершенства, благодаря старому оружию и орудиям ведения войны. Этому совершенству был посвящен весь гений народа; для них это было то же, чем были изящные искусства для греков, чем было господство священников в Средние века и чем для нас являются материальные изобретения, сокращающие человеческий труд. Римляне презирали литературу, искусство, философию, торговлю, сельское хозяйство и даже роскошь, когда совершали свои великие завоевания; они уважали только своих удачливых полководцев. Следовательно, не было большого поощрения гениальности или честолюбия в какой-либо другой области; но в этой области горизонт постоянно расширялся. Каждое новое завоевание подготавливало путь для последующих завоеваний; честолюбие здесь было неограниченным, энергия - безграничной, видения славы были самыми ослепительными, воинственные планы - самыми плодотворными, пока весь мир не лежал, истекая кровью, ниц.

[Примечание: Законность войны.]

Однако военный гений не представляет человека в высшем состоянии мудрости или красоты. Это очень привлекательно, но "есть нечто большее, чем совершенство воина", по крайней мере, для созерцательного или религиозного взгляда. Когда люди спасают народы в страшных кризисах своим военным гением, как Наполеон спасал Францию, окруженную враждебными армиями, или Густав Адольф - Германию, когда она боролась за религиозные права, тогда они оказывают величайшие из возможных услуг и не получают незаслуженных почестей. Сердце мира хранит славу Мильтиада, Карла Великого, Генриха IV, Вашингтона, ибо они были связаны с великими делами. Война - одна из случайных потребностей нашего мира. Ни одна нация не может жить или достойна жить без военных доблестей. Они спасают народы, находящиеся на грани разорения, и устанавливают великие права, без которых жизнь - ничто. Война, как бы сильно ее ни оплакивали как зло, является последним призывом и ресурсом наций и решает то, что не может быть решено без нее; и это, вероятно, будет продолжаться до тех пор, пока среди

людей существуют слепота, амбиции и алчность. Также, при определенных обстоятельствах, судить о которых могут только нации, это не противоречит закону любви. Следовательно, поскольку это великая необходимость, это всегда будет цениться как великая наука. Цивилизация принимает это и утверждает. Она призывает проявлять великие качества, и они опьяняют людей, которые преклоняются перед ними как перед богоподобными.

[Примечание: Те, кто наиболее успешен на войне.]

Тем не менее, военный гений, каким бы восхваляемым он ни был, слишком часто сочетается с честолюбием и эгоизмом, чтобы заслужить высочайшее расположение философов или христиан. Она не раскрывает душу в ее самых возвышенных устремлениях. Люди более грубого типа часто добиваются наибольшего успеха — люди, нечувствительные к жалости и упрекам, величайшее достоинство которых заключается в воле, нервах, энергии и умении быстро создавать комбинации. Мы уважаем интеллект греков больше, чем римлян, хотя они уступали последним в военных успехах. Мы больше уважаем те качества, которые расширяют область истины, чем те, которые обеспечивают власть. Мудрый человек ставит Бейконов, Ньютонов и Шекспиров выше всех Мальборо и Веллингтонов. Платон окружен более ярким ореолом, чем Фемистокл, а Цицерон — чем Марий.

[Примечание: Общее зло войны.]

Война как ремесло беспринципна, жестока, хищническа, разрушительна. Оно разжигает все порочные страсти; оно связано со всеми пороками; оно враждебно человеческому благополучию. Оно прославляет только силу; оно поклоняется только успеху. Оно возвышает злых людей до власти; оно повергает ниц и скрывает добрых. Оно уничтожает то, что наиболее прекрасно, и отвергает то, что наиболее возвышенно. Оно устраивает на земле столпотворение и тащит на своей триумфальной колеснице почитаемые веками реликвии. Это ужасное преступление, делающее рабами беспомощных и сеющее ужас, нищету и смерть повсюду, куда бы оно ни направлялось, отмечая свое продвижение кровавым следом и наполняя землю проклятиями. Это величайший бич, который Бог использует для наказания ослабленных народов, и его нельзя рассматривать с каким-либо удовлетворением, кроме как как гнев, направленный на восхваление Суверенного Правителя, который использует те средства, которые Он выбирает для наказания или возвышения.

[Примечание: Дух римлян в их войнах.]

Итак, римляне, в общем смысле, стремились к войне как к ремеслу, чтобы удовлетворить жажду власти, возвыситься на руинах древних монархий, обогатиться за счет мировой добычи и управлять ею в эгоистических целях. Было много римских войн, которые были исключениями, когда возвышенный патриотизм был движущим принципом; но агрессивная война была политикой и позором Рима. Ее граждане, как правило, боролись не за сохранение свобод или национального существования, а за самовозвеличивание. Непрерывающиеся кампании на протяжении тысячи лет воспитывали военную науку, мужество, энергию и алчный и эгоистичный патриотизм. Они давали власть, умение править, исполнительные таланты; и эти качества, в высшей степени приспособленные к мирскому величию, сделали римлян универсальными мастерами, даже если они не делают их интересными. Они развили в себе огромную силу, ресурс, волю и даже сделали их мудрыми в управлении, возможно, великими цивилизаторами, поскольку централизованная власть лучше анархии; однако эти черты не

заставляют нас любить их или благоговеть перед ними. Провидение, несомненно, установило всемирную монархию, которую могла установить только всеобщая война, на благо тогдашнего мира, для развития самой цивилизации. На смену всеобщему владычеству должен прийти всеобщий мир, и только в таком мире могут проявиться высшие качества, добродетели и таланты, так что римское правление было не бедствием, а очень желанным деспотизмом. И все же это был деспотизм — холодный, безжалостный, своекорыстный. Война сделала римлян практичными, расчетливыми, властными, гордыми, презрительными, властолюбивыми.

[Примечание: Успехи римлян на войне.]

Но война сделала их великим народом и выделила их в определенных замечательных качествах. Их успех на войне равнозначен утверждению, что в одной великой области гениальности, которую чтит цивилизация, они не просто отличились и приобрели гордую славу, которая никогда не изгладится из памяти человечества, но что равных им не было ни в одну эпоху. Война позволила им создать огромную империю, которая дала огромный импульс древней цивилизации.

[Примечание: Провидение проявляется в возвышении великих наций.]

Есть что-то очень необычное и загадочное в результатах войн, которые вызываются и ведутся беспринципными людьми. Они созданы для того, чтобы в конечном итоге принести существенную пользу человечеству. Другими словами, гнев человека направлен на восхваление Бога, показывая, что Он является Полновластным правителем на этой земле и использует любые инструменты, какие Ему заблагорассудится, для осуществления своих великих и благожелательных замыслов. Какими бы жестокими ни были причины войн и отвратительным духом, в котором они ведутся, они всегда служат благу будущих эпох и великому делу цивилизации во всех ее обширных взаимосвязях. Люди могут быть виновны, и могут быть наказаны за свое нечестие, и могут быть прокляты во все времена просвещенными нациями; все же они всего лишь инструменты высшей силы. Я не говорю, что Бог является виновником войн в большей степени, чем греха; но войны все же посылаются как наказание тем, кого они непосредственно затрагивают, в то время как они развязывают путы рабства и ослабляют хватку тиранов. Они подобны штормам в мире природы: они создают более здоровую нравственную жизнь после того, как бедствия прошли. Те честолюбивые люди, которые стремятся присоединять провинцию к провинции и королевство к королевству, и для которых никакие проклятия не являются слишком суровыми, поскольку они проливают невинную кровь, редко добиваются успеха, если только они не ссорятся с обреченными нациями, неспособными к обновлению. Так пал Вавилон перед Киром, когда настал его день, и он больше ничего не мог сделать для цивилизации. Таким образом, Персия, в свою очередь, уступила греческим героям, когда пресытилась роскошью завоеванных царств. Таким образом, Греция снова уступила Риму, когда она выродилась в страну, где процветали все пороки. Страсти, которые распаляли Кира, Александра и Помпея, были одинаково властными, а их политика — одинаково беспринципной. Они просто были нацелены на завоевания и создание могущественных империй, которые, несомненно, привели к улучшению положения человечества. В политике успешных государственных деятелей также есть что-то жесткое и отталкивающее. Мы потрясены их несправедливостью, жестокостью и алчностью; но Провидение часто использует их для возвышения наций, когда их господство в целом приносит пользу миру. В характерах таких людей, как Оксенштерн, Ришелье или Бисмарк, нет ничего дружелюбного или

мягкосердечного, но кто может сомневаться в мудрости их правления? Редко бывает, чтобы какой-либо нации позволялось иметь большое влияние над другими нациями, если только общее влияние доминирующего государства не благоприятствует цивилизации; а когда это влияние извращается, господство исчезает. Это замечательно видно на примере истории Персидской, Греческой и Римской империй, и еще более убедительно на примере империи пап в Средние века, а также на примере огромного влияния Франции и Англии в течение последних ста лет. Это одновременно и тайна, и факт. Загадочно, что плохим людям так часто позволяется добиваться успеха, но это один из самых суровых фактов жизни, который можно объяснить только исходя из того принципа, что они являются инструментами в руках Великого Морального Правителя, замыслы которого мы не в состоянии постичь, но мудрость которого впоследствии, хотя и несовершенно, становится известной. Со стороны сыновей Иакова было грехом продать Иосифа измаильтянам; их хитрость и ложь увенчались успехом: они обманули своего отца и достигли своих целей; и все же его рабство было средством их спасения от бедствий голода. Расцвет и падение империй следует объяснять на тех же принципах, что и расцвет и падение семей. Грубый, беспринципный, но предприимчивый человек становится богатым, но его богатство используется для служения интересам гораздо большим, чем интересы его детей. Больницы, колледжи и библиотеки обеспечены так же, как монастыри в средние века. Если бы порок, эгоизм и гордыня не были побеждены, что стало бы с нашим миром? Вся история цивилизации - это добро, порожденное злом. Люди - ничто по сравнению со Всемогуществом. Каковы планы человека? Однако предприимчивость, добродетель и талант вознаграждаются. В житейских делах мы видим, что доброта не теряет своего воздаяния и что порок наказывается; но что еще более впечатляюще мы видим, чем то, что орудиями наказания часто являются сами нечестивцы.

[Примечание: Результаты крестовых походов.]

[Примечание: их непосредственные последствия катастрофичны; их конечные - благотворны.]

Одними из худших войн в истории — неуместных, беспринципных, фанатичных — были крестовые походы. А когда войны были более неудачными? Пять миллионов крестоносцев с треском погибли в этих безумных экспедициях, подстегнутых ненавистью к мусульманству. Никакие трофеи не утешали Европу за ее огромные потери, растянувшиеся на двести лет. Но эти войны расширили ресурсы Европы; они сломили власть феодальных баронов; они способствовали развитию торговли и жизненных искусств; они привели к большей свободе ума; они открыли горизонты знаний; они ввели ученых людей в растущие университеты; они централизовали власть королей; они ослабили светскую юрисдикцию пап; они улучшили архитектуру, скульптуру и живопись; они построили свободные города; они дали новый стимул всей энергии европейских наций. Их блага для цивилизации не были законным результатом разрушительных страстей. Естественное наказание за глупость и преступление было оплачено лишениями, печалью, болезнями, пленом, разочарованием, бедностью и смертью. Но из пепла возникло новое творение, о котором никто из лидеров этих движений никогда не помышлял — бесконечно далекое от мыслей Бернарда, Урбана, Филиппа и Ричарда, какими бы великими людьми они ни были, дальновидных государственных деятелей, ожидавших других результатов. Рука, руководившая этой войной между Европой и Азией, была рукой, которая вывела израильтян из Египта через Красное море. *Moreover, quem deus vult perdere prius dementat.* Какое восстание может быть более глупым, безумным, катастрофическим, чем великое восстание Юга! Его результат ни на минуту не представлялся этим южным лидерам. Они

надеялись увидеть создание великой империи, основанной на рабстве; они видели полное уничтожение самого рабства. Курс, которым они стремились к господству и богатству, закончился их временной гибелью. Их сделали разрушителями их собственной любимой системы, когда она не могла быть уничтожена никаким другим способом. Только великой войной можно было снять оковы с раба, и Бог послал войну, как только Ему было угодно положить конец порочному рабству. Если что и показывает руку Божью, так это войны народов. Они посланы подобно голоду и мору. Вся человеческая мудрость и сила становятся ничтожными, когда они используются для того, чтобы остановить эти бедствия Всемогущего. Вопреки всякому разуму они когда-либо приходят; и все же они приходят, и тогда преступления отомщены; зло наказывает зло, и грядущим поколениям дают понять, что прогресс расы происходит через скорбь и страдания. Ни одна великая империя не создается иначе, как по воле Бога. Ни одна империя не падает, не заслужив наказания и разорения. Но Бог обещал спасти и искупить, и мир движется дальше в соответствии с законами природы, и каждое последующее столетие так или иначе становится свидетелем значительного улучшения общего состояния человечества. Это улучшение планируют не великие правители. Оно приходит с Небес. Это происходит вопреки человеческому вырождению, которое, если предоставить его самому себе, несомненно, вскоре привело бы к состоянию общества, подобному тому, которое приписывается народам "до того, как пришел потоп и уничтожил их всех".

[Примечание: Войны, которыми правят на благо народов.]

С таким взглядом на войну — всегда агрессивную с одной стороны, всегда являющуюся бедствием для обеих; величайшее бедствие, известное нациям, изнуряющее, кровавое, жестокое, сметающее все на своем пути; моральный пожар, несущий за собой всевозможные страдания и скорбь, но призванный стать возмездием изношенным и вырождающимся расам и средством огромного развития ресурсов у тех народов, в которых есть жизнь и энергия, — мы видим Божье провидение в римских завоеваниях. Постепенный рост Рима как воинственного государства является наиболее впечатляющим примером деятельности великого Нравственного Правителя в разрушении государств, которые заслуживали гибели, и в создании такой силы, в которой мир нуждался для содействия как великолепной цивилизации, так и мирному распространению новой религии. Греки создали искусство и литературу; римляне — законы и правительство, благодаря которым общество повсюду стало более безопасным и безмятежным, пока само добро, возникшее из зла, не было извращено.

[Примечание: Рост Рима при царях.]

Под царским правлением Рим становится самым важным и могущественным из городов Лация, и закладывается фундамент социальных, религиозных и политических институтов, которым суждено добиться великолепного триумфа. Все римские короли — великие люди — мудрые и государственные деятели, покровители цивилизации среди грубого и примитивного народа. Ни одним государством на протяжении более чем двухсот лет не правили более просвещенные князья, действительно амбициозные, иногда беспринципные, но удачливые и преуспевающие. Выгоды, извлеченные из завоеваний и господства города Ромула, проявлялись в объединении нескольких мелких государств и слиянии их обычаев и манер. До основания города Италия не имела никакого отношения к старым империям. Менее чем за двести пятьдесят лет на берегах Тибра выросла великая итальянская держава, до некоторой степени проникнутая греческой цивилизацией, которую она получила через Этрурию и Тарквиниев.

[Примечание: Последствия изгнания Тарквиниев.]

Но рост Рима при царях был слишком быстрым для его морального здоровья. Серия бедствий, вызванных изгнанием Тарквиниев, во время которых римское государство сократилось до небольшой территории на левом берегу Тибра, развивает силу и воинскую доблесть. Риму требуется сто пятьдесят лет, чтобы восстановить то, что он потерял. Более того, его великое процветание вызвало зависть, и все маленькие соседние народы объединились против него. Они должны быть покорены, иначе Италия останется разделенной, без центральной власти.

Героический период римской истории действительно начинается с изгнания царей, а также с роста власти аристократии. Превосходства Рим достигает не при королях, не при демократических влияниях и институтах, а при аристократии. Все самое славное в римских летописях происходило под властью патрициев.

[Примечание: Рим борется за существование в течение 150 лет.]

[Примечание: Прекрасные легенды героического периода.]

[Примечание: Они указывают на существование великих добродетелей.]

[Примечание: мелкие войны с соседними государствами развивают патриотизм.]

В течение ста пятидесяти лет, когда будущая владычица мира боролась за свое существование с городами и жителями Лация, Самния и Этрурии, объединенные территории которых едва простирались на пятьдесят миль от Рима, развивались добродетели воинственной аристократии. Наши умы воспаляются при мысли об их мужестве, стойкости, терпении, надежде, настойчивости, энергии, самоотверженности, патриотизме и религиозной вере. Они заслужили успех. Долгая и ожесточенная борьба, длившаяся сто пятьдесят лет, носила скорее характер самосохранения, чем военных амбиций. История тех мелких войн интересна, потому что она романтична. Прекрасные легенды о древнем патриотизме и героизме были воспроизведены во всех исторических произведениях от Ливия до наших дней, подобно легендам о рыцарях короля Артура и паладинах Карла Великого в популярной литературе Европы. Поэты сделали их темами своего вдохновения. Художники выбрали их в качестве любимых предметов искусства. Мы любим размышлять о горьком изгнании Кориолана, его изменнической мести и благородном патриотизме его плачущей и негодующей матери, спасшей свою страну, но потерявшей сына; о Цинциннате, снятом с плуга и отправленном в качестве генерала и диктатора против эквийцев; о роде Фабиев, целый год защищавших Рим от нападений вейентийцев, пока все они не были вырезаны, как спартанский отряд при Фермопилах; о Сиккии Дентате, опытном капитане, участвовавшем в ста двадцати битвах, который был убит всего одним выстрелом, сбросивший камень с высокой скалы ему наголову; о Коссосе, убившем короля Вейев собственной рукой; об осаде самих Вейев, города размером с Рим, длившейся десять лет и взятой только после осушения Альбанского озера; о гордости и алчности изгнанного Камилла и его последующем спасении Рима от галлов; о священных гусях капитолия и Манлии, который убил нападавших; об осаде капитолия в течение семи месяцев этими кельтскими захватчиками и о том, что он был убит. сожжение и разграбление города и его освобождение великим Камиллом. Эти легенды не являются подлинной историей, но они демонстрируют самоотверженность и храбрость, простоту и добродетель тех первобытных эпох, когда роскошь была неизвестна, а преступления сурово карались. Именно в те дни опасностей и лишений был заложен фундамент будущей военной мощи империи. Мы читаем не о военной

науке, не о войне как искусстве или ремесле, и даже не о великих военных амбициях, поскольку сфера военных действий была узкой и малоизвестной, а о подготовке к победам под руководством гениальных людей в грядущее время. Эта часть римской истории имеет такое же отношение к эпохе Мария и Суллы, как победы пуритан над индейцами и трудности, с которыми они боролись, имеют к гигантской войне Севера и Юга во время позднего восстания. Пуритане заложили фундамент военных доблестей американцев в их колониальном государстве, как это делали римские патриции в течение ста пятидесяти лет после изгнания королей. Эти мелкие войны с вольсками и эквийцами выявили римский характер и являются зародышем последующего величия. Они происходили в период зарождения республики, при правлении патрициев, которые тогда не были великими дворянами, но храбрыми и бедными гражданами, воодушевленными патриотическим рвением и отличавшимися, подобно пуританам, суровыми и возвышенными добродетелями и религиозной верой — суеверной и непросвещенной, но возвышенной и величественной, — качествами, на которых основана сила человека. Нет ничего ребяческого в том, чтобы с восторгом размышлять о легендах той героической эпохи, ибо философ видит в этих маленьких сражениях зародыши имперской власти. Они были маленькими и незначительными, как битвы Американской революции, если сравнивать их с маршированием огромных армий на равнинах Фарсалии или Ватерлоо, но они были велики по присущему им героизму и по своим будущим результатам. Кто скажет, что больше для ока Бесконечности — битва при Лейпциге или битва на Банкер-Хилл? Именно причина, задействованные принципы, дух соперничества придают достоинство и значимость полю битвы. Поэтому все народы и эпохи испытывали большой интерес к ранней борьбе Рима. Они полны поэзии и философской значимости. Сами римские историки останавливались на них с особым энтузиазмом, и записи о них сохранились в школьных учебниках всех поколений и не были признаны недостойными критического гения Нибура, Арнольда или Моммзена.

[Примечание: Полная независимость Рима.]

[Примечание: Галльское вторжение.]

Результатом этой затяжной войны с мелкими городами и государствами, продолжавшейся сто пятьдесят лет, стала полная независимость Города Семи холмов, возвращение завоеваний, утраченных в результате изгнания Тарквиния, завоевание Лация, роспуск Латинской лиги, овладение Понтийским округом и распространение римской власти на долины Апеннин. Война с галлами не была систематическим сражением. Это был набег кельтов через Апеннины и временное унижение римской столицы. Галлы сожгли и разграбили город, но вскоре отступили, и Рим больше никогда не подвергался вторжению чужеземных врагов, пока не появились орды Алариха. Катастрофа вскоре была устранена, и этот урок еще больше сплотил римлян.

С отступлением галлов в 350 году до н.э. и возвращением Лация в 341 году до н.э. и через четыреста шестнадцать лет после основания города начинается агрессивный период римской войны. К этому времени плебеи дали о себе знать и получили одно из двух консульств; но долгое время спустя патриции, хотя и были лишены безраздельного суверенитета, все еще монополизировали большинство высших государственных должностей — фактически они были управляющей властью в социальном и политическом плане. Рим никогда не был демократическим государством; никогда у власти не было плебеев. Но теперь влияние плебеев начинает изменять старую конституцию. Все классы после непрекращающейся войны в

течение полутора столетий и бесчисленных междоусобиц объединились в завоевательных предприятиях. На сцене политической истории начинает появляться Рим.

[Примечание: Война с самнитами.]

[Примечание: Решающая битва при Сентинуме.]

Агрессивный характер римских войн начался с Самния. Самниты были воинственным и скотоводческим народом, населявшим суровую горную местность между долинами Вултурнуса и Калора, но, тем не менее, они были варварами, и борьба между ними и римлянами велась за суверенитет Италии. Мне нет необходимости упоминать предполагаемые причины или детали кровопролитной войны. Предполагаемые причины не были истинными, и детали сложны и неясны. Мы имеем дело с результатами. Война началась в 326 году до нашей эры и продолжалась, с короткими периодами мира, тридцать шесть лет. Римскими героями были М. Валерий Корвус, Л. Папирий Курсор, К. Фабий Максим и П. Деций младший. Все они были великими полководцами, консулами или диктаторами. Как и во всех великих сражениях, длившихся целое поколение, здесь чередовались победы и поражения, опозоренные предательством и недобросовестностью. Римлянам сражались при помощи латинян, кампанцев и апулийцев. Самниты защищались в своих горных крепостях с непреклонным упорством и не получали никакой помощи от союзников, пока почти не были измотаны, когда на помощь пришли умбрийцы, этрурийцы и сенонские галлы. С каждой стороны сражалось около шестидесяти тысяч человек. Битва при Сентине определила судьбу Самния и Италии, завоеванных Фабием и Децием, и самниты сложили оружие и сдались своим соперникам. Их храбрый полководец Понтий был обезглавлен в тюрьме под Капитолием — акт бесчеловечности, запятнавший лавры Фабия. Римская власть теперь установлена над центральной и нижней Италией, и, за исключением нескольких греческих городов на побережье, к территориям республики присоединены Лаций, Кампания, Апулия и Самний.

[Примечание: Труды Аппия Клавдия.]

Тем временем политическое неравенство между патрициями и плебеями было устранено, и выросла плебейская знать, созданная успехами в войне и внутренними распрями. Великим человеком в гражданской истории во время этой войны был цензор Аппий Клавдий, гордый и непреклонный патриций. Его великими работами были "Аппиева дорога" и "акведук". Дорога вела в Капуя через понтийские болота протяженностью сто двадцать миль и была вымощена базальтовыми блоками; акведук проходил под землей и был первым из тех огромных сооружений, которые снабжали город водой.

Между завоеванием самнитов и высадкой Пирра в Италии в 280 году до н.э. прошло около десяти лет, в течение которых римляне вступили в контакт с Великой Грецией и Сиракузами.

[Примечание: Тарент призывает на помощь Пирра.]

Главным из греко-италийских городов был Тарент, очень древняя лакедемонянская колония. Он был превосходно расположен для торговли на берегу залива, носящего его название, был очень богат и изобиловал бесстрашными моряками. Но, как и большинство торговых городов, он доверил свою защиту наемникам. Оно с тревогой смотрело на растущую мощь Рима и, не имея возможности встретиться с ним лицом к лицу, призвало на помощь Пирра, царя Эпира,

величайшего полководца того времени, за которым последовало всеобщее восстание италийских государств, чтобы сбросить римское иго.

[Примечание: Экспедиция Пирра в Италию.]

[Примечание: Он потерпел поражение в битве при Беневенте.]

Пирр был солдатом удачи, практиковал войну как искусство и наслаждался ею, как Александр или Карл XII. Он с готовностью откликнулся на предложение тарентинского посла и послал генерала с тремя тысячами человек, чтобы закрепиться, и вскоре последовал за ним с двадцатью тысячами пеших, пятью тысячами всадников и несколькими слонами. Среди его войск было пять тысяч македонских солдат - фаланга, с которой римляне никогда не сталкивались. Македонцы сражались массами, римляне - шеренгами. Первое столкновение оказалось катастрофическим для римлян, чья кавалерия была напугана слонами. Но Пирр, довольный победой, не стал использовать свои преимущества и легким маршем двинулся к Риму с семьюдесятью тысячами человек. Битва при Гераклее, однако, сильно ослабила его силы; его союзники оказались вероломными; и он был рад предложить условия мира, которые были немедленно отклонены сенатом. Проведя почти три года в Италии, он удалился в Сиракузы, но снова попытал счастья против римлян и был наголову разбит в битве при Беневенте Курием Дентатом. Он поспешно бросил Италию на произвол судьбы, и вскоре последовало падение Тарента, которое сделало римлян хозяевами всего полуострова. Македонская фаланга, покорившая Азию, уступила римскому легиону, и был усвоен новый урок в военном искусстве.

[Примечание: Результаты падения Тарента.]

[Примечание: римляне стали полными хозяевами Италии.]

К падению Тарента римляне стали теперь бесспорными хозяевами Италии и сделали первый великий шаг к завоеванию мира. Городу Ромулу было теперь четыреста восемьдесят лет, и национальные владения простирались от Киминийского леса в Этрурии до середины Кампании. Оно называлось Римским веком, в котором проживало двести девяносто три тысячи человек, способных носить оружие; и граждане различных завоеванных городов, занимавшие в них определенные должности, были зачислены в число римских граждан со всеми правами, на которые имели право граждане столицы, — абсолютной властью над женами, детьми и рабами, гарантией от смертной казни, кроме как по решению народа или под властью военной власти в лагере, доступом ко всем государственным почестям и должностям, избирательным правом и владением квиринальским имуществом. Они чувствовали себя союзниками Рима и с тех пор оказывали эффективную помощь в войне. Практически они были римлянами в той же степени, в какой жители Марсея являются французами. Тарент, Неаполь, Тибур, Пренесте и другие крупные города пользовались особыми привилегиями; но в них содержались вооруженные гарнизоны в виде колоний. Управление ими было организовано по образцу Рима. Между всеми важными местами были проложены военные дороги.

[Примечание: Добродетели выдающихся патрициев.]

Те же безупречные добродетели, которые характеризовали абсолютное правление патрициев, все еще сохранялись, и патриотизм принимал характер религиозного чувства. Три Деция отдали свои жизни за римскую армию, а Манлий принес своего сына в жертву гению дисциплины; Рунн

исключен из сената за обладание десятью фунтами серебряной посуды, хотя дважды был консулом и один раз диктатором; Регул, дважды консул, владел не более чем одним небольшим полем в бесплодном районе Папинис. Курий, как и Фабриций, собственноручно готовил свою простую трапезу и отказался от золота самнитов, как Фабриций отказался от золота Пирра. Новые хозяева Италии заслужили свою империю. Союз существовал, потому что теперь было политическое равенство. "Новых людей", таких как Фабриций и Курий Дентат, в Сенате было не меньше, чем старых куриальных семей. Аристократия крови смешивалась с аристократией достоинств. Консульство обеспечивало единоначалие, мудрость Сената и надлежащую мощь, сохраняя счастливое равновесие сил, — сочетание королевской власти, аристократии и демократии, которые вместе с военными доблестями и строгими манерами составляли непреодолимую силу". [Примечание: Дурни, *История. Римляне*] Этот период, пятое столетие существования римского государства, был его героическим веком.

[Примечание: Рим готовится к агрессивной и несправедливой войне.]

Но теперь военное возвеличивание стало главной страстью народа и единой политикой правительства. Военные доблести все еще сохранялись, но мораль государства начала приходить в упадок. Захватнические войны, ради завоевания и власти, отныне отмечают прогресс римлян; и не просто захватнические войны, а несправедливые и иностранные войны. Походка римлянина теперь горда и вызывающа. Видения безграничных завоеваний встают перед его глазами. Он холоден, практичен, властен. Орлы легионов - настоящие объекты гордости и почитания. Марс - правящее божество. Успех - это единственный путь к почету.

[Примечание: Соперничество между Карфагеном и Римом.]

В то время как Рим завершал завоевание Италии, Карфаген, тирская колония на противоположном побережье Африки, расширял свои завоевания на островах Средиземного моря. Греческие колонии на Сицилии оказались под ее властью. Она была соперницей, могущество которой было огромным, она обогатилась за счет мировой торговли и гордилась числом своих союзников. В городе проживало семьсот тысяч человек, а стены имели двадцать миль в окружности.

[Примечание: Будут ли Рим или Карфаген иметь превосходство?]

[Примечание: Карфаген пал после долгой и запоминающейся борьбы.]

[Примечание: Территории, приобретенные в результате падения Карфагена.]

Между такими амбициозными и беспринципными соперниками мир не мог сохраняться долго. Взору философа было ясно господство Карфагена или Рима над странами, граничащими со Средиземным морем. Какие из них были лучше? Будет ли миром править воинственное, законотворческое, законопослушное, героическое содружество, еще не соблазненное и развращенное роскошью и богатством, или коммерческая, роскошествующая, эгоистичная нация торговцев, единственное желание которой - потакание своим желаниям и безрассудство. Провидение на стороне Рима, хотя Рим не заслуживает похвалы, и им правят амбициозные и беспринципные вожди, для которых власть — это наслаждение. Если до провозглашения христианства должна быть еще одна великая империя, которая поглотит все другие империи, ныне вырождающиеся и коррумпированные, пусть это будет передано народу, который знает, как цивилизоваться после того, как они победят. Пусть миром правит меч, а не золото -

просвещенные государственные деятели, а не потакающие своим прихотям торговцы. Итак, Карфаген пал после трех памятных сражений, длившихся более столетия, в ходе которых он произвел на свет величайшего полководца древности, следующего за Цезарем и Александром. Но даже Ганнибал не смог восстановить благосостояние своей страны после того, как нанес горькое унижение своим врагам. Этот город торговцев, подобный Тиру и Сидону, должен испытать чашу божественного наказания. Европе требовался иной тип цивилизации, чем тот, который обеспечивала "владычица морей", а Азии и Африке - другое правление. В ходе своего состязания карфагеняне научили римлян строить боевые корабли и вести морские сражения. До трехсот тысяч человек участвовало в том памятном морском сражении при Экноме, которое открыло Регулу путь в Африку. Трижды римляне теряли свои флоты из-за штормов, и все же они упорно строили новые. Стойкостью римлян, принимая во внимание блестящие успехи Ганнибала, никогда нельзя в достаточной степени восхищаться. Поражение при Каннах стало катастрофой, но войска Фабия, на которых была возложена защита города, не были обескуражены, и с приходом Сципиона — религиозного, уверенного в себе и возвышенного - волна победы переломилась. В результате первой Пунической войны, длившейся двадцать два года, Рим завоевал Сицилию; во время второй, которая началась через двадцать три года после первой и продолжалась семнадцать лет, он завоевал Сардинию, плацдарм в Испании и Галлии, а также преобладание во всех западных регионах Европы и Африки; в результате третьей, которая произошла через пятьдесят лет после второй и продолжалась всего четыре года, он завоевал все провинции Африки, управляемые Карфагеном, и большую часть Испании. От африканской столицы ничего не осталось. Уходящие войска оставили после себя полное запустение. Пленники были проданы в рабство или преданы смерти, а трофеев в награду победителям было достаточно, чтобы украсить триумф, превзойденный только триумфом Павла по возвращении с завоевания Греции.

[Примечание: Состояние Македонской империи.]

[Примечание: Принципы и страсти, которые привели к завоеванию Греции.]

Тем временем, в промежутке между второй и третьей Пуническими войнами, произошли Македонские войны, которые подготовили почву для завоеваний на Востоке. Великая Македонская империя была разделена на несколько монархий при полководцах Александра и их преемниках. Птолемеи правили в Египте; преемники Селевка - в Вавилонии; преемники Антигона - в Сирии и Малой Азии; преемники Лисимаха - во Фракии; и Кассандра - в Македонии. Подчинить эти монархии было миссией Рима, или, скорее, ее удачей, поскольку ей было суждено завоевать весь мир. Принципы, которые вдохновляли эти войны, нельзя защищать на высоких моральных основаниях, так же как завоевание Индии Англией или Алжира Францией. Они были основаны исключительно на честолюбии - на страсти к политическому возвеличиванию. Признаюсь, я не испытываю к ним симпатии. Римские свободы не были поставлены под угрозу, и эти монархии не были такими опасными соперниками, как Карфаген. Порабощение Италии соответствовало тому, что мы сейчас называем доктриной Монро — добиться господства на ее собственной земле; и даже завоевание Сицилии было не хуже, чем завоевание Ирландии или то, чем могло стать будущее поглощение Кубы и Ямайки в пределах Соединенных Штатов. Император Наполеон, вероятно, оправдал бы как унижение Карфагена, так и завоевание Греции, Азии и Египта, а другие повторили бы его голос в защиту агрессивного господства, сославшись на какие-то мнимые планы колонизации и прогресс цивилизации. Но я не верю в отмену непреложных законов морального долга ради какой-либо сомнительной

политики целесообразности. Я смотрю на великие гражданские войны римлян, последовавшие за этими завоеваниями, в которых было пролито так много крови и в которых Марий, Сулла, Цезарь и Помпей истощили ресурсы государства и сделали императорский режим необходимым, только как на Божье посещение в обличение таких порочных амбиций.

[Примечание: Греция пожинает плоды беспринципных войн Александра.]

[Примечание: Вырождение греков.]

[Примечание: Трофеи Греции попадают в руки римлян.]

[Примечание: Триумф Павла.]

[Примечание: греческие провинции присоединены к империи.]

Однако завоевание македонян римлянами не было простым бедствием, а стало справедливым судом над греками. Ничто не могло быть более беспринципным, чем карьера Александра и его генералов. Опять же, принцип, который вдохновлял восточных царей до него, был неоправданным. Мы могли бы вернуться еще дальше и показать на примере всей истории азиатских завоеваний, что их целью было возвеличивание честолюбивых завоевателей. Поначалу персы были храбрым и религиозным народом, выносливым и суровым, и их завоевание старых монархий привело к определенному благу. Но процветание и власть развратили их, и они стали добычей греков. Греки в тот период были благороднейшей расой древнего мира — бессмертной благодаря гению и искусству. Но сила ослепила их, и мало что осталось от того великолепного духа, который был замечен при Фермопилах и Марафоне. За греческим господством в Азии и Египте последовали та же роскошь, экстравагантность и изнеженность, которые стали результатом правления Персии. Греки совершили великие дела и внесли свой вклад в развитие цивилизации, но они выполнили свою работу, и должна наступить их очередь унижения. Их огромная империя попала в руки римлян, и эти перемены пошли на пользу человечеству. Те, кто злоупотребил их доверием, были наказаны, а над ними возвысились те, кто еще не был испорчен теми пороками, которые наиболее губительны для народов. Великим плодом этих войн стали сокровища Греции, особенно драгоценный мрамор и другие произведения искусства. За победой при Пидне в 168 году до н.э., которая дала окончательное превосходство римскому легиону над македонской фалангой, последовал триумф самого Павла — самое грандиозное зрелище, когда-либо виденное в Риме. Сначала проехали греческие трофеи — статуи и картины — в двухстах пятидесяти повозках; затем оружие и амуниция македонских солдат; затем три тысячи человек, каждый из которых нес вазу с серебряными монетами; затем жертвы для жертвоприношения, юноши и девушки с гирляндами; затем люди, несущие вазы из золота и драгоценных камней; затем царская колесница побежденного царя, нагруженная доспехами и трофеями; затем его жена и дети, а также пеший павший монарх; затем триумфальная колесница победоносного полководца, перед которой люди несли четыреста золотых крон — дар греческих городов — и за ним следуют двое его сыновей на конях, и вся армия в полном порядке. Разграбление Коринфа Муммием стало финалом греческого унижения, за которым вскоре последовало полное подчинение Македонии, Греции и Иллирии, образовавших три провинции. Девять провинций

теперь составляли территорию Рима, в то время как цари Малой Азии, Сирии и Египта были скорее вассалами, чем союзниками, 133 год до н.э.

[Примечание: Изменение манер и морали в Риме.]

[Примечание: Реформы Катона Цензора.]

[Примечание: Великое вырождение, вызванное греческими войнами.]

Манеры и повадки столицы империи претерпели постепенные изменения после окончания второй Пунической войны. За эти пятьдесят лет разграбление стольких греческих городов, падение Карфагена и престиж стольких побед наполнили Рим гордостью и роскошью. Напрасно М. Порций Катон, самый замечательный человек, украшавший этот вырождающийся век, поднимал свой голос против растущей коррупции. Напрасны были его строгие меры в качестве цензора. Напрасно он вычеркивал сенаторов из списка и обрушивался с критикой на злоупотребления своего времени. Напрасны были его красноречие, простые манеры, деревенская одежда и патриотические предостережения. Этот жесткий, ограниченный, самодостаточный, деспотичный, умудренный опытом старый государственный деятель, чьи многочисленные добродетели искупали его недостатки и чьи великолепные способности составляли славу его соотечественников, не мог восстановить простоту прежних времен. Наступила эпоха "прогресса", греческого искусства и культуры, материального достатка, роскошных банкетов, великолепных дворцов, богатых храмов, театральных представлений, цирковых игр, женской галантности, женоподобных манер — всего обычного, что сопутствует цивилизации, когда она больше всего гордится своими триумфами; и никто не мог сопротивляться ее шагу — на взгляд многих, великому усовершенствованию; на взгляд честного старого Катона, *потомка авери*. Богатство стало великой силой; сенаторские семьи безмерно разбогатели; разделение общества усилилось; рабство чрезвычайно возросло, в то время как сельское население потеряло независимость и влияние.

Затем произошла достопамятная борьба Рима не только с внешними врагами, но и против самого себя. Фракции и партии сотрясали город; гражданская война растратила национальные ресурсы.

[Примечание: Войны с кимврами и тевтонами.]

[Примечание: Успех Мариуса, который обращает вспять волну эмиграции с севера.]

Именно в тот период гражданской борьбы, когда фракции и партии боролись за господство, когда Гракхи были одновременно реформаторами и демагогами, патриотами и дезорганизаторами, героями и мучениками, когда удачливые генералы стремились к верховной власти и стремились ниспровергнуть свободы своей страны, Риму серьезно угрожали варвары. И кельты, и германцы из Галлии и Германии сформировали всеобщий союз для вторжения в Италию. Они последовательно разгромили пять консульских армий, в которых погибло сто двадцать тысяч человек. Они надвигались подобно разрушительному шторму — около трехсот тысяч воинов из непокоренных стран за Альпами. Их встретил Марий, герой африканской войны, присоединивший Нумидию к империи — ныне старый, свирепый и жестокий, плебей, возникший благодаря военному гению, — и галльские орды были уничтожены на Роне и По.

Римляне сначала смотрели на этих полуобнаженных воинов — таких полных силы и мужества, таких уверенных в победе, таких безрассудных в жизни, таких порывистых и свирепых — с ужасом и благоговением. Но их время еще не пришло. Цифры были бесполезны против науки, когда сама наука направлялась гением и поддерживалась энтузиазмом. Результатом решающих битв при Акве Секстии и Верцеллах стало то, что волна иммиграции на север была остановлена на триста лет и подготовила путь для завоеваний Цезаря в Галлии.

[Примечание: Социальная война.]

[Примечание: Возвышение Суллы.]

Затем последовало великое восстание старых государств Италии против их властной госпожи - их последняя борьба за независимость, получившая название Социальной войны, в которой пало триста тысяч молодых людей Италии и в которой Сулла так отличился, что его считали соперником Мария, правившего Римом после резни кимбров и тевтонов. Сулла, служивший под началом Мария в Африке, распутный, как Антоний, но образованный, как Цезарь, человек, полный амбиций и гения, принадлежавший к одному из старейших и гордейших патрицианских родов, роду Корнелиев, был неплохим соперником старого тирана и демагога, и его послали против Митридата, самого могущественного из всех восточных царей.

Этот азиатский властитель поощрял повстанцев в Италии, а также находился в состоянии войны с римлянами. Марий с завистью и ненавистью относился к предпочтению, оказанному Сулле при ведении Митридатовой войны, и преуспел благодаря своим интригам и влиянию на народ в смещении Суллы и назначении себя на его место.

[Примечание: Гражданские войны между Марием и Суллой.]

Отсюда это ужасное гражданское противостояние между этими двумя полководцами, в ходе которого Рим попеременно оказывался во власти обоих и в ходе которого происходили самые ужасные бои, когда—либо случавшиеся с городом, - царство террора, взрыв дикой страсти, особенно со стороны Мария, который в последнее время предался вину и разгулу. Он умер в 86 году до н.э. победителем в состязании, в свое седьмое консульство, измученный трудом и распутными привычками, почти семидесятилетним.

[Примечание: Смерть Мария.]

Его своевременная смерть освободила Рим от тиранического правления и открыла путь для блестящих достижений Суллы на Востоке. Великий воин появился там, где его меньше всего ожидали. В горном регионе на северном берегу Эвксинского залива Понтийское царство превратилось из княжества в королевство, и Митридат, правивший Каппадокией, Папалагонией и Фригией, стремился к суверенитету на Востоке. Он был опытным и просвещенным принцем, мог говорить на двадцати пяти языках, выносливый, предприимчивый и смелый, как древний перс. Благодаря завоеваниям и союзам он стал самым могущественным правителем в Азии.

[Примечание: Митридат.]

Воспользовавшись беспорядками, вызванными Социальной войной, он разжег восстание в провинциях Малой Азии, захватил Вифинию и призвал Афины сбросить римское иго. Большинство греческих общин присоединились к афинскому восстанию, и Азия сплотилась вокруг человека, который надеялся успешно справиться с самим Римом.

[Примечание: Завоевания Суллы в Греции.]

На этом этапе Сулла был послан в Грецию с пятьюдесятью тысячами человек. Афины пали перед его победоносными легионами в 88 году до н.э., и наместники Митридата отступили перед римлянами со ста тысячами пеших, десятью тысячами всадников и сотней вооруженных колесниц. Двести пятьдесят лет назад на равнинах Херонеи, где греческие свободы были ниспровергнуты Филиппом Македонским, произошел отчаянный конфликт, в результате которого понтийская армия потерпела сокрушительное поражение. Вскоре после этого Сулла одержал еще одну крупную победу над полководцами понтийского царя и вынудил его принять мир, условия которого он продиктовал сам, после того как потребовал крупных контрибуций от городов Греции и Малой Азии.

[Примечание: Смерть Суллы.]

Гражданская война между Суллой и вождями народной фракции, созданной Марием, закончившаяся его полным господством в Италии, на некоторое время остановила римские завоевания на Востоке. Сулла, отменивший народные меры последних полувека и безраздельно властвовавший над всеми фракциями в качестве диктатора, умер в 78 году до н.э. после наиболее успешной карьеры и оставил свою мантию самому предприимчивому из своих помощников, Кнею Помпею, которому было суждено завершить Митридадову войну.

[Примечание: Характер Суллы.]

Если бы Сулла не был столь неумеренно склонен к удовольствиям и роскошному потаканию своим желаниям, он мог бы захватить скипетр всемирного владычества и сделать себя бесспорным хозяином империи. Он был необычайно гениальным человеком, увлекался литературой и великим дипломатом. Но он не был чрезмерно честолюбив, как Цезарь, и не увлекался изысканным досугом; не был он и жесток от природы, хотя его страсти, когда они пробуждались, становились свирепыми и мстительными. Он жил в эпоху чрезвычайной коррупции, когда созерцательным умам было очевидно, что римские свободы больше не могут сохраняться. На какое-то время он восстановил господство сенаторских семей, но среди беспринципных руководителей республики царили раздоры.

[Примечание: Лукулл выступает против Митридата.]

После смерти великого диктатора Митридат нарушил заключенный им мир и двинулся в Вифинию, которая по завещанию Никомеда была оставлена римскому народу в надежде отвоевать ее. У него была армия в сто двадцать тысяч пеших и пятнадцать тысяч всадников. Лукулл с тридцатью тысячами пеших и тысячей всадников выступил против него, и огромные силы Митридата были разбиты, а царь был изгнан в Армению и обратился за помощью к Тиграну, своему зятю, царю этой могущественной страны. Он тоже был покорен римскими легионами, и все народы от Галиса до Евфрата признали власть Рима.

[Примечание: Восходящее величие Помпея.]

Тем не менее, Митридат не был покорен, и Помпей, уничтоживший средиземноморских пиратов, был единственным человеком, способным завершить митридадову войну. Его успехи были более блестящими, чем даже у Суллы, Лукулла или Метелла. Он стал диктатором Востока с большими полномочиями, чем когда-либо прежде были доверены римскому полководцу. Он

имел успех, равный его славе; прогнал Митридата через Кавказ, подчинил Понт и овладел Сирией, которая была подвластна Тиграну. Победенный понтийский царь, стремившийся объединить все варварские племена Восточной Европы против Рима, покончил с собой. Помпей, после семи лет непрерывных успехов, вернулся в Италию, чтобы заявить о своем триумфе, покорив Восток и присоединив старую монархию Селевкидов к владычеству Рима, в 61 году до н.э.

[Примечание: Ранняя карьера Юлия Цезаря.]

[Примечание: Его победы в Испании.]

[Примечание: Цезарь послан в Галлию.]

Но пока Помпей одерживал победы над изнеженными народами Азии, еще более блестящая карьера на Западе ознаменовала рост благосостояния Юлия Цезаря. Мне нет нужды подробно останавливаться на ступенях, по которым он поднялся, чтобы стать грозным соперником завоевателя Востока. Он носит самое величественное имя древности. Патриций по происхождению, демагог по своим принципам, популярный по своим манерам, беспринципный в средствах, он последовательно занимал различные высокие государственные должности, которые исполнял с поразительным талантом. Как лидер старой популярной партии Мария, он стремился унижить сенат, в то время как его честолюбие побуждало его поддерживать любое предприятие, которое сулило продвижение его собственных интересов. Покинув провинцию Испания после своего преторства, перед возвращением Помпея в Италию, он начал свою великую завоевательную карьеру. Сначала он воспользовался некоторыми беспорядками в Лузитании, чтобы объявить войну ее доблестному народу, захватил их страну, а затем обратил свое оружие против галликанцев. За два года он добыл добычи, более чем достаточной, чтобы расплатиться со своими огромными долгами, - результат его расточительности, которой, однако, он завоевал сердца легкомысленных горожан и проложил путь к почестям. Завоеватель Испании и кумир народа, он вернулся в Рим в 60 году до н.э., когда Помпей ссорился с сенатом, заключил союз с ним и Крассом и с их помощью был избран консулом. Все его действия на этом высоком посту были направлены на обеспечение его популярности в народе, и при поддержке Помпея и Красса он одержал победу над Сенатом. Затем он обеспечил правительство Цизальпинской Галлии и Иллирии двумя легионами на чрезвычайный пятилетний срок. Сенат добавил провинцию Трансальпийская Галлия, которой в то время угрожали аллоброги, свевы, гельветы и другие варварские племена, с намерением ограничить его опасным и неопределенным полем боя.

[Примечание: Его великий военный гений.]

[Примечание: Его трудности при завоевании Галлии.]

[Примечание: Результаты галльских войн.]

[Примечание: Галлия латинизируется.]

Однако это поприще принесло ему военную славу и проложило путь к его последующей узурпации власти. Завоевания Цезаря в Западной Европе уникальны в истории войн и не имеют аналогов. Другие завоевания, возможно, были столь же блестящими и более впечатляющими, но ни одно из них не было более трудным, требующим большей настойчивости, энергии,

оперативности и изобилия ресурсов. Блестящие успехи Лукулла и Помпея в Азии напоминали успехи Александра. Мы видим, как военная дисциплина и храбрость торжествуют над силой толпы, и несколько тысяч человек разгромили огромные армии ослабленных или недисциплинированных наемников. Таковы были завоевания англичан в Индии. Они производят большое впечатление, но судьба империи решается одной битвой. С конфликтами Цезаря в Галлии было иначе. Ему приходилось сражаться с чередующимися волнами варваров, привыкших к опасности, предприимчивых и выносливых, мало ценивших жизнь, готовых умереть в бою, бесстрашных душой и стремящихся к окончательной победе. Ему приходилось сражаться на враждебных территориях, незнакомому с лицом страны, на большом расстоянии от базы своих припасов, подвергаясь постоянным опасностям и сталкиваясь с неизвестными трудностями. И это было оценено его воинственными соотечественниками, которые воздали ему должное, которого он заслуживал. Десять лет, которые он провел в Галлии, были годами его истинной славы и самыми важными по своим последствиям для будущей цивилизации мира, поскольку он добавил к империи не изношенные монархии, а новую территорию, населенную храбрыми и простыми народами, которым предстояло изучать искусства, законы и литературу Рима и оказывать правительству мощную помощь в период упадка его могущества. Именно покоренные варвары отныне должны были снабжать Рим солдатами и даже учеными, государственными деятелями и генералами. Среди них должна была пустить корни старая цивилизация, среди них должны были возникнуть новые государства, на которых римляне могли запечатлеть свои собственные замечательные черты. Только западные провинции империи были полны жизненной энергии и силы, и им было суждено увековечить дух римских институтов. Восточные провинции никогда не теряли впечатления от греческого ума и манер. Они оставались греками, даже когда были покорены императорскими легионами. Сирия, Малая Азия, Египет были заполнены греческими городами, а азиатские обычаи были изменены греческой цивилизацией. Запад был чисто римским, и латинский язык, законы и искусства сохранялись в измененной форме на протяжении всего периода Средневековья. Даже христианство имело иное влияние на Западе, чем то, которое оно имело на Востоке. Другими словами, Запад был полностью латинизирован, в то время как Восток оставался греческим. Хотя Востоком управляли римские проконсулы, они не могли изменить греко-азиатский характер его институтов и нравов; но варвары были готовы усвоить новые уроки от своих римских хозяев.

[Примечание: Величие Цезаря.]

Потребовался бы целый том, чтобы описать различные кампании Цезаря в Галлии, в ходе которых был уничтожен миллион человек. Но я лишь стремлюсь показать результаты. Большинство людей знакомы с изумительным полководчеством и предприятиями римского завоевателя — завоеванием и отвоеванием храбрых варваров, большинство из которых были кельтами; восстанием германских племен, а также с их ужасной резней близ Кобленца; кровавыми битвами, ужасающей резней, беспринципной жестокостью, которыми он руководил; грозным восстанием, организованным Верцингеториксом; духом, который он вселил в свою армию; непрекращающимися лишениями, которые испытывают солдаты, пересекая реки, горы и долины, маршируя со своей тяжелой ношей. сражался при любом невыгодном положении, пока все страны к северу от Альп и к западу от Рейна не признали его господство — все это рассказано самим Цезарем с несравненной силой и простотой языка.

[Примечание: Соперничество между Цезарем и Помпеем.]

Теперь Цезарь, вероятно, стремился к суверенитету империи, как это сделал Наполеон после завоевания Италии. Но у него был великий соперник в лице Помпея, который оставался в основном в Риме во время своих галльских кампаний, фактически диктатор, безусловно, сильнейший гражданин. И у Помпея были также свои амбициозные планы. Один был завоевателем Востока, другой - Запада. Один склонялся к аристократической партии, другой - к народной. Помпей был горд, напыщен и самодостаточен. Цезарь был политиком, терпеливым и интригующим. У обоих были непомерные амбиции, и оба были беспринципны. У Помпея было больше престижа, у Цезаря - больше гения. Помпей был великим тактиком, Цезарь - великим стратегом. Сенат сплотился вокруг первого, народ - вокруг второго. Цицерон не доверял обоим и льстил каждому по очереди, но склонялся на сторону Помпея, как принадлежащего к аристократической партии.

[Примечание: Битва при Фарсалии.]

[Примечание: Смерть Помпея.]

Между такими амбициозными соперниками коалиция сколь угодно долго продолжаться не могла. Между ними возникли разногласия, а затем и война. Исход состязания был решен в Фарсалии. 6 июня 48 года до н.э. "Греки встретились с греками", однако силы ни с той, ни с другой стороны были отнюдь не велики. У Помпея было всего сорок тысяч, а у Цезаря меньше, но они были ветеранами, и победа была полной. Помпей бежал в Египет, не проявив своего былого величия, парализованный, сломленный и без надежды. Там он трагически погиб от кинжала убийцы в возрасте шестидесяти лет, и теперь был подготовлен путь к абсолютному правлению Цезаря.

[Примечание: Диктатура Цезаря.]

Но партия Помпея сплотилась, с которой были связаны некоторые из самых знатных имен Рима. Битва при Тапсе оказалась для Катона такой же катастрофической, как Фарсалия для Помпея. Цезарь неизменно одерживал победы не только над партией, поддерживавшей Помпея, но и в Азии, Африке и Испании, которые были охвачены восстанием. Его присутствие требовалось везде, и где бы он ни появлялся, его присутствия было достаточно. Теперь он был диктатором в течение десяти лет. Он отменил конституцию своей страны. Он был фактически верховным правителем мира. В короткий период, прошедший от его последних триумфов до его смерти, он был занят законодательными трудами, заселением военных колоний, восстановлением истощенного населения Италии, благоустройством города, реформой календаря и другими внутренними усовершенствованиями, демонстрирующими широкий и либеральный ум.

[Примечание: Смерть Цезаря. Его персонаж.]

Но знать ненавидела его, и у нее были на то причины, несмотря на его способности, приветливость, великодушие и снисходительность. Он узурпировал неограниченную власть и был слишком силен, чтобы его можно было сместить иначе, как путем убийства. Мне нет нужды подробно останавливаться на заговоре под предводительством Брута и его трагическом конце в здании сената, где он пал, пронзенный двадцатью двумя ранами, у подножия статуи Помпея, величайшего человека в истории Рима - великого оратора, писателя, полководца и государственного деятеля; человека без тщеславия, преданного бизнесу, необразованного удовольствиями, беспринципного в средствах достижения цели; расточительного, но не более, чем в свое время; жаждущего власти, но стремящегося править, когда власть однажды была

обеспечена, на благо других. его страна, как и многие другие деспоты, бессмертны в кровавом списке. После перехода Рубикона его карьеру можно сравнить только с карьерой Наполеона.

[Примечание: Персонаж его более поздних войн.]

Но римские территории не были сильно расширены Цезарем после завоевания кельтской Европы. Его более поздние войны были либо против соперников, либо за заселение разрозненных провинций. Не усилились они и в гражданских войнах, последовавших за его смертью, между различными претендентами на императорскую власть и теми, кто еще раз выступил в защиту старой конституции. В роковой битве при Филиппах, когда надежды римских патриотов исчезли навсегда, с обеих сторон участвовало вдвое больше солдат, чем при Фарсалии, но удача отвернулась от сенаторской партии, мстителем и жертвой которой был Брут.

[Примечание: Гражданские войны после смерти Цезаря.]

[Примечание: Восхождение Октавиана.]

Гражданская война наиболее энергично разгорелась после смерти Юлия. Но теперь это был явно спор между соперничающими генералами и государственными деятелями за верховное командование. Главное соперничество развернулось между Октавианом и Антонием, первый был молод, хитер, владел собой и обладал выдающимися способностями государственного деятеля; второй был смелым, порывистым, роскошным и самым способным из всех помощников Цезаря полководцем. Если бы он не поддавался очарованию Клеопатры, он, вероятно, был бы властелином мира. Но морское сражение при Акциуме, одно из величайших решающих сражений в истории, дало мировую империю Октавиану в 31 году до н.э., а два года спустя победитель по примеру своего дяди отпраздновал три великолепных триумфа в Далмации, Акциуме и Египте. Царство Птолемеев перешло под власть Цезаря. Храм Януса был закрыт впервые за более чем двести лет, и императорская власть мирно установилась над цивилизованным миром.

[Примечание: Необходимость для империи.]

Друзья свободы могут справедливо оплакивать падение республиканского Рима и централизацию всей власти в руках Августа. Но это было бедствие, которое невозможно было предотвратить, и это была революция, которая соответствовала потребностям времени. Пятидесятилетняя гражданская война научила римлян безнадежности борьбы за сохранение своих старых институтов до тех пор, пока народ коррумпирован, а удачливые полководцы готовы приносить общественное благосостояние в жертву своим амбициям. Порядок был лучше анархии, даже если безраздельно правил деспот. Когда люди хуже правительств, они должны подчиняться деспотизму тиранов. Бесполезно мечтать о свободе, имея под собой почву глупости и порока. Править будет сильнейший, но мудро он правит или неразумно, выхода нет. Провидение отдало мир римлянам после непрерывных и затяжных войн в течение семисот лет; и когда люди, завоевавшие мир своей энергией, благоразумием и настойчивостью, больше не были способны управлять самостоятельно, тогда государство перешло во владение одного человека.

[Примечание: Изменение имперской политики.]

При императорах изменилась вся политика правительства. Они больше не думали о дальнейшем расширении, а о сохранении уже достигнутых завоеваний. И если они время от времени вступали в новые войны, то эти войны были вызваны необходимостью, а не амбициями, были оборонительными, а не агрессивными. Время от времени добавлялись новые провинции, но в результате войн, которые велись в защиту империи. Завоевание Британии и Иудеи было завершено, и произошли различные конфликты с германскими народами, которые в правление Антонина сформировали всеобщий союз для вторжения в римский мир. Эти варвары были будущими агрессорами на мир в империи, пока она не попала к ним в руки. Можно сказать, что империя Августа достигла предельных пределов, которые она когда-либо сохраняла надолго, простираясь от Рейна и Дуная до Евфрата и горы Атлас, охватывая население, по разным оценкам, от ста до ста тридцати миллионов.

[Примечание: Совершенство военного искусства.]

Когда Август стал полновластным правителем этой огромной империи, военное искусство достигло наивысшего совершенства, которого оно когда-либо достигало у любого из народов древности. Потребовались столетия, чтобы усовершенствовать эту науку, если это можно назвать наукой, и римляне, несомненно, позаимствовали ее у покоренных ими народов. Они научились противостоять стремительным атакам полуварварских воинов, восточных слонов и фаланги греков. Военная дисциплина была доведена Марием, Помпеем и Цезарем до строжайшей степени.

[Примечание: Дух римского солдата.]

Римский солдат был обучен проходить двадцать миль в день с ношей в восемьдесят фунтов; да, переплывать реки, взбираться на горы, проникать в леса и сталкиваться со всевозможными опасностями. Его учили, что его судьба - умереть в бою. Он ожидал смерти. Он был готов умереть. Смерть была его долгом и его славой. Он завербовался в армию без особой надежды вернуться домой. Он пересекал моря, пустыни и леса с мыслью провести свою жизнь на службе своей стране. Его жалование составляло всего один динарий в день, что равнялось примерно шестнадцати центам из наших денег. Женитьба не поощрялась или была запрещена. Он принадлежал государству, а государство было требовательным и жестким. Он был низведен до беспрекословного повиновения, но все же держал в своих руках судьбы империи. И каким бы незначительным ни был легионер как человек, он приобрел значимость благодаря большому организму, с которым его отождествляли. Он был слугой и хозяином государства. У него был *сильный корпоративный дух*. Он был окружен славой своего легиона. И религия, и честь приковывали его к своим стандартам. Золотой орел, который сверкал у него на груди, был предметом его самой горячей преданности. Невозможно было избежать наказания за трусость, или предательство, или неповиновение. Его центурион мог наказать его ударами; его генерал мог обречь его на смерть. Суровость военной дисциплины никогда не ослабевала. Военные учения были непрерывными, как зимой, так и летом. В разгар мирного времени римские войска были ознакомлены с военной практикой.

[Примечание: Военный гений римлян.]

[Примечание: Совершенство военного искусства.]

Именно дух, воодушевлявший римские легионы, и дисциплина, к которой они были приучены, придавали им непреодолимую силу. Когда мы вспоминаем, что у них не было нашего

огнестрельного оружия, мы удивляемся его эффективности, особенно при взятии сильно укрепленных городов. Иерусалим был защищен тройной стеной, самыми сложными укреплениями и двадцатью четырьмя тысячами солдат, не считая помощи, полученной от горожан; и все же он пал немногим более чем за четыре месяца перед восьмидесятитысячной армией под командованием Тита. Как велика наука - взять под контроль такое укрепленное место за столь короткое время, без помощи другой артиллерии, кроме древней катапульты и тарана! Независимо от того, была ли военная наука римлян выше или ниже нашей, никто не может подвергнуть сомнению, что она была доведена до предельного совершенства до изобретения пороха. Мы превосходим их только в применении этого великого изобретения, особенно в артиллерии. Не может быть никаких сомнений в том, что римская армия превосходила феодальную в самые яркие дни рыцарства. В мире не было полководцев, превосходящих Цезаря, Помпея, Суллу и Мария. Ни одна армия никогда не одерживала больших побед над численным превосходством, чем римская, и ни одна армия такого размера никогда не удерживала в подчинении столь великую империю и так долго. Ни в один период истории империи армии не были столь велики, как те, которые поддерживала Франция в мирное время. Двести тысяч легионеров и еще столько же вспомогательных войск контролировали различные нации и могущественные монархии. Единственная провинция Сирии когда-то могла похвастаться военной силой, равной по количеству солдат той, которой располагал Тиберий. Двадцать пять легионов совершили завоевание мира и удерживали это завоевание в течение пятисот лет. Самоподдерживающаяся энергия Цезаря в Галлии сводит на нет усилия всех современных полководцев, за исключением Фредерика II, Мальборо, Наполеона, Веллингтона, Гранта, Шермана и нескольких других великих гениев, воспитанных воинственной эпохой; и нет лучшего учебника по военному искусству, чем тот, который был составлен самим Цезарем в его Комментариях. И великие победы римлян над варварами, над галлами, над карфагенянами, над греками, над сирийцами, над персами были не результатом недолговечного энтузиазма, как у Аттилы и Тамерлана, а продолжались более тысячи лет. Римляне были по сути военными во всех своих вкусах и привычках. Роскошные сенаторы и знать проявляли величайшее мужество и мастерство в самых трудных кампаниях. Антоний, Цезарь, Помпей и Лукулл были дома изнурены роскошью, но во главе легионов были способны на любые лишения и переутомление. Римский легион был самой совершенной организацией, огромной механической силой и мог выдерживать яростные атаки после того, как энергия, патриотизм и общественный дух иссякли. В течение трехсот лет огромная империя поддерживалась одним лишь механизмом.

[Примечание: Римский легион.]

[Примечание: Его состав.]

[Примечание: пехота - сила легиона.]

[Примечание: Его броня.]

[Примечание: Его оружие.]

[Примечание: кавалерия.]

[Примечание: Срок военной службы.]

Легион является ровесником Рима, но численность войск, из которых он состоял, менялась в разные периоды. Численность редко превышала шесть тысяч человек. Гиббон оценивает это число в шесть тысяч восемьсот двадцать шесть человек. На протяжении многих веков оно состояло исключительно из римских граждан. Вплоть до 107 года до н.э. никому не разрешалось служить в регулярных войсках, за исключением тех, кто считался лично заинтересованным в стабильности республики. Марий признавал все сословия граждан; и после окончания Социальной войны в 87 году до н.э. всему свободному населению Италии было разрешено служить в регулярной армии. Клавдий присоединил к легиону побежденных готов, а после него ряды легиона пополнились варварами из-за упадка времен. Но в период, когда римляне завоевывали мир, каждый гражданин был обучен владению оружием и мог быть призван на службу в армию. На заре республики легион был расформирован сразу после прохождения специальной службы и во всех существенных отношениях являлся ополчением. В течение трех столетий у нас нет сведений о том, чтобы римская армия зимовала в полевых условиях; но когда Южная Италия стала ареной военных действий, и особенно когда Риму угрожали внешние враги, и еще больше, когда затяжная служба за границей стала неизбежной, те же солдаты продолжали действовать в течение нескольких лет. Постепенно различие между солдатом и гражданским лицом было полностью стерто. Отдаленные войны республики, такие как длительные операции Цезаря в Галлии и гражданские распри, сделали постоянную армию необходимостью. Во время гражданских войн между Цезарем и Помпеем численность легионов составляла сорок человек; при Августе - всего двадцать пять. Александр Север увеличил их численность до тридцати двух. Это были постоянные силы империи, от ста пятидесяти до двухсот сорока тысяч человек, и они были расквартированы в различных провинциях. Основная зависимость легиона заключалась в пехоте, которая носила тяжелые доспехи, состоящие из шлема, нагрудника, поножей на ногах и щита на левой руке длиной четыре фута и шириной два с половиной. Первоначально шлем был сделан из кожи, укрепленной и украшенной бронзой или золотом, и увенчан гребнем, который часто был из конского волоса, и сделан таким образом, чтобы придать внушительный вид. Гребень служил не только для украшения, но и для отличия разных центурионов. Нагрудник или кираса обычно изготавливались из металла и иногда сильно украшались. Также использовалась кольчуга. Поножи были из бронзы или латуни, с подкладкой из кожи или войлока, и доходили выше колен. Щит, который носили тяжеловооруженные пехотинцы, был не круглым, как у греков, а овальной или продолговатой формы, приспособленным к форме тела, и делался из дерева или лозы. Оружием было легкое копье, пилум или дротик длиной шесть футов, заканчивающийся стальным наконечником, и меч с двойным лезвием, приспособленный для нанесения ударов или толчков. Легион был выстроен в восемь рядов, и между рядовыми было расстояние в три фута, что придавало ему большую активность и делало его превосходящим македонскую фалангу, сила которой зависела от шестнадцати рядов длинных копий, соединенных вместе. Кавалерия, приданная каждому легиону, насчитывала триста человек, и первоначально они были отобраны из числа ведущих людей государства. Они были укомплектованы за счет государства и образовывали особый порядок. Кавалерия была разделена на десять эскадронов; и к каждому легиону был прикреплен обоз из десяти военных машин самого большого размера и пятидесяти пяти меньших, — все они с большим эффектом стреляли камнями и дротиками. Этот поезд соответствовал нашей артиллерии. Помимо доспехов и оружия легионеров, они обычно брали с собой в поход провизию на две недели и три или четыре колья, использовавшиеся для возведения частокола лагеря, а также различные инструменты, — в общей сложности нагрузка составляла шестьдесят или восемьдесят фунтов на человека. Общий срок службы в пехоте

составлял двадцать лет, по истечении которых солдат получал увольнение в запас вместе с денежным вознаграждением или землей.

[Примечание: Организация легиона.]

[Примечание: гастаты.]

[Примечание: Принципы и величества.]

[Примечание: Триарии.]

[Примечание на стороне: Пиларии.]

[Примечание: Всадники.]

Римский легион, независимо от того, состоял ли он из четырех тысяч человек, как в первые века республики, или из шести тысяч, как во времена Августа, был разделен на десять когорт, и каждая когорта состояла из гастатов, принципов, триариев и велитов. Солдаты первой линии, называемые гастатами, состояли из юношей в расцвете сил и были распределены по пятнадцати ротам, или манипулам. В каждой роте было шестьдесят рядовых, два центуриона и знаменосец. Две трети были хорошо вооружены и носили длинные щиты, остальные имели при себе только копья и легкие дротики. Вторая линия, *Principes*, состояла из людей в полном расцвете сил, также разделенных на пятнадцать рот, все хорошо вооруженные и отличавшиеся великолепием своего снаряжения. Третье подразделение, триарии, также состояло из испытанных ветеранов в пятнадцати ротах, наименее заслуживающие доверия из которых были размещены в тылу. Они образовали три линии. Велиты были легковооруженными войсками, несли службу на аванпостах и смешивались с всадниками. Гастаты были названы так потому, что были вооружены хастами; принципаты - за то, что были расположены так близко к фронту; триарии - за то, что были выстроены позади первых двух линий в качестве резерва, вооруженные пилумом, более толстым и прочным, чем греческое копье, — четыре с половиной фута длиной, деревянным, с зазубренным наконечником из железа, — так что вся длина оружия составляла шесть футов девять дюймов. Им пользовались либо для броска, либо для укола, и когда оно пробивало щит противника, [Сноска: Liv. viii. 8.] железный наконечник был согнут, а копье из-за перекручивания железа все еще держалось за щит. [Примечание: Plut. Mar. 25.] У каждого солдата было по два таких оружия. [Примечание: Полиб. vi. 23.] Принципы находились в первых рядах фаланги, облаченные в полные защитные доспехи, — мужчины в расцвете сил. Пиларии были в тылу, они метали тяжелый пилум над головами своих товарищей, чтобы прорвать вражеский строй. Во времена империи, когда легион был модифицирован, пехота носила кирасы и шлемы, а также два меча, а именно длинный и кинжал. Отборная пехота несла длинное копье и щит, остальные - пилумы. Каждый мужчина нес пилу, корзину, мотыгу, топорик, кожаный ремень, крюк, цепь и провизию на три дня. Всадники носили шлемы и кирасы, как и пехотинцы, с широким мечом на правом боку и длинным шестом в руке. На боку лошади висел щит. Они также были снабжены колчаном с тремя или четырьмя дротиками.

[Примечание: Артиллерия.]

[Побочное примечание: Тестудо.]

[Примечание: Гелеполис.]

[Прим. автора: Туррис.]

[Примечание: Лестницы для черенкования.]

Артиллерия использовалась как для метания снарядов в бою, так и для атаки крепостей. *tormentum*, который представлял собой эластичный инструмент, стрелял камнями и дротиками и продолжался до открытия пороха. При осаде города таран использовался для разрушения нижней части стены, а балиста, которая сбрасывала камни, использовалась для разрушения зубчатых стен. Балиста отбрасывала камень весом от пятидесяти до трехсот фунтов. *Овен*, или таран, состоял из большой балки, сделанной из ствола дерева, часто длиной в сто футов, к одному концу которой была прикреплена железная или бронзовая булава, напоминавшая по форме голову барана, и часто подвешивалась на веревках к балке, закрепленной поперечно над ней, так что солдаты были освобождены от необходимости поддерживать ее вес и могли быстро и сильно двигать ею назад и вперед. И когда этой машине еще больше помогли, установив раму, в которой она была подвешена на колесах, и соорудив над ней крышу, чтобы образовать *тестудо*, которое защищало осаждающий отряд от нападений осажденных, не было ни такой прочной башни, ни такой толстой стены, которые могли бы противостоять длительной атаке. Его большая длина позволяла солдатам перебираться через ров, и часто на нем работало до ста человек. Римляне научились у греков искусству создания этой грозной машины, которая с большим успехом использовалась Александром, но еще большим - Веспасианом при осаде Иерусалима. Впервые он был использован римлянами при осаде Сиракуз. *Винья* была своего рода крышей, под которой солдаты защищались, когда подрывали стены. *Гелеполис*, также используемый при штурме городов, представлял собой квадратную башню, оснащенную всеми средствами нападения. Это тоже было греческое изобретение, и то, что использовал Деметрий при осаде Родоса в 306 году до н.э., имело сто тридцать пять футов в высоту и шестьдесят восемь в ширину и было разделено на девять этажей. Башни, подобные этому описанию, использовались при осаде Иерусалима [Примечание: Иосиф Флавий Б. Дж., ii. 19.] и были укомплектованы двумя сотнями человек, занятых на катапультах и таранах. *Туррис*, башня того же класса, использовалась и греками, и римлянами, и даже азиатами. Митридат использовал один из них при осаде Кизика высотой в сто пятьдесят футов. Этот самый грозный механизм обычно изготавливался из деревянных балок, обтянутых с трех сторон железом, а иногда и необработанными шкурами. Они были выше стен и всех других укреплений осажденного города, разделенные на этажи, пронизанные окнами. Внутри и на них были расставлены лучники и пращники, а на нижнем этаже находился таран. Они также несли штурмовые лестницы, так что, когда стена была расчищена, их приставили к стенам. Их поставили на колеса и поднесли как можно ближе к стенам. Противостоять этим мощным машинам было невозможно, если только они не были сожжены или земля, на которой они стояли, не была подорвана, за исключением опрокидывания их камнями или окованными железом балками, подвешенными к мачте на стене, или увеличения высоты стены, или возведения временных башен на стене рядом с ними.

[Примечание: Преимущества защитников.]

[Примечание: обычный способ захвата.]

[Примечание: Сила и преимущество крепостей.]

Таким образом, не существовало древнего укрепления, способного выдержать длительную осаду, когда осажденному городу не хватало защитников или провизии. Атака с равными силами, как правило, заканчивалась неудачей, поскольку у обороняющихся всегда было большое преимущество. Но когда количество обороняющихся уменьшалось или наступал голод, мастерство и мужество нападавших в конечном итоге одерживали победу. Некоторые древние города оказали самое упорное сопротивление, как, например, Тарент; Карфаген, выдерживавший четырехлетнюю осаду; Нумантия в Испании и Иерусалим. Когда города имели огромные размеры, население и ресурсы, как Рим, осажденный Аларихом, их было легче взять, перекрыв все входы и выходы, чтобы вызвать массовый голод. Тир был взят Александром только после того, как он отрезал гавань. Вавилон не мог быть взят Киром штурмом, поскольку, согласно Геродоту, стены были высотой в триста тридцать семь футов, а ров слишком широк для использования таранов. Он прибегнул к средству, о котором ослепленные жители этого обреченного города и не мечтали, что сделало бесполезными их неприступные укрепления. Римляне, вероятно, также не одержали бы победы над Иерусалимом, если бы голод не истребил и не ослабил народ. Укрепленные города, хотя и едва ли когда-либо были неприступны, все же чаще использовались в древности, чем в наше время, и значительно задерживали операции наступающих армий. И, вероятно, именно укрепленный лагерь римлян, защищавший армию от неожиданностей и других напастей, придавал легионам такую эффективность.

[Прим. автора: "Трибуны".]

[Примечание: Центурионы.]

[Примечание: Градация рангов.]

Главными офицерами легиона были трибуны, и первоначально в каждом легионе было по одному представителю от трех племен — рамнов, луцересов и титий. Во времена Полибия численность каждого легиона равнялась шести. Их власть распространялась в равной степени на весь легион; но, чтобы избежать путаницы, у этих военных трибунов был обычай разделяться на три отделения по два человека, и каждая пара выполняла обычные обязанности в течение двух месяцев из шести. Они назначили центурионов и приставили к каждому отряду, к которому он принадлежал. Эти трибуны сначала избирались главнокомандующим — царями и консулами; но в лучшие дни республики, когда власть патрициев была преобладающей, они избирались народом, то есть гражданами. Позже они были назначены наполовину сенатом, наполовину консулами. Никто не имел права занимать этот высокий пост, если не прослужил десять лет в пехоте или пять в кавалерии. Они отличались своей одеждой от обычных солдат. Следующими по рангу после трибунов, которые в наше время соответствовали званию бригадиров и полковников, были центурионы, которых в каждом легионе было по шестьдесят человек, — люди, более примечательные спокойствием и проницательностью, чем мужеством и отважной доблестью; люди, которые сохранили бы свои посты во что бы то ни стало. В их обязанности входило обучать солдат, проверять оружие, одежду и продовольствие, посещать часовых и регулировать поведение солдат. Они имели право применять телесные наказания. Их выбирали исключительно за заслуги, вплоть до более поздних эпох империи, когда их должности покупались, как в английской армии. Центурионы эти были неравного ранга: центурионы из триариев стояли выше центурионов принцепсов, а центурионы Принцепсов — выше центурионов гастатов. Первый центурион первой манипулы триария стоял следующим по рангу после трибунов и имел место в военных советах, и его должность была очень прибыльной.

На его попечение был вверен орел легиона. [Примечание: Liv. xxv. 5; Caes. до н.э., vi. 6.]

Поскольку центурион мог подняться по служебной лестнице и продвигался по регулярной ступени через различные манипуляции гастатов, Принципов и триариев, у солдат был большой стимул. В римском легионе, по-видимому, существовала регулярная градация званий, хотя отдельных должностей было всего несколько. Но градация определялась не по выслуге лет, а только по заслугам, судить о которых могли только трибуны. Следовательно, трибун римского легиона обладал большей властью, чем современный полковник. Как трибуны назначали центурионов, так и центурионы назначали своих лейтенантов, которые назывались субцентурионами.

[Примечание: Изменение в организации легионов.]

После правления Мария, вплоть до падения республики, произошли изменения в составе и дислокации легиона. Легионы были открыты для людей всех рангов; все они были одинаково вооружены и экипированы; линии были сокращены до двух с промежутком между каждой когортой, которых было по пять в каждой линии; молодые солдаты были размещены в тылу, а не в авангарде; различие между гастатами, принципатами и триариями исчезло; велиты исчезли, их работу выполняли иностранные наемники; кавалерия перестала быть частью легиона и стала отдельным подразделением; и вооруженные силы были полностью отделены от остальной части государства. Раньше никто не мог претендовать на должность, не отслужив десяти лет в армии, но во времена Цицерона человек мог пройти все высшие государственные должности с очень ограниченным опытом военной жизни. Сам Цицерон участвовал всего в одной кампании.

[Примечание: Изменения при императорах.]

[Примечание: Жалованье солдатам.]

При императорах произошли еще другие перемены. Регулярная армия состояла из легионов и дополнений, причем последние подразделялись на императорскую гвардию и вспомогательные войска. Вспомогательные войска (Socii) состояли из войск государств, находившихся в союзе с Римом, или тех, кто был вынужден предоставлять субсидии. Пехота союзников, как правило, была многочисленнее, чем у римлян, в то время как кавалерия была в три раза многочисленнее. Всем вспомогательным войскам платило государство; пехота получала то же жалованье, что и римская пехота, но кавалерия получала только две трети от того, что выплачивалось римской кавалерии. Простой пехотинец получал во времена Полибия трех с половиной ослов в день, что равнялось примерно шести фартингам стерлингов; всадник в три раза больше. Преторианские когорты получали в два раза больше, чем легионеры. Юлий Цезарь разрешал легионеру получать около шести ослов в день в качестве жалованья, а при Августе ежедневное жалованье было увеличено до десяти ослов — немногим более четырех пенсов в день. Домициан еще больше повысил жалованье. Солдат, однако, кормил и одевал правительство.

[Примечание: Преторианская когорта.]

Преторианская когорта была отборным подразделением войск, учрежденным Августом для защиты его личности, и состояла из десяти когорт, каждая по тысяче человек, отобранных из Италии. Это число было увеличено Вителлием до шестнадцати тысяч, и Тиберий собрал их в постоянном лагере, который был сильно укреплен. У них были особые привилегии, и по истечении шестнадцати лет они получали двадцать тысяч сестерциев, или более ста фунтов

стерлингов. Каждый преторианец имел звание центуриона в регулярной армии. Подобно телохранителям Людовика XIV, все они были дворянами и постепенно составляли великую силу, подобно янычарам в Константинополе, и часто избавлялись от самого пурпура. Таким образом, получается, что центурион получал жалование всего в два раза больше обычного легионера. Следовательно, между рядовым и капитаном не было такой большой разницы в звании, как в наши дни. В древнем мире не было аристократических различий, столь заметных, как в современном.

[Примечание: Римский лагерь.]

[Примечание: Опека лагеря.]

[Примечание: Расформирование лагеря.]

Наше упоминание о римском легионе было бы неполным без упоминания лагеря, в котором солдат фактически жил. Римская армия никогда не останавливалась ни на одну ночь, не образовав регулярного укрепления, способного вместить всех воинов, вьючных животных и поклажу. Когда армия не могла отойти в зимние месяцы в какой-нибудь город, она была вынуждена жить в лагере. Он был устроен и укреплен в соответствии с единым планом, так что каждой роте и отдельному лицу было отведено определенное место. Мы не можем сказать, когда зародилась эта практика укрепления; она развивалась постепенно, как и все другие вещи, относящиеся к военному искусству. Вероятно, система была доведена до совершенства во время войн с Ганнибалом. Умение выбирать местность, создавать условия для атаки и обороны, а также добывать воду и другие предметы первой необходимости имело большое значение для генералов. Роте пехоты отводилась площадь около пяти тысяч квадратных футов, а отряду из тридцати драгун - десять тысяч футов. Лагерь имел форму точного квадрата, длина каждой стороны которого составляла две тысячи семнадцать футов. Между крепостными валами и палатками было расстояние в двести футов, чтобы облегчить вход и выход солдат, а также для охраны скота и добычи. Главная улица была шириной в сто футов и называлась *Principia*. Защиталагерь состояла из рва, земля из которого была заброшена внутрь, и крепкого частокола из деревянных кольев на вершине образованного таким образом земляного вала. Ров иногда достигал пятнадцати футов в глубину, а вал - десяти футов в высоту. Когда армия впервые расположилась лагерем, трибуны принесли клятву каждому человеку, включая рабов, о том, что они ничего не украдут из лагеря. Каждое утро на рассвете центурионы и всадники представлялись перед палатками трибунов, а трибуны таким же образом представлялись преторианцу, чтобы узнать приказы консулов, которые через центурионов передавались солдатам. Четыре роты взяли на себя охрану главной улицы, чтобы следить за тем, чтобы ее должным образом чистили и поливали. Одна рота охраняла палатку трибуна, сильная охрана присматривала за лошадьми, а другая из пятидесяти человек стояла рядом с палаткой генерала, чтобы защитить его от явной опасности и тайного предательства. Велиты всю ночь и день несли стражу по всему периметру вала, и каждые ворота охраняли по десять человек. Всадникам было поручено дежурить ночью, и были приняты самые хитроумные меры для обеспечения их бдительности и верности. Лозунг на ночь был отдан главнокомандующим. "По первому сигналу трубы все палатки были разобраны и багаж упакован. По второму сигналу поклажу погрузили на вьючных животных, а по третьему вся армия тронулась в путь. Затем герольд, стоящий по правую руку от генерала, трижды спрашивает, готовы ли они к войне, на что все они отвечают громкими и повторяющимися возгласами о том, что они готовы, и по

большей части, преисполненные боевого пыла, предвосхищают вопрос "и с криком высоко поднимают свои правые руки". [Сноска: Смит, *Изд. Ant.*, ст. *Castra*.]

[Примечание на стороне: Марш-бросок.]

Иосиф Флавий рассказывает о марше, которым армия Веспасиана вошла в Галилею". 1. Легковооруженные вспомогательные войска и лучники, выдвигающиеся на разведку. 2. Отряд римских тяжеловооруженных войск, конных и пеших. 3. По десять человек от каждой центурии или роты, несущие свое снаряжение и размеры лагеря. 4. Багаж Веспасиана и его легатов охраняется сильным отрядом конницы. 5. Сам Веспасиан в сопровождении своей конной гвардии и отряда копейщиков. 6. Своеобразная кавалерия легиона. 7. Артиллерия, которую тащат мулы. 8. Легаты, трибуны и префекты когорт, охраняемые отрядом отборных солдат. 9. Штандарты, окружающие орла. 10. Трубачи. 11. Основная часть пехоты, по шесть человек в ряд, в сопровождении центуриона, в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы люди сохраняли свой строй. 12. Весь отряд рабов, прикрепленный к каждому легиону, управлял мулами и вьючными животными, нагруженными поклажей. 13. Позади всех легионов следовали наемники. 14. Тыл прикрывался сильным отрядом кавалерии и пехоты". [Сноска: Иосиф Флавий, *Б. Дж.*, iii, 6, раздел 2.]

[Примечание: Волнения военной жизни.]

[Примечание: малочисленность римских армий.]

[Примечание: Как решались сражения.]

Судя по тому, что дошло до нас о римской военной жизни, она была полна волнений, тяжелого труда, опасностей и лишений. Денежное вознаграждение солдата было небольшим. Ему заплатили славой. Ни одна профессия не приносила столько чести, как военная. И благодаря безраздельному вниманию великих людей к этой профессии она была доведена до всего совершенства, которого только можно было достичь, пока великое изобретение пороха не изменило военное искусство. Особое внимание привлекает не количество людей, занятых в армиях, а дух и гениальность, которые их воодушевляли. Римляне любили войну, но настолько превратили ее в науку, что для завоевания мира требовались сравнительно небольшие армии. Сулла разгромил Митридата всего с тридцатью тысячами человек, в то время как его противник выставил против него более ста тысяч; а у Цезаря было всего десять легионов для завоевания Галлии, и ни один из них не был итальянского происхождения. В великой решающей битве при Фарсалии, когда большая часть наличных сил империи была задействована на той или другой стороне, Помпей командовал армией легионеров численностью в сорок пять тысяч человек; кавалерия насчитывала еще семь тысяч человек, но среди них был цвет римской знати. Вспомогательные силы не были подсчитаны, хотя они, вероятно, были многочисленны. Под началом Цезаря было всего двадцать две тысячи легионеров и тысяча кавалеристов. Но каждый человек в обеих армиях был готов победить или умереть. Войска были размещены на открытой равнине, и битва на самом деле представляла собой рукопашную схватку, в которой солдаты, бросив свои копья, сражались главным образом мечами. И когда кавалерия Помпея бросилась на легионеров Цезаря, удары не были потрачены впустую на кольчужные доспехи конных римлян, а были направлены только в лицо, поскольку только оно было незащищено. Исход битвы был решен хладнокровием, храбростью и дисциплиной ветеранов, вдохновленных

гением величайшего полководца древности. Менее ста тысяч человек, по всей вероятности, были вовлечены в один из самых запоминающихся конфликтов, которые когда-либо видел мир.

[Примечание: Постепенная организация военной мощи.]

[Примечание: Великодушные первых генералов.]

Таким образом, благодаря беспримерному героизму на войне и единообразной политике правительства Рим стал владычицей мира. Римские завоевания никогда не были превзойдены, поскольку они сохранялись до тех пор, пока империя не пала. Я хотел бы остановиться на этих завоеваниях более подробно и более полно представить блестящие достижения отдельных людей. После изгнания королей потребовалось почти двести лет, чтобы восстановить господство над соседними народами, и еще столетие, чтобы завоевать Италию. Римляне не сражались с регулярными армиями до тех пор, пока они не вступили в конфликт с эпирским царем и греческой фалангой, "что улучшило их военную тактику и ввело между сражающимися те взаимные отношения цивилизованных наций, которые учат людей уважать своих противников, щадить побежденных и откладывать гнев по окончании борьбы". В пятом столетии своего существования республика предстает в особом великолепии. Военные вожди не выходят за рамки своего доверия; аристократия в равной степени отличается подвигами и добродетелями; должностные лица придерживаются простоты нравов и защищают права граждан; граждане самоотверженны и всегда готовы подчиниться призыву к оружию, отказываясь от высоких командиров и удаляясь бедняками на частные должности. Марк Валерий Корв, заняв двадцать одну курульную должность, возвращается к земледельческой жизни; Марк Курий Дентат не оставляет себе ни части богатой добычи сабинян; Фабриций отвергает золото самнитов и подарки Пирра. Наиболее заслуживающие доверия получают высокие посты и власть. Сенаторы смешиваются с рядами легионов, и восемьдесят из них погибают на поле Канн. Дисциплина доводится до жестокости, и Манлий Торкват наказывает смертью непослушного сына. Солдаты, которые покидают поле боя, уничтожаются или клеймятся бесчестьем. Вера сохраняется даже у врагов, и Регулус возвращает добровольного пленника своим смертельным врагам.

[Примечание: результаты разных войн.]

После укрепления римской власти в Италии потребовалось еще сто пятьдесят лет только для завершения завоевания мира — Северной Африки, Испании, Галлии, Иллирии, Эпира, Греции, Македонии, Малой Азии, Понта, Сирии, Египта, Вифинии, Каппадокии, Пергама и островов Средиземноморья. Завоевание Карфагена оставило Рим без соперника в Средиземноморье и способствовало сношениям с греками. Иллирийские войны открыли римлянам дорогу в Грецию и Азию и уничтожили пиратов Адриатики. Вторжение в Цизальпинскую Галлию, ныне ту часть Италии, которая находится к северу от Апеннин, защитило Италию от нашествия варваров. Война Македонии против Филиппа поставила Грецию под защиту Рима, а война против Антиоха отдала Сирию на ее милость; и когда эти королевства были превращены в провинции, открылся путь для дальнейших завоеваний на Востоке, и Средиземное море превратилось в римское озеро.

[Примечание: Влияние римских завоеваний на общество.]

[Примечание: Вырождение морали подрывает военную мощь.]

Но эти завоевания приносят роскошь, богатство, гордыню и алчность, а также искусство, утонченность и литературу. Они унижают, в то время как возвышают. Цивилизация становится попеременным триумфом добрых и злых влияний и сомнительным благом. Успешная война создает великих полководцев и основывает великие семьи, увеличивает рабство и способствует неравенству. Появляются демагоги, которые соблазняют и обманывают людей, и они приравнивают себя к стандартам своих кумиров. Римом правит олигархия военных вождей, и он стал одновременно более аристократическим и более демократичным. Люди получают права только для того, чтобы уступить верховенству демагогов. Сенат унижен, но остается восходящей властью, поскольку его составляют генералы и те, кто занимал высокие посты. Тем временем великие полководцы борются за превосходство. Гражданские войны следуют чередой иностранных завоеваний. Марий, Сулла, Помпей, Юлий, Антоний, Август приносят государство в жертву своим амбициям. Хорошие люди сетуют, протестуют и прячутся. Катон, Цицерон, Брут, говорите напрасно. Вырождающаяся мораль идет в ногу с гражданскими распрями. Рим упивается добычей всех царств и стран, опьяняется властью, становится жестоким и тираническим и, после того как отдал жизни граждан удачливым генералам, уступает, наконец, свои свободы, и начинается царствование императорского деспотизма — жесткого, непоколебимого, решительного, — при котором подавляется гений и жизнь становится эпикурейской, но при котором сохраняются собственность и порядок. Режим плох, но это перемена к лучшему. Война принесла свои плоды. Это добавило империи, но подорвало процветание; это создало великую военную монархию, но уничтожило свободу; это принесло богатство, но породило неравенство; это наполнило город добычей, но посеяло пороки своекорыстия. Техника совершенна, но жизнь улетучилась. Отныне труд императоров заключается в том, чтобы поддерживать свои обширные владения с помощью этого механизма, который в конце концов изнашивается, поскольку нет ни гения, чтобы починить его, ни патриотизма, чтобы управлять им. Он просуществовал триста лет, но был разорван на куски готами и вандалами.

Высшим авторитетом в вопросах построения армии является Полибий, который был современником Сципиона, в период, когда римская дисциплина была наиболее совершенной. Фрагмент из его шестой книги дает значительную информацию. Глава Ливия — восьмая — также очень ценится. Салмасий и Лепсиус также написали ученые трактаты. Словарь Смита, который полон подробностей обо всем, что касается оружия, доспехов, военных машин, наград и наказаний солдат, ссылается на *"Комментарии"* Фолара, на *"Военные воспоминания о греках и останках"* Гишара и на *"Историю кампании Ганнибала в Италии"* Воденкура. Тацит, Саллюстий, Ливий, Дион Кассий, Плиний и Цезарь случайно раскрывают многое из того, что мы хотели бы знать. Гиббон приводит некоторые важные факты в своей первой главе. Тема древних машин рассматривается в *Комментарии* Фолара, приложенном к его переводу Полибия. *Комментарии* Цезаря дают нам, в конце концов, самое живое представление о военных привычках и тактике римлян. Иосиф Флавий с большой живостью описывает осаду Иерусалима. Статья о *Exercitus*, написанная проф. Рамзи в *Словаре* Смита — самое полное, что я читал о структуре римской армии.

При описании войн читателя отсылают к обычным римским историям — особенно к Ливию и Цезарю; к Нибуру, Моммзену, Арнольду и Лидделлу. См. также Дурни, *История. des Romains*; Michelet, *Hist. de Rom*. Следует прочитать *"Историю Цезаря"* Наполеона, замечательную по

стилю и интересную по содержанию, хотя и представляющую собой софистическую защиту узурпации власти.

ГЛАВА II.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ВЕЛИЧИЕ И СЛАВА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

На взгляд древнего путешественника, во внешних проявлениях богатства и могущества, которые Римская империя в период своей величайшей славы представляла в каждом городе и провинции, должно было быть что-то очень грандиозное и впечатляющее. Поэтому моей целью в этой главе будет представить те предметы гордости и силы, которые вызывают к чувствам обычного наблюдателя и которые в первую очередь привлекли бы его внимание, если бы он стал описывать чудеса, которые он видел, тем, кто был недостаточно знаком с ними.

[Примечание: Кульминация римского величия.]

Общепризнано, что римское величие достигло кульминации во времена правления Антонинов, примерно в середине второго века христианской эры. В тот период мы наблюдаем высочайшие триумфы материальной цивилизации и самый гордый дух панегирика и уверенности в себе. Современникам казалось, что Риму суждено вечно быть владычицей мира.

[Примечание: Масштабы империи.]

[Примечание: Квадратные мили.]

[Примечание: Моря и реки.]

[Примечание: Границы.]

[Примечание: Скандинавия.]

[Примечание: Сарматия.]

[Побочное примечание: Горы.]

Мы, естественно, обратим внимание, прежде всего, на размеры этой огромной империи, которая не имела аналогов ни в древности, ни в новое время и которая была воздвигнута на руинах всех могущественных государств древности. Это была самая удивительная централизация власти, раскинувшая руки безнадёжного деспотизма от Геркулесовых столпов до Каспийского моря; от Рейна и Дуная до Евфрата и Тигра; от лесов Сарматии до пустынь Африки. Империя простиралась на три тысячи миль с востока на запад и на две тысячи с севера на юг. Она простиралась на тридцать пять градусов широты и шестьдесят пять градусов долготы и охватывала в своих пределах почти все моря, озера и заливы, которые исследовала торговля. Он занимал 1 600 000 квадратных миль, по большей части возделанных и населенных народами на различных стадиях цивилизации, некоторые из которых славились искусствами и богатством и могли похвастаться героями и городами - блестящей и впечатляющей историей прошлого. Почти в центре этой великой империи находилось Средиземное море, которое было всего лишь внутренним озером, на берегах которого процветали великие города древности и к которому докатилась волна ассирийских и персидских завоеваний, а затем навсегда отступила. Великие реки — Нил, По и Дунай — впадали в этот бассейн и соединяющие его моря, доставляя продукты из отдаленных провинций в большой центральный город на Тибре. Границами

империи были огромные океаны, пустыни и горы, за пределы которых было трудно расширять или удерживать завоевания. На западе простирался Атлантический океан, неизвестный и неизведанный — то таинственное водное пространство, которое вселяло в мореплавателей благоговейный трепет и ужас и которое не суждено было пересечь до тех пор, пока звезды не перестанут быть единственным ориентиром. На северо-западе находился неопределенный регион Скандинавии, в который никогда не проникало римское оружие, населенный теми варварами, которым предстояло стать будущими завоевателями Рима и создателями новой и более славной цивилизации, — теми германскими племенами, которые под разными названиями имели, по существу, те же манеры, обычаи и язык, — расой более непобедимой и героической, чем сами римляне, будущие владыки средневековой Европы, предки англичан, французов, испанцев и немцев. На северо-западе жили сарматы и скифы — славянские племена, способные побеждать, но не перестраивать; дикари, отталкивающие и отвратительные даже для самих готов. На востоке лежала Парфянская империя, отделенная от римских территорий Евфратом, Тигром и армянскими горами. Кавказский хребет между Эвксинским и Каспийским морями представлял собой непреодолимый барьер, как и аравийские пустыни для римских легионов. Атлас, африканская пустыня и пороги Нила образовывали южные границы. Уязвимая часть империи лежала между Дунаем и Рейном, откуда последовательными волнами выходили германские враги Рима. Чтобы защитить империю от их вторжений, император Проб построил стену, которая, однако, оказалась лишь слабой защитой.

[Примечание: Провинции.]

[Примечание: результаты последовательных завоеваний.]

[Примечание: Необъятность политической власти.]

[Примечание: Вселенская империя.]

Эта огромная империя была разделена на тридцать шесть провинций, не считая Италии, каждой из которых управлял проконсул. Наиболее важными из них были Испания, Галлия, Сицилия, Ахайя, Малая Азия, Сирия и Египет. Галлия была более обширной, чем современная Франция. Ахайя включала Грецию и Ионические острова. Империя охватывала современные государства Англии, Франции, Испании, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Баварии, Австрии, Штирии, Тироля, Венгрии, Египта, Марокко, Алжира и Турецкой империи как в Европе, так и в Азии. Римлянам потребовалось почти пятьсот лет, чтобы подчинить различные государства Италии, полное покорение которых произошло с падением Тарента, греческого города, который представил греческое искусство и литературу. Сицилия, житница Рима, была следующим завоеванием, плодом первой Пунической войны. Вторая Пуническая война добавила к империи Сардинию, Корсику и две испанские провинции Бетика и Тарраконенсис — около двух третей полуострова, — плодородные в плане производства земли, обогащенные серебряными и золотыми рудниками и населенные иберами и кельтами. Богатая провинция Иллирик была присоединена к империи примерно за сто восемьдесят лет до Рождества Христова. До битвы при Акциуме империя простиралась на Ахайю, Малую Азию, Македонию, Нарбоннскую Галлию, Киренаику, Крит, Киликию, Кипр, Вифинию, Сирию, Аквитанию, Бельгийскую и Кельтскую Галлию. Август добавил Египет, Лузитанию, Нумидию, Галатию, Приморские Альпы, Норик, Винделицию, Ретию, Паннонию и Мосию. Тиберий увеличил империю, присоединив Каппадокию. Клавдий объединил две Мавритании, Ликию, Иудею, Фракию и Британию. Нерон

добавил Понт. Эти разнообразные и обширные страны отличались разнообразием климата и производства и могли похвастаться знаменитыми городами. Они составляли большинство провинций, известных древним к западу от Евфрата, и вместе образовывали империю, по сравнению с которой ассирийская и египетская монархии и даже греческие завоевания были значительно слабее. Сарацинские завоевания в Средние века не шли ни в какое сравнение с этими, и великие империи Карла Великого и Наполеона можно было включить менее чем в половину этих пределов. Каким гордым положением обладал римский император, воля которого была законом для всего цивилизованного мира! Римскую империю вполне можно назвать универсальной, поскольку она контролировала все известные грекам народы земли. Это была самая масштабная централизация власти, которую этот мир видел или, вероятно, когда-либо увидит, распространившаяся почти на всю Европу и лучшие районы Азии и Африки. Мы поражены тем, что один-единственный город Италии смог таким образом оккупировать своими армиями и безраздельно править столькими разнообразными странами и нациями, говорящими на разных языках, имеющими разные религии и обычаи. И когда мы размышляем об этом великом факте, мы не можем не чувствовать, что это было провиденциальное событие, предназначенное для какого-то великого блага человечеству. Этим благом была подготовка к принятию новой и универсальной религии. Никакая система "баланса сил", никакие политические или военные комбинации, никакие враждебные действия не могли предотвратить поглощения цивилизованного мира империей Цезарей.

[Примечание: Средиземноморье - центр империи.]

Если мы более подробно рассмотрим эту великую империю, то заметим, что она в значительной степени состояла из различных стран и королевств, граничивших со Средиземным морем и теми другими морями, с которыми она была связана. Римская власть почти не ощущалась ни на берегах Балтики, ни на восточном побережье Эвксинского моря, ни в Аравийском и Персидском заливах. Центральной частью империи была Италия, провинция, которая была завоевана первой и наиболее густонаселенной. Она была самой богатой искусством, городами, торговлей и сельским хозяйством.

[Примечание: Италия.]

[Примечание: Природные продукты.]

[Примечание: Численность населения.]

[Примечание: Города.]

[Примечание: итальянские города.]

[Примечание: Памятные города.]

Италия сама по себе была небольшим государством — прекрасным полуостровом, простиравшимся на шестьсот шестьдесят географических миль от подножия Альп до мыса Левкопедра. Его наибольшая ширина составляет около ста тридцати миль. Он всегда славился красотой и плодородием. Климат на юге соответствовал климату Греции, а на севере - климату юга Франции. Высокий хребет Апеннин простирался по всей его длине, в то время как воды Средиземного моря и Адриатики смягчали и изменяли его климат. Его природные преимущества не имели себе равных: почва благоприятствовала земледелию, выращиванию

фруктов и разведению крупного рогатого скота. Его великолепные леса давали древесину для кораблей; его богатые пастбища служили кормом для бесчисленных овец, коз, крупного рогатого скота и лошадей; его оливковые рощи не имели аналогов; в его горах содержались почти все виды металлов; его побережья давали огромное разнообразие рыбы; а его минеральные источники служили роскошными ваннами. Здесь не было резких перепадов температуры и холода; небо было ясным и безмятежным; местность напоминала сад. Для Вергилия и Варрона это был рай, самая излюбленная из всех стран древности страна тех произведений, которые поддерживают жизнь человека или животного. Равнины Ломбардии давали кукурузу и рис; на лигурийском побережье превосходно росли апельсины; алоэ и кактусы покрывали скалы южных провинций; в то время как оливы и виноград росли в изобилии на каждом участке. Древние писатели превозносили минеральные богатства Италии, а рыбные промыслы были такими же замечательными, как и сельскохозяйственные продукты. Население насчитывало более четырех миллионов человек, которые были свободны и могли бы предоставить семьсот тысяч пехотинцев и семьдесят тысяч всадников для армий республики, если бы все они были привлечены к реквизиции. Вся страна была усеяна прекрасными виллами и фермами, а также деревнями и городами. В ней было тысяча двести городов или крупных поселков, имевших муниципальные привилегии. Медиоланум, ныне Милан, главный город Цизальпинской Галлии, во времена Амвросия был украшен дворцами, храмами и банями. Он был настолько густонаселенным, что, как говорят, в свое время потерял триста тысяч горожан мужского пола во время набегов готов. Он был окружен двойным рядом стен, а дома были элегантно построены. Он также прославлялся как центр образования и культуры. В Вероне был мраморный амфитеатр, остатки которого являются одними из самых ярких памятников древности, способный вместить двадцать две тысячи человек. Равенна, расположенная недалеко от устья Падуса (По), построенная на сваях, была большим военно-морским складом и имела искусственную гавань, способную вместить двести пятьдесят военных кораблей, и была резиденцией правительства после падения империи. Жители Падуи насчитывали пятьсот римских рыцарей и могли послать в поле боя двадцать тысяч человек. Аквилея была крупным торговым центром по торговле вином, маслом и солеными продуктами. В Поле был великолепный амфитеатр. Луна, ныне Специя, славилась белым мрамором и сырами, которые часто весили тысячу фунтов. Арутиум, ныне Авеццо, город в Этрурии, славился своими гончарными мастерскими, многие прекрасные образцы которых сейчас украшают галереи Флоренции. Стены Кортонны были огромной толщины, что можно отнести к пеласгам. В Клузии, столице Порсенны, был великолепный мавзолей. Вольсинии могли похвастаться двумя тысячами статуй. Вейи были соперниками Рима. В Умбрии мы можем упомянуть Сарсину, родину Плавта; Меванию, родину Проперция; и Сентинум, известный самоотверженностью Деция. В Пицене были Анкона, знаменитая своей пурпурной краской; и Пиценум, окруженный стенами и неприступными высотами, памятный по осаде Помпея. Из сабинских городов были Антемны, более древние, чем Рим; Номентум, знаменитый вином; Региллум, родина Аппия Клавдия, основателя великой семьи Клавдиев; Реате, знаменитый ослами, которые иногда стоили огромных денег в 60 000 сестерциев, около 2320 долларов; Кутилии, знаменитый своими минеральными водами; и Альба, в которой содержались высокопоставленные пленники. В Лациуме были Остия, морской порт Рима; Лаурент, столица Латина; Лавиниум, по легенде основанный Энеем; Ланувий, место рождения Росция и Антонинов; Альба-Лонга, основанная за четыреста лет до Рима; Тускул, где у Цицерона была вилла; Тибур, храм которого был известен по всей Италии; Пренесте, ныне Палестрино, примечательный своей цитаделью и храмом Удачи; Анций, куда Кориолан удалился после своего изгнания, любимая резиденция римлян. Август и

место рождения Нерона прославились также великолепным храмом, среди руин которого был найден Аполлон Бельвидерский; Аппиев форум, упомянутый святым Павлом, откуда путешественники по Аппиевой дороге отправлялись по каналу; Арпинум, место рождения Цицерона; Аквиум, где родились Ювенал и Фома Аквинский, известный пурпурной краской; Формии, любимая резиденция Цицерона. В Кампании были Кумы, обитель Сивиллы; Мизен, крупная военно-морская база; Байи, знаменитые своими курортами и виллами; Путеолы, знаменитые серными источниками; Неаполис, обитель литературных бездельников; Геркуланум и Помпеи, разрушенные извержением Везувия; Капуя, столица Кампании, уступающая только Риму; и Салернум, великая военная цитадель. В Самнии были Бовиан, очень богатый город; Беневент и Сепинум. В Апулии были Саринум; Венусия, родина Горация; Канны, памятные великой победой Ганнибала; Брундузий, древний город на Адриатике и одна из крупнейших военно-морских баз римлян; и Тарент, соперник Брундузия, великая военная цитадель. В Лукании были Метапонт, одно время резиденция Пифагора; Гераклея, резиденция генерального совета; Сибарис, которая когда-то была хозяйкой двадцати пяти зависимых городов, имевших пятьдесят стадиев в окружности и способных послать трехсоттысячную армию [Примечание: Антон, *Геог. Диета*.] мужчины в поле, — город настолько процветающий и роскошный, что само название Сибарит было синонимом сладострастия.

[Прим. автора: Помпеи.]

Таковы были одни из главных городов Италии. Более двухсот пятидесяти городов являются историческими и славились резиденциями великих людей или винами, шерстью, красителями и различными предметами роскоши. Руины Помпей доказывают, что это был город огромной роскоши и элегантности. Раскопки, которые выявили чудеса этого погребенного города, свидетельствуют об очень высокой материальной цивилизации; однако это был всего лишь второсортный провинциальный городок, о котором мало что сохранилось в истории. Это был просто курорт для римской знати, у которой были виллы по соседству. Он был окружен стеной и строился с большой регулярностью. Его улицы были мощеными, и в нем были свой форум, свой амфитеатр, свой театр, свои храмы, свои базилики, свои бани, свои арки и свои памятники. Базилика имела двести двадцать футов в длину и восемьдесят футов в ширину, крышу которой поддерживали двадцать восемь ионических колонн. Храм Венеры был обильно украшен росписями. Один из театров был построен из мрамора и вмещал пять тысяч зрителей, а амфитеатр вмещал десять тысяч.

[Примечание: Сицилия и Сардиния.]

[Примечание: Богатство Сицилии.]

[Примечание: Сиракузы.]

Но Италия, такая величественная по городам, такая разнообразная по архитектурным чудесам, с такой плодородной почвой, таким целебным климатом, такая богатая минералами, такая изобильная фруктами, овощами и каналами, была лишь малой частью империи Цезарей. Пунические войны, начатые вскоре после изгнания Пирра, привели к приобретению Сицилии, Сардинии и Африки, откуда римляне получали неисчерпаемое количество зерна, и к созданию великой военно-морской державы. Сицилия, крупнейший остров Средиземноморья, не уступала Италии ни по одному виду продукции. Предполагалось, что она была родиной

пшеницы. Его мед, его шафран, его овцы, его лошади - все было одинаково прославлено. Остров, пересеченный многочисленными речными и красивыми долинами, был превосходно приспособлен для выращивания виноградной лозы и олив. Его колонии, основанные финикийцами и греками, культивировали все искусства цивилизации. Задолго до римского завоевания его города славилась ученостью и искусством. Сиракузы, коринфская колония, такая же древняя, как Рим, имели крепость в милю в длину и полмили в ширину; храм Дианы, двери которого прославлялись по всему греческому миру, и театр, вмещавший двадцать четыре тысячи человек. Ни в одном городе Греции, кроме Афин, нет сооружений, соперничающих с теми, остатки которых до сих пор видны в Агригенте, Селине и Сегесте.

[Прим. автора: Карфаген.]

Африка была одной из великих провинций империи. Она фактически охватывала Карфагенскую империю и была заселена в основном финикийцами. Его столица, Карфаген, столь долгое время соперничавший с Римом, был, вероятно, величайшим морским рынком древности после Александрии. Хотя он был полностью разрушен, все же при императорах он стал немалым городом и был столицей пояса территории, простиравшегося на сто шестьдесят миль, от Геркулесовых столбов до подножия великого Сирта, не имеющего себе равных по плодородию. Когда-то его население насчитывало семьсот тысяч жителей, он правил более чем тремя сотнями зависимых городов и мог похвастаться флотом численностью в сто пятьдесят тысяч человек.

[Примечание: Богатство Греции.]

Греция, включенная в провинцию под названием Ахайя, была следующим великим завоеванием римлян, плодом македонских войн. Несмотря на небольшую территорию, это было самое богатое из всех римских приобретений по своим последствиям для цивилизации. Огромный полуостров, к которому принадлежала Эллада, простирался от Эвксинского залива до Адриатики; но сама Эллада была не более двухсот пятидесяти миль в длину и ста восьмидесяти в ширину. Аттика занимала всего семьсот двадцать квадратных миль, но как велики были ее связи, подвиги и герои! Когда она была присоединена к империи, она была богата всеми элементами цивилизации: городами, искусством, литературой, торговлей, мануфактурами, домашними животными, фруктами, злаками. Это была гористая страна, но с обширным морским побережьем и процветающей торговлей со всеми странами мира. Почти все греческие государства имели легкий доступ к морю, и каждый из крупных городов был изолирован от остальных высокими горами, которые было трудно преодолеть. Но римское оружие и римские законы проникли в самые недоступные уголки.

[Примечание: Ее памятники, искусство и школы.]

Несмотря на свою политическую деградацию, Греция по-прежнему оставалась самой интересной страной на земном шаре. У каждого города была история; каждый памятник символизировал триумф человеческого гения. На ее классической земле были сотворены великие чудеса цивилизации — бессмертный учитель всех народов в искусстве, в литературе, в философии, в самой войне. Каждый образованный римлянин путешествовал по Греции; каждый знатный человек посылал своих сыновей учиться в ее школы; каждый великий полководец посылал на берега Тибра какой-нибудь сувенир о ее былом величии, какое-нибудь чудо

художественного мастерства. Чудеса самого Рима были всего лишь осквернением этой славной земли.

[Примечание: Слава Афин.]

[Примечание: Храмы.]

Первыми по интересу и славе были Афины, которые никогда не были так великолепны, как во времена Антонинов. Великие творения эпохи Перикла все еще сохраняли свою первоначальную красоту и свежесть, а город Минерва все еще оставался центром всего изящного и ученого, что было в древней цивилизации, и повсюду пользовался глубочайшим почитанием. Там все еще процветали различные философские школы, к которым обращались молодые люди со всех концов империи, чтобы получить образование, — Оксфорд и Эдинбург, Берлин и Париж древнего мира. Несмотря на последовательные завоевания, на Акрополе все еще возвышался храм Минервы, знаменитый Парфенон, архитектурные чудеса которого никогда не имели себе равных, построенный из пентелийского мрамора и украшенный прекраснейшими скульптурами Фидия, — дорический храм, чья суровая простота и несравненная красота были чудом всех веков, которому часто подражали, которому никогда не было равных, величественный даже в своих руинах. Рядом, на этом высоком укреплении в центре города, на его западном склоне, находились Пропилеи, один из шедевров древнего искусства, также из пентелийского мрамора, стоимостью 2000 талантов, или 23 000 000 долларов [Сноска: Smith, Geog. Диета.] когда золото стоило более чем в двадцать раз больше, чем сейчас. Затем был Эрехтеум, храм Афины Полиас, самое почитаемое из всех святилищ Афин, с его тремя ионическими портиками, фризом из черного мрамора, оливковой статуей богини и священными оградами. Великий храм Зевса Олимпийского, начатый Писистратом и завершенный Адрианом, самый большой из когда-либо посвященных божеству среди греков, имел четыре стадиона в окружности. Он был окружен перистилем с десятью колоннами спереди и двадцатью по бокам. Перистиль, двойной по бокам и имеющий тройной ряд на обоих концах, помимо трех колонн между антами на каждом конце целлы, состоял в общей сложности из ста двадцати колонн. Они были шестидесяти футов в высоту и шести с половиной футов в диаметре, самые большие из сохранившихся ныне памятников древней архитектуры из мрамора или из тех, что все еще существуют в Европе. Этот огромный храм имел триста пятьдесят четыре фута в длину и сто семьдесят один в ширину и был полон статуй. Руины этого храма, от которого до сих пор сохранились шестнадцать колонн, являются одними из самых внушительных в мире и указывают на величие города, о котором мы едва ли можем себе представить. Театр Вакха, самый красивый в древнем мире, вмещал тридцать тысяч зрителей. Мне нет нужды упоминать различные архитектурные памятники этого классического города, каждый из которых был предметом изучения — Храм Тесея, Агора, Одеум, Ареопаг, Гимнасий Адриана, Лицей и другие здания исключительной красоты, построенные в основном из мрамора и украшенные картинами и статуями. Какое гениальное произведение в целом мире интереснее, чем статуя Афины из слоновой кости и золота в Парфеноне, шедевр Фидия высотой в сорок футов, золото которого весило сорок талантов, — образец для всех последующих скульпторов, посмотреть на который приезжали путешественники со всех концов Греции? Афины, город с населением в пятьсот тысяч жителей, были наполнены чудесами искусства, которые время еще не полностью разрушило.

[Прим. автора: Коринф.]

[Примечание: Чудеса Коринфа.]

[Примечание: Это роскошь.]

Коринф был еще одним великим центром греческой цивилизации, более богатым и роскошным, чем Афины. Когда римляне захватили Коринф, у него были самые ценные фотографии в Греции. Среди них была картина Аристиды "Дионис", за которую Аттал предложил 600 000 сестерциев. Богатые торговые города всегда были покровителями изящных искусств. Они могут оценить это лучше, чем поэзию или философию. Коринфяне изобрели самый сложный архитектурный стиль, известный античности, и который был широко принят в Риме. Они также были покровителями скульптур, особенно бронзовых изделий, которыми славился город. Коринфские терракотовые сосуды были лучшими в Греции. Здесь производились все предметы элегантной роскоши, особенно изысканные столы, сундуки и буфеты. Если бы в Риме проводилась большая выставка, работы коринфян вызвали бы наибольшее восхищение и пришлось бы по вкусу роскошным сенаторам, среди которых литература и высшие достижения искусства были недооценены. После Периандра в Коринфе не было литературы, и среди прославленных писателей Греции не появилось ни одного коринфянина. В нем никогда не было оратора. Чего можно было ожидать от города, богиней-покровительницей которого была Афродита! Но Лаис почитали в городе, и богатые купцы часто посещали ее дом. Город был наиболее известен куртизанками, рабынями и экстравагантной роскошью. Это было похоже на Антиохию, Тир и Карфаген. Коринф был, вероятно, самым богатым городом Греции и одним из крупнейших. Говорят, что в нем было четыреста шестьдесят тысяч рабов. Его улицы длиной в три мили были украшены дорогими зданиями. Его крепость возвышалась на тысячу восемьсот восемьдесят шесть футов над уровнем моря и была очень мощной.

[Примечание: Спарта.]

Спарта, имевшая историческую славу, не отличалась великолепием, за исключением общественных зданий. У него был знаменитый портик, колонны которого из белого мрамора изображали выдающихся людей среди побежденных мидян.

[Прим. автора: Олимпия.]

Олимпия, священный город, славился своим храмом и освященным садом, где стояли некоторые из величайших шедевров древнего искусства, среди которых знаменитая статуя Юпитера работы Фидия — олицетворение величия и власти, — работа, послужившая образцами, из которых Микеланджело черпал свое вдохновение.

[Примечание: Delphi.]

Дельфы, еще один освященный город, обогатился пожертвованиями всей Греции и был центром дорийской религии. Святилища его оракула были так богаты, что Нерон за один раз увез оттуда пятьсот бронзовых статуй.

[Примечание: Греция обогащает Рим.]

Такова была Греция, каждый город которой славился искусством, или литературой, или торговлей, или мануфактурой, или деяниями, вошедшими в историю. Она основала великую империю на Востоке, но пала, как и все другие народы-завоеватели, от роскоши, которую породили завоевания. Она была больше не в состоянии защитить себя. Его фаланга, устоявшая

перед натиском персидских войск, уступила всепобеждающему легиону. Когда Эмилий Павел шел по Виа Сакра с добычей македонского царства в своем грандиозном и блестящем триумфе, ему предшествовали двести пятьдесят повозок с картинами и статуями и три тысячи человек, каждый из которых нес вазу с серебряными монетами, и еще четыреста человек с золотыми кронами. И все же это было лишь началом разграбления Греции.

[Примечание: Острова, колонизированные греками.]

И не только сама Греция, но и острова, которые она колонизировала, составляли немалое дополнение к славе империи. Родос был резиденцией знаменитой школы скульптуры и живописи, из которой вышли Лаокоон и Бык Фарнезе. В нем находилось три тысячи статуй и сто шесть колоссов, среди них знаменитая статуя солнца высотой сто пять футов, одно из семи чудес света, содержащее 3000 талантов — более 3 000 000 долларов. Его школа риторики была настолько прославлена, что Цицерон прибегал к ней, чтобы усовершенствовать себя в ораторском искусстве.

[Примечание: Малая Азия.]

[Примечание: Его протяженность.]

[Примечание: Города.]

[Примечание: Антиохия.]

Если мы перейдем от Греции к Малой Азии и Сирии с их зависимыми провинциями, все из которых были присоединены к империи победами Суллы и Помпея, мы еще больше поразимся размаху римского владычества. Малая Азия, обширный полуостров между Средиземным, Эгейским и Эвксинским морями, включал в себя несколько старых монархий мира. Она простиралась от Илиона на западе до берегов Евфрата, от северных частей Вифинии и Понта до Сирии и Киликии, на девятьсот миль с востока на запад и почти на триста с севера на юг. Это была сцена одних из величайших завоеваний восточного мира, вавилонских, персидских и греческих. Сирия охватывала все страны от восточного побережья Средиземного моря до аравийских пустынь. Ни одно завоевание римлян не сопровождалось таким блеском, как подчинение этих богатых и густонаселенных частей восточного мира; и они принесли в Италию безграничное богатство и роскошь. Но, несмотря на разграбление городов и разгром армий, старая монархия Селевкидов оставалась богатой и величественной. И Сирия, и Малая Азия могли похвастаться большими и цветущими городами, а также всевозможной роскошью и искусством. Антиохия была третьим городом империи, столицей греческих царей Сирии и, как и Александрия, памятником македонской эпохи. Он был построен по правильному и великолепному плану и изобиловал храмами и памятниками. Его самой поразительной особенностью была улица длиной в четыре мили, идеально ровная, с двойными колоннадами по всей длине, построенная Антиохом Эпифаном. По размерам город ненамного уступал современному Парижу и занимал больше территории, чем Рим. Здесь были свои бани, свои театры и амфитеатры, свои форумы, свои музеи, свои акведуки, свои храмы и свои дворцы. Это был самый роскошный из всех городов Востока, и в нем проживало триста тысяч свободных людей. На поздних рубежах империи он был известен как место подвигов Златоуста.

[Примечание на стороне: Эфес.]

Эфес, один из двенадцати ионических городов Азии, был славой Лидии — священного города, величайшим украшением которого был храм Дианы. Этот знаменитый храм был в четыре раза больше Парфенона, занимал столько же площади, сколько Кельнский собор, и строился двести двадцать лет. В нем было сто двадцать восемь колонн высотой в шестьдесят футов, из которых тридцать шесть были резными, каждая принадлежала царю — самый большой из всех греческих храмов и, вероятно, самый великолепный. Это был город большой торговли и богатства. Его театр был самым большим в мире, шестьсот шестьдесят футов в диаметре [Примечание: Мюллер, *Анс. Art.*] и вмещал шестьдесят тысяч зрителей. Эфес дал жизнь художнику Апеллесу и был столицей пятисот городов.

[Примечание: Иерусалим.]

[Примечание: Храм.]

[Примечание: Акрополь.]

Иерусалим, столь дорогой христианам как самое священное место на земле, окруженный высокими стенами и башнями, не такой красивый и густонаселенный, как во времена Соломона и Давида, был до его разрушения Титом одним из прекраснейших городов Востока. Его королевский дворец, окруженный стеной высотой в тридцать локтей, с украшенными башнями через равные промежутки, содержал огромные банкетные залы и покои, богато украшенные; и этот дворец, великолепный, не поддающийся описанию, был соединен портиками и садами, полными статуй и резервуаров с водой. Он занимал большее пространство, чем нынешняя крепость, от западного края горы Сион до нынешнего сада Армянского монастыря. Храм, столь знаменитый, был невелик по сравнению с великими чудесами греческой архитектуры, имея размеры всего около ста пятидесяти футов на семьдесят; но его фасад был покрыт золотыми пластинами, а некоторые камни, из которых он был сложен, имели более шестидесяти футов в длину и девяти в ширину. Его великолепие заключалось в его украшениях и огромном количестве золота и ценных пород дерева, использованных в его разнообразных украшениях, а также золотых сосудах, что делало его одним из самых дорогих зданий, когда-либо возведенных для поклонения Богу. Акрополь, который был крепостью Храма, сочетал в себе мощь замка с великолепием дворца и был подобен городу по размерам, возвышаясь на семьдесят локтей над возвышенной скалой, на которой он был построен. Иерусалим был настолько сильно укреплен даже в последние дни своего существования, что Титу потребовалось пять месяцев с армией в сто тысяч человек, чтобы покорить его; это была одна из самых запоминающихся осад в истории. Вероятно, она выстояла бы против всей мощи Рима, если бы голод не сделал больше, чем тараны.

[Примечание: Дамаск и другие города.]

Можно было бы упомянуть много других интересных городов как в Сирии, так и в Малой Азии, которые были центрами торговли, или философскими центрами, или домами искусства. Тарс в Киликии был крупным торговым городом, к которому приезжали со всех концов света. Дамаск, старейший город в мире и старая столица Сирии, был красив и богат. Лаодикия славилась гобеленами, Иераполис - своими железными изделиями, Кибара - своими красками, Сардис - своими винами, Смирна - своими прекрасными памятниками, Делос - работоторговлей, Гирена - своими лошадьми, Пафос - храмом Венеры, в котором было сто алтарей. Население Селевкии на Тигре составляло четыреста тысяч человек. Кесария, основанная Иродом Великим и главная

резиденция правительства римских префектов, имела гавань, равную по размерам знаменитому Пирею, и была защищена от юго-западных ветров молотом такой массивной конструкции, что каменные блоки, погруженные под воду, имели пятьдесят футов в длину, восемнадцать в ширину и девять в толщину. [Примечание: Иосиф Флавий, *Ant.*, xv.] Сам город был построен из полированного камня, с агорой, театром, цирком, преторием и храмом Цезаря. Тир, который в течение семи месяцев сопротивлялся армиям Александра, оставался до падения империи крупным торговым центром. Он монополизировал производство императорского пурпура. Сидон также славился своим стеклом и расшитыми одеждами. Сидонцы отливали зеркала из стекла и имитировали драгоценные камни. Но слава и Тира, и Сидона заключалась в кораблях, которые побывали на всех побережьях Средиземного моря и даже проникли в Британию и Индию.

[Прим. автора: Египет.]

[Примечание: Его древнее величие.]

[Примечание: Слава Египта.]

[Прим. автора: Фивы.]

Но больше, чем Тир, или Антиохия, или любой другой восточный город, была Александрия, столица Египта, которая была одной из последних провинций, присоединенных к империи. Только Египет был могущественной монархией — древнейшей из тех, что увековечены в истории, августейшей в записях и воспоминаниях. Какая гордость, какая помпезность, какая слава связаны с землей фараонов, с ее могучей рекой, достигающей центра огромного континента, текущей тысячи миль к морю, орошая и обогащая самую плодородную долину мира! Какие благородные и густонаселенные города возникли на его берегах за три тысячи лет до того, как почувствовалась власть Рима! Какие прочные памятники сохранились от его древней, очень древней, но исчезнувшей цивилизации! Какие сменявшие друг друга расы завоевателей одержали победу в гранитных дворцах Фив и Мемфиса! Древний, священный, богатый, густонаселенный и образованный Египет становится провинцией Римской империи. Скипетр трехсот царей переходит от Клеопатры, последней из Птолемеев, к Августу Цезарю, победителю при Акциуме; и шесть миллионов различных рас, некогда самых цивилизованных на земле, сливаются с другими расами и народами, составляющими всемирную монархию. Говорят, что когда-то, в период его наивысшего расцвета, военная сила Египта составляла семьсот тысяч человек. Ежегодный доход этого государства при Птолемах составлял около 17 000 000 долларов золотом и серебром, не считая продуктов земли. Один пир обошелся Филадельфу более чем в полмиллиона фунтов стерлингов, и он накопил сокровищ на сумму 740 000 талантов, или около 860 000 000 долларов. [Примечание: Наполеон, *Жизнь Цезаря*.] Какой европейский монарх когда-либо обладал такой суммой? Короли Египта были богаче золотом и серебром, которыми они могли распоряжаться, чем Людовик XIV в самый гордый час своей жизни. Какие монархи когда-либо правили с большей абсолютной властью, чем короли этого древнего очага науки и искусства! Основание Фив восходит к мифическому периоду египетской истории, и оно занимало такую же территорию, как Рим или Париж, в равной степени являясь центром религии, торговли, мануфактур и правительства, — священной столицей всех, кто поклонялся Амону от Пелузия до Аксума, от Красного моря до оазисов Ливии. Дворцы Фив, хотя и были руинами две тысячи лет назад, как и сейчас, были самыми большими и, вероятно, самыми великолепными, когда-либо возведенными рукой человека. Что следует думать о

дворце, центральный зал которого имел восемьдесят футов в высоту, триста двадцать пять футов в длину и сто семьдесят девять в ширину; крышу которого поддерживали сто тридцать четыре колонны диаметром одиннадцать футов и высотой семьдесят шесть футов с их пьедесталами; и где карнизы из тончайшего мрамора были инкрустированы лепниной из слоновой кости или обшиты чеканным золотом! Но я сейчас говорю не о славе Египта при Сесострисе или Рамсесе, а о том, какими они были, когда Александрия была столицей страны, — какими они были при римском господстве.

[Примечание: площадь и население Александрии.]

[Примечание: Библиотека.]

[Примечание: Общественные здания.]

[Примечание: Коммерция.]

План этого великого города был составлен самим Александром, но он не был завершен до правления Птолемея Филадельфа. Он продолжал получать украшения почти от каждого монарха из династии Лагиан. Его окружность составляла около пятнадцати миль; улицы были правильными, пересекали одна другую под прямым углом и были достаточно широкими, чтобы пропускать как экипажи, так и пеших пассажиров. Гавань была достаточно велика, чтобы вместить самый большой флот, когда-либо построенный; ее стены и ворота были построены со всем мастерством и прочностью, известными древности; ее население насчитывало шестьсот тысяч человек, и на ее многолюдных улицах были представлены все нации. О богатстве города можно судить из того факта, что за один год в государственную казну на портовые сборы было выплачено 6250 талантов, или более 6 000 000 долларов. Библиотека была самой большой в мире и насчитывала более семисот тысяч томов, и она была соединена с музеем, зверинцем, ботаническим садом и различными лекционными залами, в совокупности образуя самый знаменитый университет в империи. Жители были в основном греками и обладали всеми присущими им утонченными вкусами и меркантильной бережливостью. С коммерческой точки зрения он был самым важным в империи, и его корабли украшали все моря. Александрия отличалась удивительной красотой и была названа Аммианом *Vertex omnium civitatum*. Его сухая атмосфера на протяжении веков сохраняла резкие очертания и яркие цвета его зданий, некоторые из которых были удивительно внушительными. Мавзолей Птолемея, Верховный суд, Стадион, Гимнасий, Палестра, Амфитеатр и Храм Цезарей - все это вызывало восхищение путешественников. Торговый центр намного превосходил набережные Тибра. Но самой внушительной структурой была Биржа, на которую в течение восьмисот лет все нации посылали своих представителей. Именно торговля сделала Александрию такой богатой и красивой, чем она отличалась больше, чем Тир и Карфаген. В отличие от большинства торговых городов, он был интеллектуальным, и его школы поэзии, математики, медицины, философии и теологии были более известны, чем даже школы Афин в третьем и четвертом веках. По богатству, численности населения, интеллекту и искусству это был второй город мира. По нынешним временам это была бы великая столица.

[Примечание: Власть империи сосредоточена в западных провинциях.]

Таковы были Египет, Сирия, Малая Азия, Греция и Африка, все из которых были великими империями, но все они были присоединены к Римской империи менее чем через двести лет после того, как Италия пала жертвой удачливого города на Тибре. Но эти старые и почитаемые

монархии с их зависимыми государствами и провинциями, хотя и были внушительными и величественными, не составляли жизненно важной части империи Цезарей. Жизнь империи сосредоточилась в тех новых провинциях, которые были спасены от варваров, главным образом кельтов. Это были Испания, Галлия, Британия и Иллирия, страны, которые в настоящее время составляют самые могущественные европейские монархии, которые более верно демонстрируют силу римского мира. И эти страны были добавлены последними и не были полностью включены в состав империи до тех пор, пока императорская власть не достигла кульминации при Антонинах. Из сравнительно диких стран Испания и особенно Галлия превратились в густонаселенные и процветающие государства, усеянные городами и обученные всем областям римского искусства и науки. Из этих провинций набирались армии, заполнялись школы, и даже великие полководцы и императоры были обеспечены всем необходимым. Эти провинции охватывали почти всю современную Европу.

[Примечание: Испания.]

[Примечание: Его провинции.]

[Примечание на стороне: Productions.]

[Примечание: Его населенные пункты.]

[Примечание: его коммерческие центры.]

Испания была присоединена к империи после разрушения Карфагена, но только после ожесточенной и затяжной войны. Она завершилась взятием Нумантии, города кельтиберов в долине Дору, и его осада более известна, чем осада Карфагена, поскольку он долгое время бросал вызов всей мощи империи, как Тир бросил вызов Александру, а Иерусалим - армиям Тита. Она уступила гению Сципиона, завоевателя Африки, как Ла-Рошель в более поздние времена пала перед Ришелье, но только после того, как голод сделал свое дело. Цивилизация Испании быстро развивалась после падения Нумантии, и во времена Антонинов она была одной из самых богатых и ценных римских провинций. Она охватывала весь полуостров, от Геркулесовых столбов до Пиренеев; и воинственные народы, составлявшие ее, полностью латинизировались. Он был разделен на три провинции — Бетику, Лузитанию и Тарраконенсис - все они управлялись преторами, последний из которых обладал консульской властью и проживал в Картаго-Нова, на Средиземном море. При Константине Испания с ее островами была разделена на семь провинций и выделялась на фоне остальной империи, как круглая бастионная башня на стенах старого укрепленного города. Это великолепное владение, простиравшееся на четыреста шестьдесят миль с севера на юг и на пятьсот семьдесят с востока на запад, включая, вместе с Балеарскими островами, 171 300 квадратных миль, с богатой и плодородной почвой и неисчерпаемыми минеральными ресурсами, стоило римлянам больше, чем все завоевания Помпея и Суллы, поскольку давало людей для армий и материалы для новой цивилизации. Он поставлял зерно, масло, вино, фрукты, пастбища, всевозможные металлы и драгоценные камни. Бетика славилась своими урожаями, Лузитания - своими стадами, Тарраконенсис - своей древесиной, а поля вокруг Картаго-Новы - материалами, из которых изготавливались снасти. Но огромная ценность полуострова в глазах римлян заключалась в его богатых рудниках золота, серебра и других металлов. Основную часть населения составляли иберийцы. Кельтский элемент был следующим по значимости. Существовало шестьсот девяносто три больших города, в которых вершилось правосудие. Новый Карфаген,

расположенный на Средиземном море, имел великолепную гавань, был сильно укреплен и имел двадцать стадиев в окружности, был крупным торговым центром и находился в непосредственной близости от богатейших серебряных рудников Испании, на которых работало сорок тысяч человек. Гадес (Новый Кадис), финикийская колония на берегу Атлантического океана, был еще одним торговым центром, население которого насчитывало пятьсот всадников и было чрезвычайно богатым. Кордуба, расположенная на реке Боэтис (Гвадалквивир), столица Боэтики, была густонаселенным городом до римского завоевания и уступала только Гадесу в качестве торгового центра. Это была родина Сенеки и Лукана.

[Примечание: Богатство Галлии.]

[Примечание: Население и города.]

[Примечание: Великолепие галльских городов.]

Галлия, которая была первым из самых блестящих завоеваний Цезаря и на осуществление которой ему потребовалось десять лет, была еще более обширной провинцией. Она была населена в основном кельтскими племенами, которые, объединившись с германскими народами, вели самую упорную оборону. После присоединения к империи Галлия быстро стала цивилизованной. Это была великолепная страна, простиравшаяся от Пиренеев до Рейна, с морским побережьем протяженностью более шестисот миль и отделенная от Италии Альпами площадью 200 000 квадратных миль. Великие реки, как и в Испании, способствовали обширной торговле с внутренними районами, и на их берегах были густонаселенные и красивые города. Его обширное побережье как на Средиземном, так и на Атлантическом океанах обеспечивало ему связь со всем миром. Здесь в большом изобилии производились кукуруза, масло и вино, эти основные продукты питания. Здесь был прекрасный климат и здоровое и выносливое население, воинственное, отважное и щедрое. Галлия была густонаселенной страной даже во времена Цезаря и располагала двенадцатью сотнями поселков, некоторые из которых имели большое значение. Бурдигала, ныне Бордо, главный город Аквитании на Гаронне, славился своими школами риторики и грамматики. Массолия (Марсель) до Пунических войн была сильным укрепленным городом и в основном занималась торговлей. Вьенна, город Аллоброгов, была обнесена высокими стенами и имела амфитеатр, диаметр которого достигал пятисот футов, а акведуки снабжали город водой. Лугдунум (Лион) на Роне был местом большой торговли и был заполнен храмами, театрами, дворцами и акведуками. Немаус (Нозмес) подчинял себе двадцать четыре деревни и, судя по сохранившимся памятникам, должен был быть городом значительного значения. Его амфитеатр вмещал бы семнадцать тысяч человек, а его акведук, построенный из трех последовательных ярусов арок высотой сто пятьдесят пять футов, длиной восемьсот семьдесят футов и шириной пятьдесят футов, до сих пор является одним из прекраснейших памятников древности, построенных из камня без цемента. Он по-прежнему цельный и крепкий и дает нам яркое представление о великолепии римской каменной кладки. Нарбо (Narbonne) был еще одним торговым центром, украшенным общественными зданиями, которые вызывали восхищение древних путешественников. Современные города Трев, Булонь, Реймс, Шалон, Кельн, Мец, Дижон, Санс, Орлеан, Пуатье, Клермон, Руан, Париж, Базиль, Женева - все они находились под властью Рима, а некоторые были очень древними.

[Прим. автора: Иллирик.]

Иллирик не известен в римской истории, но был очень значительной провинцией, равной в наше время всей Австрийской империи, и был так же полностью освобожден от варварства, как Галлия или Испания. И Иероним, и Диоклетиан родились в маленьком далматинском городке.

[Примечание: Окультуренное лицо природы.]

[Примечание: Сельскохозяйственное богатство.]

Ничто не могло превзойти страны, граничащие со Средиземноморьем, во всем том, что дает материальное процветание. Они были целебны по климату, плодородны по почве, возделывались как сад, изобилуя почти всеми фруктами, овощами и злаковыми культурами, известными сейчас цивилизации. Прекрасный лик природы был предметом всеобщего восхваления падения империи. Не было разрушительных войн. Все различные провинции контролировались центральной властью, исходившей из Рима. Здесь были простор для торговли и все виды производственного мастерства. Италия, Сицилия и Египет были особенно плодородны. Последняя страна поставляла зерно в бесчисленных количествах на римский рынок. Италия могла похвастаться пятьюдесятью сортами вина и была покрыта роскошными виллами, в которых были пруды с рыбой, консервы для дичи, обширные оливковые рощи и виноградники, не говоря уже о фермах, производивших молоко, сыр, мед и домашнюю птицу. Сирия была настолько процветающей, что ее жители делили свое время между полем боя, пиршествами и гимнастическими залами и предавались постоянным празднествам. Она была настолько богата, что Антиох III. когда-то смог предоставить дань в размере 15 000 талантов, помимо 540 000 мер пшеницы. Роскошь Ниневии и Вавилона возродилась в финикийских городах.

[Примечание: Природные продукты различных провинций.]

Испания производила лошадей, мулов, шерсть, масло, инжир, вино, кукурузу, мед, пиво, лен, полотно, а также добывала медь, серебро, золото, ртуть, олово, свинец и сталь. Галлия была настолько возделана, что в ней было мало пустырей, и выращивались те же фрукты и овощи, что и в наши дни. Ее ветчина и колбасы высоко ценились. Сицилия славилась пшеницей, Сардиния - шерстью, Эпир - лошадьми, Македония - козами, Фессалия - маслом, Беотия - льном, Скифия - мехами, а Греция - медом. Почти все цветы, травы и фрукты, растущие в европейских садах, были известны римлянам — абрикос, персик, гранат, цитрон, апельсин, айва, яблоко, груша, слива, вишня, инжир, финик, олива. Мартиал говорит о перце, фасоли, мякоти, чечевице, ячмене, свекле, листьях салата, редисе, ростках капусты, луке-порее, репе, спарже, грибах, трюфелях, а также о всевозможной дичи и птицах. [Примечание: Марциал, Б. 13.] Ни в одну эпоху мира сельское хозяйство не пользовалось таким почетом, как до падения империи.

[Примечание: Дороги.]

И все эти провинции были связаны друг с другом и со столицей великолепными дорогами, совершенно прямыми и вымощенными большими каменными блоками. Первоначально они были построены для военных целей, но использовались путешественниками, и на них регулярно устанавливались посты. Они пересекали долины по аркам и проникали в горы. Особенно в Италии, они были великими произведениями искусства и соединяли все провинции. Среди великих дорог, ведущих в Рим как центр, были дороги Клодия и Кассиана, которые проходили через Этрурию; Америна и Флавиния через Умбрию; Виа Валерия, которая заканчивалась в Альтернуме на Адриатике; Виа Латина, которая, проходя через Лациум и Кампанию,

простиралась до южной оконечности Италии; Виа Аппиа также проходила через Лациум, Кампанию, Луканию, Япигию до Брундузия на Адриатике. Опять же, от центральной конечной станции в Милане несколько линий проходили через ущелья Альп и соединяли Италию с Лионом и Майнцем, с одной стороны, и с провинциями Тироль и Дунай, с другой. Испания и южная Галлия были соединены большой дорогой из Кадикса в Нарбонну и Арль. Лион был еще одним центром, от которого разветвлялись военные дороги на Сент, Марсель, Булонь и Майнс. Фактически, римский легион мог пересечь каждую провинцию империи по этим великолепно построенным дорогам общего пользования, таким же большим и важным во втором веке, как железные дороги в настоящее время. От Стены Антония существовало непрерывное сообщение через Йорк, Лондон, Сандвич, Булонь, Реймс, Лион, Милан, Рим, Брундиций, Диррахий, Византию, Анкиру, Тарс, Антиохию, Тир, Иерусалим — на расстояние 3740 миль. И эти дороги были разделены вехами, а дома для путешественников возводились через каждые пять-шесть миль.

[Примечание: Коммерция.]

[Примечание: Предметы древней торговли.]

Торговля при императорах была не такой, как сейчас, но все же была очень значительной и, таким образом, объединяла различные провинции вместе. Самые отдаленные страны были разграблены, чтобы доставить предметы роскоши Риму. Каждый год флот из ста двадцати судов отправлялся из Красного моря к островам Индийского океана. Но Средиземное море с впадающими в него реками было великим путем древних мореплавателей. Мореплавание древних было даже более быстрым, чем в наше время до изобретения пара, поскольку весла использовались так же, как и паруса. Летом сто шестьдесят две римские мили преодолевались за двадцать четыре часа. Это была средняя скорость, или около семи узлов. Из устья Тибра суда обычно достигали Африки за два дня, Массилии - за три, Таррако - за четыре и Геркулесовых столпов - за семь. Из Путеол переход в Александрию был совершен при умеренных ветрах за девять дней. Но эти факты относятся только к лету и к объектам с благоприятными ветрами. Римляне не плавали в ненастное время года. Но летом великое внутреннее море было белым от парусов. Огромные флотилии привозили зерно из Галлии, Испании, Сардинии, Африки, Сицилии и Египта. Это была самая важная торговля. Но значительная торговля велась слоновой костью, панцирем черепахи, хлопчатобумажными и шелковыми тканями, жемчугом и драгоценными камнями, камедью, специями, винами, шерстью, маслом. Греческие и азиатские вина, особенно чианские и лесбийские, пользовались большим спросом в Риме. Перевозка фаянса, производимого обычно в греческих городах; диких животных для амфитеатра; мрамора, трофеев восточных городов, военных машин, припасов и лошадей требовала очень большого флота и тысяч моряков, которые, вероятно, принадлежали, главным образом, таким крупным морским городам, как Александрия, Коринф, Карфаген, Родос, Кирена, Массалия, Неаполь, Тарент и Сиракузы. Этим великим городам с их зависимостями требовалось даже больше судов для сообщения друг с другом, чем для самого Рима — великого центрального объекта предприимчивости и алчности.

[Примечание: Метрополия империи.]

[Примечание: Центр и гордость мира.]

[Примечание: Его разнообразные объекты интереса.]

В этом обзоре провинций и городов, составлявших империю Цезарей, я еще не говорил о великом центральном городе - Городе на Семи холмах, которому подчинялся весь мир. Рим был так велик, так обширен, так важен во всех смыслах, политическом и социальном; он был такой концентрацией богатств и чудес, что это требует отдельного и более полного описания, чем то, которое я смог дать о тех гордых столицах, которые в конце концов уступили его величественному господству. Все другие города не просто уступали ей первенство, но и способствовали ее величию. Все, что было дорогим, редким или красивым в Греции, Азии или Египте, присваивалось ее царями-гражданами, поскольку граждане были губернаторами провинций. Все великие дороги, от Атлантики до Тигра, сходились к Риму. Все корабли Александрии, Карфагена, Тарента и других торговых столиц были задействованы для оснащения корабля предметами роскоши или первой необходимости. Никогда еще не было такого гордого города, как это "Воплощение Вселенной". Лондон, Париж, Вена, Константинополь, Санкт-Петербург, Берлин — великие центры моды и могущества; но они соперничают и превосходят друг друга только в какой-то крупной области человеческой предприимчивости и гениальности, например, в литературе, моде, торговле или мануфактурах - центрах влияния и могущества в странах, столицами которых они являются, однако они не монополизируют богатства и энергию мира. В Лондоне может проживать больше людей, чем в Древнем Риме, и он может обладать большим коммерческим богатством; но Лондон представляет собой только британскую монархию, а не всемирную империю. Рим, однако, монополизировал все и контролировал все нации и народности. Она могла бы закрыть школы в Афинах, или разогнать корабли в Александрии, или навести порядок в магазинах Антиохии. То, что Лион или Бордо для Парижа, Коринф или Вавилон были для Рима второстепенными городами, зависимыми городами. Павел осудил в Иерусалиме, простер руки к Риму, и Рим защищает его. Философы Греции являются наставниками римской знати. Короли Востока прибегают к дворцам горы Палатин за милостями или безопасностью. Правители Сирии и Египта, правившие во дворцах древних царей, возвращаются в Рим, чтобы растратить накопленные ими богатства. Сенаторы и знать, в свою очередь, становятся суверенными правителями всех известных стран мира. Залы, в которых пировали Дарий, и Александр, и Перикл, и Крез, и Соломон, и Клеопатра, если их не пощадили пожары войны, напоминают пиры римских проконсулов. Вавилон, Фивы и Афины были тем же, чем Дели и Калькутта являются для англичан наших дней, — городами, которыми правят делегаты Римского сената. Рим был единственным "домом" гордых правителей, правивших на берегах Темзы, Сены, Рейна, Нила, Тигра. Обогатившись награбленным при древних монархиях, они возвращались в свои поместья в Италии или во дворцы на Авентине, ибо на земле была только *одна* столица - один великий центр притяжения. Даже для египтянина Александрия была всего лишь провинцией. Он должен был отправиться на берега Тибра, чтобы увидеть нечто большее, чем его собственная столица. Это было резиденцией правительства для ста двадцати миллионов человек. Он был судьей вкуса и моды. Это был дом генералов, сенаторов и государственных деятелей, художников, ученых и торговцев, которые были известны по всей империи. Он обогащался за счет пожертвований покоренных народов в течение восьмисот лет. В нем было больше мраморных статуй, чем живых жителей. Каждое место было освящено ассоциациями; у каждого храма была история; каждый дворец был ареной празднеств, которые сделали его знаменитым; каждый памятник указывал на деяния прославленных умерших и раздувал гордость самых могущественных семей, созданных аристократическими эпохами.

* * * * *

Что касается древних авторитетов, см. Страбона, Плиния, Полибия, Диодора Сицилийского, Тита Ливия, Павсания и Геродота. В *"Истории цезаря" Наполеона есть достойная глава о процветании Средиземноморья*. Смит, *Словарь древней географии*, является исчерпывающим. Смотрите также статью Мюллера о *Аттике* в *"Эрше"* и *"Энциклопедии Грубера"*, переведенную Локхартом; *Стюарт и Ревелл*, *"Древности Атика"*; *Додвелл*, *"Путешествие по Греции"*; *Уилкинсон*, *"Путеводитель для путешественников по Египту"*; *Беккер*, *"Путеводитель по Риму"*, ". Антон составил полезный труд по древней географии, но наиболее доступной и ценной книгой о материальных аспектах древнеримского мира является *"Большой словарь Смита"*, из которого в основном составлена эта глава.

ГЛАВА III.

ЧУДЕСА ДРЕВНЕГО РИМА.

[Примечание: ранние обитатели Италии.]

Великая столица древнего мира имела очень скромное начало, и это окутано мифами и тайнами. Даже латинский род, населявший страну от Тибра до Вольских гор, который дал жизнь первым жителям города, не может быть четко прослежен, поскольку у нас нет преданий о первом переселении человеческой расы в Италию. Моммзен предполагает, что народы, населявшие Лаций, принадлежат к индогерманской семье. Среди них, вероятно, были независимые кантоны Рамниан, титий и Луцерес, которые объединились в единое государство и занимали холмы, возвышавшиеся примерно в четырнадцать милях от устья Тибра. Вокруг этих холмов жило сельское население, которое возделывало поля. Из этих поселений возник укрепленный форт на Палатинском холме, приспособленный для торговли из-за своего расположения на Тибре, а также крепость для защиты городских поселков. Несмотря на нездоровый вид на своем участке, он был превосходно приспособлен для этих целей и, таким образом, рано стал важным местом.

[Примечание: Основание Рима.]

[Примечание: Поселение при Ромулусе.]

[Примечание: Размеры города на момент смерти Ромула.]

Легенды приписывают "Вечному городу" другое основание. Но они также относят Палатин к ядру древнего Рима. Именно на этом холме Ромул и Рем выросли до зрелости, и именно этот холм Ромул выбрал в качестве места для города, который он так хотел построить. Но современные критики предполагают, что он занимал не весь холм, а только его западную часть. Варрон, авторитет которого общепризнан, датой основания города называет 753 год до Рождества Христова. Первым запоминающимся событием в истории этого маленького города разбойников стала забота Ромула об увеличении его населения путем открытия приюта для беглых рабов на Капитолийском холме. Но это обеспечивало только мужчин, у которых не было жен. И когда предложение основателя заключить смешанные браки с соседними народами было отклонено, он прибегнул к хитрости и силе. Он приглашает сабинян и жителей других латинских городов стать свидетелями игр. Собирается толпа мужчин и женщин, и пока все увлечены играми, римский юноша хватает незамужних женщин. Затем, конечно, следует война с сабинянами, результатом которой является то, что сабиняне объединяются с римлянами и поселяются на Квиринале. Холм Сатурна остается во владении сабинян, в то время как Ромул

принимает сабинское имя Квирин, из чего мы делаем вывод, что сабинянам досталась лучшая часть конфликта. Каллий, который, как говорят, помогал Ромулу, получает в качестве компенсации холм, известный как Целийский. После смерти Ромула, правившего тридцать семь лет, Рим состоял из Палатинского, Квиринальского, Целианского и Капитолийского холмов.

[Примечание: М. Ампер, *История. Рим.*, том i, глава xii.] Таким образом, сабиняне занимают два из семи холмов и снабжают новорожденный город не только людьми, но и законами, обычаями и манерами, особенно религиозными обрядами.

[Примечание: Общественные работы Numa.]

Правление Нумы было посвящено укреплению власти, которую приобрел Ромул, цивилизации его подданных и благоустройству города. Он поселил свою резиденцию между римским и сабинским городами и воздвиг рядом с Регией храм Весты, который, вероятно, был всего лишь *святым местом*. Вероятно, именно вместе с этими зданиями возникла Сакра Виа. Впоследствии Регия стала резиденцией Верховного Понтифика. Нума основал на Палатине Курию Салиорум, а на Квиринале построил храм Ромула, впоследствии перестроенный Августом. Он также воздвиг на Квиринале цитадель, соединенную с храмом Юпитера, с кельями Юноны и Минервы. Он превратил ворота, служившие входом в сабинянский город, в храм Януса и заложил на Капитолии большой храм Fides Publica, общественной веры.

[Примечание: Правление Тулла Гостилия.]

[Примечание: Благоустройство города, сделанное Туллом.]

В правление Тулла Гостилия произошло взятие Альба-Лонги, старой столицы Лация, где правил Нума, и переселение ее жителей в Рим, который, таким образом, стал главным городом латинской лиги. Они располагались на Целиане, который также стал резиденцией короля. Он построил Курию Враждебную, зал заседаний сената, для размещения знатных альбанских семей, в котором римский сенат собирался в северо-западном углу Форума до последних времен республики. Это был храм, но не предназначенный для богослужений, примыкавший к восточной стороне Вулкана. За счет трофеев Альба-Лонги Тулл улучшил Комиций, помещение в северо-западной части Форума, напротив Курии, общего места встреч римлян и сабинян. На Квиринальском холме он воздвиг Курию Соляную в подражание Курии Нумы на Палатине, посвященную поклонению Квирину.

[Примечание: Рост Рима во время правления Анка Марция.]

Анк Марций, внук Нумы, наследовал Туллу после тридцатидвухлетнего правления. При нем город значительно расширился за счет жителей различных латинских городов, которые он покорил. Они поселились на Авентине и в долине, отделявшей его от Палатина, которую Нибур считает родиной римского плебса, хотя Льюис утверждает, что плебейский строй возник одновременно с основанием города. Анкус укрепил Монс Яникулус, холм на западном берегу Тибра, для защиты города. Он соединил его с Римом мостом Сублиций, самым ранним из римских мостов, построенным на сваях. До времен Августа Яникулум был мало занят жилыми домами. Анк основал Остию в устье Тибра, которая стала портом Рима. Именно этот царь построил знаменитую Мамертинскую тюрьму недалеко от Форума, под северной вершиной Капитолия.

[Примечание: Тарквиний Приск.]

[Примечание: Верхняя часть клоаки.]

[Примечание: Храм Юпитера Капитолийского.]

На смену этому царю, правившему двадцать четыре года, пришла новая династия; династия Тарквиниев, этрурской семьи греческого происхождения, происходившей из Коринфа, колыбели греческого искусства, известного как место рождения живописи, а также своих изделий из керамики и бронзы. Тарквиний Приск построил Большую Клоаку, этот обширный коллектор, который осушал Форум и Велабрум и который Нибур считает одним из самых грандиозных памятников древности. Он состоял из трех полукруглых арок, примыкающих одна к другой, самая внутренняя из которых имела диаметр двенадцать футов, достаточно большой, чтобы по ней могла проехать римская телега с сеном. [Примечание: Арнольд, *История Рима*, том i, стр. 52.] Он был построен без цемента и до сих пор остается великолепным образцом совершенства старинной тосканской каменной кладки. Вдоль южной стороны Форума этот просвещенный монарх построил ряд лавок, занятых мясниками и другими торговцами. Во главе Форума и под Капитолием он основал Храм Сатурна, руины которого свидетельствуют о значительном великолепии. Но его величайшей работой было основание Капитолийского храма Юпитера, завершенное Тарквинием Гордым, освященной цитадели, в которой хранилось все, что больше всего ценилось римлянами.

[Примечание: Вступление на престол Сервия Туллия.]

Во время правления Сервия Туллия, сменившего Тарквиния в 578 году до н.э., различные слои населения были объединены, и семь холмов, а именно Палатинский, Капитолийский, Квиринальский, Целийский, Виминальский, Эсквилинский и Авентинский, были покрыты домами и окружены стеной примерно в шесть миль в окружности. На Авентине был возведен храм Дианы, а также два храма Фортуны, один - Юноне и один - Луне. Сервий также посвятил Марсово поле и расширил Мамертинскую тюрьму, добавив подземную темницу непроницаемой силы.

[Прим. автора: Тарквиний Великий.]

После убийства Сервия Туллия в 535 году до н.э. его зять Тарквиний Великолепный узурпировал власть и много сделал для украшения города. Капитолийский храм был построен на искусственной платформе с тройным рядом колонн спереди и двойным рядом по бокам. Он был шириной в двести футов, с тремя примыкающими друг к другу ячейками, центр был отведен Юпитеру, а по обе стороны от него располагались Юнона и Минерва. Храм имел единственную крышу и просуществовал почти пятьсот лет, прежде чем был сожжен дотла и отстроен заново с еще большим великолепием.

[Примечание: Рим при первых консулах.]

[Примечание: римские дороги.]

Таковы были главные улучшения города во время царского правления. При консулах рост был постоянным, но не был отмечен грандиозными зданиями. Портунус, победитель Тарквиниев у озера Регилл, воздвиг храм Церере, Либере и Либерере на западной оконечности Большого цирка. Камилл основал знаменитый храм Юноны на Авентине. Но этот и несколько других храмов были разрушены, когда галлы захватили город. Город отстраивался наспех и без

особого внимания к регулярности. В его архитектурных памятниках не было ничего запоминающегося до времен Аппия Клавдия, который построил Виа Аппия, первый римский акведук. Фактически, постоянные войны римлян препятствовали значительному благоустройству города вплоть до падения Тарента, хотя послы Пирра были поражены его величием. М. Курий Дентат начал строительство акведука под названием Анио Ветус в 278 году до н.э., большая часть которого находилась под землей. Его общая протяженность составляла сорок три мили. Q. Фламиний, 220 г. до н.э., между первой и второй пуническими войнами, построил великую магистраль, названную в его честь Via Flaminia — великой северной дорогой Италии, поскольку Via Appia была южной. Эти дороги были построены очень искусно. При их строительстве земля выкапывалась до тех пор, пока не получался прочный фундамент; поверх него укладывался слой рыхлых камней, затем еще один слой щебня толщиной девять дюймов из битого камня, зацементированного известью, затем еще один слой битой керамики, зацементированный таким же образом, поверх которого была выложена мостовая из больших многоугольных блоков твердого камня, хорошо подогнанных друг к другу. Построенные таким образом дороги были чрезвычайно долговечны, так что их участки, построенные две тысячи лет назад, до сих пор находятся в отличном состоянии сохранности.

[Примечание: Древние базилики.]

[Примечание: Храм Геркулеса.]

[Примечание: Азиатская роскошь.] Улучшение Рима было быстрым после завоевания Греции, хотя разрушительные пожары часто превращали большие части города в руины. Божества покоренных народов были введены в римское богослужение, и им были воздвигнуты храмы. В начале второго века до нашей эры мы замечаем возведение базилик, используемых в качестве судов общей юрисдикции и своего рода биржи, первая из которых была построена М. Порцием Катонем в 184 году до н.э. на северной стороне Форума. Оно имело продолговатую форму, открытое воздуху, окруженное колоннами, на одном конце которых располагался судейский трибунал. Вскоре за базиликой Порция последовала базилика Фульвия за Новыми Аргентариями, которые заменили мясные лавки. Фульвий Нобилия также украсил город храмом Геркулеса на Марсовом поле и привез из Амбразии, бывшей резиденции Пирра, двести тридцать мраморных и двести восемьдесят пять бронзовых статуй, а также картины. Л. Эмилий Павел основал торговый центр на берегу Тибра как место высадки и продажи товаров, перевозимых морем, и построил мост через Тибр. Семпроний Гракх, отец двух демагогов-патриотов, возвел третью базилику в 169 году до н.э. на южной стороне Форума, на месте дома Сципиона Африканского. Триумф Эмилия Павла принес в город столько картин и статуй, что их хватило бы на двести пятьдесят колесниц, а также огромное количество золота и серебра. Корнелий Октавий в 167 году до н.э. построил большой дворец на Палатине, один из первых образцов элегантной домашней архитектуры, и возвел великолепный двойной портик с капителями из коринфской бронзы. С ростом вкуса к архитектурным представлениям появились различные азиатские предметы роскоши — бронзовые кровати, массивные буфеты, столы из дорогих пород дерева, повара, пантомимистки, танцовщицы и роскошные банкеты. Метелл воздвиг первый мраморный храм в Риме, перед которым он установил двадцать пять бронзовых статуй, выполненных Лисиппом для Александра Македонского.

[Примечание: Разграбление Коринфа.]

[Примечание: Украшение форума.]

В тот же год, когда был отмечен триумф Метелла, в 146 году до н.э., также произошли падение Карфагена и разграбление Коринфа Муммием, так что многие из лучших образцов греческого искусства были доставлены на берега Тибра. Среди них была знаменитая картина Вакха работы Аристиды, которая была помещена в Храме Вакха, Цереры и Прозерпины. Теперь на Форуме было много жемчужин греческого искусства, среди которых были статуи Алкивиада и Пифагора, стоявшие рядом с комитиумом, Три Сивиллы, помещенные перед рострой, и картина Серапиона, украшавшая балконы таберн на южной стороне Форума.

[Прим. автора: Аква Марсия.]

В 144 году до нашей эры Квентин Марций Рекс построил Аква Марсия, один из самых благородных римских памятников, протяженностью шестьдесят две мили, семь из которых были с арками, достаточно высокими, чтобы снабжать Капитолий чистой и холодной водой. Семнадцать лет спустя Аква Тепула была присоединена к акведукам Рима.

[Примечание: Триумфальные арки.]

Первая триумфальная арка, возведенная в ознаменование побед, была построена в 196 году до н.э. Л. Сертением. Сципион Африканский воздвиг еще один на Капитолии, и Q. Фабий, 121 год до н.э., воздвиг еще один в честь своих побед над Аллоброгами. Она пересекала Виа Сакра, где выходила на Форум, и в то время была заметным памятником, хотя и значительно уступала аркам императорского режима.

[Примечание: Храм Согласия.]

[Примечание: Базилика Опимия.]

Когда в Риме восстановилось спокойствие после беспорядков, связанных с убийством Гракхов, сенат приказал построить Храм Согласия в 121 году до н.э. в память об этом событии. Этот храм находился на возвышенности Вулкана и имел значительные размеры. Он использовался для случайных заседаний Сената и содержал много ценных произведений искусства. Рядом с этим храмом консул Опимий возвел базилику Опимия, которой пользовались серебряники, которые были банкирами и ростовщиками Рима. Весь квартал на северной стороне Форума, где стояла эта базилика, был римской биржей — центром всех денежных операций.

[Примечание: Частные дворцы.]

[Примечание: Дома знати.]

Растущее богатство и роскошь Рима, особенно вызванные завоеванием Азии, привели к возведению на Палатине этих великолепных частных резиденций, которые стали одной из самых ярких особенностей столицы. Первый из этих исторических домов был построен М. Ливием Друзом и выходил окнами на город. Впоследствии он перешел в руки Красса, Цицерона и Цензорина. У Помпея был дом на Палатине, но впоследствии он перенес свою резиденцию в Казины, другой аристократический квартал. М. Эмилий Лепид также жил в великолепном дворце; дом Красса был еще великолепнее, украшенный мраморными колоннами с горы Гимет. Дом Катуллов превосходил даже дом Красса. Этот дом снова превзошел дом Аквиллия на Виминале, который некоторое время был самым великолепным в Риме, пока Лукулл не занял почти весь Пинцианский холм своими садами и галереями искусств, в которых хранились некоторые из шедевров античности. Сады Сервилия, раскинувшиеся на

склоне Авентинских домов, были украшены греческими статуями, превосходящими по красоте статуи Саллюстия между Пинцианским и Квиринальским холмами, построенные на трофеи Нумидии и, в конечном счете, принадлежавшие императорам. Дом Клодия на Палатине, рядом с домом Цицерона, был одним из лучших в Риме, его занимал до него Сква, который заплатил за него почти пятнадцать миллионов сестерциев, около 650 000 долларов. Он был украшен греческими картинами и скульптурами. Дом Цицерона, который он купил у Красса, обошелся ему в 150 000 долларов. Его атриум был украшен колоннами из греческого мрамора высотой тридцать восемь футов. Гортензий жил в доме на Палатине, который впоследствии занял Август. Резиденция его друга Атика на Квиринале была более скромной, главным украшением которой была роща. Помпей окружил свой дом садами и портиками.

[Примечание: Разрушение и восстановление Капитолия.]

83 год до нашей эры ознаменовался разрушением в результате пожара старого Капитолийского храма, который устоял перед опустошениями галлов. Сулла стремился восстановить его и распорядился перевезти для этой цели в Рим колонну Зевса Олимпийского в Афинах. Он был достроен Цезарем, а его крыша была позолочена за счет 15 000 000 долларов. Фронтон был украшен скульптурами, а рядом с ним стояла колоссальная статуя Юпитера.

[Примечание: Театр Помпея.]

В первые века республики в Риме не было театров, и театральные представления считались деморализующими. Обычная драма была последним достижением даже греческого гения. Римская аристократия отказывалась от драматических развлечений вплоть до завоевания Греции. Эти пьесы были представлены и ставились на временных сценах под открытым небом или в деревянных зданиях. Большого театра не существовало до тех пор, пока Помпей не воздвиг каменный в 55 году до н.э. на Марсовом поле, который был способен вместить восемьдесят тысяч зрителей, а между его многочисленными колоннами стояли три тысячи бронзовых статуй. [Сноска: *Plin. H. N.*, xxxvi. 24.] Он также воздвиг за своим театром грандиозный портик из ста колонн, который стал одним из самых модных мест отдыха в Риме и был украшен статуями и изображениями. Помпей также построил различные храмы.

[Примечание: Форум Джулиана.]

[Прим. автора: Базилика Юлия.]

Однако его великий соперник превзошел его в трудах по украшению столицы. Цезарь расширил Форум, или, скорее, добавил новый, основание которого обошлось в 2 500 000 долларов. Он назывался Форум Юлиана и имел триста сорок футов в длину и двести в ширину, в нем находился храм Венеры. Однако он не дождался осуществления своих великолепных планов. Он намеревался построить здание для собрания Трибунных комиций из мрамора с портиком, охватывающим пространство в квадратную милю, а также воздвигнуть храм Марсу беспрецедентных размеров и великолепия. Он начал строительство базилики Юлия и Курии Юлия — огромных зданий, которые были достроены при императорах.

[Примечание: Рим при императорах.]

Таковы были главные здания Рима до прихода к власти империи. Август хвастался, что нашел город из кирпича, а оставил из мрамора. Только после того, как императоры украсили город

амфитеатрами, театрами, банями и огромными архитектурными памятниками, он стал действительно достоин того, чтобы считаться мировой столицей. Великие улучшения Рима в республиканский период носили частный характер, например, дворцы сенаторских семей. В греческих городах не было храмов, равных таковым ни по размеру, ни по украшению, ни по красоте. Действительно, Рим никогда не славился храмами, а скорее зданиями материального назначения, чем для поклонения богам; и все же римляне, находившиеся под властью аристократии, были более религиозны, чем коринфяне или афиняне.

[Примечание: Труды Августа.]

[Побочное примечание: Субура.]

[Примечание: Римский форум.]

[Примечание: Его великолепие.]

[Примечание: окружающие здания.]

[Примечание: Храм Кастора и Поллукса.]

[Прим. автора: Базилика Юлия.]

[Примечание: Арка Септимия Севера и колонны Траяна.]

[Примечание: Форум Julium.]

[Примечание: Форум августа.]

[Примечание: Форум Траяна.]

[Примечание: Базилика Ульпия.]

После уничтожения сенаторской или конституционной партии, правившей после изгнания королей, а возможно, и раньше, и мирного восшествия на престол Августа в 31 году до н.э. был дан большой импульс украшению города. Его долгое правление, его строгий вкус и огромные средства — бесспорный хозяин ста пятидесяти миллионов подданных — позволили ему осуществить замыслы Юлия и восстановить огромное количество памятников, пришедших в упадок. Но даже тогда Риму не хватало того, что больше всего привлекает внимание в наших современных столицах, — улиц и площадей. Самая длинная улица Рима едва достигала трех четвертей мили в длину, но дома на ней были очень высокими. Кроме того, улицы были узкими и темными — едва ли более пятнадцати футов в ширину. Но они не были перегружены экипажами. Частные экипажи, составляющие одну из самых впечатляющих черт современного города, были неизвестны. На римской улице, темной, узкой и грязной, с небольшим количеством транспортных средств и обшарпанными магазинами, как в Париже в средние века, не было ничего привлекательного. Солнце почти никогда не проникало туда. Было сыро и холодно. Большая часть города принадлежала богатым и эгоистичным капиталистам, таким как Красс, которые больше думали о своей выгоде, чем о здоровье или красоте города. Субура, Саб-Велия и Велабрум, построенные в долинах, были застроены высокими домами, часто больше и редко меньше семидесяти футов в высоту. Только холмы были покрыты аристократическими резиденциями, храмами и общественными памятниками. Единственным открытым пространством, где бедняки могли подышать свежим воздухом и полюбоваться обширными

видами, были Большой цирк и Римский форум. Первый имел три четверти мили в длину и одну восьмую в ширину, был окружен двойным рядом скамей, нижняя из камня, а верхняя из дерева, и вмещал двести восемьдесят пять тысяч зрителей. Форум был центром архитектурного великолепия, а также жизни и бизнеса. Его первоначальное местоположение простиралось от восточной части Капитолия до того места, где река Велия начинает подниматься, и было ограничено с юга Виа Сакра, которая простиралась до арк, или цитадели. Это была та освященная улица, по которой спускались авгуры, открывая великие праздники республики, и на которой жил Верховный понтифик. Хотя Римский форум имел размеры всего семьсот футов на четыреста семьдесят, тем не менее он был окружен базиликами, залами, портиками, храмами имагазинами и соединялся с ними. Это было место большого общественного отдыха для всех классов людей — сцена жизни и великолепия, редко сравнимая с которой, если вообще когда-либо была, и имеющая некоторое сходство с многолюдной площадью Венеции, на которой стоит собор Святого Марка. Первоначально это была рыночная площадь, шумная и оживленная, большой курорт, где можно было увидеть "хороших людей, спокойно прогуливающих в одиночестве", [Примечание: *Плавт Кюве*, iv. 1.] "ярких людей, расхаживающих с важным видом без динария в кошельке", "гурманов, собирающихся в клубы на ужин", "скандалистов, живущих в стеклянных домах", "лжесвидетелей, хвастунов, богатых и заблудших мужей, измученных блудниц" и все различные классы, которые сейчас появляются в людных местах Лондона или других городов. Париж. На этом открытом пространстве люди собирались по большим общественным поводам, и здесь к ним обращались ораторы и трибуны. Непосредственно вокруг Римского форума или в непосредственной близости от него находились самые важные общественные здания города, в которых велись деловые операции — суды, административные бюро, палата сената и главные храмы, а также памятники и магазины. С северной стороны находился Comitium, открытое пространство для проведения Куриальных комиссий и тяжбных судебных процессов, а также произнесения речей перед собравшимся народом. Во время царского правления были возведены храмы Януса, Весты и Сатурна, а также Курия Враждеба, здание сената, Сенакулум, Мамертинская тюрьма и Таберны, или портики и лавки, окружающие Форум. Во времена республики был возведен храм Кастора и Поллукса, служивший для собраний сената и судебных дел, не самого большого размера, но очень богатый и красивый. Базилика Порция, где народные трибуны проводили свои собрания, была основана Катонем Цензором, а за ней последовала базилика Фульвия с колоннами из фригийского мрамора, которой Плиний восхищался своим великолепием, базилика Семпрония, Храм Согласия и Триумфальная арка Фабия в память о его победах над Аллоброгами. Во времена империи для заседаний судов была возведена великолепная базилика Юлия, и о ее огромных размерах можно судить по тому факту, что здесь привыкли собираться сто восемьдесят судей, разделенных на четыре суда, с четырьмя отдельными трибунами, с местами для адвокатов и зрителей. Тиберий воздвиг триумфальную арку рядом с Храмом Сатурна. Домициан построил Храм Веспасиана и Тита и воздвиг себе колоссальную конную статую. Рядом с ним возвышались храмы Дивуса-Юлия, Антонина и Фаустины. Рядом с ними стояли Триумфальная арка Септимия Севера, все еще стоящая; колонны Фоки и Траяна, последняя из которых является лучшим памятником такого рода в мире, высотой сто двадцать семь футов, со спиральной полосой восхитительных рельефов, содержащих две тысячи пятьсот человеческих фигур. Помимо них, различными императорами были построены новые форумы огромных размеров, но не столько для политических дел, сколько для судов справедливости. Юлийский форум, соединявшийся со старым Римским форумом, был фактически храмом огромного великолепия. Перед ним стоял знаменитый бронзовый конь Лисиппа, а храм был

наполнен драгоценными подношениями и украшен картинами лучших греческих художников. Он был посвящен юридическому бизнесу. Форум Августа был еще больше и также заключал в себе храм, в котором Сенат собирался для консультаций по поводу войн и триумфов, и был окружен портиками, в которых были установлены статуи самых выдающихся римских полководцев, а по обе стороны возвышались триумфальные арки Германика и Друза. Более обширным и великолепным, чем любой из старых форумов, был тот, который воздвиг Траян, в центре которого находилась знаменитая колонна императора, вызывавшая всеобщее восхищение, в то время как боковые стороны были украшены двойной колоннадой из серого египетского мрамора, колонны которой достигали пятидесяти пяти футов в высоту. Это было одно из самых гигантских сооружений в Риме, занимавшее больше площади, чем амфитеатр Флавиев, и построенное знаменитым Аполлодором Дамасским. Он заполнял все пространство между Капитолием и Квириналом. Базилика Ульпия была лишь одним подразделением этого огромного здания, разделенного изнутри четырьмя рядами колонн из серого гранита и вымощенного мраморными плитами.

[Примечание: Красота Римского форума.]

Ничто в Риме или, возможно, в любом другом современном городе не могло сравниться с великолепием и красотой Форума с прилегающей базиликой и другими общественными зданиями, заполненными статуями и картинами и переполненными людьми. Более аристократичные бездельники искали уединенного променада у портиков близ цирка Фламиниуса, куда не могли долететь шум и гам многолюдных улиц, крики торговцев, мальчишеские забавы и ругань возчиков фургонов. Форум был своеобразной достопримечательностью республиканского периода, где Гракхи просвещали народ об их политических правах, где Катон умирал страсти толпы, где Цицерон и Гортензий произносили свои великолепные речи.

[Примечание: Труды Августа.]

[Примечание: Храм Аполлона.]

[Примечание: Театр Марцелла.]

Слава эпохи Августа была больше заметна в великолепных зданиях, возникших на холмах, хотя он уделял внимание завершению многих полезных или красивых работ в других частях города. Он восстановил Капитолийский храм и театр Помпея; отремонтировал акведуки; достроил Форум и базилику Юлия; и полностью построил Курию Юлия. Он основал на Палатине Императорский дворец, впоследствии расширенный его преемниками до тех пор, пока он полностью не покрыл первоначальный город Ромула. Среди самых красивых его работ был Храм Аполлона, колонны которого были из африканского мрамора, между которыми стояли статуи пятидесяти Данаид. В храме стояла великолепная статуя Аполлона, а вокруг алтаря были изображения четырех быков — работы Мирона, настолько прекрасно изваянные, что они казались живыми. Храм был из прекраснейшего мрамора; его ворота были из слоновой кости с тонкой резьбой. При этом храме находилась библиотека, где собирались поэты, ораторы и философы и декламировали свои произведения. Августовский форум был еще одним из самых благородных памятников этого императора, предназначенных для размещения толп, переполнявших Римский форум. Он также построил театр Марцелла, способный вместить двадцать тысяч зрителей.

[Примечание: Пантеон.]

[Примечание: Thermae Agrippae.]

[Примечание: Марсово поле.]

[Примечание: Труды знати.]

Покровителем искусств был не только Август. Его зять и премьер-министр Агриппа украсил город множеством благородных сооружений, из которых сохранился Пантеон, свидетельствующий о его щедрости. Этот храм, наиболее сохранившийся из всех памятников древнего великолепия, стоял в центре Марсова поля и содержал только изображения божеств, непосредственно связанных с расой Юлиев и ранней историей Рима. Агриппа был первым, кто основал эти знаменитые термы, которые стали самыми великолепными памятниками императорской щедрости. Термы Агриппы находились в задней части Пантеона. Он питался от Аква Девы, акведука, который Агриппа намеренно построил, чтобы снабжать водой свои бани. Многие другие архитектурные памятники свидетельствовали об общественном духе этого просвещенного и либерального министра, особенно в квартале цирка Фламиниуса и Марсового поля. Этот квартал был подобен отдельному городу, более великолепному, чем любая часть древнего города. Он был украшен храмами, портиками, театрами и другими зданиями, предназначенными для развлечений. В нем было не так много частных домов, но они отличались поразительным великолепием. Другие придворные Августа последовали его примеру в украшении города. Статилий Тавр построил первый постоянный каменный амфитеатр в Марсовом поле. Л. Корнелий Бальбур построил за свой счет каменный театр. Л. Марций Филипп перестроил храм Геркулеса Мусарума и окружил его портиком. Л. Корнифиций построил храм Дианы. Асининий Поллион - Свободный атриум, а Мунаций Плаук - храм Сатурна. Меценат, живший на Эсквилине, превратил Кампус Эсквилинус, недалеко от Субуры, место захоронения бедняков, вредное как для зрения, так и для здоровья, в прекрасные сады, названные Меценатскими Хорти.

Nunc licet esquiliis habitare salubribus atque,
Aggere in Aprico Spatiari, quo modo tristes.
Albis informem spectabant ossibtis agrum.

[Примечание: Гораций, Сб., i. 8.]

Рядом с этими садами жили Вергилий, а также Проперций и, вероятно, Гораций. Эсквилин, некогда плебейский квартал, по-видимому, был выбран литераторами, добивавшимися благосклонности мецената, для своего жилья. Овидий жил недалеко от капитолия, на южной оконечности Квиринала.

[Примечание: Мавзолей Августа.]

Среди других зданий, возведенных Августом, не следует упускать из виду великолепный мавзолей или усыпальницу императорской семьи в северной части Марсова поля, рядом с которой покоились останки Суллы и Цезаря и которая оставалась местом захоронения его семьи вплоть до времен Адриана. [Примечание переписчика: Пространная сноска перенесена

в конец главы.] Он также привез из Египта обелиск, который сейчас стоит на горе Киторио и который был помещен в хранилище памятников — Марсовом поле.

[Примечание: Императорский дворец.]

Тиберий мало что сделал для благоустройства своей столицы, кроме возведения триумфальной арки в память о подвигах Германика на Виа Сакра и основания преторианского лагеря недалеко от Сербского Аггера. Калигула расширил императорский дворец и основал Цирк Нерониса в садах Агриппы, недалеко от того места, где сейчас стоит собор Святого Петра.

[Примечание: Клавдиев акведук.]

Клавдий построил два благородных акведука, Аква Клавдия и Арно Новис, — самые длинные из всех этих великолепных римских памятников, — длина последнего из которых составляла пятьдесят девять миль, а некоторые из его арок достигали ста девяти футов в высоту.

Нерон еще больше расширил территорию императорского дворца и включил в него Эсквилин. Великий пожар, произошедший в его правление в 65 году н.э. и продолжавшийся шесть дней и семь ночей, уничтожил некоторые из самых древних римских сооружений, окружающих Палатин, и очень сильно повредил Форум, не говоря уже о погибших статуях и сокровищах. Но вскоре город восстал из ее пепла еще более красивым, чем прежде. Улицы были проложены по более правильному плану и стали шире, дома стали ниже, а кирпич заменили деревом.

[Примечание: Императорский дворец.]

Великим делом Нерона было строительство Императорского дворца на месте зданий, уничтоженных пожаром. Он дал ему название *Aurea Domus*, и, если мы можем доверять Светониусу, [Сноска: *Suet. Ner.*, 31.] его богатство и великолепие превосходили любое другое подобное сооружение в древние времена. Он выходил фасадом на Форум и Капитолий, а в его вестибюле стояла колоссальная статуя императора высотой в сто двадцать футов. Дворец был окружен тремя портиками, каждый длиной в тысячу футов. Задний фасад дворца выходил на искусственное озеро, впоследствии занятое амфитеатром Флавиев. На территории этого района были сады и виноградники. Он был полностью покрыт золотом и украшен драгоценными камнями и перламутром. Обеденные залы были сводчатыми, а отсеки потолка, инкрустированные слоновой костью, были сделаны так, чтобы вращаться и рассыпать цветы по банкетам внизу. Главный банкетный зал был круглым и постоянно вращался, подражая движению небесных тел. От этого обширного дворца, занимавшего столь большую часть города и занимавшего территорию стольких знаменитых храмов и дворцов, почти ничего не осталось, и это истощало даже доходы империи, какими бы огромными они ни были, даже когда Версаль обложил налогом великолепные ресурсы Людовика XIV, а собор Святого Петра вынудил пап обратиться к пожертвованиям христианского мира.

[Примечание: Храм мира.]

Следующим великим сооружением, пополнившим архитектурные чудеса города, был храм, построенный Веспасианом после разрушения Иерусалима, который он назвал Храмом Мира. Он был украшен самыми богатыми скульптурами и картинами Греции, взятыми из дворца Нерона, который Веспасиан снес как памятник безумной экстравагантности. В этом храме хранились также еврейские трофеи, за исключением законов и храмовой завесы.

[Примечание: Фалвийский амфитеатр.]

[Примечание: Колизей.]

Но великим творением этого императора и величайшим архитектурным чудом мира был амфитеатр, который он построил на земле, покрытой озером Нерона, в центре города, между Велией и Эсквилином. По масштабам его можно сравнить только с египетскими пирамидами, и его остатки являются самым поразительным памятником материального величия римлян, который у нас есть. Хотя это был не первый из возведенных амфитеатров, его огромные размеры делали ненужным возведение последующих. Именно здесь императоры, сенаторы, генералы, рыцари и простые люди собирались вместе, чтобы стать свидетелями самых захватывающих и кровавых развлечений, когда-либо виденных в мире. Он был построен в центре города с совершенно безрассудными затратами и мог вместить восемьдесят семь тысяч зрителей вокруг арены, достаточно большой для боев нескольких сотен животных одновременно. Это было здание эллиптической формы, опирающееся на восемьдесят арок и поднимающееся на высоту ста сорока футов, с четырьмя последовательными архитектурными порядками, шестьсот двадцать футов на пятьсот тринадцать, занимавшее площадь в шесть акров. Он был построен из травертина, облицован мрамором и украшен статуями. Восемьдесят арок нижнего этажа образовывали входы для зрителей. Сиденья были сделаны из мрамора, покрытого подушками. Зрители были защищены от солнца и дождя просторными навесами, а воздух освежали ароматные фонтаны. Сети, предназначенные для защиты от диких зверей, были сделаны из золотой проволоки. Портки были позолочены; круг, разделявший несколько рядов зрителей, был усыпан драгоценной мозаикой из прекрасных камней. Арена была посыпана тончайшим песком и в разное время принимала самые разные формы. По подземным трубам вода поступала на арену. Убранство амфитеатра состояло из золота, серебра и янтаря. Проходов для входа и выхода было так много, что зрители могли входить и выходить без путаницы. Сохранилась только третья часть этого замечательного сооружения, и из его трофеев были построены целые дворцы. [Примечание: Дайер, *История. о городе Рима*, стр. 245. Гиббон, глава ii. 12. Монтень, *Очерки*, в. 6. Липсиус, *де Амфитеатро*.]

[Примечание: Восстановление Капитолия.]

[Примечание на стороне: Арка Тита.]

Другой крупный пожар, произошедший в 80 году н.э. — тот самый, при котором Тит посвятил Колизей, — и бушевавший три дня и ночи, уничтожил район Цирка Фламиниуса, включая некоторые из лучших храмов города, и особенно на Капитолии, и вызвал необходимость в новых улучшениях. Они были сделаны Домицианом, который с еще большим великолепием перестроил сам Капитолий на его старом месте и возвел несколько новых зданий. Марциал с особым восхищением отзывается о Храме рода Флавий. [Примечание: Martial, *L.*, ix. Ep. 4, 35.] Он также воздвиг эту прекрасную арку своему брату Титу, которая до сих пор остается одним из лучших памятников имперского города. Им был возведен Одеум, крытый театр, способный вместить двенадцать тысяч человек. Он также сделал много пристроек к своему дворцу на Палатине — настолько величественному, что Марциал, его льстец, описал его как возвышающийся над облаками, а Статий сравнил потолок с куполом небес.

[Примечание: Форум Trajanum.]

[Примечание: Базилика Ульпия.]

Никаких значительных улучшений в городе не производилось до тех пор, пока Траян не начал свое благотворное и блистательное правление. Его величайшим произведением был Форум, носящий его имя, на который уже делался намек, длиной в тысячу сто футов, в центре которого находилась та прекрасная колонна высотой в сто двадцать восемь футов, которая стоит до сих пор. Форум, базилика Ульпия и храм, посвященный Адрианом Траяну, были частями этого великолепного сооружения, одного из самых внушительных из когда-либо построенных, заполненного колоссальными статуями и окруженного колоннадами.

[Примечание: Храм Венеры и Рима.]

[Примечание на стороне: Мавзолей Адриана.]

[Примечание: Вилла Адриана.]

Ни один из римских императоров не питал такой страсти к строительству, как Адриан, сменивший Траяна в 117 году н.э. Он воздвиг огромное количество зданий, и в его правление Рим достиг наибольшей высоты своего архитектурного величия. Самым замечательным среди построенных им зданий был Храм Венеры и Рима, обращенный одной стороной к Колизею, а другой - к Форуму, на месте Атриума, или золотого дома Нерона. По-видимому, это был один из самых больших римских храмов, возведенный на искусственной террасе длиной в пятьсот футов и шириной в триста. Он был окружен портиком размером четыреста на двести футов, а другой портик из четырехсот колонн окружал террасу, на которой был построен храм, колонны которого достигали сорока футов в высоту. Крыша была покрыта бронзовой черепицей. Аммиан Марцеллин ставит этот великолепный храм в один ряд с Капитолийским храмом, амфитеатром Флавиев и Пантеоном. Следующим величайшим произведением Адриана был Мавзолей, который сейчас преобразован в замок Святого Ангела, построенный на платформе, каждая сторона которой имела двести пятьдесят три фута в длину. Судя по великолепной колоннаде, поддерживавшей платформу, на которой оно было построено, и последовательным этажам, поддерживаемым арками и колоннами, между которыми стояли знаменитые статуи, это круглое сооружение диаметром сто восемьдесят восемь футов, должно быть, было одним из самых внушительных сооружений в городе. Спустя восемнадцать столетий он все еще остается памятником архитектуры и в средние века служил одной из сильнейших крепостей Италии. Я прохожу мимо, не обращая внимания, виллы, которую этот император воздвиг в Тиволи, руины которой являются одними из самых интересных, сохранившихся от той великой эпохи.

[Примечание: Колонна Марка Аврелия.]

[Примечание: Арка Септимия Севера.]

[Примечание: Термы Каракаллы.]

При Адриане Рим достиг своего величайшего расцвета, а после него в искусстве наблюдался прогрессирующий упадок, поскольку вкус публики был испорчен. Тем не менее сменявшие друг друга императоры продолжали украшать город. Марк Аврелий, мудрейший и лучший из всех императоров, воздвиг колонну, подобную колонне Траяна, в знак его войн с германскими племенами, и она сохранилась до сих пор; он также построил триумфальную арку. Септимий Север воздвиг самую красивую из триумфальных арок, имитацией которой является Триумфальная арка в Париже; а Каракалла построил одну из величайших римских бань, которая с окружающими ее портиками образовывала квадрат в тысячу сто футов с каждой стороны -

настолько огромными были эти роскошные и практичные сооружения, предназначенные не только для людей в качестве санитарной меры, но и для проведения гимнастических упражнений, популярных лекций и диспутов философов. Пантеон был всего лишь входом в термы Агриппы. Термы Траяна занимали площадь почти такую же большую. Но термы Каракаллы превосходили их все по великолепию. Ничто так не поражало путешественника, как расписные коридоры, сводчатые потолки, пестрые колонны, искусно выложенные мозаикой тротуары, бессмертные статуи и изысканные картины, украшавшие эти места роскоши и удовольствий. Из их руин были извлечены самые бесценные статуи, украшающие музеи Италии, — Геркулес Фарнезе, колоссальные Флоры, Торсо Фарнезе, Торсо Бельвидере, Атрей и Фиест, Лаокоон, а также гранитные и базальтовые вазы, прекрасно отполированные, камеи, бронзы, медали и другие ценные реликвии древнего искусства. Для снабжения этих бань были построены новые акведуки, а сокровища империи были израсходованы. Те, что впоследствии были возведены Диоклетианом, содержали три тысячи двести мраморных сидений, а главный зал сейчас представляет собой одну из самых великолепных римских церквей.

[Примечание: Храмы и дворцы.]

[Примечание: общий вид города.]

[Примечание: Что увидел бы путешественник во время прогулки.]

[Примечание: Священная дорога.]

[Примечание на стороне: Велабрум.]

[Примечание: Форумы.]

[Примечание сбоку: Вид с вершины Капитолийского холма.]

[Примечание: Сады Лукулла.]

[Побочное примечание: Субура.]

[Примечание на стороне: Большой цирк.]

[Примечание сбоку: Вид на Рим с Капитолия.]

Таков краткий обзор развития тех архитектурных чудес, которые сделали Рим самым великолепным городом древности и, возможно, самым грандиозным по своим общественным памятникам из всех городов древности или современности. Какая концентрация произведений искусства на холмах, и вокруг Форума, и в Кампусе Мартинс, и в других знаменитых кварталах! Там были храмы так же часто, как Афины и Эфес, бани, охватывающих большую территорию, чем пирамиды, в окружении коринфских колонн и наполненный отборные сокровища, устроила погром у городов Греции и Азии; дворцы в сравнении с которым Тюильри и Версаль-это небольшие; театров, который сидит больше людей, чем любой нынешний общественных зданий в Европе; амфитеатров более масштабными и дорогостоящими, чем Кельн, Милан, и Йоркский собор соборы совмещенный, гостиная и восемь раз столько людей, сколько могло быть многолюдно в церкви Святого Петра; цирках, где, он сказал: триста восемьдесят пять тысяч зрителей могли наблюдать за играми и колесница-гонки на время; мосты, все еще стоя, которые имеют оформленные модели для самых красивых в Париже и Лондоне; акведуки, перенесенных

арок сто футов в высоту, через которые потекли излишки воды из отдаленных озер; водостоки из сплошной кладки, в котором крупные корабли могли плавать; столбы более чем на сто футов в высоту, с покрытием из драгоценного мрамора или плиты из латуни, и покрыто барельефы; обелиски, привезенные из Египта, форумам и basilicae соединены вместе, и расширение более чем на три тысячи футов в длину, каждая часть которого была наполнена "анимированные бюсты" завоевателей, царей, государственных деятелей, поэтов, публицистов, философов; мавзолеи большего и более великолепного, чем полины возведенный в память о муже; триумфальные арки, под которыми прошли торжественное шествие победоносного воинства Вечного Города, которой предшествуют трофеи и трофеи поверженных империй,—такая была гордая столица— город дворцов, место жительства или дворяне, которые были практически королями, обогащенный накопленные сокровища древней цивилизации. Велики были столицы Греции и Азии, но насколько же выдающимся был Рим, поскольку все были подчинены ему. Какими сбивающими с толку и чарующими, должно быть, были для путешественника разнообразное чудеса города! Куда бы он ни пошел, его взгляд останавливался на чем-то, что было одновременно предметом изучения и чудом. Пусть он ездил на машине или гулял по пригородам, там были виллы, гробницы, акведуки, похожие на железные дороги с арками, скульптурные памятники и сады непревзойденной красоты и роскоши. Пусть он приблизится к стенам — это были огромные укрепления, простиравшиеся в окружности на двадцать одну милю, согласно измерению Амона, принятому Гиббоном, и на сорок пять миль, согласно другим источникам. Пусть он войдет в любые из различных ворот, которые открывались в город с дорог, расходившихся во все концы Италии, — они были сделаны из монументальной меди, покрытой барельефами, на которых были увековечены победы полководцев на протяжении тысячи лет. Пусть он пройдет мимо Виа Аппиа, или Виа Фламиния, или Виа Кабра — вдоль них тянулись храмы, магазины и дворцы. Когда он проходил по любой из многочисленных улиц, он видел дома, возвышающиеся едва ли ниже семидесяти футов — такие же высокие, как дома Эдинбурга в его старейших районах. Пусть он проедется по различным кварталам города, или округам, как мы теперь их называем, он найдет около четырнадцати областей, учрежденных Августом, все они отмечены архитектурными памятниками и содержат, по словам Липсиуса, население большее, чем в Лондоне или Париже, охраняемое полицией из десяти тысяч вооруженных человек. Согласно Страбону, большинство домов, в которых жило это огромное население, имели трубы, которые обеспечивали бесперебойную подачу воды из рек, которые впадали в город по акведукам и снова выходили по канализационным трубам в Тибр. Пусть он пройдет по Виа Сакра — этой короткой улочке, едва достигающей полумили в длину, — и он пройдет мимо Амфитеатра Флавиев, Храма Венеры и Рима, Арки Тита, храмов Мира, Весты и Кастора, Римского форума, Базилики Юлия, Арки Севера и Храма Сатурна и остановится перед величественным подъемом на Капитолий Юпитера с его великолепным портиком и орнаментированным фронтоном, превосходящим фасад любой современной церкви. Слева от него, когда он выходит из-под скульптурной арки Тита, находится Палатинская гора, почти покрытая дворцом Цезарей, великолепными резиденциями высшей знати и различными храмами, из которых самым великолепным был храм Аполлона, построенный Августом из цельного белого мрамора с Луны. Здесь были дворцы Вакка, Флакка, Цицерона, Катилины, Скавра, Антония, Клодия, Агриппы и Гортензия. Все еще слева от него, в долине между Палатином и Капитолием, хотя он и не может этого видеть, скрытый от глаз великими храмами Весты и Кастора и еще более величественным зданием, известным как Базилика Юлия, находится квартал под названием Велабрум, простирающийся до реки, где ее пересекает мост Эмилия, — низкий квартал с узкими улочками и высокими домами, где жил и

умер сброд. Справа от него, скрытый от глаз Aedes Divi Julii и Римским форумом, находится великолепная серия зданий, простирающаяся от Храма Мира до Храма Траяна, включая базилику Паули, Форум Юлия, Форум Августа, Форум Траяни, базилику Ульпия, более трех тысяч футов в длину и шестисот в ширину, почти полностью окруженная портиками и колоннадами, заполненная статуями и картинами — в целом, это самая грандиозная серия общественных зданий, сгруппированных вместе, вероятно, когда—либо возведенных, особенно если учесть Форум Романум и различные храмы и базилики, которые соединяли все это воедино - лес мраморных колонн и статуй. Он поднимается по ступеням, ведущим от Храма Согласия к Храму Юноны Монеты на Арк, или Тарпейской скале, на юго-западной вершине холма, который сам по себе является одним из красивейших храмов Рима, возведенным Камиллом на том месте, где раньше стоял дом М. Манлия Капитолийского. Здесь расположен римский монетный двор. Рядом с ним находятся храмы, возведенные Августом Юпитеру Тонансу и Домицианом Юпитеру Густу. Но все священные сооружения, венчающие Капитолий, подчинены Храму Джовис Капитолини, стоящему на платформе площадью восемь тысяч квадратных футов и построенному из самых богатых материалов. Портик, выходящий на Виа Сакра, состоит из трех рядов дорических колонн, фронтоны богато украшены отборными скульптурами, вершину крыши венчают бронзовые кони Лисиппа, а сама крыша покрыта позолоченной черепицей. Храм состоит из трех отдельных келий, хотя и покрытых одной крышей; перед каждой стоят колоссальные статуи трех божеств, которым она посвящена. Здесь сохранилось то, что было самым священным в глазах римлян, и это сам по себе самый богатый из всех храмов города. Какая прекрасная панорама открывается взору с вершины этого освященного холма, на который можно подняться только по крутому подъему в сто ступеней. К югу находится Виа Сакра, ведущая к Колизею, а за ней - Аппия Виа, вдоль которой, насколько хватает глаз, выстроились памятники архитектуры. Немного дальше от фора к востоку находится Карины, фешенебельный квартал с красивыми магазинами и домами, а еще дальше находятся Термы Тита, простирающиеся от Карин до Эсквилинской горы. Этот холм, когда-то служивший местом захоронения, теперь покрыт домом и садами Мецената и поэтов, которым он покровительствовал. Он не богат храмами, но его сады и рощи прекрасны. К северо-востоку находятся холмы Виминал и Квиринал, после Палатина самая древняя часть города — резиденция сабинян. Изобилует верованиями и храмами, самым великолепным из которых является храм Квирина, первоначально возведенный Ромулу Нумой, но перестроенный Августом, с двойным рядом колонн по каждой из его сторон, числом семьдесят шесть. Неподалеку находился дом Аттика и сады Саллюстия в долине между Квириналом и Пинцианом, впоследствии ставшие собственностью императора. Далеко позади на Квиринале, у стены Сервия, находились Термы Диоклетиана, а еще дальше на восток располагался Лагерь преторианцев, основанный Тиберием и включенный в стену Аврелиана. На северо-востоке глаз останавливается на Пинцианском холме, покрытом садами Лукулла, завладеть которыми Мессалина стала причиной смерти Валерия Азиатика, во владение которого они перешли. В долине, лежавшей между форой и Квириналом, находилась знаменитая Субура - квартал лавок, рынков и ремесленников, — оживленный, шумный, вульгарный район, некрасивый, но полный жизни, предприимчивости и порока. Теперь взгляд обращен на север, и взору открывается Виа Фламиния по всей длине, простирающаяся от Капитолийской площади до Фламиниевых ворот, идеально прямая, самая красивая улица в Риме, параллельная современной Корсо. Это великая магистраль на севере Италии. Памятники, храмы и дворцы выстраиваются вдоль этой знаменитой улицы. Ее пересекают триумфальные арки Клавдия и Марка Аврелия. К западу от него находится Марсово поле с его бесчисленными достопримечательностями — Термами

Агриппы, Пантеоном, Александрийскими термами, колонной Марка Аврелия и Мавзолеем Августа. Под Капитолием на западе, по направлению к реке, находятся Цирк Фламиния, Портик Октавия, Театр Бальба и Театр Помпея, где вмещалось сорок тысяч зрителей. За Александрийскими термами, рядом с Пантеоном, тянется великолепный мост через Тибр, построенный Адрианом, когда он основал свой Мавзолей, к которому он ведет, и до сих пор сохранившийся под названием Понте С. Анджело. Глаз замечает восемь или девять мостов через Тибр, некоторые из дерева, но в основном из камня, красивой каменной кладки и увенчанных статуями. У подножия Капитолия, к юго-западу, находятся Портик Октавия и Театр Марцелла, недалеко от Цестиева моста. Еще дальше на юго-запад, между Капитолием и Авентином, в низкой долине, находятся Велабрум и Форум Боариум, некогда бывшие болотом, но ныне богатые храмами и памятниками, среди которых храмы Геркулеса Фортуны и Матери Матуты. На форуме Боариум, одном из самых знаменитых мест Рима, посвященном торговле, находится не менее четырех храмов, посвященных Геркулесу. Еще дальше, в долине между Палатином и Авентином, находится большой цирк, основанный ранним Тарквинием. Это самое большое открытое пространство, окруженное стенами и портиками в городе. Оно вмещает триста восемьдесят пять тысяч человек. Какой огромный город, который может выделить почти четыреста тысяч своего населения, чтобы посмотреть гонки колесниц! За ними находится сам Авентин. Этот квартал также богат легендарными памятниками и дворцами великих, хотя изначально это был плебейский квартал. Здесь жили Траян, прежде чем он стал императором, и поэт Энний, и Паула, подруга святого Иеронима. Под Авентином и немного южнее Большого цирка, к западу от Аппиевой дороги, находятся великие термы Каракаллы, руины которых, рядом с руинами Колизея, произвели на меня сильнейшее впечатление из всего, что относится к античности, хотя они и не были такими большими, как термы Диоклетиана. С юга открывается вид на Целийский холм, древнюю резиденцию Тулла Гостилия. Прекрасный храм Дивуса Клавдия, Арка Долабеллы, *Macellum Magnum* - рынок, основанный Нероном, — *Castra Peregrina*, Храм Исиды, *Campus Martialis* являются одними из наиболее заметных объектов, представляющих интерес. Этот холм является резиденцией многих выдающихся римлян. Он покрыт дворцами. Среди них дом Клавдия Центумала — настолько высокий, что авгуры повелевают ему опустить его. Он возвышается на десять или двенадцать этажей ввысь. Едва ли уступает по размерам дому Мамуры, великолепие которого описано Плинием. Здесь же находится дом Анния Вера, отца Марка Аврелия, окруженный садами. Но величественнее любого из этих дворцов дворец Плавтия Латеранского, *egregioe Lateranorum oedes*, который стал императорской собственностью во времена Нерона и на месте которого стоит базилика Святого Иоанна Латеранского — дар Константина епископу Рима, — одна из древнейших христианских церквей, в которой вот уже полторы тысячи лет совершаются ежедневные службы.

[Примечание: Численность населения.]

[Примечание: Количество домов.]

Таковы интересные и величественные объекты, которые бросаются в глаза, когда они обращены к различным кварталам города. Но это только самые важные из них. Семь холмов, которые кажутся значительно выше, чем в наши дни, поскольку долины приподняты на пятнадцать-двадцать футов над своим древним уровнем, покрыты храмами, дворцами и садами; долины густо застроены магазинами, жилыми домами, банями и театрами. Дома часто поднимаются до десятой платформы или этажа. Население пригородов за стенами, вероятно,

больше, чем внутри. Фактически в городе проживает от трех до четырех миллионов человек. Липсиус оценивает численность населения в четыре миллиона человек, включая рабов, женщин, детей и незнакомцев. Хотя Меривейл и другие считают эту оценку слишком завышенной, все же каким огромным должно было быть количество людей, когда здесь было девять тысяч двадцать пять бань и когда бани Диоклетиана могли вместить три тысячи двести человек одновременно. Деревянный театр Скавра вмещал восемьдесят тысяч мест; театр Марцелла вмещал двадцать тысяч; Колизей вмещал восемьдесят семь тысяч зрителей, и еще двадцать две тысячи могли стоять стоя. Большой цирк вмещал триста восемьдесят пять тысяч зрителей. Если бы только один человек из четырех свободного населения был одновременно свидетелем игр и зрелищ, то, таким образом, всего в городе насчитывалось бы четыре миллиона человек. Стены Аврелиана сейчас имеют всего тринадцать миль в окружности, но Липсий оценивает их в сорок пять миль, а Вопискус - почти в пятьдесят. Диаметр города, должно быть, составлял одиннадцать миль, поскольку Страбон сообщает нам, что фактическая граница Рима проходила между пятой и шестой вехами от колонны Траяна на Форуме — центральном и наиболее заметном объекте в городе, за исключением капитолия. [Примечание: Страбон, lib. v. гл. 3.] Даже в шестом веке, после того как Рим был разграблен готами и вандалами, Захария, путешественник, утверждает, что там было триста восемьдесят четыре просторные улицы, восемьдесят золотых статуй богов; шестьдесят шесть больших статуй богов из слоновой кости; сорок шесть тысяч шестьсот три дома; семнадцать тысяч девяносто семь дворцов; тринадцать тысяч пятьдесят два фонтана; три тысячи семьсот восемьдесят пять бронзовых статуй императоров и полководцев; двадцать два огромных бронзовых коня; два колосса; две спиральные колонны; тридцать один театр; одиннадцать амфитеатров; девять тысяч двадцать шесть бань; две тысячи триста парфюмерных лавок; две тысячи девяносто одна тюрьма. [Примечание: Сент-Ампер, *История. Роман в Риме*.] Это кажется невероятным. "Но, - говорит Стори, - Август разделил город на восемнадцать областей: в каждой области было двадцать два *vicī*; в каждом *vicus* находилось около двухсот тридцати жилых домов, так что, должно быть, было семьдесят пять тысяч домов; из этих домов семнадцать тысяч были дворцами, или *domus*. Если бы в каждом из них проживало двести человек (а четыреста рабов содержались в одном дворце), считая семью, вольноотпущенников и рабынь, у нас было бы три миллиона четыреста тысяч человек, и, предположив, что в остальных пятидесяти восьми тысячах домов проживало по двадцать пять человек в каждом, мы имеем в них один миллион четыреста пятьдесят тысяч, что дало бы все население в четыре миллиона восемьсот пятьдесят тысяч человек". Если оценка мистера Меривейла в семьсот тысяч верна, то Колизей вмещал бы почти каждого шестого от всего населения, что невероятно. Действительно, вполне вероятно, что даже четыре миллиона были меньше, чем истинная оценка, что сделало бы Рим самым густонаселенным городом, когда-либо виденным на нашем земном шаре. И в этом нет ничего экстравагантного. Согласно переписи населения, в 197 году в городе проживало восемьдесят тысяч человек, а в 683 году их число возросло до четырехсот пятидесяти тысяч. Странно ли, что во времена Августа их насчитывалось четыре миллиона, или даже шесть миллионов во времена Аврелиана, если мы помним, что это был политический и социальный центр огромной империи, а эта империя - всего мира? Если в настоящее время в Лондоне проживает три миллиона человек, а в Париже - два миллиона, то почему бы не быть столице, у которой не было соперника и которая контролировала по меньшей мере сто двадцать миллионов человек? Так что Плиний, вероятно, не был неправ, когда сказал: *"Я имею в виду высоту, которую текторум дополняет, величину, которую мы оцениваем одновременно, и судьбу, равную нулю, величину, которую"*

мы можем сравнить". "Если кто-нибудь подумает о высоте крыш, чтобы составить справедливую оценку, он признает, что ни один город не может сравниться с ним по величине".

[Примечание: Сохранившиеся памятники.]

[Побочное примечание: Игры Тита.]

Современные авторы, оценивая Лондон и Париж как уровень материальной цивилизации, похоже, не желают признавать, что Рим мог достичь такой высоты славы, богатства и могущества. Тому, кто стоит в узких рамках Форума, каким он предстает сейчас, кажется невероятным, что он мог быть центром гораздо более крупного города, чем сейчас может похвастаться Европа. Серьезные историки не хотят поступаться своим достоинством и репутацией ради истины, допуская утверждения, которые людям с ограниченными взглядами кажутся невероятными и которые выходят за рамки современного опыта. Но мы должны помнить, что большинство памятников древнего Рима полностью исчезли. Ничего не осталось от Дворца Цезарей, который почти покрывал Палатинский холм; мало что осталось от форумов, которые, соединенные вместе, занимали пространство вдвое большее, чем то, которое окружали дворцы Лувр и Тюильри со всеми их галереями и дворами; почти ничего от великолепия Капитолийского холма; и сравнительно мало от тех терм, которые были в милю в окружности. Но то, что осталось, свидетельствует о несравненном величии — сломанные колонны Форума; величественные колонны Траяна и Марка Аврелия; Пантеон, поднимающий свой просторный купол на двести футов в воздух; простой вестибюль Терм Агриппы; триумфальные арки Тита, Траяна и Константина; мосты, перекинутые через Тибр; акведуки, пересекающие Кампанию; Большая Клоака, которая осушала болота и озера новорожденного города; но прежде всего Колизей. Какая слава и позор связаны с этим единственным зданием! Одно это, если бы от языческой древности не осталось ничего другого, указывало бы на величие и безумие, каких сейчас не видно на земле. Это показывает замечательное мастерство каменщика и огромную архитектурную мощь; это показывает богатство и ресурсы правителей, в распоряжении которых, должно быть, были сокровища мира; это указывает на огромное население, поскольку в нем могли бы разместиться все взрослые мужчины города Нью-Йорка; это показывает неугомонную страсть людей к развлечениям и необходимость со стороны правительства потакать этому вкусу. Каким досугом и ленью отличался город, который мог позволить себе уделять так много времени деморализующим видам спорта! Какие удобства для транспортировки были предоставлены, когда столько диких зверей можно было доставить в столицу из центральных районов Африки, не вызывая необычных комментариев! Какое властное население, которое вынуждает правительство предоставлять такие дорогие удовольствия! Игры Тита, посвященные им, длятся сто дней, и на арене убивают пять тысяч диких зверей. Количество сражавшихся гладиаторов превосходит всякое представление. На триумфе Траяна над даками были выставлены десять тысяч гладиаторов, а сам император восседал под позолоченным балдахином, окруженный тысячами своих вельмож. Под ареной, посыпанной желтым песком и опилками, находится твердое покрытие, настолько плотно зацементированное, что его можно превратить в искусственное озеро, на котором разыгрываются морские сражения. Но именно конфликт гладиаторов сильнее всего разжигает страсти в народе. Скамейки переполнены нетерпеливыми зрителями, и голоса сотен тысяч людей возвышаются в триумфе или ярости, когда несчастные жертвы изнемогают в кровавом спорте.

[Примечание: римские триумфы.]

Но это не гладиаторские спорта амфитеатр, который наиболее ярко подтверждают величие и великолепие города, и дворцы, в котором аж четыре сотни рабов иногда сохраняется в качестве домашней прислуги, двенадцать сотен в кол по самой низкой оценке, но, наверное, в пять раз более многочисленными, так как каждый сенатор, каждый рыцарь, и каждый богатый человек был горд обладать проживания, которое будет привлекать внимание; ни в храмах, которых насчитывалось четыреста двадцать четыре, большинство из которых были из мрамора, наполненные статуями, вклады века, и окружен рощами; ни форумов и basilicae, с их портиками, статуями, и картинки, охватывающих большее пространство, чем любой кластера общественных зданий в Европе, в полутора милях в цепи; ни ванны, почти такой же большой, еще больше, полностью наполненный произведениями искусства; ни цирка, где можно больше людей стали свидетелями гонки на колесницах во времена, чем ночное собранном виде во всех местах общественных развлечений в Париже, Лондоне и Нью-Йорке вместе взятых— больше, чем можно было бы сидеть во всех соборах Англии и Франции; это не те, которые наиболее выразительно заставляют нас чувствовать, что Рим был владычицей мира и центром всей цивилизации. Триумфальные шествия полководцев-победителей были еще более захватывающими зрелищами, поскольку они более непосредственно воздействовали на воображение и возбуждали те страсти, которые из поколения в поколение побуждали римлян к завоевательной карьере. Ни одно военное зрелище современности не могло сравниться с этими великолепными триумфами, так же как ни одно сценическое представление не сравнится с гладиаторскими боями. The. солнце никогда не освещало ни одно человеческое собрание, столь величественное, столь внушительное и в то же время такое виноватое. И мы вспоминаем эту картину с торжественным благоговением, когда она движется по Виа Сакра и поднимается на Капитолийский холм или проходит через театры Помпея и Марцелла, чтобы весь народ мог стать свидетелем блестящего зрелища. Были выставлены не только трофеи завоеванных королевств и триумфальные машины генералов, но и вся военная мощь столицы. Армия в сто тысяч человек, окрыленная победой, следует за великолепной процессией знати и принцев. Триумф Аврелиана по возвращении с Востока дает нам некоторое представление о величии этой оvation победителям. "Торжественное мероприятие открывали двадцать слонов, четыре королевских тигра и двести самых любопытных животных из всех климатических зон, севера, юга, востока и запада. За ними последовали тысяча шестьсот гладиаторов, преданных жестоким забавам амфитеатра. Затем были выставлены оружие и знамена покоренных народов, доспехи и гардероб сирийской царицы. Затем прибыли послы со всех концов земли — все замечательные в своих богатых нарядах, с коронами и подношениями. Затем пленные, взятые в различных войнах, готы, вандалы, самаритяне, алеманны, франки, галлы, сирийцы и египтяне, каждый из которых отличался своим национальным костюмом. Затем царица Востока, прекрасная Зенобия, закованная в золотые оковы и теряющая сознание под тяжестью драгоценностей, ехала впереди прекрасной колесницы, на которой она надеялась въехать в ворота Рима. Затем колесница персидского царя. Затем триумфальная колесница самого Аврелиана, запряженная слонами. Наконец, самые знатные представители Сената, народа и армии замыкали торжественное шествие под одобрительные возгласы народа и звуки музыкальных инструментов. Процессии потребовалось от рассвета до девятого часа, чтобы добраться до столицы, и праздник затянулся театральными представлениями, цирковыми играми, охотой на диких зверей, боями гладиаторов и морскими сражениями. Щедрые пожертвования были переданы армии, а часть добычи посвящена богам. Все храмы сверкали от

приношений показного благочестия, а Храм Солнца получил пятнадцать тысяч фунтов золота. Затем солдаты и горожане насытились мясом и вином. Распущенная солдатня заполнила амфитеатр и выкрикивала свои дьявольские аплодисменты адским играм — объевшимся грабителям мира, пьяным на празднике ада" [Примечание: Генри Джайлс.] — представление войны, столь же ужасное, как и сама война, компенсирующее римскому народу массовые убийства, которых он не мог видеть.

Если бы требовалось что-то еще, чтобы дать нам представление о римском великолепии, мы бы отвели глаза от общественных памятников, деморализующих игр и грандиозных процессий; мы бы забыли о статуях из меди и мрамора, которые превосходили числом живых обитателей, настолько многочисленных, что сто тысяч были восстановлены и до сих пор украшают Италию, и спустились бы в низшую сферу материальной жизни — к вещам, свидетельствующим о роскоши и вкусе, — к украшениям, платьям, роскошной жизни и богатой мебели. Искусство обработки металлов и огранки драгоценных камней превосходило все, что известно в наши дни. Римляне были замечательны в украшении домов, общественных развлечениях, кулинарии. Мозаика, перстни с печатками, камеи, браслеты, бронза, цепочки, вазы, кушетки, банкетные столы, лампы, колесницы, цветное стекло, позолота, зеркала, матрасы, косметика, парфюмерия, краски для волос, шелковые халаты, гончарные изделия - все это свидетельствует о большой элегантности и красоте. Столы из корня туги и делийской бронзы были такими же дорогими, как буфеты из испанского ореха, которыми так восхищались на большой выставке в Лондоне. Резьба по дереву и слоновой кости была такой же изысканной, как в Японии и Китае. Зеркала были сделаны из полированного серебра. Стеклорезы могли так хорошо имитировать цвета драгоценных камней, что портлендская ваза из гробницы Александра Севера долгое время считалась подлинным сардониксом. Медь можно было закалить так, чтобы резать камень. Дворец Нерона сверкал золотом и драгоценными камнями. С потолков из слоновой кости струились благовония и цветы. Залы Гелиогабула были завешаны золотой тканью, украшенной драгоценными камнями. Его кровати были серебряными, а столы - золотыми. Тиберий отдал миллион сестерциев за картину для своей спальни. Банкетное блюдо Друзилла весило пятьсот фунтов серебра. Кубки Друза были из золота. Туники были расшиты фигурками различных животных. Сандалии были украшены драгоценными камнями. Паулина надевала драгоценности, когда наносила визиты, стоимостью 800 000 долларов. На чашках для питья были выгравированы сцены из поэтов. Библиотеки были украшены бюстами и прессами из редких пород дерева. Диваны были инкрустированы панцирем черепахи и покрыты великолепным пурпуром. Римские вельможи разъезжали на позолоченных колесницах, мылись в мраморных банях, обедали с золотых тарелок, пили из хрустальных кубков, спали на пуховых ложах, возлежали на роскошных кушетках, носили расшитые одежды и были украшены драгоценными камнями. Они рыскали по земле и морям в поисках редких блюд для своих пиров и украшали свои дома коврами из Вавилона, чашами из оникса из Вифинии, мрамором из Нумидии, бронзой из Коринфа, статуями из Афин - словом, всем, что было драгоценным, редким или любопытным в самых отдаленных странах. Роскошь бани почти превосходит всякое воображение, а на стенах были великолепные фрески и картины, демонстрирующие неиссякаемую продуктивность пейзажных и мифологических сцен, выполненных в ярких красках. Из восхвалений Цицерона, Сенеки, Плиния и других великих критиков мы имеем право заключить, что живопись ценилась не меньше, чем скульптура, и не уступала ей по художественному совершенству, хотя от античности осталось так мало, что мы можем составить о ней просвещенное суждение. Из рисунков на вазах мы, безусловно, делаем вывод о большом

мастерстве рисования, а из раскопок Помпей - о самых красивых цветах. Стены большого зала терм Тита изображают цветы, птиц и животных, нарисованных с удивительной точностью. В длинном коридоре этих бань потолок расписан все еще свежими красками, и Рафаэль, как говорят, с восхищением изучал фрески, подобно тому, как Микеланджело нашел в Пантеоне модель для купола собора Святого Петра, а в статуях, извлеченных из руин бань, - этюды для своих собственных бессмертных шедевров.

Таким образом, все, что украшает материальные чудеса наших дней славой и великолепием, также отмечало древнюю столицу мира. То, что у нас ценится больше всего, отличало в выдающейся степени римских грандов. С архитектурной точки зрения ни один современный город не приближается к Риму. В нем было больше статуй, чем во всех музеях Европы. В нем было все, что есть у нас, кроме машин. По численности населения он превосходил любой современный капитолий. Он был богаче любого современного города, поскольку людям не приходилось трудиться ради хлеба насущного. Правительство кормило бедных, и у них было время и досуг для наслаждения роскошью бани и развлечений в амфитеатре. Горожане-аристократы владели целыми провинциями. Даже Паула могла назвать целый город своим. Богатые сенаторы, в некоторых случаях, были владельцами двадцати тысяч рабов. Известно, что их доходы составляли 1000 фунтов стерлингов в день, когда золото и серебро стоили в четыре раза больше, чем в настоящее время. Рим состоял из этих царей-граждан и их иждивенцев, поскольку большинство сенаторов когда-то были губернаторами провинций, которые они грабили. В Риме были собраны самые отборные сокровища мира. Ее холмы были покрыты дворцами самых гордых вельмож, когда-либо ходивших по земле, Рим был центром, славой и гордостью всех народов древности. Казалось невозможным, что такой город когда-либо может быть взят врагами или прийти в упадок. "*Quando cadet Roma cadet et mundus*", - говорили восхищенные саксы через триста лет после травм, нанесенных готами и вандалами. Не погиб и Рим. Никогда он полностью не переходил в руки своих врагов. Сто раз находясь на грани уничтожения, он так и не был уничтожен. Она никогда не принимала чужеземное иго - она никогда не была постоянно подчинена варвару. Она продолжала быть римлянкой и после того, как императорское присутствие ушло. Она была римлянкой, когда пожары, наводнения, мор, голод и солдаты-варвары опустошили город. Она была римлянкой, когда папа держал христианский мир в низменном подчинении. Она была римлянкой, когда Риенци пытался возродить добродетели героических эпох и когда Микеланджело восстановил чудеса Аполлодора. И римским этот город останется, будь то дом принцев, или будущая столица королей Италии, или курорт путешественников, или школа художников, или резиденция духовного деспотизма, который набирает силу по мере того, как политическая и светская власть уступает место идеям новых рас и новой цивилизации.

* * * * *

Наиболее ценным справочником для этой главы является поздняя работа доктора Дайера, автора статьи "Рома" в словаре Смита. Фактически эта глава представляет собой простую компиляцию того сложного труда ("История города Рима"), который можно назвать исчерпывающим. Мабилон и Монфокон — два французских бенедиктинца — оказали большую услугу римской топографии в семнадцатом веке. Эдвард Бертон и Ричард Берджесс написали описания римских древностей, ныне замененные трудами тех великих немецких ученых, которые положили начало новой эпохе в римской топографии, — Нибура, Бунзена, Платнера, Герхарда и Ростелла, которым, однако, удалось поставить под сомнение многие вещи, которые

считались установленными. Одним из самых ученых трактатов о Древнем Риме является знаменитый *Справочник* Беккера. Стефано Пьяле и Луиджи Канина - самые авторитетные из современных итальянских антикваров.

[Перенесенная сноска:

[Примечание: Мавзолей Августа.]

[Примечание: Те, кто был похоронен в нем.]

Это прочное сооружение, пережившее пожары, войны и анархию полутора тысяч лет, состояло из большого земляного холмика, возведенного на высоком основании из белого мрамора и покрытого сверху вечнозелеными растениями на манер висячего сада. На вершине стояла бронзовая статуя самого Августа, а под курганом находился большой центральный зал, вокруг которого тянулся ряд из четырнадцати погребальных камер, выходящих в этот общий вестибюль. У входа стояли два египетских обелиска высотой в пятьдесят футов, а вокруг была обширная роща, разделенная на аллеи и террасы. Юный Марцелл, о судьбе которого оплакивал Вергилий, был его первым обитателем. Здесь были помещены Октавия, забытая жена Антония, и Агриппа, строитель Парфенона, и Ливия, любимая жена Августа, а рядом с ними сам первый император. Здесь был отравленный прах благородного Германика, привезенный из Сирии; здесь был молодой Друз, гордость семьи Чаудиан, и рядом с ним второй Друз, сын Тиберия. Здесь покоился прах Агриппины после долгих лет изгнания рядом с ее мужем Германиком; здесь покоились Нерон, его мать Агриппина и его жертва Британик; здесь Тиберий, Калигула, Клавдий и все другие цезари Нервы. Затем мраморная дверь закрылась, ибо погребальные камеры были полны". — *Роба ди Рома из Стори.*]

ГЛАВА IV.

ИСКУССТВО В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

В своем перечислении внешних красот римского мира я попытался лишь бросить взгляд на те чудеса, которые должны были вызвать восхищение у путешественника. Среди них были великие достижения искусства, проявившиеся в архитектуре, скульптуре и живописи. Но я лишь перечислил наиболее примечательные объекты притяжения; я не пытался показать гениальность, проявленную в них. Но древнее искусство, как гордое творение человеческого гения, требует дополнительного внимания. Мы хотим знать, до каких высот воспарили римляне в этом великом царстве красоты, изящества и величия.

[Примечание: Истоки и принципы искусства.]

[Примечание: Увлечение искусством.]

[Примечание: Развитие искусства.]

[Примечание: Слава искусства.]

Эстетическое великолепие искусства является одним из величайших триумфов цивилизации и свидетельствует, а также требует неординарной силы гения. Искусство претендует на созидательность и основывается на вечных принципах красоты, и художники всех эпох занимали почетную нишу в храме славы. В глазах всего мира они стоят в одном ряду с поэтами и музыкантами, и даже философами и историками. Они - любимые сыны вдохновения,

побуждаемые к своей работе идеальными представлениями о прекрасном и истинном. Их произведения материальны, но дух, который привел к их созданию, исходит от души и разума. Задача воображения - максимально полно передать чувства и страсти. Бюст "оживлен", а храм, хотя и построен из мрамора человеком, называется "религиозным". Искусство привлекает каждый образованный ум и будоражит поэтические чувства. Это производит впечатление даже на людей любого сословия и положения, возможно, не в самых суровых формах, поскольку вкус должен быть развит, чтобы оценить его высшую красоту, но до определенной степени. Пирамиды и гранитные храмы Египта, должно быть, внушали даже грубым людям определенный трепет и изумление, точно так же, как величественные соборы средневековой Европы с их внушительной помпезностью стимулировали поэтические представления готических народов. Искусство популярно. Грубый дикарь восхищается безвкусной картиной, даже когда культурный Лев Х или кардинал Мазарини склоняются в восхищении перед великими творениями Рафаэля или Доменикино. Искусство обращается к чувствам так же, как к интеллекту и сердцу, и способно пробуждать страсти, а также самые возвышенные эмоции и сентименты. Греческий ум был приучен к созерцанию эстетической красоты в храмах, статуях и картинах; и великий художник был вознагражден почестями и материальными благами. Любовь к искусству легче разжечь, чем любовь к литературному совершенству, и она более распространена в целом. Она ровесница песен и эпической поэзии. До того, как Сократ или Платон размышляли о великих достижениях философии, храмы и статуи были предметом гордости их соотечественников. И как вкус к искусству предшествует вкусу к литературе, так и он сохраняется, когда литература теряет свою жизнь и свежесть. Роскошные граждане Рима украшали свои бани и дворцы изысканными картинами и статуями еще долго после того, как гений перестал парить к вершинам философии и поэзии. Самые гордые триумфы происходят в сфере, к которой искусство никогда не может приблизиться, и все же чудеса искусства по-прежнему относятся к числу великих триумфов цивилизации. Зевксис или Пракситель, возможно, и не равнялись Гомеру или Платону по глубине гениальности, но только великая эпоха могла породить Зевксиса или Праксителя. Я не могу поставить Рафаэля на такую возвышенную ступень, как Лютер, или Бэкон, или Ньютон, и все же его слава будет длиться до тех пор, пока будет существовать цивилизация. Творения резца всегда будут пользоваться благоговением человечества, и, вероятно, пропорционально тому, как будут процветать богатство, элегантность и материальное благополучие. В важном смысле Коринф был таким же замечательным, как и Афины, хотя Афинам будет отведено самое высокое место в древнем мире. Именно искусство, а не литература или философия были славой Рима в период его упадка. Поскольку великие столицы становятся центрами роскоши и показа, художники будут вознаграждены и почитаемы. Гордость коммерческого мегаполиса заключается в тех материальных чудесах, которые вызывают к чувствам и которые можно приобрести за богатство. Богатый торговец может нанять архитектора, когда у него не было бы желания вознаграждать критика или историка. Даже там, где свобода и высокие стремления к истине и моральному совершенству покинули государство, искусство почти не страдает от упадка. Самые величественные памятники Рима относятся к императорскому режиму, а не к республиканскому правлению. Когда смолк голос Цицерона, амфитеатр Флавиев возвышался в своих величественных пропорциях. Имперский деспотизм благоприятствует украшению Парижа и Санкт-Петербурга, точно так же, как богатство и роскошь украсят Нью-Йорк. Когда первые огни Церкви оставались незамеченными в старых столицах мира, новые храмы и дворцы были славой государства. Искусство было первым, кто возродил трофеи старой цивилизации, и оно будет последним, от кого откажутся те, кого обогатила цивилизация. Искусство не возбуждает опасных страстей или чувств в

распадающейся монархии, и это свежее и постоянное удовольствие не только для людей, но и для вершителей вкуса и моды. Папы вознаграждали художников, когда те сокрушали реформаторов и преследовали пытливых гениев. Развитие искусства апеллирует к материальной жизни и интересам, а не к духовному и вечному. Святой Павел едва ли упоминает материальные чудеса городов, которые он посетил, даже в то время, как Лютер был равнодушен к украшениям Италии в своем всепоглощающем стремлении к духовному и нравственному благополучию общества. Искусство - это исключительно творение человека. Она не получает вдохновения с Небес; и все же принципы, на которых она основана, вечны и неизменны, и когда она становится служанкой добродетели, она способна возбуждать самые возвышенные чувства. Чувства, возникающие при созерцании великой картины или статуи, настолько чисты, настолько возвышенны и настолько всеобъемлющи, что мы иногда приписываем религиозную силу самому искусству, в то время как все божественное проистекает из концепции художника, а все божественное в его концепции проистекает из чувств, независимых от его искусства, поскольку он стимулируется эмоциями религии, или патриотизма, или общественной добродетели, и которые он никогда не смог бы воплотить, если бы он не был хорошим человеком, а не великим художником, или, по крайней мере, под влиянием чувств, которые он почерпнул из других источников. Не может быть никаких сомнений в том, что с помощью искусства могут быть выражены самые великие и благородные чувства. Следовательно, художники могут быть великими благодетелями, но иногда их работы деморализуют, поскольку взывают к извращенному вкусу и страстям. Это было особенно актуально в более поздние времена Рима, когда художники стремились угодить своим продажным, но богатым покровителям. Великие художники Греции, однако, имели в виду высокий идеал красоты и изящества, который они стремились реализовать без оглядки на прибыль, мирские выгоды или утилитарные потребности. Искусство, когда оно истинное и возвышенное, каким оно иногда бывает и всегда должно быть, имеет свою самоцель. Подобно добродетели, оно само по себе является наградой. Микеланджело работал, поглощенный своими мыслями, без стимула даже в виде похвалы, в то время как Данте жил в видениях, которым его воображение придавало форму и реальность. Таким образом, искусство самодостаточно, бескорыстно, возвышенно. Это душа, торжествующая над внешними обстоятельствами, ликующая и мелодичная даже в бедности и заброшенности, возвышающаяся над жизненным злом в своем всепоглощающем созерцании идеальной красоты. Счастливые случайности на земле ничего не значат для истинного художника, стремящегося достичь своего идеала совершенства, — не больше, чем ковры и стулья для великой женщины, тоскующей по сочувствию или любви. И только тогда, когда есть это страстное желание души достичь совершенства, которое она задумала только для себя, были созданы великие произведения. Самые сладостные звуки музыки иногда исходят от женщин, когда никто не слушает их мелодии. Великий артист также не ищет и не нуждается в сочувствии, если ему когда-либо так не везло в мирских обстоятельствах. Он может быть печален, но только в глубокой серьезности высшего знания, в той изоляции, на которую обречен всякий гений.

[Примечание: Великие художники работают по вдохновению.]

У нас есть основания полагать, что великие художники древности, как и ионийские философы, жили в своих собственных великолепных сферах мысли и чувств, которые мир не мог ни понять, ни разделить. Их представления о грации и красоте были реализованы в наивысшей степени, когда-либо известной на земле. Они были выражены в их храмах, их статуях и картинах. Они жили не ради коммунальных услуг. Когда искусство стало полезным, оно выродилось. Оно стало

более претенциозным, искусственным, сложным, вычурным, даже декоративным, но ему не хватало гениальности, простоты силы, великолепия оригинальности. Коней солнца нельзя заставить вращаться на мельнице. Духовное должно оставаться в своем собственном уединении, в своем внутреннем храме тайны и медитации.

[Примечание: греческое искусство, посвященное язычеству.]

[Примечание: Величие и красота греческого искусства.]

[Примечание: греческое восхищение искусством.]

Греческое искусство было посвящено язычеству и поэтому не могло подняться выше того, что открывало язычество. Это не соответствовало тем возвышенным чувствам, которые изображались даже в готическом соборе, — жертвоприношению; человеку на кресте; человеку в гробнице; человеку, возносящемуся на небеса. Он также не изображал, подобно Рафаэлю, эфирную красоту, такую, какая была выражена в матери Господа нашего, той, кого будут благословлять все поколения, *regina angelorum, mater divinae gratiae*. Но чего бы ни достигли человеческие силы без посторонней помощи, это воспроизводило, освящало и воплощало в жизнь высочайшие представления о красоте и изяществе, которые когда-либо были представлены. Все, чего разум и душа могли достичь благодаря присущей им силе, они достигли. Современная цивилизация не может похвастаться более гордыми победами, чем те, которых достигли художники языческой древности в тех вещах, которые относятся к красоте и изяществу. Греческие художники были школьными учителями всех наций и всех эпох в области архитектуры, скульптуры и живописи. Насколько они сами были оригинальны, мы не можем решить, хотя, вероятно, они были в некотором долгу перед ассирийцами и египтянами. Но они создали настолько новый стиль и настолько отличались от более старых памятников Азии и Египта, что мы считаем их великими творцами искусства. Но оригинальны они или нет, превзойдены они никогда не были. В некоторых отношениях их бессмертные произведения остаются объектами безнадежного подражания. В реализации вечных идей красоты, подобных тем, на которых Платон построил свою философскую систему, они достигли абсолютного совершенства. И отсюда мы делаем вывод, что искусство может процветать как под языческим, так и под христианским влиянием. Мы не можем подняться выше древних язычников в одной из самых гордых областей цивилизации; ибо искусство имеет таких же искренних и горячих поклонников, как и в греческие и римские времена, но пределсовершенства достигнут. Миссия нашего века состоит в том, чтобы применять творческий гений к предприятиям и работам, которые еще не были опробованы, если можно найти что-то новое под солнцем. И не количество и размах произведений искусства у греков и римлян, ни их совершенство сделали искусство столь характерным элементом древней цивилизации. Это был дух эпохи, поглощение общественного сознания, огромное значение, которое искусство имело в глазах людей. Искусство было для греков тем же, чем турниры и церкви были для людей средневековья, чем Реформация была для Германии и Англии шестнадцатого века, чем теории политических прав были для эпохи Французской революции, чем механические изобретения для сокращения человеческого труда являются для нас. Создание великой статуи было эпохой, объектом народного интереса — предметом всеобщих комментариев. Это вызвало всеобщее вдохновение. Это была великая форма прогресса, которой радовалась та эпоха. Общественные благотворители воздвигали храмы и расточали на них излишки государственного богатства. А общественные благотворители, в свою очередь, заказывали статуи, воздвигнутые в их память их

благодарными почитателями. Гений эпохи выразил себя в мраморных историях. И эти истории посвящены тайне абсолютного совершенства — славе и характеристике великого и своеобразного народа.

[Примечание: Принципы искусства.]

[Примечание: Преданность греков искусству.]

Много было написано о тех принципах, на которых основано искусство, и проявлена большая изобретательность. Но трактаты о вкусе, красоте, изяществе и других представлениях об интеллектуальном удовольствии не очень удовлетворительны и обязательно должны быть неопределенными. В чем заключается красота? Приходим ли мы к каким-либо более ясным представлениям о нем с помощью определений? Заключается ли красота, главная слава изящных искусств, в определенном расположении и пропорциях частей в целом, или в соответствии средств достижению цели, или зависит от ассоциаций, вызывающих удовольствие, или является раскрытием истины, или взыванием к чувствам, или имитацией Природы, или реализацией идеального совершенства, - это трудно установить и почти бесполезно выяснять. "Метафизика, математика, музыка и философия были призваны анализировать, определять, демонстрировать и обобщать". [Примечание: Клегхорн, *Древнее и современное искусство*, том I, стр. 67.] Великие писатели, такие как Берк, Элисон и Стюарт, написали гениальные трактаты. Красота, согласно Платону, - это созерцание ума; Лейбниц утверждал, что она заключается в совершенстве; Дидро связывал красоту с идеей отношения; Блондель утверждал, что это гармонические пропорции; Питер Ли говорит о ней как о музыке глаза. И все же каждый понимает, что такое красота, и что она исходит от Природы, соответствует самым чистым образцам, которые представляет Природа. Таков был идеал Фидия. Таково было представление греков, которые объединили все преимущества, физические и умственные, для совершенствования искусства. Искусство также не могло бы быть так чудесно развито, если бы не влияние, которое великие поэты, ораторы, драматурги, историки и философы оказывали на вдохновение художников. Фидия спросили, как ему пришла в голову идея его Юпитера-олимпийца, и он ответил, повторив отрывок из Гомера. Мы едва ли можем представить себе энтузиазм, который греки проявляли в развитии искусства. Таким образом, она получила господство над всеми другими нациями. Римское искусство было продолжением греческого. Римляне ценили и вознаграждали греческих художников. Они переняли их архитектуру, их скульптуру и их живопись; и, хотя искусство никогда не достигало в Риме такой оценки и достоинства, как в Греции, оно все еще может похвастаться большим развитием. Но, поскольку все великие образцы были греческими, заимствованными и скопированными римлянами, — поскольку великие чудеса "Вечного города" были созданы греками, — мы не можем рассматривать римское искусство в отличие от греческого. И поскольку я хочу просто показать триумф языческого гения в сфере искусства, и большинство бессмертных творений великих художников были перевезены в Рим и украсили Рим, в моей компетенции отправиться туда, где они были первоначально найдены.

"Tu, regere imperio populos, Romane, memento!
Hae tibi erunt artes."

[Примечание: Искусство, впервые произведшее впечатление в архитектуре.]

Первое развитие искусства произошло в архитектуре, причем не только у греков, но и у более древних народов. Хотя в определенном смысле это относится ко всем зданиям, обычно оно ограничивается теми сооружениями, в которых мы признаем принцип красоты, такими как симметричное расположение и привлекательные орнаменты, такие как колонны, карнизы и скульптурные листья.

Самыми ранними постройками были дома для защиты людей от неблагоприятных погодных условий, построенные без особого внимания к красоте; но именно в храмах для поклонения Богу архитектура претендует на достоинство. Это было результатом благочестивых чувств; нет ни единого примера достижения высшего совершенства в искусстве, которое не было бы священным и связанным с благоговейными наклонностями. При возведении и украшении священных зданий присутствовало глубокое чувство, что они должны были стать святилищами Бога, и гений стимулировался благочестивыми эмоциями. В Индии, Египте, Греции, Италии различные храмы возникли на основе смешанных суеверий и набожности. Здание, возведенное для религиозного поклонения, также не достигало своей высшей точки красоты и величия до той серьезной и глубоко религиозной эпохи, когда оскорбления, нанесенные гробнице, скрывавшей останки Спасителя мира, воспринимались как оскорбление. Затем возникли седые готические своды Кельна и Вестминстера, единственные современные сооружения, которые, вероятно, вызвали бы восхищение древнего грека.

[Примечание: египетская архитектура.]

[Примечание: Памятники Египта.]

[Примечание: Храм Карнака.]

[Примечание: Особенности египетского искусства.]

Но архитектура традиционна и требует знания своей системы и понимания принципов, от которых зависит ее красота. Следовательно, в древнейших храмах Индии и Египта, вероятно, была необъятность, лишенная элегантности или даже приукрашивания. Но ни один народ никогда не оставлял сооружений, которые по размаху и величию могли бы сравниться с сооружениями древнего Египта; и это были в основном храмы. От древних памятников Фив не осталось ничего, кроме руин зданий, посвященных божеству, — ни мостов, ни набережных, ни бань, ни театров. Именно когда израильтяне были угнетены фараоном, возник великий город Гелиополис, который греки называли Фивы, с его сотней ворот, величественными общественными зданиями и великолепными храмами. Их руины свидетельствуют о величии и необъятности. Они были построены из камня, из огромных блоков, и мы до сих пор не можем понять, как такие тяжелые камни могли быть перевезены и установлены. Все памятники фараонов являются чудесами науки и искусства, особенно такие, какие можно увидеть в руинах Карнака — храма, ранее считавшегося храмом Юпитера Амона. Именно во времена Сесостриса, или Рамзеса Великого, первого из фараонов девятнадцатой династии, архитектура в Египте достигла своего наивысшего развития. Затем мы находим прямоугольные граненые каменные блоки, расположенные параллельными рядами, и тяжелые опоры, и цилиндрическую колонну с капителем в форме колокола, и смелые и массивные прямоугольные наличники, тянущиеся от опоры к опоре и от колонны к колонне, увенчанные глубоким крытым выступом или карнизом. Но внушительная архитектура Египта была в основном обусловлена огромными пропорциями общественных зданий. Это не было вызвано красотой пропорций или изящными украшениями.

Это было задумано, чтобы внушать людям благоговейный трепет и разжигать чувства удивления. Поскольку эта цель была поставлена, она была благородно достигнута. Даже по сей день путешественник останавливается в восхищенном изумлении перед этими памятниками, которые были построены три тысячи лет назад. Ни одно сооружение не было таким долговечным, как Пирамиды. Нет руин более обширных и величественных, чем в Фивах. Храм Карнак и дворец Рамсеса Великого, вероятно, были самыми внушительными из когда-либо построенных человеком. Этот храм был построен из каменных блоков семидесяти футов в длину, на платформе в тысячу футов в длину и триста в ширину, с колоннами высотой шестьдесят футов. Но это и другие сооружения не обладали тем единством дизайна, которым отличались греческие храмы. Аллеи колоссальных сфинксов образуют подход. В Карнаке длина аллеи составляла шесть тысяч футов, а перед основным корпусом здания стояли два обелиска в память об этом посвящении. Основные сооружения не следуют прямой линии, а начинаются с пирамидальных башен, обрамляющих ворота. Затем обычно следует двор, окруженный колоннадами, второстепенными храмами и домами для священников. Второй пилон, или пирамидальная башня, теперь ведет во внутреннюю и наиболее значительную часть храма - портик, окруженный стенами, свет в который проникает только через антаблемент или отверстия в крыше. К нему примыкает целла храма, без колонн, окруженная несколькими стенами, часто разделенными на различные небольшие камеры, с монолитными вместилищами для идолов, мумий или животных. Колонны стоят внутри стен. У египтян не было постоянных храмов. Колоннада не является, как у греков, расширением храма; это просто стена с отверстиями. Стены, сложенные из квадратных блоков, перпендикулярны только изнутри и скошены снаружи, так что толщина у основания иногда достигает двадцати четырех футов, и, таким образом, все здание приобретает пирамидальную форму, что является фундаментальным принципом египетской архитектуры. Колонны более тонкие, чем раннедорские, расположены близко друг к другу и имеют основания из круглых цоколей; древко уменьшается и украшено перпендикулярными или косыми бороздами, но не рифлеными, как греческие колонны. Капители имеют форму колокола, украшены всевозможной листвой и имеют узкие, но высокие счеты, или выпуклые снизу, а сверху суженные, с низкими, но выступающими счетами. Они изобилуют скульптурными украшениями, заимствованными из растительности страны. Самая высокая из колонн Луксорского храма в пять с четвертью раз превышает наибольший диаметр. [Сноска: Мюллер.]

[Примечание: Пирамиды.]

Но ни один памятник никогда не вызывал столько любопытства и изумления, как Пирамиды, не из-за какой-то особой красоты или изобретательности, а из-за их огромных размеров и неизвестного возраста. Никто, кроме монархов—священнослужителей, никогда бы их не воздвиг - никто, кроме фанатичного народа, никогда бы не потрудился над ними. Они указывают не на цивилизацию, а на деспотизм. Мы не знаем, с какой целью они были воздвигнуты, разве что как усыпальницы для царей. Они даже не свидетельствуют о столь высокой культуре, как храмы в Фивах, хотя были построены значительно позже, даже через несколько поколений после того, как Сесострис воцарился ввеликолепии. Пирамида Хеопса в Мемфисе занимает площадь в семьсот шестьдесят восемь футов, а возвышается в воздух на четыреста пятьдесят два фута и представляет собой сплошную каменную массу, которая меньше пострадала от времени, чем окружающие ее горы. И вполне вероятно, что он возвышается над огромным подземным сооружением, в котором еще можно найти знания древнего Египта и которое может даже оказаться знаменитым лабиринтом, о котором говорит

Геродот, построенным двенадцатью царями Египта. По словам этого автора, сто тысяч человек работали над этим памятником в течение сорока лет. Какая напрасная трата труда!

Дворцы королей - это всего лишь имитация храмов, и единственное отличие архитектуры заключается в том, что помещения больше и их больше в количестве. Некоторые думают, что лабиринт был коллективным дворцом многих правителей.

Таково было огромное величие египетских древностей: в лучшем случае они являются диковинками, но мало полезны для моральной или эстетической культуры, тем не менее, они указывают на значительную цивилизацию в очень отдаленный период, что доказывается не только архитектурными памятниками, но и системой письма, самобытным и интеллектуальным народом. [Примечание: Мюллер, *Древнее искусство*; Уилкинсон, *Топог. из Фив*; Шампольон, *Электронные письма Египта*; Савский журнал. 1836; Британская энциклопедия; Страбон.]

[Примечание: Вавилонская архитектура.]

Об архитектуре вавилона мы знаем очень мало, кроме того, на что ссылаются Священные Писания и древние авторы в разрозненных заметках. Но, хотя от древнего великолепия ничего не сохранилось, мы чувствуем, что город, стены которого, согласно Геродоту, имели восемьдесят семь футов в толщину, триста тридцать семь футов в высоту и шестьдесят миль в окружности и в котором было сто ворот из меди, должен был обладать значительным архитектурным великолепием. Башня Бела, Дворец Навуходоносора и Обелиск Семирамиды, вероятно, были замечательными сооружениями, особенно по размерам, что является одним из условий архитектурного эффекта.

[Примечание: памятники Тира.]

Тирийцы, должно быть, довели архитектуру до значительного совершенства, поскольку Храм Соломона, один из самых великолепных в древнем мире, вероятно, был построен финикийскими мастерами. Он не отличался большими размерами; он действительно был очень мал, но отличался большим великолепием убранства. Он имел четырехугольные очертания, возведенный на прочной каменной платформе и имевший поразительное сходство с древнейшими греческими храмами, такими как храмы Эгины и Пестума. Портик храма во времена Ирода имел высоту сто восемьдесят футов, а в сам храм входили через девять ворот, густо покрытых серебром и золотом. Внутреннее святилище было покрыто со всех сторон золотыми пластинами и ослепляло глаз. Различные дворы, портики и дворцы, которыми оно было окружено, придавали ему очень внушительный вид.

[Примечание: ранние дорические памятники.]

[Примечание: Принципы дорической архитектуры.]

[Примечание: Особенности дорического ордера.]

[Примечание на стороне: Парфенон.]

Однако архитектура, как выражение гениальности и высокой цивилизации, была доведена до совершенства только греками. Египетские памятники были диковинкой для греков и римлян, так же как для нас они являются объектами благоговения и удивления. И поскольку мы предлагаем рассматривать искусства главным образом в их наивысшем совершенстве, чтобы показать, чего

мог достичь языческий интеллект человека без помощи света с небес, мы обращаемся к великому учителю последних двух тысяч лет. Впервые это искусство появилось у древних дорийцев, спустившихся с гор Северной Греции через восемьдесят лет после падения Трои. Пеласги, предположительно финикийцы, воздвигли циклопические сооружения за полторы тысячи лет до Рождества Христова, которые можно увидеть на гигантских стенах Акрополя, [Примечание: *Классическая экскурсия Додвелла*, Мюллер.] построенные из огромных блоков тесаного камня, и дворцы князей героических времен, [Примечание: Гомеровское описание дворца Одиссея.] как в микенской сокровищнице, перекладина дверного проема которой представляет собой один камень двадцати семи футов в длину и шестнадцати в ширину. [Примечание: Муре, *Турне по Греции*.] Но этим сооружениям, нацеленным исключительно на величие и богатство, не хватало той простоты и гармонии, которые придали бессмертие храмам дорийцев. В этом архитектурном стиле каждая вещь соответствовала своему объекту, была величественной и благородной. Большая толщина колонн, красивый антаблемент, широкие пропорции капителя; широкие горизонтальные линии архитрава и карниза, преобладающие над вертикальными линиями колонн; строгость геометрических форм, создаваемых по большей части прямыми линиями, придавали дорическому храму внушительную простоту. Насколько греческие архитекторы были обязаны египтянам, мы не можем сказать, поскольку, хотя колонны встречаются среди руин египетских храмов, они отличаются по форме от тех, что были созданы греками. В постройках Фив мы находим как выпуклые, так и цилиндрические колонны, из объединения которых, возможно, получилась дорическая колонна. Греки хватались за красоту везде, где они ее находили, и совершенствовали ее. Дорическая колонна, вероятно, не была совершенно новым творением, но была сформирована по образцам, созданным самыми оригинальными из всех древних народов, даже египтянами. Дорический стиль использовался исключительно до окончания македонского завоевания и в основном применялся в храмах. Дорические храмы однородны в плане. Колонны были рифлеными и обычно имели высоту около шести диаметров. Они постепенно уменьшались от основания, с небольшим выпуклым выступом книзу. На них накладывались капители, пропорциональные их высоте. Антаблемент, который поддерживала колонна, также имел очень много диаметров по высоте. План храма был настолько правильным и совершенным, что "если бы размеры одной колонны и пропорции, которые антаблемент должен соответствовать ей, были даны двум людям, знакомым со стилем, с указаниями по созданию храма, они создали бы проекты, точно схожие по размеру, расположению и общим пропорциям". Тогда дорический ордер обладал своеобразной гармонией, но, тем не менее, были необходимы вкус и мастерство для того, чтобы определить количество диаметров, которое должна иметь колонна, и, соответственно, высоту антаблемента. Дорический орден был любимым орденом Европейской Греции на протяжении тысячи лет, а также ее колоний на Сицилии и в Великой Греции. Массивные храмы Пестума, колоссальное величие сицилийских руин и более элегантные пропорции афинских сооружений, таких как Парфенон и Храм Тесея, демонстрируют совершенство дорической архитектуры. Хотя общий стиль всех дорических храмов одинаков, вряд ли найдется два похожих храма. Более ранний дорический храм был более массивным; последние были более элегантными и изобиловали скульптурными украшениями. Ничто не могло сравниться по красоте с дорическим храмом во времена Перикла. Стилобат, или пьедестал, высотой от двух третей до целого диаметра колонны, был построен в три равных ряда, которые постепенно отступали от нижнего и образовывали как бы ступени большой платформы, на которой покоились колонны. Колонна имела высоту от четырех до шести диаметров, с двадцатью канавками, с капителью в половину диаметра,

поддерживающей антаблемент. Он снова, высотой в два диаметра, был разделен на архитрав, фриз и карниз. Но величайшей красотой храма был портик перед ним, лес колонн, поддерживающих фронтоны, примерно в полтора диаметра до вершины, образующих угол у основания около 14 градусов. С фронтона выступает карниз, а на его вершине и у основания расположены скульптурные украшения, как правило, фигуры людей или животных. Весь контур колонн, поддерживающих антаблемент, изящен, в то время как разнообразие света и тени, возникающее в результате расположения лепнины и капителей, создает грандиозный эффект. Парфенону, самому прекрасному образцу дорического стиля, никогда не было равных, и он до сих пор величественно возвышается в своих руинах — слава старого Акрополя и гордость Афин. Он был построен из пентелийского мрамора и покоился на цоколе из известняка. Он был двести двадцать семь футов в длину, сто один в ширину и шестьдесят пять в высоту, окружен сорока восемью ионическими колоннами, шесть футов и два дюйма у основания и тридцать четыре фута в высоту, в то время как внутри перистилия, на обоих концах, находился внутренний ряд колонн, стоящих до конца целлы. Фриз и фронтоны были искусно украшены рельефами и статуями, в то время как целла, внутри и снаружи, была украшена отборнейшими скульптурами Фидия. Самой величественной была колоссальная статуя Минервы в восточном зале целлы, высотой сорок футов, выполненная из золота и слоновой кости; внутренние стены были украшены росписями, а сам храм был хранилищем бесчисленных сокровищ. Но Парфенон, такой правильный, с его вертикальными и горизонтальными линиями, был изогнут во всех чертах, за исключением фронтона, — колонны, архитрав, антаблемент, фриз и карниз вместе с цоколем — все выгнуто вверх, хотя и так слегка, что этого не было заметно, и эти изогнутые линии придавали ему особое изящество, которому невозможно подражать, равно как и солидность.

[Примечание: Акрополь.]

Почти ровесником дорического ордера был ионический ордер, изобретенный азиатскими греками, еще более изящный, хотя и не такой внушительный. Акрополь является прекрасным примером такого порядка. Колонна имеет девять диаметров в высоту, с основанием, в то время как капитель более орнаментирована. Стержень имеет двадцать четыре канавки и чередующиеся скругления, причем скругление составляет примерно четверть ширины канавки. Фронтон более плоский, чем в дорическом ордере, и более сложный. Большим отличием ионической колонны является основание и капитель, образованные спиралями, с более тонким стержнем. Витрувий, величайший авторитет среди древних в архитектуре, говорит, что "греки, изобретая эти два вида колонн, имитировали в одной неприкрытую простоту и достоинство мужчины, а в другой изящество и украшения женщины; основанием Ионического собора была имитация сандалий, а завитками - локонов".

[Примечание: Храм Минервы.]

Коринфский орден отличается еще большей утонченностью и элегантностью, чем два других, и был введен ближе к концу Пелопоннесской войны. Его особенностью являются колонны с листовидными капителями и еще большей высотой, около десяти диаметров, с более орнаментированным антаблементом. Самым известным храмом этого ордена в Греции был храм Минервы в Тегее, построенный Скопасом Паросским, но разрушенный пожаром за четыреста лет до Рождества Христова.

Ничто так не выделяло греческую архитектуру, как разнообразие, изящество и красота лепнины, как правило, эксцентричных изгибов. Общий контур лепнины представляет собой изящно струящуюся киму, или волну, вогнутую с одного конца и выпуклую с другого, наподобие курсивной буквы "f", причем вогнутость и выпуклость находятся в одном и том же изгибе, в соответствии с линией красоты, описанной Хогартом.

[Примечание: Архитектура у греков проявлялась в храмах с наибольшим совершенством.]

Самое прекрасное применение греческой архитектуры было в храмах, которые были очень многочисленными и отличались необычайным величием задолго до персидской войны. Вход в них всегда был с запада или востока. Они были построены либо в продолговатой, либо в круглой форме и в основном были украшены колоннами. Те, что имели продолговатую форму, имели колонны либо только спереди, либо на переднем и заднем фасадах, либо со всех четырех сторон. Обычно к ним пристраивались портики. В них не было окон, свет падал через дверь или сверху. Фриз был украшен различными скульптурами, как иногда и фронтоны, и на них не жалели средств. Самой важной частью храма была целла, где хранилась статуя божества, и обычно она была окружена балюстрадой. Рядом с целлой находился вестибюль, а в задней или передней части помещения хранились сокровища храма. Названия присваивались храмам, а также портикам, в зависимости от количества колонн в портике на обоих концах храма, таких как тетрастиль с четырьмя колоннами спереди или шестистиль, когда их было шесть. Впереди никогда не было больше десяти колонн. В Парфеноне было восемь, но обычным числом было шесть. По бокам было в два раза больше колонн, чем спереди, и на одну больше. Некоторые храмы имели двойные ряды колонн со всех сторон, как храм Дианы в Эфесе и храм Квирина в Риме. Расстояние между колоннами варьировалось от диаметра в половину колонны до четырех диаметров. Примерно пять восьмых площади дорического храма занимала целла, а три восьмых - портик.

[Примечание: Простота греческих храмов.]

То, что придает столько простоты и гармонии греческим храмам, которые являются величайшими элементами красоты в архитектуре, - это простые очертания в параллелограммных и пирамидальных формах, в которых линии прямые и непрерывные по всей их длине. Эта простота и гармония более очевидны в дорическом стиле, чем в любом другом ордере, и присущи всем храмам, о которых нам известно. В них также не может быть внесено никаких улучшений или изменений, которые не противоречили бы установленным принципам. Ионический и коринфский, или волнистый и слоистый ордера, не обладают той гармонией, которая пронизывает дорический, но более красивые композиции настолько совершенны, что их всегда будут считать образцами для изучения.

[Примечание: Непревзойденные пропорции греческих храмов.]

Нас больше всего поражает не величие греческих храмов и других произведений искусства. Не поэтому они являются важными моделями. Не для этого их копируют и воспроизводят во всех современных странах Европы. Как правило, они были небольшими по сравнению с храмами Египта или огромными размерами римских амфитеатров. Только три или четыре из них могли сравниться по размерам с готическим собором, таким как Парфенон, Храм Зевса в Олимпии и Храм Дианы в Эфесе. Даже Пантеон в Риме невелик по сравнению с более поздними памятниками цезарей. Путешественник всегда разочаровывается, созерцая их останки, что

касается размеров. Но именно их несравненные пропорции, их строгая симметрия, великолепие эффекта, неумирающая красота, изящные формы производят на нас впечатление и заставляют нас чувствовать, что они совершенны. Рядом с Колизеем они незначительны по величине. Они не занимают акров, как термы Каракаллы. Но кто скопировал амфитеатр Флавиев? Кто возводит здание в стиле Терм? Но все художники копируют Парфенон. Это, а не колоссальные памятники Цезарей, вновь появляется в столицах Европы и стимулирует гений Микеланджело или Кристофера Рена.

Период расцвета греческой архитектуры пришелся на период от Перикла до Александра — сто тринадцать лет. Македонское завоевание привнесло больше великолепия и меньше простоты. Римское завоевание ускорило упадок сурового вкуса, когда разные блюда использовались без разбора.

[Примечание: Начало римского искусства.]

[Примечание: римляне копировали греков.]

В этом состоянии искусство перешло в руки мастеров со всего мира, и они положили начало новой эре в архитектуре. Искусство все еще оставалось по сути греческим, хотя римляне получили свои первые знания от этрусков. Большая Клоака была построена во времена правления второго Тарквиния — самого грандиозного памятника эпохи правления царей. Маловероятно, что храмы и другие общественные здания были красивыми или величественными до завоевания Греции, когда были наняты греческие архитекторы. Римляне переняли коринфский стиль, который они сделали еще более декоративным, и благодаря удачному сочетанию этрусской арки с греческой колонной заложили основу нового и оригинального стиля, отличающегося большим разнообразием и великолепием. Они занялись архитектурой с энтузиазмом своих учителей, но в своей страсти к новизне упустили из виду простоту, которая является величайшим очарованием дорического храма. "И они считали, что легкость и изящество должны быть достигнуты не столько за счет соотношения вертикали и горизонтали, сколько за счет сравнительной гибкости первой. Отсюда мы видим бедность римской архитектуры среди обильного орнамента. Большой ошибкой было постоянное стремление уменьшить диаметр колонн, в то время как они увеличивали высоту. Поэтому массивная простота и суровое величие древнего дорического ордера исчезают в римском, характеристики ордена размываются до множества мельчайших деталей". [Примечание: Мемы, скульптура и архитектура.] И когда они вообще использовали дорический стиль, они использовали основание, чего никогда не делали в Афинах. Они также изменили дорическую капитель, которую невозможно улучшить. Опять же, большинство греческих дорических храмов были периферийными, то есть были окружены колоннами со всех сторон. Но римляне строили с портиками даже не на каждом фасаде, а только на одном, который имел больший выступ, чем греческий. Обычно на них проецируются три колонны. Многие римские храмы имеют круглую форму, как Пантеон, который имеет портик из восьми колонн, выступающих на глубину трех. Римляне также не строили гипаэтральных храмов или открытых с внутренними колоннами, как греки. Пантеон является исключением, поскольку купол имеет открытый глаз; и одним из замечательных украшений этого прекрасного сооружения является расположение внутренних колонн, размещенных перед нишами, состоящими из анов, или концов стен в форме столбов, которые окружают антаблемент под аттиком, на котором покоится купол. Они также использовали спаренные колонны, сломанные и утопленные антаблемента и пьедесталы,

которые считаются недостатками. Они снова уделяли больше внимания внутреннему, чем внешнему убранству своих дворцов и бань, как мы можем заключить из руин виллы Адриана в Тиволи и раскопок Помпеи.

Римский Коринфский орден, как и греческие ордена, состоял из трех частей: стилобата, колонны и антаблемента, но стилобат был намного выше и не имел градуировки, за исключением входа перед портиком. Диаметр колонны варьировался от девяти с половиной до десяти, и она всегда была рифленой с двадцатью четырьмя канавками и желобками. Высота капители составляет диаметр и одну восьмую; антаблемент варьируется от одного диаметра и семи восьмых до двух с половиной диаметров. Портик Пантеона - один из лучших образцов коринфского ордера. Антаблемент храма Юпитера Статора, как и у Пантеона, имеет два с половиной диаметра. Фронтоны более крутые, чем те, что были сделаны греками, с наклоном от восемнадцати до двадцати пяти градусов. Лепнина, используемая в римских архитектурных произведениях, в общих чертах такая же, как и греческая, хотя и отличается от них по контуру. Она менее тонкая и изящная, но использовалась в большом изобилии. Римская архитектура изобилует орнаментом, каждая лепнина украшена резьбой, а каждая прямая поверхность украшена листвой или рельефными историческими сюжетами. Орнаменты фриза состоят из листвы и животных, а также множества других предметов. Большое изобилие орнамента считается недостатком, хотя в применении к некоторым сооружениям он чрезвычайно красив. Во времена первых Цезарей архитектура отличалась величием и пышностью. Колонны и арки появились во всех ведущих общественных зданиях, причем колонны, как правило, формировали внешнюю, а арки - внутреннюю конструкцию. Ткань за тканью возникали на руинах других. Флавиусы заменили здания Нерона, которые служили разврату, общественно полезными сооружениями.

[Примечание: Изменения, внесенные римлянами.]

[Примечание на стороне: Изобретение арх.]

[Примечание: Использование арки.]

Римляне не изобрели никакого нового принципа в архитектуре, за исключением арки, которая не была известна грекам и выполнена ими с большим совершенством, чем римлянами; но это по простоте, гармонии и красоте никогда не было превзойдено ни в одну эпоху или ни одним народом. Римляне были практичным народом и для своих различных сооружений нуждались в большей экономии материала, чем большие каменные блоки, особенно для тех, которые перевозились на большие высоты. Арка удовлетворяла эту потребность и, возможно, является величайшим изобретением, когда-либо сделанным в архитектуре. Ни один пример ее использования не встречается при строительстве греческих зданий до того, как Греция стала частью Римской империи. Его применение восходит к Верхней клоаке и, возможно, было изобретено этрурами. Он не был известен ни египтянам, ни персам, ни индийцам, ни грекам. Некоторые утверждают, что изобретателем был Архимед Сицилийский, но кому бы ни была обязана слава изобретения, несомненно, что римляне были первыми, кто применил на практике его замечательные качества. Это позволило им поднимать в воздух огромные здания из самых простых материалов, возводить мосты, акведуки, канализацию, амфитеатры и триумфальные арки, а также храмы и дворцы; его достоинства никогда не упускались из виду последующими поколениями, и он лежит в основе великолепных готических соборов средневековья. Его применение распространяется на купола и главки, на арочные этажи, коридоры и крыши, а

также на различные другие части зданий, где требуется экономия материалов и рабочей силы. Он широко применялся для отделки дверных проемов и окон и является как украшением, так и утилитарным средством. Самые впечатляющие формы римской архитектуры можно проследить благодаря знанию свойств арки, а поскольку кирпич использовался более широко, чем любой другой материал, арка была бесценна. Императорский дворец на горе Палатин, Пантеон, за исключением портика и внутренних колонн, храмы Мира, Венеры и Рима, а также Минервы Медики были построены из кирпича. Такими же были великие бани Тита, Каракаллы и Диоклетиана, вилла Адриана, городские стены, вилла Мецената в Тиволи и большинство дворцов знати, хотя, как и многие храмы, они были облицованы камнем. Колизей был построен из травертина, облицованного мрамором. Было принято покрывать поверхность стен штукатуркой, что благоприятствовало украшению. В результате этого изобретения римляне возвели большее разнообразие прекрасных сооружений, чем греки или египтяне, чьи общественные сооружения были в основном ограничены храмами. Арка вошла почти в каждое строение, общественное или частное, и заменила использование длинных каменных балок, которые были необходимы в греческих храмах, а также деревянных бревен, в использовании которых римляне не были искусны и которые на самом деле не относятся к архитектурному искусству. Внушительное здание всегда должно быть построено из камня или кирпича. Арка также позволила римлянам сэкономить на использовании дорогостоящего мрамора, который они очень любили, а также других камней. Некоторые из лучших колонн были сделаны из египетского гранита, очень тщательно отполированного.

Широкое применение арки, несомненно, привело к ухудшению греческой архитектуры, поскольку в ней сочетались колонны с аркадами и, таким образом, нарушалась гармония, которая столь характерна для храмов Афин и Коринфа. И поскольку вкусы испортились с упадком Империи, возникли чудовищные сочетания, которые сильно отличались от простоты Парфенона и внутреннего убранства Пантеона.

[Примечание: Великолепие римской архитектуры.]

Но какими бы недостатками ни была отмечена эпоха Диоклетиана и Константина, никогда нельзя подвергать сомнению тот факт, что римляне довели архитектуру до совершенства, редко достигнутого в наше время. Возможно, они и не сравнивались с суровой простотой своих учителей, греков, но они превзошли их в богатстве декораций и во всех зданиях, предназначенных для использования, особенно в частных домах, банях и театрах.

[Примечание: Эффект колонн в архитектуре.]

Римляне, по-видимому, не использовали ничего, кроме полукруглых арок. Готическая, или остроконечная, или христианская архитектура, как ее по-разному называли, была порождением Средневековья и возникла почти одновременно в Европе после первого крестового похода, так что может показаться, что она имеет восточное происхождение. Но это была прививка от старой римской арки — в форме эллипса, а не круга. Помимо этого изобретения, которому мы обязаны самыми красивыми церковными сооружениями, когда-либо возведенными, мы всем в архитектуре обязаны грекам и римлянам. Мы не обнаружили никаких новых принципов, которые не были бы в равной степени известны Витрувию. Ни один человек не был изобретателем или создателем замечательных сооружений, украшавших города древнего мира. У нас есть имена великих архитекторов, которые создали различные и безупречные модели, но все они работали по одним и тем же принципам. И они никогда не могут быть опровергнуты. Так что в

архитектуре древние являются нашими школьными учителями, чей гений мы почитаем тем больше, чем больше знакомимся с их работами. Что может быть прекраснее, чем один из тех величественных храмов, которые язычники, но образованные греки воздвигли для поклонения своим неизвестным богам: ступенчатый и отступающий стилобат в качестве основы для рифленых колонн, возвышающихся на равном расстоянии друг от друга, во всей их строгой пропорции и несравненной гармонии, с их богато вырезанными капителями, поддерживающими антаблемент из тяжелых камней, искусно отлитых и украшенных фигурами растений и животных, и возвышающийся над этим, на концах храма, или над портиком в несколько колонн глубиной, фронтоны, покрытые резными карнизами, с еще более высокими колоннами. более богатые орнаменты, поднимающиеся с вершин и у подножий; все вырезано из белого мрамора, а затем разбросано по площади, большей, чем любая современная церковь, образуя лес колонн, несущих ввысь эти тяжелые каменные балки, при этом ничто не нарушает непрерывности горизонтальных линий, благодаря которым видна гармония и простота целого. Камни и колонны, из которых были построены эти храмы, были настолько точно обтесаны и красиво подогнаны, что почти не нуждались даже в цементе. Эти храмы выросли без шума, неразберихи или стука молотков, поскольку все их части были вырезаны в отдаленных каменоломнях с математической точностью. А внутри целлы, почти скрытые окружающими колоннами, находились статуи богов и алтари, на которых возносились благовоения или приносились жертвы. В каждой детали, внутренней и внешней, мы видим несравненные пропорции и красоту, будь то шахта, или капитель, или фриз, или пилястра, или фронтоны, или карнизы, или даже лепнина — везде изящество и гармония, которые поражают воображение тем больше, чем больше их созерцаешь. Величайшим свидетельством несравненного творческого гения, проявленного в этих архитектурных чудесах, является то, что по прошествии двух тысяч лет, несмотря на все изобретения римских и современных художников, улучшить их невозможно, и те здания, которыми восхищаются в наше время, считаются прекрасными, поскольку они приближаются к древним моделям, которые навсегда останутся объектами подражания. Ни одна наука не может сложить два и два иначе, чем из четырех. Никакое искусство не может сделать дорический храм отличным от Парфенона, не отступив от устоявшихся принципов красоты и пропорций, которые были одобрены всеми веками. Таковы были греки и римляне в искусстве, которое является одним из величайших признаков материальной цивилизации и которое они заимствовали из геометрических форм или имитации Природы.

* * * * *

[Примечание: Совершенство греческой скульптуры.]

Гениальность, проявленная древними в скульптуре, еще более замечательна, чем в архитектуре. Однако довести ее до совершенства смогли только греки. Но не они положили начало искусству, поскольку мы читаем о скульптурных изображениях из глубочайшей древности. Самые ранние имена скульпторов содержатся в Ветхом Завете. Ассирия и Египет полны реликвий, свидетельствующих о том, как рано культивировалось это искусство. Вероятно, она не была доведена до совершенства так рано, как архитектура; но грубые изображения богов, вырезанные из дерева, так же стары, как история идолопоклонства. История скульптуры фактически отождествляется с историей идолов. Именно из Финикии Соломон нанял рабочих для украшения своего Храма. Но египтяне, вероятно, были первыми, кто значительно продвинулся в создании статуй. Они грубы, просты, однообразны, лишены

красоты или изящества, но колоссальны и величественны. Почти за две тысячи лет до Рождества Христова стены Фив были украшены скульптурными фигурами, точно так же, как ворота Вавилона были сделаны из скульптурной бронзы. Размеры египетских колоссальных фигур превосходят размеры любой другой нации. Сидящие фигуры Мемнона в Фивах достигают пятидесяти футов в высоту, а Сфинкс - двадцати пяти, и все они сделаны из гранита. Количество колоссальных статуй было почти невероятным. Скульптуры, найденные среди руин Карнака, должно быть, были сделаны почти четыре тысячи лет назад. [Примечание: *Древние египтяне* Уилкинсона.] Они отличаются большой простотой дизайна, но без особого разнообразия выражений. Как правило, они вырезаны из самых твердых камней и отделаны так красиво, что мы приходим к выводу, что египтяне были знакомы с искусством упрочнения металлов в степени, не известной в наше время. Но мы не видим идеального величия ни среди каких остатков египетской скульптуры. Какими бы симметричными или колоссальными они ни были, в них нет ни выражения, ни следа эмоций, ни интеллектуальной силы. Каждая вещь спокойна, бесстрашна, невозмутима. Только после того, как скульптура попала в руки греков, было достигнуто какое-либо выдающееся совершенство. Но прогресс развития был медленным. Самой ранней резьбой были грубые деревянные изображения богов, и прошло более тысячи лет, прежде чем были созданы великие мастера, которые ознаменовали эпоху Перикла.

В мои задачи не входит излагать историю развития пластического искусства, но показать великое совершенство, которого оно достигло в руках бессмертных скульпторов.

[Примечание: Восхищение скульптурой у греков.]

[Примечание: греки высоко ценили скульптуру.]

Греки обладали интуитивным восприятием прекрасного, и этой великой национальной черте мы приписываем удивительный прогресс, достигнутый скульптурой. Природа изучалась самым тщательным образом, и то, что было самым красивым в Природе, становилось объектом подражания. Они когда-либо достигали идеального совершенства, поскольку сочетали в одной статуе то, чего нельзя было найти в одном человеке, поскольку Зевксис, как говорят, изучал прекрасные формы семи дев Кротоны, чтобы написать свою знаменитую картину Венеры. Как ни велика была красота Трины, или Аспазии, или Лаис, все же ни одна из них не могла бы послужить совершенной моделью. И требовалась большая чувствительность к красоте, чтобы выбрать и идеализировать то, что было наиболее совершенным в человеческой фигуре. В Греции обожали красоту, и для ее совершенствования использовались все средства, особенно красота форм, которая является характерным совершенством греческой скульптуры. Гимназии посещались повсеместно, и большие призы игр, присуждавшиеся за проявление силы и ловкости, считались высшими почестями, которые могли быть оказаны человеку, — предметом оды поэта и восхищения народа. Статуи победителей увековечили их славу и усовершенствовали искусство скульптора. Из изучения этих статуй были созданы те великие творения, которыми восхищались все последующие века. И благодаря применению принципов, заложенных в этих формах, мы обязаны увековечиванию идей величия и красоты, которых ни один другой народ никогда не открывал и едва ли оценил по достоинству. Скульптура человеческой фигуры стала благородным объектом честолюбия и была щедро вознаграждена. Появились великие художники, чьи работы украшали храмы Греции до тех пор, пока она сохраняла свою независимость; а когда она была утрачена, их бесценные произведения были разбросаны по Азии и Европе. Римляне особенно забирали то, что было самым ценным,

независимо от того, могли они сказать, что было самым совершенным или нет. Греция жила своими мраморными статуями больше, чем своим правительством или законами. И когда мы вспоминаем о том, как ценилась скульптура, о высоких ценах, заплаченных за шедевры, о заботе и внимании, с которыми они охранялись и сохранялись, и о бесчисленных произведениях, которые были созданы, заполнивших все общественные здания, особенно освященные места, и даже открытые пространства, и дома богатых и знатных, вызывавших восхищение и похвалу у всех слоев общества, — маловероятно, что когда-либо снова будет достигнуто столь высокое совершенство в тех фигурах, которые призваны представлять красоту формы. Даже сравнительно немногие статуи, пережившие войны и насилие двухтысячелетней давности, убеждают нас в том, что современные люди могут только подражать. Они не могут создать творения, которые не были бы превзойдены афинскими художниками. "Никакое механическое копирование греческих статуй, каким бы искусным ни был переписчик, никогда не сможет придать современной скульптуре тот же благородный и эффектный характер, которым она обладала у греков, по той простой причине, что имитация, каким бы близким ни было сходство, является всего лишь результатом работы глаза и руки, в то время как оригинал является выражением истинного и глубоко прочувствованного чувства. Искусство не поддерживалось покровительством немногих, претендующих на то, что называется вкусом. В Греции художник, испытывая общее со своими соотечественниками чувство прекрасного, создавал для публики свои работы, которые устанавливались на почетных местах и освящались в храмах богов". [Сноска: *Британская энциклопедия*, "Скульптура", R. W. T.]

[Примечание: Фидий и его современники.]

[Примечание: Статуя Зевса работы Фидия.]

Но только после того, как персидские войны пробудили в Греции дремлющее сознание национальной мощи, и Афины стали центральным пунктом греческой цивилизации, скульптура, подобно архитектуре и живописи, достигла своей высшей точки совершенства при Фидии и его современниках. Великие художники, однако, и раньше прославлялись, такие как Мирон, Поликлет и Агелада; но огромные богатства, которые стекались в Афины в то время, придавали особый стимул искусству, особенно при поддержке такого правителя, как Перикл, чей век был золотой эпохой греческой истории. Фидий или Фидиас был для скульптуры тем же, чем Эсхил был для трагической поэзии, возвышенным и величественным. Он родился за четыреста восемьдесят четыре года до Рождества Христова и был учеником Агелады. Он стоит во главе древних скульпторов не из того, что мы знаем о нем, поскольку его шедевры погибли, а из той оценки, которой его придерживались величайшие критики древности. Именно ему Перикл доверил украшение Парфенона, а многочисленные и прекрасные скульптуры фриза и фронтона были работой художников, которыми он руководил. Его великой работой в этом чудесном здании была статуя самой богини Минервы, сделанная из золота и слоновой кости, сорока футов высотой, победоносно стоящая с копьем в левой руке и изображением победы в правой; опоясанная эгидой, со шлемом на голове и щитом, лежащим рядом. Стоимость этой статуи можно оценить, учитывая, что одно только золото, из которого она была сделана, оценивалось в сорок четыре таланта. [Примечание: Эта сумма равнялась 500 000 долларам США в наших деньгах, огромной сумме в ту эпоху. Некоторые критики предполагают, что эта статуя была перегружена орнаментом, но вся античность была единодушна в своем восхищении. Точность и завершенность деталей были столь же замечательны, как и величие пропорций.] Другой его знаменитой работой была колоссальная бронзовая статуя Афины Промех высотой шестьдесят

футов на Акрополе, между Пропилеями и Парфеноном. Но оба они уступали колоссальной статуе Зевса в его великом храме в Олимпии, изображенной в сидячей позе, высотой в сорок футов, на двадцатифутовом пьедестале. В этом своем величайшем произведении художник стремился воплотить идею величия и покоя - о верховном божестве, которое больше не ведет войну с Титанами и Гигантами, но восседает на троне как победитель, повелевающий подчиненным миром и благословляющий те победы, которые прославили греков. [Примечание: Бог восседал на троне. Черное дерево, золото, слоновая кость и драгоценные камни вместе со множеством скульптурных и раскрашенных фигур образовывали чудесную композицию этого трона.] Эта статуя, считавшаяся шедевром греческого искусства, была настолько знаменита, что умереть, не увидев ее, считалось несчастьем; и это послужило образцом для всех последующих представлений древних о величии и могуществе в покое. Он был перевезен в Константинополь Феодосием I. И был уничтожен пожаром в 475 году. Фидий выполнил множество других знаменитых работ, которые погибли; но даже те, что были выполнены под его руководством и дошли до наших дней, подобно статуям, украшавшим фронтоны Парфенона, являются одними из лучших существующих образцов искусства и демонстрируют наиболее изящные и подходящие формы, которые только можно было выбрать, сочетая величие с простотой, а красоту с точностью анатомического строения. Его отличительным совершенством была идеальная красота, причем самого возвышенного порядка. [Сноска: Мюллер, *De Phidiae Vita*.]

[Примечание: Колоссальные статуи из слоновой кости и золота.]

Из всех чудес и тайн древнего искусства колоссальные статуи из слоновой кости и золота были, пожалуй, самыми замечательными, и сложность их исполнения была отмечена самыми способными современными критиками, такими как Винкельман, Гейне и Де Куинси. "Величие их размеров, совершенство их изготовления, богатство материалов; их величие, красота и идеальная истина; великолепие архитектуры и графического оформления, с которыми они ассоциировались, - все это было направлено на то, чтобы произвести на зрителя впечатление удивления и благоговения и вызвать веру в реальное присутствие бога".

[Примечание: Школа Праксителя.]

После Пелопоннесской войны в Афинах возникла новая школа искусства, которая больше соответствовала страстям. Из этой школы принадлежал Пракситель, который стремился нравиться, не стремясь возвышать или наставлять. Вероятно, никто и никогда не превосходил его в исполнении. Он работал из бронзы и мрамора и был одним из художников, украсивших мавзолей Артемизии. Не стремясь к возвышенному подражанию божеству, в чем Фидий преуспел, он был непревзойден в более мягких грациях и красоте человеческого облика, особенно в женских фигурах. Его самой известной работой была обнаженная статуя Венеры для его родного города Книд, которая была настолько замечательной, что люди стекались со всех концов Греции, чтобы увидеть ее. Он стремился не столько к идеальному величию, сколько к идеальной грациозности, и его работы были скопированы с самых красивых живых моделей и, следовательно, выражали только идеал чувственного очарования. Вполне вероятно, что Венера Медичи Клеомена была простой копией Афродиты Праксителя, которую так высоко превозносили древние авторы. Он был сделан из паросского мрамора по образцу знаменитой Фрины. Его статуи Диониса также выражали самую совершенную физическую красоту, представляя бога в виде прекрасного юноши, увитого плющом, увитого небрисом и

выражающего нежные и мечтательные эмоции. Пракситель изваял несколько фигур Эроса, или бога любви, которые во времена Цицерона привлекали посетителей города в Теспиях. Впоследствии она была перевезена в Рим и погибла во время пожара во времена Тита. Одной из самых знаменитых статуй этого художника был Аполлон, множество копий которого сохранилось до сих пор. Его работ было очень много, но в основном из круга Диониса, Афродиты и Эроса, в котором преклонение перед телесной привлекательностью является наиболее заметной особенностью, и для которой художник был приспособлен своей жизнью с гетерами.

[Прим. автора: Скопас.]

Скопас был его современником и автором знаменитой группы "Ниобея", которая является одним из главных украшений галереи скульптуры во Флоренции. Он процветал примерно за триста пятьдесят лет до Рождества Христова и работал в основном из мрамора. Он был занят украшением Мавзолея, который Артемизия воздвигла своему мужу, одного из чудес света. Говорят, что его шедевром была группа, изображающая Ахилла, которого морские божества привели на остров Левс, которая украшала святилище Домиция в цирке Фламиниана. В этом нежная грация, героическое величие, дерзкая сила и роскошная полнота жизни сочетались с удивительной гармонией. [Сноска: Мюллер, 125.] Как и у других великих художников этой школы, Фидий отличался величием и возвышенностью, которыми славился, но большей утонченностью и роскошью, а также мастерством в использовании драпировки.

[Прим. автора: Лисипп.]

[Примечание: Труды Лисиппа.]

Кульминацией скульптуры в Греции как искусства стал Лисипп, работавший в основном из бронзы. Говорят, что он создал полторы тысячи статуй и пользовался большим уважением Александра Македонского, который ему широко покровительствовал. Он изображал людей не такими, какие они были, а такими, какими казались; и, если он и преувеличивал, то проявлял огромную энергию действия. Он стремился идеализировать просто человеческую красоту, и его имитация Природы была осуществлена в мельчайших деталях. Ни одна из его работ не сохранилась; но поскольку ему одному было разрешено изготовить статую Александра, мы делаем вывод, что ему не было равных. Император Тиберий перенес одну из своих статуй атлета из терм Агриппы в свои собственные покои, что так возмутило народ, что он был вынужден восстановить ее. Его любимым предметом был Геркулес, и колоссальная статуя этого бога была перевезена в Рим Фабием Максимом, когда он брал Тарент, а затем перенесена в Константинополь. Геркулес Фарнезе и Торс Бельвидера, вероятно, являются копиями этой работы. Он оставил после себя многих выдающихся ученых, среди которых были Харес, казнивший знаменитого Колосса Родосского, Агесандр, Полидор и Афинодор, изваявший группу "Лаокоон". Родосская школа была непосредственным ответвлением школы Лисиппа на Сикионе, и с этого маленького острова Родос римляне, когда завоевали его, увезли три тысячи статуй. Колосс был одним из чудес света, семьдесят локтей в высоту, а "Лаокоон" - совершенное чудо искусства, в котором групповой пафос проявляется в наивысшей степени, когда-либо достигнутой в скульптуре. Он был обнаружен в 1506 году недалеко от терм Тита и является одним из самых изысканных памятников древнего пластического искусства.

Великие художники древности не ограничивались изображением человека; они также вырезали животных с исключительной точностью и красотой. Никий был знаменит своими собаками, Мирон - своими коровами, а Лисипп - своими лошадьми. Пракситель сочинил своего знаменитого льва в честь живого животного. "Лошади на фризе из мрамора Элджина, кажется, живут и двигаются; они закатывают глаза, скачут галопом, гарцуют и изгибаются; вены на их лицах и ногах кажутся вздутыми от кровообращения. Зритель очарован легкостью и элегантностью их телосложения, присущей оленям; и хотя рельеф не превышает дюйма от заднего плана, и они намного меньше, чем в природе, мы едва ли можем допустить, чтобы разум убедил нас, что они не живые ". [Примечание: Флакسمан, *Лекции по скульптуре*.]

[Примечание на стороне: камеи и медали.]

Греки также вырезали драгоценные камни, камеи, медали и вазы с недостижимым совершенством. До нашего времени дошло очень мало образцов, но те, которыми мы располагаем, отличаются большой красотой как по дизайну, так и по исполнению.

[Примечание: Разграбление греческих городов.]

Греческая скульптура начиналась с идеальных изображений божеств и была доведена Фидием до величайшего совершенства в его статуях Юпитера и Минервы. Затем на смену пришла школа Праксителя, в которой фигуры богов и богинь все еще были представлены, но смертных формах. Школа Лисиппа была известна статуями знаменитых людей, особенно в городах, где проживали македонские правители. Отныне ожидалось, что художники будут прославлять царей, могущественную знать и правителей портретными статуями. Затем пластическое искусство пришло в упадок. Не были созданы и оригинальные гениальные произведения, а скорее копии или разновидности трех великих школ, на которые был сделан намек. Скульптуры, возможно, и множились, но не появлялись новые творения; хотя были созданы некоторые имитации большого достоинства, такие как "Гермафродит", "Торс", "Геркулес" Фарнезе и "Сражающийся гладиатор". Когда Коринф был разграблен Муммием, некоторые из лучших статуй Греции были перевезены в Рим, а после гражданской войны между Цезарем и Помпеем греческие художники эмигрировали в Италию. Падение Сиракуз принесло в Рим много бесценных произведений искусства; но именно из Афин, Дельф, Коринфа, Элиды и других великих центров искусства были привезены самые богатые сокровища. Греция была разорена, чтобы украсить Италию. Римляне не создали школы скульптуры. Они полностью заимствовали у греков, но создали, особенно во времена Адриана, много прекрасных статуй. Они любили это искусство, и в память о них всем выдающимся людям были воздвигнуты статуи. Бюсты императоров стояли в каждом большом городе, и Рим был полон статуй. Памятников римлянам было даже больше, чем греческим, и среди них можно найти несколько замечательных портретов. Эти скульптуры не выражали того совершенства красоты и изящества, утонченности и сентиментальности, которое отличало греков; но имитации были хороши. Искусство достигло своего совершенства при Лисиппе; больше нечему было учиться. Гений в этой области не мог воспарить выше. Он никогда не поднимется на более высокие высоты.

[Примечание: Вырождение искусства у римлян.]

Примечательно, что наиболее чистые формы греческого искусства возникли на более ранних стадиях его развития. С моральной точки зрения скульптура пришла в упадок со времен Фидия. Проституцией занимались в Риме при императорах. Образцы, которые часто находили среди

руин древних бань, заставляют нас краснеть за человеческую природу. Мастерство исполнения не приходило в упадок в течение нескольких столетий; но высокий идеал был упущен из виду, и грубые апелляции к человеческим страстям делались теми, кто стремился угодить развращенным лидерам общества в изнеженный век. Напыщенность и роскошь искусства постепенно сменились безвкусицей и бедностью. Рельефы на арке Константина грубые и неуклюжие по сравнению с рельефами на колонне Марка Аврелия.

[Примечание: Имитация древнего искусства.]

Но я не хочу описывать упадок искусства или перечислять имена знаменитых мастеров, которые возвысили скульптуру в лучшие дни Перикла или даже Александра. Я просто имею в виду скульптуру как искусство, достигшее большого совершенства у греков и римлян, о чем мы имеем право судить по сохранившимся образцам. Сколько еще людей, должно быть, погибло, мы можем заключить из критических замечаний древних авторов! Лучшие произведения нашего времени в какой-то мере являются репродукциями. Их нельзя назвать творениями, как статую Юпитера-олимпийца. Даже Моисей Микеланджело - греческий бог, а греческая рабыня - копия древней Венеры. Те самые оттенки, которыми восхищаются некоторые работы современных скульпторов, заимствованы у Праксителя, которому удалось создать видимость живой плоти. Только в музее Ватикана хранится несколько тысяч образцов древней скульптуры, найденных среди обломков былого великолепия, многие из которых являются произведениями греческих художников, перевезенными в Рим. Среди них античные копии Купидона и Фавна Праксителя, статуя Демосфена, Минерва Медика, Атлет Лисиппа, Торс Бельвидера, изваянный Аполлоном, Бельвидер Антиноя, безупречная анатомия и этюд Доменикино, Лаокоон, столь восхваляемый Плинием, Бельвидер Аполлона работы Агасия Эфесского, "Сонная Ариадна" и множество других статуй богов и богинь, боги, императоры, философы, поэты и государственные деятели древности. Умиравший гладиатор, украшающий капитолий, сам по себе является великолепным доказательством совершенства, до которого была доведена скульптура спустя столетия после того, как искусство достигло кульминации в Афинах. И это лишь немногие из двадцати тысяч восстановленных статуй, которые сейчас украшают Италию, не говоря уже о тех, что разбросаны по всей Европе. У нас есть имена сотен художников, которые были известны в свое время. Высечены не только фигуры людей, но и животных и растений. Имитировалась природа во всех ее формах; и не только природа, но и одеяния древних увековечены в мраморе. Ни один современный скульптор не сравнится по изяществу отделки с драпировками даже тех древних статуй, какими они предстают перед нами после разоблачения и несчастных случаев, произошедших за две тысячи лет. После тщательного изучения музеев Европы никто не сможет усомниться в том, что из всех народов, претендовавших на звание цивилизованных, древние греки и римляне заслуживают гордого превосходства в искусстве, которое до сих пор считается одним из высших триумфов человеческого гения. Следует помнить, что все эти несравненные произведения древности являются результатом одного только природного гения, без помощи христианских идей. Мы также не уверены, что с помощью христианства какая-либо нация когда-либо поднимется на более высокие высоты, чем греки в этом гордом царстве, которое было посвящено язычеству.

* * * * *

Мы не так уверены в совершенстве древних в искусстве живописи, как в отношении скульптуры и архитектуры, поскольку сохранилось так мало образцов. У нас есть только свидетельства

самых древних; и поскольку у них был такой строгий вкус и такая большая восприимчивость к красоте во всех ее формах, мы не можем предположить, что их представления были грубыми в этом великом искусстве, которое современные люди довели до такого великого совершенства. В этом искусстве современники могут быть превосходнее, особенно в перспективе и рисунке, а также в свете и тени. Нам кажется, что ни одна эпоха не может сравниться с Италией пятнадцатого и шестнадцатого веков, когда гений Рафаэля, Корреджо и Доменикино блистал с таким удивительным блеском.

Тем не менее, мы читаем о знаменитых школах древних, все из которых, как и современные, признавали *форму* великим принципом и основой искусства. Школы Сикиона, Коринфа, Афин и Родоса были обязаны своей известностью, как и школы Болоньи, Флоренции и Рима, строгому соблюдению этого основного закона.

[Примечание: Древность живописи.]

[Примечание: Живопись у египтян.]

Живопись в той или иной форме очень древняя, хотя и не такая древняя, как храмы богов и статуи, воздвигнутые для поклонения им. Это возникло из-за восприимчивости к красоте формы и цвета, а также с целью передачи мыслей и эмоций души путем подражания. Стены Вавилона были расписаны в соответствии с натурой различными видами животных и сражениями. Семирамида была изображена верхом на лошади, поражающей дротиком леопарда, а ее муж Нинус ранил льва. Иезекииль (viii. 10) представляет различных идолов и зверей, изображенных на стенах, и даже принцев, раскрашенных киноварью, с поясами вокруг чресел (xxiii. 14, 15). В почти сказочные времена в этом искусстве предпринимались некоторые грубые попытки, которые, вероятно, возникли из-за раскраски статуй и рельефов. Деревянные сундуки египетских мумий расписаны религиозными сюжетами, но цвета были нанесены без учета света и тени. Египтяне стремились не изображать страсти и эмоции, которые будоражат душу, а скорее удостоверять подлинность событий и поступков; и поэтому их рисунки, подобно иероглифам, являются надписями. Они стремились увековечить свои великие праздники и религиозные обряды, а не представления о красоте или изяществе. Поэтому их картины изобилуют расчлененными животными, растениями и цветами, кадьницами, внутренностями — всем, что использовалось в их религиозном богослужении. В Греции первоначальная живопись также заключалась в раскрашивании статуй и рельефов из дерева и глины. В Коринфе живопись рано объединилась с изготовлением ваз, на которых были грубо нарисованы фигуры людей и животных. Говорят, что у этрусков, до основания Рима, были прекрасные картины, и, вероятно, они были развиты в искусстве раньше греков. В некоторых старых этрусских городах были картины, которые римские императоры хотели убрать, настолько они вызывали восхищение даже в дни величайшего великолепия. Древние этрусские вазы славятся узорами, которые никогда не превосходили по чистоте формы, но вполне вероятно, что они были скопированы у греков.

[Примечание: Кимон Клеонский.]

Но независимо от того, были ли греки или этруски первыми, кто начал рисовать, это искусство, безусловно, было доведено до величайшего совершенства среди первых. Развитие этого искусства, как и любого другого, было очень постепенным. Вероятно, все начиналось с рисования контура тени без промежуточных обозначений; следующим шагом был полный

контур с внутренними обозначениями, такими, какие изображены на древних вазах или подобны рисункам Флаксмана. Первоначально они практиковались на белом полу. Затем были введены свет и тень, а затем и применение цветов в соответствии с природой. Мы читаем о великой картине Буларха, изображающей битву при Магнете, купленной лидийским царем за семьсот восемнадцать лет до Рождества Христова. А поскольку предметом была битва, она, должно быть, изображала движение фигур, хотя мы ничего не знаем ни о колорите, ни о реальном совершенстве работы, за исключением того, что художнику щедро заплатили. Кимон Клеонский - первое великое имя, связанное с искусством Греции, и его восхваляет Плиний, которому мы обязаны историей древней живописи больше, чем какому-либо другому автору. Он был современником Дионисия на восьмидесятой Олимпиаде. Он не довольствовался простым изображением очертаний своих фигур, какие мы видим на древнейших расписных вазах, но он также изображал конечности и складки одежды. Он изобрел искусство ракурса, или различных положений фигур, как они выглядят при взгляде вверх, или вниз, или вбок, и, следовательно, является первым художником перспективы. Сначала он произвел мускульные сочленения, обозначил вены и придал драпировке естественные складки. [Примечание: Плиний, xxxv. 34.]

[Примечание: Величие Полигнота и его школы.]

Гораздо более великим художником, чем он, был Полигнот Тасосский, современник Фидия, приехавший в Афины примерно в 463 году до н.э., один из величайших гениев любой эпохи и один из самых великодушных; и ему посчастливилось жить в век исключительной интеллектуальной активности. Он работал над общественными зданиями Афин и над великим храмом в Дельфах, зал которого он расписал безвозмездно. Он также украсил Пропилеи, которые были возведены под руководством Фидия. Его величие заключалось в скульптурной живописи, которую он довел почти до совершенства благодаря идеальному выражению, точному рисунку и улучшенному колориту. Он использовал совсем немного красок и смягчил жесткость своих предшественников, заставив губы красавицы улыбаться. Он был первым, кто нарисовал женщину в блестящих драпировках и пестрых головных уборах. Он придавал лицу и фигуре большую выразительность, и его картины были образцами совершенства благодаря красоте бровей, румянцу на щеках и изяществу драпировок. Он был великим эпическим художником, как Фидий был скульптором, а Гомер поэтом, поскольку выражал не только страсть и эмоции, но и идеальный характер. Он подражал персонажам и сюжетам древней мифологии и трактовал их в эпическом духе. Подобно Фидию, он стремился выразить характер в покое. Его сюжеты почти неизменно были взяты из Гомера и эпического цикла. В его картинах не было ничего от тех сложных группировок, которым способствует сила перспективы, столь ценимая в современном искусстве. Его фигуры были сгруппированы правильными линиями, как на барельефах на фризе. Он рисовал на панелях, которые впоследствии были встроены в стены. Он использовал карандаш, вместо того чтобы рисовать энкаустикой с помощью цеструма.

Среди работ Полигнота, упомянутых Плинием, [Сноска: Н. Н. xxx. 9, с. 35.] есть его картины в храме в Дельфах, в портике под названием Поэциле в Афинах, в Пропилах Акрополя, в Храме Тесея и в Храме диоскуров в Афинах. Он черпал сюжеты из целого ряда эпических стихотворений, но мы ничего не знаем о них, кроме похвал его современников. [Примечание: Павсаний, х. 25-31.] Говорят, что его великая заслуга заключалась в точном рисунке и в придании изящества и очарования женским фигурам. Он писал в истинно религиозном духе, на принципах симметрии, с большим величием и свободой, напоминая Микеланджело больше, чем любой другой современный художник. Подобно грекам, он рисовал воском, смолами и

акварелью, которой придавали нужную консистенцию с помощью камеди и клея. Использование масла было неизвестно. Художники рисовали на дереве, глине, гипсе, камне, пергаменте, но не на холсте, который не использовался до времен Нерона. Они рисовали на табличках или панелях, а не на стенах. Эти панели были обрамлены и вставлены в стены. Стил, или цеструм, используемый при рисовании и для нанесения восковых красок, был заостренным с одного конца и плоским с другого, и обычно изготавливался из металла. Воск готовили путем очистки и отбеливания, а затем смешивали с красками. Когда рисовали акварелью, использовали клей с яичным белком или камедью, но воск и смолы также обрабатывали водой с определенными препаратами. Этот последний назывался энкаустикой и, согласно Плутарху, был самым долговечным из всех методов. Он не был широко распространен до времен Александра Македонского. Воск был самым важным ингредиентом, поскольку он предотвращал растрескивание красок. Рисование энкаустикой практиковалось как цеструмом, так и карандашом, а краски также выжигались. Фреска использовалась для раскрашивания стен, которые были разделены на отсеки или панели. Фресковая композиция штукатурки и метод покраски, подготавливающий стены к покраске, описаны древними писателями: "Сначала они покрыли стены слоем обычной штукатурки, поверх которой, когда она высохла, были последовательно нанесены три других слоя более тонкого качества, смешанных с песком. Поверх них были нанесены три слоя состава из мела и мраморной крошки, причем верхний слой наносился до того, как нижний высыхал, и в результате этого процесса различные слои были так связаны друг с другом, что вся масса образовывала одну красивую и прочную плиту, напоминающую мрамор, которую можно было отсоединить от стены и транспортировать в деревянной раме на любое расстояние. Краски наносились, когда композиция была еще влажной. Фреска на стене после покраски была покрыта энкаустическим лаком, как для усиления цвета, так и для защиты от воздействия солнца или непогоды. Но этот процесс требовал такой тщательности и сопровождался такими большими расходами, что им пользовались только в лучших домах и дворцах". Более поздние открытия в Помпеях демонстрируют ту же правильность замысла в живописи, что и в скульптуре, а также значительное совершенство колорита. Великие художники Греции были как скульпторами, так и живописцами, такими как Микеланджело. Фидий и Евфранор, Зевксис и Протоген, Полигнот и Лисипп были и теми, и другими. И древние писатели восхваляют картины этих великих художников не меньше, чем их скульптуры. Картина "Брак Альдобрандини", найденная на горе Эсквилин во время понтификата Климента VIII и помещенная в Ватикан Пием VII, вызывает восхищение как за рисунок, так и за цвет. Полигнота хвалил Аристотель за его рисунки, а Лукиана - за цвет. [Сноска: *Поэтика Аристотеля*, с. 286. "*Воображения Лукиана*", с. 7.]

[Примечание: Современники Полигнота.]

Дионисий и Микон были великими современниками Полигнота, первый из которых прославился своими портретами. Его картинам не хватало идеала, но они отличались экспрессией и элегантным рисунком. [Примечание: Плутарх, *Тимол.* 36.] Микон был особенно искусен в рисовании лошадей и был первым, кто использовал в качестве краски светлую аттическую охру и черную, сделанную из обожженных виноградных прутьев. Он расписал три стены Храма Тесея, а также стены Храма диоскуров.

[Примечание: Школа Аполлодора.]

Благодаря Аполлодору из Афин искусство живописи получило новое развитие. Благодаря его трудам, около 408 года до н.э., стилю Полигнота был придан драматический эффект, не отходя при этом от его картин в качестве моделей. "Острота его вкуса, - говорит Фузели, - привела его к открытию, что, поскольку все люди были связаны одной общей формой, каждого из них разделяла некая преобладающая сила, которая определяла характер и привязывала их к классу. Отсюда он провел свою линию подражания и олицетворял центральную форму класса, к которому принадлежал его объект и которому передавались остальные его качества, не будучи поглощенным; ловкость не разрушала твердость, солидность или вес; также как и сила и маневренность при весе; элегантность не выродилась в изнеженность, а величие не переросло в громадность". [Примечание: Фузели, Лект. I.] Его целью было обмануть глаз зрителя подобием реальности. Он рисовал людей и вещи такими, какими они казались на самом деле. Он также значительно продвинулся в раскрашивании. Он изобрел кьяро-оскуро. Другие художники уделяли внимание правильной градации света и тени; он усилил этот эффект градацией оттенков и таким образом получил то, что современные художники называют *тоном*. Он был первым, кто удостоил карандаша должной чести — "primusque gloriam penicillo jure contulit". [Сноска: Плиний, X. Н. xxxv. 11.]

[Примечание: Особенности Зевксиса как художника.]

Этот великий художник подготовил путь для Зевксиса [Примечание: родился в 455 году до н.э.], который принадлежал к его школе, но превзошел его в умении придавать идеальную форму богатым эффектам. Он начал свою великую карьеру за четыреста двадцать четыре года до Рождества Христова и был наиболее примечателен своими женскими фигурами. Его "Елена", написанная с пяти самых красивых женщин Кротона, была одним из самых известных произведений древности, за просмотр которого художник требовал денег. Он раздарил свои картины, потому что с гордостью художника утверждал, что их цену невозможно оценить. Существует предание, что Зевксис до смерти смеялся над нарисованной им старухой. Он пришел к иллюзии чувств, которая считалась высоким достижением в искусстве, как в случае с его виноградом. Он принадлежал к азиатской школе, штаб-квартира которой находилась в Эфесе, особенностями которой были точность подражания, демонстрация чувственного очарования и удовлетворение чувственных вкусов. Он отправился в Афины примерно в то время, когда была завершена скульптура Фидия, что изменило его стиль. Его удивительные способности проявились в контрасте света и тени, которому он научился у Аполлодора. Он придавал идеальную красоту своим фигурам, но она заключалась скорее в форме, чем в выражении. Он учил истинному методу группировки, делая каждую фигуру идеальным представителем класса, к которому она принадлежала. Его работам не хватало тех качеств, которые возвышают чувства и характер. В своем искусстве он был скорее Еврипидом, чем Гомером. Он в точности имитировал природные объекты, которые не поддаются идеальному изображению. Его произведения были не столь многочисленны, сколь совершенны в своем роде, в некоторых из которых, как в "Младенце Геркулесе, душащем змею", он проявил огромную драматическую силу. [Примечание: Люциано Зевксисе.] Люциан высоко оценивает свою картину "Женщина-кентавр" как одну из самых замечательных в мире, в которой он проявил большую изобретательность в создании контрастов. Его "Юпитер на троне" также превозносится Плинием как одно из его лучших произведений. Он сколотил огромное состояние и жил роскошно.

[Примечание: Паррасий Эфесский.]

Современником его и равным ему по славе был Паррасий, уроженец Эфеса, чье мастерство заключалось в точности рисунка и силе выражения. Он придавал живописи истинные пропорции и уделил внимание мельчайшим деталям лица и прически. В своих "Богам и героях" он сделал для живописи то, что Фидий сделал для скульптуры. Его очертания были настолько совершенны, что указывали на те части фигуры, которые они не выражали. Он установил правило пропорции, которому следовали все последующие художники. Хотя многие из его произведений носили возвышенный характер, некоторые были деморализующими. Зевксис уступил ему пальму первенства, поскольку он нарисовал занавес, который обманул его соперника, тогда как Зевксис нарисовал виноград, который обманул только птиц. Он был чрезвычайно высокомерен и роскошен и хвастался тем, что достиг предельных пределов своего искусства. Он соединил волшебный тон Аполлодора с изысканным дизайном Зевксиса и классическим выражением Полигнота.

[Примечание: Современники Зевксиса.]

Многие были выдающимися художниками, украшавшими пятый век до Рождества Христова не только Афины, но и ионические города Азии. Тимант Сикионский отличался изобретательностью, а Эвпомпос из того же города основал школу. Запоминается его совет Лисиппу: "Пусть натурой будет природа, а не художник". Протоген прославился своими высокими достижениями. На создание Талисса у него ушло семь лет. Памфил прославился композицией, Антифил - легкостью, Теон Самосский - плодотворной фантазией, Апеллес - изяществом, Павсий - чистотой, Никомах - смелым и быстрым карандашом, Аристид - глубиной выражения.

[Примечание: Кульминацией искусства является Апеллес.]

[Примечание: Венера Апеллеса.]

Кульминацией искусства, вероятно, стал Апеллес, Тициан своего времени, соединивший богатый колорит и чувственное очарование ионического моря с научной строгостью сицилийской школы. Он был современником Александра, и ему одному было позволено написать портрет великого завоевателя. Он был уроженцем Эфеса, учился у Памфила Амфипольского, а когда приобрел известность, отправился в Сикион и брал уроки у Мелантия. Лучшую часть своей жизни он провел при дворе Филиппа и Александра и написал множество портретов этих великих людей и их полководцев. Он преуспевал в портретах и так усердно совершенствовался в рисовании, что не проводил ни дня без практики. [Примечание: Плиний, xxxv. 12.] Он значительно усовершенствовал механическую часть своего искусства, а также был первым, кто покрыл свою картину тонким лаком, чтобы сохранить ее и подчеркнуть цвета. Он изобрел черный цвет слоновой кости. Его отличительным достоинством была грация, "то бесхитростное равновесие движений и покоя, проистекающее из характера, основанного на пристойности, которое не отстает от требований и не переступает через природную скромность". [Примечание: Фузели, Лект. I.] Его великие современники, возможно, не уступали ему в перспективе, точности и отделке; но он добавил изящество концепции и утонченность вкуса, которые поставили его, по общему согласию древних авторов, во главе всех художников мира. Его величайшей работой была Венера Анадиомена, или Венера, поднимающаяся из моря, в которой была олицетворена женская грация. Падающие капли воды с ее волос образуют прозрачную серебряную вуаль над ее фигурой. Она стоила сто талантов [Примечание: 243 фунта x 100 = 24300 фунтов x 5 = 121 500 долларов.] и была написана для храма Эскулапа на

Косе, а затем помещена Августом в храм, который он посвятил Юлию Цезарю. Нижняя часть его была повреждена, и не нашлось никого, кто мог бы ее починить. Не было и художника, который мог бы завершить незаконченную картину, которую он оставил. Он был человеком, который добивался критики и не завидовал славе соперников. Он был большим почитателем и другом Протогена Родосского, который был равен ему в совершенстве, но никогда не знал, как Апеллес, когда перестать исправлять. [Примечание: Цицерон, *Брум.* 18; *De Orat.* iii. 7. Марциал, xxx. 9. Овидий, *ст. Древнегреческая* iii. 403. Плиний, xxxv. 37.]

[Примечание: Введение картин в Рим.]

После Апеллеса искусство живописи пришло в упадок, хотя время от времени появлялись великие художники, особенно из сикионской школы, которая была известна почти двести лет. Разрушение Коринфа Муммием в 146 году до н. э. нанесло серьезный удар греческому искусству. Он перевез в Рим больше работ или уничтожил их, чем все его предшественники вместе взятые. Силла, разорив Афины, нанес им еще больший ущерб, и с тех пор художники обращались в Рим, Александрию и другие процветающие города за покровительством и вознаграждением. Шедевры известных художников стоили огромных денег, и Греция и Азия были разграблены в поисках старых картин. Картинам, которые Эмилиус Павел привез из Греции, потребовалось двести пятьдесят повозок, чтобы перевезти их в триумфальном шествии. С разграблением Греции началась миграция художников, и это разграбление Греции, Азии и Сицилии продолжалось в течение двух столетий; и таково было богатство Родоса произведениями искусства, что для завоевателей было найдено три тысячи статуй. Меньше их не могло быть и в Афинах, Олимпии или Дельфах. Скавр приказал перевезти все общедоступные изображения Сикиона в Рим. Веррес разграбил все храмы и общественные здания на Сицилии.

[Примечание: они придавали большое значение живописи.]

Таким образом, Рим обладал лучшими картинами мира, без малейших претензий на развитие искусства. И если мнение сэра Джошуа Рейнольдса верно, искусство не могло бы подняться выше ни в области живописи, ни в области скульптуры. И все же римляне научились придавать произведениям греческого гения такое же большое значение, как англичане картинам старых мастеров Италии и Фландрии. И если они не приумножали искусство, то оказывали такое поощрение, что при императорах оно, можно сказать, процветало. У Варрона была галерея из семисотен портретов выдающихся людей. [Примечание: Плиний, X. Н. xxx. 2.] Портреты, а также статуи великих были размещены в храмах, библиотеках и общественных зданиях. Особенно много картин было в банях.

[Примечание: Подданные у греков.]

Великие шедевры греков были либо историческими, либо мифологическими. Картины с изображением богов и героев, групп мужчин и женщин, в которых можно было проследить характер и страсть, ценились наиболее высоко. Именно в выражении, приданном человеческой фигуре, — в красоте форм и выражения лица, в котором были изображены все эмоции души, а также изящество тела, — греческие художники стремились достичь идеала и обрести бессмертие. И они рисовали для людей, у которых от природы были вкус и восприимчивость.

[Примечание: Пейзажная живопись.]

У римлян портретная, декоративная и сценарная живопись поглощала искусство, к большому сожалению таких критиков, как Плиний и Витрувий. Ничто не могло быть выполнено в более отвратительном вкусе, чем колоссальное полотно Нерона высотой в сто двадцать футов. Со времен Августа пейзажные декорации были обычным делом и выполнялись со всевозможной вольностью. У греков мы не читаем о пейзажной живописи. Это было приберегаемо для нашего века и вызывает большое восхищение, как это было в Риме в его последние дни. Мозаика постепенно вытеснила живопись в Риме. Сначала его использовали для полов, но в конце концов им украсили стены и потолки, как в соборе Святого Петра в Риме. Сохранилось много древних мозаик, которые свидетельствуют о красоте дизайна высочайшего качества, таких как битва при Иссе, недавно обнаруженная в Помпеях.

Фактически, ни скульптура, ни живопись римлянами не были развиты. У них не было чувствительности или представления об идеальной красоте. Божественная искра гения вдохновляла только греков. И все же чудесами греческого искусства владели римляне, и они были созданы для украшения тех величественных архитектурных памятников, к которым у них был вкус. Греческие произведения были не просто предметом собственности, их копировали и воспроизводили во всех городах Средиземноморья; и хотя от Августа до Константина не появилось художника оригинального гения, повсюду существовали художественные галереи, в которых шедевры Полигнота, Павсия, Аристиды, Тиманта, Зевксиса, Паррасия, Памфила, Евфранора, Протогена, Апеллеса, Тимомаха и других выдающихся людей были предметом не меньших похвал, чем галереи Дрездена и Флоренции.

[Примечание: Вероятное совершенство древних в живописи.]

"Великолепное искусство этих мастеров в том, что касается тона, света и местного колорита, - говорит Мюллер, - утрачено для нас, и мы ничего не знаем о нем, кроме малоизвестных заметок и более поздних подражаний; напротив, рисунки на вазах дают нам самое возвышенное представление о прогрессе и достижениях искусства дизайна". [Примечание: Мюллер, Древнее искусство, 143.] Удивительно, что с помощью четырех цветов греки достигли таких чудес красоты и отделки, какие представлены величайшими городами древности. Великие чудеса школ Эфеса, Афин и Сикиона исчезли, и мы не можем судить об их достоинствах так, как можем судить о статуях, которые, к счастью, сохранились. У нас нет возможности установить, был ли Полигнот равен Микеланджело, Зевксис - Рафаэлю, а Апеллес - Тициану. Но едва ли можно сомневаться в том, что критики, подобные грекам, чьи мнения относительно архитектуры и скульптуры совпадают с нашими собственными, могли ошибиться в своих суждениях относительно тех великих картин, которые вызывали восхищение всего мира и которые даже в период упадка искусства пользовались такой высокой ценностью не только в городах, где они были написаны, но и в тех, куда их перевезли. То, что *has* дошло до наших дней, например, фрески Помпей и узоры на вазах, доказывают совершенство, достигнутое в живописи, а также в скульптуре и архитектуре.

[Примечание: Совершенство искусства древних.]

Таким образом, во всех тех искусствах, которыми современная цивилизация гордится больше всего и в которых человеческий гений достиг высочайших высот, древние были не просто нам равны: они были выше нас. Создавать важнее, чем копировать. В архитектуре, скульптуре и живописи греки достигли абсолютного совершенства. Любой архитектор нашего времени, который построил бы здание в иных пропорциях, чем те, которые были признаны в великих

городах древности, совершил бы ошибку. Кто может улучшить дорические колонны Парфенона или коринфские капители Храма Юпитера? Действительно, совершенство достигается в той мере, в какой мы точно копируем безупречные модели эпохи Перикла. Когда мы отличаемся от них, мы даем повод для справедливой критики. Итак, в скульптуре греческий раб - это репродукция древней Венеры, а Моисей Микеланджело - это Юпитер в покое. Только когда художник стремится выразить самые чистые и возвышенные чувства души, такие, какие может внушить только христианство, он может надеяться превзойти античную скульптуру только в одной области искусства — в выражении, а не в красоте формы, в которой невозможно добиться улучшения. И если бы у нас была Венера Апеллеса, как мы можем похвастаться скульптурой Венеры Клеомена, мы, вероятно, обнаружили бы большее богатство красок, а также изящество фигуры, чем у знаменитого Тициана, который является одним из самых гордых украшений галерей Флоренции и одним из величайших чудес итальянского искусства.

* * * * *

ССЫЛКИ. — "История древнего искусства" Винкельмана; "Остатки древнего искусства" Мюллера; А. Дж. Гваттани, Антик. de la Grande Grece; Mazois, Antiq. de Помпео; сэр У. Гилл, "Помпеяна"; "Афинские древности" Дональдсона; Витрувий, Стюарт, Чандлер, Кларк, Додуэлл, Клегхорн, Де Квинси. Таковы некоторые из бесчисленных авторитетов в области архитектуры древних.

В скульптуре Плиний и Цицерон - самые известные критики. В Британской энциклопедии есть прекрасная статья на эту тему. В словаре Смита приведены жизни и работы самых известных мастеров. В "Древнем искусстве" Мюллера упоминаются ведущие шедевры. Древнее объяснение фигур Монфокона; Образцы античной скульптуры, Общество Диттанти, Лондон, 1809; Древние мраморы Британского музея, Тейлор Комб; Миллин, Введение в изучение памятников старины; Памятники, отредактированные античными фигурами, воспоминания и публикации Рауля-Рошетт; Археология Герхарда. Zeit.; David's Essai sur le Classement Chronol. des Sculpteurs Grecs les plus celebres.

В области живописи см. Кайлюс, "Воспоминания об акте Инска". Левеск, "О прогрессе и преемственности в искусстве Греции"; И. И. Грунд, "Малереи дер Грихен"; Художественное собрание Мейера; Мюллер, "История древнего искусства"; Статья о живописи, Енсу. Брит., статья "Картина", под диктовку Смита; Лекции Фузели; Лекции сэра Джошуа Рейнольдса. История живописи Ланци относится к возрождению искусства. Витрувий довольно подробно рассказывает о древних настенных росписях. Лучшие образцы древней живописи найдены в катакомбах, банях и руинах Помпеи. В этом вопросе Винкельман является большим авторитетом.

ГЛАВА V.

РИМСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ.

[Примечание: Римские создатели цивилизации.]

[Примечание: римляне стремились править.]

[Примечание: римляне стремились управлять с помощью законов.]

[Примечание: римское чувство справедливости.]

Самое высокое представление о ее цивилизации мы получаем не из обзора материального величия, или искусства, или военной доблести Рима. Все это указывает на силу и даже гениальность; но сдержки и противовесы, которые постепенно внедрялись в управление городом и империей, благодаря которым общество сохраняло единство и обеспечивало великое процветание на века, также демонстрируют большую дальновидность и практическую мудрость. Государство, которое поощряло индивидуальное развитие, одновременно продвигая закон и порядок; которое гарантировало свободу, одновременно делая правительство стабильным и респектабельным; которое гарантировало права более бедным гражданам, одновременно передавая власть в руки тех, кто был наиболее способен использовать ее для общего блага, вполне достойно нашего рассмотрения. Идея возвышения была, надо признать, самой могущественной из всех, которые приходили в сознание римлян; но принципы национального единства, благосостояния граждан, верховенства закона, сохранности собственности, сети профессий также привлекали внимание римлян. Стремление к свободе и национальному процветанию никогда не покидало римлян. Римляне были великими создателями цивилизации, хотя и в ином смысле, чем греки. Принципы управления были для римлян тем же, чем для греков были принципы искусства. Если греки создавали статуи, то римляне создавали законы. Если первые размышляли о прекрасном, или добром, или истинном, то вторые осознали хвастовство Диогена — способность управлять людьми. Страсть к управлению государством была самым сильным чувством, которое испытывал римский гражданин, после страсти к войне. В течение пятисот лет после изгнания королей в правительстве государства существовала самая совершенная система сдержек и противовесов, известная в древнем мире и с которой едва ли можно соперничать в современном. Власть распределялась так мудро, что даже успешный генерал не смог добиться опасного превосходства. Каждый гражданин был политиком, а каждый сенатор - государственным деятелем. В течение пятисот лет не было ни анархии, ни военного деспотизма. Если каждый гражданин знал, как сражаться, то каждый гражданин также знал, как управлять, подчиняться. Ни один консул не осмеливался превысить оказанное ему доверие; ни один полководец, вплоть до Цезаря, не отваживался перейти Рубикон. Римский сенат никогда не терял своего достоинства — высший орган, контролировавший все общественные интересы. Римляне были достаточно мудры, чтобы подчиняться обстоятельствам. Патриции, несмотря на свою гордость, шли на уступки плебеям всякий раз, когда это было необходимо. Право гражданства постепенно распространялось по всей империи. Павел жил в отдаленном городе Малой Азии, но, в силу своего гражданства, мог обратиться в суд более высокой инстанции, чем суд правителя. Благодаря своей мудрости римлянам удалось распространить свои учреждения на завоеванные ими страны, и каждая часть империи хорошо управлялась, даже когда военный деспотизм отменил древнюю конституцию. Конечно, имели место случаи вымогательства и несправедливости, и большинство губернаторов сколотили большие состояния; тем не менее управление провинциями было лучше, и правление в большей степени соответствовало справедливости, чем при местных князьях. На обширных границах Империи жизнь и имущество были в безопасности, а дороги свободны от грабителей; в городах также не было бунтов, за исключением очень редких случаев, когда они подавлялись с беспощадной жестокостью. И все

же нескольких сотен человек было достаточно, чтобы поддерживать порядок в крупнейших городах, и нескольких тысяч - в самых обширных провинциях. Даже при самых деспотичных императорах соблюдались справедливость и порядок. Правительство никогда не управлялось лучше, чем при Тиберии, и, более того, никогда не управлялось лучше, чем тогда, когда он предавался удовольствиям на своей охраняемой вилле на Капри. Была страсть править миром, но в соответствии с законами. Правление римлян не основывалось на грубой силе, даже когда армия находилась под контролем императоров. Граждане до последнего пользовались большими социальными и политическими правами. Они обладали большими иммунитетами в отношении брака, составления завещаний и владения имуществом. Их личности были защищены от позора телесных наказаний; они могли обжаловать решения мировых судей; они имели право занимать государственные должности; они были освобождены от многих тяжелых налогов, которые до сих пор угнетают людей в самых цивилизованных государствах Европы. Правление Октавия было самым мягким деспотизмом, когда-либо известным древнему миру. Этот Улисс государственного ремесла обладал самыми обширными полномочиями в древних формах, и все ранние императоры скорее скрывали, чем выставляли напоказ свои полномочия. Довольный реальной властью, римлянин не обращал внимания на ее демонстрацию. У него хватало такта править, не делая вид, что он правит; но править он должен, хотя и не раньше, чем сначала научиться повиноваться — повиновение законам и господство неразрывно связаны. Это делало римское иго терпимым, потому что оно не было оскорбительным или несправедливым. Римляне были хозяевами мира путем завоеваний, но в то же время правили миром, который они покорили с помощью оружия, в соответствии с законами, основанными на принципах справедливости. Это чувство справедливости, проявляющееся в пользовании неограниченным господством, несомненно, придавало постоянство их правительству. Центурион всегда присутствовал при исполнении указа, но этот указ соответствовал справедливости. Это была идея, признанный принцип правления, хотя им часто злоупотребляли. Павел обратился к Кесарю. Правитель мог бы освободить его, если бы он не подал апелляцию. Было справедливо по отношению к Павлу разрешить апелляцию; и еще большая справедливость заключалась в том, что его держали в оковах до тех пор, пока сам Кесарь не оправдал его. [Примечание: Вырождение при императорах.]

[Примечание: Искусство римлян управлять государством.]

[Примечание: На чем было основано процветание.]

[Примечание: Управление великим искусством и наукой римлян.]

[Примечание: Процветание правительства.]

Следует, однако, признать, что после того, как цезари прочно утвердились на своем троне, воцарилось глубокое безразличие к общественным делам. Каждая должность находилась тогда, прямо или косвенно, в руках императора. Цицерон выразил популярное мнение своего времени, сказав: "Это было самое совершенное правительство, которое представляло собой сочетание народной и аристократической власти"; но в восьмом веке существования города система сдержек и противовесов развалилась бы на куски в руках выродившегося народа. Даже конституционная монархия была больше невозможна. Пороки олигархии и жестокая реакция демократии разрушили все мечты прежних патриотов. Народные массы долгое время были пассивны под влиянием фракций и политических интриганов и без борьбы подчинились деспотизму императора. Но даже при таком упадке государственная власть оставалась за

ведущими классами. Губернаторы провинций, избираемые, как правило, из сената и знати, были искусны в управлении государственными делами. Они были просвещены во всех политических обязанностях. Традиционные идеи правления сохранялись в течение нескольких поколений, даже когда механизм армии сделал ее могущественной после того, как весь настоящий дух покинул ее. Римлянин по-прежнему считал себя любимцем богов, которому суждено выполнить огромную миссию, вплоть до сведения мира к политическому единству. Пока Август правил, он прилагал все усилия к тому, чтобы при крушении политических институтов возродить формы и традиции прошлых дней. Патриции пользовались благосклонностью и почестями, а Сенат по-прежнему казался величественным, у его ног лежал поверженный мир, которому он был обязан диктовать законы и институты. Политическое единство было великой идеей римлян, и эта идея сохранилась до наших дней. Это был один из величайших элементов римской цивилизации. В лучшие дни Республики Всемирная империя основывалась на общественной морали, железной дисциплине семей, на удивительно хорошо обученных солдатах, на военной системе, которая превращала гражданское общество в армию, почти готовую к выступлению в поле, на признании общественных прав и обязанностей, на мудрой системе колонизации, на примирительном поведении по отношению к покоренным расам и на центральной власти как распределителе всех почестей и вознаграждений. Гражданские войны в какой-то мере разрушили эту мудрую и осмотрительную политику; тем не менее гражданство распространялось на все части империи, даже когда было очевидно, что вскоре оно должно перейти в руки варваров. А что касается отправления правосудия, то, вероятно, при императорах оно осуществлялось лучше, чем при верховном правлении Сената. Даже плохие императоры знали, как управлять. По мнению римлян, все было подчинено искусству управления. И все качества подходили римлянам для правления — энергия воли, практический здравый смысл, концепция справедливости, несгибаемая гордость, стойкость, мужество и жажда власти. И дух господства был внедрен во все. Это стало наукой, искусством. Все, что могло способствовать господству государства, было безжалостно принято; все, что могло помешать этому, было отброшено или сметено. Жестокий и терпимый поочередно, и в зависимости от обстоятельств — таков был римлянин. При подчинении жизнь была легкой, а правительство мягким. И верховное правительство редко доверяло власть кому-либо, кроме верных, способных и патриотичных правителей. На важные должности отбирались самые мудрые и лучшие. Губернаторы провинций были людьми с большим опытом; это были генералы и сенаторы, отбывшие срок действительной службы. Они легко допускали серьезные ошибки. Они проводили политику государства. Они были знакомы с законами и обычаями народа, которым правили. Они были сведущи в литературе своего времени. Они были достойными и богатыми людьми. Они были умеренными, миролюбивыми и твердыми. Они были образцами для правителей всех последующих эпох. Были, конечно, исключения, но небольшое количество бунтов и восстаний свидетельствует о довольстве людей, поскольку они не были подавлены деспотическими законами и поборами до тех пор, пока их дух не был сломлен. Как щедры были императоры к таким городам, как Афины и Александрия! Афины были центром образования и культуры до самого конца империи. Искусство, литература и наука процветали во всех городах. Они были приняты как части империи, а не рассматривались как завоеванные территории. После разрушения Карфагена римляне не испытывали зависти к городам, которые когда-то были равны. Их искусство действительно было создано для того, чтобы служить величию Рима, но им оставили свободу развивать свои ресурсы. Развитие ресурсов было жизненно важным принципом римского правительства. Испания, Сирия и Египет никогда не были более процветающими, чем при императорском правлении. При императорах все провинции

процветали больше, чем при своих древних королях, вплоть до эпохи варварских нашествий. Если война была миссией республики, то мир был гордостью империи. В течение трехсот лет не было серьезных войн, за исключением тех, которые были вызваны необходимостью. Целью императоров было правление, сохранение мира и обеспечение повиновения законам.

[Примечание: аристократия - настоящие правители государства.]

[Примечание: Недостатки демократического господства.]

[Примечание: Люди, не способные управлять, когда они непросвещены.]

[Примечание: популярный элемент в римском государстве.]

[Примечание: богатые плебеи имели большое влияние в правительстве.]

Но мы должны иметь в виду, что какими бы правами народ ни пользовался в республиканскую эпоху и какими бы обширными ни были полномочия императоров после того, как свобода покинула их, все же устройство римского общества было по сути аристократическим. Все великие завоевания были совершены под властью патрициев, и все ведущие люди при императорах были дворянами. Правительство фактически, от начала до конца, находилось в руках аристократии. Тем не менее, существовал важный народный элемент, особенно в последние дни республики, к которому апеллировали революционные лидеры, такие как Гракхи, Марий, Катилина и Цезарь. Мы вынуждены признать, что одним из самых унижительных уроков, которые мы извлекаем из античности, была явная неспособность народа управлять собой, когда он получил большую долю власти, чем позволяла старая конституция. Республика просуществовала недолго, когда успешные генералы и красноречивые демагоги пользовались поддержкой народа. Если бы Рим был демократией, как предполагают некоторые, империя никогда бы не была создана. Однако мы утешаем себя мыслью, что, когда люди отдавались фракциям, демагогам и тиранам, они были одновременно невежественными и развращенными. Самоуправление еще никогда не было успешным, потому что в массах никогда не было добродетели и разума. Пока мы можем хвастаться добродетелью и разумом среди людей, нам не нужно отчаиваться, когда правительство в их руках. Осознанный личный интерес предложит самую мудрую политику. Мы приходим в отчаяние от правительства людей только тогда, когда они невежественны, жестоки и порочны. Поскольку в древнем мире не было периода, когда они не были непросвещенными, мы примирились с тем фактом, что мудрое и энергичное управление государственными делами всегда осуществлялось королями или знатью, обладавшими умом и патриотизмом, если они были гордыми и властными. Какую бы веру мы ни лелеяли в отношении народного суверенитета, основанного на принципах естественной справедливости, и надежд, которые возлагаются как плод христианских идей, все же, как факт, в истории римского государства мало что прославляло народ, за исключением тех случаев, когда оно контролировалось и направлялось аристократией. Именно до тех пор, пока преобладал народный элемент, государство стремительно разрушалось. Аристократический элемент имел господство, когда Рим был наиболее процветающим и уважаемым. Тем не менее, хотя римская конституция была по существу аристократической в течение пятисот лет, к ней примешивался сильный народный элемент. Патриции обладали главной властью, но они не были господами в настолько абсолютном смысле, чтобы безнаказанно попирали народ, и они не могли лишить его ни его прав, ни какой-либо доли в правительстве. Они не были ни феодальной знатью, ни венецианской олигархией. И все же было бы ошибкой предполагать, что

различие между классами подразумевало, что аристократическая власть принадлежала только патрициям. Патриции не обязательно были аристократами, а плебеи - сбродом. Политические различия исчезли, не уничтожив социального неравенства. Среди плебеев были знатные семьи, которые действительно принадлежали к аристократическому классу, по крайней мере, во времена Цицерона. Аристократия, возможно, основывалась на рождении, как в Англии, но она поддерживалась богатством, как в этой стране. Очень богатый человек получал, в конечном счете, допуск в благородный класс, как Ротшильд в Лондоне. Без богатства, поддерживающего различия, любая аристократия вскоре становится презренной. Наиболее аристократична та организация общества, которая наделяет горстку людей большими политическими и социальными привилегиями и сохраняет эти привилегии из поколения в поколение, как во Франции во времена правления Людовика XV. Состояние общества в Риме при республике благоприятствовало монополии влиятельных семей на должности. Считалось весьма примечательным, что даже Цицерон достиг высших государственных почестей благодаря своему великолепному гению, характеру, достижениям и заслугам; но он делил консульский пост с человеком самых обычных способностей. Все высшие должности находились в руках аристократии, начиная с изгнания королей и заканчивая временами Юлия Цезаря. Даже народные трибуны в конечном счете избирались из влиятельных семей.

[Примечание: Патриции.]

[Примечание: Римский род.]

Римский народ — *Romanus populus* — при царях, первоначальных гражданах, были воинами, которые построили Рим и завоевали окружающие города и округа. Их называли *patres*, что является синонимом патрициев. [Примечание: Цицерон, *De Repub.*, ii. 12 Liv., i. 8.] Они были объединены между собой родственными, политическими и религиозными узами. Они обеспечивали себя сельским хозяйством, хотя постоянно были вовлечены в войны. Первоначально они состояли из трех племен, которые постепенно объединились в суверенный народ. Первое племя было латинской колонией и поселилось на Палатинском холме; второе - сабинянами, поселившимися на Квиринале; третье - этрусками, населявшими Целианскую область. Поначалу они были разными и не были полностью объединены до времен Тарквиния Приска, который сам был этруском. [Примечание: Дионис., ii. 62.] Поскольку не было других римских граждан, кроме этих патрициев, у них не было исключительных прав при царях, и, следовательно, тогда не было аристократии по рождению. Каждое из этих трех колен граждан состояло из десяти курий, а каждая курия - из десяти декурий, или родов. Таким образом, три колена включали триста родов. Род - это семья, а роды - это совокупности родственных семей. [Примечание: Nieb., Lect. V.] Название рода обычно характеризовалось окончанием *ia* или *ia*, как Юлия, Корнелия, и следует предположить, что у каждого рода был общий предок. Но с ростом города случилось так, что род часто включал в себя большое количество семей; мы читаем о трехстах Фабиях, образовавших род Фабий в 275 году. Эти семьи составляли, в конечном счете, аристократию. Они были людьми, которые занимали все должности и только они имели право голоса в собраниях. Поскольку роды были подразделениями трех древних племен, только *urorulus* были *роды*, так что быть патрицием и иметь род были синонимами. С ростом Рима добавились новые роды или семьи, которые не претендовали на происхождение от древних племен. Могущественный род Клавдиев прибыл в Рим вместе с Аттой Клавдием, их главой, после изгнания королей. Тулл Гостилий объединил Юлиев, Сервилиев и другие роды с патрициями. Этот правящий класс, потомки завоевателей, превратились в могущественную

аристократию и в конечном счете научились ценить гордость крови. В римской истории до времен Мария было очень мало имен, которые не принадлежали бы к этому благородному сословию. Какими гордымися были Сервилии, Клавдии, Юлии, Корнелии, Фабии, Валерии, Семпронии, Октавии, Сергии и другие. [Сноска: Liv., i. 33. Дионис., iii. 31.]

The *Всадники* первоначально избирались из патрициев, были солдатами-кавалеристами и не образовывали отдельного класса до времен Гракхов. Они состояли из богатых граждан, чье богатство позволило им стать судьями. Они имели привилегию носить золотое кольцо, и для них были зарезервированы места, как в Сенате, в театре и цирке. Их число увеличивалось с увеличением богатства, и они образовали почетный корпус, из которого избирались высшие офицеры армии и гражданские магистраты. Прием в этот орган был знакомством с общественной жизнью и проверкой социального положения. Он состоял из богатых плебеев, а также патрициев и был полностью основан на богатстве. Плиний говорит: "Это стало третьим орденом в государстве, и к титулу *Senatus Populusque Romanus* стали добавлять: *et Equestris ordo*".

[Примечание: Римский плебс.]

[Примечание: "Трибуны".]

[Примечание: Постепенное увеличение их мощности.]

[Примечание: их узурпация.]

Рядом с этим *Romanus populus*, составлявшим правящий класс при королях, была еще одна организация, состоявшая из покоренных народов. В прежние времена их число было невелико, и они не появлялись как отдельный класс вплоть до правления Тулла Гостилия. После подчинения Альбы, главы Латинской Конфедерации, большое количество людей было переведено в Рим, получило поселения на Целийском холме и находилось в подчинении патрициев. По мере расширения римских завоеваний их численность увеличивалась, пока они не составили большую часть населения. Они назывались *плебеями*, или простонародьем, и не имели никаких политических привилегий. У них не было даже избирательного права; но они были зачислены в армию, [Сноска: Liv., i. 33. Дионис., iii. 31.] и были вынуждены нести государственные расходы. Сначала им не разрешалось вступать в браки с патрициями. Их притеснения вызвали сопротивление. Последовавшая за этим борьба является одной из самых запоминающихся в истории Рима. Надменная олигархия была вынуждена постепенно уступать права. Эти права *плебс* сохранил. Сначала они добились принятия закона, который запрещал патрициям брать ростовщические проценты. Они добились назначения трибунов для своей защиты. Вскоре после этого они получили право вызывать в свою *трибутную* комиссию любого, кто нарушил их права. В 449 году они имели влияние, достаточное для установления супружества, с помощью которого они могли вступать в браки с патрициями. В 421 году плебеи были допущены к квесторству. Затем, после ожесточенной борьбы, они были сделаны децемвирами. Их следующим правом было звание консула, которое привело к диктатуре. В 351 году они добились введения цензуры, а в 336 году - преторства. Теперь политические различия исчезли. Обладание долей крупных должностей создало могущественные семьи, которые были объединены с аристократией. Великая привилегия получения трибунов была первым шагом к политической власти и самым важным в конституционной истории государства. И именно трибуны постепенно узурпировали величайшие полномочия. В 456 году они присвоили себе

право созывать даже Сенат. Они также имели право присутствовать на заседаниях сената; поскольку их личности были неприкосновенны, они выступали против любых действий, которые магистрат мог предпринять в течение срока своих полномочий, и даже против приказа претора. Они могли заставить Сенат вынести вопрос на новое обсуждение и в конечном счете вынудили консулов назначить диктатора. Их власть возросла до такой степени, что они получили право предлагать *трибутным комициям*, или Сенату, меры почти по всем важным делам государства и, наконец, были избраны из числа самих сенаторов.

[Примечание: Продвижение плебеев.]

Благодаря учреждению трибунов и другим обстоятельствам, особенно увеличению богатства, плебеи, первоначально столь неважные и незначительные, что они не могли получить допуск в Сенат, ни высокие государственные должности, ни владение общественными землями, в конечном итоге получили все права патрициев, так что постепенно политические различия между патрициями и плебеями полностью исчезли, в 286 году до н.э., и термин *populus* применялся к ним так же, как и к патрициям. [Сноска: Liv., iv. 44; v. 11,12. Cicero *de Repub.*, ii. 37.]

[Примечание: Постепенное увеличение их мощности.]

Эти права были обеспечены только в результате ожесточенной борьбы. Плебеи в ходе своей долгой борьбы стремились к власти не для удовлетворения своих амбиций, а для защиты себя от угнетения. И властью, которую они получили, никто не злоупотреблял почти до конца существования Республики.

Но хотя они в конечном счете политически смешались с патрициями, все же последние монополизировали большинство высших государственных должностей до времен Цицерона и в социальном плане всегда были выдающимися. Тем не менее, было много знатных плебейских семей, которые смешались с аристократическим классом. Аристократия выжила после того, как политические различия между двумя классами были отменены. Рим никогда не был демократией. Великие семьи, будь то патриции или плебеи, контролировали государство либо благодаря своему богатству, либо благодаря социальным связям. Римская знать на самом деле состояла из всех семей, прославившихся благодаря занимаемым ими должностям. И поскольку высшие должностные лица, как правило, избирались из Сената, этот орган был особенно августейшим.

[Примечание: Сенат.]

[Примечание: прерогатива сенаторов.]

До узурпации власти Цезарем Сенат был главной управляющей силой республики. Он обладал не только особыми привилегиями и полномочиями, но и монополией на должности. Она всегда оставалась могущественной, несмотря на победы плебеев. Законы провозглашали равенство, но в течение пятидесяти девяти лет после того, как плебеи получили право назначаться военными трибунами, только восемнадцать были плебеями, [Сноска: *Hist. Юлий Цезарь*, автор Наполеон; глава ii. 5.] хотя двести сорок шесть человек были патрициями; и хотя право доступа в Сенат признавалось в принципе, все же никто не мог войти в него, не получив декрета цензора или не получив курульной должности магистрата, — привилегии, почти всегда сохраняемые за аристократией. Сенат был судебным и законодательным органом и на протяжении нескольких столетий насчитывал всего триста человек, избираемых из патрициев. Сначала они

назначались царями, затем консулами, а затем цензорами. Но поскольку все те, кто был назначен *populus* на высшие должности, имели доступ в этот орган, народ, то есть патриции, фактически выдвигали кандидатов в Сенат. Но не все магистраты обязательно были членами Сената, только те, кого цензоры выбирали из их числа, и курульные магистраты во время их пребывания в должности. Именно из этих курульных магистратов заполнялись вакансии. Должность сенатора была пожизненной. Когда плебеи получили высшие должности, Сенат, конечно, представлял весь народ, как раньше он представлял *populus*. Но это собрание никогда не было демократическим, поскольку все его члены принадлежали к знати. При Августе для поддержания сенаторского достоинства требовалось 1 200 000 сестерциев. Следовательно, сенатором мог быть только богатый человек. Он также не мог заниматься каким-либо коммерческим бизнесом. Сенат всегда состоял из людей, оказавших большие общественные услуги или отличившихся богатством и талантами. Вероятно, это было самое достойное и гордое собрание людей, когда-либо собиравшихся. Полномочия Сената были огромны. Он осуществлял общее руководство вопросами религии и международных отношений; он командовал набором войск; он регулировал пошлины и налоги; он давал аудиенции послам; он долгое время предлагал кандидатов на должности в *Комитии*; он определял способ ведения войны; он указывал, в какие провинции следует направлять консулов и преторов; он назначал губернаторов провинций; он отправлял посольства в иностранные государства; он вел переговоры с иностранными послами; он объявлял военное положение при назначении диктаторов и объявлял триумфы за удачливых генералов. Короче говоря, это была верховная власть в государстве и посредник, через который проходили все государственные дела. Она не была ни наследственной, ни народной организацией, но представляла государство — сначала патрицианский орден, а затем весь народ, сохранив до конца свой аристократический характер. Сенаторы носили на своих туниках широкую пурпурную полосу — знак отличия, похожий на современное украшение, - и они обладали исключительными правами на оркестр в театрах и амфитеатрах. [Сноска: Смотрите статью доктора Шмитца в книге *Смита "Муравейник"*.] При императорах Сенат был унижен и стал полностью подчинен их воле и рупором; тем не менее он пережил все изменения конституции и всегда был достойным и привилегированным органом. В своей великолепии он сочетал в себе больше функций, чем английский парламент; его созывали курульные магистраты и, наконец, трибуны. Самым древним местом собраний была курия Враждебности, хотя впоследствии использовалось множество храмов. Большинство голосов решался вопрос, и порядок выступлений и голосования сенаторов определялся их рангом, в следующем порядке: президент Сената, консулы, цензоры, преторы, эдилы, трибуны, квесторы. Их решения, называемые *Senatus Consulta*, были законами — *leges* - и были вверены попечению эдилов и трибунов. [Примечание: Nieb. *Римская история*, viii. стр. 264.]

[Примечание: Сенат состоял из патрициев и плебеев.]

[Примечание: Сенат занимает высшие государственные должности.]

Таким был римский сенат — собрание знати, будь то патриции или плебеи. Потомки всех, кто занимал курульные должности, были *нобиями* и имели привилегию размещать в атриуме дома изображения и титулы своих предков — по сути, геральдический знак отличия. И поскольку патриции вели свою родословную до самого отдаленного исторического периода, существовала великая гордость за свою кровь. Немногие плебеи могли похвастаться далеким и прославленным происхождением, и каждый плебей, получивший курульную должность, был

основателем знати своей семьи, подобно Цицерону — *novus homo*. Эта знать ухитрялась сохранять за собой все важные должности, и новому человеку было трудно получить доступ в их ряды. Различие между патрицием и плебеем было второстепенным после *Грахов* по отношению к *нобилитасу*, и все же было редкостью найти патрицианский род, семьи которого не пользовались бы многократно самыми высокими почестями. Таким образом, аристократия состояла из семей тех, кто занимал высшие государственные должности; но поскольку эти должности контролировались сенатом и принадлежали главным образом патрициям, было трудно определить, было ли благородство результатом патрицианской крови или обладания высокими должностями. Вряд ли патрицием мог быть человек, не занимавший высокого поста; да и часто он не мог занимать высокого поста, если не был патрицием. Высокие должности последовательно занимали члены Сената. Два консула, десять трибунов, восемь преторов во времена Суллы, двадцать квесторов вместе с губернаторами провинций и генералами, которые были выбраны из Сената или принадлежали к нему, неизбежно составляли значительную часть знати, когда срок их полномочий длился ограниченное время, так что сенатор, обладающий какими-либо способностями, был уверен в течение своей жизни в высших государственных почестях.

[Примечание: Но только те, кто отличился.]

Таким образом, великие исполнительные чиновники принадлежали к благородному классу не по необходимости, а как правило. Цицерон был *новым человеком*, и все же благодаря своим талантам он достиг высочайшего положения. Однако редко случалось назначать на высшие должности тех, кто не отличился на войне. В конце концов, военная слава придавала римскому имени величайший престиж. Консулы командовали армиями, но их не выбрали бы консулами, если бы не их военный, а также политический талант.

[Примечание: Консулы.]

После упразднения монархии консул был высшим должностным лицом государства. Только в 366 году до нашей эры плебей получил это звание. Полномочия консулов практически совпадали с полномочиями старых королей, за исключением власти жрецов. Они созывали Сенат, представляли послов, созывали народ, проводили выборы, командовали армиями и никогда не появлялись на публике без ликторов. И они не были лишены своих полномочий до тех пор, пока Юлий Цезарь не принял диктатуру. Весь внутренний механизм государства находился под их контролем. Но срок их полномочий длился всего один год. Их избрание состоялось в *Центуриатной комиссии*.

[Примечание: цензоры.]

Цензоры были следующими по достоинству, и, подобно консулам, их было двое, и избирались они таким же образом под председательством консула; на эту высокую должность избирались только люди консульского ранга, и, следовательно, она действительно была выше консульства. Цензоры избирались на более длительный срок, чем консулы, и в их обязанности входил надзор за общественной моралью, проведение переписи населения и управление финансами. Они могли клеймить позором высших лиц государства, могли избирать в Сенат и исключать из него недостойных людей. Вместе с эдилами они контролировали общественные здания и все общественные работы. Они могли отобрать у рыцаря его коня и наказать за расточительность в

образе жизни или за неправильное расторжение брачного обряда. К ним относились с величайшим почтением, а когда они умирали, их удостоивали пышных похорон.

[Примечание: преторы.]

Следующими по рангу были преторы, сначала их было двое, а в конечном итоге - шестнадцать. Они осуществляли судебную власть как по гражданским, так и по уголовным делам.

[Примечание: эдилы.]

Эдилы также были курульными магистратами, и им было поручено заботиться об общественных зданиях и руководить общественными празднествами. Они были хранителями постановлений Сената и плебисцита. Они руководили распределением воды, уходом за улицами, осушением города и раздачей зерна людям. В их обязанности входило следить за тем, чтобы не вводилось никаких новых божеств, и они осуществляли общее руководство полицией и инспекцию бань. Их должность влекла за собой большие расходы, и они были вынуждены пойти на большую расточительность, чтобы завоевать популярность, как в случае с Юлием Цезарем и Эмилием Скавром; но эдилы обладали обширными полномочиями, которые, однако, были существенно уменьшены при императорах.

[Прим. автора: "Трибуны".]

Мы уже упоминали о трибунах в связи с развитием плебейской власти. Сначала их было всего двое, затем их количество увеличилось до пяти и, наконец, до десяти. Их обязанностью было защищать плебс от притеснения знати, но во времена Юлия Цезаря их авторитет настолько возрос, что они могли наложить вето на постановление Сената. [Примечание: Цезарь, *О гражданской жизни.*, 1, 2.] Они не только могли остановить магистрата в его разбирательстве, но и приказать своим виаторам схватить консула или цензора, заключить его в тюрьму или сбросить с Тарпейской скалы. [Сноска: Liv. ii. 56, iv. 26; Цицерон, *О законах*, iii. 9.] Коллегия трибунов имела право издавать эдикты. После принятия закона Гортензия не было власти, равной их власти, и они могли диктовать даже самому Сенату. В последние дни республики трибуны, как правило, избирались из числа сенаторов. Именно огромное влияние, которое народ получил через трибунов, привело к узурпации власти Цезаря; ибо он, так же как и Марий, пришел к власти, обхаживая их вопреки интересам аристократии.

[Примечание: квесторы.]

Последними из великих магистратов, чья должность давала им право на место в сенате, были квесторы, ведавшие государственными деньгами. Первоначально их было всего двое, но Сулла увеличил их число до двадцати, а Цезарь - до сорока для обеспечения политического влияния. Поскольку Сенат осуществлял верховное руководство финансами, они были всего лишь его агентами или казначеями. Проконсул или претор, в ведении которого находилась провинция, сопровождался квестором для регулирования сбора доходов. Квесторы также были казначеями армии.

Таковы были высшие должностные лица государства, занимавшие места в сенате и принадлежавшие к благородному сословию как по своему официальному положению, так и по рождению. Никто не мог быть консулом, пока не прошел последовательно все эти должности, за исключением цензуры.

[Примечание: Верховный понтифик.]

Однако был еще один великий римский сановник, который пожизненно занимал свой пост, имевший исключительную важность. Он возглавлял коллегию священников, в ведении которой находились все вопросы религии. Коллегия понтификов, которых при Юлии Цезаре насчитывалось шестнадцать, не была священниками, но стояла выше всех священников и регулировала поклонение богам и наказывала за преступления против религии. Верховный понтифик жил в общественном дворце на Виа Сакра и мог также занимать другие должности. Великим доказательством талантов Цезаря и высокого мнения, которым он пользовался, является то, что в возрасте тридцати семи лет он был избран на это высокое звание, несмотря на мощную оппозицию Катула, главы Сената, и когда он только достиг звания эдила.

[Примечание: Народные собрания.]

[Примечание: Ценуриата.]

Что касается народных собраний, на которых они голосовали за высших должностных лиц государства, то следует иметь в виду, что они состояли не из черни, а из *populus* или патрициев почти до конца республики. Каждая из тридцати курий имела свое здание для обсуждения политических и правовых вопросов. У них также было коллективное собрание, называемое *Куриатными комиссиями*, где народ голосовал за меры, предложенные магистратами. Голоса подавались куриями, каждая курия имела один коллективный голос. Собрание ничего не инициировало, но принимало решения о жизни римских граждан, о мире и войне и о выборах магистратов. Это была примитивная форма при царях. Но Сервий Туллий учредил *Центуриатные комиции*, следовательно, разделил население на шесть имущественных классов и сто девяносто три центурии. Первый класс состоял из девяноста восьми центурий с имущественным цензом в сто тысяч ослов; второй - из двадцати двух центурий с семьюдесятью пятью тысячами ослов; третий - из двадцати с пятьюдесятью тысячами ослов; четвертый - из двадцати двух с двадцатью пятью тысячами ослов; пятый - из тридцати с одиннадцатью тысячами ослов; и шестой - из любого из тех, кто моложе двенадцати с половиной миней. И все же этот класс был самым многочисленным. Более богатые классы проголосовали первыми, и когда было получено большинство голосов в сенчури, голосование прекратилось. Следовательно, власть фактически находилась в руках богатых; ибо, объединившись, они составили большинство еще до того, как бедные классы были призваны к голосованию. *Центуриатные комиции* избирали магистратов, издавали законы и формировали высший апелляционный суд, но все его решения должны были утверждаться курией, хотя со временем курия превратилась в формальность. Центурии встретились на Марсовом поле под председательством консулов, которые зачитали имена кандидатов. На собраниях столетиями голоса представителей первого класса преобладали над всеми остальными; в *комициях* курии патриции были верховными.

[Примечание: Трибутная комиссия.]

[Примечание: Упадок власти комиций.]

В *Трибутных комициях* согласно сербской конституции представляли тридцать римских племен, которым изначально было предоставлено право избирать магистратов низшего звена. Это было плебейское собрание, обладавшее весьма незначительными полномочиями, касающимися главным образом местных дел племен. Но когда эти племена стали настоящими

представителями народа, с увеличением плебейских классов, вопросы, затрагивающие все государство, были вынесены на рассмотрение трибунов. Это дало ассамблее инициативу принятия мер, которая была санкционирована законом Л. Валерия Публиколы, 449 г. до н.э. Этот закон придавал декретам, принятым племенами, силу реального закона, обязательного для всего народа, при условии, что он имел санкцию Сената и населения в *Центуриатных комиссиях*. В 287 году до н.э. закон Гортензия сделал плебисцит независимым от санкции сената. Когда плебеи начали признаваться существенным элементом государства, было сочтено неудобным иметь первый класс, в который входили всадники, столь значительно преобладавшие в столетних комициях; и это было разработано для объединения *Центуриатных комиций* и *трибуты* таким образом, чтобы образовать только одно собрание. Это произошло после завершения создания тридцати пяти колен в 241 году до н.э. Граждане каждого колена были разделены на пять имущественных классов, а каждое племя - на десять центурий, что составило триста пятьдесят центурий. Эта комиция была гораздо более демократичной, чем комиции прошлых веков, и руководилась трибунами. Когда все итальянцы были объединены с тридцатью пятью племенами, насилие и взяточничество стали в порядке вещей. Сулла отнял юрисдикцию у народа, а Юлий Цезарь еще больше посягнул на права народа, когда он вынес решение о мире и войне в связи с Сенатом, — этот важный вопрос раньше решался только комициями. Народ не сохранил при нем ничего, кроме выборов магистратов, что мало что значило, поскольку Цезарь имел право сам назначать половину магистратов, за исключением консулов. После смерти Цезаря комиции продолжали существовать, но всегда контролировались правителями, чьи неограниченные полномочия в конечном счете соблюдались без сопротивления. В конце концов комиции превратились в простой фарс, а все законодательство ушло в небытие навсегда и оказалось полностью в руках императора и Сената.

[Примечание: аристократы сохраняют за собой главенство.]

[Примечание: Диктатор.]

[Примечание: Идея народного правления.]

[Примечание: Сенат сохраняет за собой всю реальную власть.]

Таким образом, может показаться, что римская конституция была по существу аристократической, особенно в течение трехсот лет после изгнания королей. *Сенат* и *populus* обладали всей полнотой власти. Постепенно, по мере увеличения богатства, *всадники* стали влиятельным орденом, не менее аристократичным, чем патриции. *Плебеи* до времен Гракхов не пользовались большим уважением и всегда с трудом добивались должности. Прошло двести лет после изгнания королей, прежде чем плебеи смогли хотя бы получить долю государственных земель. Пока аристократия сохраняла свою добродетель и патриотизм, государство управлялось наиболее умело и постоянно увеличивало свое богатство и могущество. Завоевание Италии было полностью под властью знати, и даже когда богатые плебейские семьи смешались с древними патрициями, все еще было очень трудно добиться привилегированного положения без преимуществ рождения. [Примечание: Моммзен, *Римская история*., i. стр. 241.] За четырнадцать лет, с 399 по 412 год, патриции допустили до консульства только шестерых плебеев. Жизни граждан были защищены законами, но общественное мнение оставалось бессильным перед убийством тех, кто навлек на себя ненависть Сената. Комиции были свободны, но Сенат имел в своем распоряжении либо право вето трибунов, либо

религиозные угрызания совести народа, поскольку консул мог воспрепятствовать заседанию ассамблей, а авгуры могли прервать их обсуждение. Даже диктатура часто была средством угнетения плебса и рычагом в руках аристократии, поскольку диктатор назначался консулами под руководством сената. [Сноска: Лив., viii. 23.] Он был патрицием как нечто само собой разумеющееся, пока не были устранены политические различия между патрицием и плебеем, и обладал абсолютной властью в течение шести месяцев. Он не был привлечен к ответственности за свои действия во время пребывания на своем посту, [Примечание: Беккер, *Справочник по римскому языку*, vii. стр. 2; Nib. *История Рима*. том i. стр. 563.] и его решения не были обжалованы. Ему предшествовали двадцать четыре ликтора, и он был практически верховным. Между 390 и 416 годами сменилось восемнадцать диктаторов. Таким образом, Сенат оставался всемогущим, несмотря на победы плебеев, и его патриотизм и интеллект были таковы, что он сохранил свое превосходство. Именно во время завоевания Италии аристократическая власть засияла во всем своем великолепии, и наиболее способным людям были доверены государственные дела. Все было принесено в жертву патриотизму, а дисциплина насаждалась с жестокостью. Самые могущественные патриции с готовностью рисковали своими жизнями в битве, и город превратился в народ, который в конечном счете охватил весь мир. Когда плебеи превратились в мощную силу, начался упадок республики, и возникла необходимость в новой организации. Великие вожди становились пожизненными диктаторами, а императорский скипетр перешел к беспринципному, но просвещенному генералу. Римский *populus* в важном смысле осуществлял великую идею самоуправления, но, строго говоря, самоуправления применительно к народу в целом никогда не существовало в Римском государстве. Но была выдвинута идея, которая породила будущие республики. Падение старой патрицианской олигархии также не лишило римское содружество его аристократического характера, поскольку возникла новая аристократия. Когда плебейские семьи получили консульства и другие высокие государственные должности, они были поставлены в один ряд со старыми патрицианскими семьями, и им была предоставлена привилегия размещать восковые изображения своих прославленных предков в семейном зале и нести эти изображения в похоронной процессии. Как курульные магистраты, они имели места в сенате и носили знаки отличия ранга — золотое кольцо на пальце и пурпурную кайму на тоге. "Результатом применения законов Лициния, - говорит Моммзен, - на самом деле было лишь то, что мы сейчас называем созданием новой группы офицеров". [Примечание: Моммзен, В. III. с. xi.] Поскольку все потомки тех, кто пользовался курульной магистратурой, имели право на привилегию этих отличий, дворянство стало наследственным. И поскольку высшие государственные чиновники обычно избирались из этого класса, поскольку они контролировали комиции, дворянство было не просто наследственным, но и *правлящим* дворянством. Дворянство владело самим Сенатом. Она монополизировала высшие государственные должности. Стабильность римской аристократии видна из того факта, что с 388 по 581 год, когда консульство занимали один патриций и один плебей, сто сорок консулов из трехсот восьмидесяти шести принадлежали к шестнадцати великим домам. Корнелии назначили тридцать консулов за сто девяносто три года, Валерии - восемнадцать, Клавдии - двенадцать, Эмилии - пятнадцать, Фабии - двенадцать, Манлии - десять, Постумии - восемь, Сервилии - семь, Сульпиции - восемь, Папирии - четыре, не говоря уже о других курульных должностях. Таким образом, дворянство состояло не только из патрицианских семей, хотя они были наиболее многочисленными, но и из старых плебейских семей, точно так же, как английская палата лордов состоит из семей, которые ведут свое происхождение как от саксов, так и от норманнов, хотя норманны на протяжении нескольких столетий были правящим классом. И как в Палату лордов время от времени избирались

представители народа вследствие большого богатства, или политических интересов, или выдающегося гения, или знаменательного военного успеха, так и римская знать увеличивалась по мере вымирания старых семей за счет удачливых полководцев, занявших высокие государственные посты. Мариус происходил из народа, но его подвиги на поле боя обеспечили ему доступ к знати благодаря занимаемым им должностям, подобно тому, как лорд-канцлеры Англии, которые были всего лишь выдающимися юристами, становятся пэрами в армии благодаря своему судебному положению.

[Примечание: римские граждане.]

Римские горожане снова были кем угодно, только не сбродом. Они состояли из людей с положением и богатством. Если они и не составляли движущую силу, то составляли прочную основу государства. У них было четкое представление об общем благе, мудрость при выборе правителей и дух самопожертвования ради общих интересов. У них был высокий патриотизм, который ничто не могло соблазнить. Римский сброд не имел никакого значения до тех пор, пока огромное богатство сенаторских домов не породило клиентов и паразитов. И когда этот сброд, который был всего лишь иждивенцами богатых, получил привилегию голосовать, тогда упадок свобод был быстрым и страшным, поскольку они были всего лишь инструментами могущественных демагогов.

[Примечание: Баланс сил.]

Таким образом, у римлян до упразднения их свобод государственная власть находилась не в руках королей, как у народов Востока, и не в руках исключительно аристократии, и не в руках народа; но во всех вместе взятых, когда один класс действовал как сдерживающий фактор против другого класса. Они были распределены между Сенатом, магистратами и народом в их собраниях. Теоретически, *populus* был реальным сувереном, которому делегировалась власть; но в течение нескольких столетий *populus* означал патрициев, которые одни могли принимать участие в собраниях. Преобладающее влияние оказывал Сенат. Судебная, законодательная и исполнительная власть были определены так же четко, как и в наше время. Все магистраты избирались Сенатом или народом, а иногда предлагались одним и утверждались другим. Ни одно дело, касающееся жизни римского гражданина, не могло быть рассмотрено иначе, как *Центуриатными комиссиями*. Выборы магистрата или принятие закона, хотя и производились на основании *консультативного совета* сената, все же требовали санкции курии. Что касается законодательных мер, то *senatus consultum* был представлен народу консулом или сенатором, инициировавшим эту меру, после того, как он ранее был выставлен на всеобщее обозрение в течение семнадцати дней. Магистраты низшего звена, в обязанности которых входило наблюдение за делами, представляющими местный интерес, избирались *Трибутными комиссиями*. Все магистраты, какой бы большой ни была их власть, по истечении срока полномочий могли быть наказаны за превышение оказанного им доверия. Ни один человек не был выше власти законов. Ни один класс не мог посягать на свободы и прерогативы другого. Сенат обладал наибольшей властью, но он не мог действовать вопреки Конституции. Консулы не были творениями сената; они избирались веками и председательствовали в Сенате, а также в народном собрании. Злоупотребление властью консулом было предотвращено его коллегой и уверенностью в том, что он будет привлечен к ответственности по истечении срока своих полномочий. Его власть также была ограничена Сенатом, поскольку он зависел от него. В Риме не было абсолютной власти, кроме как у диктаторов, но они назначались только в случае

национального кризиса, да и то только на шесть месяцев. Если бы их власть не была увековечена, даже они не могли бы отменить конституцию. Опять же, сенаторы, самый могущественный орган в штате, не были полностью независимыми. Они не могли ни избирать членов своего собственного органа, ни удерживать их на своих должностях. Цензоры имели право избирать сенаторов из числа бывших магистратов и всадников и исключать тех, кого они считали недостойными. И поскольку Сенат, таким образом, полностью состоял из людей, занимавших высшие посты или обладавших большим состоянием, это был орган с большим опытом и мудростью. Однако даже это августейшее собрание было вынуждено подчиняться внесению трибуном любого предмета для обсуждения. Каким противовесом авторитету этого могущественного органа были трибуны! Благодаря своему праву появляться в Сенате и принимать участие в его заседаниях, а также тому, что они были представителями всего народа, которому, как предполагалось, в первую очередь принадлежала власть, они постепенно получили право ходатайствовать против любого действия, которое магистрат мог предпринять во время исполнения своих обязанностей, и без объяснения причин. Они могли не только помешать консулу созвать Сенат, но и наложить вето на постановление самого Сената. Они могли даже схватить консула и цензора и заключить их в тюрьму. Таким образом, власть чудесным образом распределялась, даже пока она оставалась в руках высших классов. Народ не был бессилен, когда его собрания могли принимать законы и назначать магистратов, и когда его трибуны могли накладывать вето на наиболее важные меры. Консулы не могли оставаться на своих постах достаточно долго, чтобы представлять опасность, а сенаторы могли быть смещены со своего высокого поста в случае вопиющей недостойности. "*Унобилей* не было юридических привилегий, подобных феодальной аристократии, но они были связаны общим различием, проистекающим из юридического титула, и общими интересами; и их общий интерес состоял в том, чтобы попытаться ограничить избрание на все высшие должности членами их собственного органа". Термин *нобилитет* подразумевал, что кто-то из предков человека занимал курульную должность, а также подразумевал обладание богатством. Теоретически могло бы показаться, что *нобили* были очень многочисленны, поскольку очень многие люди обычно могут похвастаться выдающимся предком; но практически этот класс был не так велик, как мы могли бы ожидать. Аристократ мог быть беден, но все же, как и Сулла, он оставался благородным. Звание патриция задолго до реформ Гракхов имело второстепенное значение; звание *нобилитета* сохранялось до конца республики. Дворянство сохраняло свою исключительность и могущество благодаря тому, что из поколения в поколение занимало высокие государственные посты; они предотвращали собственное вымирание, принимая в свои ряды тех, кто отличился в выдающейся степени.

[Примечание: Правление демагогов.]

Но такое положение вещей относилось только к республике в ее лучшие дни. Когда демократические влияния благоприятствовали господству демагогов, — что до сих пор в истории нашего мира было неизбежным следствием большего расширения народных свобод, чем то, к чему люди были готовы, — тогда полезные ограничения были сняты, и люди были наиболее поработаны, когда они считали себя наиболее свободными. Нет более меланхолического рабства, чем рабство страстей. Невежественными, потакающими своим желаниям людьми руководят их страсти; на них редко влияет разум или осознанный эгоизм. Те, кто наиболее умело и беспринципно апеллируют к народным страстям, когда у народа есть власть, обязательно имеют влияние в обществе. Люди, обманутые, польщенные, своевольные, охотно следуют за ними. Во время войны, и особенно среди воинственного народа, военные

вожди, разжигая воинственные страсти, распространяя преувеличенные представления о славе, апеллируя к тщеславию и патриотизму в сочетании, всегда имели самое необычайное влияние в республиках. Они также имеют большое влияние в монархиях, когда монарх обезумел от страсти к военному успеху. Монархами, движимыми страстями народа, руководят люди, которые льстят им так же, как руководят народом. Отсюда правление фаворитов у королей. Господство фаворитов при государях, подобных Людовику XIII или даже Людовику XIV, поддерживается той же политикой, которая вдохновляла Мариа и Цезаря или народных фаворитов нашего времени. И это господство может быть к лучшему или к худшему, в зависимости от характера правителей-демагогов или королевских фаворитов. Когда Ришелье или Кавур держат бразды правления в своих руках, мудрость их государственных действий может косвенно принести пользу стране. Когда побеждают Бекингеми или Катилины, нация терпит бедствие. В любом случае власть, которая считается законной, становится посмешищем. У Цезаря народная власть - это просто название, даже, как и у Ришелье, король - это тень. В лучшие дни Римской республики исполнительная власть поддерживалась в здоровом состоянии благодаря огромному авторитету Сената, а бдительность трибунов предохраняла сенаторское влияние от неоправданных посягательств. И когда аристократическое господство было наиболее заметным, аристократическое тело обладало слишком большим количеством добродетелей и способностей, чтобы быть поработанным амбициозными и способными людьми из их числа. Если бы Римский сенат на пике своего могущества состоял из невежественных, неопытных, эгоистичных, непатриотичных членов, тогда было бы легко для большого интеллекта среди них, независимо от того, сопровождался он добродетелью или нет, постоянно апеллируя к их гордости, к их рангу, к их привилегиям, к их особым страстям, руководить ими, как Питт руководил Палатой общин. Настоящих правителей нашего мира немного в любом сообществе или при любой форме правления. Они всегда опасны, когда среди тех, кого они представляют, низкий уровень добродетели или интеллекта. Несомненно, что их власть почти абсолютна, когда они опираются на страсть или предубеждение. Представитель фанатичного электората не имеет постоянной власти, если только он не будет постоянно льстить тем, кто, как он знает в глубине души, неподвластен разуму. И его влияние больше или меньше, в зависимости от силы народных страстей, которые он разжигает или которые, как это часто бывает, он разделяет. Честный представитель фанатиков сам является фанатиком. Таким образом, Кромвель пользовался таким большим влиянием в своей партии, потому что он чувствовал себя более решительно, чем они, в вопросах, которым они сочувствовали. Но свободы Рима были ниспровергнуты не фанатичными правителями, а теми, кто пользовался страстями, которых они сами не испытывали, для достижения своих эгоистичных целей. И в этом большая опасность республик — в том, что плохие люди возвышаются благодаря избирательному праву глупцов, которых они обманывают, делая вид, что потакают их желаниям, подобно Наполеону и Цезарю, а не в том, что честные люди взбираются к власти благодаря самому избытку своего энтузиазма, как Кромвель или Петр Отшельник. Следовательно, Мирабо более опасен, чем Робеспьер. Первый предал бы людей, которыми руководил; второй подтолкнул бы их к последовательному курсу, даже если бы путь был устлан смертью. Если бы Мирабо был жив и сохранил свою власть, он скомпрометировал бы Революцию, продуктом которой был Наполеон, и работу пришлось бы доделывать заново. Но Робеспьер довел свои принципы до их предельной логической последовательности, и нация осталась довольна их безрассудством с практической точки зрения. Наполеон восстал, чтобы осудить анархию, равно как и феодальных королей, и, хотя он был обезумевшим и опьяненным

войной, так что его имя стало Молохом, он никогда не мечтал о восстановлении неравных привилегий, отнятых революцией.

[Примечание: Величие конституции.]

Римская конституция, постепенно выработанная под влиянием возникших потребностей и кризисов, является замечательным памятником человеческой мудрости. Народ не был подавлен. У них были права, от которых они никогда не отказывались; и они постоянно приобретали новые привилегии, поскольку были готовы ценить их или поскольку им угрожала опасность подчинения со стороны правящих классов. У них никогда не было господства, но они наслаждались обновленной и растущей властью, пока не стали достаточно сильны, чтобы соблазнить аристократических демагогов и успешных генералов. Когда Цезарь снизошел до того, чтобы льстить народу, он превратился в силу, но силу, неспособную постоять за себя или использовать это для блага государства. Затем она была ниспровергнута, когда Наполеон захватил абсолютную власть над мостом, построенным Революцией. И римская конституция была замечательной не только потому, что она предотвращала унижительное подчинение масс, даже отказывая им в правах правления, но и потому, что она поддерживала баланс между самими правящими классами и ограничивала узурпацию власти могущественными семьями, а также военными героями. Почти за пятьсот лет не восстал ни один человек, которогоримляне боялись или которого они не могли контролировать — которого они никогда не смогли бы сбросить с Тарпейской скалы, если бы он задумал ниспровергнуть, я не буду говорить о свободах народа, но о конституции, которая делала аристократию верховной. Несомненно, среди тех удачливых полководцев, к которым Сенат относился с пренебрежением и которых народ обожал, были честолюбивые и беспринципные люди. Но, какими бы великими они ни были в войне, могущественными благодаря семейным интересам и огромному богатству, никто из них никогда не осмеливался провозгласить себя верховным до тех пор, пока Цезарь не перейдет Рубикон — ни Сципион, увенчанный лаврами, которые он снял с головы Ганнибала; ни Марий, только что одержавший великие победы над варварскими полчищами северной Европы; ни даже Сулла, после его великолепных завоеваний на востоке и триумфа над всеми партиями и фракциями, которые демократия подняла против него. Помпей, возможно, размышлял о том, какое счастье выпало на долю Цезаря. Но этот напыщенный магнат мог добиться успеха, только используя лозунги и совершая поступки, до которых не смог бы опуститься никто, кроме демагога. До него, по крайней мере, в течение пятидесяти лет, в Сенате было слишком много людей, обладающих духом Катона, Цицерона и Брута.

[Примечание: Революция.]

[Примечание: Последствия имперского правления.]

But, *tempora mutantur*. Когда Сенат состоял из людей, которых выбирали великие полководцы, будь то аристократические подхалимы или богатые плебеи; когда трибуны играли на руку тем самым людям, которым они были созданы противостоять; когда первосвященник народа, изначально религиозного, избирался без учета моральных или религиозных соображений, а чисто политических; когда высокие государственные посты занимали сенаторы, которые никогда не видели военной жизни, за исключением нескольких кратких кампаний; когда фракции и партии отбрасывали старые обычаи; когда самые аристократичные дворяне стремились попасть в ряды плебеев, чтобы, подобно Мирабо, получить доступ к знати. чтобы украсть те немногие должности, которые контролировал народ, и когда народ, обезумевший и

свирепый от деморализующих зрелищ, поднял толпы и ниспровергнул закон, тогда конституция, по которой римляне продвигались к завоеванию мира, была ниспровергнута. При императорах не было конституции. Они контролировали Сенат, армию, судебные инстанции, отдаленные провинции, сам город, регулировали налоги, налагали тяготы и назначали на высокие должности тех, кого хотели. Сенат потерял свою независимость, суды - свою справедливость, армия - свой дух, а народ - свои надежды. Однако старая форма осталась. Сенат заседал так же, как во времена Гракхов. Консулы и преторы все еще были. Но сенаторские скамьи заполняли всего лишь всадники или богатые люди — орудия императора, как и все государственные чиновники. На смену правительству знати пришло правительство императоров, которые, в свою очередь, слишком часто становились орудиями фаворитов или преторианской гвардии, пока кинжал убийцы не обрывал их дни.

[Примечание: Правление императоров - необходимость.]

Здесь не место рассуждать о добре или зле, которые произошли в результате этой перемены в римском правительстве. Большинство историков и философов сходятся во мнении, что перемены были неизбежны и в целом оказались благими. Это был просто вопрос, должны ли римляне вести гражданские войны, анархию и фракции, которые уничтожали людей, держали общество в состоянии страха и неуверенности и препятствовали торжеству закона, или же они должны подчиниться абсолютному правителю, у которого были неограниченные средства творить добро, и которого интересы и долг в равной степени побуждали обеспечивать общественное благосостояние. Люди хотели, прежде всего, безопасности иссредств отстаивания своих различных интересов. При императорах они получили величайшие блага, какие только были возможны, когда состояние общества было пустым и прогнившим насквозь. Народом управляли, иногда мудро, иногда безрассудно, но порядок и закон существовали триста лет. Для огромного населения империи мало имело значения, кто был верховным хозяином, при условии, что они не подвергались угнетению. Гордый *Император*, титул и преименование всех римских монархов, придуманный для Октавиана, оставался источником закона, вершителем всех интересов, бесспорным правителем мира. Номинально старые должности сохранялись, но в силу цензуры император имел право исключать отдельных лиц из Сената и приглашать в него других. Таким образом, августейший орган, который при республике был противовесом исполнительной власти, оказался зависимым от императорской воли. Сената не существовало, кроме как номинально, когда он мог контролироваться правительством. Это стало простой формой или инструментом в руках администрации для облегчения ведения бизнеса. Получив проконсуловскую власть над всей Римской империей, Октавиан сделал губернаторов провинций своими наместниками. *Tribunicia potestas*, которой он также пользовался, позволяла ему отменять любое постановление сената и вмешиваться во все действия магистратов. К нему, как к трибуну, могла быть подана апелляция во всех судах справедливости; он имел право созывать Сенат и выносить любой рассматриваемый вопрос на голосование сенаторов. Август даже захватил понтификат, должность которого, должность Верховного понтифика, передала в его руки все церковные суды. Как трибун и цензор, он также контролировал казну, так что вся государственная власть была сосредоточена в нем одном — в качестве консула, трибуна, цензора, претора и верховного жреца. Какой властью может обладать один человек в такой огромной империи! Римская конституция была ниспровергнута, когда один человек узурпировал должности, которые раньше разделяли многие. Ни один суверен никогда не был таким абсолютным, как римский император, поскольку он объединял

все судебные, исполнительные и законодательные ветви власти; то есть он контролировал их все.

[Примечание: старые формы правления сохранены.]

И все же старый механизм поддерживался в рабочем состоянии, старые формы, старые должности по названию, иначе даже Август не мог бы чувствовать себя в безопасности на своем троне. Комиции по-прежнему избирали магистратов, но только тех, которые были предложены правительством. Сенат собирался, как обычно, но в его состав входили богатые люди, просто для регистрации указов императора. Консулы избирались, как и прежде, но они были лишь тенью власти. Единственной уважаемой частью магистратуры была та, которая толковала законы. Единственным окончательным органом власти был эдикт императора, который не только контролировал все крупные государственные учреждения, но и обладал огромной и почти неограниченной частной собственностью. Они владели целыми княжествами. Август изменил всю регистрацию собственности в Галлии под свою личную ответственность, ни с кем не советуясь. [Сноска: Нибур, Лекция 105.] Его власть была настолько безгранична, что солдаты приносили ему присягу на верность, как когда-то они приносили присягу *римской народной империи*. Его армии, его флоты и его офицеры были повсюду, и никому и в голову не приходило сопротивляться силе, которая поглощала в себя все.

[Примечание: Императорская власть неспособна спасти государство.]

Совершенно другой вопрос, было ли процветание государства большим или меньшим после ниспровержения конституции. В течение трехсот лет государство, вероятно, сохранялось единым благодаря древнему механизму, контролируемому единой центральной волей. Переход от гражданской войны партийных фракций к имперской централизованной власти, учитывая деморализованное состояние общества, был, несомненно, выгоден. Император мог править; однако он не мог сохранить империю. Несомненно, в большинстве случаев он правил хорошо, поскольку им правили люди с большим опытом и способностями. Особый интерес деспотов состоит в том, чтобы иметь способных людей в качестве министров. Они никогда не выбирают тех, кого считают слабыми и коррумпированными; они просто обманываются в своей оценке способностей и верности. На протяжении нескольких поколений в провинциях были опытные губернаторы, в армиях - способные генералы, в судах - образованные судьи. Провинции не грабили так безжалостно, как во времена Цицерона. У людей были свои удовольствия, зрелища и бани. Собственность была в безопасности, если только огромные состояния не искушали алчность императоров. Правосудие отправлялось надлежащим образом. Города перестраивались и украшались. Рим был обязан императорам своими величайшими памятниками искусства. Здесь царил холодный и безжалостный деспотизм; но миллионы людей, никем не замеченных, мирно трудились. Литература не процветала, поскольку жить можно только со свободой, но искусство получало большое поощрение, и гении в полезных профессиях не оставались без награды. Империя не пала до тех пор, пока роскошь и процветание не ослабили народ и не сделали его неспособным справиться с полчищами варваров. Рим никогда не был так богат, как когда он попал в руки готов и вандалов. Но империя при старой конституции могла бы защитить себя от внешних врагов. Смертельную рану римской власти и славе нанесли предатели.

* * * * *

АВТОРИТЕТЫ. —Нибур, Лекции по истории Рима; Моммзен, История Рима; Арнольд, История Рима; Меривейл, История римлян; Гиббон, Упадок; Словарь греческих и римских древностей Смита дает подробности и указывает на старые классические авторитеты, как и "Жизнь Цезаря" Наполеона. Дионисий, Полибий, Ливий, Плутарх, Цицерон, Саллюстий - все они проливают свет на важные моменты. See also Gottling, *Gesch der Rom. Staat*. Можно было бы упомянуть большой список писателей, но мы упоминаем только тех, кто наиболее доступен американскому читателю.

ГЛАВА VI.

РИМСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ.

Если римляне проявили большую практическую проницательность в распределении политической власти между различными классами и личностями, их законы демонстрируют еще большую мудрость. Юриспруденция обычно считается их исконной наукой. Именно за это они больше всего отличились, и этим они дали величайший импульс цивилизации. Их законы были самым замечательным образом приспособлены для управления человечеством, но у них были еще более высокие достоинства; они были в значительной степени основаны на принципах равенства или естественной справедливости и, следовательно, адаптированы для всех эпох и наций и действительно воспроизводились современными законодателями, причем настолько широко, что легли в основу многих современных кодексов. Следовательно, именно благодаря своим законам римляне оказали наибольшее влияние на современность, и они представляют собой замечательный памятник человеческого гения. Если бы римляне не оставили потомкам ничего, кроме законов, они жили бы не напрасно. Они сильнее повлияли на интересы цивилизации, чем искусство Греции. Они так же постоянны по своему воздействию, как и любая вещь в этом мире, — в большей степени, чем дворцы и мрамор. Последние рассыпаются в прах, но наследие Гая, Ульпиана, Павла, Трибониана будет цениться в самые отдаленные века не только как замечательное произведение гения, но и за его практическую полезность. Непреходящее влияние Моисея проявляется главным образом в его законодательстве, поскольку оно вошло в христианские кодексы и также основано на принципах справедливости. Главным образом за это он стоит в одном ряду с величайшими интеллектами земли, независимо от того, был ли он проинструктирован богом или нет.

[Примечание: Объект, для которого создаются законы.]

Римские законы были впервые приняты применительно к политическим потребностям и изменениям в государстве, а затем к отношениям государства с отдельными лицами или отдельных лиц с отдельными лицами. Первые в большей степени относятся к конституционной истории; вторые принадлежат к тому, что называется наукой юриспруденции, и подпадают только под сферу охвата этой главы. Законы, принятые римским народом на протяжении веков или Сенатом, касающиеся политических прав и привилегий — тех, благодаря которым власть переходила из рук патрициев к плебеям или от *populus* к высшим должностным лицам исполнительной власти, — чрезвычайно важны и интересны в историческом или политическом смысле. Но гений римлян наиболее ярко проявился в управлении человечеством; и поэтому моей главной целью является показать отношения между управляющим и управляемыми,

законы, созданные для общего блага, касающиеся собственности, преступности и индивидуальных прав.

[Примечание: греки уступали римлянам в юриспруденции.]

Греки, при всей их гениальности, их великих творениях в литературе, философии и искусстве, очень мало сделали для цивилизации, которую мы можем проследить в науке юриспруденции. Они были слишком умозрительными для такой практической науки. Тем не менее, их умозрительная мудрость была использована римскими юристами. Влияние Греции имело большое значение только в той мере, в какой философия изменяла законы.

[Примечание: Кульминация юриспруденции приходится на императоров.]

Римская юриспруденция также не достигла кульминации в своем безмятежном величии до времен императоров. Она не была разработана в совершенстве, пока Юстиниан не закрепил ее в Кодексе, Пандектах и Институтах. Юристы-классики, возможно, заложили фундамент; надстройка была возведена под эгидой тех, кого мы считаем деспотами.

[Примечание: Раннее законодательство.]

[Примечание: Двенадцать таблиц.]

Такие изобретательные писатели, как Вико и Нибур, распространили свои исследования на царское правление и выдвинули множество правдоподобных предположений; но самым ранним законодательным актом, заслуживающим внимания, был знаменитый кодекс под названием "Двенадцать таблиц", составленный на основе отчетов уполномоченных, которых римляне посылали в Афины и другие греческие государства для сбора наиболее полезного в их правовых системах. Но едва ли какая-либо часть гражданского права, содержащаяся в Двенадцати Таблицах, дошла до нас. Все, что мы знаем с уверенностью, это то, что целью децемвирского законодательства было сблизить сословия и уравнять законы для обоих. Положения децемвирского кодекса, с которыми мы знакомы, также не демонстрируют того просвещенного отношения к естественной справедливости, которое характеризовало юриспруденцию в ее последующем развитии. Это позволяло обращаться с неплатежеспособными должниками с большой жестокостью; их могли заключить в тюрьму на шестьдесят дней, заковать в цепи, а затем продать в иностранное рабство. Это санкционировало варварское возмездие — око за око и зуб за зуб. Но это давало компенсацию за пасквили или клевету, позволяло магистрату обращаться с апелляцией к народу и запрещало смертную казнь, кроме как по решению веков. [Сноска: Лорд Маккензи, часть 6.] Нибур утверждает, [Примечание: Лекция 25.] в своих лекциях по истории Рима, что Двенадцать Таблиц предоставляли право каждому *отцовскому семейству* составить завещание, согласно которому ребенок плебея от матери-патрицианки мог унаследовать имущество своего отца, что имело огромное значение и было большим шагом в естественной справедливости. Предполагается, что наиболее важной частью децемвирского законодательства было *общественное право*, [Примечание: Цицерон, *О законе*.] или то, что относится к римской конституции. Двенадцать Таблиц пользовались у римлян особым почтением; молодежь заучивала их наизусть; они переписывались с величайшей тщательностью и считались источником справедливости. Они были одобрены *цензуриатными комициями*, которые были верховной властью и во времена Аппия Клавдия состояли только из патрициев. Если Нибур прав в своем утверждении, что право составлять завещания было предоставлено плебеям, это

свидетельствует о большей либеральности со стороны патрициев, чем им обычно приписывали, и вряд ли согласуется с заявлением лорда Маккензи о том, что все браки между патрициями и плебеями были запрещены новым кодексом.

[Примечание: Двенадцать таблиц - основа римского права.]

[Примечание: Прогресс римского права.]

Законы Двенадцати Таблиц были основой всех законов, гражданских и религиозных. Но эдикты преторов, которые были великими справедливыми судьями, а также магистратами общего права, [Примечание: *Древнее право* штата Мэн, стр. 67.] провозгласили определенные изменения, которые внесли обычаи и практика судов, и они, добавленные к *народным законам* или законам, предложенным консулом и принятым столетиями, *плебисциту* или законам, предложенным трибунами и принятым племенами, и *консультационному сенату*, постепенно расширили законы до огромного количества. Три тысячи медных листов, содержащих эти различные законы, были сданы на хранение в капитолий. [Примечание: Светоний, В *"Веспе"*.] Юристы вводили тонкости и фикции, чтобы опровергнуть писанные законы, и юриспруденция усложнилась даже во времена Цицерона. Мнения выдающихся юристов принимались даже юридической профессией и признавались судами. Пороки сложной юриспруденции были настолько очевидны в седьмом веке существования города, что Q. Муций Сцевола, великий юрист, в бытность консулом опубликовал научную разработку гражданского права. Цицерон изучал под его руководством юриспруденцию, а его современники Альфен Вар и Эулий Галл написали ученые трактаты, выдержки из которых приведены в Сборнике. Цезарь намеревался полностью пересмотреть законы, но прожил недостаточно долго, чтобы осуществить свои намерения. Его законодательство, насколько он к нему стремился, было очень справедливым. Среди других законов был один, который предписывал кредиторам принимать земли в качестве оплаты своих непогашенных долгов в соответствии со стоимостью, определенной уполномоченными. В его время относительная стоимость денег изменилась и значительно уменьшилась. Самым важным законом Августа, заслуживающим всяческих похвал, был *lex oelia sentia*, который касался освобождения рабов. Но он не вмешивался в социальные отношения людей после того, как лишил их политической свободы. Однажды он попытался своим *"Лексом Юлии и папии Поппеи"* противодействовать господствовавшему тогда обычаю воздерживаться от законных браков и заменять их наложничеством, из-за чего свободное население сократилось; но эта попытка улучшить нравственность народа встретила такое сопротивление со стороны племен или столетий, что следующий император вообще отменил народные собрания, чего Август боялся делать. Сенат во времена императоров, состоявший главным образом из юристов и магистратов и полностью зависевший от них, стал великим источником права. Согласно первоначальной конституции, источником власти был народ, и Сенат просто давал одобрение предложенным законам или отказывал в нем, но при императорах комитии исчезли, и Сенат принимал указы, которые имеют силу законов, при условии наложения вето императором. Только во времена Септимия Севера и Каракаллы законодательная деятельность сената прекратилась, и эдикты и рескрипты императоров заняли место всего законодательства.

[Примечание: В. Муций Сцевола.]

Золотой век римской юриспруденции пришелся на период от рождения Цицерона до правления Александра Севера. До этого периода это была оккультная наука, доступная только

преторам, понтификам и патрицианским юристам. Не было ни книг, ни школ, чтобы преподавать ее принципы. Но в последние дни республики юриспруденция стала модным предметом изучения римской молодежи, и появились выдающиеся мастера. Первым великим юристом, оставившим после себя важные труды, был учитель Цицерона К. Муций Сцевола, написавший трактат в восемнадцать книгах по гражданскому праву. "Он был, - говорит Цицерон [Сноска: Цицерон, *De Or.* i. 39.], - самым красноречивым из юристов и самым образованным из ораторов". Джордж Лонг считает, что эта работа оказала большое влияние на современников и на последующих юристов, которые следовали ей как образцу. Это самое старое произведение, выдержки из которого есть в Сборнике.

[Примечание: Сервий Сульпиций.]

[Примечание: Лабео.]

[Прим. автора: Гай.]

[Прим. автора: Папиниан.]

[Примечание: Паулюс.]

Сервий Сульпиций, друг Цицерона и сокурсник по ораторскому искусству, превзошел своих учителей Бальба и Галла и был равен по репутации великому Муцию Сцеволе, Верховному понтифику, который говорил, что патрицию и знати позорно не знать закона, с которым он имеет дело. Цицерон приписывает свое огромное превосходство как юриста изучению философии, которая дисциплинировала и развила его ум и позволила ему с логической точностью выводить свои выводы из своих посылок. Он оставил после себя сто восемьдесят трактатов и имел множество учеников, среди которых А. Офилий и Альфен Вар, Катон, Цезарь, Антоний и Цицерон были великими юристами. Лабео во времена Августа написал четыреста книг по юриспруденции, проводя шесть месяцев в году за обучением своих учеников и ответами на юридические вопросы, а остальные шесть месяцев в деревне за написанием книг. Как и все великие римские юристы, он был сведущ в литературе и философии и настолько предан своей профессии, что отказался от политических постов. Его соперник, Капито, был одинаково сведущ во всех областях права и оставил после себя столько же трактатов, сколько и Лабео. Эти два юриста были основателями знаменитых школ, подобно древним философам, и у каждого из них были выдающиеся последователи. Мазурий Сабин Гай и Помпоний принадлежали к школе Капитона. М. Кокций Нерва, Семпроний Прокул и Ювентий Цельс принадлежали к школе Лабео. Гай, процветавший во времена Антонинов, был большим авторитетом в области права; и недавнее открытие его институтов выявило наименее искаженный фрагмент римской юриспруденции, который существует, и один из самых ценных, проливающий яркий свет на древнеримское право. Она была найдена в библиотеке Вероны. Ни один римский юрист не имел более высокой репутации, чем Папиниан, который был *префектом претория* при Септимии Севере, что делало его лишь второстепенным по отношению к императору — своего рода великим визирем, — чья власть распространялась на все департаменты государства. Он был обезглавлен Каракаллой. Великий комментатор Куджациус заявляет, что он был первым из всех юристов, которые были или будут; что никто никогда не превосходил его в юридических знаниях и никто никогда не сравнится с ним. Павел был его современником и занимал тот же пост, что и Папиниан. Он был самым плодовитым из римских законодателей, и в "Сборнике" у него взято больше, чем у любого другого юриста, за исключением Ульпиана. Здесь две тысячи

восемьдесят три выдержки из этого сборника, что составляет шестую часть всего Сборника. Ни один юрист, ни древний, ни современный, не рассматривал так много тем. Говорят, что по проницательности он уступает Ульпиану, одному из самых известных юристов, который был его современником. Он оказал большое влияние на современную юриспруденцию благодаря обильным выдержкам из его трудов в Сборнике Юстиниана. Он был главным советником Александра Севера и, как и Павел, был *префектом претория*. Количество выдержек из него в Сборнике, как говорят, составляет две тысячи четыреста шестьдесят две, и они составляют третью его часть. Сохранились некоторые фрагменты его сочинений. Последним из великих гражданских лиц, связанных с Гаем, Папинианом, Павлом и Ульпианом как с оракулами юриспруденции, был Модестин, который был учеником Ульпиана. Он писал как на греческом, так и на латыни. В Сборнике представлены триста сорок пять выдержек из его трудов, названия которых показывают масштаб и разнообразие его трудов. [Примечание: Эти факты взяты из различных статей Джорджа Лонга в *Словаре Смита*.]

[Примечание: Профессия юриста.]

Эти великие юристы пролили великую славу на римскую цивилизацию. В древнейшие времена люди добивались отличия на полях сражений, но в последние дни республики честь воздавалась за способности к судебной экспертизе. Первые адвокаты Рима не были юристами, но аристократические покровители заботились о своих клиентах. Но когда закон усложнился, возник класс людей, которые стали его толковать, и эти люди пользовались большим почетом и достигли благодаря своим заслугам самых высоких постов — таких, как Цицерон и Гортензий. Первоначально за судебную экспертизу не выплачивалось никакого вознаграждения, кроме услуг, которые клиент оказывал покровителю, но постепенно юридическая практика стала прибыльной. Гортензий, как и Цицерон, сколотил огромное состояние. У него было несколько вилл, картинная галерея, большой запас вин, парки, пруды с рыбой и вольеры. У Цицерона были виллы во всех частях Италии; дом на Палатине с колоннами из нумидийского мрамора и состояние в двадцать миллионов сестерциев, равное 800 000 долларам. Большинство великих государственных деятелей Рима во времена Цицерона были либо юристами, либо полководцами. Красс, Помпей, П. Секст, М. Марцелл, П. Клодий, Калидий, Мессала Нигер, Азиний Поллион, К. Цицерон, М. Антоний, Цезарь, Кальв, Целий, Брут, Катул, Мессала Червирус - все они прославились своими судебно-медицинскими работами. Кандидаты в коллегию адвокатов четыре года учились у выдающегося юриста и должны были сдать строгий экзамен. Судьи избирались из числа членов коллегии адвокатов, а также, в более поздние времена, сенаторов. Великие юристы были не только сведущи в юриспруденции, но и обладали большими достижениями. Варрон был юристом и самым образованным человеком, которого произвел Рим. Но при императорах юристы, такие как Павел и Ульпиан, отличались главным образом своими юридическими достижениями.

[Примечание: римские юристы.]

В этот золотой век римской юриспруденции было написано множество комментариев к Двенадцати Таблицам, Бессрочному Эдикту, Народным законам и Постановлениям Сената, а также к огромной массе трактатов по всем разделам права, большинство из которых утрачено. Институты Гая, дошедшие до нас почти в их первоначальном виде, являются наиболее ценными из сохранившихся и пролили яркий свет на некоторые важные отрасли, ранее остававшиеся в тени. Маккензи очень высоко оценивает их использование для объяснения Институты

Юстиниана, поскольку последние в основном основаны на давно утраченной работе Гая. Сохранившийся в Ватикане трактат Ульпиана под названием "*Tituli ex corpore Ulpiani*" также содержит ценную информацию, как и "*Receptae Sententiae*" Юлия Павла, его великого современника, обе эти работы, а также другие, менее важные, были недавно опубликованы в Риме доктором Гнейстом под названием "*Corpus Juris Romani Antejustiniani*". [Сноска: Маккензи, стр. 16.] У великих юристов, процветавших от Траяна до Александра Севера, таких как Гай, Ульпиан, Павел, Папиниан и Модестин, не было преемников, которые могли бы сравниться с ними, и их труды стали общепринятыми в судах.

После смерти Александра Севера римское право не претерпело значительных изменений, пока Феодосий II не приказал собрать конституции от Константина до своего времени и изложить их в шестнадцати книгах. Это называлось Кодексом Феодосия, который на Западе пользовался большим уважением, хотя вскоре после этого был заменен на Востоке Кодексом Юстиниана.

[Примечание: Труды Юстиниана.]

Юстиниану принадлежит бессмертная слава реформирования римской юриспруденции. "За десять столетий, - говорит Гиббон, - бесконечное разнообразие законов и юридических заключений заполнило многие тысячи томов, которые не могла приобрести никакая удача, и никакая способность не могла переварить. Книги было нелегко найти, и судьи, бедные среди богатства, были вынуждены проявлять свою неграмотную осмотрительность". [Примечание: Гиббон, гл. 44.] Юстиниан решил объединить в одном теле все нормы права, каким бы ни было их происхождение, и в 528 году назначил десять юристов, среди которых был знаменитый Трибониан, отобрать и упорядочить имперские конституции, исключив то, что было устаревшим, бесполезным или противоречивым, и внести такие изменения, каких требовали обстоятельства. Это называлось Кодексом, разделенным на двенадцать книг и включающим конституции от Адриана до Юстиниана. Это было опубликовано через четырнадцать месяцев после того, как оно было предпринято.

[Побочное примечание: Трибониан.]

[Примечание: Кодекс пандектов.]

Юстиниан уполномочил Трибониана, тогдашнего квестора, "*vir magnificus magisteria dignitate inter agentes decoratus*", поскольку высшие титулы теперь были даны должностным лицам короны, подготовить с помощью семнадцати помощников сборник выдержек из трудов самых выдающихся юристов, чтобы сформировать свод законов для правительства империи, наделенный полномочиями отбирать, опускать и изменять; и эта огромная работа была проделана за три года и опубликована под названием "Сборник пандектов". "Все судебные знания прежних времен, - говорит лорд Маккензи, - были заложены Трибонианом и его коллегами. Отрывки из трудов тридцати девяти самых способных юристов, разбросанные по двум тысячам отдельных трактатов, были собраны в одном томе; и была предпринята забота сообщить потомкам, что три миллиона строк были сокращены в этих отрывках до скромного числа в сто пятьдесят тысяч. Среди избранных юристов только три имени принадлежали к эпохе республики; к гражданским лицам, процветавшим при первых императорах, редко обращаются; так что большинство писателей, чьи произведения внесли вклад в развитие Пандектов, жили в течение ста лет. Более трети всех Пандектов принадлежат Ульпиану, а рядом с ним главными авторами являются Павел, Папиниан, Сальвий Юлиан, Помпоний, К. Сервидий Сцевола и Гай.

Хотя разнообразие тем огромно, Сборник не претендует на научность. Это обширная энциклопедия разнородных законов, плохо упорядоченная; все есть, но не все находится на своем месте. " [Сноска: Маккензи, стр. 25.]

[Примечание: Институты.]

Но ни Сборник, ни Кодекс не были приспособлены для элементарного обучения. Необходимо было подготовить трактат о принципах римского права. Это было поручено Трибониану и двум профессорам, Феофилу и Дорофею. Вполне вероятно, что Трибониан просто руководил работой, которая была основана главным образом на Институтах выгоды и была разделена на четыре книги, и вызвала всеобщее восхищение своим методом и элегантной точностью. Это было задумано просто как введение в Пандекты и Кодекс.

[Примечание: Романы Юстиниана.]

The *Романы Юстиниана* были впоследствии опубликованы, являясь новыми указами императора и изменениями, которые он счел нужным внести, и поэтому являются высоким авторитетом.

Кодекс, Пандекты, институты и Новеллы Юстиниана составляют римское право, принятое в Европе, в форме, данной Болонской школой, и называются "*Корпус гражданского права*". "Именно в такой форме, - говорит Савиньи, - римское право стало общим правом Европы; и когда четыре столетия спустя к нему добавились другие источники, *Corpus Juris* Болонской школы был настолько общепризнан и так долго использовался в качестве основы практики, что новые открытия остались в области науки и служили только теории права. По той же причине закон, направленный против Юстиниана, исключен из практики". [Сноска: Савиньи, *Право романи*, том i, стр. 68.] После Юстиниана старые тексты были оставлены на переработку как бесполезные, хотя и почитаемые, и почти все они исчезли. Кодекс, Пандекты и Институты были объявлены единственной законной властью, и только они были допущены к работе судов или преподавались в школах. Рескрипты первых императоров признавали слишком много народных прав, чтобы соответствовать деспотическому характеру Юстиниана, а юристы старшего поколения, такие как Сцевола, Сульпиций и Лабео, были неприятны из-за своей симпатии к свободным институтам. Юристы высказывали разные мнения относительно достоинств коллекции Юстиниана. Одни рассматривают ее как огромную массу законного хлама; другие - как прекрасный памятник человеческого труда. По прошествии столетий веков можно с уверенностью сказать, что большая его часть не имеет практической пользы, поскольку неприменима к современным потребностям. Но опять же, никто не сомневается, что она оказала большое и благотворное влияние на науку о морали и политике и представила многие просвещенные взгляды относительно отправления правосудия, а также природы гражданского правления, и таким образом изменила кодексы тевтонских народов, возникших на руинах старого римского мира. Он использовался в греческой империи до падения Константинополя. Она никогда полностью не теряла авторитета в Италии, хотя и оставалась погребенной до обнаружения флорентийской копии "Пандектов" при осаде Амальфи в 1135 году. Питер Валенс в одиннадцатом веке использовал его в книге законов, которую он опубликовал. С ростом итальянских городов изучение римского права возродилось, и Болонья стала центром, откуда оно распространилось по Европе. В шестнадцатом веке наука теоретического права перешла из Италии во Францию под покровительством Франциска I. Тогда Куджас или Куджациус стал великим украшением школы Буржа и величайшим комментатором римского права до

появления Дюмулена. Гроций в Голландии возбудил тот же интерес к гражданскому праву, что и Дюмулен во Франции, за ним последовали выдающиеся профессора Лейденского и немецкого университетов. В середине восемнадцатого века Потье было поручено привести римское право к систематическому порядку — одна из самых гигантских задач, которые когда-либо требовались от трудолюбия человека. Недавние открытия, особенно сделанные Нибуром, давно утраченной работы Гая дали большой импульс изучению римского права в Германии, и никто не внес в этот импульс такого большого вклада, как Савиньи из Берлина.

Огромная важность предмета требует более подробного ознакомления с принципами римского права, чем это должны позволять рамки данной работы. Поэтому я попытаюсь сократить то, что было написано более выдающимися авторитетами, взяв за основу позднюю работу лорда Маккензи и ученое и интересное эссе профессора Мэна.

[Примечание: Закон о лицах.]

Институты Юстиниана начались с закона о лицах, признающего различие рангов. Все люди способны пользоваться гражданскими правами, но не все в одинаковой степени. Мужчинам предоставлены большие привилегии, чем женщинам, свободным - больше, чем рабам, отцам - больше, чем детям.

[Примечание: Равенство граждан.]

Перед законом все римские граждане были равны, где бы они ни жили, в столице или провинциях. Гражданство включало в себя как политические, так и гражданские права. Политические права имели отношение к праву голоса в комитиях, но это не считалось сутью гражданства, которое заключалось в пользовании *супружеством* и *коммерцией*. С помощью первого гражданин мог заключить действительный брак и приобрести вытекающие из него права, в частности отцовскую власть; с помощью второго он мог приобретать имущество и распоряжаться им. Гражданство приобреталось по рождению и по освобождению; оно терялось, когда римлянин попадал в плен, или был сослан за преступление, или становился гражданином другого государства. Незапятнанная репутация необходима гражданину для осуществления своих прав в полном объеме.

[Примечание: Рабы.]

Римские юристы признавали всех людей изначально свободными по естественному праву; и, хотя они признавали рабство, власть господ целиком приписывали закону и обычаю народов. Лица, захваченные на войне, считались находящимися под абсолютным контролем своих похитителей и, следовательно, *de facto* были рабами; а дети рабыни следовали положению своей матери и принадлежали ее хозяину. Но хозяева могли освобождать своих рабов, которые таким образом становились римскими гражданами, с некоторыми ограничениями. До времен Юстиниана им не разрешалось носить золотое кольцо, отличительный символ человека, рожденного свободным. Этот император снял все ограничения между вольноотпущенниками и гражданами. Раньше, после освобождения раба, он был обязан оказывать определенные услуги своему бывшему хозяину в качестве покровителя, и если вольноотпущенник умирал без завещания, его собственность возвращалась к его покровителю.

[Побочное примечание: Брак.]

Брак заключался по простому согласию сторон, хотя в прежние времена требовалось равенство условий. *Закон о канулиях*, 309 г. Н.Э., разрешал супружество между патрициями и плебеями, а *закон Юлии*, 757 г. Н.Э., разрешал это между вольноотпущенниками и свободнорожденными. Пообычаю *манумажена* переходила из своей семьи в семью своего мужа, который приобретал все ее имущество; без этого женщина оставалась во власти своего отца и сохраняла право свободного распоряжения своим имуществом. Полигамия не была разрешена; а отношения в пределах определенных степеней делали стороны неспособными к заключению брака, и эти правила относительно запрещенных степеней были в значительной степени приняты в Англии. Безбрачие не поощрялось. Закон *Августа Юлии и Папи Поппее* содержал около семи постановлений против этого, которые были отменены Константином. Наложничество разрешалось, если у мужчины не было жены, и при условии, что наложница не была женой другого мужчины. Этот языческий обычай был отменен Юстинианом. [Сноска: D. 25. 7. C. 5, 26.] Жена имела право на защиту и поддержку со стороны своего мужа, и она сохранила свою собственность независимо от мужа, когда от *конвенции* отказались, как это и было в конечном счете. Отец давал своей дочери при ее замужестве приданое пропорционально своим средствам, управление которым вместе с его плодами во время брака принадлежало мужу; но он не мог отчуждать недвижимое имущество без согласия жены, и при расторжении брака *имущество* возвращалось к жене. Развод существовал в Риме во все века и был очень распространен в начале существования империи. Чтобы сдержать его распространение, были приняты законы, предусматривающие суровые наказания для тех, чье плохое поведение привело к нему. Каждый мужчина, женатый или нет, мог усыновлять детей с определенными ограничениями, и они полностью переходили под власть отца. Но брачные отношения у римлян, в конце концов, не соответствовали тем принципам справедливости, которые мы видим в других частях их законодательного кодекса. Римский муж, как и отец, был тираном. Легкость развода разрушала взаимное доверие и разжигала каждый пустяковый спор, ибо одного слова, или послания, или письма, или поручения вольноотпущенника было вполне достаточно, чтобы добиться раздельного проживания. Только после того, как христианство стало религией империи, развод стал невозможен без уважительной причины.

[Примечание: Отцовская власть.]

В римских законах нет ничего более примечательного, чем масштабы отцовской власти. Это было несправедливо и несет на себе отпечаток варварской эпохи. Более того, это, по-видимому, произошло одновременно с основанием города. Отец мог наказывать своих детей побоями, тюремным заключением, ссылкой, отправив их в деревню с цепями на ногах. Он даже был вооружен властью над жизнью и смертью. "Ни возраст, ни звание, ни консульская должность не могли освободить самого прославленного гражданина от уз сыновнего подчинения. Без страха, хотя и не без опасности злоупотреблений, римские законодатели питали безграничное доверие к чувствам отцовской любви, и угнетение смягчалось уверенностью, что каждое поколение в свою очередь должно унаследовать ужасное достоинство родителя и господина". [Примечание: Гиббон, с. xliv.] По прямому закону Двенадцати Таблиц отец мог продавать своих детей в рабство. Но злоупотребление отцовской властью пресекалось в республике цензурой, а затем и императорами. Александр Север ограничил право отца простым исправлением, а Константинобъявил отца, который должен убить своего сына, виновным в убийстве. [Сноска: Глава iv. 17.] Строгость родителей в отношении распоряжения имуществом детей также постепенно ослабевала. При Августе сын мог безраздельно владеть тем, что он приобрел на войне. При Константине он мог сохранить

любое имущество, приобретенное на государственной службе, и все имущество, унаследованное от матери, также могло быть сохранено. В более поздние времена отец не мог отдать своего сына или дочь другому лицу путем усыновления без их согласия. Таким образом, этот закон о *потенции* постепенно смягчался по мере развития цивилизации, хотя и оставался особенностью римского права до позднейших времен и более суровым, чем когда-либо в современном мире. [Сноска: Мэн, *Древний закон*, стр. 143.] Никто, кроме римского гражданина, не мог осуществлять эту ужасную отцовскую власть, и она не прекращалась до тех пор, пока отец не умирал или дочь не вступала в брак *сconventio in manum*. С незаконнорожденными детьми обращались так, как если бы у них не было отца, и мать была обязана содержать их до тех пор, пока Юстиниан не предоставил внебрачным детям право требовать пропитания от своего отца. [Примечание: N. 89, гл. xii.] Отцы были обязаны содержать своих детей, когда у них не было отдельных средств для удовлетворения своих потребностей, и дети также были обязаны содержать своих родителей в нужде. Эти взаимные обязанности, достойные римских законодателей, признаны во Французском Кодексе, но не в английском, который также признает право отца завещать все свое имущество посторонним людям, чего римские отцы не имели права делать. [Примечание: Лорд Маккензи, стр. 142.] Возраст, в котором дети достигали совершеннолетия у римлян, составлял двадцать пять лет. Женщины были обречены на вечную опеку родителей, мужей или опекунов, поскольку предполагалось, что они никогда не смогут достичь возраста разума и опыта. Римляне строго соблюдали отношения опекуна и подопечной. Они проводили различие между правом управлять человеком и правом управлять его имуществом, хотя наставник мог делать и то, и другое. Если ученик был младенцем, наставник мог действовать без вмешательства ученика; если ученику было больше семи лет, считалось, что у него несовершеннолетняя воля. Наставник управлял имуществом ученика, но нес ответственность за убытки, причиненные плохим управлением. Он мог продавать движимое имущество, когда это было целесообразно, но не недвижимость, без судебного разрешения. Наставнику, названному отцом, отдавалось предпочтение перед всеми остальными.

[Примечание: Реальные права.]

Институты Юстиниана переходят от лиц к вещам, или закону, относящемуся к реальным правам; другими словами, к тому, что относится к собственности. Некоторые общие для всех вещи, такие как воздух, свет, океан, и священные вещи, такие как храмы и церквушки, не классифицируются как собственность. Первоначально римляне делили вещи *nares mancipi* и *res nec mancipi*. Первые включали дома, земли, рабов и вьючных животных и могли быть приобретены только с помощью определенных торжественных форм, при несоблюдении которых собственность не передавалась по закону. Последнее включало в себя все остальное и допускало передачу по простой традиции.

[Примечание: Занятость.]

Захват, один из первоначальных способов приобретения собственности, применялся к товарам и людям, захваченным на войне; к вещам, потерянным по небрежности, случайно или выброшенным по необходимости; к жемчугу, раковинам и драгоценным камням, найденным на морском берегу; к диким животным, рыбе, спрятанным сокровищам.

Приобретение путем присоединения относилось к природным и промышленным плодам земли, арендной плате за дома, процентам на деньги, увеличению поголовья животных, землям, полученным от моря, и движимому имуществу.

[Примечание: Передача собственности.]

[Примечание: Заветы и наследие.]

[Примечание: Законы наследования.]

[Примечание: Законы наследования.]

Для передачи собственности требовались две вещи, поскольку сущность собственности заключается в том, что владелец вещи должен иметь право передавать ее, — во-первых, согласие бывшего владельца на передачу вещи на каком-либо справедливом основании; и, во-вторых, фактическая передача вещи лицу, которое должно ее приобрести. Предполагалось, что движимое имущество является собственностью владельцев до тех пор, пока не были представлены положительные доказательства обратного. Обязательный титул на движимое имущество приобретался при владении им в течение одного года, а на недвижимое имущество — при владении в течение двух лет. Беспрепятственное владение в течение тридцати лет, как правило, являлось действительным титулом. Когда римлянин умирал, его наследники наследовали все его имущество по наследственному праву. Если он не оставлял завещания, его имущество переходило к его родственникам в определенном порядке, установленном законом. Право составлять завещание принадлежало только гражданам, достигшим половой зрелости. Дети, находящиеся под властью отца, не могли составить завещание. Мужчины старше четырнадцати и женщины старше двенадцати лет, будучи не при власти, могли составлять завещания без разрешения своего опекуна; но ученики, сумасшедшие, военнопленные, преступники и различные другие лица были неспособны составить завещание. Завещатель мог разделить свое имущество между наследниками в таких пропорциях, какие считал нужным; но если распределения не было, все наследники участвовали в нем поровну. Мужчина может лишить наследства любого из своих детей, заявив о своих намерениях в завещании, но только по серьезным причинам, таким как нанесение тяжкого вреда его личности, характеру или чувствам или покушение на его жизнь. Никакое завещание не вступало в силу до тех пор, пока одно или несколько лиц не были назначены наследниками для представления интересов умершего. Завещания должны были быть подписаны завещателем или каким-либо лицом вместо него в присутствии семи свидетелей, которые были римскими гражданами. Если родитель составлял завещание о распределении своего имущества исключительно между своими детьми, свидетели не требовались, и обычные формальности обходились без солдат, находящихся на действительной службе, и во время распространения эпидемии. Завещание было вскрыто в присутствии свидетелей или большинства из них; и после того, как они подтвердили свои печати, была сделана копия, а оригинал был сдан на хранение в государственный архив. Согласно Двенадцати Таблицам, полномочия наследодателя по распоряжению своим имуществом были неограниченными, но со временем были приняты законы, ограничивающие чрезмерное или неестественное завещание. По закону Фальцидии, во времена Августа никто не мог оставить в наследство более трех четвертей своего состояния, так что наследники могли унаследовать по крайней мере одну четверть. Снова был принят закон, по которому потомки имели право на одну треть наследства и на половину, если их было больше четырех. Во Франции, если мужчина умирает, оставив одного законного ребенка, он может по завещанию распорядиться только половиной своего состояния; если он оставляет двоих детей, то третьим; если он оставляет троих или более, то четвертым.

[Примечание: *Гражданский кодекс*, статья 913.] В Англии мужчина может расторгнуть брак как

со своей женой, так и с детьми. [Примечание: Williams, *Ехес.*, стр. 3.] Римляне признавали доверительное управление, помимо завещаний, по которым имущество переходило непосредственно к наследнику. Лицо, которому был поручен траст, было обязано восстановить объект в срок, назначенный наследодателем. Доверительный управляющий не мог отчуждать имущество без согласия всех заинтересованных сторон, за исключением выплаты долгов. Все лица, способные составить завещание, могли оставить наследство, реальное или личное, но оно не подлежало выплате, если завещатель умирал неплатежеспособным. Когда человек умирал без завещания, право наследования переходило к потомкам умершего; но при их отсутствии назывались ближайшие восходящие предки; если были братья и сестры, они имели право наследования вместе с восходящими предками того же класса. Дети наследовали имущество, если их отец умирал без завещания, в равных долях, без различия пола, а если был только один ребенок, он получал все имущество. Потомок любого пола или любой степени был предпочтительнее всех восходящих и обеспеченных родственников. Потомки сына или дочери, умерших ранее, получали ту же долю наследства, что и их родитель, будь он жив. В Англии, если все дети умерли, и остались только внуки, все они получают, не по семьям, *ана душу населения*, равные доли в качестве ближайших родственников, и Маккензи считает, что такой порядок более справедлив, чем римский. [Сноска: Маккензи, стр. 288] Если потомков не было, римские отец и мать, а также другие восходящие предки исключали из наследования все наследственное имущество, за исключением братьев и сестер чистокровных и детей умерших братьев и сестер. Когда восходящие предки оставались в одиночестве, отец и мать наследовали в равных долях, и если выживал только один, он или она наследовал все целиком, так что бабушки и дедушки исключались. Если имелись братья и сестры одной крови, имущество делилось между ними *ана душу населения*, в соответствии с количеством лиц, включая отца и мать. Дети умершего брата не были допущены к наследованию наряду с восходящими родственниками и выжившими братьями и сестрами. [Сноска: Там же. 290] Если человек умирал, не оставив ни восходящих, ни потомков, его братья и сестры наследовали его имущество в равных долях. И если человек, лишенный завещания, оставил также племянников и племянниц от умершего брата или сестры, они унаследовали вместе со своими дядями и тетями ту долю, которая досталась бы их родителям. В случае отказа братьев и сестер от чистокровности наследовали брат и сестры от полукровки, и если кто-либо из этих братьев и сестер умирал, оставив детей, право представительства распространялось и на них, точно так же, как в случае с детьми братьев-немцев. Когда муж или жена умирали, не оставив родственников, оставшийся в живых призывался к наследованию. Бедная и необеспеченная вдова имела право разделить наследство своего покойного мужа. Когда он оставлял более трех потомков, она получала право участвовать с ними наравне. Если их было всего трое или меньше, она имела право на одну четвертую часть состояния. Если у нее были дети от покойного, то при жизни она получала только узифрукт своей доли и была обязана сохранить его для них. Если у мужчины не было законных детей, он мог оставить все свое наследство своим внебрачным детям или их матери; но если у него были законные дети, он мог оставить только одну двенадцатую внебрачным детям и их матери. Если отец умирал без завещания, не оставив законной жены или потомства, его внебрачные дети и их мать имели право на одну шестую часть наследства, а остальное делилось между законными наследниками.

[Примечание: Контракты.]

В вопросе контрактов римское право было особенно всеобъемлющим, а законы Франции и Шотландии в значительной степени основаны на римской системе. Институты Гая и Юстиниана

различают четыре вида обязательств: *autre*, *aut verbis*, *aut literis*, *aut consensu*. Гиббон в своей ученой главе предпочитает рассматривать конкретные обязательства людей друг перед другом в виде обещаний, выгод и увечий. Лорд Маккензи рассматривает этот предмет в порядке, установленном Институтами.

"Обязательства, заключенные *повторно* — путем вмешательства обстоятельств — современные люди называют настоящими контрактами, потому что они не совершенны до тех пор, пока что-то не перейдет от одной стороны к другой. К таким договорам относятся договоры займа, депозита и залога. До тех пор, пока предмет не будет фактически предоставлен займы, депонирован или заложен, он не является специальным договором займа, депозита или залога". [Сноска: Маккензи.]

[Примечание: заимствования.]

Что касается кредитов, заемщик был обязан заботиться о них, как о своих собственных. *In rebus commodatis tails diligentia proestanda est, qualem quisque diligentissimus paterfamilias suis rebus adhibet*. [Примечание: D. 13, 6, 1 пр.] Он мог использовать вещь только для той цели, для которой она была предоставлена займы; он не мог хранить ее сверх оговоренного срока или задерживать в качестве зачета какого-либо долга. Он был обязан восстановить предмет в том же состоянии, в каком был получен, с учетом только порчи, возникшей в результате разумного использования, будь то лошадь, дом или экипаж. И он был обязан возместить все повреждения, причиненные по его собственной вине или небрежности. Если предмет погибал без какой-либо вины или пренебрежения, убытки ложились на владельца. Если ссуда предназначалась для потребления, которое называлось *взаимностью*, например, кукурузы, масла или вина, заемщик должен был вернуть столько же того же вида и качества, независимо от того, повысилась или упала цена товара. При получении денежной ссуды на условиях *взаимности* заемщик не был обязан выплачивать проценты. Проценты выплачивались только *ex lege* или по договоренности. В разное время этот показатель варьировался; обычно он составлял восемь с половиной процентов, а в последние годы республики даже превышал этот показатель. Юстиниан ввел шкалу, которая варьировалась в зависимости от различных классов общества. Лица знатного ранга могли ссужать деньги под четыре процента, обычные люди - под шесть, а на случай морских рисков - под двенадцать; но взимать проценты за проценты было незаконно. [Сноска: С. 4, 32, 26, раздел 1.] Собственность удвоилась бы на восемь и одну треть за двенадцать лет, но не так быстро, как при нашей системе сложных процентов, особенно при ставке в семь процентов. В Англии законы о ростовщичестве разных монархов ограничивали проценты с десяти до пяти процентов; но они были отменены в 1854 году. Только пять процентов. теперь может быть взыскан по любому контракту.

[Примечание: Депозиты.]

Депозит отличался от ссуды тем, что депозитарий не имел права на какое-либо использование переданной на хранение вещи и был обязан сохранять ее с разумной осторожностью и восстанавливать по первому требованию. Поскольку он не получил никакой выгоды, он имел право на возмещение всех необходимых расходов. Капитаны судов, трактирщики и конюхи несли ответственность за багаж и пожитки путешественников, вверенных их попечению, и эта политика сейчас принята как в Европе, так и в Америке на том основании, что, если бы они не выполняли строго свои обязанности, будучи не очень уважаемым классом людей в древние времена, они могли бы быть в союзе с ворами. Таким образом, владелец гостиницы был

привлечен к ответственности за потерю, повреждение или кражу, чтобы обеспечить защиту путешественников, чье покровительство было компенсацией. В случае ограбления, когда товар был взят превосходящей силой, он не нес ответственности, равно как и за потери, вызванные неизбежным несчастным случаем.

[Примечание: Залоги и ценные бумаги.]

В Риме залоги были обычным делом в качестве обеспечения причитающихся денежных средств при условии их восстановления после выплаты долга. Предметом залога было недвижимое имущество, такое как дома и земли, а также движимое имущество. [Примечание: D. 20, 1.] Кредитор был обязан проявлять обычную заботу и усердие в сохранении предмета, но он не мог использовать его или получать от него прибыль без специального договора. По *антихрезному пакту* кредитору разрешалось получать прибыль вместо процентов по своему долгу; по *закону комиссории* заложенная вещь становилась абсолютной собственностью кредитора, если долг не был выплачен в согласованное время. Но поскольку это условие было признано источником угнетения, оно было запрещено законом Константина. [Примечание: C, 7, 35.] Когда долг, проценты и все необходимые расходы были оплачены, должник имел право на восстановление своего залога. По истечении срока платежа кредитор имел право продать предмет залога и удержать свой долг за счет выручки от продажи; при наличии дефицита остаток мог быть взыскан судебным иском; при наличии излишка должник имел на это право. Римский залог имел характер современного ломбардного дела и ипотеки.

[Побочное примечание: Словесные контракты.]

Рядом с совершенствованием контрактов благодаря вмешательству вещей *re*, были обязательства, заключаемые с помощью *verbis* — торжественных слов — и *litteris*, или письма. *Verborum obligatio* заключался путем произнесения определенных формальных слов стиля, когда одна сторона задавала вопрос, а другая давала ответ. Эти условия имели обязательную силу. В Англии все гарантии должны быть в письменной форме.

[Примечание: Письменные обязательства.]

The *Письменное обязательство* представляло собой письменное признание долга, которое в основном использовалось при получении денег взаймы, но кредитор не мог предъявить иск по векселю в течение двух лет с даты его получения, не будучи также обязанным доказать, что деньги действительно были выплачены должнику.

[Примечание: Продажи.]

Контракты, заключаемые по обоюдному согласию — *consenses* — касались продажи, найма, партнерства и полномочий. Все договоры купли-продажи действительны без письменной формы. Когда товар был продан и доставлен, рыночная цена, установленная обычаем, определяла цену, если об этом ничего не было сказано. Продавец был обязан гарантировать, что продаваемая вещь не имеет дефектов, и если субъект не отвечал на эту подразумеваемую гарантию, продажа могла быть отменена. Но продавец мог оговорить, что на него не следует возлагать ответственность за дефекты. Собственность не передавалась без фактической поставки. Когда продажа была завершена, все риски, связанные с проданной вещью, перешли к покупателю. В случае товаров, продаваемых по весу, количеству или мере, контракт не был завершен до тех пор, пока товары не были взвешены, подсчитаны или измерены, что иногда

вызывало значительные трудности. После поставки продавец был обязан гарантировать право собственности покупателю и возместить ему любые убытки. [Сноска: D. 22, 2. С. 8, 45.]

[Примечание: Договоры аренды.]

[Примечание: Агенты и партнеры.]

Что касается найма, то все виды вещей, которые были предметом торговли, могут быть сданы в наем. Под эту категорию подпадают договоры аренды земли и домов. Обычно они предоставлялись на пять лет, и, если не было специального условия, арендатор мог передать их в субаренду другому лицу. Арендодатель был обязан доставить предмет в хорошем состоянии и поддерживать его в этом состоянии, а также гарантировать мирное пользование им; арендатор был обязан использовать предмет надлежащим образом, не использовать его ни для чего, кроме того, для чего он был сдан в аренду, сохранять его в хорошем состоянии и восстановить по истечении срока. Он также был обязан выплачивать арендную плату в оговоренный срок, и когда просроченная арендная плата за два года просрочена, арендатора могли выгнать. Арендатор фермы имел право на уменьшение арендной платы, если его урожай был уничтожен в результате непредвиденного несчастного случая или стихийного бедствия. Подрядчик, согласившийся взяться за какую-либо работу, должен был завершить ее надлежащим образом, и если по небрежности или невежеству работа была некачественной, он нес ответственность за ущерб. В партнерстве, если не было прямого соглашения, доли прибыли и убытков делились поровну. Каждый партнер был обязан проявлять такую же заботу о совместном предприятии, как если бы оно было его собственным. Действия одного партнера не были обязательными для другого, если он действовал вне рамок партнерства. Если один из партнеров авансировал деньги в счет товарищества, каждый из партнеров был обязан внести свой вклад в возмещение ущерба пропорционально своей доле в концерне; и если кто-либо из них становился неплатежеспособным, платежеспособные акционеры были обязаны восполнить недостачу.

[Примечание: D. 17, 2, 67.] Агент мог быть нанят для ведения бизнеса от имени другого, но от него требовалось действовать строго в соответствии с его приказами, а мандант, отдававший приказы, был обязан одобрить то, что было сделано мандатарием, и возместить ему все авансы и расходы, понесенные при выполнении поручения. По римскому праву агенты не получали вознаграждения. Пожертвования не могли быть сделаны сверх определенного максимума. Юстиниан приказал, чтобы, когда сумма пожертвований превышала пятьсот солидов, в публичном реестре был зарегистрирован официальный акт, в котором указываются подробности пожертвования.

Когда лицо спонтанно брало на себя управление делами другого лица в его отсутствие и без каких-либо полномочий, это называлось *negotiorum gestio*, и это лицо было обязано выполнять любое начатое им действие, как если бы у него был надлежащий мандат, и строго отчитываться за свое руководство, в то время как доверитель был обязан возместить ему все авансы и расходы.

Когда деньги были выплачены по ошибке, их можно было вернуть при определенных обстоятельствах. Но в этом вопросе юристы расходятся во мнениях.

[Примечание: Клевета.]

[Примечание: Ущерб.]

Действия, причинившие ущерб другому лицу, обязывали правонарушителя возместить ущерб, и эта ответственность распространялась на ущерб, возникший не только в результате положительных действий, но и в результате небрежности или неосторожности. В иске о клевете истинность утверждения может быть использована в качестве оправдания. [Сноска: D. 47, 10, 18.] Во всех случаях было необходимо доказать, что причинение вреда было совершено злонамеренно. Но если ущерб возник при осуществлении права, например, при убийстве раба в целях самообороны, никакое требование о возмещении ущерба не могло быть удовлетворено. Если кто-либо занимался профессией, для которой он не был квалифицирован, он нес ответственность за весь ущерб, к которому мог привести недостаток навыков или знаний. Когда какой-либо ущерб был нанесен рабом или животным, владелец их нес ответственность за ущерб, хотя вред был причинен без его ведома и против его воли. Если какой-либо предмет был выброшен из окна дома, расположенного недалеко от общественной улицы, так, чтобы кто-либо пострадал при падении, жилец был обязан возместить ущерб, даже если он был нанесен незнакомцем. Требования, возникающие по обязательствам, могли быть переданы третьему лицу путем продажи, обмена или дарения; но чтобы помешать спекулянтам приобретать долги по низким ценам, было постановлено, что правопреемник не должен иметь права требовать с должника больше, чем он сам заплатил за приобретение долга с процентами, — мудрое и справедливое постановление, которое нам было бы неплохо скопировать. В связи с прекращением исполнения обязательств кредитор не обязан принимать платежи в рассрочку или что-либо иное, кроме надлежащей оплаты в согласованное время и в согласованном месте. Когда наступал срок погашения нескольких долгов, должник, производя платеж, мог присвоить их любому, кому ему заблагорассудится. [Примечание: D. 46, 3, 1.] Когда исполнение становилось невозможным без какой-либо вины должника, например, когда конкретный предмет погиб в результате неизбежного несчастного случая, обязательство прекращалось; но если невозможность была вызвана виной должника, он по-прежнему нес ответственность. Это было большим изменением суровости древнего кодекса, когда должник мог быть продан в рабство за свой долг. Поскольку определенные контракты заключаются только по взаимному согласию, они могут быть расторгнуты по взаимному согласию договаривающихся сторон без исполнения с какой-либо из сторон. В некоторых случаях простое истечение времени аннулировало обязательство, как в соответствии с современной системой уголовного преследования.

[Примечание: Закон действий.]

Следующий важный раздел римской юриспруденции касался действий и процедуры. Государство наделяло магистрата или судью юрисдикцией решать вопросы в соответствии с законом. Гражданская юрисдикция относится к вопросам частного права; уголовная юрисдикция рассматривает преступления. Когда юрисдикция была передана римскому магистрату, он приобрел все полномочия, необходимые для ее осуществления. *Imperium merum* давал право налагать наказания; *imperium mixtum* был правом приводить в исполнение гражданские указы. *Реальное действие* было направлено против лица на территории, где находился предмет спора.

Согласно древней конституции, король обладал прерогативой определять гражданские дела. Затем это право перешло к консулам, затем к претору, а в некоторых случаях к курульным и плебейским эдилам, которым была поручена внутренняя полиция города.

[Примечание: Преторы.]

Претор, магистрат, следующий по достоинству после консулов, выступал в качестве верховного судьи гражданских судов при содействии совета юристов для решения вопросов права. Сначала было достаточно одного претора, но по мере расширения границ города и империи к нему присоединился коллега. После завоевания Сицилии, Сардинии и двух Испаний были назначены новые преторы для отправления правосудия в провинциях. Претор заседал в комиции, носил мантию, отороченную пурпуром, сидел в курульном кресле, и его сопровождали ликторы.

[Примечание: другие судьи.]

Претор делегировал свои полномочия судьям, называемым *Judex*, Арбитром и *Recuperatores*. Когда стороны спорили о фактах, претор обычно решал вопрос о праве, к которому обращался иск, а затем поручал делегату изучить факты и вынести решение в соответствии с ними. Во времена Августа насчитывалось четыре тысячи судей, которые были простыми частными лицами, как правило, сенаторами или уважаемыми людьми. Магистрат наделял *judex* судебной комиссией только для рассмотрения одного дела. После принесения присяги на верность долгу он получил от претора формулу, содержащую краткое изложение всех пунктов судебного разбирательства, отступать от которых ему не разрешалось. От него требовалось не просто расследовать факты, но и вынести приговор. А поскольку юридические вопросы были более или менее связаны с делом, ему разрешили проконсультироваться с одним или несколькими юристами. Если решение по делу выходило за рамки его полномочий, он мог отказаться выносить решение. Арбитр, как и *judex*, получил формулу от претора и, по-видимому, обладал более широкими полномочиями. Выздоровливающие слушали дела и выносили решения, но число назначенных для каждого дела обычно составляло три или пять человек.

[Примечание: центумвиры.]

Центумвиры составляли постоянный трибунал, состоящий из членов, ежегодно избираемых в равном количестве от каждого племени, и этот трибунал возглавлялся претором и делился на четыре палаты, которые при республике находились в ведении древних квесторов. Центумвиры решали вопросы собственности, охватывающие широкий круг вопросов. [Примечание: *Цицерон об ораторском искусстве.*, i. 38.] У римлян не было класса людей, подобных судьям нового времени. Высшие магистраты менялись ежегодно, и политические обязанности были совмещены с судебными. Зло было частично устранено институтом судебных заседателей, отобранных из числа наиболее образованных юристов. При империи число преторов было значительно увеличено. При Тиберии правосудие осуществляли шестнадцать человек, не считая консулов, шести эдилов и десяти народных трибунов. Сам император стал верховным судьей, и в исполнении его судебных обязанностей ему помогал совет, состоящий из консулов, магистрата каждого ранга и пятнадцати сенаторов. Преторианские префекты, хотя поначалу их обязанности носили чисто военный характер, в конце концов стали выполнять важные судебные функции. Префект города во времена императоров был крупным судебным деятелем, который рассматривал апелляции от самих преторов.

[Примечание: Свидетели.]

Во всех делах, переданных в суды, бремя доказывания лежало на стороне, утверждающей положительный факт. Письменное доказательство, как правило, считалось наиболее

достоверным, но также допускались доказательства со стороны свидетелей. Ученики, сумасшедшие, печально известные личности, заинтересованные стороны, близкие родственники и рабы не могли привести доказательств, равно как и любой человек, питавший сильную вражду к партии. Свидетели должны были давать свои показания под присягой. В большинстве случаев для подтверждения факта было достаточно двух свидетелей. Когда свидетели давали противоречивые показания, судья обращал внимание на тех, кто заслуживал доверия, а не на цифры. В английских судах раньше существовал обычай, как и у римлян, отказывать в свидетельских показаниях тем, кто был заинтересован, но этот обычай был отменен. В случае отсутствия обычных доказательств римское право разрешало стороне ссылаться на факты гражданского иска под присягой своего оппонента.

[Примечание: Положение должников.]

При империи каждое судебное решение оформлялось письменно и подписывалось судьей, а затем заносилось в реестр. [Примечание: С. vii. 45, 12.] После вынесения приговора должнику было предоставлено тридцать дней на выплату его долга, после чего его передавали кредитору и держали в цепях в течение шестидесяти дней, в течение которых его выставляли на всеобщее обозрение в течение трех рыночных дней, и если никто не освобождал его, заплатив долг, он мог быть продан в рабство. Юстиниан продлил срок до четырех месяцев для выплаты долга по решению суда, после чего, если долг не был выплачен, должник мог быть заключен в тюрьму, но не в доме кредитора, как раньше. Сначала товары должника продавались в пользу любого, кто предлагал выплатить наибольший дивиденд, но со временем товары должника продавались по частям, и всем кредиторам выплачивались соответствующие дивиденды. Современные кодексы ни в чем не превосходят римские, даже в том, что касается тюремного заключения за долги. В Соединенных Штатах это практически прекратилось, и в Англии никто не может быть заключен в тюрьму за долг менее 20 фунтов стерлингов, а во Франции - менее 8 фунтов.

[Примечание: Апелляция.]

При Римской республике гражданские иски не подлежали обжалованию, но при императорах была установлена регулярная система. При Августе все магистраты обратились к префекту города, а от него к преторианскому префекту или императору. В провинциях городские магистраты обратились с обращением к губернаторам, а от них - к императору. При Юстиниане не допускалась апелляция по иску, в котором не было задействовано по меньшей мере двадцать фунтов золотом.

[Примечание: Уголовные суды.]

Что касается уголовных судов, то у римлян во времена республики единственным органом, обладавшим абсолютной властью над жизнью и смертью, были *центуриатные комиссии*. Сенат не обладал юрисдикцией в отношении уголовных дел, поскольку это касалось римских граждан. Только в чрезвычайных ситуациях Сенат вместе с консулами брал на себя ответственность за применение суммарного наказания. При императорах Сенат был вооружен властью уголовной юрисдикции. А поскольку Сенат был инструментом императора, он мог сокращать, кого ему заблагорассудится.

Поскольку, когда Рим стал очень большим городом, созывать комиции для суда над преступниками было неудобно, было принято решение делегировать народную юрисдикцию лицам, облеченным временной властью, называемой *квесторами*. В конце концов они были

преобразованы в регулярные и постоянные суды, получившие название *вечных квестуонов*. Каждое дело, переданное в эти суды, рассматривалось судьей и присяжными. Обязанностью судьи было председательствовать на разбирательстве и регулировать его в соответствии с законом; а обязанностью присяжных, заслушав доказательства и ходатайства, было принять решение о виновности или невиновности обвиняемого. В состав присяжных часто входило до пятидесяти человек, имена которых извлекались из урны. Каждая сторона имела право оспорить определенное количество, и вердикт выносился большинством голосов. Сначала судьи избирались из Сената, затем из всадников, а затем снова из обоих орденов. Но со временем *вечные квестуи* уступили место имперским магистратам. Обвиняемый защищал себя лично или с помощью адвоката.

[Примечание: Преступления.]

Римляне делили *преступления* на публичные и частные. Частные преступления могли преследоваться только потерпевшей стороной и обычно наказывались денежными штрафами, как у древнегерманских народов.

[Примечание: Государственная измена.]

Из государственных преступлений *crimen loesoe majestatis*, или государственная измена, считалась величайшей, и это каралось смертью и конфискацией имущества [Сноска: I. 4, 18, 3.], в то время как память преступника была объявлена позорной. Вряд ли можно было применить к преступнику большую суровость. Государственная измена охватывала заговор против правительства, помощь врагам Рима и ненадлежащее поведение при командовании армиями. Таким образом, Манлий, несмотря на свои великолепные заслуги, был сброшен с Тарпейской скалы, потому что его обвинили в намерении захватить власть. При империи изменой считалось не только любое покушение на жизнь императора, но и неуважительные слова или поступки. Преступника даже судили после смерти, [Сноска: С. 9, 8, 6.] чтобы память о нем приобрела дурную славу, и эта варварская практика существовала даже во Франции и Шотландии еще в начале семнадцатого века. В Англии людей казнили за предательские слова. Помимо государственной измены, были и другие преступления против государства, такие как нарушение общественного порядка, вымогательство со стороны губернаторов провинций, растрата общественного имущества, кража священных предметов, взяточничество, большинство из которых карались денежными штрафами.

[Примечание: Смертная казнь.]

[Примечание: Уголовное право постепенно улучшалось.]

Но были также преступления против отдельных лиц, которые карались смертной казнью. Умышленное убийство, отравление, отцеубийство карались смертной казнью. Прелюбодеяние каралось изгнанием, помимо конфискации значительного имущества. [Сноска: D, 48, 5.] Константин объявил это тяжким преступлением. Римляне считали, что прелюбодеяние заключается в половом акте с женой другого мужчины, но не с женщиной, которая не была замужем, даже если он был женат. Изнасилование каралось смертной казнью [Сноска: С. 9, 13.] и конфискацией имущества, как в Англии до более позднего периода, когда пожизненное лишение свободы стало наказанием. Наказания, налагаемые за подделку документов, чеканку фальшивых денег и лжесвидетельство, были произвольными. Грабеж, воровство, нанесение родового ущерба и телесных повреждений личности и имуществу были частными

правонарушениями и не карались государством. Предполагалось, что по прошествии двадцати лет преступления будут прекращены без предъявления обвинений. Законы Корнелия, Помпея и Юлиана легли в основу уголовной юриспруденции, которая никогда не достигала того совершенства, которое было замечено в Гражданском кодексе. Именно в этом проявилась полная зрелость мудрости. Императоры значительно усилили суровость наказаний, что, вероятно, было необходимо в коррумпированном состоянии общества. После того, как децемвирусные законы вышли из употребления, римляне во времена республики перешли от крайней строгости к большой снисходительности, что можно наблюдать при переходе от пуританского режима к нашим временам в Соединенных Штатах. Смертная казнь в течение нескольких столетий была чрезвычайно редким явлением, и этому препятствовало добровольное изгнание. При империи публичные казни были частыми и отвратительными.

[Примечание: Штрафы.]

[Примечание: Ссылка.]

Штрафы были обычным способом наказания у римлян, как и у ранних германцев. Заключение в государственную тюрьму также было редкостью, обычай внесения залога был широко распространен. Хотя возмездие за телесные повреждения было разрешено Двенадцатью Таблицами, оно редко применялось, поскольку вместо этого требовалась денежная компенсация. Телесные наказания применялись к рабам, но редко к гражданам, за исключением воинских преступлений. Но римские граждане могли быть проданы в рабство за различные правонарушения, в основном военные, а преступников часто приговаривали к труду в шахтах или на общественных работах. Изгнание было обычным делом — *aquae et ignis interdictio*— и это было равносильно лишению самого необходимого для жизни и лишению человека возможности осуществлять права гражданства. При императорах людей часто заключали на скалистых островах у побережья или принудительно поселяли в определенном месте. Таким образом, Златоуста отправили в унылое место на берегах Эвксинского залива. Овидий был сослан в Томи. Смерть наступала через повешение, бичевание и обезглавливание, а также через удушение в тюрьме. Рабов часто распинали, и их заставляли нести свой крест к месту казни. Это была самая позорная и затяжная из всех смертей. Она была отменена Константином из уважения к священному символу. При императорах казни происходили также путем сожжения заживо и растерзания дикими зверями. Именно таким образом мучили первых христиан, поскольку их проступок был связан с государственной изменой. К знатным людям относились с большей благосклонностью, чем к низшим классам, и наказание было менее жестоким и позорным. Таким образом, Сенеке, осужденному за причастность к государственной измене, было позволено выбрать способ казни. Уголовные законы современных европейских государств слишком часто следовали варварскому обычаю императоров вплоть до недавнего времени. После Французской революции строгость уголовных кодексов была значительно изменена.

[Примечание: Превосходство законов, касающихся собственности.]

[Примечание: Права граждан.]

Уголовные статуты Рима, как выразительно замечает Гиббон, "составляли очень малую часть Кодекса и Пандектов; и во всех судебных разбирательствах вопрос о жизни или смерти гражданина решался с меньшей осторожностью и задержкой, чем самый обычный вопрос о

завете или наследовании". Это произошло из-за сложных отношений в обществе, посредством которых создаются или аннулируются обязательства, в то время как обязанности перед государством ясны и хорошо известны, они начертаны не только на медных скрижалях, но и на самой совести. Естественно, что с ростом и развитием торговли и доминионов возникали вопросы, которые обычно нельзя было разрешить с помощью древних обычаев, а практика юристов и решения судей постоянно порождали новые трудности, которые можно было преодолеть только новыми эдиктами. Отрадно отметить, что юриспруденция становилась более справедливой и просвещенной по мере того, как она усложнялась. При императорах принципы справедливости ценились больше, чем во времена Катона. Именно благодаря применению этих принципов законы римлян получили столь высокое признание. Их злоупотребление заключалось в расходах на судебные разбирательства и преимуществах, которые богатые таким образом получали перед бедными. Но если задержки и формальности приводили к дорогостоящему и неприятному отправлению правосудия, это с лихвой компенсировалось ограничениями, которые сложная судебная практика накладывала на поспешные или частичные решения. Именно детальность и точность форм права, а также предусмотрительность, с которой предвиделись вопросы при различных деловых операциях, доказывают, что римляне в своих гражданских и общественных отношениях были во многом на уровне нового времени. И было бы трудно найти в самом просвещенном из современных кодексов большую мудрость и дальновидность, чем те, что содержатся в наследии Юстиниана, в отношении всех вопросов, касающихся природы, приобретения, владения, использования и передачи собственности. Гражданские обязательства определены самым замечательным образом, и все контракты определяются самым мудрым применением естественных принципов справедливости. Что может быть более просвещенным, чем законы, касающиеся договоров аренды, купли-продажи, партнерских отношений, возмещения ущерба, залога, найма на работу и квазиконтрактов! Как ясны законы, касающиеся наследования собственности, обязанностей опекунов, прав подопечных, наследования, доверительных распоряжений и общего ограничения полномочий по завещанию! Насколько мудры правила, касающиеся наследования по завещанию и раздела имущества между мужчинами и женщинами. Мы не находим ни законов о наследстве, ни неравных прав, ни абсурдных различий между братьями, ни особых привилегий, данных мужчинам по сравнению с женщинами или старшим сыновьям. В "Институтах Юстиниана" мы видим на каждой странице уважение к принципам естественной справедливости. Мы обнаруживаем, что имущество жены не может быть отчуждено или заложено блудным мужем; что подопечные должны быть защищены от алчности опекунов; что собственность может быть передана по завещанию, и что завещания священны; что все обещания должны быть выполнены; что тот, кому доверено имущество другого, обязан возместить ущерб самыми настоящими обязательствами; что ростовщичество должно быть пресечено; что все повреждения должны быть исправлены; что скот и рабы должны быть защищены от злого умысла и халатности; что чудовищные жестокости в наказании не должны применяться; что злонамеренные свидетели должны быть наказаны; что коррумпированные судьи должны подвергаться суровым наказаниям; что авторы клеветы и сатиры должны подвергаться суровому наказанию; что каждый преступник должен считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана. Короче говоря, все, что касается собственности, контрактов и завещаний, охраняется с самой ревностной заботой. Мужчина был уверен, что обладает своим имуществом и передаст его своим детям. Недопустимо никакое ущемление личных прав. Гражданин был волен идти, куда ему заблагорассудится, делать все, что ему заблагорассудится, если он не посягал на права другого; беспрепятственно искать себе

удовольствий и заниматься своим делом без досадных обременений. Если он был ранен или обманут, он был уверен в возмещении ущерба. Его также нельзя было легко обмануть с санкции законов. Строгая полиция охраняла его личность, его дом и его имущество. Он был верховным и бесконтрольным в своей семье. И эта безопасность собственности, жизни и личных прав была гарантирована величайшими тиранами. Наиболее полной личной свободой пользовались императоры, и именно с их санкции юриспруденция в некоторых важнейших сферах жизни достигла совершенства. Если и случалась несправедливость, то не из-за законов, а из-за порочности людей, продажности богатых и уловок юристов. Но законы были мудрыми и равными. Гражданская юриспруденция могла бы быть безопасно скопирована самыми просвещенными европейскими государствами. И, действительно, это основа их гражданских кодексов, особенно во Франции и Германии.

[Побочное примечание: Злоупотребление отцовской властью.]

Нельзя отрицать, что в римских законах были некоторые особенности, с которыми мы, в наши христианские времена, не можем согласиться и которые мы осуждаем. При республике не было достаточных пределов отцовской власти, *иотец семейства* обязательно был тираном. Было несправедливо, что отец распоряжался собственностью своего сына, и жестоко, что ему был позволен такой абсолютный контроль не только над своими детьми, но и над своей женой. Но пределы отцовской власти все больше и больше сужались, так что при последних императорах отцам не разрешалось иметь больше власти, чем это было возможно целесообразно.

[Примечание: Зло рабства.]

Признание рабства в качестве домашнего института было еще одним пятном, и с рабами могли обращаться с величайшей жестокостью и несправедливостью без какой-либо компенсации. Но и здесь римляне не были такими грешниками, как все другие народы, и наше время стало свидетелем параллели.

Величайшим злом было не само существование рабства, а легкость, с помощью которой можно было создавать рабов. Законы, касающиеся долга, были суровыми, и было самым позорным обречь должника на абсолютную власть кредитора. Обращать людей одной крови в рабство за пустяковые долги, которые они не могли выплатить, было большим недостатком римских законов. Но даже эти жестокие правила были изменены, так что в коррумпированные времена империи не было большей практической строгости, чем та, что была распространена в Англии сто лет назад. Соблазны к мошенничеству были огромны в порочном состоянии общества и требовали сурового средства правовой защиты. Возможно, что в наши дни будущие века будут проявлять слишком большую снисходительность к должникам, которые не просто несчастны, но и нечестны; и проблема еще не решена: следует ли сурово обращаться с людьми, виновными в безрассудных спекуляциях и беспринципных сделках, или же им следует предоставить иммунитет для преследования за их опасные и позорные поступки.

[Примечание: Зло развода.]

Легкость развода была еще одним клеймом на римских законах, и главным следствием этого было унижение женщины. Но женщина никогда не почиталась ни в одной языческой стране. Ее положение в Риме было лучше, чем в Афинах. На нее всегда смотрели как на собственность, а не как на свободную личность. Ее добродетели не доверяли, а к ее устремлениям относились с презрением. Ей препятствовали и охраняли скорее как рабыне, чем как равноправному

спутнику человека. Но весь прогресс законодательства был в ее пользу, и она продолжала получать новые привилегии вплоть до падения империи.

[Примечание: Суровость уголовного законодательства.]

[Примечание: Неотвратимость наказания.]

Более того, уголовный кодекс римлян в отношении злоупотребления доверием, небрежности или невежества, в результате которых имущество было потеряно или растрчено впустую, возможно, был слишком суровым, как это имеет место в Англии в отношении охоты на дичь на чужой территории. Трудно было обречь на смерть человека, который угнал скот своего соседа или вошел ночью в дом своего соседа. Но только суровые наказания удержат людей от преступлений там, где уровень добродетели и религии низок, а общество становится невозможным, когда нет эффективной защиты собственности. Если овец могут убивать собаки, если фруктовые сады могут быть лишены плодов, а драгоценности могут безнаказанно присваиваться слугами, то исчезнет великий стимул к честному трудолюбию, и люди будут вынуждены искать более отдаленные дома, где они смогут пожинать плоды тяжелого труда, или сдадутся в отчаянии. Общество никогда не было в Англии более безопасным и счастливым, чем тогда, когда бродяг можно было арестовывать и когда мелкие кражи карались определенным возмездием. Каждый путешественник во Франции и Англии чувствует, что в том, что касается наказания за преступления, эти старые страны, несмотря на ограничения политических привилегий, значительно превосходят наши собственные. Римляне потеряли при императорах свои политические права, но они обрели защиту и безопасность в своих отношениях с обществом. И там, где тихие и трудолюбивые граждане чувствуют себя в безопасности в своих домах, и защищены в своих делах от негодяев, и имеют широкие возможности для промышленного предпринимательства, и свободны выбирать свои личные удовольствия, они смиряются с потерей возможности избирать своих правителей без большого огорчения. В мире есть большее зло, чем лишение избирательных прав, какой бы великой и славной ни была эта привилегия. Произвольное правление императоров было фатальным для политических устремлений и прав, но пороки политического рабства были смягчены совершенством гражданского кодекса и привилегиями социальной свободы.

[Примечание: сложность и неопределенность закона.]

Великим практическим злом, связанным с римской юриспруденцией, была запутанность, запутанность и неопределенность законов, а также расходы, связанные с судебными разбирательствами. Класс юристов был многочисленным, и их доходы были грабительскими. Правосудие не всегда было на стороне правых. Закон был неопределенным, а также дорогостоящим. К самому ученому адвокату могли прибегнуть только богатые, и даже судьи были продажны. Так что бедным было нелегко найти адекватное возмещение, и добро превратилось во зло. Но все это является необходимым условием искусственного состояния общества. Материальная цивилизация приведет к чрезмерной оценке денег. И когда за деньги можно купить все, чего желают искусственные люди, тогда все классы будут заниматься проституцией ради обладания ими, и справедливость, достоинство и возвышенность чувств будут вынуждены отступить, подобно отшельникам, ищущим уединения, когда общество достигло своей крайней деградации, из чистого отчаяния в своем обновлении.

Источники для этой главы очень многочисленны. С тех пор, как были восстановлены институты Гая, появилось очень много выдающихся авторов по римскому праву, особенно в Германии и Франции. Среди тех, кого можно процитировать, Бофор, "История Римской Республики"; Колкхун, "Краткое изложение римского гражданского права"; Де Фреске, "Основные элементы права Ромена"; Дюкаурпуа (профессор римского права в Париже), "Les Institutions de Justinien nouvellement expliquees"; Гнейст (доктор Рид), "Institutionum et Regularum Juris Romani"; Галифакс (доктор Сэмюэль), "Анализ римского гражданского права"; Хайнеккиус (Джо. Gott.), "Элемент гражданского права", "Второй порядок установления"; Лабуле, "Очерки о жизни преступников останков"; Статьи Лонга о римском праве в словаре доктора Смита; "Древнее право Мэна"; Гай, "Institutionum Commentarii" Кватуор; Марезоль (Теодор, профессор Лейпцигского университета), "Лебрух из Института римских прав"; Майнц (Шарль, профессор права в Брюсселе), "Элементы римского права"; Ортолан (М., профессор в Париже), Объяснение истории институтов императора Юстиниана; Филлимор, Введение в изучение и историю римского права; Потье, Justinianae Pandectae in Novum Ordinem Digestae; Савиньи, Geschichte des Рим. Rechts; Walter, Histoire de la Procedure Civile Chez Romains.

Я счел позднюю работу лорда Маккензи по римскому праву вместе со статьями Джорджа Лонга из Словаря Смита наиболее полезными при составлении этого обзора римской юриспруденции. Трактат мистера Мэна о римском праве чрезвычайно интересен и ценен. Знаменитую главу Гиббона также должен прочитать каждый студент. Существует прекрасный перевод "Институтов Юстиниана", который вполне доступен, сделанный доктором Харрисом из Оксфорда. Кодекс, Пандекты, Институты и Романы, конечно же, являются первоначальным авторитетом, наряду с давно утраченными Институтами Гая.

В связи с изучением римского права было бы неплохо прочесть "Комментарии к современному гражданскому праву" сэра Джорджа Бауэра; Ирвинга, "Введение в изучение гражданского права"; Линдли, "Введение в изучение юриспруденции"; и "Элементы международного права" Уитона; Ваттеля, "Право рода".

ГЛАВА VII.

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Если древняя цивилизация соперничала с современной в области *искусства*, она была столь же замечательна в области литературы. В мои задачи не входит показывать, что она была равна, или превосходит, или уступает современной литературе ни по оригинальному гению, ни по художественному совершенству. Этот момент было бы трудно урегулировать, и его невыгодно обсуждать. Нет никаких сомнений в превосходстве, котороеполучает современный мир в

результате изобретения книгопечатания и последующего распространения знаний. Но вопрос касается высоты, которой достиг древний языческий интеллект без помощи христианства. Я просто хочу показать, что древние выделялись во всех областях литературы и что некоторые из гениальных шедевров были созданы ими.

В мои задачи также не входит составление краткого обзора литературы античности. Это было бы так же скучно, как каталог, или словарь, или сборник всеобщей истории для использования в школах в одном томе. И это было бы так же бесполезно. Моя цель - просто показать, что древняя цивилизация может похвастаться своим величием как в литературе, так и в искусстве, и что человеческий разум никогда так благородно не заявлял о своей силе, как в Греции и Риме. Наша нынешняя цивилизация восхищается теми философами, поэтами и историками, которые черпали свое вдохновение в великих языческих моделях, переживших крушение материального величия. Человеческий интеллект достиг некоторых из своих величайших достижений еще до зарождения христианства. Врожденное достоинство ума и души никогда так благородно не отстаивали Платон и Аристотель, Фукидид и Тацит, Гомер и Вергилий, Демосфен и Цицерон. Таким образом, в подтверждение славы древней цивилизации в области литературы для нашей цели вполне достаточно указать на некоторые из тех великих огней, которые по прошествии двух тысяч или более лет все еще продолжают сиять и которые являются объектами безнадёжного подражания, хотя и вызывают всеобщее восхищение. Если мы сможем показать, что больших высот достигли даже немногие, мы докажем масштабы цивилизации. Если гений может воспарить как под языческим, так и под христианским влиянием, то, по-видимому, цивилизация, с интеллектуальной точки зрения, может быть делом рук человека, без помощи вдохновения. Это триумф врожденного интеллекта человека, который я хочу показать.

[Примечание: римляне заимствуют у греков.]

Хотя моей главной целью является представление великолепной цивилизации Римской империи при императорах, я должен привести примеры греческого, а также римского гения, поскольку Греция стала частью этой великой империи, и поскольку греческая и римская культуры смешались и сплелись воедино. Римская молодежь обучалась в греческих школах. Молодых людей отправляли в Афины и на Родос после того, как они заканчивали свое образование в столице. Афины продолжали оставаться в течение нескольких сотен лет после того, как их политическая слава ушла в прошлое, великим университетским городом мира. Образованные римляне были так же хорошо знакомы с греческой классикой, как и с произведениями своей собственной страны, и могли говорить по-гречески, как современные немцы по-французски. Стихи, разжигавшие энтузиазм римской молодежи, так же достойны внимания, как статуи, которые завоеватели привезли из ионических городов для украшения своих дворцов и бань. Они в равной степени свидетельствуют о богатстве древней цивилизации. И поскольку я хочу показать триумф языческого интеллекта, не имеет большого значения, заимствуем ли мы наши иллюстрации из Греции или Рима. Без помощи Греции Рим никогда бы не достиг той высоты, которой он достиг.

[Примечание: Богатство греческой поэзии.]

[Примечание: Гомеровские поэмы.]

Итак, насколько богата поэзией была классическая античность, независимо от того, исполнялась ли она на греческом или латинском языках. Во всех тех качествах, которые дают

бессмертие, оно никогда не было превзойдено, будь то в простоте, в страсти, в пылкости, в верности природе, в остроумии или в воображении. Это существовало с ранних веков и продолжалось в течение короткого периода после падения империи. Римлянам было знакомо богатое накопление эпох. На самом деле они ничего не знали ни об уединенном величии еврейской музыки, ни о мифологических преданиях до-гомеровских певцов; но у них были "Илиада" и "Одиссея" с их удивительной правдивостью и четким изображением характеров, отсутствием в них всякой аффектации, их безмятежностью и жизнерадостностью, их здравым смыслом и здоровыми чувствами, но при этом настолько оригинальные, что в них можно найти зародыши почти всех персонажей, которые с тех пор фигурировали в эпической поэзии. Мы видим в Гомере [Примечание: родился, вероятно, в Смирне, ионическом городе, примерно через сто пятьдесят лет после Троянской войны.] поэта первого класса, занимающего в литературе то же место, что Платон в философии или Ньютон в науке, и оказывающего огромное влияние на все эпохи, которые пришли ему на смену. Почти три тысячи лет его бессмертные творения были предметом восхищения и вдохновения гениальных людей, и они так же чудесны для нас, как и для афинян, поскольку являются выразителями учености, а также священных чувств героических эпох. Мы не видим ни напыщенности слов, ни притянутых за уши мыслей, ни театральной напыщенности, ни честолюбивых спекуляций, ни неопределенных стремлений; но мы читаем о нравах и обычаях первобытных народов, об уроках нравственной мудрости и человеческой природе такой, какая она есть, а также о зрелищах и чудесах внешнего мира, рассказанных с необычайной простотой и в то же время изумительным художественным мастерством. Мы находим точность, деликатность, естественность, но в то же время величие, сентиментальность и красоту, которые Фидий изобразил в своих статуях Юпитера. Ни одно стихотворение никогда не было более популярным, и ни одно не вызывало большего восхищения у критиков. Подобно Шекспиру, Гомер является своего рода Библией как для образованных, так и для необразованных людей всех возрастов — одним из чудес этого мира. Его стихи составляют основу греческой литературы и являются наиболее понятными и широко популярными из всех греческих произведений. Бессознательная простота гомеровского повествования, его яркие картины, графические детали и религиозный дух вызывают энтузиазм, на который могут претендовать немногие гениальные произведения. Более того, она представляет собой картину общества с его простотой и свирепостью, его добрыми и злыми страстями, его состраданием и свирепостью, какой нет ни в одном другом стихотворении. [Примечание: Гомеровские поэмы были переведены почти на все европейские языки и несколько раз на английский. Последний перевод выполнен графом Дерби — это самое замечательное произведение. Гизо, *Курс истории. Мода.*, Лекон 7ме; Гроте, том ii. стр. 277; *Исследования Гомера*, достопочтенный У. Э. Гладстон; Мюр, *Критическая история Ланга. и литературовед из Греции*; Мюллер, *Хист, из литературоведения. о Древней Греции*, перевод Дональдсона.] Нет необходимости говорить и о каком-либо другом греческом эпосе, когда "Илиада" и "Одиссея" свидетельствуют о совершенстве, достигнутом за сто двадцать лет до рождения Гесиода. Гроте считает, что "Илиада" и "Одиссея" были созданы в период между 850 и 776 годами до н.э.

[Прим. автора: Пиндар.]

В лирической поэзии греки были не менее замечательны, и действительно, они достигли абсолютного совершенства благодаря тесной связи между поэзией и музыкой. Кто превзошел Пиндара в художественном мастерстве? Его *триумфальные оды* - это песнопения, в которых благочестие прорывается в выражении глубочайшего благоговения и самых возвышенных

чувств нравственной мудрости. Из всех его сочинений до нас дошли только они, но во всех сохранились фрагменты од, песен, панихид и панегириков, которые показывают великое совершенство, которого он достиг. Он был настолько знаменит, что различные государства и князья Греции нанимали его сочинять хоровые песни для особых случаев, особенно для публичных игр. Хотя он был фиванцем, афиняне высоко ценили его, за ним ухаживали короли и принцы. [Примечание: Родился в Фивах в 522 году до н.э., умер, вероятно, на восьмидесятом году жизни и был современником Эсхила и Марафонской битвы.] У нас также есть фрагменты Сапфо, Симонида, Анакреона и других, которых достаточно, чтобы показать, что, если бы лирическая поэзия Греции была восстановлена, мы, вероятно, обладали бы самой богатой коллекцией, которую когда-либо создавал мир.

[Примечание: греческая драматическая поэзия.]

Но драматическая поэзия была еще более разнообразной и замечательной. Даже великие шедевры Софокла и Еврипида считались современниками второстепенными по сравнению со многими трагедиями, совершенно неизвестными нам.

[Прим. автора: Эсхил.]

Великим создателем греческой драмы был Эсхил, родившийся в Элевсине в 525 году до нашей эры. Только в возрасте сорока одного года он получил свой первый приз. Шестнадцать лет спустя, потерпев поражение от Софокла, он с отвращением покинул Афины и отправился ко двору Гиерона, царя Сиракуз. Но он всегда пользовался, даже в Афинах, высочайшим почетом, и его пьесы часто воспроизводились на сцене. Его целью было не столько развлечь публику, сколько наставить и возвысить ее. Он сочетал религиозное чувство с высокими моральными устоями. И он обладал непревзойденной властью над царством изумления и ужаса. "По его зову, - говорит сэр Вальтер Скотт, - таинственная и потрясающая книга судьбы, в которой начертан рок богов и людей, казалось, раскрыла свои железные листы перед потрясенными зрителями; более чем смертные голоса Божеств, титанов и ушедших героев были услышаны в ужасном совещании; небеса склонились, и их божества спустились; земля разверзлась и испустила бледные призраки мертвых и еще более неопределенные и жуткие формы тех адских божеств, которые вселяли ужас в самих богов". Его воображение витает в самых возвышенных областях древней мифологии Греции; его тон всегда чист и нравственен, хотя и суров и резковат. Он взывает к самым неистовым страстям и полон самых смелых метафор. В возвышенности его никто не превзошел. В поэзии он был тем, кем были Фидиас и Микеланджело в искусстве. Критики говорят, что возвышенность его дикции иногда доводится до крайности, так что его язык становится надутым. Его персонажи возвышенны, как и его чувства; они были богами и героями колоссальной величины. Его религиозные взгляды были гомеровскими, и он стремился вдохновить своих соотечественников на славные подвиги, как это сделал один из генералов, сражавшихся при Марафоне. Он был бессознательным гением и творил, подобно Гомеру, без знания художественных законов. Он был горд и нетерпелив, и его поэзия была скорее религиозной, чем нравственной. Он написал семьдесят пьес, из которых сохранилось только семь; но они бессмертны, принадлежат к числу величайших творений человеческого гения, подобно драмам Шекспира. Он умер на Сицилии на шестьдесят девятом году жизни. Основные английские переводы его пьес принадлежат Поттеру, Харфорду и Медвину. [Сноска: см. Мюллер и Боде, "Истории греческой литературы".]

[Прим. автора: Софокл.]

Слава Софокла едва ли меньше, чем у Эсхила. Ему было двадцать семь лет, когда он появился в роли соперника. Он родился в Колоне, пригороде Афин, в 495 году до нашей эры и был современником Геродота, Перикла, Пиндара, Фидия, Сократа, Кимона, Еврипида — эпохи великих людей; периода Пелопоннесской войны, когда все элегантно и интеллектуально достигало кульминации в Афинах. Софокл обладал всеми чертами характера и личности, которые очаровывали греков: красотой лица, симметрией форм, мастерством в гимнастике, спокойствием и достоинством манер, веселым и дружелюбным нравом, живым остроумием, медитативным благочестием, непосредственностью гения, нежным восхищением талантом и патриотической преданностью своей стране. Его трагедии, по всеобщему согласию лучших критиков, являются совершенством греческой драмы, и они, более того, утверждают, что у него нет соперника, за исключением одного Шекспира, во всей области драматической поэзии, если только это не сам Эсхил, к которому он относится в поэзии так же, как Рафаэль к Микеланджело в мире искусства. Его особенностью было вызывать эмоции печали и сострадания. Он любил рисовать несчастных героев. Он был человеком во всех своих симпатиях, не таким религиозным, как его великий соперник, но столь же строго этичным; не таким возвышенным, но более совершенным в искусстве. Его страдальцы — жертвы не неумолимой судьбы, а собственного безумия. Он даже не вызывает эмоций, кроме моральной цели. Он дожил до девяноста лет и на восьмидесятом году жизни поставил самую прекрасную из своих трагедий — "Эдип в Колоне". Он написал поразительное количество из ста тридцати пьес и двадцать четыре раза получал первую премию. Его "Антигона" была написана, когда ему было сорок пять, и когда Еврипид уже получил премию. Сохранилось только семь его трагедий, но это бесценные сокровища. Плодовитость его гения могла сравниться только с его художественным мастерством. [Сноска: Шлегель, *Лекции по драматическому искусству*; Мюллер, *История. Лит.*; *Антигона* Дональдсона; Лессинг, *"Жизнь Софокла"*; Филип Смит, статья в сборнике *Смита*..]

[Прим. автора: Еврипид.]

Еврипид, последний из великого триумvirата греческих трагических поэтов, родился в Афинах в 485 году до н.э. У него не было ни возвышенности Эсхила, ни трогательного пафоса Софокла, но в обольстительной красоте и успешном обращении к страсти он превосходил обоих. Не было у него и их суровой простоты. В его трагедиях преобладает любовная страсть, и они не дышат чистотой чувств. Это скорее соответствует тону современной драмы. Он рисует слабость и развращенность общества и выводит своих подданных на уровень обычной жизни. Он был любимцем софистов и придерживался пантеистических взглядов. Он рисует не идеал совершенства, и его персонажи не такие, какими должны быть люди, а такие, какие они есть, особенно в коррумпированных слоях общества. Он написал девяносто пять пьес, из которых сохранилось восемнадцать. Какие бы возражения ни выдвигались по поводу его драм на моральный счет, никто не может подвергнуть сомнению их трансцендентное искусство или его великую оригинальность. За исключением Шекспира, все последующие драматурги копировали этих трех великих поэтов, особенно Расина, который взял за образец Софокла. [Footnote: Muller, Schlegel. Сэр Вальтер Скотт о драме; Gote, том. viii. стр. 442, Торн, *Mag. Via. Еврип.* Поттер сделал перевод всех своих пьес.]

[Примечание: греческая комедия.]

[Прим. автора: Аристофан.]

Греки не меньше отличались комедийным искусством. И трагедия, и комедия возникли на пирах в честь Вакха; и поскольку шутки и забавы были признаны неуместными, когда их вводили в серьезные сцены, образовалась отдельная область драмы, и возникла комедия. Поначалу это не умаляло религиозных целей, лежавших в основе греческой драмы. Она превратилась в пародии, в которых приключения богов представлены в виде развлечения, как аппетит Геркулеса или трусость Вакха. Затем авторы комиксов развлекали зрителей фантастическими и грубыми представлениями, показом шутов и пантомим. Но вкус афинян был слишком суров, чтобы получать удовольствие от подобных развлечений, и комедия превратилась в насмешку над общественными деятелями и мерами, а также над модами того времени. Людям нравилось видеть, как их великие люди низводятся до их собственного уровня. Комедия также не процветала до тех пор, пока мораль общества не выродилась, а насмешка не стала самым эффективным оружием в борьбе с господствующими безумствами. Комедия достигла своей кульминации, когда общество было одновременно самым развращенным и самым интеллектуальным, как во Франции, когда Мольер направил свои ядовитые стрелы против народных пороков. Это относилось к эпохе Сократа и софистов, когда в политических партиях царило большое ожесточение и неумная тяга к новшествам. В Кратине комедия впервые дала о себе знать как великая сила, которая с большой горечью и горячностью встала на сторону Кимона против Перикла. Многие писатели-комики того порочного и гениального века, но все они уступали место Аристофану, чьи пьесы дошли только до нас. Никогда еще клевета на авторитетных и влиятельных людей не произносилась с такой ужасной вольностью. Он нападал на богов, политиков, философов и поэтов Афин; даже рядовые граждане не спасались от его стрел, а женщины были объектами его иронии. Сократ был предметом насмешек, когда его особенно почитали, и Клеон - на пике своего могущества, и Еврипид - когда он получал самые высокие награды. Он придумал шутки для Рабле, намеки для Свифта и юмор для Мольера. В сатире, в насмешках, в оскорблениях и горьком презрении его никто не превзошел. Ни одна современная столица не потерпела бы такой неограниченной вольности. И все же не было пьес более популярных или более полно разоблачающих безумства, которых нельзя было бы достичь иным способом. Его называют Отцом комедии, и его комедии имеют большое историческое значение, хотя его описания, несомненно, являются карикатурами. Он был патриотом в своих намерениях и выступал за реформатора. Его особый гений проявляется в "Облаках", величайшем из его произведений, в котором он нападает на софистов. Он написал пятьдесят четыре пьесы. Он родился в 444 году до н. э. и умер в 380 году до н.э. Его лучшие комедии переведены Митчеллом.

Таким образом, кажется, что в трех великих областях поэзии — эпической, лирической и драматической — древние греки были великими мастерами и были учителями всех последующих народов и эпох.

Римляне в этих областях не были им равны, но они были очень успешными переписчиками и выдержат конкуренцию с современными нациями. Если римляне не создали Гомера, они могут похвастаться Вергилием; если у них не было Пиндара, они создали Горация, а в сатире превзошли греков.

[Примечание на стороне: Невий.]

Римляне, однако, не создавали поэзии, достойной внимания, пока не появились греческий язык и литература. Только после падения Тарента мы читаем о римском поэте. Ливий Андроник,

греческий раб, проживавший в 240 году до н.э., грубо перевел "Одиссею" на латынь и был автором различных пьес, все из которых исчезли, и ни одна, по словам Цицерона, не стоила повторного прочтения. Тем не менее, он был первым, кто заменил старую лирическую сценическую поэзию греческой драмой. Через год после первой Пунической войны он поставил первую римскую пьесу. Как создатель драмы, он заслуживает исторического внимания, хотя и не претендует на оригинальность и, подобно школьному учителю, педантично старался подражать культуре греков. А его пьесы положили начало римской переводческой литературе и натурализовали греческие метры в Лациуме, хотя они были скорее диковинками, чем произведениями искусства. [Сноска: Моммзен, том ii. b. ii. глава xiv.] Невий, 235 год до н.э., поставил пьесу в Риме и написал как эпическую, так и драматическую поэзию, но сохранилось так мало, что о его достоинствах невозможно судить. Он был изгнан за свои оскорбления в адрес аристократии, которая не любила остроту комедии. [Сноска: Гораций, *Ep.* ii. 11, 53.] Моммзен считает Невия первым среди римлян, заслуживающим причисления к поэтам. Его расцвет пришелся примерно на 550 год, и в метрах он был близок к Андронику. Его язык свободен от скованности и жеманства, а его стихи текут грациозно. Плавт был, пожалуй, первым великим поэтом, которого создали римляне, и критики до сих пор восхищаются его комедиями как оригинальными и свежими. Он родился в Умбрии в 257 году до н. э. и был современником Публия и Цней Сципиона. Он умер в 184 году до н.э.

[Прим. автора: Плавт.]

Первым достижением римского гения в области поэзии, по-видимому, была драма, в которой копировались греческие авторы. Плавта можно было бы принять за грека, если бы не изображение римских нравов. Его одежда по сути греческая. Он написал сто тридцать пьес, не всегда для сцены, но и для читающей публики. Он жил примерно во времена второй Пунической войны, еще до того, как театр в Риме был достаточно развит. Его персонажи, хотя и основаны на греческих образцах, действуют, говорят и шутят как римляне. Он пользовался большой популярностью вплоть до последних времен империи, в то время как чистота его языка, а также великолепие его остроумия отмечались древними критиками. [Сноска: Квинт., х. i. Раздел 99.] Цицерон ставит свое остроумие в один ряд со старой аттической комедией [Сноска: Цицерон, *De Off.*, i. 29.] в то время как Джером проводил много времени за чтением своих комедий, хотя впоследствии они стоили ему слез горького сожаления. Современные драматурги многим обязаны ему. Мольер подражал ему в своей "Аваре", а Шекспир - в своей "Комедии ошибок". Лессинг называет "Пленителей" лучшей комедией, когда-либо поставленной на сцену. [Сноска: Смит, *Справочник по Ант. искусству. Plaut.*] Он перевел эту пьесу на немецкий. Она также была превосходно переведена на английский. Величайшим достоинством Плавта было виртуозное владение языком и подбор ролей для достижения драматического эффекта. Его юмор, широкий и свежий, производил неотразимый комический эффект. Никто никогда не превосходил его в выборе прозвищ и веселых шуток. Поэтому он сохранил свою популярность, несмотря на свою вульгарность. [Примечание: Моммзен, том ii. b. iii. глава xiv.]

[Прим. автора: Теренс.]

Теренций делит с Плавтом трон римской комедии. Он был карфагенским рабом и родился в 160 году до н.э., но получил образование у богатого римлянина, в руки которого попал, и с тех пор общался с лучшим обществом и много путешествовал по Греции. Он значительно уступал

Плавту в оригинальности и не оказал такого длительного влияния, как он; но он писал комедии, отличающиеся большой чистотой дикции, и которые были переведены на все современные языки. [Примечание: Теренс Коулмана; Драйден, *На драм. Поэт.*; Моммзен, том iii. b. v. глава xiii.] До эпохи Августа до нас не дошло ни одного трагического произведения, хотя Квинтилиан высоко отзывается об Акции [Сноска: Квинт., х. 1. Раздел 97.], особенно о силе его стиля. Но он просто подражал грекам. Теренций в точности копировал Менандра, которого Моммзен считает самым утонченным, элегантным и целомудренным из всех поэтов новой комедии. В отличие от Плавта, он рисует своих персонажей из хорошего общества, и его комедии, если и не нравственные, то достойные. Плавт писал для толпы; Теренций - для немногих. Плавт наслаждался шумными диалогами и жаргонными выражениями; Теренций ограничивался тихой беседой и изящными выражениями, за что им восхищались Цицерон и Квинтилиан, а также другие великие критики. Он стремился к одобрению добрых людей, а не к аплодисментам черни; и примечательно, что его комедии вытеснили более оригинальные постановки Плавта в последние годы республики, показывая, что литература аристократии ценилась больше, чем литература народа, даже в эпоху упадка. В "*Фиесте*" [Сноска: Гор., Сб. I 9; Марциал, viii. 18.] Вариуса, в свое время считалась равной греческим трагедиям. Энний сочинял трагедии в энергичном стиле, и римляне считали его родоначальником своей литературы, хотя большинство его произведений исчезло. [Примечание: родился в 239 году до н.э.] Вергилий позаимствовал многие из его мыслей, и во времена Цицерона он считался принцем римской песни. Латинский язык во многом обязан ему. Пакувий подражал Эсхилу в возвышенности его стиля. [Примечание: Родился в 170 году до н.э.] Единственная дошедшая до нас римская трагедия была написана философом Сенекой.

[Примечание на стороне: "Энеида".]

[Прим. автора: Вергилий.]

В эпической поэзии римляне достигли большего, хотя все еще уступали грекам. "Энеида", безусловно, пережила материальную славу Рима. Возможно, она не соответствовала возвышенному идеалу своего автора; возможно, она была искажена политической лестью; возможно, в ней нет силы и оригинальности "Илиады", но она превосходит "Илиаду" по искусству и описывает любовную страсть с большей деликатностью, чем можно найти у любого греческого автора. По здравости суждений, нежности чувств, сдержанности фантазии, живописности описаний, обрисовке характера, несравненной красоте дикции и великолепию стихосложения его никогда не превосходило ни одно стихотворение ни на одном языке, и оно с гордостью занимает свое место среди нетленных творений гения. Пользуясь гордостью и суевериями римского народа, поэт прослеживает происхождение и основание "Вечного города" до тех героев и поступков, в которых было достаточно человеческого и обычного, чтобы возбудить симпатии его соотечественников, смешанных с личностями и обстоятельствами экстраординарного и сверхчеловеческого характера, чтобы пробудить их восхищение и трепет. Ни одна тема не могла быть выбрана более удачно. Ею восхищались также за совершенное единство действия; ибо, хотя эпизоды требуют богатейшего разнообразия описаний, они всегда подчинены главной цели поэмы, которая состоит в том, чтобы произвести впечатление на божественную власть, под властью которой Эней впервые поселился в Италии. Гнев Юноны, от которого, кажется, зависит вся судьба Энея, является одновременно гневом женщины и богини; страсть Дидоны и ее общий характер приближают нас к современному миру; но поэт постоянно вводит более высокие и действенные влияния, пока, благодаря вмешательству богов

и людей, троянское имя не будет продолжено в римском, и таким образом небо и земля не будут умиротворены ". [Сноска: Томпсон, *История. Рим. Лит.*, стр. 92.] Ни одно творение человека, вероятно, не имело такого широкого и глубокого влияния, как эта поэма Вергилия — учебное пособие во всех школах со времен возрождения образования, образец для поэтов эпохи Карловингов, путеводитель Данте, оракул Тассо. [Примечание: Вергилий родился за семьдесят лет до Рождества Христова и был на семь лет старше Августа. Его родители были скромного происхождения, но возможности для получения образования были велики. Он был самым удачливым человеком, пользовавшимся дружбой Августа и Мecenата, славой при жизни, досугом для занятий и щедрым вознаграждением за свои труды. Он умер в Брундузии в возрасте пятидесяти лет.]

[Прим. автора: Гораций.]

В лирической поэзии римляне могут похвастаться одним из величайших мастеров любой эпохи или нации. Оды Горация никогда не были превзойдены и, вероятно, останутся на протяжении всех веков предметом восхищения ученых. Возможно, в них нет того глубокого религиозного чувства, того единства воображения и страсти, которые присущи греческим лирическим поэтам, но как произведения искусства, отличающиеся изысканным блаженством выражения, приятными образами, они не имеют себе равных. Даже во времена Ювенала его стихи были обычными учебниками римской молодежи. Гораций, как и Вергилий, был любимым человеком, легко пользовавшимся дружбой великих, славой и богатством. Но его стремление к уединению и отвращение к окружающему его легкомыслию - печальный комментарий к удовлетворенным желаниям. [Примечание: Родился в 65 году до н.э. Лучший перевод его произведений принадлежит Франциску; но Гораций непереводаим.] Его оды составляют лишь малую часть его сочинений. Его послания являются наиболее совершенными из его произведений и стоят в одном ряду с георгиками Вергилия и сатирами Ювенала как наиболее совершенная форма римского стиха. Его сатиры также достойны восхищения, но без той яростной горячности и возвышенного негодования, которые были характерны для Ювенала. Именно глупость, а не порочность порока он описывает с таким игривым мастерством и такой остротой наблюдения. Он был первым, кто приспособил латинский язык к греческим лирическим ритмам. Критика Квинтилиана находит одобрение у всех ученых. "*Lyricorum Horatius fere solus legi dignus, in verbis felicissime audax*". Ни одна поэзия никогда не была так тщательно проработана, как у Горация, и мелодичность языка придает ей особое очарование. Уступая Пиндару в страсти и возвышенности, она светится более добродушной человечностью и более чистым остроумием. Ею могут наслаждаться в полной мере только те, кто искушен в жизненном опыте. Такие воспринимают спокойную мудрость, пронизательность, трезвый энтузиазм и утонченный вкус, которые необычны даже среди мастеров человеческой мысли. Сейчас модно принижать первоначальные заслуги этого поэта, а также заслуги Вергилия, Плавта и Теренция, потому что они получили так много помощи от греков. Но греки заимствовали друг у друга. Чистая оригинальность невозможна. Миссия искусства - пополнять свои запасы, не надеясь монополизировать всю сферу. Даже Шекспир, самый оригинальный из современных поэтов, был в огромном долгу перед теми, кто был до него, и даже он не избежал гиперкритицизма внимательных наблюдателей.

[Прим. автора: Катулл.]

В этом намеке на лирическую поэзию я не говорил о Катулле, непревзойденном в нежной лирике и величайшем поэте до эпохи Августа. Он родился в 87 году до нашей эры и пользовался дружбой самых знаменитых людей. До нас дошло сто шестнадцать его стихотворений, большинство из которых короткие, и многие из них осквернены большой грубостью и чувственностью. Критики говорят, однако, что к чему бы он ни прикасался, он все украшал; что его энергичная простота, острое остроумие, поразительные инвективы и богатство выражения делают его одним из великих поэтов латинского языка.

[Прим. автора: Лукреций.]

В дидактической поэзии Лукреций был выдающимся поэтом, и Шлегель считает его первым из римских поэтов с врожденным гением. [Примечание: Родился в 95 году до н.э., умер в 52 году до н.э. *Под диктовку Смиа.*] Он жил до эпохи Августа и умер в возрасте сорока двух лет от собственной руки. Его великая поэма "О природе" представляет собой очерк эпикурейской философии и затрагивает все великие темы мысли, с которыми знакома его эпоха. Это чем-то напоминает "Эссе о человеке" Поупа по стилю и тематике, но неизмеримо превосходит его по поэтическому гению. Это расширенное изложение в семи тысячах четырехстах строках великих явлений внешнего мира. Как художник и почитатель природы, он превосходил всех поэтов древности. Его умение излагать заумные рассуждения изумительно, а его вспышки поэтического гения несравненны по силе и красоте. На все темы он смотрит бесстрашно и пишет неизменным энтузиазмом. Но он не был в полной мере оценен своими соотечественниками, хотя ни один другой поэт не раскрыл так полно мощь латинского языка. Профессор Рамзи, [Примечание: Перевод Лукреция на английский был выполнен И. М. Гудом, Эвелин и Драммондом.] ссылаясь на меланхолическую нежность Тибулла, изысканную изобретательность Овидия, неподражаемое счастье и вкус Горация, мягкость и великолепие Вергилия и страстную декламацию Ювенала, он думает, что, если бы стихи Лукреция погибли, мы никогда бы не узнали, что они могут выразить самые грандиозные концепции со всем тем самодостаточным величием и гармоничным размахом, с которыми греческая муза изливает свои самые возвышенные излияния. Панегирик Овидия — это...

"Carmina sublimis tune sunt peritura Lucreti,
Exitio terras quum dabit una dies."

[Прим. автора: Овидий.]

Элегическая поэзия занимает почетное место в римской литературе. К этой школе принадлежит Овидий [Примечание: родился в 43 году до н.э., умер в 18 году н.э.]. чьи "Метаморфозы" всегда будут вызывать у них интерес. Он, с присущим поэтам самосознанием гения, заявляет, что его стихотворение будет стойким против меча, огня, грома и времени, - предсказание, говорит Бэйл, [Сноска: Бэйл, *Диктант.*] который еще не доказал свою ложность. Нибур [Сноска: *Лекция.*, том ii, стр. 166.] считает, что после Катулла он был самым поэтичным из своих соотечественников. Мильтон думает, что он мог бы превзойти Вергилия, если бы занялся эпической поэзией. Из всех классических авторов он был ближе всего к романтической школе, и Чосер, Ариосто и Спенсер в большом долгу перед ним. Как и у Поупа, его стихи лились спонтанно. Его "Тристия" вызывала у римлян большее восхищение, чем его "Аморы" или "Метаморфозы", — вероятно, из-за печального описания его изгнания, - факт, который показывает, что современники не всегда являются лучшими судьями о реальных достоинствах.

Его стихотворения, какими бы великими ни были их гениальность, лишены сурового вкуса, отличавшего греков, и безнравственны по своей направленности. У него были большие преимущества, но Август изгнал его за описание распущенной любви "Кармина за либидинозу". Он также не перенес изгнание достойно. Он умер от разрыва сердца и томился, как Цицерон, обреченный на подобную участь. Но лишь немногие интеллектуалы когда-либо были способны жить вдали от мест своей славы и без стимулов высшего общества. Златоуст - одно из немногих исключений. Овидий, как безнравственный человек, был справедливо наказан.

[Прим. автора: Тибулл.]

Тибулл также был известным элегическим поэтом, родился в тот же год, что и Овидий, и был другом Горация. Он жил на пенсии и был одновременно мягким и дружелюбным. В своем прекрасном загородном поместье он утешал свою душу прелестями литературы и простыми деревенскими радостями. Нибур называет свои элегии скорбными [Примечание: *Лекция.*, т. iii, с. 143.] но Меривейл [Примечание: *История*, т. iv, с. 602.] считает, что "тон нежной меланхолии, в котором он воспевал свои непрочные любви, имел более глубокий и чистый источник, чем капризы трех непостоянных возлюбленных". "Его дух в высшей степени религиозен, хотя он и призывает его сложить руки в знак смирения, а не раскрыть их в надежде. Он единственный из всех великих поэтов своего времени остался не ослепленным блеском кесарианской узурпации и изнывал в бесплодном унынии, наблюдая за порабощением своей страны".

[Прим. автора: Проперций.]

Его современник Проперций [Примечание: родился в 51 году до н.э.], напротив, был самым нетерпеливым из всех льстецов Августа — человеком остроумным и приятным, объектом или идолопоклонства которого была Синтия, поэтесса и куртизанка. Он был подражателем греков, но имел большую современную известность [Сноска: Квинт., х. 1. Раздел 93.] и проявлял большую пылкость страсти, но он никогда не взлетал до возвышенных высот поэзии, как его соперник. Таковы были великие элегические поэты Рима, в основном посвященные описанию любовной страсти. Старые английские поэты походили на них в этом отношении, но ни один из них не поднялся до таких высот, как более поздние, такие как Вордсворт и Теннисон. Именно в лирической поэзии современные люди главным образом превзошли древних в разнообразии, возвышенности чувств и воображения. Величие и оригинальность древних проявлялись скорее в эпической и драматической поэзии.

[Прим. автора: Ювенал.]

[Прим. автора: Персей.]

В *satire* римляне превзошли как греков, так и современников. Ни в одном языке нет ничего, что могло бы сравниться с огнем, интенсивностью и горечью Ювенала, — даже в Свифте и Поупе. Но он процветал на закате литературы и не обладает ни вкусом, ни элегантностью августовских писателей. Он был сыном вольноотпущенника, родился в 38 году нашей эры и был современником Марциала. Он был изгнан Домицианом за пасквиль на любимую танцовщицу, но при правлении Нервы вернулся в Рим, и императорская тирания стала предметом его самого ожесточенного осуждения, наряду с деградацией общественной морали. Его великим соперником в сатире был Гораций, который смеялся над глупостями; но он, более суровый, преувеличивал и обличал их. Его сарказмы в адрес женщин никогда не были равны по жестокости, и мы можем только надеяться, что они были несправедливы. С исторической точки

зрения, как отражение нравов его эпохи, его сатиры бесценны, даже подобно эпиграммам Марциала. Сатира возникла при Луцилии, [Примечание: родился в 148 году до н.э.] во времена Мария, в эпоху, когда допускалась свобода слова. Гораций был первым, кто обрел бессмертие в этой области. Следующим идет Персий, родившийся в 34 году н.э., друг Лукана и Сенеки во времена Нерона; и он живописал пороки своего века, когда он переходил к тому упадку, которым было отмечено царствование Домициана, когда появился Ювенал, который, презрев страх, смело излагал мерзости того времени и без разбора поражал всех, кто отступал от долга и совести. Этот бескомпромиссный поэт, не такой податливый и покладистый, как Гораций, подобно неподкупному цензору, обличал пороки, подрывающие нравственное здоровье и подготавливающие почву для насилия; лицемерие философов и жестокость тиранов; слабость женщин и разврат мужчин. Он рассуждает о тщете человеческих желаний с моральной мудростью доктора Джонсона и призывает к самосовершенствованию, подобно Сократу и Эпиктету. [Примечание: Лучшими переводами Ювенала являются переводы Драйдена, Гиффорда и Бэдхэма.]

Я мог бы рассказать и о других знаменитых поэтах — о Лукане, Марциале, Петронии; но я только хочу показать, что великие поэты древности, как греческие, так и римские, никогда не были превзойдены ни в гениальности, ни во вкусе, ни в искусстве, и немногие при жизни удостоивались большей чести со стороны признательных поклонников, демонстрирующих передовое состояние цивилизации, достигнутое во всем, что касалось сферы мысли.

Но гений древних проявлялся как в сочинении прозы, так и в поэзии, хотя совершенство было достигнуто не так скоро. Поэты были великими создателями языков древности. Только после того, как они создали свои бессмертные произведения, языки стали достаточно мягкими и утонченными, чтобы допустить большую красоту в прозе. Но проза требует искусства так же, как и поэзия. В трудах классических авторов, таких как Цицерон, Геродот и Фукидид, присутствует художественный ритм, столь же выраженный, как в прекрасном ритме Гомера и Вергилия. Берк и Маколей такие же великие мастера стиля, как и сам Теннисон. Платон не писал стихов, но его проза "музыкальна, как лира Аполлона". И редко бывает, чтобы люди, как в древности, так и в наше время, отличались обоими видами сочинительства, хотя Вольтер, Шиллер, Мильтон, Свифт и Скотт относятся к числу исключений. Цицерон, величайший прозаик древности, создал лишь низшую поэму, над которой смеялись его современники. Бэкону, при всем его богатстве мысли, силе воображения и владении языком, писать стихи было ничуть не легче, чем Поупу писать прозу.

Все виды прозаических произведений были доведены до совершенства как греками, так и римлянами в области истории, критики, философии, ораторского искусства, посланий.

[Примечание: Геродот.]

Самым ранним великим прозаиком среди греков был Геродот, [Примечание: родился в 484 г. до н. э.] из чего мы можем сделать вывод, что *история* была первой формой сочинения прозы, получившей развитие. Но Геродот родился только после того, как Эсхил получил премию за трагедию, более чем через двести лет после расцвета лирического поэта Симонида и, вероятно, через шестьсот лет после того, как Гомер спел свои бессмертные эпосы. По прошествии более чем двух тысяч лет стилем этого великого "Отца истории" восхищается каждый критик; в то время как его история, как произведение искусства, все еще является предметом изучения и чудом. Трудно понять, почему ни одно предыдущее произведение в

прозе не заслуживает внимания, поскольку греки достигли высокой цивилизации за двести лет до его появления, а язык достиг высшей точки развития при Гомере более чем за пятьсот лет. История Геродота, вероятно, была написана на закате жизни, когда его ум обогатился великими достижениями во всем многообразии знаний его эпохи и когда он беседовал с большинством знаменитых людей различных стран, которые он посетил. Это относится главным образом к войнам греков с персами; но в частых эпизодах, которые не нарушают единства произведения, он обращается к нравам и обычаям восточных народов. Когда-то было модно говорить о Геродоте как о легковверном человеке, который воплощал в жизнь самые невероятные, хотя и интересные истории. Но сейчас считается, что ни один историк никогда не был более глубоким, добросовестным и осторожным; и все современные исследования подтверждают его проницательность и беспристрастность. Он был одним из самых выдающихся людей древности или любой другой эпохи — просвещенный и любознательный путешественник, глубокий мыслитель, человек универсальных знаний, знакомый со всем спектром литературы, искусства и науки своего времени, знакомый со всеми великими людьми Греции и при дворах азиатских князей, друг Софокла, Перикла, Фукидида, Аспазии, Сократа, Дамона, Зенона, Фидия, Протагора, Еврипида, Полигнота, Анаксагор, Ксенофонт, Алкивиад, Лисий, Аристофан — самое блестящее созвездие гениальных людей, которых когда-либо можно было встретить вместе в стенах греческого города, которых уважали и которыми восхищались эти великие светила, всех из которых он превзошел в знаниях. Таким образом, путешествия, учеба и общение с великими людьми подготовили его к выполнению своей задачи, не говоря уже о его изначальном гении, и было создано величайшее прозаическое произведение, которое когда-либо появлялось в Греции, — прозаический эпос, строгий по вкусу, совершенный по единству, богатый моральной мудростью, очаровательный по стилю, религиозный по духу, грандиозный по сюжету, без грубых пассажей; простой, незатронутый и красивый, как повествования Библии; забавный, но поучительный, легкий для понимания, но простирающийся до крайних пределов человеческих исследований — образец для всех последующих историков. Афиняне так высоко ценили ее, когда их город был на пике своего величия, что назначили ее автору десять талантов, около двенадцати тысяч долларов, за ее прочтение. Он даже ездил из города в город, своего рода прозаический рапсод или современный лектор, излагающий свою историю — заслуженный и незаурядный человек, своего рода Гумбольдт, овладевший всем. И он писал не ради славы, а чтобы сообщить результаты своих изысканий, из чистой любви к истине, которую он узнал в результате личного расследования в Додоне, Дельфах, на Самосе, в Афинах, в Коринфе, в Фивах, в Тире; да, он путешествовал по Египту, Скифии, Малой Азии, Палестине, Вавилонии, Италии и морским островам. Его эпизод в Египте с исторической точки зрения стоит больше, чем все вместе взятое, дошедшее до нас из древности. Геродот был первым, кто придал истории достоинство; и в правдивости, прямоте и беспристрастности его никто никогда не превзошел. Сама простота его стиля является доказательством его трансцендентного искусства, равно как и строгости вкуса. [Примечание: Далман написал замечательное жизнеописание Геродота; но перевод Роулинсона с его примечаниями бесценен.]

[Прим. автора: Фукидид.]

Фукидиду как историку современный мир также приписывает гордое превосходство. Он рассказывал лишь о коротком периоде, о Пелопоннесской войне; но различные факты, связанные с этим великим событием, могли быть известны только в результате самых тщательных расспросов. Он посвятил двадцать семь лет составлению своего повествования и взвешивал свои показания с самой скрупулезной тщательностью. Его стиль не обладает

очарованием Геродота, но он более лаконичен. В одном томе он рассказывает о том, что едва ли можно было бы втиснуть в восемь томов современной истории. Как произведение искусства, в своем роде, ему нет равных. В своем описании афинской чумы он сколь подробен, столь и прост. Он изобилует богатыми моральными размышлениями и обладает острым восприятием человеческого характера. Его картины поразительны и трагичны. Он энергичен и напорист, и каждое слово, которое он использует, имеет значение. Но некоторые из его предложений не всегда легко понять. Одна из величайших даней уважения, которую можно отдать ему, состоит в том, что, по оценке способного критика, [Сноска: Джордж Лонг, Оксфорд.] у нас есть более точная история долгого и богатого событиями периода, написанная Фукидидом, чем у нас есть история любого другого периода современной истории, столь же долгого и богатого событиями; и все это сжато в один том. [Примечание: Родился в 471 году до н.э.; прожил двадцать лет в изгнании из-за военной неудачи.]

[Примечание: Ксенофонт.]

Ксенофонт - последний из троицы греческих историков, чьи труды являются классическими и неподражаемыми. [Примечание: Родился, вероятно, около 444 года до н.э.] Он отличается большой простотой и отсутствием жеманства. Его "Анабасис", в котором он описывает экспедицию младшего Кира и отступление десяти тысяч греков, является его самой известной книгой. Но его "Киропедия", предметом которой является история Кира, хотя и до сих пор используется в колледжах как классика из-за красоты стиля, не имеет ценности как историческая, поскольку автор просто перенял текущие истории своего героя без достаточного исследования. Ксенофонт написал множество трактатов и диалогов, но его "Памятные вещи" о Сократе являются самыми ценными. Вся древность и все современные писатели объединяются в том, чтобы приписать Ксенофону большие заслуги как писателю и большое моральное возвышение как человеку.

Если мы перейдем от греческих историков к латинским — к тем, кто был так же знаменит, как греки, и чьи заслуги едва ли превзойдены в наше время, если, конечно, они были равны, — великие имена Саллюстия, Цезаря, Ливия, Тацита встанут перед нами вместе с множеством других имен, которые у нас нет места или расположения приводить, поскольку мы лишь стремимся показать, что древние были по крайней мере равны нам в этой великой области прозаического сочинения. Первыми великими мастерами греческого языка в прозе были историки, насколько сохранились их труды, хотя вполне вероятно, что ораторы, возможно, сформировали язык до них и придали ему гибкость и утонченность. Первыми великими прозаиками Рима были ораторы. Латинский язык также не был полностью развит и отшлифован до появления Цицерона. Но мы не пишем историю языка: мы говорим только о тех, кто написал бессмертные произведения в различных областях науки.

Как Геродот не появлялся до тех пор, пока греческий язык не был уже сформирован поэтами, так и великий прозаик не появлялся среди римлян в течение значительного времени после расцвета Плавта, Теренция, Энния и Лукреция.

[Прим. автора: Саллюстий.]

Первым великим историком был Саллюстий, современник Цицерона, родившийся в 86 году до н.э., в год смерти Мария. В. Фабий Пиктор, М. Порций Катон, Л. Кал. Пизон уже написал произведения, которые с уважением упоминаются латинскими авторами, но они были

простыми летописцами или антикварами, подобно хронистам Средневековья, и не претендовали на звание художников. Саллюстий сделал Фукидида своим образцом, но оказался ниже его по гениальности и возвышенным чувствам. Он родился плебеем и прославился своими талантами, но был изгнан из Сената за расточительство. Впоследствии он сколотил большое состояние в качестве претора и губернатора Нумидии и жил в роскоши на Квиринале — один из самых расточительных литераторов древности. Мы располагаем лишь небольшой частью его произведений, но дошедшие до нас фрагменты демонстрируют особую ценность. Он стремился проникнуть в человеческое сердце и раскрыть тайные мотивы, которые движут поведением людей. Его стиль блестящий, но его искусство всегда очевидно. Он ясен и оживлен, но риторичен. Подобно Вольтеру, положившему начало современной истории, он больше думал о стиле, чем о точности фактов. Он был тусовщиком и никогда не стремился выйти за рамки своей партии. Он подражал моралисту, но превращал эгоизм и любовь к удовольствиям в надлежащие пружины действия и читил талант, не связанный с добродетелью. Как и Карлайл, он превозносил *сильных* мужчин, и *потому, что* они были сильными. Он не был всеобъемлющим, как Цицерон, или философом, как Фукидид, хотя он влиял на философию так же, как и на мораль. Он был первым, кто отклонился от строгого изложения событий, а также ввел много риторических высказываний, которые он вкладывает в уста своих героев. [Примечание: Лучшими переводами этого автора являются переводы Стюарта, 1806, и Мерфи, 1807.] Он писал для *ecclat*.

[Прим. автора: Цезарь.]

Цезарь, как историк, занимает более высокое положение, и ни один римлянин никогда не писал на более чистой латыни, чем он. Но его исторические труды, как ни велики их достоинства, лишь слабо отражают его трансцендентный гений — самое величественное имя античности. Он был математиком, архитектором, поэтом, филологом, оратором, юристом, генералом, государственным деятелем—императором. По красноречию он уступал только Цицерону. Огромная ценность его истории заключается в зарисовках постановок, нравов, обычаев и политического состояния Галлии, Британии и Германии. Его наблюдения о военной науке, о ведении осад, строительстве мостов и военных машин являются ценными. Но описание его военных операций - это всего лишь продуманная апология его преступлений, даже несмотря на то, что бюллетени Наполеона были составлены для того, чтобы показать его победы в наиболее выгодном свете. Его слава основана на его победах и успехах как государственного деятеля, а не на его заслугах как историка, даже если Луи Наполеон останется в истории благодаря своим деяниям, а не как апологет Цезаря. [Примечание: См. "*Историю Цезаря*" Наполеона, произведение скорее ученое, чем популярное, как бы сильно он ни был обязан трудам других.] "Комментарии" напоминают историю Геродота больше, чем любое другое латинское произведение, по крайней мере, по стилю; они просты и незатронуты, точны и элегантны, незамысловаты и без претензий.

Цезарь родился в 100 году до н.э., и хотя я восхищаюсь его гением и великодушием, я испытываю отвращение к амбициям, которые побудили его отменить конституцию своей страны под предлогом революционной необходимости. Это правда, что существовала борьба партий и фракций, жаждущих мести и еще большей добычи. Это был период "*великих преступлений*", но это был также и самый яркий период в римской истории, поскольку это касалось развития гения. Это было более благоприятно для литературы, чем хваленая "эпоха Августа". Это был век свободных мнений, когда свобода испустила свой последний вздох и когда были предприняты

героические усилия, чтобы вернуть древнюю добродетель и спасти государство от деспотизма. Жизнеописания Пизона, Милона, Цинны, Лепида, Котты, Долабеллы, Красса, Квинта Максима, Аквилы, Помпея, Брута, Кассия, Антония показывают, какие выдающиеся деятели были тогда на сцене, как добрые, так и злые, в то время как Варрон, Цицерон, Катулл, Лукреций и Саллюстий прославляли литературный мир. Возможно, то, что имперское правление вытеснило аристократический режим, благоприятно сказалось на мире в обществе, но это было изменение, фатальное для свободы слова и любых независимых действий — изменение, благо которого было снаружи и в пользу материальных интересов, но зло которого было внутренним и тайно, но верно уничтожало истинное величие империи.

[Примечание: Сочинение в прозе.]

[Примечание: Высокое социальное положение историков.]

Эпоха Августа, хотя и породила целую плеяду поэтов, прославлявших трон, перед которым они падали ниц в униженном почтении, подобно придворным Людовика XIV, все же была неблагоприятна для создания прозы - как для истории, так и для красноречия. Из историков Ливий - единственный, чьи труды нам известны, и лишь фрагменты его истории. [Примечание: родился в 59 году до н.э.] Он был выдающимся человеком при дворе и имел большую литературную репутацию — настолько большую, что один испанец специально приехал из Кадиса, чтобы повидаться с ним. Большинство великих историков мира занимали почетные места и звания, которые были даны им не в качестве призов за литературные успехи, а за опыт, знания и культуру, обеспеченные высоким социальным положением и достаточными средствами. Геродот жил при дворах; Фукидид был великим полководцем, также Ксенофонтом; Цезарь описывал свои собственные подвиги; Саллюстий был претором и губернатором; Ливий был наставником Клавдия; Тацит был претором и консулом-суффектом; Евсевий был епископом и фаворитом Константина; Аммиан был другом императора Юлиана; Григорий Турский был одним из ведущих прелатов Запада; Фруассар лично, как человек высокого ранга, участвовал в военных экспедициях своего времени; Кларендон был лордом-канцлером; Бернет был епископом и фаворитом Вильгельма III.; Тьер и Гизо оба были премьер-министрами; в то время как Гиббон, Хьюм, Робертсон, Маколей, Гроте, Милман, Неандер, Нибур, Мюллер, Дальман, Бакл, Прескотт, Ирвинг, Бэнкрофт, Мотли - все они были богатыми или занимали высокое положение. Я также не помню ни одного прославленного историка, который был бы беден и заброшен.

[Прим. автора: Ливи.]

Древние считали Ливия величайшим из историков — мнение, с которым не согласны современные критики из-за его неточностей. Но его повествование всегда интересно, а язык чист. Он не отбирал доказательства, как Грот, и не обобщал, как Гиббон; но он был, подобно Вольтеру и Маколею, художником по стилю и обладал несомненным гением. Его летописи состоят из ста сорока двух книг, простирающихся от основания города до смерти Друзаса в 9 году до н.э., из которых до нас дошло только тридцать пять — впечатляющий комментарий к вандализму средневековья и невежеству монахов, которые не смогли сохранить такое великое сокровище. "Его история течет спокойным, ясным, искрящимся потоком, со всем очарованием, которое могут придать простота и непринужденность". Он описывает характер с большой ясностью и силой; его речи - благородные риторические композиции; его предложения - ритмичные интонации. Он не был историком-критиком, как Геродот, поскольку брал свои

материалы из вторых рук и ничего не знал о географии; он не писал в соответствии с возвышенными идеалами Фукидида, но как живописец прекрасных форм, которые могло создать только богатое воображение, ему нет равных в истории литературы. Более того, он был честен и трезв сердцем, справедлив и беспристрастен по отношению к тем фактам, с которыми был знаком.

[Примечание: Тацит.]

По оценке современных критиков, высший ранг как историка присвоен Тациту, и было бы трудно найти его соперника в любую эпоху или страну. Он родился в 57 году н.э., примерно через сорок три года после смерти Августа. Он принадлежал к сословию всадников и был человеком консульского достоинства. У него были все возможности для литературного труда, которые могли дать досуг, богатство, друзья и общественное положение, и он жил при правлении, когда можно было говорить правду.

Сохранившимися произведениями этого великого писателя являются "Жизнь Агриколы", его тестя; его "Анналы", которые начинаются со смерти Августа в 14 году н.э. и заканчиваются смертью Нерона в 68 году н.э.; "Исторические хроники", охватывающие период со второго консульства Гальбы в 68 году н.э. до смерти Домициана; и трактат о германцах.

[Примечание: Истории Тацита.]

Его истории описывают Рим в расцвете имперской славы, когда воля одного человека была высшим законом империи. Он также писал о событиях, когда свобода ускользнула, а иго деспотизма стало почти невыносимым. Он описывает период великой моральной деградации и не стесняется приоткрывать завесу лицемерия, в которую окутало себя его поколение. Он бесстрашно разоблачает жестокость и беззакония первых императоров и пишет с судебной беспристрастностью, уважая всех великих персонажей, которых он описывает. Ни один древний писатель не проявляет большего морального достоинства и цельности, чем Тацит. С точки зрения художественного единства он превосходит Ливия и равен Фукидиду, на которого он похож лаконичностью стиля. Его отличительным качеством как историка являются пронизательность и беспристрастность. Ничто не ускользает от его пронизательного взгляда; и он наносит заслуженное наказание тиранам, которые упивались поправленными свободами его страны, в то время как он увековечивает тех немногих, кто был верен долгу и совести в эпоху упадка. Но его труды не были так популярны, как труды Ливия. Ни князьям, ни народу не нравились его интеллектуальная независимость и нравственный подъем. Он не удовлетворяет доктора Арнольда, который считает, что должен был бы лучше разбираться в истории евреев, и которому не нравятся его речи, потому что они вымышлены.

[Примечание: Качества, которые дают бессмертие историкам.]

Ни латинские, ни греческие историки не вызывают восхищения у тех сухих критиков, которые стремятся придать редким антикварным вещам непропорционально большое значение и сделать этот вопрос таким же неизменным и несомненным, как истины естествознания. История никогда не может быть чем-то иным, кроме приближения к истине, даже когда она относится к событиям и персонажам нашего времени. История не дает положительных знаний, которые можно было бы оспорить иначе, как в общих чертах. Мы знаем, что Цезарь был честолюбив, но мы не знаем, был ли он более или менее честолюбив, чем Помпей, и не знаем, насколько он был оправдан в своей узурпации. Великая история должна обладать иными

достоинствами, чем простая точность, антикварные исследования или демонстрация авторитетных источников и примечаний. Это должно быть произведение искусства, а искусство имеет отношение к стилю и языку, к группировке деталей и богатству иллюстраций, к красноречию, поэзии и красоте. Сухую историю, если ее когда-либо так изучали, никогда не будут читать; к ней будут только обращаться, как к справочнику законов или "Комментариям" Мосхайма. Мы желаем *жизни* в истории, и именно ради этой жизни будут увековечены труды Ливия и Тацита. Вольтер и Шиллер не имеют больших заслуг как историки в техническом смысле, но "Жизнь Карла XII" и "Тридцатилетняя война" по-прежнему остаются классикой. Неандер написал одну из самых глубоких и запутанных историй современности, но она слишком суха, слишком искусна, чтобы ею дорожили, и может исчезнуть, как и объемные труды Варрона, самого ученого из римлян. Именно *искусство* бессмертно в книге, а не знания или даже мысли. Что поддерживает жизнь "Провинциальных писем"? Это стиль, ирония, элегантность. Именно изысканное обрисовывание характера, моральная мудрость, чистота и сила языка, художественное оформление, а также живые и интересные повествования, привлекающие внимание всех, такие как "Тысяча и одна ночь" или "Хроники" Фруассара, дают бессмертие классическим авторам древности. Мы не позволим им погибнуть, потому что они забавляют нас и вдохновляют. Ливий, несомненно, был слишком амбициозен, стремясь точно описать всю историю своей страны. Он был бы мудрее, если бы ограничил себя определенной эпохой, о которой был знаком, подобно Тациту и Фукидиду. Но это узкий взгляд на историю - сводить всех писателей к одному образцу, точно так же, как было бы фанатизмом приписывать всех христиан к одной секте. Одни будут примечательны стилем, другие - обучаемостью, а третьи - моральной и философской мудростью. Некоторые из них будут подробными, а другие обобщающими. Одни выкапывают множество фактов без видимой цели, а другие делают выводы из этих фактов. Одни будут писать очерки, другие - хроники. Нам нужны все стили и все виды совершенства. У великого и оригинального мыслителя может не быть времени, или возможности, или вкуса к обстоятельной критике оригинальных авторитетов; но он может быть способен обобщить ранее установленные факты, чтобы извлечь наиболее ценные моральные наставления. История - это безграничная область исследования. Ни один человек не может овладеть им во всех его отделах и периодах. То, что он приобретает в мельчайших деталях, он склонен терять в обобщениях. Если он пытается воплотить в себе слишком много учености, ему может не хватать оригинальности; если он будет говорить все подряд, он склонен быть сухим; если он слишком много уточняет, он теряет жизнь. Обществу тоже требуются разные виды и стили истории — история для студентов, история для дам, истории для стариков, истории для юношей, истории для развлечения и истории для обучения. Если бы все люди писали историю в соответствии со взглядами доктора Арнольда, то у нас были бы истории, представляющие интерес только для ученых-классиков. Член Церкви Христа может потребовать авторитетных источников, даже если он никогда не консультируется ни с одним из них, но член Конгресса может пожелать видеть знания, воплощенные в тексте и одушевленные гением, по примеру древних историков, которые никогда не цитировали свои источники знаний и которых ценили за богатство мыслей и художественную красоту стиля. Эпохи, в которые они процветали, не придавали значения педантичной демонстрации труда или свидетельствам учености, выставленным напоказ в примечаниях.

[Примечание: Величие древних историков.]

Таким образом, великие историки, на которых я ссылался, как греческие, так и латинские, в наше время имеют мало равных и не имеют превосходства в тех вещах, которые больше всего

заслуживают восхищения. Это были не педанты, а люди огромного гения и образованности, которые сочетали глубочайшие принципы моральной мудрости с самыми захватывающими повествованиями, люди, пользующиеся всеобщей популярностью среди ученых и необразованных, и люди, которые были великими художниками по стилю и мастерами языка, на котором писали. Мы заявляем о своем превосходстве над ними, потому что мы более проникательны и критичны; но упадок римской литературы можно отнести ко временам, когда комментарии вошли в моду. Мы совершенствуем комментарии. В основном они сводятся к библейским вопросам. Мы пишем словари и энциклопедии. В этом отношении мы превосходим древних. Наша новейшая мода на истории делает их очень длинными и очень неопределенными, содержащими много не относящегося к делу материала и более примечательными с точки зрения учености, чем гениальности или элегантности изложения. И все же Маколею, Прескотту и Мотли мало равных среди древних по интересу или художественной красоте.

[Прим. автора: Светоний.]

[Прим. автора: Марцеллин.]

Рим не может похвастаться ни одним великим историком после Тацита, который должен был бы принадлежать к цicerоновской эпохе. Светоний, родившийся примерно в 70 году н.э., вскоре после смерти Нерона, был скорее биографом, чем историком. И как биограф он не занимает высокого положения. Его "Жизнеописания цезарей", как и "Жизнеописания философов" Диогена Лаэртца, скорее анекдотические, чем исторические. Л. А. Флор, процветавший во времена правления Траяна, оставил серию очерков о различных войнах от дней Ромула до времен Августа. Фронтин олицетворял обширную историю Помпея. Марцеллин написал историю от Нервы до Валенса, и его часто цитирует Гиббон. Но никто не написал того, кого следовало бы привести в качестве примеров триумфа гения, за исключением Саллюстия, Цезаря, Ливия и Тацита.

[Примечание: древние ораторы.]

[Примечание: Древнее красноречие.]

Есть еще одна область прозаических сочинений, в которой греки и римляне добились больших успехов и доказали, что они равны любой нации нового времени, и это была область красноречия. Это правда, что у нас нет богатой коллекции древних речей. Но у нас есть все основания полагать, что и греки, и римляне были наиболее строго обучены искусству публичных выступлений и что судебное красноречие высоко ценилось и щедро вознаграждалось. Она началась с демократических институтов и процветала до тех пор, пока народ был великой силой в государстве. Она приходила в упадок всякий раз, когда к власти приходили тираны. Красноречие и свобода процветали вместе; да и не может быть красноречия, когда нет свободы дебатов. В пятом веке до Рождества Христова — первом веке демократии — появились великие ораторы, ибо без власти и возможности защитить себя от обвинений ни один человек не мог занимать высокое положение. Сократ настаивал на том, что ораторский дар присущ армейскому генералу [Примечание: Хеп. Мет., iii. 3, 11.], а также лидеру в политической жизни. В Афинах было множество судов, и те, кто не мог защитить себя сам, были вынуждены прибегать к услугам тех, кто был обучен публичным выступлениям. Так возникли юристы, среди которых красноречие было более востребовано и более щедро оплачивалось, чем в любом другом

классе, несомненно, в древние времена. Риторика была связана с диалектикой, и в Греции, на Сицилии и в Италии обе эти науки культивировались наиболее широко. Эмпедокл отличался как риторикой, так и философией. Однако наибольший огонь и страсть красноречие проявляло не в судах, а на политических собраниях. Они могли сосуществовать только со свободой; а демократия была более благоприятна для большого числа граждан, чем аристократия. Можно сказать, что красноречие как искусство зародилось в греческих республиках. Она была возвращена и подпитывалась политической агитацией, борьбой партий. Она возникла из обращения к народу как источнику власти; и когда народ не был образован, она апеллировала главным образом к народным страстям и предрассудкам. Когда они были просвещены, это взывало к интересам.

[Примечание: Перикл.]

Именно в Афинах, где существовала чистейшая форма демократических институтов, красноречие достигло самых высоких высот в древнем мире, поскольку оно взывало к народным страстям. Перикл, величайший государственный деятель Греции, прославился своим красноречием, хотя до нас не дошло ни одного примера. Древние авторы признавали, что его ораторское искусство было высочайшего уровня, и эпитет Олимпийца был дан ему за то, что он носил на языке оружие Зевса. [Сноска: Плутарх; *Cic. De Orat.*, iii. 34; Квинт., x. i. Раздел 82; *Plat. Phed.*, стр. 262.] Его голос был приятным, а речь отчетливой и быстрой. Писистрат также был известен своим красноречием, хотя и был узурпатором и тираном. Исократ [Примечание: родился в 436 году до н.э.] был признанным ритором и пытался основать его на здравых моральных принципах и спасти от влияния софистов. Он был великим учителем самых выдающихся государственных деятелей своего времени. До нас дошла двадцать одна его речь, и они чрезмерно отшлифованы и проработаны; но они были написаны для того, чтобы их читали; они не были импровизацией. Его язык - чистейший и утонченнейший аттический диалект. Лисий [Примечание: родился в 458 году до н.э.] также был талантливым автором ораций, и считается, что он создал целых четыреста двадцать пять. Из них сохранилось только тридцать пять. Они отличаются особой грацией и элегантностью, которые не мешали силе. Эти речи были настолько искусными, что только две не увенчались успехом. Они были настолько чисты, что считались лучшим канонem аттического идиoma. [Сноска: Дион. *Лис.*, ii. 3.]

[Примечание: Демосфен.]

Но все ораторы Греции — а Греция была страной ораторов - уступили место Демосфену, родившемуся в 385 году до н.э. Он получил хорошее образование, и, как говорят, его обучал философии Платон, а красноречию Исократ. Но более вероятно, что он в частном порядке готовился к своей блестящей карьере. Как только он достиг совершеннолетия, он подал иски против людей, которых его отец назначил его опекунами за растрату имущества, и через два года добился успеха, сам ведя судебное преследование. Только в возрасте тридцати лет он выступил в качестве оратора в общественном собрании по политическим вопросам, пользовался всеобщим уважением и стал одним из ведущих государственных деятелей Афин, и с тех пор он принимал активное участие во всех вопросах, которые касались государства. Он особенно отличился в своих речах против усиления Македонии, и его филиппики, пожалуй, самые блестящие из его выступлений. Но дело, которое он отстаивал, оказалось неудачным. Битва при Херонее в 338 году до н. э. положила конец независимости Греции, и Филипп Македонский стал всемогущим. В некоторой степени ответственность за эту катастрофу нес

Демосфен, но его мотивы были чисты, а патриотизм возвышен, и он сохранил доверие своих соотечественников. Обвиненный Эсхином, он произнес свою знаменитую Речь о Короне. Впоследствии, во время правления Александра, он снова был обвинен и подвергся изгнанию. Отозванный из ссылки после смерти Александра, он поднялся на борьбу за освобождение Греции, но безуспешно, и, преследуемый своими врагами, принял яд на шестьдесят третьем году жизни, тщетно сражаясь за свободу своей страны, — один из благороднейших духов древности, безупречный в своей общественной карьере и возвышенный в личной жизни. Как оратор, с ним, вероятно, не сравнится ни один человек ни в одной стране. Современники считали его безупречным оратором, и если вспомнить, что он боролся с физическими трудностями, которые в начале его карьеры совершенно обескуражили бы любого обычного человека, мы чувствуем, что он заслуживает высочайшей похвалы. Он никогда не выступал без подготовки, и большинство его речей были тщательно проработаны. Он никогда не доверял импульсу случая. И все его речи демонстрируют его как чистого и благородного патриота и полны самых возвышенных чувств. Он был великим художником, и его ораторские успехи во многом были обусловлены расположением его речей и применением самых веских аргументов в нужных местах. К этому моральному и интеллектуальному превосходству добавлялась "волшебная сила его языка, величественного и в то же время простого, богатого, но не напыщенного, странного и в то же время знакомого, торжественного без прикрас, серьезного и в то же время приятного, краткого и в то же время беглого, сладкого и в то же время впечатляющего, который полностью захватывал умы его слушателей". [Примечание: Леонард Шмитц.] Его речи высоко ценились древними, которые написали к ним бесчисленные комментарии, но большая часть этих критических замечаний утрачена. Шестьдесят, однако, из этих великих гениальных произведений дошли до нас и содержатся в различных сборниках "Аттических ораторов" Альдуса, Стивенса, Тейлора, Рейске, Дукаса, Беккера, Добсона и Сауппе. Демосфен, как и другие ораторы, впервые стал известен как составитель речей для тяжущихся сторон; но его великая слава была основана на речах, которые он произносил в чрезвычайных политических ситуациях. Его соперником был Эсхин, но он значительно уступал Демосфену, хотя и был смелым, энергичным и блестящим. Действительно, мнения человечества на протяжении двух тысяч лет были единодушны в приписывании Демосфену наивысшего положения оратора из всех людей древности и современности. Дэвид Хьюм говорит о нем: "Если бы его манеру можно было скопировать, успех у современной аудитории был бы безошибочным". "Это быстрая гармония, точно подогнанная под смысл. Это страстное рассуждение, без малейшего намека на искусство. Это презрение, гнев, смелость, свобода, вовлеченные в непрерывный поток аргументации; так что из всех человеческих творений его речи представляют нам образцы, наиболее приближенные к совершенству". [Примечание: *Диссертация лорда Броэма о красноречии древних.*]

[Примечание: римские ораторы.]

Вполне вероятно, что римляне уступали афинянам во всех искусствах риторики; и все же во времена республики появились знаменитые ораторы, вызванные практикой закона и политическими собраниями. Фактически, именно в области судебного красноречия латинская проза впервые появилась как культурный язык; ибо форум был для римлян тем же, чем библиотеки являются для нас. А искусство публичных выступлений было развито очень рано. Говорят, что Катон, Лелий, Карбон и Гракхи отличались величественностью и гармоничностью речи. Их заслуги затмили Антоний, Красс, Котта, Сульпитий и Гортензий. Последний сделал блестящую карьеру оратора, хотя его речи были слишком цветистыми, чтобы их можно было

прочесть. Цезарь также отличался своим красноречием, отличительными чертами которого были сила и чистота. Целий был известен возвышенными чувствами, Брут - философской мудростью, Каллид - тонким и гармоничным стилем, а Кальв - нравоучительной силой.

[Прим. автора: Цицерон.]

Но все римские ораторы уступали Цицерону, как греки уступили Демосфену. Эти два человека всегда объединяются, когда речь заходит о красноречии. Они были выдающимися в древнем мире, и им никогда не было равных в современном.

Цицерон, вероятно, не был равен своему великому греческому сопернику в горячности, силе, пламенных аргументах, которые сметали все на своем пути; и он, вероятно, не был равен ему по оригинальному гению; но он превосходил его в учености, культуре и широте взглядов.

[Примечание: родился в 106 году до н.э.] Он очень рано проявил себя как адвокат; но его первым крупным публичным выступлением было судебное преследование Верреса за коррупцию. Несмотря на защиту Гортензия и все влияние Метеллов и других влиятельных семей, Цицерон добился своего — ему повезло больше, чем Берку, в его преследовании Уоррена Гастингса, которого также поддерживали влиятельные интересы и семьи. Берк также напоминал Цицерона своими особенностями и судьбой больше, чем любой современный оратор. Его речь о законе Манилия, когда он выступал как политический оратор, во многом способствовала его популярности. Мне нет нужды описывать его незабываемую карьеру; его последовательные избрания на все высшие государственные посты, раскрытие им заговора Катилины, его противостояние буйным и амбициозным сторонникам, его отчуждение и дружбу, его блестящую карьеру государственного деятеля, его несчастья и печали, его изгнание и отзыв, его великолепные заслуги перед государством, его величие и его недостатки, его добродетели и слабости, его триумфы и мученичество. Они чужды моей цели. Ни один человек языческой древности не известен нам лучше, и ни один человек, благодаря чистому гению, никогда не снискивал более славных лавров. Его жизнь и труды бессмертны. Его добродетели и заслуги забальзамированы в сердце мира. Немногие люди когда-либо выполняли более значительные литературные подвиги, причем в большинстве его отделов. После Аристотеля он был самым образованным человеком древности, но выполнял более разнообразную работу, чем он, поскольку был не только великим писателем и оратором, но и государственным деятелем и был самым заметным человеком в Риме после Помпея и Цезаря. Возможно, он не обладал ни моральным величием Сократа, ни философским гением Платона, ни всепоглощающим красноречием Демосфена, но он был мастером всей мудрости древности. Даже гражданское право, великая наука римлян, стала интересной в его руках и лишилась своей сухости и формальности. Он популяризировал историю и воздавал честь всему искусству, даже сцене. Он познакомил римлян с греческой философией и систематизировал различные рассуждения. Возможно, он ничего не добавил к науке, но ни один римлянин после него не понимал так хорошо практическое значение всех различных систем. Его слава носит чисто интеллектуальный характер, и именно благодаря чистому гению он достиг своего высокого положения и влияния.

Но он был выдающимся специалистом в области судебного красноречия, в котором в древние времена ему не было равных. Римское красноречие достигло высшей точки в нем. Он сочинил около восьмидесяти речей, из которых сохранилось пятьдесят девять. Некоторые были

произнесены с трибуны перед народом, а некоторые - в Сенате. Некоторые были просто филиппиками, столь же жестокими по обличению, как у Демосфена. Некоторые из них были хвалебными, некоторые - осуждающими, но все были строго логичны, полны исторических аллюзий, полны философской мудрости и проникнуты духом патриотизма. "Он ходит вокруг своей цели, рассматривает ее со всех сторон, исследует во всех ее частях, отступает, а затем продвигается вперед, сравнивает и противопоставляет ее, иллюстрирует, подтверждает и навязывает ее, пока слушателю не становится стыдно за то, что он сомневается в позиции, которая, кажется, построена на столь строго аргументированном фундаменте. И, доказав свою правоту, он обрушивает на своего оппонента поток насмешек, настолько деликатных и добродушных, что последнему невозможно отстоять свою позицию перед ними; или, когда тема слишком серьезна, он окрашивает свои преувеличения всей горечью иронии и неистовостью страсти. Но обращение к более мягким эмоциям приберегается для завершения речи, как, например, в защиту Клуенция, Целия, Милона и Флакка; наиболее яркими примерами этого являются поэтические всплески чувств, с которыми он обращается к своему клиенту Плавцию, и его картина безутешного положения весталки Фонтеи, если ее брат будет осужден. В других случаях его речь содержит более героические и возвышенные чувства, как, например, в обращении к Алтарям Альбана, в его защите Секстия и в обращении о свободе в конце третьего Филиппика". [Сноска: Ньюман, *История. Рим. Лит.*, стр. 305.]

Критики единодушно восхищались его стилем как особенно подходящим для латинского языка, который, будучи скудным и немзыкальным, требует больше избыточности, чем греческий. Простота аттических авторов сделала бы латинскую композицию смелой и прирученной. Чтобы быть наглядной, латынь должна быть полной. Таким образом, Арнольд считает, что то, что Тацит приобрел в энергии, он потерял в элегантности и проницательности. Но Цицерон, имея дело с бесплодным и нефилософским языком, обогатил его околичностями и метафорами, в то время как он сформировал его из резких и неотесанных выражений и таким образом стал величайшим мастером композиции, которого когда-либо видел мир. Он был великим художником, наилучшим образом использовавшим свои скудные материалы; и поскольку он не мог достичь элегантности греков, он стремился превзойти их в энергии. Он обладал абсолютным контролем над ресурсами своего родного языка и не только непревзойденным мастерством в композиции, но и тактом и рассудительностью. Таким образом, он в целом добился успеха, несмотря на продажность и развращенность того времени. Суды были ареной его первых триумфов; и он не выступал с трибуны, пока не стал претором, по чисто политическим вопросам, например, по поводу манилианского и аграрного законов. Именно в своих политических рассуждениях он поднимается до самых высоких ступеней. В своих речах против Верреса, Катилины и Антония он разжигает в своих соотечественниках возвышенные чувства к чести своей страны и отвращение к тирании и коррупции. Действительно, он ненавидел кровопролитие, несправедливость и раздоры и с неопишуемой скорбью наблюдал за падением свободы.

Цицерон занимал очень высокое положение как философ-писатель и критик; но мы отложим то, что должны сказать по этому вопросу, до тех пор, пока не поговорим о философии древних. Однако его основные усилия были направлены на красноречие, и красноречие было самым совершенным плодом его талантов. Мы также не можем здесь говорить о Цицероне как о человеке. У него есть свои поклонники и недоброжелатели. У него были большие недостатки и слабости, а также добродетели. Он был эгоистичен, тщеславен и нерешителен. Но он был трудолюбив, дружелюбен, остроумен и стремился к общественной деятельности. На своем официальном посту он был неподкупен. Он не был солдатом, но обладал более чем воинским

мастерством. Несмотря на его недостатки, его имя - одно из самых ярких среди древних. Его честность никогда не подвергалась сомнению, даже в эпоху беспрецедентной коррупции, и он был чист морально. Он был свободен от злобы и ревности, был верен в дружбе и снисходителен к своим подчиненным. [Примечание: Профессор Рамзи из Глазго написал замечательную статью о Цицероне в *Словаре* Смита. Она очень полная и беспристрастная. Сочинения самого Цицерона - лучший комментарий к его жизни. Плутарх позволил себе много анекдотов. Форсайт - последнее произведение эрудиции. Критики насмеяются над "*Жизнью Цицерона*" Миддлтона, но она просуществовала сто лет. Возможно, она слишком хвалебна. Говорят, что Друманн наиболее полно исчерпал свою тему в своих *исторических романах*.]

Таким образом, в ораторском искусстве, как и в истории, древние могут похвастаться самыми выдающимися примерами, равных которым никогда не было. И все же мы не можем сравнить достоинства великих классических ораторов древности с более выдающимися ораторами нашего времени. Только Мирабо, Питт, Фокс, Берк, Броэм, Вебстер и Клей могут сравниться с ними. О некоторых наших современных реформаторах и агитаторах, способных двигать людьми, можно сказать благосклонно; но их разглагольствования при чтении кажутся сравнительно сдержанными.

[Примечание: Варрон.]

В философии греки и римляне отличились больше, чем даже в поэзии, истории или красноречии. Их рассуждения касались самых возвышенных тем, которые когда-либо волновали интеллект человека. Но этот великий отдел заслуживает отдельной главы. Были респектабельные писатели и в различных других областях литературы, но не было очень известных имен, чьи труды дошли до нас. Современники были высокого мнения о Варроне, который считался самым образованным из римлян, а также их самым объемным автором. Он родился за десять лет до Цицерона, и Августин высоко оценил его. [Примечание: Родился в 116 году до н.э.; *Civ. Dei.*, vi. 2.] Он был всецело предан литературе, не интересовался преходящими событиями и дожил до глубокой старости. Святой Августин говорит о нем: "что он написал так много, что удивляешься, как у него хватало времени читать; и что он так много читал, что мы удивляемся, как он находил время писать". Он написал четыреста девяносто книг. Из них только одна дошла до нас целиком — "О сельской жизни", написанная в возрасте восьмидесяти лет; но это лучший трактат, дошедший из античности по древнему земледелию. У нас есть отрывки из других его книг, и мы знаем о книгах, которые полностью исчезли, информация о которых была бы бесценна; особенно о его "Божественных древностях" в шестнадцати книгах — его великом труде, из которого св. Августин черпал материалы для своего "Града Божьего". Он писал трактаты о языке, о поэтах, о философии, о географии и по многим другим предметам. Он писал сатиру и критику. Но хотя его труды были изучены, его стиль был настолько плох, что века не смогли сохранить его. Удивительно, что по-настоящему бессмертные книги больше всего ценятся за их художественное совершенство. Ни один человек, каким бы великим ни был его гений, не может позволить себе быть скучным. Стиль - это то же самое, что письменное произведение для публичного оратора. Джон Фостер, один из лучших интеллектуалов последнего поколения, проповедовал "горстке" слушателей, в то время как "Сатана" Монтгомери привлекал восторженные толпы. Никто не идет слушать человека мысли, все стремятся услышать человека слова, будучи отталкиваемыми или привлекаемыми *манерами*.

[Прим. автора: Сенека.]

Сенека был еще одним великим писателем среди римлян, но он принадлежит к области философии, хотя именно его этические труды дали ему бессмертие, как можно справедливо сказать о Сократе и Эпиктете, хотя их обычно причисляют к философам. Он был испанцем и родился за несколько лет до христианской эры, был юристом и ритором, учителем и министром Нерона. Ему не повезло быть знакомым с одним из самых отвратительных принцев, когда-либо шокировавших человечество, и не в его заслугу входит то, что за четыре года он сколотил одно из крупнейших состояний в Риме, служа такому хозяину. Но поскольку он пережил свою неблагодарность, его чаще считают мучеником. Если бы он жил в республиканский период, он был бы великим оратором. Он много писал на многие темы и был предан литературной жизни. Он отвергал суеверия своей страны и смотрел на религиозную ритуальность как на обычную моду; но его религия была простым деизмом, и он обесчестил свои собственные добродетели, потворствуя порокам других. Он многое повидал в жизни и умер в пятьдесят три года. Что примечательно в его трудах, которые ясны, но вымучены, так это то, что под языческим влиянием и имперской тиранией он представил такую возвышенную моральную истину; и это признак почти трансцендентного таланта, что он, без помощи христианства, взлетел так высоко в сфере этических исследований. Нелегко найти и какого-либо современного автора, который бы так привлекательно подходил к великим вопросам.

[Прим. автора: Квинтилиан.]

Квинтилиан - латинский классик, принадлежавший к классу риторов, и его следовало бы упомянуть среди ораторов, подобно Лисию Греку, который, однако, был скорее учителем красноречия, чем оратором. Он родился в 40 году нашей эры и преподавал младшему Плинию, также двум племянникам Домициана, регулярно получая жалованье из императорской казны. Его великий труд - это полная система риторики. "*Institutiones Oratoriae*" - одно из самых ясных и полных риторических руководств, когда-либо написанных на любом языке, хотя как литературное произведение уступает "*De Oratore*" Цицерона. Это очень практичный и разумный справочник по каждой теме, который, вероятно, будет полезен при обучении претендента на звание мастера красноречия. По систематическому расположению она не дотягивает до аналогичной работы Аристотеля; но она известна своими здравыми суждениями и острой пронизательностью, демонстрирующими большую начитанность и рефлексивность. Его следует рассматривать скорее как критика, чем как ритора, поскольку он вникал в достоинства и недостатки великих мастеров греческой и римской литературы. В своей специфической области он не имел превосходства. Подобно Цицерону, или Демосфену, или Платону, или Фукидиду, или Тациту, он был бы великим человеком, если бы жил в наше время, и мог бы с гордостью бросить вызов современному миру, чтобы тот создал лучшего учителя в искусстве публичных выступлений, чем он.

[Примечание: Люциан.]

Есть и другие писатели с огромной известностью, которые не представляют какого-либо определенного класса в области литературы, который можно было бы сравнить с современным. Но я могу только привлечь внимание к Лукиану, остроумному и объемному греческому автору, который жил во времена правления Коммода, писал риторические, критические и биографические работы и даже романы, которые дали намеки современным авторам. Но его слава зиждется на его "Диалогах", призванных высмеять языческую философию и религию и которые показывают, что он был одним из великих мастеров античной сатиры и глумления. Его

стиль диалога — сочетание Платона и Аристофана — мало используется современными писателями, и его своеобразный вид насмешек теперь приберегается для сцены. И все же его нельзя назвать автором комедии, подобно Мольеру. Он похож на Рабле и Свифта больше, чем кто-либо другой из современных писателей, и обладает их негодующим остроумием, неприличными шутками и едким сарказмом. Подобно Ювеналу, он рисует пороки и безумства своего времени и разоблачает лицемерие, царящее на вершинах моды и власти. Его диалогам подражали Фонтанелл и лорд Литтлтон, но они не обладают его юмором или остротой. Лукиан не борется с великими истинами, но довольствуется тем, что высмеивает тех, кто их провозгласил; и в своем холодном цинизме обесценивает человеческое знание и всех великих учителей морали человечества. Он даже поверхностен и легкомыслен по отношению к Сократу. Но он был хорошо разбирался в человеческой природе и поверхностно знаком со всеми знаниями древности. По остроумию и сарказму его можно сравнить с Вольтером, и цель у него была та же - разрушать и сносить, ничего не заменяя взамен. Его скептицизм был универсальным и распространялся на религию, философию и на все почитаемое и древнее. Эразм восхищался чистотой его стиля, и он был переведен на большинство европейских языков. Лучшая английская версия переведена доктором Франклином, Лондон, 2 тома 4то. Сильный контраст с "Диалогами" составляет "Град Божий" святого Августина, в котором он с еще большей остротой высмеивает всех богов древности, но заменяет их знанием об истинном Боге.

Таким образом, римляне, так же как и греки, создали произведения во всех областях литературы, которые можно сравнить с шедеврами современности. И где была бы литература ранней Церкви или современных наций, если бы великие оригинальные писатели Афин и Рима не были нашими школьными учителями? И когда мы далее вспоминаем, что их славная литература была создана местным гением без помощи христианства, мы преисполняемся изумления и, возможно, нам будет почти простительно, если мы обожествим человеческий разум. По крайней мере, мы уверены, что литература, как и искусство, может процветать под языческим влиянием и что христианство имеет более высокую миссию, чем культура разума. Религиозный скептицизм нельзя обезоружить, если мы обратимся к христианству как к критерию интеллектуальной культуры. В царстве разума нет более прекрасных полей, чем те, которые украшены языческим искусством. В эти, наши христианские времена, не было засвидетельствовано большего триумфа интеллекта, чем среди того класса, который меньше всего подвержен влиянию христианских идей. Некоторые из самых почетных трофеев гениальности были завоеваны неверующими или людьми, заклеяменными как таковые. Посмотрите на Вольтера, Руссо, Дидро, Гегеля, Фихте, Гиббона, Юма, Бакля. И потом, сколько великих произведений написано без вдохновения или духа живого христианства! Как мало Бульвер, или Байрон, или Дюма, или Гете, по-видимому, обязаны христианскому учению! Превосходит ли Эмерсон Эпиктета с этической точки зрения? Был ли Франклин великим философом или Джефферсон великим государственным деятелем, потому что они были окружены примерами христианства? Разве не может быть величайшего практического безбожия при самой художественной красоте и естественном размахе мысли? Мильтон справедливо приписывает сатане и его ангелам самый возвышенный разум на грани восстания против величия Небес. Великий гений может быть зажжен огнем недовольства и честолубия, который оживит интеллектуальные способности, даже если они пожирают душу, и распространит свое разрушительное влияние на дома и надежды людей.

* * * * *

ССЫЛКИ.— Нет лучших авторитетов, чем сами классические авторы, и их произведения необходимо изучать, чтобы постичь дух древней литературы. Современные историки римской литературы - всего лишь критики, такие как Друманн, Шлегель, Нибур, Мюллер, Моммзен, Мюре, Арнольд, Данлэп и Томпсон. Я также не знаю исчерпывающей истории римской литературы на английском языке. И все же почти у каждого великого писателя время от времени возникают критические замечания, заслуживающие уважения. Немцам в этом плане нет равных. Как критикам и комментаторам им нет равных.

ГЛАВА VIII.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Что бы ни говорили о неполноценности древних перед современными в естественных и механических науках, которые никто не склонен подвергать сомнению, или даже в области литературы, которая может быть подвергнута сомнению, была одна область, которую они довели до абсолютного совершенства и к которой мы не добавили ничего существенного. В области искусства они были нам равны и, возможно, превосходили нас; в философии они довели логические выводы до предела. Они создали науку. От нескольких грубых рассуждений о материальных явлениях они перешли к анализу всех сил разума и, наконец, к установлению этических принципов, которые не опровергло даже христианство. Прогресс науки, от Фалеса до Платона, является самым грандиозным триумфом человеческого понимания. Разум человека взлетел на самые высокие высоты, которых он когда-либо достигал. Она обратила свой пытливый взор к самым трудным исследованиям, которые когда-либо ставились перед знаменитыми умами мира. Она исчерпала все темы, которые когда-либо поднимала диалектическая тонкость. Она породила и осуществила самые смелые спекуляции относительно природы души и ее будущего существования. Она установила важнейшие психологические истины. Она создала метод для решения самых сложных вопросов. Это продолжалось от пункта к пункту, пока все способности ума не были подвергнуты строгому анализу, а все его операции не были подчинены жесткому методу. Римляне никогда не добавляли ни единого принципа к философии, разработанной греками; изобретательные схоласты средневековья просто воспроизводили их идеи; и даже глубокие и терпеливые немцы вращались в тех же кругах, которые более двух тысяч лет назад очертили Платон и Аристотель. Это была греческая философия, на которой воспитывалась благородная римская молодежь, и, следовательно, в том виде, в каком она была изложена Цицероном, Марком Аврелием и Эпиктетом, она была таким же наследием римлян, как и самих греков, после того как их политические свободы были отменены, а греческие города вошли в состав Римской империи. Римляне узнали или могли бы узнать то, что создали и чему учили греки, и философия стала, как и искусство, отождествляться с цивилизацией, простиравшейся от Рейна и По до Нила и Тигра. Греческая философия была одной из отличительных черт древней цивилизации еще долгое время после того, как греки перестали размышлять о законах разума, или природе души, или существовании Бога, или будущих наградах и наказаниях. Хотя она была чисто греческой по своему происхождению и развитию, ее нельзя исключить из обзора триумфов человеческого разума, когда римляне были хозяевами мира и монополизировали плоды всех искусств и наук. Он стал одним из величайших украшений римских школ, одним из бесценных достояний римских завоевателей. Римляне не были основателями медицины, но Гален был одним из ее величайших светочей; они не изобрели гекзаметр, но Вергилий пел в меру; они не создавали ионических капителей, но их города были украшены мраморными храмами по тем же

принципам, что и те, которые вызывали восхищение Перикла. Итак, если они и не были зачинщиками философии и вообще не имели к ней никакого вкуса, то все же ее истины были систематизированы и объяснены Цицероном и составили немалое дополнение к сокровищам, которыми повсюду стремились обогатиться развитые умы. Она составляла существенную часть интеллектуального богатства цивилизованного мира, когда цивилизация не могла предотвратить упадок и разорение мира. И поскольку это был самый благородный триумф, которого когда-либо достиг человеческий разум под языческим влиянием, за ним последовало самое унижительное слабоумие, до которого когда-либо позволяли впасть человеку в цивилизованных странах. Философия, как искусство, как литература, как наука, возникла, засияла, померкла и исчезла, оставив мир во тьме. Почему за такой яркой славой последовал такой мрачный позор? Какой это комментарий к величию и ничтожеству человека!

[Примечание: Начало греческих размышлений.]

Развитие греческой философии, несомненно, является одним из самых интересных и поучительных предметов греческого языка во всей истории сознания. По всей вероятности, оно возникло у ионийского софоя, хотя многие предполагают, что оно пришло с Востока. Сомнительно, была ли у восточных народов какая-либо философия, отличная от религии. Немцы любят проследить сходство в ранних рассуждениях греков с системами, господствовавшими в Азии с очень отдаленной древности. Глэдиз видит в системе Пифагора заимствование китайских доктрин; в системе Гераклита - влияние Персии; в эмпедокловской - египетские спекуляции; а в анаксагорейской - еврейские верования. [Примечание: Льюис, *Биог. История. Философии.*, Введение.] Но у народов Востока были теогонии, а не философии. Индийские рассуждения направлены на изложение древнего откровения. Они заявляют, что освобождают душу от пороков земной жизни — чтобы достичь вечных блаженств. Но состояние совершенствования может быть достигнуто только соблюдением религиозных церемоний и благочестивым созерцанием. Индийские системы не брезгают логическими дискуссиями или поиском принципов, из которых состоит вселенная; и поэтому мы находим великие усовершенствования в софистике и удивительную тонкость логических рассуждений; но все это направлено к недостижимым целям — к соединению добра со злом и единству высшего с природой. Из этих рассуждений не вышло ничего, кроме случайного возвышения ума среди ученых и глубокого убеждения в ничтожестве человека и препятствиях на пути к его совершенству. [Примечание: См. Прекрасную лекцию Арчера Батлера об индийской философии.] Греки, начав с физических явлений, продолжили последовательный ряд исследований, пока не поднялись над материей, над опытом, даже до самых возвышенных абстракций, и пока не классифицировали законы мышления. Любопытно, как спекуляция привела к демонстрации и как исследования мира материи подготовили путь к решению интеллектуальных явлений. Философия шла в ногу с геометрией, и те, кто наблюдал за природой, также наслаждались сложными вычислениями. Философия и математика, по-видимому, были связаны с поклонением искусству у одних и тех же людей, и трудно сказать, что их больше отличало: эстетическая культура или способность к глубокомысленным рассуждениям.

[Прим. автора: Фалес.]

[Примечание: Вода - жизненный принцип природы.]

Мы не читаем ни о каком выдающемся философском исследователе до появления Фалеса, первого представителя ионийской школы. Он родился в Милете, греческой колонии в Малой Азии, примерно в 636 году до н.э., когда Анк Марций был царем Рима, а Иосия правил в Иерусалиме. Он не оставил после себя никаких трудов, но был причислен к семи мудрецам Греции. Он был причислен к мудрецам из-за своей политической проницательности и мудрости в государственных делах. [Сноска: Миллер, История, греческая литература, глава xvii.]

- И он, как говорят, первым вычислил звезды
Которые переключают телегу Чарльза и направляют лодку
Финикийского моряка по морю.

Он был первым, кто попытался логически разрешить материальные явления, не прибегая к мифическим представлениям. Фалес чувствовал, что необходимо ответить на важный вопрос относительно *начала вещей*. "Философия, - хорошо сказано, - может быть историей *ошибок*, но *небезумия*" В тот грубый век не считалось безумием рассуждать о первом или фундаментальном принципе вещей. Он посмотрел вокруг себя на Природу, на море, землю и небо и пришел к выводу, что вода или влага является жизненным принципом. Он чувствовал это в воздухе, он видел это в облаках над головой и в земле у себя под ногами. Он увидел, что растения питаются за счет дождя и росы, что ни животное, ни человек не могут жить без воды и что для рыб она является естественной стихией. Что может быть важнее или жизненно важным, чем вода? Это была *prima materia*, [греч. *archae*] начало всех вещей — происхождение мира. [Примечание: Аристотель, *Метафора.*, 1. с. 3; Диог. Лаэртский, *Фалес.*] Я не говорю здесь о его астрономических и геометрических трудах — как о первом, кто разделил год на триста шестьдесят пять дней. Он известен также практической мудростью. "Познай самого себя" - одно из его замечательных высказываний. Но основополагающим принципом его философии было то, что вода является первопричиной всех вещей — объяснением происхождения вселенной. Трудно предположить, как столь грубое предположение могло быть поддержано столь мудрым человеком. Примечательно, однако, не *причина* которую он приписывает началу вещей, а *факт*, что его ум был направлен на решение вопросов, относящихся к происхождению вселенной. Именно эти вопросы отличали ионийских философов. Именно они свидетельствовали о пытливой природе их ума. Что является великой первопричиной всех вещей? Фалес видел это в одном из четырех элементов природы, как разделяли их древние. И это самая ранняя из зарегистрированных греками теорий происхождения мира. Это индукция из явлений живой природы — питания и производства семени. [Примечание: Биттер, b. iii. с. 3; Льюис, гл. 1.] Он рассматривал весь мир в свете живого существа, постепенно созревающего и формирующегося из несовершенного состояния семени, которое имело влажную природу. Эта влага придает вселенной жизненную силу. Он думал, что мир полон богов, но они произошли из воды. У него не было представления о Боге как о *Разуме* или как о *созидательной* силе. У него был великий и пытливый ум, но он был язычником, не имевшим представления о духовном, контролирующем и личностном божестве.

[Примечание: Анаксимен. Озвучьте *animus mundi*.]

Анаксимен, его ученик, продолжил его исследования и перенял его метод. Он также родился в Милете, но в какое время неизвестно, вероятно, в 529 году до н.э. Подобно Фалесу, он придерживался вечности материи. Как и он сам, он не верил в существование чего-либо

нематериального, поскольку даже человеческая душа образована из материи. Он тоже размышлял о происхождении вселенной, но считал, что первопричиной был *воздух*, а не вода. [Примечание: Цицерон, *De Nat. D.*, i. 10.] Это, казалось, было универсальным. Мы дышим ею; она поддерживает все сущее. Это Жизнь, наполненная жизненной энергией и способная к бесконечным преобразованиям. Все вещи производятся им; все снова разрешается в нем; он поддерживает все вещи; он окружает мир; он обладает бесконечностью; он обладает вечным движением. Так рассуждал этот философ, сравнивая мир с нашим собственным живым существованием, которое он считал воздухом, — непреходящим принципом жизни. Таким образом, он продвинулся на шаг вперед Фалеса, поскольку рассматривал мир не по аналогии с несовершенным начальным состоянием, а по аналогии с высшим состоянием жизни — человеческой душой. [Примечание: Риттер, b. iii. с. 3.] И он попытался отнести к одному общему закону все превращения первой простой субстанции в ее последовательные состояния, поскольку причиной изменений является вечное движение воздуха.

[Примечание: Диоген. Воздух и душа идентичны.]

Диоген из Аполлонии, на Крите, один из его учеников, родившийся в 460 году до н.э., также верил, что воздух является принципом вселенной, но он приписывал ему интеллектуальную энергию, при этом не признавая никакого различия между разумом и материей. [Сноска: Diog. Laert., ii. 3; Бейль, *Изречение. История. et Crit.*] Он сделал воздух и душу идентичными. "Ибо, - говорит он, - человек и все другие животные дышат и живут посредством воздуха, и в нем состоит их душа". [Примечание: Риттер, б. iii. с. 3.] И поскольку это первичное существо, из которого все происходит, это обязательно вечное и нетленное тело; но, как *душа*, оно также наделено сознанием. Таким образом, Диоген относит происхождение мира к разумному существу — к душе, которая знает и оживляет. Анаксимен считал воздух живым. Диоген видел в нем также Разум. Таким образом, философия продвигалась шаг за шагом, хотя все еще блуждала ощупью в темноте; ибо происхождение всех вещей, согласно Диогену, должно существовать в *Разуме*.

[Примечание: Гераклит—Огонь как принцип жизни.]

Гераклит Эфесский, причисленный Риттером к ионийским философам, родился в 503 году до н.э. Как и другие представители его школы, он искал физическую основу для всех явлений. Стихийным началом он считал *огонь*, поскольку все вещи преобразуются в него. В одной из своих модификаций этот огонь, или флюид, самовоспламеняющийся, пронизывающий каждую вещь как душу или принцип жизни, наделен разумом и способностями к непрерывной деятельности. "Если Анаксимен обнаружил, что внутри него есть сила и принцип, которые управляют всеми действиями и функциями его тела, то Гераклит обнаружил, что внутри него есть жизнь, которую он не мог назвать своей собственной, и все же это был, в самом высоком смысле, *он сам*, так что без нее он был бы бедным, беспомощным, изолированным созданием; универсальная жизнь, которая связывала его с его братьями - с абсолютным источником и изначальным фонтаном жизни". [Примечание: Морис, *Мораль и метафора. Фил.*] "Он провозгласил абсолютную жизнеспособность природы, бесконечное изменение материи, изменчивость и бренность всех индивидуальных вещей в противоположность вечному Бытию — высшей гармонии, которая правит всем". [Примечание: Льюис, *Биог. Хист. фил.*] Проследить божественную энергию жизни во всех вещах было общей проблемой его философии, и этот дух был сродни восточному пантеизму. Но он был одним из величайших спекулятивных

интеллектуалов, предшествовавших Платону, и из всех физических теоретиков ближе всех подошел к духовной истине. Он учил зачаткам того, что впоследствии было развито более полно. "Из своей теории вечного движения Платон вывел необходимость поиска стабильной основы для универсальной системы в своем мире идей". [Примечание: Арчер Батлер, серия i. лект. v.; Гегель, *Gesch. D. Phil.*, i. стр. 334.]

Анаксагор, самый известный из ионийских философов, родился в 500 году до н.э. и принадлежал к богатой и знатной семье. Считая философию самым благородным занятием на земле, он отказался от своего наследия ради изучения природы. Он отправился в Афины в самый блестящий период их истории, и его учениками были Перикл, Еврипид и Сократ. Он учил, что великой движущей силой природы является интеллект (греч. nous). Разум был причиной мира и порядка, а разум был принципом движения; однако этот разум не был моральным разумом, а просто *primum mobile*- всезнающей движущей силой, с помощью которой осуществляется порядок в природе. Таким образом, он заложил фундамент новой системы, которая при аттических философах стремилась объяснить природу не рассматривая материю в ее различных формах как причину всех вещей, а скорее разум, мысль, разумность, которая одновременно знает и действует — грандиозная концепция, не имеющая себе равных в древних спекуляциях. Это объяснение материальных явлений интеллектуальными причинами было его особой заслугой и ставит его на очень высокое место среди мыслителей мира. Более того, он признавал разум единственной способностью, с помощью которой мы познаем истину, поскольку чувства слишком слабы, чтобы обнаруживать реальные составляющие частицы вещей. Как и все великие исследователи, он был впечатлен ограниченной степенью позитивного знания по сравнению с тем, что можно узнать. "Ничто, - говорит он, - не может быть известно; нет ничего определенного; здравый смысл ограничен, интеллект слаб, жизнь коротка" [Примечание: Цицерон, *Ку. Ас.*, i. 12.] — жалоба не скептика, а человека, подавленного сознанием своей неспособности решить проблемы, возникшие перед его активным умом. [Сноска: Lucret., lib. i. 834-875.] Анаксагор думал, что этот дух [греч. Nous] дал всем тем материальным атомам, которые в начале мира находились в беспорядке, импульс, благодаря которому они приняли формы отдельных вещей, и что этот импульс был дан в круговом направлении. Следовательно, солнце, луна, звезды и даже воздух постоянно движутся по кругу. [Сноска: Мюллер, *История Греции*, глава ii. xvii.]

[Примечание: Анаксимандр считал, что Бесконечное является источником вещей.]

Тем временем возникла другая секта философов, которые, подобно ионийцам, стремились объяснить природу, но другим методом. Анаксимандр, родившийся в 610 году до н.э., был одним из первых математиков Греции, однако, подобно Пифагору и Фалесу, размышлял о начале вещей. Его принцип состоял в том, что *Бесконечное* является источником всех вещей. Он использовал это слово [греч. *archae*] для обозначения материала, из которого было образовано все сущее, как вечного и божественного. [Сноска: Арист., *Phy.*, iii. 4.] Идея возведения абстракции в великую первопричину, безусловно, ребяческая, и нелегко понять ее значение, за исключением того, что абстрактное имеет более высокое значение, чем конкретное. Рассуждения Фалеса были направлены на открытие материального строения вселенной на основе *индукции* из наблюдаемых фактов и, таким образом, сделали воду источником всех вещей. Анаксимандр, привыкший смотреть на вещи абстрактно, не мог принять такую конкретную вещь, как вода; его рассуждения тяготели к математике, к науке чистой *дедукции*. Первичное существо - это единство, единое во всем, заключающее в себе

множество элементов, из которых состоят все мирские вещи. Только в бесконечности могут происходить постоянные изменения вещей. [Сноска: Диог. Лаэрт., i. 119; Цицерон, *Tus. Qu.*, i. 16; Теннеманн, стр. 1, гл. i. Раздел 86.] Этот оригинальный, но малоизвестный мыслитель подготовил путь для Пифагора.

[Примечание: Пифагор — Число суть вещей.]

[Примечание: Порядок и гармония в природе.]

Этот философ и математик, родившийся примерно в 570 году до н.э., является одним из великих имен древности; но его жизнь окутана тусклым великолепием. Древние историки изображают его "облаченным в белые одежды, с головой, покрытой золотом, с серьезным и величественным видом, погруженным в созерцание тайн бытия, слушающим музыку Гомера и Гесиода или гармонию сфер". [Примечание: Льюис, *Биог. История. Фил.*] Ему приписывается употребление слова *философ*, а не *софос*, любитель мудрости, а не мудрец. Он учил своим доктринам немногих избранных, члены общества которых жили сообща и почитали его как оракула. Его великая доктрина заключается в том, что *число* есть сущность вещей, под которой понимается *форма*, а не *материя* чувственного. Элементами чисел являются *нечетные* и *четные*, причем первые считаются ограниченными, а вторые неограниченными. Диоген Лаэртский таким образом резюмирует свои доктрины, которые заключались в том, что "*монада* есть начало всего сущего. От монады исходит неопределенная *дуада*. От монады и дуады происходят *числа*, и от чисел *знаки*, и от этих *линий*, из которых состоят простые фигуры. И из простых фигур получаются твердые тела, а из этих чувственных тел - четыре элемента: огонь, вода, земля и воздух. Мир возникает из сочетания этих элементов". [Примечание: Диог.

Лаэрт., *Жизнеописания Фила.*] Все это непонятно или неопределенно. Мы не можем понять, как теория чисел объясняет создание материальной величины, так же легко, как мы не можем идентифицировать монады с помощью математических точек. Но в основе этого мистицизма лежит мысль о том, что в явлениях природы преобладает рациональный *порядок*, *гармония* и соответствие *закону*, и что эти законы могут быть представлены числами. Число, или гармония, является принципом вселенной, а порядок скрепляет мир. Подобно Анаксимандру, он переходит от области физики к метафизике и, таким образом, открывает новый мир спекуляций. Его метод был чисто дедуктивным, а наука - математической. "*Бесконечное* у Анаксимандра стало *Единым* у Пифагора". Предполагая, что число является сущностью мира, он пришел к выводу, что мир регулируется числовыми пропорциями, другими словами, системой законов, и эти законы, регулярные и гармоничные в своем действии, *возможно*, подсказали великому уму Пифагора, такому религиозному и возвышенному, необходимость разумного создателя вселенной. Он восхищался не только метафизикой, но и моральной истиной, и его жизнь и жизни его учеников были подчинены суровой добродетели, как если бы он признавал в количестве или порядке необходимость соответствия всем законам и видел в повиновении им гармонию и красоту. Но у нас нет *прямых* и положительных доказательств того, какого рода или объема знаний приобрел этот великий интеллект. Все, что можно утверждать, это то, что он был человеком обширных достижений; что он был великим математиком, что он был очень религиозен, что он посвятил себя творению добра, что он находил счастье в добродетелях души или совершенной науке о числах и делал уподобление Божеству целью всех своих усилий. Он верил, что душа бестелесна [Сноска: Риттер, б. iv. глава i.] и помещается в тело посредством числа и гармонических отношений и, таким образом, подчиняется божественному регулированию. Все рассматривалось им в моральном свете. Порядок вселенной - это всего

лишь гармоничное развитие первоосновы всех вещей к добродетели и мудрости. [Примечание: Наши знания о Пифагоре в основном почерпнуты из Аристотеля. И Риттер, и Брандис подробно изложили его взгляды, но с большей ясностью, чем можно было ожидать.] Он придавал большое значение музыке как предмету точных математических расчетов и искусству, оказывающему большое влияние на чувства. Следовательно, мораль и математика были связаны в его сознании воедино. Поскольку небеса были упорядочены в соответствии с числом, они должны двигаться в вечном порядке. "Сферы" вращались в гармоничном порядке вокруг великого центра света и тепла — солнца - "трона элементарного мира". Отсюда и доктрина "музыки сфер". *Pythagoras ad harmoniam canere mundum existimat*. [Примечание: Цицерон, *De Nat. D.*, iii. ii. 27.] Тенденция его размышлений, какими бы неясными они ни были для нас, заключалась в том, чтобы возвысить душу к созерцанию порядка, красоты и закона в материальной вселенной, а следовательно, и к созерцанию высшего разума, царящего в справедливости и истине. Таким образом, справедливость и истина стали первостепенными добродетелями, которые следует практиковать, к которым следует стремиться как к великой цели жизни, связанной с порядком вселенной и с математическими сущностями — атрибутами божества, возвышенного единства, которому он поклонялся.

Ионийские философы и пифагорейцы стремились найти природу или первооснову всех вещей в элементах или числах. Но элеаты вышли за рамки области физики и занялись чисто метафизическими исследованиями. Это второй этап в истории философии — идеалистический пантеизм, который игнорировал чувственное и утверждал, что источник всякой истины независим от чувства.

[Примечание: Ксенофан.—Бог - первая великая причина.]

Основателем этой школы был Ксенофан, родившийся в Колофоне, ионийском городе в Малой Азии, откуда, будучи изгнанным, он скитался по Сицилии в качестве рапсода или менестреля, декламируя свои элегические стихи о самых возвышенных истинах; и, наконец, около 536 года прибыл в Элею, где и поселился. Великим предметом его исследований был сам Бог — первая великая причина - высший разум Вселенной. "Исходя из принципа *ex nihilo nihil fit*, он пришел к выводу, что ничто не может перейти из небытия в существование. Все существующее вечно и неизменяемо. Бог, как наиболее совершенная сущность, вечно Един, неизменен, ни конечен, ни бесконечен, ни движим, ни недвижим, и его нельзя представить ни в каком человеческом обличье". [Примечание: Теннеманн, *История. из филологии.*, стр. 1, раздел 98.] Каким большим шагом это было! Откуда он почерпнул свои мнения? Он начинает с утверждения, что Бог - всемогущее существо, и отрицает всякое начало бытия, и, следовательно, делает вывод, что Бог должен быть от вечности. Исходя из этой истины, он переходит к отрицанию всякого многообразия. Множественность богов невозможна. С этими возвышенными взглядами — на единство, вечность и всемогущество Бога — он смело атаковал популярные заблуждения своего времени. Он осуждал перенесение человеческого облика на божество; он обрушивался с бранью на Гомера и Гесиода; он высмеивал учение о переселении душ. Так он поет, —

"Гомер и Гесиод рассказывают о богах такие вещи, которые были бы позором и вечным поруганием человечества, — о нарушенных обещаниях, кражах и том, как один обманывает другого".

[Сноска: см. Риттера, о Ксенофоне. См. Примечание 20 в книге "Арчер Батлер", серия i. лекция vi.]

И, опять же, уважая антропоморфные изображения Божества, —

- Но люди по глупости думают, что боги рождаются такими же, как люди,
И у них такая же одежда, как у них самих, и голос, и фигура
Но есть только один Бог, величайший из богов и смертных,
Ни телом, ни идеями не похожий на человечество".

Бог виден во всех проявлениях природы.

[Примечание: Бог виден во всех проявлениях природы.]

[Примечание: Он стремился создать знание о Боге.]

Таковы были его возвышенные размышления. Он верил в *Единого*, который есть Бог; но это всепроникающее, неподвижное, неразделенное существо не было ни личным Богом, ни моральным правителем, но божеством, пронизывающим все пространство. Он не мог отделить Бога от мира и не мог признать существование мира, который не является Богом. Он был монотеистом, но его монотеизм был пантеизмом. Он видел Бога во всех проявлениях природы. Это не удовлетворило его и не разрешило его сомнений, и поэтому он признавал, что разум не может достичь возвышенных целей философии. Но в его сомнениях не было цинизма. Это было тошнотворное сознание того, что Разум не способен разрешить важные вопросы, которые он горел желанием узнать. Не было никакого способа прийти к истине, "ибо, - как он сказал, - заблуждение распространено на все". Его угнетало не презрение к знаниям, а борьба противоречивых мнений. Он не мог решить вопросы, касающиеся Бога. Что может сделать необразованный разум?"Можешь ли ты, исследуя, найти Бога, можешь ли ты познать Всемогущего в совершенстве". То, что было невозможно для Иова, было невозможно и для него. Но он достиг признания единства и совершенств Бога, и это убеждение он распространит повсюду и разрушит суеверия, которые скрывали лик истины. Я безмерно восхищаюсь этим философом, таким печальным, таким серьезным, таким восторженным, скитающимся из города в город, безразличным к деньгам, комфорту, друзьям, славе, чтобы он мог зажечь познание Бога. Это действительно было высокой целью философии того века. Это была более высокая миссия, чем миссия Гомера, [Примечание: у Льюиса есть несколько поверхностных замечаний по этому поводу, хотя они энергичны и читабельны. Риттер более серьезен.] Каким бы великим он ни был, но не столь успешным.

Парменид из Элеи, родившийся примерно в 536 году до н.э., следовал системе Ксенофана, центральной идеей которой было существование Бога. Для него центральной идеей было понятие *бытия*. Бытие несотворенно и неизменно; полнота всего сущего - это *мысль*; *все* - это мысль и разум. Он утверждал неопределенность знания; но имел в виду знание, полученное с помощью чувств. Он не отрицал достоверности разума. Он был первым, кто провел различие между знанием, получаемым с помощью чувств, и знанием, получаемым с помощью разума; и таким образом он предвосхитил учение о врожденных идеях. Исходя из неопределенности знания, получаемого с помощью органов чувств, он вывел двойственную систему истинного и кажущегося знания. [Примечание: проф . Статья Брандиса в *словаре*.]

[Примечание: Zeno вводит новый метод.]

Зенон из Элеи, друг и ученик Парменида, родившийся в 500 году до н.э., не привнес в систему ничего нового, но изобрел *Диалектику*, ту логику, которая впоследствии стала такой могущественной в руках Платона и Аристотеля и которой так восхищались схоласты. Она стремится установить истину путем опровержения ошибки с помощью *доведения до абсурда*. В то время как Парменид стремился установить учение о *Едином*, Зенон доказал несуществование *Многих*. Он отрицал, что явления были реальными явлениями, но не отрицал существования. Миссией Зенона было утвердить доктрины своего учителя. Но, чтобы убедить своих слушателей, он был вынужден использовать новый метод аргументации. Таким образом, он продолжал свою аргументацию с помощью вопросов и ответов и, следовательно, был первым, кто использовал диалог как средство философского общения. [Footnote: Cousin, *Nouveaux Fragments Philosophiques*.]

[Примечание: Эмпедокл.—Любите движущую причину всех вещей.]

Эмпедокл, родившийся в 444 году до н.э., подобно другим элеатам, жаловался на несовершенство чувств и искал истину только в разуме. Он рассматривал истину как совершенное единство, управляемое любовью, — единственную истинную силу, единственную движущую причину всех вещей, — первую творческую силу, с помощью которой был создан мир. Таким образом, "Бог есть любовь" - возвышенное учение, которое философия открыла грекам.

[Примечание: Возвышенность элеатских философов.]

Таким образом, элеатские философы размышляли почти одновременно с ионийцами о начале вещей и происхождении знания, используя разные основания и пытаясь скорректировать чувственные представления понятиями разума. Но обе школы, хотя и не установили многих истин, воспитали пылкий дух и пробудили свободу мысли и исследования. Они воспитывали работников для более просвещенных времен, точно так же, как исследователи-схоласты в средние века готовили путь к возрождению философии на более основательных принципах. Все они были людьми удивительно возвышенного характера, а также гениальными. Они ненавидели суеверия и нападали на антропоморфизм своего времени. Они обращались с богами и богинями с аллегорической смелостью, и поэтому часто подвергались преследованиям со стороны людей. Они не устанавливали моральные истины с помощью научных методов, но они подавали примеры возвышенного презрения к богатству и мнимым преимуществам и со святым энтузиазмом посвящали себя решению великих вопросов, относящихся к Богу и природе. Фалес завоевал уважение своих соотечественников своей преданностью наукам. Пифагор провел двадцать два года в Египте, изучая его науку. Ксенофан странствовал по Сицилии как проповедник истины. Парменид, рожденный для богатства и великолепия, оставил лихорадочную погоню за чувственными наслаждениями, чтобы созерцать "тихий и неподвижный воздух восхитительных занятий". Зенон отказался от всех мирских почестей, чтобы распространить доктрины своего учителя. Гераклит отказался от должности главного судьи Эфеса, чтобы у него было время исследовать глубины своей собственной натуры. Анаксагор позволил своему наследству растрачиваться ради решения проблем. "Философии, - сказал он, - я обязан своим мирским крушением и процветанием моей души". Все они без исключения были величайшими и лучшими людьми своего времени. Они заложили фундамент прекрасного храма, который был построен после их смерти, в котором и физика, и психология

достигли достоинства науки. [Примечание: Арчер Батлер в своей лекции об элеатской школе внимательно следует взглядам Риттера и четко их излагает.]

Тем не менее, эти великие люди, какими бы возвышенными ни были их исследования и безупречной ни была их жизнь, не создали никакой системы или каких-либо теорий, которые были бы неопровержимыми. Они просто строили догадки, и мир высмеял их догадки. Они были односторонними и, доведенные до крайней логической последовательности, становились антагонистичными друг другу, что имело тенденцию вызывать сомнения и скептицизм. Люди отрицали существование богов, и основания для уверенности исчезли из человеческого разума.

[Примечание: Обстоятельства, благоприятствовавшие софистам.]

[Примечание: Характер софистов.]

Этому духу скептицизма способствовала волна мирской суеты и процветания, следовавшая за Персидской войной. Афины стали великим центром искусства, вкуса, элегантности и богатства. Политика поглотила умы людей. За славой и великолепием последовали разложение нравов и погоня за материальными удовольствиями. Философия вышла из моды, поскольку не приносила никакой внешней и ощутимой пользы. Проводилось больше научных исследований — тех, которые могли быть применены в целях полезности и материальной выгоды; даже, как в наши дни, геология, химия, механика, инженерное дело, имеющие отношение к практическим потребностям людей, обладают талантом и ведут к определенному вознаграждению. В Афинах риторика, математика и естественная история вытеснили рапсодии и рассуждения о Боге и Провидении. Известность и богатство могли быть обеспечены только готовностью и удачливостью речи, и больше всего ценилось то, что приносило немедленную награду, как красноречие. Люди начали практиковать красноречие как *искусство* и использовать его для продвижения своих интересов. Они выступили с особыми ходатайствами, поскольку их целью было добиться своей точки зрения любой ценой закона и справедливости. Следовательно, они учили, что нет ничего непреложно правильного, но только таково соглашение. Они подрывали всякую веру в истину и религию, проповедуя их неопределенность. Они отказывали людям даже в возможности прийти к истине. Они практически подтвердили холодную и циничную доктрину о том, что для человека нет ничего лучше, чем есть и пить. *Qui bono* — криком эпикурейцев, поздних римлян и большинства людей в период великого внешнего процветания был популярный вопрос: "кто покажет нам что-нибудь хорошее?" — как мы можем стать богатыми, сильными, благородными? — таков был дух того класса общественных учителей, который возник в Афинах, когда искусство, красноречие, богатство и великолепие были на пике своего расцвета в пятом веке до нашей эры и когда элегантный Перикл был лидером моды и политической власти.

[Примечание: Могущество и популярность софистов.]

[Примечание: Влияние софистов.]

Этими людьми были софисты — риторы, обучавшие детей богатых; мирские люди, стремившиеся к почестям и власти; легкомысленные люди, пренебрегавшие философскими идеями; скептики, отрицавшие всякую достоверность истин; люди, которые как учителя ничего не добавили к сфере науки, но которые все же установили определенные диалектические правила, полезные для более поздних философов. Они были богатым, могущественным,

почитаемым классом, не очень уважаемым людьми мысли, но востребованными как очень успешные преподаватели риторики. Они были полны логических уловок и умудрялись высмеивать глубокие вопросы. Они также успешно преподавали математику, астрономию, филологию и естественную историю. Это были утонченные светские люди, не глубокие и не религиозные, но очень блестящие собеседники и очень ловкие в остроумии и софистике. И некоторые из них были людьми большой учености и таланта, такими как Демокрит, Левкипп и Горгий. Они не были притворщиками и шарлатанами; они были скептиками, отрицавшими субъективные истины и стремившимися к внешней выгоде. Это были люди с общей информацией, сведущие в тонкостях, обладающие мощными социальными и политическими связями, и их обычно выбирали в качестве послов для выполнения сложных миссий. Они обучали искусству ведения диспута и искали систематические методы доказательства. Таким образом, они подготовили путь для более совершенной философии, чем та, которой учили ионийцы, пифагорейцы или эленты, поскольку показали расплывчатость их исследований, скорее гипотетических, чем научных. У них не было никаких общих доктрин. Они были адвокатами своего времени, которым *платили* за то, чтобы "худшее казалось лучшим", но они не проповедовали безнравственность так же, как юристы наших дней, — люди талантливые, интеллектуальные лидеры общества. Если они и не выдвигали положительных истин, то были полезны в созданном ими методе. Они учили искусству ведения диспута. Они, несомненно, придирались, когда у них была плохая причина для выступления. Они с большей силой раскрывали правду, когда защищали правое дело. У них не было враждебности к истине; они только сомневались, что ее можно достичь в области психологических исследований, и стремились применить ее в своих собственных целях или, скорее, исказить ее, чтобы получить аргумент. Они не относятся к тому классу людей, которыми я восхищаюсь, как древними мудрецами, которых они высмеивали, но они не остались без применения в развитии философии. [Примечание: У Грота есть прекрасная глава о софистах (часть ii. гл. 67).] Софисты также оказали услугу литературе, придав определенность языку и создав стиль в написании прозы. Протагор исследовал принципы точной композиции; Продик занялся выяснением значения слов; Горгий предложил увлекательный стиль. Он придал симметрию структуре предложений.

[Примечание: Сократ.]

[Примечание: Метод Сократа.]

[Примечание: Этические изыскания Сократа.]

Насмешки и скептицизм софистов выявили великие способности Сократа, которому философия, вероятно, обязана больше, чем кому-либо из когда-либо живших людей, не столько за совершенную систему, сколько за импульс, который он дал философским исследованиям, и за его успешное разоблачение ошибок. Он положил начало новой эре. Родившийся в Афинах в 470 году до нашей эры, сын бедного скульптора, он посвятил свою жизнь поиску истины ради нее самой и стремился основать ее на незыблемых основах. Он был смертельным врагом софистов, с которыми он столкнулся, как Паскаль столкнулся с иезуитами, с остроумием, иронией, головоломными вопросами и безжалостной логикой. Подобно более ранним философам, он презирал богатство, легкость и комфорт, но с большей преданностью, чем они, поскольку жил в более развращенный век, когда бедность была позором, а несчастье - преступлением, когда успех был мерилом заслуг, и каждый человек должен был быть

вершителем своей судьбы, игнорируя то Провидение, которое так часто отказывает в гонке быстрым, а в битве сильным. Он был тем, кого в наше время назвали бы эксцентричным. Он ходил босиком, бедно одетый и к тому же не слишком опрятный, искал общественные места, спорил со всеми, кто желал с ним поговорить, выставял всех на посмешище, особенно если кто-то напускал на себя вид мудреца или знатока, — раздражающий противник, поскольку он сплел вокруг человека паутину, из которой того невозможно было выпутать, а затем выставил его на посмешище в самом остроумном городе мира. Он нападал на всех подряд, и все же пользовался всеобщим уважением, поскольку это были *ошибки*, а не личность, скорее *мнения*, чем пороки; и делал он это с чарующим красноречием и непреодолимым обаянием; так что, хотя он был беден и босоног, по внешности Силен, с толстыми губами, вздернутым носом, выпуклыми глазами, громоздким животом, его искал Алкивиад и восхищалась Аспазия. Даже Ксантиппа, красивая молодая женщина, намного моложе его, женщина, любящая комфорт и радости жизни, была готова стать его женой, даже если впоследствии она мучила его, когда *res angusta domi* разочаровал ее в музыке его голоса и божественности его натуры. "Я слышал Перикла, - сказал самый распушенный и сладострастный человек в Афинах, - и других превосходных ораторов, но они меня не тронули; в то время как этот Марсий — этот Сатир — так действует на меня, что жизнь, которую я веду, едва ли стоит того, чтобы жить, и я затыкаю уши, как от пения сирен, и убегаю как можно быстрее, чтобы не сесть и не состариться, слушая его речи". Он ни у кого не научился своей философии и избрал совершенно новый путь. Он заявлял о своем собственном невежестве и пытался убедить других людей в их невежестве. Он стремился не столько раскрыть истину, сколько разоблачить заблуждение. И все же его целью было выработать правильные представления о моральных обязательствах. Он был первым, кто признал естественное право и считал, что добродетель и порок неразрывно связаны. Он провозгласил верховенство добродетели и неизменность справедливости. Он стремился разграничить и обеспечить выполнение практических жизненных обязанностей. Его главной целью было разъяснение морали, и он был первым, кто систематически преподавал этику, исходя из непреложных принципов морального долга. Моральная уверенность была высокой платформой, с которой он смотрел на мир и на которой, как на скале, покоился в жизненных бурях. Таким образом, он был реформатором и моралистом. Именно его этические доктрины были наиболее враждебны эпохе и наименее ценимы. Он был глубоко религиозным человеком, признавал Провидение и верил в бессмертие души. Из бездны сомнения, пришедшей на смену умозрениям первых философов, он воздвиг бы основание уверенности — лестницу, по которой он поднялся бы в возвышенные области абсолютной истины. Он не осмеливался исследовать Божественную сущность, однако верил, что боги всеведущи и вездесущи, что они правят по закону добра и что, несмотря на их множественность, существует единство — высший разум, который управляет миром. За это его ненавидели софисты, отрицавшие достоверность достижения познания Бога. Из сравнительной бесполезности тела он вывел бессмертие души. Для него целью жизни были разум и сообразительность. Он доказал существование Бога порядком и гармонией природы, вера в которые была несомненной. Он попытался соединить нравственное с религиозным сознанием, а затем провозгласил свои убеждения в практическом благополучии общества. В этом свете Сократ выделяется как величайший персонаж языческой древности — как моралист, как учитель этики, как человек, признавший Божественное.

[Примечание: Миссия Сократа.]

[Примечание: Великая цель сократического метода.]

В том, что касалось его развития собственно греческой философии, он, вероятно, уступал некоторым из своих учеников. Тем не менее, он дал поворотный момент новому периоду, когда он пробудил идею знания и был основателем теории научного познания, поскольку он разделил законные границы исследования и, таким образом, был предшественником Бэкона и Паскаля. Он не пытался заставить физику объяснить метафизику, а метафизику - явления природного мира. И он рассуждал только исходя из того, что считалось истинным и неизменным. Он был великим пионером философии, поскольку прибегал к индуктивным методам доказательства и придавал идеям общую определенность. [Сноска: Арист., *Метаф.*, xiii. 4.] Он дал новый метод и использовал большую точность формулировок. Хотя он использовал индукцию, его целью было отвлечь разум от созерцания природы и сосредоточить его на ее собственных явлениях — смотреть внутрь, а не вовне, как это так превосходно удалось Платону. Предшествующие философы уделяли свое внимание внешней природе; он отказался от рассуждений о материальных явлениях и направил свои исследования исключительно на природу знания. И поскольку он считал знание тождественным добродетели, он размышлял главным образом об этических вопросах, и метод, которому он учил, был тем, с помощью которого только человек мог стать лучше и мудрее. Другими словами, он был первым, кто провозгласил, что "правильное изучение человечества - это человек". Он не пренебрегал предметами, которые в основном интересовали софистов, — астрономией, риторикой, физикой; но он обсуждал моральные вопросы, такие как: что такое благочестие? что такое справедливое и несправедливое? что такое воздержание? что такое мужество? какой характер подходит гражданину? — и тому подобные этические моменты. И он обсуждал их в особой манере, по методу, присущему только ему. "Заявляя о своем невежестве, он, возможно, задал такой вопрос — Что такое закон? Вопрос был знакомым, и на него ответили без обиняков. Сократ, получив ответ, затем задавал новые вопросы, применимые к конкретным случаям, на которые респондент был вынужден дать ответ, несовместимый с первым, показывая таким образом, что определение было слишком узким или слишком широким, или несовершенным в каком-то существенном условии. [Сноска: Гроте, часть ii. глава 68.] Затем ответчик исправил свой ответ; но это было прелюдией к другим вопросам, на которые можно было ответить только способами, несовместимыми с поправкой; и ответчик, после многих попыток распутаться, был вынужден признать себя виновным в своих несоответствиях, признав, что он не смог дать удовлетворительного ответа на первоначальный запрос, который поначалу казался таким простым". Таким образом, с помощью этой системы перекрестного допроса он показал тесную связь между диалектическим методом и логическим распределением частных по видам и родам. Сначала обсуждение переходит к значению какого-либо общего термина; вопросы приводят к столкновению ответов с различными частностями, которые он не должен понимать, или которые он должен понимать, но не понимает. Он разделил единое на множество с помощью своей аналитической цепочки вопросов, что было новым способом аргументации. Это был метод, который он изобрел и с помощью которого он отделил реальное знание от тщеславия и привел к точности в использовании определений. Именно таким образом он разоблачал ложь, даже не стремясь научить истине; ибо обычно он заявлял о своем невежестве и ставил себя в положение ученика, в то время как своими перекрестными допросами выставлял человека, у которого он, очевидно, добивался знаний, таким же невежественным, как и он сам, или, что еще хуже, абсолютно смешным. Таким образом, он разрушил все основания, на которых была воздвигнута ложная наука, и указал путь, которым только и можно было установить истину. В этом он был похож на Бэкона, который указал путь развития науки, не основывая никакой школы и не защищая какую-либо систему; но он был непохож на Бэкона в предмете своих исследований. Бэкон испытывал

отвращение к неэффективным *логическим* рассуждениям, а Сократ - к неэффективным *физическим* исследованиям. [Примечание: Арчер Батлер, s. i. 1. vii.] Он никогда не допускал, чтобы общий термин оставался неопределенным, но сразу применял его к частностям и к вопросам, смысл которых был непонятен. Это было сделано не благодаря позитивному обучению, а благодаря возбуждению научного импульса в умах других или активизации аналитических способностей, которые составляют его оригинальность. "Сократическая диалектика, рассеявшая, - говорит Гроте, [Сноска: Гроте, часть ii. гл. 68; Морис, *Древняя философия*, стр. 119.] "туман воображаемого знания в разуме и обнажающая истинное невежество, произвела немедленный эффект, подобный прикосновению торпеды; вновь возникшее сознание невежества было унижительным и болезненным, но оно сочеталось с никогда прежде не испытанным стремлением к истине. Такое интеллектуальное оживление, которое никогда не могло начаться до тех пор, пока разум не избавился от своей первоначальной иллюзии ложного знания, рассматривалось Сократом не просто как показатель и предвестник, но и как неоспоримое условие будущего прогресса". Целью Сократа было направить искателей истины на путь индуктивного обобщения, при помощи которого только и могли быть сделаны заслуживающие доверия выводы. Таким образом, он усовершенствовал метод спекулятивных умов и вытеснил из других умов тот огонь, который проливает свет на оригинальную мысль и стимулирует аналитическое исследование. Он был религиозным и интеллектуальным миссионером, своей суровой диалектикой прокладываящим путь Платону и Аристотелю грядущей эпохи. Такова была его миссия, и он провозгласил ее в своих выступлениях. Он не читал лекций, он беседовал. Более тридцати лет он рассуждал о принципах морали, пока не настроил против себя врагов, которые приговорили его к смерти, ибо его учение подрывало популярную систему, которую принимали и практиковали софисты. Вероятно, его могли бы оправдать, если бы он сам этого захотел, но он не хотел жить после того, как его способность приносить пользу иссякла. Он открыл науке новую материю и новый метод как основу для будущих философских систем. Он был "разговорным диалектиком", каких этот мир никогда не видел и, возможно, никогда не увидит снова. Он был скептиком в отношении физики, но что касается человека и общества, он считал, что каждый человек может и должен знать, что такое справедливость, умеренность, мужество, благочестие, патриотизм и т.д., И если бы он не знал, что это такое, он не был бы справедливым, умеренным и т.д. Он отрицал, что люди могут знать то, над чем они не приложили никаких усилий, или практиковать то, чего они не знают. "Метод Сократа до сих пор сохранился в некоторых диалогах Платона и представляет собой процесс, имеющий вечную ценность и универсальное применение. Нет человека, чьи представления не были бы сначала собраны воедино путем спонтанных, неискusstvenных ассоциаций, опирающихся на забытые детали, смешивающих воедино различия или непоследовательность и имеющих в своем уме старые и знакомые фразы и пророческие утверждения, о которых он никогда не давал себе отчета; и нет человека, который не считал необходимым для себя разделять, анализировать и реконструировать эти древние ментальные соединения". [Примечание: Гроте написал очень умело и необычно подробно, уважая Сократа и его философию. Терлуолл также сделал обзор Гегеля и других немецких авторов, осуждающих Сократа. У Риттера есть целая глава, представляющая огромную ценность. Смотрите продолжение Мюллера Дональдсона. Оригинальные источники знаний о Сократе можно найти главным образом у Платона и Ксенофонта. С Цицероном можно посоветоваться по его *тускуланским вопросам*.] Услуги, которые он оказал философии, перечислены Теннеманном [Сноска: Теннеман; Шлирмакер, *Эссе о ценности Сократа как философа*, переведенное епископом Терлуоллом и перепечатанное в книге доктора Виггера "*Жизнь Сократа*".] "являются

двойными — негативными и позитивными: *Негативными*, поскольку он избегал всех бесполезных дискуссий; боролся с простыми спекулятивными рассуждениями на существенных основаниях и обладал мудростью признавать невежество, когда это необходимо, но без попыток точно определить, что может быть точно известно, а что нет. *Положительно*, поскольку он с большим умением исследовал почву, непосредственно доступную нашему пониманию, центром которой является человек".

Нельзя сказать, что Сократ основал школу, подобную Ксенофану. Он не завещал систему доктрин; он скорее пытался пробудить исследование, для которого его метод был превосходно приспособлен. У него были поклонники, которые следовали по пути, который он предложил. Среди них были Аристипп, Антисфен, Евклид из Мегары, Федон из Элиды и Платон, все они были учениками Сократа и основателями школ. Некоторые лишь частично переняли его метод, и все они отличались друг от друга. Нельзя также сказать, что все они продвинули науку. Аристипп, основатель киренийской школы, был своего рода эпикурейцем, учившим, что удовольствие — это цель жизни. Антисфен, основатель киников, был одновременно добродетельным и высокомерным, полагая высшее благо в добродетели, но презирая спекулятивную науку и утверждая, что ни один человек не может опровергнуть мнение другого. Он сделал добродетелью быть оборванным, голодным и замерзшим, как древние монахи; суровый, ожесточенный, полный упреков человек, который притворялся, что презирает все удовольствия, как его собственный ученик Диоген, который жил в ванне и вел войну между разумом и телом — жестокий, презрительный, гордый. Людям, которые утверждали, что наука невозможна, философия мало чем обязана, хотя они и были учениками Сократа. Евклид просто дал новое издание элеатских доктрин, а Федон размышлял о единстве добра.

[Прим. автора: Платон.]

[Примечание: Его образование и путешествия.]

[Примечание: Он применяет метод Сократа.]

Только после появления Платона была основана более полная система философии. Он родился от знатных афинских родителей в 429 году до н.э., в год смерти Перикла, на второй год Пелопоннесской войны и в самый активный период греческой мысли. Он получил суровое образование, изучая поэзию, музыку, риторику и смешивая их с философией. Ему было всего двадцать, когда он познакомился с Сократом, с которым оставался десять лет и от которого его разлучила только смерть. Затем он отправился в свое путешествие, посетив все, что стоило увидеть в его время, особенно в Египте. Вернувшись, он начал преподавать доктрины своего учителя, что делал, как и он, безвозмездно, в саду близ Афин, засаженном высокими платанами и украшенном храмами и статуями. Это называлось Академией и дало название его философской системе. И это единственное, с чем нам приходится иметь дело. Я хотел бы представить не спокойного, серьезного, медитативного, изолированного человека, а его вклад в развитие философии на основе принципов его учителя. И, конечно, ни один человек никогда не вносил более значительного вклада. Возможно, он не обладал оригинальностью или широтой взглядов Сократа, но он был более глубоким. Он был выдающимся мыслителем — великим логиком, сведущим в диалектике, и его "Диалоги" представляют собой такие упражнения в применении диалектического метода, что древние разделились во мнениях, был ли он скептиком или догматиком. Он перенял сократовский метод и расширил его. "Сократ полагался на индуктивное рассуждение и на определения как на два принципа исследования.

Определения составляют основу всей философии. Чтобы познать вещь, вы должны знать, чем она не является. Платон добавил более эффективный процесс анализа и синтеза, обобщения и классификации." [Примечание: Льюис, *Биог. История. Философии.*] "Анализ, — продолжает тот же автор, - на котором настаивал Платон, есть разложение целого на отдельные части - это видение *одного* во многих. Определения были для Платона тем же, чем общие или абстрактные идеи были для более поздних метафизиков. Индивидуальная вещь была преходящей; абстрактная идея была вечной. Только последней могла заниматься философия. Сократ, настаивая на правильных определениях, не имел представления о классификации тех определений, которые должны составлять философию. Платон, введя этот процесс, переместил философию с уровня исследований человека и общества, которые занимали исключительно Сократа, на уровень диалектики ". Платон также отличался мастерством композиции. Дионисий Галикарнасский ставит его в один ряд с Геродотом и Демосфеном по совершенству своего стиля, который характеризуется большой гармонией и ритмом, а также разнообразием изящных фигур. [Сноска: См. Цитаты Дональдсона, *История Греции*, том ii. стр. 257.]

[Примечание: Его доктрины.]

[Примечание: Целью науки является созерцание истины.]

Платон считал, что философия заключается в обсуждении общих терминов или абстрактных идей. Общие термины были синонимом реального существования, и это были единственные объекты философии. Они были названы *Идеями*; и идеи являются основой его системы, или, скорее, предметом диалектики. Он был реалистом, то есть утверждал, что каждый общий термин, или абстрактная идея, имеет реальное и независимое существование. Здесь он, вероятно, был обязан Пифагору, поскольку Платон был мастером всего царства философских рассуждений; но его концепция *идей* является большим шагом вперед по сравнению с концепцией *чисел*. Сократ учил его, что за пределами этого чувственного мира существует мир вечной истины и что существуют определенные принципы, относительно которых не может быть никаких споров. Душа постигает идею добра, величия и т.д. Именно в небесном мире нам предстоит найти царство идей. Теперь Бог - это высшая идея. Познать Бога должно быть великой целью жизни. Мы познаем его по желанию, которое подобное испытывает к подобному. Божественность внутри испытывает к божественности, раскрывающейся в красоте или любой другой абстрактной идее. Стремление души к красоте - это *Любовь*. Таким образом, любовь - это узы, соединяющие человеческое с божественным. Красота проявляется не в гармоничных очертаниях, которые вызывают к чувствам, а в *Истине*. Это божественность. Красота, истина, любовь - вот Бог, высшее желание души к постижению, созерцанием которого смертная душа поддерживает себя и посредством постоянной медитации становится участником бессмертия. Общение с Богом предполагает бессмертие. Поиск познания Бога - великая цель жизни. Мудрость - это посвящение души поиску; и это осуществляется с помощью диалектики, ибо только из диалектики может прийти правильное знание. Но человек, погруженный в поток чувственности, никогда не сможет полностью достичь этого высокого совершенства — познания Бога, объекта всякого рационального исследования. Отсюда несовершенство всего человеческого знания. Высшее благо достижимо; оно недостижимо. Бог - это неизменное благо, а справедливость - правило вселенной. "Жизненный принцип его философии состоит в том, чтобы показать, что истинная наука - это познание добра; это вечное созерцание, или истина, или идеи; и хотя человек, возможно, не способен воспринять ее в ее единстве, потому что он подчинен ограничениям тела, ему, тем не менее, позволено распознать

ее, хотя и несовершенно, вспоминая вечную меру существования, с которой он связан по своему происхождению". [Примечание: Риттер, *История философии.*, b. viii. стр. 2, глава i.] Он не смог найти перехода от своего мира идей к миру чувств, и его философия, туманная и мистическая, хотя и строго логичная, отвлекает разум от исследований реальной жизни — от того, что является объектом опыта.

[Примечание: Объект исследований Платона.]

Труды Платона дошли до нас в полном виде, и во все века ими восхищались за их философскую остроту, а также красоту языка. Он не был первым, кто использовал форму диалога, но обращался с ней с большим мастерством, чем любой из тех, кто был до него или пришел после него, и все с целью привести своих слушателей к сознанию знания или невежества. Он считал мудрость атрибутом божества; что философия - это необходимость интеллектуального человека и величайшее благо, которого он может достичь. Однако эта мудрость предполагает общение с божественным. Он считал душу бессмертной и неразрушимой. Он утверждал, что ни счастье, ни добродетель не могут состоять в попытке удовлетворить наши необузданные желания; что добродетель - это чисто вопрос разума; что страсти нарушают моральную экономию.

[Примечание: Бог - неизменное благо.]

"Когда мы рассматриваем доктрины Платона, невозможно отрицать, - говорит Хиттер, - что они пронизаны грандиозным взглядом на жизнь и вселенную. Это благородная мысль, которая вдохновила его сказать, что Бог есть постоянное и неизменное благо; мир хорош в состоянии становления, а человеческая душа - то, в чем и через что должно быть совершено благо в мире. В своей сублимерной концепции он показывает себя достойным учеником Сократа. Его заслуга заключается главным образом в том, что он выдвинул определенные четкие правила для сократического метода и настаивал, с совершенным сознанием его важности, на законе науки, согласно которому способность спускаться от высших идей к низшим с помощью принципа разума и, соответственно, от множественности низших идей к высшим необходима для совершенного владения любым знанием. Таким образом, он придал этому методу более либеральный характер. Хотя он принял многие мнения своих предшественников и должным образом учитывал результаты более ранней философии, он не позволил массе противоречивых теорий сбить себя с толку, но вдохнул в них животворящее дыхание единства. Возможно, он ошибался в своих попытках определить природу добра; тем не менее он указал всем, кто стремится к познанию божественной природы, отличный путь, по которому они могут прийти к ней".

Немцы очень восхищаются Платоном, который считает его воплощением диалектической силы; но хотелось бы надеяться, что когда-нибудь эти великие метафизики смогут более ясно изложить его доктрины и его заслуги перед философией, чем они это делали до сих пор. Для меня Риттер, Брандис и все великие авторитеты малопонятны. Но в том, что Платон был одним из величайших светочей древнего мира, не может быть никаких разумных сомнений. Маловероятно также, что его как диалектика когда-либо превзошли; в то время как его чистота жизни, его возвышенные поиски и его вера в Бога и бессмертие делают его, с этической точки зрения, самым достойным из учеников Сократа. Он был для греков тем же, чем Кант был для немцев, и эти два великих мыслителя похожи друг на друга по структуре своего сознания и своему отношению к обществу.

Большая часть лекций Арчера Батлера из Дублина посвящена философии Платона. Это критика и восхваление. Ни один современный писатель не писал с таким энтузиазмом о том, что он считает венцом совершенства греческой философии. Диалектика Платона, его идеальная теория, его физика, его психология и его этика обсуждаются наиболее умело, причем в духе любящего и красноречивого ученика. Он представляет философию, которой он так восхищается, как созерцание абсолютного и вечного добра и стремление к нему. Добро возводится Платоном на трон в высшем величии, на вершине всей вселенной, а чувственный мир рассматривается как развитие высшего совершенства в низшей и преходящей форме. Идеи — это не абстракции, как полагают некоторые, а архетипические концепции самого божественного разума - вечных законов и причин вещей. Чувственный мир рассматривается как несовершенный образ идеального совершенства, однако неопределенность физических исследований откровенно признается. Открытие теологической и моральной истины является великой целью даже *"Тимоея"*. Следовательно, физика Платона носит теологический характер — является математической, а не экспериментальной. Психология представляет тело как тюрьму души, отчасти в духе восточных теогонистов, и цель добродетели состоит в том, чтобы сохранить отчетливость того и другого и реализовать свободу в узах. Сохраняется доктрина предсуществования, а также будущего состояния. В этике отчетливо раскрывается совершенство человеческой души — совершенство, которого она может достичь, — а также единство великих идей прекрасного, справедливого и благого. *"Федон"* утверждает верховенство мудрости, а *"Филеб"* - *"высшее благо"*. *Любовь* - это стремление к единению с совершенством. Главное достоинство философии, которой учил Платон, состоит в неизменной основе, приписываемой принципам моральной истины; недостатками являются отсутствие четкого понимания требований божественной справедливости вследствие человеческого греха и косвенное препятствие активной добродетели.

Великим учеником Платона был Аристотель, и он довел философское движение, начатое Сократом, до наивысшего предела, которого оно когда-либо достигало в древнем мире. Он родился в Стагире в 384 году до н.э. в семье богатых родителей и рано проявил ненасытную жажду знаний. Когда Платон вернулся с Сицилии, он присоединился к своим ученикам в Афинах и был их учеником в течение семнадцати лет. После смерти Платона он отправился в свои путешествия и стал наставником Александра Македонского, а в 335 году до н.э. вернулся в Афины после двенадцатилетнего отсутствия, основал школу и преподавал в Лицее. Он преподавал, прогуливаясь взад и вперед по окружавшим его тенистым аллеям, за что получил прозвище Перипатетика, которое закрепилось за его именем и философией. Его школа пользовалась большой известностью, и из нее вышли выдающиеся философы, государственные деятели, историки и ораторы. Он преподавал тринадцать лет, в течение которых написал большую часть своих великих произведений. Он писал не только по диалектике и логике, но и по физике в различных ее отделах. Его работа над *"Историей животных"* была признана настолько важной, что его царственный ученик подарил ему восемьсот талантов — огромную сумму - на сбор материалов. Он также писал об этике и политике, истории и риторике; письма, стихотворения и речи, три четверти которых утрачены. Он был одним из самых объемистых писателей древности и, вероятно, самым образованным человеком, чьи труды дошли до нас. Никто из древних также не оказывал на мышление последующих эпох такого большого влияния. Он был оракулом до возрождения науки.

[Примечание: Гениальность Аристотеля.]

"Аристотель, - говорит Гегель, - проник во всю массу и в каждый отдел вселенной вещей и подчинил пониманию ее рассеянное богатство; и большее число философских наук обязаны ему своим выделением и началом". [Примечание: Говорят, что Хейгел понял Аристотеля лучше, чем любой современный писатель, и лучшая работа по его философии принадлежит ему.] Он также является отцом истории философии, поскольку он дает исторический обзор того, как этот предмет до сих пор рассматривался более ранними философами.

"Платон сделал внешний мир областью незавершенного и дурного, противоречивого и ложного и признавал абсолютную истину только в вечных неизменных идеях. Аристотель выдвинул предположение, что идея, которая сама по себе не может воплотиться в реальность, бессильна и имеет только потенциальное существование, и что она становится живой реальностью только путем творческой реализации себя посредством своей собственной энергии". [Примечание: Адольф Стар, Ольденбург.]

[Примечание: Обширные достижения Аристотеля.]

Но не может быть никаких сомнений в его удивительной способности к систематизации. Собрав воедино все результаты древних спекуляций, он так развил их в систему координат, что в течение двух тысяч лет безраздельно властвовал в школах. С литературной точки зрения Платон, несомненно, превосходил его, но Платон был поэтом, делавшим философию божественной и музыкальной; но исследования Аристотеля распространялись на гораздо более широкий диапазон. Он писал также о политике, естественной истории и этике настолько всесторонне и умело, что доказывал свое звание одного из величайших умов древности, самого тонкого и терпеливого. Он отличался от Платона главным образом в отношении учения об идеях, не разрешая, однако, разделявшей их трудности. Поскольку он сделал материю вечной основой явлений, он свел понятие о ней к точности, которой оно никогда прежде не обладало, и тем самым установил необходимый элемент в науке о человеке. Но, будучи привязан к материи, он не воспарил, как это сделал Платон, в высшие сферы умознания; и он не придерживался столь возвышенных взглядов на Бога или бессмертие. У него также не было столь высокого идеала человеческой жизни. Его определением высшего блага была совершенная практическая деятельность в совершенной жизни.

С Аристотелем завершилось великое сократовское движение в истории умознания. Когда появился Сократ, было общее преобладание скептицизма, возникшего из неудовлетворительных рассуждений о природе. Он устранил этот скептицизм, изобретая новый метод и отвлекая разум от созерцания природы к изучению самого человека. Он призвал людей заглянуть внутрь себя.

[Примечание: Этика - великий предмет исследования Платона.]

Платон принял его метод, но применил его более универсально. Однако, как и Сократ, этика была главным предметом его исследований, которым физика была лишь подчинена. Проблема, которую он стремился решить, заключалась в том, как жить подобно богам. Он рассматривал истину как великую цель жизни.

[Примечание: основные вопросы Аристотеля относились к физике и метафизике.]

У Аристотеля этика составляла лишь одну из областей его внимания. Его основные запросы касались физики и метафизики. Таким образом, он, включив их в область или исследование, проложил путь к новой эпохе скептицизма. [Примечание: Льюис, Риттер, Гегель, Морис, Диоген Лаэртский. Смотрите прекрасную статью в *Британской энциклопедии*. Шwegлер, перевод Силин.]

В надлежащих рамках этой главы невозможно приступить к анализу философии трех великих светил древнего мира или перечислить и описать другие их труды. Я просто хочу показать, что считается жизненно важными принципами, на которых были основаны их системы, и общий дух их рассуждений. Изучающий должен изучить их в сложных трактатах современных философов и в оригинальных работах Платона и Аристотеля.

[Примечание: их характерные запросы.]

И Платон, и Аристотель учили, что только разум может сформировать науку; но Аристотель расходился со своим учителем в отношении теории идей. Он не отрицал *субъективного* существования идей, но он отрицал, что они имеют *объективное* существование. И он утверждал, что *существуют* только отдельные вещи, а если существуют только отдельные люди, то их можно познать только с помощью *ощущения*. Ощущение, таким образом, становится основой знания. Платон сделал разум основой знания, а Аристотель - *опыт*. Платон направлял человека к созерцанию идей; Аристотель - к наблюдениям за природой. Вместо того, чтобы действовать синтетически и диалектически, как Платон, он следует аналитическому курсу. Следовательно, его метод является индуктивным — вывод определенных принципов из суммы данных фактов и явлений. Казалось бы, позитивная наука началась с него, поскольку он утверждал, что опыт дает принципы любой науки; но, хотя его концепция была справедливой, тогда не было накоплено достаточного опыта, из которого можно было бы сделать эффективные обобщения. Он недостаточно проверил свои посылки. Его рассуждения были правильными на основе приведенных данных, как в знаменитом силлогизме: "Все черные птицы - вороны; эта птица черная; следовательно, эта птица - ворона". Недостаток силлогизма заключается не в рассуждении, а в истинности главной посылки, поскольку не все черные птицы - вороны. Только самое обширное и исчерпывающее изучение точности утверждения может оправдать рассуждения на его основе. Аристотель рассуждал без достаточного изучения основной посылки своих силлогизмов.

[Примечание: Логика Аристотеля.]

Аристотель был отцом логики, а Гегель и Кант считают, что с его времен она не претерпела никаких улучшений. И это стало для него настоящим органом науки. "Он предположил, что это был не просто инструмент мышления, но инструмент исследования". Следовательно, это было бесполезно для целей открытия, хотя и важно для содействия мыслительным процессам. Индукция и силлогизм - два великих инструмента его логики. Первый исходит из уже известных частных, чтобы прийти к выводу; другой исходит из некоторого общего принципа, чтобы прийти к частностям. Последнее более конкретно характеризовало его логику, которую он представил в шестнадцати формах, проявив большую изобретательность и полезность как диалектическое упражнение. Этот силлогистический процесс рассуждения был бы неопровержимым, если бы *общее* было известно лучше, чем *частное*. Но только путем индукции, исходящей из мира опыта, мы достигаем высшего мира познания. С помощью силлогизма мы не приходим к какому-либо новому знанию, поскольку основная посылка более

очевидна, чем заключение, и предшествует ему. Таким образом, он подчинил умозрение логическим различиям, и его система, применяемая схоластами, привела к духу бесполезных придирок. Вместо того чтобы исследовать Природу, как это делал Бэкон, они исследовали свой собственный разум, и никаких великих открытий сделано не было. Из-за недостатка надлежащего знания условий научного исследования метод Аристотеля стал бесплодным. [Примечание: Морис, *анк. филолог*. См. Whewell, *Hist. Ind. Наука*.]

Хотя Аристотель писал методично, все же наблюдается большая скупость языка. В его стиле нет очарования. Он лишен украшений и очень сжат. Его заслуга заключалась в большой логической точности и скрупулезной аккуратности в употреблении терминов.

[Примечание: Скептики.]

Философия, как великая система диалектики, как анализ силы и способностей разума, как метод проведения исследований, просто как интеллектуальная система, достигла высшей точки в Аристотеле. Он завершил великую ткань, основу которой заложил Фалес. Последующие философские школы обратили внимание на этические и практические вопросы, а не на интеллектуальные феномены. Скептики, подобные Пиррону, придерживались только негативных доктрин и с презрением относились к тем исследованиям, которые стремились проникнуть в тайны существования. Они не верили, что абсолютная истина достижима человеком. И они атаковали преобладающие системы с большим правдоподобием. Таким образом, Секст атаковал как индукцию, так и определения. "Если мы не знаем вещь, которую мы определяем, - сказал он, - мы не постигаем ее из-за определения, но мы накладываем на нее определение, потому что знаем ее; и если мы не знаем вещь, которую мы хотели бы определить, определить ее невозможно". Таким образом, скептики указывали на неопределенность вещей и глупость попыток постичь их.

Эпикурейцы презирали философские изыскания, поскольку, по их мнению, они не способствовали достижению счастья. Предметом их изысканий было счастье, а не истина. То, что будет способствовать этому, было предметом их спекуляций. Эпикур, родившийся в 342 году до н.э., утверждал, что удовольствие - это счастье; что к удовольствию следует стремиться не ради него самого, а с учетом получаемого с его помощью счастья жизни. Он учил, что это неотделимо от добродетели и что удовольствия, связанные с ней, должны быть ограничены. Он питал отвращение к дорогостоящим удовольствиям и считал довольство малым великим благом. Он вкладывал богатство не в большие владения, а в малое количество потребностей. Он стремился расширить сферу удовольствий и сузить сферу страданий и считал бесстрастное состояние жизни высшим. Не страшился он и смерти, которая была избавлением от страданий. Эпикура во многом неправильно понимали, и впоследствии его доктрины были извращены, особенно когда жизненные искусства были поставлены на службу роскоши, а грубый материализм стал главной чертой общества. Эпикур обладал большим практическим духом философа, хотя и очень небольшим количеством искренних стремлений религиозного человека. Он сам вел добродетельную жизнь, потому что быть добродетельным было мудрее и лучше, а не потому, что это было его долгом. Его труды были очень объемными, и в своем тихом саду он вел мирную жизнь, полную учебы и удовольствий. Его последователи, а их было множество, впали в роскошь и изнеженность, как и следовало ожидать от скептической и нерелигиозной философии, великий принцип которой состоял в том, что все приятное должно

быть целью существования. [Примечание: доктрины эпикурейцев лучше всего изложены у Лукреция.]

Стоики были большой и знаменитой сектой философов; но они ничего не добавили в область мышления — они не создали никакой системы, они не изобрели никакого нового метода, их не подтолкнули к новым психологическим исследованиям. Их вопросы были в основном этическими. И если этика является частью великой системы греческой философии, то она вполне достойна внимания. Среди них есть некоторые из величайших людей древности, такие как Сенека и Марк Аврелий. Философией, которой они учили, была мораль, и она была в высшей степени практичной и возвышенной.

[Примечание: Зенон.]

Основатель этой секты Зенон, родившийся богатым, но доведенный несчастьем до нищеты, был очень замечательным человеком, и очень хорошим, и глубоко почитался афинянами, которые доверили ему ключи от своей цитадели. Дата его рождения неизвестна, но он жил в эпоху упадка, когда скептицизм и чувственность съедали жизнь и энергию греческого общества, когда греческая цивилизация быстро угасала, когда древние верования утратили свое величие, а всеобщее легкомыслие и безрассудство распространилось по стране. Глубоко впечатленный господствующей распушенностью нравов и отсутствием религии, он возвысил свой голос, скорее как реформатор, чем как искатель истины, и более пятидесяти лет преподавал в месте под названием Притвор, которое когда-то было пристанищем поэтов. Он был поглощен главным образом этическими вопросами, хотя и глубоко изучал системы древних философов. Он боролся с учением Платона о том, что добродетель заключается в созерцании, и Эпикура о том, что она заключается в удовольствии. В его глазах человек был создан для активных действий. Он также стремился противостоять скептицизму, который набрасывал траурную завесу сомнения и неуверенности на все, что имело отношение к душе, Богу и будущей жизни. "Скептики атаковали как восприятие, так и разум. Они показали, что восприятие, в конце концов, основано на видимости, а видимость не является достоверностью; и они показали, что разум неспособен провести различие между видимостью и достоверностью, поскольку у него нет ничего, кроме явлений, на которых можно было бы строить, и поскольку нет критерия, который можно было бы применить к самому разуму". Затем они объявили философию несостоятельной и беспочвенной. Но он, опираясь на здравый смысл, боролся за мораль, как это делали Рид и Битти, когда боролись со скептицизмом Юма.

[Примечание: Доктрины стоиков.]

[Примечание: Влияние стоиков.]

Философия, согласно Зенону и другим стоикам, была тесно связана с обязанностями практической жизни. Созерцание, рекомендованное Платоном и Аристотелем, казалось лишь скрытой рекомендацией эгоистичного наслаждения. Мудрость, достижение которой должно быть целью жизни, - это добродетель. А добродетель заключается в том, чтобы жить в гармонии с природой. Жить в гармонии с природой - значит исключить все личные цели. Следовательно, удовольствием следует пренебрегать, а боль - презирать. И поскольку все моральные действия должны быть в гармонии с природой, закон судьбы является высшим, и все вещи движутся в соответствии с неизменной судьбой. С преобладающей тенденцией к универсальному, которая характеризовала их систему, стоики учили, что мудрец должен считать себя гражданином мира,

а не какого-то конкретного города или государства. Они сделали необходимыми для добродетели четыре вещи: знание *добра и зла*, что является прерогативой разума; *умеренность*, знание надлежащего регулирования чувственных страстей; *стойкость*, убежденность в том, что хорошо терпеть то, что необходимо; и *справедливость*, или знакомство с тем, что должно быть у каждого человека. Они считали *совершенство* необходимым для добродетели и не видели ничего добродетельного в простом продвижении к нему. Отсюда суровость их системы. Совершенный мудрец, по их мнению, возвышается над любым влиянием внешних событий; он подчиняется закону судьбы; он свободен от желаний и страхов, радости или печали; им не управляет даже то, чему он неизбежно подвергается, например, печали и страданию; он свободен от ограничений страсти; он подобен богу в своем умственном спокойствии. Мудрец не должен жить только для себя, но и для других; он член всего человечества; он должен жениться и принимать участие в общественных делах, но он никогда не уступит состраданию или прощению и должен с бескомпромиссной суровостью нападать на ошибки и порок. Но с этим идеалом стоики были вынуждены признать, что добродетель, как и истинное знание, хотя и достижима, находится за пределами досягаемости человека. Они были недовольны собой и всем, что их окружало, и считали все институты коррумпированными. Они глубоко презирали свой век и человеческие достижения; но нельзя отрицать, что они практиковали высокие и суровые добродетели и были лучшими людьми в свои вырождающиеся времена. Их Бог был подчинен Судьбе, и он был материальным богом, синонимом Природы. Таким образом, их система была пантеистической. Но они сохраняли достоинство разума и идеал в природе, к осуществлению которого мы должны стремиться, хотя и без надежды достичь его. "Как реакция против изнеженности, стоицизму можно аплодировать; как доктрина, он односторонен и заканчивается апатией и эгоизмом". [Сноска: См. Цицерон, *De Fin.* и *Тускуланские вопросы*; Диоген Лаэртский о Зеноне. Этот историк довольно подробно разбирается в этом предмете и, кажется, дает основу для Риттера.]

Со стоиками у греков прекратились все исследования философского характера, достойные особого упоминания, пока философия не возродилась в христианских школах Александрии, где вера была соединена с разумом. Стоики стремились утвердить достоверность человеческого знания, чтобы они могли установить истинность моральных принципов, и основой их системы был здравый смысл, с помощью которого они атаковали безбожный скептицизм своего времени и воздвигли барьер, каким бы слабым он ни был, господствующему вырождению. Борьба стольких великих мыслителей, от Фалеса до Аристотеля, закончилась сомнениями и отчаянием. Было обнаружено, что все они были неправы, но их ошибка не подлежала исправлению.

[Примечание: Яркий период греческой философии.]

Ярким и славным периодом греческой философии был период от Сократа до Аристотеля. Философские исследования начались с изучения происхождения вещей и завершились тщательной систематизацией форм мышления, что стало самым великолепным триумфом, которого когда-либо достигал человеческий интеллект без посторонней помощи. Сократ основывает школу, но не разрабатывает систему. Он открывает самые драгоценные истины и стимулирует молодежь, слушающую его наставления, доктриной о том, что долг человека - стремиться к познанию самого себя, которое следует искать в том божественном разуме, который обитает внутри него и который также управляет миром. Он доверяет науке; он любит истину ради нее самой; он любит добродетель, которая заключается в познании добра.

[Примечание: Краткое содержание.]

Платон хватает свое оружие и проникается его духом. Он полон надежды на науку и человечество. С поразительной смелостью он направляет свои запросы в будущее, неудовлетворенный настоящим и лелея нежную надежду на лучшее существование. Он размышляет о Боге и душе. Его не очень интересуют физические явления. Он, подобно Фалесу, стремится постичь не начало всех вещей, а высшее благо, с помощью которого его бессмертная душа может освежиться и подготовиться к будущей жизни, которую он не может разгадать, но в которую верит. Разумное - это непроницаемая империя, но идеи - это уверенности, и на них он пребывает с восторженным мистическим энтузиазмом — великий поэтический рапсод, подобный Ксенофану, строгий диалектик, верящий в истину, красоту и добродетель.

Затем Аристотель, следуя методу *своих* учителей, пытается исчерпать опыт и направляет свои исследования во внешний мир чувств и наблюдений, но все с целью обнаружения в явлениях безусловной истины, в которую он тоже верит. Но все в этом мире мимолетно и преходяще, и поэтому нелегко прийти к истине. Холодное сомнение закрадывается в экспериментальный разум Аристотеля со всей его ученостью и всей его логикой.

Возникают эпикурейцы. Они возлагают свои надежды на чувственное наслаждение. Они отчаиваются в истине. Но мир не будет предан отчаянию. Стоики осуждают нечестие, смешанное с чувственностью, и возлагают свои надежды на добродетель. Но это недостижимая добродетель, в то время как их Бог - не нравственный правитель, а подчиненный необходимости.

Так эти древние гиганты бродили ощупью, ибо они не знали Бога, Который был открыт Аврааму, и Моисею, и Давиду, и Исае. Они ничего не решили, поскольку не *знали*, даже если и размышляли о *Великом Первопричине*. И все же, при всех своих заблуждениях, они были величайшими благодетелями древнего мира. Они придавали достоинство интеллектуальным исследованиям, в то время как своей жизнью подавали примеры чистой морали — не морали Евангелия, а самой суровой добродетели, практикуемой древними наставниками человечества.

[Примечание: философия у римлян.]

Римляне абсолютно ничего не добавили к философии греков. Их также не интересовали никакие спекулятивные исследования. Только этические взгляды древних мудрецов имели для них привлекательность или силу. Они были слишком материальны, чтобы любить чисто субъективные исследования. Они завоевали землю; они презирали воздушную империю.

[Примечание: последователи греков.]

Несомненно, среди римлян были изучавшие греческую философию, возможно, еще при Катоне Цензоре. Но до Цицерона было только два выдающихся человека, писавших философию, Аврафаний и Рубинус, и они были эпикурейцами.

[Прим. автора: Цицерон.]

Цицерон был первым, кто систематизировал философию, которая внесла такой значительный вклад в его интеллектуальную культуру. Но даже он ничего не добавил. Он был всего лишь комментатором и толкователем. Он также не стремился основать систему или школу, а просто влиять на людей своего ранга и наставлять их. Он считал те предметы, которые имели наибольшую привлекательность для греческих школ, неподвластными человеческому познанию, и, следовательно, рассматривал практическое как надлежащую область человеческих исследований. Тем не менее, он высоко ценил логику как средство методического исследования. Он принял доктрину Сократа о стремлении к моральному благу. Он считал обязанности, вытекающие из отношений человеческого общества, предпочтительнее обязанностей по проведению научных исследований. Хотя он был большим поклонником Платона и Аристотеля, он считал патриотическое чувство долга первостепенным для любого изучения науки или философии, которое, по его мнению, было сопряжено с сомнениями. Он испытывал большое презрение к знаниям, которые не могли привести ни к ясному пониманию достоверности, ни к практическому применению. Он считал невозможным прийти к познанию Бога, или природы души, или происхождения мира. И это привело его к тому, что он стал смотреть на разумное и настоящее как на нечто более важное, чем неубедительные индукции или выводы из неудовлетворительно установленной истины.

[Примечание: Его эклектизм.]

Цицерон был эклектиком, хватавшимся за то, что было истинным и ясным в древних системах, и пренебрегавшим тем, что было просто предметом спекуляций. Это особенно заметно в его трактате "О конечном благе и недостатках", в котором излагаются и сравниваются мнения всех греческих школ относительно высшего блага. Он также не стесняется заявлять, что счастье заключается в познании природы и науки, которые являются истинным источником удовольствия как для богов, так и для людей. Однако это всего лишь надежды, которым нам не подобает потакать. Именно действительное, реальный, практический аспект в первую очередь требует внимания; другими словами, знание, которое лишь даст человеку руководство и правило жизни. [Примечание: *De Fin.*, v. 6.] Действительно, по мнению Цицерона, суть философии в том, что она наставница и утешительница. Он придерживается исключительно практического взгляда на цель философии, которая заключается в совершенствовании ума и создании человека довольным и счастливым. К философии как науке, представляющей собой ряд индукций и дедукций, он питал глубокое презрение. Он также считает, что философские доктрины подвержены сомнению, и даже при рассмотрении моральных вопросов его преследует конфликт мнений, хотя в этой области он чувствует себя как дома. Пункты, которые он больше всего стремится установить, - это доктрины о Боге и душе. Наиболее полно они изложены в его эссе "О природе вещей", в котором он подвергает доктрины эпикурейцев и стоиков возражениям Академии. [Сноска: *De Nat. D.*, iii. 10.] Он признает, что человек неспособен сформировать истинные представления о Боге, но признает необходимость принятия единого верховного Бога как творца и правителя всего сущего, движущего все сущее, удаленного от всего смертного и наделенного вечным движением в самом себе. Кажется, он верит в божественное провидение, предписывающее человеку добро; в бессмертие души, в свободу воли, в достоинство человеческой природы, во власть разума, в обуздание страстей, необходимое для добродетели, в общественно полезную жизнь, в неизменную мораль, в подражание божественному.

[Примечание: Его этика.]

Доктрины Цицерона по этическим вопросам в основном заимствованы у стоиков и перипатетиков. Это мнения, заимствованные иногда из одной системы, а иногда из другой. Таким образом, он согласен с учениками Аристотеля в том, что здоровье, почести, друзья, родина являются достойными объектами желания. С другой стороны, он совпадает со стоиками в том, что страсти и эмоции души являются пороками. Но он отступает от их сурового тона, который слишком высоко возвышал мудреца над его собратьями.

[Примечание: Характер его философских трудов.]

Таким образом, в моральных теориях Цицерона мало оригинальной мысли, и они являются результатом наблюдений, а не какого-либо философского принципа. Мы могли бы перечислить различные его мнения и показать, каким просвещенным умом он обладал; но это не было бы развитием философии. Его взгляды, какими бы интересными они ни были и в целом мудрыми и возвышенными, все же не указывают на какой-либо прогресс науки; Он просто повторяет более ранние доктрины. Они были не лишены полезности, поскольку оказали большое влияние на латинских отцов церкви. Их ценили за их всеобщее просвещение. Он смягчил крайние взгляды великих мыслителей своего времени и ясно раскрыл то, что стало затемненным. Он критик философии, толкователь, без которого мы едва ли можем обойтись.

Если кто-либо и продвигал философию среди римлян, то это был Эпиктет, да и то только в области этики. Кумций Секстий во времена Августа возродил пифагорейские доктрины. Сенека рекомендовал суровую мораль стоиков, но они не добавили ничего такого, что не было бы известно ранее. У римлян не было таланта к философии, хотя они были знакомы с различными ее системами. Их величайшим светочем был фригийский раб.

[Прим. автора: Эпиктет.]

[Примечание: Его возвышенная этическая система.]

Эпиктет преподавал во времена Домициана, и хотя он не оставил никаких письменных трактатов, его доктрины были сохранены и переданы его учеником Аррианом, который питал к нему такое же почтение, какое Платон питал к Сократу. Возвышенность его записанных взглядов заставляет нас почувствовать, что он, должно быть, был в долгу перед христианством, ибо никто до него не раскрывал заповедей в таком соответствии с их духом. Он был стоиком, но высоко ценил Сократа и Платона. Он был замечателен не решением метафизических вопросов. Он был не диалектиком, а моралистом и, как таковой, занимает самое высокое положение среди всех старых исследователей истины. Для него философия, какой она была для Цицерона и Сенеки, - это жизненная мудрость. Он не придает большого значения логике, как и физике; но он раскрывает чувства великой простоты и величия. Его великая идея - очищение души. Он верит в строжайшее самоотречение; он остерегался бы сирен удовольствия; он заставил бы людей почувствовать, что для того, чтобы быть хорошими, они должны сначала почувствовать, что они злые; он осуждает самоубийство, хотя его защищали стоики; он ни на кого не жаловался бы, даже на несправедливость; он не причинял бы вреда своим врагам; он прощал бы все обиды; он испытывал бы всеобщее сострадание, поскольку люди грешат по невежеству; его было бы нелегко обвинять, поскольку нам некого осуждать, кроме самих себя; он не стремился бы к чести или должности, поскольку мы ставим себя в подчинение. к тому, к чему мы стремимся или что высоко ценим; он постоянно помнил бы, что все вещи преходящи и что они не принадлежат нам; он терпеливо переносил бы зло, даже если бы практиковал самоотречение от

удовольствий; короче говоря, он был бы спокоен, свободен, держал бы в повиновении свои страсти, избегал потакания своим желаниям и практиковал широкую благотворительность и великодушие. Он чувствовал, что всем обязан Богу; что все было его даром, и что таким образом мы должны жить в соответствии с его волей; что мы должны быть благодарны не только за наши тела, но и за наши души и разум, с помощью которых мы достигаем величия. И если Бог дал нам такой бесценный дар, мы должны быть довольны и даже не пытаться изменить наши внешние отношения, которые, несомненно, к лучшему. Действительно, мы должны желать только того, чего желает и посылает Бог, и мы должны избегать гордости и надменности, а также недовольства и стремиться выполнить отведенную нам роль. [Примечание: Прекрасный перевод Эпиктета был опубликован Литтлом и Брауном.]

[Примечание: Марк Аврелий.]

Таковы были моральные предписания Эпиктета, в которых мы видим самое близкое приближение к христианству, которое было сделано в древнем мире. И эти возвышенные истины оказали огромное влияние, особенно на ум самого возвышенного и чистого из всех римских императоров, Марка Аврелия, который жил по принципам, которым научился у раба, и чьи "Максимумы" до сих пор вызывают восхищение.

[Примечание: общие замечания.]

Таким образом, рассуждения о начале вещей привели к разработке систем мышления и завершились практическими правилами жизни, пока по духу они, вместе с Эпиктетом, не пришли в соответствие со многими из богооткровенных истин, которые Христос и его Апостолы изложили для возрождения мира. Кто не видит в исследованиях древнего философа, будь то в области природы, или деятельности разума, или существования Бога, или бессмертия души, или пути к счастью и добродетели, великолепного триумфа человеческого гения, подобного которому не было ни в одной другой области человеческой науки? Мы сожалеем, что наши ограничения не позволяют более широко взглянуть на различные системы, которые предлагали древние мудрецы, — системы, полные ошибок, но также отмеченные важными истинами, ложными или истинными, демонстрирующими удивительный охват человеческого понимания. Современные исследования отбросили многие мнения, которые высоко ценились в свое время, однако философия в своих методах рассуждения едва ли продвинулась вперед со времен Аристотеля; в то время как темы, волновавшие греческие школы, время от времени возрождались и обсуждались заново, и до сих пор остаются нерешенными. Если какая-либо наука и вращалась по бесконечным кругам, неспособная, по-видимому, к прогрессу или отдыху, то это та великолепная область исследований, которая больше, чем любая другая, ставила задачи перед самыми могущественными интеллектами этого мира и которая, прогрессивная или нет, никогда не будет оставлена без потери того, что является самым ценным в человеческой культуре.

* * * * *

Для получения оригинальных источников по теме этой главы прочтите "Жизнеописания философов" Диогена Лаэртца; Труды Платона и Аристотеля; Цицерона, Де Нац., Де Ор., Де оффик., Де Див., Де Фин., Туск. Квестор; Ксенофонт, Памятные вещи; Боэций, История идей. Фил.; Лукреций.

Великие современные авторитеты - это немцы, и их очень много. Среди наиболее известных авторов по истории философии Брукнер, Гегель, Брандис, И. Г. Буле, Теннеманн, Риттер, Плессинг, Швиглер, Германн, Мейнерс, Штальбаум и Шпойгель. История Риттера хорошо переведена, она всегда запоминается и наводит на размышления. Теннеманн, переведенный Мореллом, представляет собой хорошее руководство, краткое, но ясное. В связи с трудами немцев следует обратиться к великому труду Кузена.

Английские историки античной философии не так многочисленны, как немцы. Работа Энфилда основана на Брукнере или, скорее, является сокращением. Лекции Арчера Батлера наводящие на размышления и умелые, но дискурсивные и расплывчатые, как и "История древней философии" Мориса. Гроте много писал о Сократе и других великих светилах. Биографическая история философии Льюиса отличается ясностью и очень интересна, но довольно поверхностна. Генри написал хорошее воплощение. Смотрите также "Историю философии" Стэнли и статьи в Словаре Смита о ведущих философах древности. Продолжение Дональдсоном "Истории греческой литературы" Мюллера изучено, и с ним следует ознакомиться с заметками Томпсона об Арчере Батлере. Есть также прекрасные статьи в Британских энциклопедиях и Metropolitana. Шлейрмахер, "О Сократе", переведенный епископом Терлуоллом.

ГЛАВА IX.

НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ У РИМЛЯН.

[Примечание: Чудеса современной науки.]

[Примечание: Каждая великая эпоха отличалась чем-то, чему впоследствии не было равных.]

Было бы абсурдно приписывать древним какие-либо великие достижения в науке, подобные тем, которых они достигли в области литературы или искусства. Именно в науке, особенно применительно к практической жизни, современные люди демонстрируют свое огромное превосходство над наиболее просвещенными нациями древности. В этой великой области современный гений сияет подобно солнцу. Именно это наиболее поразительно свидетельствует о прогрессе общества, что делает их прогресс самым неоспоримым фактом. Именно это отличило и возвысило расы Европы более победоносно, чем то, что явилось результатом объединенной энергии греков и римлян во всех других областях, вместе взятых. Великолепные открытия и изобретения, последние триста лет практически в каждой департамент науки, особенно в физике, в освоение далеких морях и континентах, в анализе химических соединений, в объяснении явлений на небе, в чудеса пара и электричества, в механический прибор, который используется для сокращения человеческого труда или уничтожения человеческой жизни, в астрономических исследованиях, в чудеса, которые изобретательский гений творит,—видели в наших кораблей, наших производителей, наших дивных инструментов, наш печатных машин, наших обсерваторий, наших укреплений, в нашей лаборатории, наши заводы, наши машины, чтобы возделывать землю, чтобы сделать нашу одежду, строить наши дома, чтобы приумножить наши средства нападения и защиты, чтобы сделать слабые дети выполняют работу Титанов, чтобы измерить наше время с точностью, орбиты планет, солнечная себя увековечить наш облик далеких поколений, чтобы привести иглу в руководство Маринер с гарантией на самую темную ночь, для приведения в движение тяжелый корабль против ветра и течения без весел и парусов, чтобы экипажи поднимаются горы, без коней в размере от

тридцати миль в час, чтобы передать разведданные со скоростью молнии с континента на континент, под океанами, что древние мореходы никогда не осмеливался пересечь; эти и другие чудеса свидетельствуют изобретательности и дерзости разума, который бы изумлении самых авантюрных греков и один из самых мощных римлян. Достижения современной науки навсегда решают вопрос о развитии общества и превосходстве современности над наиболее благоприятствуемыми нациями древности. Но великие открытия и изобретения, которым мы обязаны этим заметным превосходством, являются либо случайными, либо результатом поколений экспериментов, подкрепленных огромным количеством установленных фактов, из которых можно делать надежные выводы. Вероятно, мы можем приписать удивительное развитие современного общества не превосходству тевтонских рас над греками и римлянами, а тому особому направлению, которое должен был избрать гений. Если бы греки отдавали механическим силам энергию своего разума так же, как они отдавали художественным творениям, они могли бы сделать замечательные изобретения. Но так было распорядилось Провидение. Мир также не находился на той стадии развития, когда этому конкретному направлению интеллекта отдавалось бы предпочтение. Были некоторые вещи, которые греки и римляне исчерпали, были области труда и мысли, в которых они никогда не были и, возможно, никогда не будут превзойдены; и когда-нибудь будущая эпоха может направить свою энергию в русла, которые нам так же неизвестны, как часы и паровые машины были грекам. Это век механизма и науки, а механизм и наука сметают все на своем пути и, вероятно, будут доведены до предела своих возможностей и развития. Тогда человеческий разум может искать какое-то новое направление, какой-то новый простор для энергии, и может наступить новая эра чудес — возможно, после того, как нынешние господствующие расы будут опьянены величием своих триумфов и разделят судьбу старых монархий Востока. Но я бы не стал рассуждать о судьбах европейских народов, будут ли они бесконечно продвигаться вперед, пока не оккупируют и не будут править всем миром, или им суждено смениться народами, еще неразвитыми, — дикарями, какими были их отцы, когда Рим был в расцвете материального богатства и величия. Мы ничего не знаем о будущем. Мы только знаем, что все народы находятся в руках Бога, который устанавливает и разрушает их в соответствии со своей бесконечной мудростью.

Я показал, что в области художественного совершенства, в литературном творчестве, в искусстве управления и законодательства и даже в сфере философских рассуждений древние были нашими школьными учителями, и что среди них были люди самого поразительного гения, у которых не было превосходства среди нас.

[Примечание: древние испытывали недостаток в применении науки.]

Но мы не видим проявления гениальности в том, что мы называем наукой, по крайней мере, в ее применении к практической жизни. Было бы трудно показать какую-либо область науки, которую древние довели до какой-либо степени совершенства. Тем не менее, были отделы, в которых они предпринимали благородные попытки и в которых проявляли значительную гениальность, даже если им не удавалось добиться больших практических результатов.

[Примечание: Труды древних в астрономии.]

Астрономия была одной из таких. Что касается математического гения, что касается астрономии, то такие люди, как Эратосфен, Аристарх, Гиппарх и Птолемей, были великими светилами, которыми человечество может гордиться; и, если бы им помогли наши современные случайные изобретения, они могли бы заслужить славу, едва ли затмеваемую славой Кеплера и

Ньютона. Ионийские философы мало что добавили к области истинной философии, но они были пионерами мысли и гигантами в своих врожденных способностях. Древние астрономы сделали так же мало, как и они, для того, чтобы поставить науку на истинный фундамент, но они проявили большую изобретательность и открыли некоторые великие истины, которые не были отвергнуты ни одним последующим веком. Они определили окружность земли методом, идентичным тому, которым пользуются современные астрономы. Они определили положение звезд по прямому восхождению и склонению. Они знали наклон эклиптики и определяли место апогея солнца, а также его среднее движение. Их расчеты эксцентриситета Луны доказывают, что у них была прямолинейная тригонометрия и таблицы хорд. Они имели приблизительное представление о параллаксе. [Сноска: Делаббр, *История. д'Астр. Анк.*, том. 1, стр. 184.] Они могли вычислять лунные затмения и использовать их для корректировки своих лунных таблиц. Они разбирались в сферической тригонометрии и определяли движения солнца и Луны, включая точное определение года и метод предсказания затмений. Они установили, что земля представляет собой сферу, и свели явления небесных тел к равномерному движению по круговым орбитам. [Сноска: Льюис, *История. of Astron.*, стр. 209.] С помощью физической географии мы установили точную форму земли, но древние пришли к своим знаниям с помощью астрономических рассуждений. "Сведение движения солнца, луны и пяти планет к круговым орбитам, как это было сделано Гиппархом, предполагает глубокую сосредоточенную мысль и научную абстракцию. Теория эксцентриков и эпициклов завершила работу по объяснению всех известных явлений. Преобразование видимых движений небесных тел в совокупность круговых движений было великим триумфом гения, [Примечание: Уэвелл, *История. Индуктивность. Наука*, v. i., стр. 181.] и был эквивалентен самым последним и усовершенствованным процессам, с помощью которых современные астрономы имеют дело с такими движениями".

Но я не буду здесь перечислять те немногие открытия, которые были сделаны александрийской школой. Я только хочу показать, что среди древних есть несколько имен, которые занесены в список великих астрономов, столь же ограниченных, сколь и триумфы самой науки. Но до времен Аристарха большинство спекуляций были грубыми и бесполезными. Ничто не может быть более ребяческим, чем представления древних о природе и движении небесных тел.

[Примечание: Астрономия родилась в Халдее.]

Астрономия, вероятно, зародилась в Халдее еще во времена Авраама. Величие небесного свода запечатлелось в умах грубых примитивных рас с такой силой, какой мы не ощущаем при всех триумфах современной науки. Халдейские пастухи, наблюдая ночью за своими стадами, отмечали движение планет и давали названия наиболее ярким созвездиям. До того, как были установлены религиозные ритуалы, до того, как возникли великие суеверия, до того, как были воспеты стихи, до того, как были изобретены музыкальные инструменты, до того, как художники изваяли мрамор или выплавили бронзу, до того, как были отчеканены монеты, до того, как возникли храмы, до того, как болезни были излечены искусством медицины, до того, как была известна торговля, до того, как родились герои, эти восточные пастухи отсчитывали часы тревоги по положению определенных созвездий. Таким образом, астрономия является древнейшей из древних наук, хотя она оставалась несовершенной более четырех тысяч лет. Древние ассирийцы, египтяне и греки сделали лишь несколько открытий, которые ценятся современными астрономами, но они заложили фундамент науки и всегда считали ее одним из

самых благородных предметов, способных стимулировать способности человека. Он был наполнен всем, что было религиозного и поэтического.

[Примечание: Открытия, сделанные народами Востока.]

Просторный ровный и безоблачный горизонт Халдеи предоставлял особые возможности для наблюдения; и ее пасторальные и созерцательные жители, не запятнанные пороками и суевериями последующих эпох, деятельные и свежие духом, обнаружили после длительного наблюдения за затмениями - некоторые говорят, что оно длилось более девятнадцати столетий — цикл из двухсот двадцати трех лунных циклов, который возвращает затмения в том же порядке. Однажды установив свой цикл, они заложили фундамент для самой возвышенной из всех наук. Каллисфен передал из Вавилона Аристотелю свод наблюдений за всеми затмениями, предшествовавшими завоеваниям Александра, вместе с определенными знаниями, которые халдеи собрали о движении небесных тел. Это было грубо и просто и мало что значило, кроме того факта, что происходили сферические вращения вокруг наклонной оси и что полюса всегда указывали на определенные звезды. Египтяне также записали свои наблюдения, из которых следует, что они наблюдали затмения по крайней мере за тысячу шестьсот лет до начала нашей эры. В этом нет ничего невероятного, если рассуждения современных философов о возрасте мира заслуживают уважения. Египтяне открыли по восходу Сириуса, что год состоит из трехсот шестидесяти пяти дней с четвертью, и это был их священный год, в отличие от гражданского, который состоял из трехсот шестидесяти пяти дней. Они также наблюдали за движением планет и могли объяснить феномены стоянок и ретроградаций, и даже утверждается, что они считали Меркурий и Венеру спутниками Солнца. Некоторые утверждали, что обелиски, которые они воздвигли, служили гномонами для определения наклона эклиптики, высоты полюса и продолжительности тропического года. Считается, что даже пирамиды по расположению их сторон по сторонам света свидетельствуют об их знакомстве с меридиональной линией. Китайцы хвастаются тем, что заметили и зарегистрировали серию затмений, растянувшихся на три тысячи восемьсот пятьдесят восемь лет, и вполне вероятно, что они на две тысячи лет опередили греков в открытии метонического цикла, или девятнадцатилетнего цикла, в конце которого новолуния выпадают на одни и те же дни года. Они определили наклон эклиптики за тысячу сто лет до нашей эры равным 23 градусам 54' 3-15". Индейцы в глубокой древности изображали небесные явления со значительной точностью и составили таблицы, по которым определяется долгота солнца и Луны. Байи считает, что астрономия развивалась в Сиаме за три тысячи сто два года до Рождества Христова, что едва ли уступает по точности тому, что современная наука построила на теории всемирного тяготения. Греки разделили небо на созвездия за четырнадцать веков до Рождества Христова. Фалес, родившийся в 640 году до нашей эры, учил о круглости земли и о том, что луна светит отраженным светом. Он также предсказывал затмения. Анаксимандр, родившийся в 610 году до н.э., изобрел гномон и составил географические карты.

[Примечание: ранние греческие исследователи.]

Но, в конце концов, греки были единственными людьми древности, которые возвысили астрономию до достоинства науки. Однако они признавались, что свои самые ранние знания получили от вавилонских и египетских жрецов, в то время как жрецы Фив утверждали, что они были инициаторами точных астрономических наблюдений. [Примечание: Diod., i. 50.] Диодор утверждает, что халдеи использовали храм Бела в центре Вавилона для наблюдения за

небесами. [Сноска: Диод., ii. 9.] Но были ли вавилоняне или египтяне первыми астрономами, это не имеет большого значения, хотя педанты придают этому серьезное значение для исследования. Все, что мы знаем, это то, что астрономия культивировалась как вавилонянами, так и египтянами, и что они достигли лишь очень ограниченных успехов. Ранние греческие философы, посетившие Египет и Восток в поисках знаний, нашли очень мало того, что могло вознаградить их любопытство или трудолюбие; немного, кроме нелепых заявлений о глубокой древности и эзотерической мудрости, которая еще не была раскрыта. Они приблизились к истине в отношении солнечного года, наблюдая равноденствия и солнцестояния, а также гелиакический восход определенных звезд. Платон и Евдокс провели тринадцать лет в Гелиополисе с целью постижения научных знаний жрецов, но узнали они немного, кроме того факта, что солнечный год составлял немногим более трехсот шестидесяти пяти дней. Никакие великие имена не дошли до нас от жрецов Вавилона или Египта. Никто не приобрел индивидуальной репутации. Халдейские и египетские жрецы, возможно, и предоставили грекам исходный материал для наблюдений, но только последние обладали научным гением, благодаря которому неперебиваемые факты были преобразованы в симметричную систему. Восток никогда не давал Западу ценных знаний. Он дал только суеверия. Вместо астрономии она дала астрологию; вместо науки она дала магию, заклинания и сны — яд, который извращал интеллект. [Примечание: Сэр Г. Г. Льюис, *История. из Anc. Astron.*, стр. 293.] Они связали свою астрономию с гаданием по звездам и довели свою древность до двухсот семидесяти тысяч лет. Во времена Даниила были прорицатели, а также маги, изгоняющие бесов и толкователи знамений. [Сноска: Дан. i. 4, 17, 20.] Они не были людьми научных исследований, ищущими истину. Они стремились к власти, извращая интеллект людей. Астрология Востока была основана на принципе, что звезда или созвездие руководят рождением человека и либо предвещают его судьбу, либо оказывают хорошее или плохое влияние на его будущую жизнь. Звезда, которая смотрела на ребенка в час его рождения, называлась гороскопом, и особое влияние каждой планеты определялось профессорами генетического искусства. Суеверия Египта и Халдеи, к сожалению, распространились как среди греков, так и среди римлян, и это было почти все, чему западные народы научились от хвастливых жрецов оккультной науки. Все, что было известно древним о реальной ценности, является результатом серьезных исследований греков.

[Примечание: Исследования греков.]

И все же их исследования были очень неудовлетворительными до времен Гиппарха. Примитивные знания до Фалеса почти ничего не значили. В гомеровских поэмах земля рассматривалась как круглая равнина, ограниченная небом, которое представляло собой сплошной свод или полусферу, обращенную вогнутостью вниз. И в эту абсурдность верили до времен Геродота, пять столетий спустя; и не была она полностью раскрыта во времена Аристотеля. Предполагалось, что солнце, луна и звезды движутся по внутренней поверхности небесного полушария или вместе с ним, а океан, как считалось, опоясывает землю как огромный пояс, в который погружаются небесные тела при заходе. [Сноска: *Il.*, vii. 422; *Od.*, iii. i. xix. 433.] Гомер верил, что солнце восходит из океана, поднимается на небо и снова погружается в океан, проходит под землей и порождает тьму. [Сноска: *Il.* viii. 485.] Греки даже олицетворяли солнце в виде божественного возничего, ведущего своих огненных коней по крутым склонам небес, пока вечером он не омывал их западными волнами. Аполлон стал богом солнца, как Диана была богиней луны. Но ранние греческие исследователи не пытались объяснить, как солнце находило свой путь с запада обратно на восток. Они просто обращали внимание на

суточный ход, смену дня и ночи, количество сезонов и их регулярную смену. Они находили направления по компасу, определяя повторяемость равноденствий и солнцестояний; но у них не было представления об эклиптике — об этом большом круге на небе, образованном годовым движением солнца, и о его наклоне по сравнению с экватором. Подобно египтянам и вавилонянам, они установили, что продолжительность года составляет триста шестьдесят пять дней; но абсолютной точности не хватало из-за отсутствия научных инструментов и зарегистрированных наблюдений небесных тел. У греков не было даже общей хронологической эры для обозначения лет. Таким образом, Геродот сообщает нам, что Троянская война предшествовала его времени на восемьсот лет: [Сноска://, ii. 53.] он просто указывает интервал между рассматриваемым событием и его собственным временем; у него были определенные данные для отдаленных периодов. Таким образом, греки отсчитывали даты от Троянской войны, а римляне - от строительства своего города. И они разделили год на двенадцать месяцев и ввели промежуточный круг из восьми лет, хотя впоследствии римляне отказались от него, пока Юлий Цезарь не реформировал календарь. Таким образом, у первобытных греков не было научных астрономических знаний, заслуживающих упоминания.

Современные критики потратили огромные средства на исследования и познания, чтобы показать состояние научной астрономии у греков. Я в равной степени поражен объемом исследований и их сравнительной бесполезностью, поскольку какое дополнение к науке может быть сделано перечислением ребячеств и ошибок греков, и насколько расточительны и педантичны знания, которые перерыли всю древность, чтобы доказать, что греки переняли ту или иную нелепость. [Примечание переписчика: пространная сноска перенесена в конец главы.]

[Прим. автора: Фалес.]

[Примечание: Анаксимандр и Анаксимен.]

Но вернемся. Самым ранним историческим именем, связанным с астрономией в Греции, был Фалес, основатель ионической школы философов, родившийся в 639 году до н.э. Сообщается, что он предсказал солнечное затмение, посетил Египет, установил продолжительность года в триста шестьдесят пять дней и определил движение солнца от солнцестояния к солнцестоянию. Он объяснял лунное затмение положением земли между солнцем и Луной, а солнечное затмение - положением Луны между солнцем и землей. [Примечание: Сэр Г. Г. Льюис, *История. Астрономия*, стр. 81.] Он также определил отношение диаметра Солнца к его видимой орбите. Когда он впервые решил проблему вписывания прямоугольного треугольника в круг, [Примечание: Diog. Лаэрт, i. 24.] он является основателем геометрической науки в Греции. Однако он не оставил никаких письменных свидетельств, поэтому все рассказы о нем перепутаны. Вызывает сомнение, действительно ли он совершил приписываемые ему открытия. Его предположения, которые наука отвергает, например, что вода является основой всего сущего, не имеют отношения к описанию прогресса астрономии. В том, что он был великим светочем, никто не сомневается, учитывая невежество, которым он был окружен. Анаксимандр, последовавший за ним в философии, придерживался ребяческих доктрин о движении и природе звезд, которые бесполезно повторять. Его вклад в науку, если он и внес какой-либо вклад, заключался в изучении величин и расстояний планет. Он пытался очертить небесную сферу и измерять время с помощью солнечных часов. Анаксимен Милетский, как и его предшественники, давал грубые представления о солнце и звездах и размышлял о природе

Луны, но ничего не сделал для продвижения своей науки на истинных основаниях, за исключением конструкции солнечных часов. То же самое можно сказать о Гераклите, Ксенофане, Пармениде, Анаксагоре. Они были великими людьми, но подарили миру всего лишь предположения, некоторые из которых очень ребяческие. Все они придерживались идеи, что небесные тела вращаются вокруг земли и что земля представляет собой равнину. Но они объясняли затмения и предполагали, что луна получает свой свет от солнца. Некоторые из них знали разницу между планетами и неподвижными звездами. Анаксагор опроверг представление о том, что солнце было богом, и предположил, что это масса раскаленного камня, за что его называли атеистом.

[Примечание: Сократ.]

[Примечание: Пифагор.]

Сократ, принадлежавший к другой школе, избегал любых бесплодных рассуждений о вселенной и ограничивался человеческими действиями и интересами. Он смотрел даже на геометрию с очень практической точки зрения, поскольку ее можно было использовать для наземных измерений. Что же касается звезд и планет, то он полагал, что прийти к истинному знанию о них невозможно, и считал рассуждения о них бесполезными. Греческие астрономы, какими бы бесплодными ни были их общие теории, все же заложили фундамент науки. Пифагор, родившийся в 580 году до нашей эры, учил наклонности эклиптики, которой, вероятно, научился в Египте, и тождеству утренних и вечерних звезд. Предполагается, что он утверждал, что солнце было центром вселенной и что земля вращалась вокруг него. Но этого он не продемонстрировал, и вся его система была ненаучной, предполагающей определенные произвольные принципы, исходя из которых он рассуждал дедуктивно. "Он предположил, что огонь более достоин, чем земля; что более достойное место должно быть отведено более достойному; что крайность более достойна, чем промежуточные части; и, следовательно, поскольку центр - это крайность, место огня находится в центре вселенной, и что, следовательно, земля и другие небесные тела движутся вокруг огненного центра". Но эта система не была гелиоцентрической, поскольку солнце двигалось подобно земле по кругу вокруг центрального огня. Это была всего лишь работа воображения, совершенно ненаучная, хотя и смелая и оригинальная. Эта гипотеза также не получила доверия, поскольку философы придерживались твердого мнения, что земля является центром вселенной, вокруг которого вращаются солнце, луна и планеты. Но пифагорейцы были первыми, кто учил, что движения солнца, луны и планет являются круговыми и равномерными. Их идея о том, что они издают звук и объединяются в гармоничную симфонию, была чрезвычайно грубой, хотя и прекрасной. "Музыка сфер" принадлежит поэзии, так же как и размышлениям Платона.

[Прим. автора: Евдокс.]

Евдокса, родившегося в 406 году до н.э., можно считать основоположником научных астрономических знаний среди греков. Считается, что он посетил Египет вместе с Платоном и прожил тринадцать лет в Гелиополисе, постоянно изучая звезды и общаясь с египетскими жрецами. Его вкладом в науку стала описательная карта небес, которая использовалась в качестве руководства по звездной астрономии до шестого века нашей эры. Он распределил звезды по созвездиям с общепринятыми названиями и дал своего рода географическое описание их положения и границ, хотя созвездия были названы до него. Он установил

периодические периоды пяти планет, видимые невооруженным глазом, но лишь приблизительно соответствующие истинным периодам.

Ошибка в периодическом времени Сатурна, составляющая всего сто девяносто дней, показывает, что в течение длительного времени велись тщательные наблюдения. Аристотель, чей всесторонний интеллект, подобно интеллекту Бэкона, охватывал все формы знания, сжал все, что было известно в его время, в трактате о небесах. [Примечание: Delambre, *История. de l'Astron. Anc.*, том. i. стр. 301.] Он считал астрономию более тесно связанной с математической наукой, чем любая другая отрасль философии. Но даже он не поднялся далеко над философами своего времени, поскольку придерживался неподвижности земли — величайшего заблуждения древних. Несколько представителей науки, таких как Гераклит Понтийский и Гикета, предположили движение самой земли вокруг своей оси, чтобы объяснить видимое движение солнца, но они также думали, что оно находится в центре вселенной.

[Прим. автора: Метон.]

Введение в Грецию гномона и циферблата расширило астрономические знания, поскольку они использовались для определения равноденствий и солнцестояний, а также времени суток. Метон установил солнечные часы в Афинах в 433 году до нашей эры, но продолжительность часа менялась в зависимости от времени года, поскольку греки делили день на двенадцать равных частей. Циферблаты были распространены в Риме во времена Плавта, 224 г. до н.э.; [Сноска: Ap. Gell., *N. A.*, iii. 3.] но их использование было затруднено, поскольку они выходили из строя ночью и в пасмурную погоду, и на них нельзя было положиться. Отсюда и введение вместо них водяных часов.

[Примечание: Аристарх.]

Говорят, что Аристарх боролся (280 г. до н.э.) с геоцентрической теорией, столь широко принятой философами, и выдвинул гипотезу, "что неподвижные звезды и солнце неподвижны; что земля вращается вокруг солнца по окружности, центром которой является солнце; и что сфера неподвижных звезд, имеющая тот же центр, что и солнце, имеет такую величину, что орбита земли находится на расстоянии от неподвижных звезд, поскольку центр сферы неподвижных звезд находится от ее поверхности". [Сноска: Льюис, стр. 190.] Это предположение, основанное на авторитете Архимеда, было им высмеяно; но если оно было выдвинуто, то свидетельствовало о большом прогрессе астрономической науки и, учитывая возраст, было одним из самых смелых предположений древности. Аристарх также, согласно Плутарху, [Сноска: Plut., *Plac. Фил.*, ii. 24.] объяснил видимое годовое движение солнца по эклиптике, предположив, что орбита земли наклонена к своей оси. Нет никаких свидетельств того, что этот великий астроном подкреплял свою гелиоцентрическую теорию какими-либо геометрическими доказательствами, хотя Плутарх утверждает, что он продемонстрировал это. [Сноска: *Вопрос. Плат.*, viii. 1.] Эта теория сильно оскорбила, особенно стоиков, и Клеант, глава школы в то время, утверждал, что автор такой нечестивой доктрины должен быть наказан. Аристарх оставил трактат "О величинах и расстояниях Солнца и Луны", и его методы измерения видимых диаметров Солнца и Луны современные астрономы считают разумными [Примечание: Льюис, стр. 193.], но неточными из-за неисправных инструментов. Он оценил диаметр солнца в семьсот двадцатую часть длины окружности, которую оно описывает за свой суточный оборот, что недалеко от истины; но в этом трактате он не ссылается на свою гелиоцентрическую теорию.

[Примечание: Архимед.]

[Примечание: Эратосфен.]

Утверждается, что Архимед, родившийся в 287 году до н.э., измерил расстояние до солнца, луны и планет и построил планетарий, в котором показал их движение. Но наибольший свет на астрономическую науку был пролит не в греческой колонии Сиракузы, а в Александрии. Здесь проживал Аристарх, а также Эратосфен, живший между 276 и 196 годами до н.э. Он был уроженцем Афин, но был приглашен Птолемеем Эвергетом в Александрию и поставлен во главе библиотеки. Его великим достижением стало определение окружности земли. Это было сделано путем измерения на земле расстояния между Сиеной, городом точно под тропиком, и Александрией, расположенной на том же меридиане. Оказалось, что расстояние составляет пять тысяч стадиев. Меридиональное расстояние солнца от зенита Александрии он оценил в 7 градусов 12', или пятидесятую часть окружности меридиана. Следовательно, окружность земли была установлена равной двумстам пятидесяти тысячам стадиев, что было недалеко от истины. Поскольку длина окружности была известна, диаметр земли можно было легко определить. Современные люди ничего не добавили к этому методу. Он также вычислил, что диаметр солнца в двадцать семь раз больше диаметра Земли, а расстояние солнца от земли составляет восемьсот четыре миллиона стадиев, а Луны - семьсот восемьдесят тысяч стадиев — очень близкое приближение к истине.

[Примечание: Гиппарх.]

[Примечание: Величие Гиппарха.]

Астрономическая наука получила большой импульс от Александрийской школы, и у Эратосфена были достойные преемники в лице Аристарха, Аристилла, Аполлония. Но великим светочем этой школы был Гиппарх, чья жизнь продлилась со 190 по 120 год до н.э. Он заложил фундамент астрономии на научной основе. "Он определял, - говорит Делаббр, - положение звезд по прямым восходам и склонениям; он был знаком с наклоном эклиптики. Он определил неравенство солнца и место его апогея, а также его среднее движение; среднее движение Луны, ее узлов и апогея; уравнение центра Луны и наклон ее орбиты; он также обнаружил второе неравенство, период и закон которого он не мог определить из-за отсутствия надлежащих наблюдений. Его комментарий к Арату показывает, что он разъяснил и дал геометрическую демонстрацию методов, необходимых для определения прямого и косого восхождения точек эклиптики и звезд, восточной точки и кульминационной точки эклиптики, а также восточного угла, который теперь называется неагезимальным градусом. Он мог вычислять лунные затмения и использовать их для корректировки своих лунных таблиц, и у него были приблизительные знания о параллаксе". [Сноска: Делаббр, *История. де л'Астрон. Апс.*, том. i. стр. 184.] Его определение движения солнца и Луны и метод предсказания затмений свидетельствуют о великом математическом гении. Но он объединил с этим определением теорию эпициклов и эксцентриситетов, которую современная астрономия отвергает. Однако было великим делом представить землю как твердую сферу и свести явления небесных тел к равномерному движению по круговым орбитам. "То, что Гиппарх преуспел в первых великих шагах по преобразованию небесных тел в круговые движения, - говорит Уэвелл, - является обстоятельством, которое отводит ему одно из самых выдающихся мест в списке великих астрономов". [Примечание: *Hist. Ind. Наука*, т. i., стр. 181.] Но он сделал даже больше, чем это. Он обнаружил, что видимое движение неподвижных звезд вокруг оси эклиптики, которое

называется Прецессией равноденствий, является одним из величайших открытий в астрономии. Он утверждал, что прецессия длилась не более пятидесяти девяти секунд и не менее тридцати шести секунд. Гиппарх составил каталог звезд и определил их положение относительно эклиптики по их широтам и долготам. В целом, он, по-видимому, был одним из величайших гениев древности, и его работы предполагают огромное количество расчетов.

[Примечание: Посидоний.]

[Примечание: Римский календарь.]

Астрономия не продвигалась вперед в течение трехсот лет, хотя ее изучение проводилось усовершенствованными методами. Посидоний построил планетарий, который отображал суточное движение солнца, луны и пяти планет. Посидоний вычислил окружность земли в двести сорок тысяч стадиев другим методом, чем Эратосфен. Бесплодность открытий от Гиппарха до Птолемея, несмотря на покровительство Птолемея, объяснялась отсутствием инструментов для точного измерения времени, подобных нашим часам, несовершенством астрономических таблиц и отсутствием телескопов. Поэтому великие греческие астрономы не смогли реализовать свои теории. Их теории были великолепны и демонстрировали огромную силу математических комбинаций; но что бы они могли делать без этого чудесного инструмента, с помощью которого человеческий глаз бесконечно увеличивает свою мощь? — с помощью которого отчетливо видны объекты, которые без него были бы невидимы? Более того, у древних не было точных календарей, поскольку забота о календаре принадлежала скорее жрецам, чем астрономам, которые вмешивались в вычисление времени для временных и личных целей. Календари разных сообществ различались. Следовательно, Юлий Цезарь оказал большую услугу науке реформой римского календаря, который находился исключительно под контролем коллегии понтификов. Римский год состоял из трехсот пятидесяти пяти дней, и во времена Цезаря календарь был в большой путанице, опережая его на девяносто дней, так что январь был осенним месяцем. Он ввел обычный вставной месяц продолжительностью двадцать три дня и два дополнительных месяца продолжительностью шестьдесят семь дней. Эти девяносто дней вместе были добавлены к тремстам шестидесяти пяти дням, что составило переходный год в четыреста сорок пять дней, благодаря чему январь был возвращен к первому месяцу года после зимнего солнцестояния. И чтобы предотвратить повторение ошибки, он распорядился, чтобы в будущем год состоял из трехсот шестидесяти пяти дней с четвертью, чего он добился, добавив один день к месяцам апрель, июнь, сентябрь и ноябрь и два дня к месяцам январь, секстилис и декабрь, добавив десять дней к старому году в триста пятьдесят пять. И он предусмотрел равномерное включение одного дня в каждый четвертый год, что составляло оставшуюся четверть дня. [Примечание: Suet., *Цезарь*, 49; Plut., *Цезарь*, 59.]

"Ille moras solis, quibus in sua signa rediret,
Traditur exactis disposuisse notis.
Is decies senos tercentum et quinque diebus
Junxit; et pleno tempora quarta die.
Hic anni modus est. In lustrum accedere debet
Quae consummatur partibus, una dies."

[Примечание: Овидий, *Пост.*, iii.]

[Примечание: труды Цезаря.]

Цезарь изучал астрономию и всегда находил время для ее изучения. Говорят, что он даже написал трактат о движении звезд. В реформе календаря ему помогал Сосиджин, александрийский астроном. Он забрал календарь из рук священников и сделал его предметом чисто гражданского регулирования. Год определялся солнцем, а не, как раньше, луной.

Таким образом, римляне были первыми, кто применил научные знания греков на практике; но хотя они измеряли год с большим приближением к точности, они все еще использовали солнечные и водяные часы для измерения суточного времени. И даже они были сконструированы не так, как следовало. Все часы на солнечных часах были сделаны равными, вместо того чтобы меняться в зависимости от продолжительности дня, так что время менялось в зависимости от продолжительности дня. Освещенный интервал был разделен на двенадцать равных частей, так что, если солнце вставало в пять утра и заходило в восемь вечера, каждый час равнялся восьмидесяти минутам. И этот грубый метод измерения суточного времени использовался до шестого века. Но часы с колесиками и гирьками были изобретены только в двенадцатом веке.

Более ранние греческие астрономы не пытались установить порядок расположения планет; но когда геометрия была применена к движениям небесных тел, была замечена разница между тремя высшими планетами и двумя низшими, и солнце было помещено посередине между ними, так что семь подвижных небесных тел были расположены друг за другом в следующем порядке: 1. Сатурн; 2. Юпитер; 3. Марс; 4. Солнце; 5. Венера; 6. Меркурий; 7. Луна. Архимед принял этот порядок, которому следовали ведущие философы. [Сноска: Льюис, стр. 247.]

[Примечание: Птолемей и его система.]

Последним великим светочем среди древних в астрономической науке был Птолемей, живший со 100 по 170 год нашей эры в Александрии. Он был знаком с трудами всех предыдущих астрономов, но принял Гиппарха в качестве своего проводника. Он утверждал, что небо сферическое и вращается вокруг своей оси; что земля представляет собой сферу и расположена внутри небесной сферы и почти в ее центре; что это простая точка по отношению к расстоянию и величине неподвижных звезд и что она не имеет движения. Он принял взгляды древних астрономов, которые поместили Сатурн, Юпитер и Марс следующими под сферой неподвижных звезд, затем солнце над Венерой и Меркурием и, наконец, Луну рядом с землей. Но он отличался от Аристотеля, который считал, что земля вращается по орбите вокруг центра планетной системы и вращается вокруг своей оси — две идеи, общие с доктринами, которые позже развил Коперник. Но даже ему не пришла в голову гелиоцентрическая теория о том, что солнце является центром Вселенной. Архимед и Гиппарх оба отвергли эту теорию.

Что касается практической ценности рассуждений древних астрономов, то можно сказать, что, будь у них часы и телескопы, их научных методов было бы достаточно для всех практических целей. Величие современных открытий заключается в огромном просторе рассуждений и великолепном поле, которое они предоставляют для возвышенного созерцания. "Но, - как замечает сэр Г. Корнуолл Льюис, - современная астрономия - это наука, основанная на чистом любопытстве, и направлена исключительно на расширение знаний в области, куда человеческие интересы никогда не могут проникнуть. Периодичность обращения Урана, природа кольца Сатурна и занятие спутников Юпитера так же далеки от забот человечества, как

гелиакический восход Сириуса или северное положение Большой Медведицы ". Это может показаться утилитарным взглядом, которому не могут сочувствовать те философы, которые культивировали науку ради нее самой, находя в ней достаточную награду, как в истине и добродетели.

[Примечание: результат древних исследований.]

Результатом научных достижений древних в великолепном царстве небесных тел, по-видимому, является то, что они заложили основу всех определенных знаний, полезных человечеству; в то время как в области абстрактных вычислений они проявили рассуждения и математические способности, которые никогда не были превзойдены. Эратосфен, Архимед и Гиппарх были гениями, достойными того, чтобы их поставили рядом с Кеплером, Ньютоном и Ла Плейсом. И все века будут чтить их усилия и их память. Поистине удивительно, что с их несовершенными инструментами и отсутствием определенных данных они достигли такой возвышенной высоты. Они объясняли учение о сфере и видимом движении планет, но у них не было инструментов, способных измерять угловые расстояния. Гениальные эпициклы Птолемея проложили путь эллиптическим орбитам и законам Кеплера, которые, в свою очередь, привели Ньютона к открытию законов тяготения — величайшему научному открытию в анналах нашей расы.

[Примечание: геометрия.]

[Примечание: древнегреческие геометры.]

[Прим. автора: Евклид.]

[Примечание: Архимед.]

Тесно связанной с астрономической наукой была геометрия, которой впервые научились в Египте, — кормилица и колыбель древней мудрости. Это возникло из-за необходимости корректировки ориентиров, нарушенных разливами Нила. Фалес познакомил греков с этой наукой. Он применил круг для измерения углов. Анаксимандр изобрел сферу, гномон и географические карты, что требовало значительных геометрических знаний. Анаксагор попал в тюрьму, пытаясь возвести круг в квадрат. Пифагор открыл важную теорему о том, что в прямоугольном треугольнике квадраты на сторонах, содержащих прямой угол, вместе равны квадрату на противоположной стороне от него. Он также обнаружил, что из всех фигур, имеющих одинаковые границы, круг среди плоских фигур и сфера среди твердых тел являются наиболее емкими. В его школе преподавалась теория правильных твердых тел, а его ученик Архитас был автором решения задачи о двух средних пропорциональных. Демокрит из Абдеры говорил о соприкосновении кругов и сфер, а также об иррациональных линиях и твердых телах. Гиппократ говорил о дублировании куба, писал "Элементы геометрии" и знал, что площадь круга равна площади треугольника, основание которого равно его окружности, а высота равна его радиусу. Ученики Платона изобрели конические сечения и открыли геометрические локусы. Они также попытались решить проблемы трисекции угла и дублирования куба. Леону приписывается та часть решения проблемы, которая называется *ееопределением*, в которой рассматриваются случаи, в которых проблема возможна, и те, в которых она не может быть решена. Евклид почти дал свое имя науке геометрии. Он родился в 323 году до н.э. и принадлежал к секте платоников, которые всегда придавали большое значение математике. Его "Элементы" все еще используются, настолько близки к совершенству, насколько это возможно для любого человеческого творения. Они состоят из тринадцати книг — первые четыре

посвящены плоской геометрии; пятая посвящена теории пропорций и применяется к величине в целом; седьмая, восьмая и девятая посвящены арифметике; десятая посвящена арифметическим характеристикам деления прямой линии; одиннадцатая и двенадцатая посвящены элементам геометрии тел; тринадцатая посвящена правильным телам. Эти "Элементы" вскоре стали предметом всеобщего изучения геометров всего цивилизованного мира. Они были переведены на арабский язык и через арабов стали известны средневековой Европе. Не может быть никаких сомнений в том, что это произведение является одним из высочайших триумфов человеческого гения и ценится больше, чем любой другой памятник древности. Это до сих пор учебник, в различных английских переводах, во всех наших школах. Евклид также написал множество других работ, демонстрируя большой математический талант. Но, возможно, даже более великим, чем Евклид, был Архимед, родившийся в 287 году до н.э., который написал о сфере и цилиндре, которые заканчиваются открытием, что плотность и поверхность сферы составляют соответственно две трети плотности и поверхности окружающего цилиндра. Он также писал о коноидах и сфероидах. "Свойства спирали и квадратура параболы были добавлены в древнюю геометрию Архимедом, последнее стало большим шагом в прогрессе науки, поскольку это было первое криволинейное пространство, законно возведенное в квадрат". У современных математиков, возможно, не хватит терпения ознакомиться с его исследованиями, поскольку выводы, к которым он пришел, теперь могут быть достигнуты более короткими методами, но великие выводы древних геометров были достигнуты только благодаря огромной математической мощи. Архимед в народе более известен как изобретатель боевых машин и различных хитроумных механизмов, чем как математик, какими бы великими ни были его достижения. Его теория рычага была основой статики до открытия состава сил во времена Ньютона, и никаких существенных дополнений к принципам равновесия жидкостей и плавающих тел внесено не было до времен Стевина в 1608 году. Он обнаружил смесь серебра в золотой короне, которую приказал изготовить его покровитель Иеро из Сиракуз, и изобрел водяной винт для откачки воды из трюма большого корабля, который он построил. Он также использовал комбинацию шкивов и построил планетарий, изображающий движение небесных тел. Он обладал необычайным изобретательским талантом открывать новые области исследования и новые точки зрения на старые и знакомые объекты. Как и Ньютон, он имел привычку абстрагироваться от внешних вещей и забывал принимать пищу. Он был убит римскими солдатами при взятии Сиракуз, и сицилийцы так скоро забыли о его величии, что во времена Цицерона не знали, где находится его могила. [Сноска: Смотрите статью в *Словаре* Смита, составленную профессором. Даркин из Оксфорда.]

[Примечание: Эратосфен.]

Эратосфен был еще одним из знаменитых геометров древности и многое сделал для улучшения геометрического анализа. Он также был философом и географом. Он дал решение проблемы дублирования куба и применил свои геометрические знания для измерения величины земли — один из первых, кто привел математические методы на помощь астрономии, которая в наши дни является почти исключительно прерогативой математиков.

[Примечание: Аполлоний Пергский.]

Аполлоний Пергский, вероятно, примерно на сорок лет моложе Архимеда и равный ему по математическому гению, был самым плодовитым и глубоким писателем среди древних, трактовавших геометрию. Его называли Великим геометром. Его самая важная работа - трактат о конических сечениях, к которому современники относились с безграничным восхищением и, в некоторых отношениях, непревзойденный ни одной работой, созданной современными математиками. Он, однако, использовал труды своих предшественников, так что трудно сказать, насколько он оригинален. Но все люди науки обязательно должны быть в долгу перед теми, кто им предшествовал. Даже Гомер в области поэзии использовал бардов, которые пели за тысячу лет до него. В области философии великие люди всех эпох создавали новые системы на основах, заложенных другими. Если бы Платон или Аристотель были современниками Фалеса, создали бы они столь замечательную систему диалектики? и если бы Фалес был современником Платона, он, возможно, добавил бы к своей возвышенной науке даже больше, чем Аристотель. То же самое и с великими математиками древности; все они были замечательными людьми и достойны того, чтобы их поставили в один ряд с Ньютонами и Кеплерами нашего времени. Учитывая их средства и состояние науки, они сделали *великие*, хотя и не такие *удачные* открытия — открытия, свидетельствующие о терпении, гениальности и силе расчета. Аполлоний был одним из таких - одним из выдающихся интеллектуалов древности, подобно Евклиду и Архимеду, — одним из выдающихся интеллектуалов всех эпох, подобно самому Ньютону. Я мог бы упомянуть темы его различных работ, но они были бы понятны только тем, кто знаком с математикой. [Сноска: См. *Диктант.*; Боссюэ, *Очерки истории. Генерал математики.*; *Конические раздели* Симсона.]

[Примечание: Культивирование геометрии греками.]

Можно было бы упомянуть и других известных геометров, но таких людей, как Евклид, Архимед и Аполлоний, достаточно, чтобы показать, что геометрия в значительной степени культивировалась философами древности. Она прогрессивно развивалась, как и сама философия, со времен Фалеса, пока не достигла совершенства, на которое была способна, когда слилась с астрономической наукой. В особенности это культивировалось учениками Платона, который поместил над своей школой такую надпись: "Пусть сюда не входит никто, несведущий в геометрии". Он верил, что законы, по которым управляется вселенная, согласуются с учениями математики. Того же мнения придерживался Пифагор, великий основатель науки, чья великая формула гласила, что число является сущностью или первым принципом всех вещей. Ни один мыслитель никогда не превосходил греков в оригинальности и глубине, и математика, которую они высоко ценили, была доведена до величайшего совершенства, на которое был способен их метод. Они не понимали алгебры, благодаря применению которой к геометрии современные математики достигли больших высот, чем древние. Но тогда тем более примечательно, что без помощи алгебраического анализа они смогли решить такие трудные задачи, которые занимали умы Архимеда и Аполлония. Ни одна позитивная наука не может похвастаться таким быстрым развитием, как геометрия, за двести или триста лет до Рождества Христова, и никогда интеллект человека не подвергался более суровым испытаниям, чем у древних математиков.

[Примечание: эмпирические науки.]

Никакая эмпирическая наука не может быть доведена до совершенства какой-либо одной нацией или в какую-либо конкретную эпоху. Она может расширяться только по мере

прогрессивного развития самого человечества. Тем не менее, в этой науке, которая на протяжении трех тысяч лет пользовалась величайшим почетом и которая является одной из трех великих свободных профессий нашего времени, древние, особенно греки, добились значительных успехов. Наука медицина, имеющая в виду облегчение человеческих страданий и продление самой жизни, культивировалась очень рано. Действительно, в старые времена это было другое слово, обозначавшее *физику* — науку о природе, — и *врач* был наблюдателем и толкователем физики. Предполагалось, что врач должен быть знаком с секретами природы, то есть со знанием лекарств, ядов, противоядий к ним и способов их применения. Предполагалось также, что он знал процесс сохранения тела после смерти. Таким образом, Иосиф приказал своему врачу забальзамировать тело его отца за тысячу семьсот лет до рождения Христа, и процесс бальзамирования, вероятно, был известен египтянам еще до начала истории. Елена, прославившаяся троянкой, добавила в вино снадобье, которое "освобождает человека от горя и гнева и вызывает забвение всех бед". [Примечание: *Одиссея*, род. iv.] Соломон был великим ботаником, с которым неразрывно связана наука медицина. "Аюрведа", написанная за девятьсот лет до рождения Гиппократов, обобщает знания предыдущих периодов, относящиеся к акушерской хирургии, общей патологии, лечению безумия, детским заболеваниям, токсикологии, личной гигиене и заболеваниям репродуктивных функций. [Примечание: Wise, *Об индуистской системе медицины*, стр. 12.] Происхождение индуистской медицины теряется в глубокой древности.

[Примечание: Гиппократ.]

Таким образом, Гиппократ, отец европейской медицины, должно быть, черпал свои знания не только из собственных наблюдений, но и из трудов неизвестных нам людей и систем, практиковавшихся в течение неопределенного периода. Настоящими основателями греческой медицины были легендарные персонажи, такие как Геркулес и Эскулап, то есть благодетели, имена которых до нас не дошли. Это мифические персонажи, такие как Гермес и Хирон. За тысячу двести лет до Рождества Христова в Греции были возведены храмы Эскулапу, священники которых действительно были врачами, а сами храмы были больницами. В них практиковались обряды, кажушиеся таинственными, но которые современная наука называет месмеризмом, водолечением, минеральными источниками и другими существенными элементами эмпирической науки. И эти храмы были также медицинскими школами. Храм Коса дал рождение Гиппократу, и именно там были начаты его труды. Пифагор — ибо эти древнегреческие философы были отцами всей мудрости и знаний в математике и эмпирических науках, а также самой философии — изучал медицину в школах Египта, Финикии, Халдеи и Индии и вступил в конфликт со священнической властью, которая всегда была враждебна новым идеям в науке. Он путешествовал из города в город в качестве учителя или лектора, создавая сообщества, в которых преподавали медицину, а также цифры.

Величайшее имя в медицинской науке, как в древности, так и в наше время, человек, который сделал больше всего для ее развития; величайший медицинский гений, о котором у нас есть сведения, — это Гиппократ, родившийся на острове Кос в 460 году до н.э. из великой семьи эскулапов и получивший наставления от своего отца. О его жизни мы знаем едва ли больше, чем о самом Гомере, хотя он жил в период наивысшего расцвета Афин. И его сочинения, как и сочинения Гомера, некоторые считают работой разных людей. Они были переведены на арабский и послужили немалым толчком для сарацинских школ средневековья в той науке, в которой сарадины особенно преуспели. Коллекция Гиппократов состоит из более чем

шестидесяти работ, которые высоко ценились древними врачами. Гиппократ положил начало новой эре в медицине, которая до него была монополизирована священниками. Он разработал систему строгой индукции на основе наблюдения фактов и является таким же истинным создателем индуктивного метода, как и сам Бэкон. Он питал отвращение к теориям, которые не могли быть подтверждены фактами. Он всегда был открыт для осуждения и откровенно признавал свои ошибки. Он добросовестно относился к своей профессии и ценил успех своего искусства больше, чем серебро и золото. Афиняне почитали его за доброжелательность, а также за гениальность. Великим принципом его практики было доверие природе. Поэтому его обвинили в том, что он позволил своим пациентам умереть; но в наши дни у этого принципа много сторонников среди ученых, и некоторые полагают, что вся философия гомеопатии зиждется на первичном принципе, выдвинутом Гиппократом. Он обладал большим мастерством в диагностике, благодаря которому медицинский гений подвергается самым суровым испытаниям. Его практика была осторожной и робкой в отличие от практики его современников. Он автор знаменитой сентенции "Жизнь коротка, а искусство длинно". Он делит причины болезней на два основных класса: первый охватывает влияние времен года, климата и других внешних факторов; второй - воздействие пищи и физических упражнений. Влиянию климата он приписывает строение тела и расположение ума. Он также приписывает всевозможные расстройства порочной системе питания. Более двадцати столетий его патология была основой всех медицинских сект. Он был хорошо знаком с лечебными свойствами лекарств и был первым, кто выделил три периода для течения болезни. Он, конечно, мало что знал о хирургии, хотя у него была привычка пускать кровь в ход, и он часто пользовался ножом. Он также был знаком с баночным вмешательством и использовал сильные слабительные средства. Он не осознавал важности пульса и перепутал вены с артериями. Он писал на ионическом диалекте, и некоторые из его работ выдержали триста изданий, настолько высоко они были оценены. Его авторитет скончался, как и авторитет Аристотеля, с возрождением европейской науки. И все же, кто был большим украшением и светом, чем эти выдающиеся греки?

[Прим. автора: Гален.]

александрийская школа выпустила выдающихся врачей, а также математиков после того, как слава Греции ушла. Он был настолько высоко оценен, что Гален отправился туда учиться через пятьсот лет после его основания. Он отличался исследованиями в области научной анатомии и физиологии, для которых Аристотель подготовил почву. Он был Гумбольдтом своего времени и уделял большое внимание физике. В восьми книгах он развил общие принципы естествознания, известные грекам. Основываясь на исследованиях аристотеля, александрийские врачи провели обширные исследования в области физиологии. Герофил открыл фундаментальные принципы неврологии и усовершенствовал анатомию головного и спинного мозга.

[Примечание: Медицинская наука у римлян.]

Хотя римляне испытывали лишь малую симпатию к науке или философии, будучи по сути политическими и воинственными по складу ума, все же, когда они завоевали мир и обратили свое внимание на искусство, медицине уделялось большое внимание. Первыми врачами были греческие рабы. Одним из них был Асклепиад, который пользовался дружбой Цицерона. Именно от него произошли популярные медицинские теории о "порах". Он был изобретателем душа-ванны. Цельс написал труд по медицине, который занимает почти такое же место, как труды Гиппократа. Медицинская наука в Риме достигла высшей точки при Галене, а в Афинах -

при Гиппократе. Ему покровительствовал Марк Аврелий, и он воспользовался всеми знаниями предшествующих естествоиспытателей и врачей. Он родился в Пергаме примерно в 165 году нашей эры, где под руководством способных мастеров изучал анатомию, патологию и терапию. Он закончил учебу в Александрии и приехал в Рим по приглашению императора. Как и его покровитель, он был одним из ярчайших украшений языческого мира и одним из самых образованных и образованных людей любого века. "*Medicorum dissertissimus atque doctissimus*." [Сноска: Святой Иероним, *Комментарий*. в *Aoms*, с. 5, том vi.] Он оставил пятьсот трактатов, большинство из которых относятся к какой-либо отрасли медицинской науки, что делает его одним из самых объемистых авторов. Его известность основана главным образом на его анатомических и физиологических работах. Он был знаком с практической анатомией, черпая свои знания из анатомирования. Его наблюдения о здоровье практичны и полезны. Он придает большое значение гимнастическим упражнениям и рекомендует удовольствие от охоты, холодную ванну в жаркую погоду, горячие ванны пожилым людям, употребление вина, трехразовое питание и свинину как лучшую животную пищу. Великие принципы его практики заключались в том, что болезнь должна быть побеждена тем, что противоречит самой болезни, и что природа должна быть сохранена тем, что имеет отношение к природе. Поскольку болезнь не может быть преодолена до тех пор, пока существует ее причина, ее, по возможности, следует устранить в первую очередь, и прежде чем приступить к лечению, следует оценить силы пациента. Его "Комментарии к Гиппократу" служили сокровищницей медицинской критики, из которой заимствовали последующие комментаторы. Никто никогда не ставил перед медицинской профессией более высоких стандартов, чем Гален, и немногие приблизились к ним более близко. Он не принадлежал к какой-либо конкретной школе, но изучал доктрины каждой из них — эклектик в самом полном смысле этого слова. [Сноска: см. Леклерк, *История. de la Medicine*; Хартт Шенгель, *Справочник по медицине*. У. А. Гринхилла, доктора медицины из Оксфорда, есть очень ученая статья в *Словаре* Смита.] Труды Галена представляли собой последнее произведение древнеримской медицины, и с его времен медицинская наука быстро приходила в упадок, пока не возродилась среди арабов.

Следует признать, что древние не продвинулись в физических науках так далеко, как геометрия и астрономия. В физической географии они были особенно несовершенны. Тем не менее, даже эта отрасль знаний может похвастаться некоторыми выдающимися именами. Когда люди робко плавали вдоль берегов и не осмеливались исследовать далекие моря, истинное положение стран не могло быть установлено с такой определенностью, как в настоящее время. Но география не была полностью забыта, как и естественная история.

[Примечание: Физическая география.]

Геродот дает нам ценнейшие сведения о манерах и обычаях восточных и варварских народов, а Плиний написал естественную историю в тридцати семи книгах, которая составлена из более чем двух тысяч томов и касается двадцати тысяч важных вопросов. Он родился 23 года нашей эры, и ему было пятьдесят три, когда произошло извержение Везувия, ставшее причиной его смерти. Плиния нельзя назвать научным гением в том смысле, который понимают современные ученые; он также не был оригинальным наблюдателем. Его материалы составлены из вторых рук, как современная энциклопедия. Он также не проявил особой рассудительности в своем выборе. Он очень любил чудесное и часто был непонятен. Но его работы - замечательный памятник человеческого трудолюбия. В ней говорится обо всем в мире природы — о небесных телах, стихиях, громе и молнии, ветрах и временах года, об изменениях и явлениях земли, о

странах и нациях, морях и реках, о людях, животных, птицах, рыбах и растениях, о минералах, лекарствах и драгоценных камнях, о торговле и изящных искусствах. Он полон ошибок; но его работа является одним из самых ценных произведений античности. Бюффон заявил, что его "естественная история" содержит бесконечное количество знаний во всех областях человеческой деятельности, переданных в богато украшенной и блестящей одежде. Это скорее литературный, чем научный памятник, и как таковой он замечателен — компиляция из ста шестидесяти томов заметок. По строгой научной ценности она уступает работам современных исследователей; но даже в наше время мало найдется умов, которые обращались бы к такому разнообразию предметов.

[Прим. автора: Страбон.]

[Примечание: построение карт.]

[Прим. автора: Птолемей.]

Географические знания были развиты Страбоном, жившим в эпоху Августа; но исследования были в основном ограничены Римской империей. Страбон, как и Геродот, был великим путешественником, и большая часть его географических сведений является результатом его собственных наблюдений. Вероятно, он многим обязан Эратосфену, который опередил его на три столетия и который был первым систематизированным автором по географии. Авторитеты Страбона в основном греческие, но его работа несовершенна из-за несовершенных представлений, которые древние имели об астрономии; так что определение формы земли с помощью мер широты и долготы, существенных основ географического описания, было неизвестно. Огромные успехи, которых достигли все формы физической науки со времени открытия Америки, отбрасывают в тень все древние описания и исследования, и Страбон оказывается в таком же невыгодном положении, как Плиний или Птолемей; и все же работа Страбона, учитывая его средства и несовершенное знание поверхности Земли и астрономической науки, была действительно великим достижением промышленности. Он рассуждает о форме и величине земли и посвящает восемь книг Европе, шесть - Азии и одну - Африке. Его великими авторитетами являются Эратосфен, Полибий, Аристотель, Антиох Сиракузский, Посидоний, Феопомпус, Артемидор Эфор, Геродот, Анаксимен, Фукидид и Аристо, в основном историки и философы. Что бы ни говорили о точности великого географа древности, нельзя отрицать, что он был человеком огромных исследований и образованности. Его работа в семнадцати книгах - одна из самых ценных, дошедших до нас из античности, как из-за проходящих через нее дискуссий, так и из-за любопытных фактов, которые больше нигде нельзя найти. Едва ли справедливо оценивать гениальность Страбона по правильности и обширности его географических знаний. Все люди потеряны в науке, а наука прогрессивна. Великие научные светила наших дней могут быть незначительными по сравнению с теми, кому предстоит возникнуть, если проверкой является глубина и точность знаний. Это гений древних, их хватка и сила ума, их оригинальные труды, которые мы должны рассмотреть. Анаксагор был одним из величайших философских гениев всех эпох; но, поскольку философия - это наука, причем прогрессивная, его знания не могли сравниться с знаниями Аристотеля. Опять же, кто сомневается в изначальном гении и хватке Аристотеля, но кем он был в точности знаний и истинном методе по сравнению с учеными девятнадцатого века; и все же было бы трудно показать, что Аристотель уступал Бэкону, Кьюе или Стюарту Миллю. Если, однако, мы сравним географические знания древних с современными, то признаемся в неизмеримой

неполноценности древних в этой области. Когда Эратосфен начинал свои труды, было известно, что поверхность земли имеет сферическую форму. Он установил параллели широты и долготы и предпринял трудную попытку измерить окружность земного шара путем фактического измерения сегмента одной из его больших окружностей. Посидоний определил дугу меридиана между Родосом и Александрией равной сорок восьмой части всей окружности — грандиозный расчет, но замечательный на заре астрономической науки. Гиппарх внес в географию большое усовершенствование, а именно относительное расположение мест, с помощью того же процесса, с помощью которого он определял положение небесных тел. Он также указал, как можно определить долготу по наблюдению за солнечными и лунными затмениями. Это привело к составлению карт; но до нас не дошла ни одна из них, за исключением тех, которые использовались для иллюстрации географии Птолемея. Гиппарх родился в 276 году до н.э. и был первым, кто возвел географию в ранг науки. Он уморил себя голодом, устав от жизни, подобно Эратосфену, правильнее сказать, астроному и самому выдающемуся среди древних, родившемуся около 160 года до нашей эры, хотя ни одно из его сочинений не дошло до нас. Улучшения, на которые он указал, были применены самим Птолемеем, астрономом, достигшим расцвета примерно в 160 году в Александрии. Его работа представляла собой изложение географических знаний, известных в его время, поскольку география - это наука об определении положения мест на поверхности земли. Описание мест принадлежит Страбону. Его работа считалась учебником науки вплоть до пятнадцатого века, поскольку в его время Римская империя была хорошо изучена. Он утверждал, что земля *сферическая*, и ввел термины *долгота* и *широта*, которые установил Эратосфен, и вычислил, что земля имеет сто восемьдесят тысяч стадиев в окружности и градус пятьсот стадиев в длину, или шестьдесят две с половиной римские мили. Его оценки длины градуса широты были почти правильными; но он допустил большие ошибки в градусах долготы, сделав протяженность мира с востока на запад слишком большой, что привело к вере в осуществимость западного прохода в Индию. Он также приписал Средиземному морю слишком большую протяженность из-за трудности точного определения долготы. Но при научных знаниях того времени избежать ошибок было невозможно, и мы удивлены, что он допустил так мало.

* * * * *

ССЫЛКИ.—Недавно в Лондоне издательством "Паркер и сын" была опубликована чрезвычайно ученая работа сэра Джорджа Корнуолла Льюиса "Астрономия древних", хотя и довольно показная в своем перечислении авторитетов и подробно останавливающаяся на вопросах, которые не имеют большого значения. История древней астрономии Делабра уже давно стала классикой, но она богаче материалами для истории, чем сама история. В Британской энциклопедии есть ценное эссе, в котором упоминается список авторов, среди которых Бикколи, Уайлдер, Байи, Плейфер, Ла Ланд. Льюис много ссылается на Макробия, Витрувия, Диогена Лаэртского, Плутарха и Суидаса из числа древних, а также на Иделера, Унтера. *uber die Art. Beob. der Alten.*

С пользой можно также ознакомиться с "Историей индуктивных наук" Уэвелла. *Leclerc, Hist. de Med.; Spengel, Gesch. der Arzneykunde.* География Страбона - самое ценное произведение Древности. См. также Полибия.

[Перенесенная сноска: Стиль современной исторической критики, таким образом, может быть проиллюстрирован на примере дискуссий немцев о том, занимал ли Аркс на Капитолийском

холме северо-восточный или юго-западный угол, которые занимают почти половину научной статьи в словаре Смита "О Капитолии". "Фалес предполагал, что земля плавает по воде, как деревянная доска": [Греческий: oi d hudatos keisthai touton gar archaiotaton pareilaephamen ton logon hon phasin eipein thalae ton Milaesion]. Aristot., *De Coel.*, ii. 13: "*Quoe sequitur Thaletis ineptq sententia est. Ait enim terrarum orbem aqua sustineri.*" Сенека, *нац. Quoest.*, iii. 13. Это понятие упоминается в *Schol. Илиада*, xiii. 125. Это учение Фалес привез из Египта. См. *Plut., Рас.*, in. 10; Гален, с. 21. Но в этом, возможно, сомневаются. Каллимах., *Фрагмент.*, 94; Гигин, *поэм. Astr.*, ii. 2; Мартин, *Timee de Platon.*, том. ii. стр. 109, считает сомнительным, видел ли Фалес Египет. Диог. Laert., viii. 60. Сравните, однако, Sturz, *Thales*, стр. 80; Proclus, *in Tim.*, i. стр. 40; *Schol. Аристофан, Nub.*, ii. 31; Варрон, ii. vi. 10. См. Также, *Хронология Иделера.*, том i, стр. 300. Но Брандис проливает свет на этот вопрос, хотя его предположения противоречат Оригену, *Фил.*, стр. 11; также Аристотелю, *Де Коэлю.*, ii. 13.

Этот стиль растрачивания знаний впустую пользуется большой популярностью у педантов, которые не придают значения истории, если только половина страницы не заполнена эрудированными примечаниями, которые мало кто может проверить и которые ничего не доказывают или не имеют никакого значения.]

ГЛАВА X.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Теперь мы рассмотрели все, что было великолепного в самой великолепной империи древности. Мы увидели цивилизацию, которая во многих отношениях соперничает со всем, что могут показать современные нации. В искусстве, в литературе, в философии, в законах, в механизме управления, в культурном отношении к природе, в военной мощи, в эстетической культуре римляне были нам равны. И эта высокая цивилизация была достигнута благодаря природной силе человека, без посторонней помощи; силе воли, мужеству, настойчивости, гениальности, удачным обстоятельствам; великими людьми, одаренными необычными талантами. Мы преисполнены восхищения всеми этими гениальными достижениями и не можем не чувствовать, что только высшая раса могла добиться таких грандиозных триумфов.

Но вся эта великолепная внешность была обманчива. В душе было пусто. И чем глубже мы проникаем в социальное положение людей, в их реальную и практическую жизнь, тем больше мы чувствуем отвращение и жалость, вытесняющие все чувства восхищения и удивления. Римская империя в своем позоре и деградации наводит на меланхолические чувства по отношению к судьбе человека, поскольку счастье и благополучие зависят от его собственной силы без посторонней помощи. И мы глубоко осознаем необходимость некоторой иностранной помощи, чтобы избавить его от страданий.

Это печальная картина угнетения, несправедливости, бедности, порока и убожества, которую я должен сейчас представить. На смену славе приходит позор, силе - слабость, а добродетели - порок. Состояние огромной массы людей плачевно, и даже великие и удачливые сияют в ложном и фиктивном свете. Мы видим законы, теоретически хорошие, практически извращенные; чудовищное неравенство условий, эгоизм - главные пружины жизни. Мы видим неверно направленную энергию и развращенное искусство. Все благородные устремления исчезли, и добрые и мудрые люди уходят от активной жизни в отчаянии и мизантропии. Поэты

льстят тиранам, попирающим права человека, а чувственность и эпикурейские удовольствия поглощают порочные мысли порочного поколения.

[Примечание: Имперский деспотизм.]

Первое, что привлекает наше внимание, когда мы рассматриваем великую империю, охватившую цивилизованные страны или весь мир, - это имперский деспотизм. Возможно, это было необходимостью, неизбежным следствием анархии гражданской войны, борьбы партий, великих военных успехов и разложения самого общества. Это можно рассматривать как провиденциальное событие для того, чтобы всеобщий мир и безопасность возвести о триумфе новой религии. Естественно, это последовало за ниспровержением конституции военными лидерами, ослаблением власти сената, посягательствами на демократию и ее лидеров, войнами Суллы и Мария, Помпея и Юлия. Оно пришло на смену массовым убийствам, группировкам и демагогам. Это произошло, когда заговоры, проскрипции и общая незащищенность сделали желательным более сильное правительство. Империя была слишком обширна, чтобы доверить ее руководству конфликтующих сторон. Требовалась сильная, централизованная, неудержимая, непреодолимая власть в руках одного человека. Безопасность и мир казались предпочтительнее славы и гениальности. Таким образом, люди смирились с произошедшими переменами; они давно ожидали их; они даже приветствовали их с молчаливой радостью. Патриоты, подобные Бруту, Кассию и Катону, предавались отчаянию; но большинство людей были довольны революцией, которая посадила Августа на мировой трон. В течение двадцати лет империя была опустошена разрушительными и изнурительными войнами. Вся империя призывала к миру, а мир мог быть обеспечен только господством одного человека, правящего с абсолютной властью, которой никто не сопротивлялся.

[Примечание: Необходимость революции.]

[Примечание: Имперское правление.]

Историки обычно считают революцию, превратившую республику в монархию, благотворной по своему влиянию на несколько поколений. Империя никогда не была такой великолепной, как при Цезарях. Энергия народа была направлена в мирное и промышленное русло. Август провозгласил новую государственную политику — сохранять, а не расширять пределы империи. Мир наслаждался миром, и богатые утешали себя богатством. Общество было создано на новой основе, и его больше не раздирали фракции и партии. Демагоги больше не нарушали общественного спокойствия, провинции не подвергались разграблению и опустошению в поисках средств для ведения войны. До тех пор, пока мужчины не выступали против правительства, они были в безопасности от растления и могли заниматься своими делами и получать удовольствия по-своему. Богатство быстро росло, как и все механические искусства, и все элегантные удовольствия. Храмы становились все великолепнее, а город из кирпичного превратился в мраморный. На холмах выросли дворцы, а в долинах - магазины. Стало меньше бунтов, толп и общественных беспорядков. Общественные развлечения были систематизированы и расширены, и люди предавались спорту, зрелищам и роскоши. Рим стал еще большим центром богатства и искусства, а также политической власти. Население города увеличилось, появились красивые строения. Императоры были великими покровителями всего, что могло ослепить глаза их подданных, будь то увеселения, дворцы, бани, акведуки или триумфальные монументы. Художники и ученые стекались в большой торговый центр, а также торговцы и иностранные принцы. Императорская жестокость не часто проявлялась и к простым

слоям населения. Политика императоров заключалась в том, чтобы развлекать и льстить людям, в то время как они лишали их политических прав. Но общественная жизнь была свободной. Все были вольны искать свои удовольствия и выгоды. Все гордились своим мегаполисом, с его позолоченной славой и завораживающими удовольствиями. Город, вероятно, снабжался лучшей водой и мог с большей уверенностью рассчитывать на предметы первой необходимости, чем при старом режиме. У людей были лучшие бани, дома большего размера и более дешевая кукуруза. Правительство какое-то время управлялось великолепно, даже тиранами. Бесчинства, вымогательства и беспорядки карались. Воцарился порядок, спокойствие, внешняя и техническая справедливость. Все классы чувствовали себя в безопасности. Они могли спать, не опасаясь ограбления или покушения. И все ремесла процветали. Искусству оказывалось великолепное покровительство, и предоставлялась любая возможность сколотить и потратить состояния. Короче говоря, все аргументы, которые можно привести в пользу деспотизма в противовес гражданской войне и насилию, а также борьбе группировок и общей незащищенности жизни и собственности, могут быть использованы для того, чтобы показать, что перемены, хотя и неизбежные, имели положительные непосредственные последствия.

[Примечание: Деспотизм императоров.]

[Примечание: Тирания императоров.]

Тем не менее, это было самое прискорбное изменение по сравнению с тем положением вещей, которое существовало до гражданских войн. Римские свободы были попорчены навсегда. Тираны, вооруженные абсолютной и безответственной властью, правили империей; их тирания могла закончиться только вместе с их жизнями. Благородные чувства и устремления были отвергнуты. Времена были неблагоприятны для развития гениальности, за исключением тех случаев, когда это служило интересам правительства. При императорах мы больше не читаем о таких великих ораторах, как Цицерон, сражавшихся за права человека и защищавших общественное благо. Красноречие было подавлено. Не было свободы слова и в Сенате. Обычная для тиранов зависть пробуждалась ко всякому эмансипирующему влиянию на людей. Теперь их забавляли представления, но они не могли заставить свой голос быть услышанным по поводу общественного ущерба. Народ был полностью в руках железных мастеров. Таким был Сенат. Такими были все приказы и состояния людей. Безраздельно правил один человек. Его воля была законом. Сопротивление ей было тщетным. Придираться к любым публичным действиям было государственной изменой. От Геркулесовых столпов до Каспийского моря одна суровая воля управляла всеми классами и порядками. Никто не мог убежать от агентов и министров империи. Он был наместником Всемогущего, которому поклонялись как божеству, бесспорным хозяином жизней и свобод ста двадцати миллионов людей. Его наклонности никто не сдерживал. Он мог делать все, что ему заблагорассудится, без упреков и страха. Ни один генерал, сенатор или губернатор не мог укрыться от его мести. Он контролировал армию, Сенат, судебную систему, внутреннее управление империей и религиозное служение народа. Все должности, почести и вознаграждения исходили от него. Всякое сопротивление прекратилось, и всеговорились возвысить еще выше этого верховного вершителя судеб, с которым никто не мог успешно соперничать. Восстание было безумием, а государственная измена абсурдом. И механизм правления был настолько совершенен, что у императора оставалось время для своих личных удовольствий. Никогда оно не проводилось с большей строгостью, чем тогда, когда Тиберий уединился на своей охраняемой вилле. А робкого, или слабого, или нерешительного

императора следовало опасаться не меньше, чем монстра, поскольку он был окружен приспешниками, которые могли оказаться беспринципными. Императорская власть также не использовалась для сдерживания гигантских социальных пороков империи, которые постепенно, но верно подрывали добродетели, на которых основана сила. Они не стремились предотвратить безбожие, роскошь, рабство и ростовщичество, посягательства богатых на бедных, тиранию глупой моды, деморализующие спорт и удовольствия, наживу денег и все те безумства, которые допускали распущенные принципы морали. Они кормили чернь хлебом, маслом и вином и, таким образом, поощряли праздность и распутство. Мир никогда не видел более быстрого падения прав человека или большего попрания свобод. Налоги взимались в соответствии с желаниями или потребностями правительства. Губернаторы провинций стали еще более жадными и жестокими. Судьи не решались принять решение против правительства. Подлый пример был представлен народу в лице его правителей. Императоры растрачивали огромные суммы на свои личные удовольствия и бросали вызов общественному мнению. Патриотизм в его самом широком смысле стал невозможен. Все возвышенные умы были подавлены. Коррупция во всех формах управления страшно возросла, поскольку не было никаких гарантий. Женщины стали унижаться из-за пагубного влияния коррумпированного и бесстыдного суда. Супружеская измена, развод и детоубийство стали еще более распространенным явлением. Императоры больше думали об обеспечении собственной власти и потакании собственным страстям, чем об общественном благе. Во всех классах утвердилось унижительное убеждение, что свобода уничтожена и что они являются рабами безответственной власти. Есть люди, которые аплодируют деспотизму; но деспотизм предполагает отсутствие власти самоуправления и необходимость суровых мер. Это предполагает склонность к преступлениям и насилию, что люди - животные, и их нужно принуждать, как диких зверей. Мы вправе предполагать очень низкое состояние общества, когда деспотизм стал необходимостью. Теоретически абсолютизм может быть лучшим правительством, если правители мудры и справедливы; но практически, как и люди, деспотизм жесток и мстителен. Есть великие и славные исключения; но нельзя отрицать, что общество погружено в скорбь, когда правят тираны. И редко бывает, чтобы общество улучшалось при них без очень мощного религиозного влияния. Обычно становится все хуже и хуже. Деспотизм подразумевает рабство, а рабство — наихудшее состояние человечества, несомненно, полезная дисциплина при определенных обстоятельствах, но все же великое бедствие.

[Прим. автора: Август.]

Римскому миру повезло, что такой человек, как Август, стал верховным правителем после того, как все свободы были ниспровергнуты. Он был одним из мудрейших и величайших императоров. Он положил начало политике своих преемников, от которой ближайшие последователи недалеко отошли. Во-первых, он был осторожен, чтобы скрыть свои способности и как можно меньше оскорблять моральные чувства людей. Он почти не встретил сопротивления в своей узурпации, поскольку самые независимые из знати погибли в войнах, а остальные руководствовались своими интересами. Он выбрал самых способных и популярных людей в городе в качестве своих любимых министров — Мецената и Агриппу. Его политикой был мир. Он отказался от золотых корон, предложенных итальянскими государствами. Он был расточителен в своей щедрости, не обременяя государство дополнительным бременем, поскольку, как наследник Цезаря, он вступил во владение восемьюстами пятьюдесятью миллионами долларов - суммой, которую диктатор накопил за счет военных трофеев. Ему было всего тридцать три года, и он был в расцвете сил и мужества. Он очистил Сенат от недостойных

членов и восстановил видимость его древнего достоинства. Он провел перепись римского народа. Он увеличил запасы зерна. Он проявил доверие к людям, которых сам обманул. Он был скромен в своем поведении, как Перикл в Афинах. Он посетил провинции и уладил их трудности. Он назначал способных людей губернаторами и увековечил существование постоянной армии. Он отремонтировал общественные здания и украсил город.

Но постепенно он занял все высшие государственные должности. Он наделил себя полномочиями и значками консулов, титулом императора, функциями бессрочного диктатора. Он требовал военной присяги от всей массы народа. Он стал *принцепсом сената*. Он претендовал на прерогативы трибунов, которые давали ему неприкосновенность, с правом защиты и помилования. Он также был облечен выдающимся достоинством верховного понтифика. Поскольку Сенат и народ все еще продолжали собираться для принятия законов, он контролировал то же самое, взяв на себя инициативу по внесению предложений по законам. Он воспользовался случаем, чтобы придать своим эдиктам, в качестве консула или трибуна, бессрочную силу; и его рескрипты или ответы, исходившие из зала его заседаний, были зарегистрированы как законы. Он был освобожден от законов и присвоил себе имя цезаря. Народ был лишен права избирать магистратов. Все должностные лица правительства были его инструментами, и через них он контролировал все общественные дела. Префект города фактически стал его министром и заместителем. Даже проконсулы получали свои назначения от него. Таким образом, он стал верховным вершителем судеб, источником всякого влияния, центром всей власти, безраздельно распоряжающимся жизнями и состояниями всех классов людей. Странно, что люди подчинились такой чудовищной узурпации, хотя и благопристойно прикрытой названиями старых учреждений республики. Но они выродились. Они хотели мира и досуга. Они почувствовали бесполезность какой-либо независимой власти и смирились с условиями, которые римляне двумя столетиями ранее сочли бы невыносимыми.

[Примечание: Общий характер императоров.]

Из непосредственных преемников Августа никто не мог сравниться с ним в умеренности или талантах. И за исключением Тита и Веспасиана, императоры, составлявшие семью Юлиев, были запятнаны великими пороками. Некоторые были чудовищами; другие были безумцами. Но, в целом, они не были лишены природных способностей. Некоторые обладали большими управленческими талантами, как Тиберий — человек с огромным опытом. Но он был жестоким и безжалостным тираном, полным ревности и мстительной ненависти. Тем не менее, среди постыдных удовольствий он посвятил себя заботам о должности и продемонстрировал достоинства домашней экономии. Он также не получал удовольствия от занятий цирком и театром, как большинство его преемников. Но он уничтожал всех, кто стоял у него на пути, как это делает большинство тиранов. Не пощадил он и своих собственных родственников. Он был чувствен и невосдержан в своих привычках, и все смотрели на него с благоговением и трепетом. В последние дни его правления в Риме царил настоящий террор, и все радовались, когда тиран умер.

[Прим. автора: Калигула.]

Калигула, сменивший Тиберия, принадлежал к расе безумцев. Он предал смерти нескольких самых выдающихся римлян, чтобы наложить арест на их поместья. Он отрекся от своей жены; он выразил желание, чтобы у Рима была только одна шея, чтобы его можно было уничтожить одним ударом; он приглашал своего любимого коня на ужин, ставя перед ним позолоченное

зерно и вино в золотых кубках; он растратил огромные суммы на бесполезные работы; он отнял у народа последнюю тень власти; он обнищал Италию бессмысленной расточительностью; он бессмысленно уничтожал своих солдат целыми отрядами; он, несомненно, был столь же безумен, сколь жесток, роскошен, алчен и расточителен; он украсил весь Рим. украшал галеры драгоценными камнями и сооружал тяжелые сооружения только с прихотью; он часто одевался как женщина и обычно появлялся с золотой бородой; он посвятил себя фехтованию, вождению, пению и танцам, и им управляли гладиаторы, колесничие и актеры. Таков был человек, которому было доверено управление империей. Неудивительно, что его сместили в результате покушения.

[Прим. автора: Клавдий.]

Его преемником стал Клавдий, провозглашенный преторианцами императором. Он взял Августа за образец, был хорошо расположен и внес большой вклад в украшение столицы. Но он был прожорлив и неводержан и находился под влиянием женщин и фаворитов. Он был слаб душой и телом. Он был женат на одной из худших женщин в истории, и Мессалина превратилась в синоним позора. Эта женщина оказала на него влияние, и ее беззастенчивая наглость и позорные интриги сделали его правление неудачным. Она занимала высокие государственные посты и приносила в жертву лучшую кровь класса, к которому принадлежала. Клавдием также управляли вольноотпущенники, которые исполняли такие же обязанности, как Людовик XV. вверен своим благородным вассалам. Клавдий во многих отношениях походил на этого бесславного монарха, и его правление столь же пагубно сказалось на нравственности народа. Когда на пиру ему объявили о смерти его жены, он заказал вина и послушал песни и музыку. Но ей наследовала женщина похуже, Агриппина, и брак императора со своей племянницей стал не только несчастьем, но и скандалом. Плиний упоминает, что видел эту императрицу в морском сражении на озере Фучин, одетую в солдатский плащ. Дочь императора, сестра другого и супруга третьего, она наиболее известна как мать Нерона и покровительница всего, что было постыдным в безумствах того времени. То, что император женился и им правили две такие печально известные женщины, указывает либо на слабость, либо на порочность, и оба качества одинаково губительны для благосостояния государства, которым он был призван править.

[Прим. автора: Неро.]

Затем верховная власть перешла в руки Нерона. Он обещал добродетель и способности, а Сенека снизошел до самых лестных панегириков; но перспективы благодетельного правления вскоре были омрачены самыми позорными чудовищами. Он уничтожал всех, кто был оскорбителен для тех, кто им правил, даже Сенеку, который был его наставником. Потеряв всякое достоинство и порядочность, он предавался самым распущенным бунтам, переодеваясь рабом и совершая нападения в полночь. Он убил свою мать и тетю и развелся со своей женой. Он пел песни на публичной сцене и больше стремился стать хорошим флейтистом, чем общественным благотворителем. Говорят даже, что он играл на скрипке, когда Рим был опустошен страшным пожаром. Он построил дворец, полностью занимавший гору Эсквилин, в вестибюле которого стояла его колоссальная статуя высотой в сто двадцать футов. Его сады были сценами варварства, а пиршественные залы - оргиями, которые были поношением человечеству. Он опустошил империю огромными пожертвованиями и даже разграбил храмы своей собственной столицы. Его жена Пoppея умерла от удара, который она получила от этого чудовища, потому что она раздраженно упрекнула его. Выдающийся юрист Лонгин, поэт Лукан и

сатирик Петроний в равной степени стали жертвами его ненависти. Этот последний из цезарей, кровно связанный с императорским домом Юлиев, покончил с собой на тридцать первом году жизни, чтобы предотвратить покушение, ко всеобщей радости римского мира, не совершив ни одного великого подвига и не проявив ни единой добродетели. Игра на флейте и гонки на колесницах были его главными развлечениями, и все общественные интересы были принесены в жертву его удовольствиям или его мести - человек наслаждался злом ради него самого.

[Прим. автора: Гальба.]

Нерону наследовал Гальба, которым также управляли фавориты. Он был большим обжорой, чрезвычайно скупым и очень непопулярным. На ранних этапах своей жизни он казался равным оказанному ему доверию и достоинству; но когда он обрел власть, ему оказалось не хватает тех качеств, необходимых для того, чтобы ею владеть. Тацит резюмирует свой характер в одном предложении. "Он казался выше своего ранга до того, как стал императором, и всегда считался бы достойным верховной власти, если бы не получил ее". Он был убит после короткого правления.

[Прим. автора: Отон.]

Его преемник Отон, обнаружив, что не соответствует тому положению, на которое он был возведен, покончил с собой. Вителлий, который носил пурпур рядом с ним, прославился жестокостью и обжорством и был смещен в результате покушения. Тит и Веспасиан были почетными исключениями из числа тиранов и сластолюбцев, правивших со времен Августа, но Домициан превзошел всех своих предшественников в безжалостной жестокости. Он изгнал всех философов из Рима и Италии, жестоко преследовал христиан и был распутен в своих личных привычках. Он также принял насильственную смерть от кинжала убийцы - единственный способ отстранить печально известных монстров от власти. И все же такова была неприкрытая лесть, к которой он и все императоры привыкли, что Марциал обратился к этому чудовищу, превосходящему всех по злобе и жестокости, —

"Для покорения пылкого и торжества застенчивого,
Справедливая Победа призвала его с полярного неба.
Поклонение богам, людям, которым он дал хорошие манеры;
Отдых мечу и передышку храбрым;
Так высоко не могла бы подняться ни одна геркулесова сила:
Бог должен обратить свой взор к тарпейскому огню".

[Сноска: Книга ix. 101.]

[Примечание: Последние императоры.]

О Нерве, Траяне, Адриане и Антонинах я не буду говорить, поскольку они были большими исключениями из числа тех, кто обычно правил Римом. Их добродетели и таланты справедливо восхваляются всеми историками. Великие на войне и еще более великие в мирное время, они были украшением человечества. Под их властью империя процветала и была счастлива. Их величие почти искупало слабость и порочность их предшественников. Если бы такие люди, как они, могли править в Риме, императорский режим был бы величайшим благословением. Но вместе с ними пришло к концу процветание империи, и им наследовали деспоты, чьи пороки сравнялись с пороками Нерона и Вителлия. Коммод, Каракалла, Элагабал, Максимин,

Филипп, Галлиен внесены в список тех, кто обрел печально известное бессмертие. В конце концов, никакие добродетели или талант со стороны немногих императоров, которые действительно трудились на благо государства, не смогли остановить растущую коррупцию. Империя была обречена, когда Константин перенес резиденцию правительства в Константинополь. Сорок четыре монарха правили в Риме от Юлия до Константина в течение немногим более трехсот пятидесяти лет, из которых двадцать были смещены в результате покушения. Какой комментарий к имперскому деспотизму! Несмотря на добродетели таких людей, как Траян и Антонины, история императоров - это отвратительная глава человеческой порочности и ее ужасного возмездия. Никогда еще одинокие люди не обладали большей властью, и никогда ими так явно не злоупотребляли. Со времен Августа те добродетели, которые прославляют общество, неуклонно приходили в упадок. Правление императоров было фатальным для всякого морального возвышения и даже для гения, как в последние дни правления Людовика XIV. Великие огни, озарявшие эпоху Августа, исчезли, и никто не смог занять их место. При императорах осталось меньше великих имен, чем за сто лет до смерти Цицерона. Красноречие, поэзия и философия одинаково отошли на второй план. Благородные устремления были подавлены всепильным и непреодолимым деспотизмом.

Тирания этих императоров стала терпимой из-за общего знакомства с жестокостью. В каждом римском дворце раб был прикован цепью к дверному проему; ремни свисали с лестницы, а следы насилия на лицах слуг внушали великим, что они сами были деспотами. Они привыкли к виду крови во время спортивных состязаний в амфитеатре. Они правили как тираны в провинциях, которыми управляли.

Но следует признать, что система образования оставалась свободной от правительства при условии, что политика не была введена; и она произвела на свет литераторов, если не практических государственных деятелей. Это обостряло интеллект и оживляло мысль. Учебниками в школах были самые знаменитые сочинения республиканской Греции, а излюбленными темами декламации были прославления свободных людей древности. Не было также никаких ограничений на написание или публикацию, аналогичных нашей современной цензуре в прессе, и многие императоры, такие как Клавдий и Адриан, были покровителями литературы. Даже философов-стоиков, пытавшихся убедить императора в том, что он раб, терпели, поскольку они не пытались лишить его суверенитета.

Также не могли противостоять имперской тирании умы, ослабленные потворством своим желаниям и отчужденные от всех чистых устремлений, от чувственных удовольствий. Они пригибались, как собаки, под поднятой рукой хозяина. Они даже не пытались бежать от тирании, которая их подавляла.

[Примечание: Характер императоров.]

Нельзя отрицать, что в целом эта долгая череда императоров была более интеллектуальной и способной, чем восточные династии и даже многие западные династии в средние века, когда принцип легитимности был неоспорим. Римские императоры, как люди талантливые, выгодно отличаются от преемников Мухаммеда, а также от королей Карловингов и Меровингов. Но если эти таланты использовались для систематического подавления всех прав человека, установленный ими деспотизм становился еще более прискорбным.

Также не подлежит сомнению, что в Риме царствовало много добродетельных правителей, которые украсили бы любую эпоху и любую страну. Тит, Адриан, Марк Аврелий, Антонин Пий, Александр Север, Тацит, Проб, Кар, Константин, Феодосий - все они были людьми замечательных добродетелей и талантов. Они делали все, что могли, для содействия общественному процветанию. Марк Аврелий был одним из самых чистых и благородных персонажей древности. Феодосий по своему гению и добродетели стоит в одном ряду с самыми прославленными монархами, когда—либо носившими корону, - с Карлом Великим, с Альфредом, с Вильгельмом III, с Густавом Адольфом.

Некоторые из этих римских императоров выделяются как мировые герои — величайшие среди людей — замечательные исполнительными способностями. Юлий - самое известное имя древности. В наше время он стоит в одном ряду только с Наполеоном Бонапартом. Его гений был трансцендентен; и, подобно Наполеону, он обладал замечательными чертами характера, которые расположили к нему весь мир, — щедростью, великодушием и высочайшей культурой; оратор, историк и юрист, а также государственный деятель и генерал. Но он отменил свободы своей страны ради удовлетворения безумных амбиций и пробрался через море крови к господству над миром. Август был глубоким государственным деятелем и успешным полководцем; но он был запятнан искусством лицемерия и неумными амбициями и пожертвовал общественными свободами и правами, чтобы укрепить свою власть. Даже Диоклетиан, каким бы тираном и гонителем он ни был, отличался выдающимися способностями и был величайшим государственным деятелем, которого видела империя, за исключением Августа. Такой деспот, как Тиберий, правил справедливо и талантливо. Константин стоит в одном ряду с величайшими монархами древности. Пороки и честолюбие этих людей не затмевали блеска их гения и способностей.

[Примечание: Имперский деспотизм.]

Их дело было неправильным. Не имеет значения, были ли императоры хорошими или плохими, если режим, которому они посвящали свою энергию, был направлен на подавление свобод человечества. Императорский деспотизм, будь то блестящий или позорный, был печальным отступлением в государственном устройстве Рима. Это означало угасание патриотизма и общую деградацию народа, иначе не удалось бы создать структуру деспотизма. Это было бы невозможно во времена Катона, Сципиона или Метелла. Это был просто выбор из двух зол. Когда нации превращаются из крайнего варварства в абсолютные монархии, подобные древним персам или современным русским, мы забываем о зле центральной власти в благословениях, которые косвенно распространяются на деградировавших людей. Но когда нация теряет свои свободы и без борьбы подчиняется тиранам, это печальное зрелище для человечества. Деспотизм Людовика XIV. это не было позором для французского народа, поскольку он никогда не пользовался конституционной свободой. Деспотизм Луи Наполеона печален, потому что нация прошла через кровавую революцию, чтобы добиться признания великих прав и интересов, и мечтала, чтобы они были гарантированы. Это ретроградство, а не прогресс; реакция свободы, которая сажает Наполеона на трон Луи Филиппа; даже во времена правления Карла II. это самая печальная глава в английской истории. Если свобода - это благословение, если нации могут обеспечить себе ее навсегда, тогда режим римских императоров отвратителен и прискорбен, какие бы потребности ни вызвали его к жизни, поскольку он аннулировал все те славные привилегии, которыми гордились древние патриоты, и лишил того простора для энергии, которая сделала Рим владыкой мира. Империя не могла

стать сильнее и величественнее. Она должна была стать слабее и коррумпированнее, поскольку деспотизм не разжигал честолюбия людей, а подавлял их самые благородные чувства и ограничивал их энергию бесславными занятиями. При императорах люди могли наживать более гигантские состояния, чем во времена республики, и искусство могло культивироваться более широко, и роскошь, утонченность и материальные удовольствия могли возрасти; но общественная добродетель исчезла, и те чувства, на которых зиждется национальная слава, исчезли перед всепоглощающим эгоизмом, который пронизывал все сословия и классы. Возможно, имперский деспотизм был необходим, и империя могла бы пасть, даже если бы ее не существовало; тем не менее это была печальная необходимость, дающая унижающее представление о человеческом величии. Ни один любитель свободы не может созерцать это без отвращения. Ни один философ не может смотреть на это, не извлекая печальных уроков человеческого вырождения — впечатляющей морали для всех эпох и народов.

Если мы обратимся к классу, который до диктатуры Юлия господствовал в государстве и в течение нескольких столетий обладал верховной властью, мы найдем лишь немного, что могло бы польстить нации или человечеству.

[Примечание: Римская аристократия.]

Римская аристократия была самой могущественной, самой богатой и самой величественной, которую, вероятно, видел этот мир. Именно под руководством патрициев были совершены великие завоевания и достигнуто величие государства. Слава Рима была сосредоточена в тех гордых семьях, которые покорили и ограбили все известные грекам народы. Бессмертные имена древнего Рима отождествляются с аристократией. Не при королях, а при знати военное честолюбие стало пороком самых возвышенных личностей. Во времена республики они демонстрировали суровую добродетель, непреклонную политику, неукротимую волю и самый пламенный патриотизм. Генералы, которые вели армии к победе, государственные деятели, заседавшие в Сенате, консулы, преторы, губернаторы изначально принадлежали к этому благородному классу. Она монополизировала все высшие государственные должности и сохраняла свою власть и привилегии, несмотря на заговоры и восстания. Возможно, это в какой-то степени поддавалось народным посягательствам, но когда люди начали приобретать господство, были посеяны семена общественной коррупции. Истинное достоинство и слава Рима сосуществовали с властью патрициев.

[Примечание: Великие семьи.]

И могущественные семьи существовали в Риме до падения империи. Некоторые из них были потомками древних патрицианских домов и числили среди своих предков прославленных полководцев республики. Другие были обязаны своим положением накоплению гигантских состояний. Другие, опять же, приобрели значение благодаря покровительству императоров. Все великие завоеватели и генералы республики были основателями знаменитых семей, которые никогда не теряли уважения. До отмены конституции они проявляли большой интерес к политике и отличались мужественным патриотизмом. Многие из них были известны культурой мышления, а также общественным духом. Они неодобрительно смотрели на растущую безнравственность и сохраняли достоинство своего высокого положения. Сенат был самым величественным собранием, когда-либо известным на земле, контролирующим королей и

властителей, издающим законы для самых отдаленных народов и обладающим непреодолимой властью.

[Примечание: Вырождение знати.]

При императорах этот благородный класс выродился как в моральном плане, так и во влиянии. Они все еще сохраняли свои огромные состояния, первоначально приобретенные в качестве губернаторов провинций, и постоянно увеличивались благодаря удачным бракам и спекуляциям. Действительно, в Риме не было ничего более заметного и печального, чем несоразмерные состояния, общие последствия низкой или коррумпированной цивилизации. В лучшие дни республики собственность делилась более поровну. Граждане не стремились получить больше земли, чем они могли удобно обрабатывать. Но земли, полученные в результате завоеваний, постепенно перешли во владениемогущественных семей. Классы общества расширялись по мере накопления огромных состояний. Гордость богатством не отставала от гордости происхождением. И когда плебейские семьи получили большие поместья, они объединились со старой аристократией. Значение ордена всадников, основанного в основном на богатстве, росло с каждым днем. Рыцари в конечном итоге соперничали с сенаторскими семьями. Даже вольноотпущенники в эпоху коммерческих спекуляций стали могущественными благодаря своему богатству. В конце концов, богатые сами сформировали общество. При императорах погоня за деньгами превратилась в страсть; и богатые приобрели всю важность и уважение, которыми когда-то были наделены те, кто оказывал большие общественные услуги. Законы о собственности у римлян были строгими, и богатство, однажды добытое, легко закреплялось и передавалось по наследству.

[Примечание: Гигантские состояния.]

В конечном счете, поскольку римляне были хозяевами мира, были нажиты такие гигантские состояния, что Рим превратился в город дворцов, а добыча и богатства всех наций стекались в столицу. Рим был городом принцев, и богатство давало высшее отличие. Состояния были почти невероятными. Было подсчитано, что доход некоторых из богатейших сенаторских семей равнялся сумме в пять миллионов долларов в год в наших деньгах. Для поддержания обычного сенаторского достоинства требовалось восемьдесят тысяч долларов в год. Некоторые сенаторы владели целыми провинциями. Трималхион — богатый вольноотпущенник, которого высмеивал Петроний, — мог позволить себе потерять тридцать миллионов сестерциев за одно плавание, существенно не уменьшив своего состояния. Паллас, вольноотпущенник императора Клавдия, обладал состоянием в триста миллионов сестерциев. Философ Сенека сколотил огромное состояние.

[Примечание: Характер дворян.]

[Примечание: Чрезмерная роскошь.]

[Примечание: Роскошь аристократии.]

[Примечание: Роскошь знати.]

Римляне были чувственным, напыщенным и роскошным народом, и, соответственно, они растратили свое состояние на расточительность в образе жизни, не имеющую аналогов. Удовольствия от застолья и заботы о кухне были самым серьезным занятием аристократии во

времена величайшей коррупции. Вокруг них был постоянный двор паразитов и льстецов, и они нанимали даже лиц высокого ранга в качестве своих камергеров и распорядителей. Резьбе обучали в знаменитых школах, и мастера этого возвышенного искусства ценились выше, чем философы или поэты. Ювенал говорит:—

"Сейчас резьба по дереву доведена до такого совершенства,
Что наши любознательные мастера используют разные жесты
Для приготовления разных блюд, например, из зайца или курицы".

Их развлечения сопровождалось всем, что могло польстить тщеславию или возбудить страсти. Музыканты, танцоры мужского и женского пола, разыгрывающие фарсы и пантомимы, шуты, скоморохи и гладиаторы выставлялись напоказ, пока гости полулежали за столом. Столы были сделаны из корня туи, с ножками из слоновой кости или делосской бронзы и стояли огромные суммы. Даже Цицерон в эпоху экономии заплатил шестьсот пятьдесят фунтов за свой банкетный стол. За этими столами прислуживала армия рабов, одетых в дорогие одежды. В перерывах между блюдами они играли в кости, или слушали музыку, или развлекались танцами. Они носили огромное количество драгоценностей — таких, как ожерелья, кольца и браслеты. Они возлежали за столом по обычаю жителей Востока. В качестве деликатесов они ели водяных крыс и белых червей. Обжорство было доведено до такой степени, что моря и земли едва хватало, чтобы накрыть их столы. Женщины проводили целые ночи за столом и гордились своей способностью уносить с собой избыток вина. Как говорит Клеопатра о своих распрах с Антонием, —

"О времена! —
Я рассмешил его, выведя из терпения; и в ту ночь
Я смехом заставил его набраться терпения, а на следующее утро,
еще до девятого часа, напоил его до потери сознания".

Вина часто выдерживались в течение двух возрастов, а некоторые качества ценились так высоко, что продавались примерно по двадцать долларов за унцию. Крупных свиней на банкете жарили целиком. Древние эпикурейцы подробно описывают пироги с бараньей головой, фаршированную птицу, вареного телятенка и сдобное тесто с изюмом и орехами. Блюда изготавливались из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями. Цицерон и Помпей однажды удивили Лукулла на одном из его обычных банкетов, когда он не ожидал гостей, и даже это обошлось в пятьдесят тысяч драхм - около четырех тысяч долларов. Его ложа были из пурпура, а сосуды сверкали драгоценными камнями. Залы Гелиогабала были завешаны золотой тканью, украшенной драгоценными камнями. Его кровати были из массивного серебра, стол и тарелки - из чистого золота, а матрасы, покрытые коврами из золотой ткани, были набиты пухом, который можно найти только под крыльями куропаток. Красс заплатил сто тысяч сестерциев за золотой кубок. Банкетные залы были усыпаны лилиями и розами. Апиций во времена Траяна потратил сто миллионов сестерциев на разврат и обжорство. Имея в запасе всего десять миллионов, он покончил с собой, отравившись, думая, что может умереть с голоду. Ужины Гелиогабала никогда не стоили меньше ста тысяч сестерциев. И вещи ценились за их стоимость и редкость, а не за их реальную ценность. За карпа, любимое блюдо римлян, платили огромные деньги. Друзилл, вольноотпущенник Клавдия, приказал изготовить блюдо из серебра весом в

пятьсот фунтов. Вителлий приказал приготовить одно из них таких огромных размеров, что им пришлось специально соорудить для него печь; и на пиру в честь этого блюда, который он устроил, оно было наполнено печенью скаппуса (рыбы), мозгами павлинов, языками птицы с красным оперением, называемой *Phaesuicopterus*, и икрой миног, выловленных в Карпатском море. Фалернское вино пили только десятилетней выдержки, и обычно его охлаждали льдом. Страсть к игре была всеобщей. Нерон поставил четыреста тысяч сестерциев на один бросок костей. Клеопатра, когда пировала у Антония, каждый раз дарила этому полководцу золотые сосуды, украшенные драгоценными камнями, гобелены и пурпурные ковры, расшитые золотом, которые использовались при трапезах. Гораций рассказывает о развратнике, который выпил за трапезой кубок с уксусом, в котором растворил жемчужину стоимостью в миллион сестерциев, висевшую на ухе его любовницы. Драгоценные камни были настолько распространены, что женщина предельной простоты не осмеливалась ходить без своих бриллиантов. Даже мужчины носили драгоценности, особенно сложные кольца, и, наконец, на всех пальцах. Вкус римской аристократии с ее огромными состояниями склонял ее к помпезности, расточительности, к показному образу жизни, к роскошным банкетам, к условностям и церемониям, к безграничному эпикурейству. Они жили ради настоящего часа и чувственных удовольствий. В жизни не было возвышенности. Их интересовало только тело, а не душа, настоящее, а не будущее. Они были грубо материальны во всех своих желаниях и привычках. Они тратили деньги на свои банкеты, конюшни и одежду. И именно своим преступлениям, говорит Ювеналий, они были обязаны своими садами, своими дворцами, своими столами и прекрасной старинной посудой. День был распределен в общественных местах, в бане, на банкете. Марциал возмущенно упрекает эти излишества как неспособные купить счастье в своей Эпиграмме Квинту: "Поскольку ты покупаешь рабов за двести тысяч сестерциев; поскольку ты пьешь вина, хранившиеся во времена правления Нумы; поскольку твоя мебель обходится тебе в миллион; поскольку фунт кованого серебра весом в пять тысяч; поскольку золотая колесница становится твоей по цене целой фермы; поскольку твой мул обходится тебе дороже стоимости дома — не воображай, что такие расходы являются доказательством великого ума". [Сноска: Книга iii. стр. 62.]

Безграничная гордыня, наглость, бесчеловечность, эгоизм и презрение отличали этот благородный класс. Конечно, были исключения, но историки и сатирики рисуют самые печальные картины их хладнокровной порочности. Единственным результатом дружбы с великим человеком была трапеза, за которой ожидалось лесть и подхалимаж; но лучшее вино пил хозяин, а не гость. Провинции разорялись в поисках рыбы, птицы и дичи для столов знати, и чувственность считалась неуместной. Они нарушали законы целомудрия и приличий. Они забивали до смерти своих рабов. Они унижали своих жен и сестер. Они покровительствовали самым деморализующим видам спорта. Они обогащались за счет ростовщичества и наслаждались монополиями. Они не проявляли щедрости, за исключением пиров, когда хвастовство уравнивало их скупость. Они измеряли все по денежному стандарту. У них не было вкуса к литературе, но они вознаграждали скульпторов и художников, если те prostitute искусство в угоду своему тщеславию или страстям. Они не испытывали почтения к религии и высмеивали богов. Их отличительными пороками были подлость и раболепие, погоня за деньгами любыми уловками, отсутствие чести и неприкрытая чувственность.

[Примечание: рассказ Гиббона о знати.]

[Примечание: Сарказмы Аммиана Марцеллина.]

Гиббон красноречиво сократил замечания Аммиана Марцеллина, касающиеся этих людей: "Они соперничают друг с другом из-за пустой суеты титулов и фамилий. Они притворяются, что умножают свои изображения в статуях из бронзы или мрамора; и они не удовлетворены, пока эти статуи не будут покрыты золотыми пластинами. Они хвастаются счетами за аренду своих поместий. Они измеряют свой ранг и влияние величиной своих колесниц и внушительным великолепием своих одежд. Их длинные одежды из шелка и пурпура развеваются на ветру, и, когда они возбуждены искусством или случайностью, они обнаруживают нижнюю одежду - богатые туники, расшитые фигурками различных животных. Сопровождаемые кортежем из пятидесяти слуг и разрывая мостовую, они передвигаются по улицам так, как если бы путешествовали с почтовыми лошадьми; и примеру сенаторов смело подражают матроны и дамы, чьи крытые экипажи постоянно разъезжают по огромному пространству города и пригородов. Всякий раз, когда они снисходят до посещения общественных бань, при входе они принимают громкий и дерзкий командный тон и сохраняют надменное поведение, которое, возможно, можно было бы простить великому Марцеллу после завоевания Сиракуз. Иногда эти герои предпринимают более трудные подвиги: они посещают свои поместья в Италии и добывают себе рабскими руками развлечения в виде охоты. И если в любое время, особенно жаркий день, у них хватает смелости отплыть на своих золоченых галерах от Лукринского озера к своим элегантным виллам на морском побережье Путеол и Каргеты, они сравнивают эти экспедиции с походами Цезаря и Александра. И все же, если муха осмеливается сесть на шелковые складки их золоченых зонтиков, если солнечный луч проникает сквозь какую-нибудь незащищенную щель, они сожалеют о своих невыносимых лишениях и жеманно сетуют, что родились не в царстве вечной тьмы. Осуществляя внутреннюю юрисдикцию, они проявляют исключительную чувствительность к любому личному ущербу и презрительное безразличие ко всему остальному человечеству. Когда они потребуют теплой воды, если раб запоздает с повиновением, его наказывают сотней ударов плетью; если он совершит умышленное убийство, его хозяин мягко заметит, что он никчемный малый, и должен быть наказан, если он повторит проступок. Если иностранец не из низших слоев общества представлен этим сенаторам, его встречают с такими теплыми заверениями, что он удаляется, очарованный их приветливостью; но когда он повторяет свой визит, он удивлен и огорчен, обнаружив, что его имя, его личность и его страна забыты. Скромных, рассудительных и образованных людей редко приглашают на их роскошные банкеты; но самые никчемные представители человечества — паразиты, которые аплодируют каждому взгляду и жесту, которые с восторгом разглядывают мраморные колонны и пестрые тротуары и усиленно восхваляют пышность и элегантность, которые их учат считать частью своих личных достоинств. За римским столом птицы, белки, рыбы, которые кажутся необычных размеров, разглядываются с любопытством, и вызываются нотариусы, чтобы подтвердить подлинными документами их реальный вес. Еще одним методом проникновения в дома великих является мастерство в играх, которое является верным путем к богатству и репутации. Мастер этого возвышенного искусства, если его ставят за ужином ниже магистрата, выражает на своем лице удивление и негодование, которые, как можно было бы предположить, испытывал Катон, когда ему отказали в должности претора. Приобретение знаний редко привлекает внимание знати, которая терпеть не может усталости и пренебрегает преимуществами учебы; и единственные книги, которые они просматривают, - это "Сатиры Ювенала" или баснословные истории Мариа Максима. Библиотеки, доставшиеся им в наследство от отцов, словно мрачные склепы, изолированы от дневного света; но дорогие

театральные инструменты, флейты и гидравлические органы, сконструированы специально для их использования. В их дворцах звук предпочитают чувствам, а заботу о теле - заботе о разуме. Подозрение на болезнь имеет достаточный вес, чтобы оправдать визиты самых близких друзей. Перспектива наживы побудит богатого и страдающего подагрой сенатора добраться до Сполеты; всякое чувство высокомерия и достоинства подавляется в надежде на наследство, а богатый бездетный гражданин - самый могущественный из римлян. Страдания, которые следуют за экстравагантной роскошью и наказывают ее, часто вынуждают великих людей прибегать к самым унижительным средствам. Когда они хотят занять, они прибегают к низкому и просительному стилю рабов из комедии; но когда их призывают заплатить, они произносят царственные и трагические речи внуков Геркулеса. Если требование повторяется, они с готовностью нанимают какого-нибудь надежного подхалима, чтобы тот выдвинул обвинение в использовании яда или магии против наглого кредитора, которого редко выпускают из тюрьмы, пока он не подпишет расписку о полном погашении долга. И эти пороки смешаны с ребяческим суеверием, которое позорит их понимание. Они с доверием слушают произведения хару-спайс, которые притворяются, что читают во внутренностях жертв признаки будущего величия и процветания; и это суеверие наблюдается среди тех самых скептиков, которые нечестиво отрицают или сомневаются в существовании небесной силы ". [Примечание: Найдено в шестой главе четырнадцатой и четвертой из двадцать восьмой книги Аммиана Марцеллина.]

Таков был в последние дни империи руководящий класс в Риме и, вероятно, в городах, подражавших столичной моде. Наблюдалось печальное отсутствие возвышенных чувств, патриотизма, мужественности и достоинства характера. Легкомыслие и роскошь ослабили все связи общества. Движущим принципом их жизни было бессердечное эпикурейство. Они жили сегодняшним днем и своими удовольствиями, безразличные к великим интересам общества и к страданиям бедняков. Они были замкнуты в себе. Они были грубо материальны во всех своих целях. Они утратили все представления об общественной добродетели. Они унижали женщин; они угнетали людей; они смеялись над филантропией; до них не доходили возвышенные чувства; они не заботились о будущем. Презрительные, эгоистичные, надменные, потакающие своим желаниям, жеманные, циничные, все их мысли и разговоры были направлены на легкомыслие. Ничто не производило на них впечатления, кроме преходящего тщеславия. Они игнорировали и Рай, и Ад. Они были похожи на придворных Людовика XV. в самый безбожный период монархии. Они были хуже, поскольку к ним добавилась языческая неверность. Были запоминающиеся исключения, но их было немного, пока христианство не возшло на престол. Один за другим знать впадала в летаргический сон, почти не имевший аналогов. Самые гордые имена старой республики в конце концов были связаны с самыми праздными развлечениями и самыми нелепыми новшествами. Габриус, Каллий и Красс были увековечены элегантностью своих танцев. Лукулл, Гортензий, Филипп оценивали друг друга не по своему красноречию, храбрости или добродетели, а по совершенству своих прудов для разведения рыбы и необычности пород, которые они разводили. Казалось, они дотронулись бы пальцем до неба, если бы наполнили свои консервы бородатой кефалью и научили их распознавать голоса своих хозяев и приходить, чтобы их покормили из их рук ". [Сноска: Меривейл, глава ii.]

[Примечание: Положение людей.]

Что же касается несчастного класса, которого они угнетали, то с восшествием на престол императоров их положение ухудшалось с каждым днем. Плебеи всегда презирали те искусства, которыми сейчас занимаются средние классы. Они были доверены рабам. Первоначально они

работали на землях, полученных завоеванием. Но эти земли постепенно были поглощены или узурпированы крупными собственниками. Мелкие фермеры, угнетенные долгами и ростовщичеством, уступили свои земли богатым кредиторам. Во времена Цицерона было подсчитано, что только около двух тысяч граждан обладали независимой собственностью. Эти две тысячи человек владели миром. Остальные были зависимы; и они были бессильны, когда их лишали политических прав, ибо великий кандидат на общественные почести и должности щедро платил за голоса избирателей. Но при императорах простые люди превратились в жалкое население, питающееся из государственных запасов. Они бы погибли, если бы не щедрость. Ежемесячные выплаты зерна были преобразованы в ежедневную норму на хлеб. Их развлекали играми и празднествами. Из величественных бань можно было видеть, как они выходят без обуви и накидок. Они слонялись без дела по людным улицам и растрачивали на азартные игры свои жалкие гроши. Они проводили ночные часы на самых низких курортах преступности и нищеты. Иногда до четырехсот тысяч человек собирались посмотреть на гонки колесниц. Огромные театры были переполнены, чтобы посмотреть на танцоров мужского и женского пола. Амфитеатры по-прежнему посещали в основном лучшие слои населения. Они истекали в убогих квартирах, не привлекая внимания правительства. Мор, голод и беспросветная нищета проредили их ряды, и они были бы уничтожены, если бы в их ряды не пополнялись постоянные выходцы из провинций. На оживленных улицах Рима можно было увидеть авантюристов со всех уголков мира, опозоренных всевозможными пороками своих стран. У них не было образования и почти не было религиозных преимуществ. Их держали в страхе как священники, так и знать. Священник наводил на них ужас египетским колдовством, аристократ давил их железным грузом. Подобно Яццарони, они жили на улицах или теснились в грязных квартирах. Несколько семей снимали один и тот же дом. Гладиаторские представления приводили их в восторг, но особой радостью был цирк. Здесь они пытались заглушить сознание своей убогой деградации. Их продали в рабство за пустяковые долги. У них не было дома. У бедняка не было ни амбиций, ни надежды. Его жена была рабыней; его дети были не по годам развитыми демонами, чей лепет был криком о хлебе насущном, чей смех был воем столпотворения, чьи развлечения были уловками преждевременного беззакония, чья красота была убожеством болезней и скверны. Он сбежал от жены, которой не доверял, от детей, на которых не надеялся, от братьев, к которым не испытывал сочувствия, от родителей, к которым не испытывал почтения. Цирк был его домом, дикий зверь - его утешением. Будущее было пустым. Смерть была освобождением от страданий. Историки и поэты мало что говорят о его униженном существовании; но из тех немногих намеков, которые у нас есть, мы делаем вывод о развращенности и грубых вкусах. Если они вообще деградировали, то, должно быть, были очень деградированными, поскольку римляне были лишены чувства юмора и идеализма. Они погрязли в пороке, поскольку у них не было чувства ответственности. Они так и не вышли из своего жалкого положения. Философы, поэты, ученые и юристы Рима в основном происходили из аристократических классов. В провинциях беднота иногда поднималась, но очень редко. Весь аспект общества представлял собой ужасающее неравенство — непропорциональные состояния, рабство и нищенство. Не было среднего класса, обладавшего каким-либо влиянием или уважением. В интересах людей без средств записываться на службу к богатым. Отсюда огромное количество людей, занятых во дворцах черной работой. Они были бы зачислены в армии, если бы не их неэффективность. Армия набиралась из провинций - сельского населения - и даже из самих варваров. Там не было больниц для больных и престарелых, за исключением одной на острове в Тибре. Старых и беспомощных оставляли умирать без жалости и безутешения. Самоубийства были настолько распространены, что не привлекали внимания, но

детоубийство не было столь заметным, поскольку было так мало чувства сострадания к будущей судьбе несчастных детей. Кульминацией суеверий стал Рим, поскольку там были замечены жрецы и приверженцы всех стран, которыми он управлял — "темнокожие дочери Исиды с барабаном и тимпаном и распутным выражением лица; приверженцы персидского Митры, привезенного помпеянами из Киликии; выхолощенные азиаты, жрецы берецинфской Кибелы, с их дикими танцами и нестройными криками; поклонники великой богини Дианы; пленники-варвары с обрядами тевтонских жрецов; сирийцы, евреи, халдейские астрологи". , и фессалийские колдуны." О, какими сценами греха и нищеты была свидетелем эта имперская столица в третьем и четвертом веках — чувственностью и суевериями, страхами и невзгодами, мором и голодом, даже среди пышности сенаторских семей и величия дворцов и храмов. "Толпы, которые стекались в Рим с восточных берегов Средиземного моря, принесли с собой обычаи, крайне деморализующие. Ужасные обряды посвящения, уловки магов, мнимые достоинства амулетов и талисманов, загадки символического идолопоклонства, которыми изобиловали суеверия Востока, забавляли томных сладострастников, у которых не было ни энергии для моральной веры, ни смелости, необходимой для логического скептицизма ". Они были жестокими, кровожадными, черствыми к виду страданий и знакомыми с жестокостями и преступлениями. Они были суеверны, без религиозной веры, без надежды и без Бога в мире.

[Примечание: рабы.]

[Примечание: Рабство.]

В этом перечислении различных классов римского общества мы не можем пройти мимо количества и состояния рабов. Значительная часть населения принадлежала к этому подневольному классу. Первоначально введенный в результате иностранного завоевания, он был увеличен теми, кто не мог выплатить свои долги. В ходе одной кампании Регула было привлечено до пятой части всего населения. В сравнительно ранний период в одном дворце содержалось четыреста человек. Вольноотпущенник во времена Августа оставил после себя четыре тысячи сто шестнадцать. Гораций считал двести человек подходящим заведением для джентльмена. Некоторые сенаторы владели двадцатью тысячами. Гиббон оценивает их число примерно в шестьдесят миллионов, половину всего населения. Сто тысяч пленных были взяты в иудейской войне, которые были проданы как рабы, и проданы так же дешево, как лошади. [Сноска: Wm. Блэр, *О римском рабстве*, Эдинбург, 1833; Робертсон, *О состоянии мира при появлении Христа*.] Блэр предполагает, что у одного свободного человека было три раба со времен завоевания Греции до правления Александра Севера. Рабы часто стоили двести тысяч сестерциев. [Сноска: Марциал, xii. 62.] Каждое тело жаждало обладать рабом. Когда-то его жизнь находилась под абсолютным контролем его хозяина. С ним всегда можно было обращаться с грубой суровостью. Закованный в цепи и заклепанный, он трудился, возделывая земли властного хозяина, а по ночам его запирали в подземных камерах. Законы не признавали его притязаний на то, чтобы считаться едва ли моральным деятелем. Он был *secundum hominum genus*. Он не мог приобрести никаких прав, социальных или политических. Он был неспособен ни унаследовать имущество, ни составить завещание, ни вступить в законный брак. Его ценность оценивалась как ценность животного. Он был вещью, а не личностью — "предметом обстановки, обладающим жизнью". Он был собственностью своего хозяина, подлежащей бичеванию, пыткам или распятию. Если богатый владелец умирал при обстоятельствах,

возбуждавших подозрение в нечестной игре, вся его семья подвергалась пыткам. Записано, что за убийство рабом человека консульского достоинства каждый раб, находившийся в его распоряжении, был приговорен к смерти. Рабы пополняли бесполезный городской сброд и пожирали доходы государства. Весь ручной труд выполнялся рабами, как в городах, так и в сельской местности. Даже механическое искусство культивировалось рабами. Более того, рабы были школьными учителями, секретарями, актерами, музыкантами и врачами. По интеллекту они были наравне со своими хозяевами. Они пришли из Греции, Малой Азии и Сирии, а также из Галлии и африканских пустынь. Они были как белыми, так и черными. Всех пленных на войне превращали в рабов и несчастных должников. Иногда им удавалось вновь обрести свободу, но в целом их положение становилось все более и более плачевным. Каково было состояние общества, когда утонченного и образованного грека можно было заставить подчиняться самым оскорбительным приказам капризного и чувственного римлянина, без вознаграждения, без благодарности, без благосклонности, без возмещения ущерба. [Примечание: Ювенал говорит, Сб. vi., "Распни этого раба. В чем заключается обвинение, требующее такого наказания? Какого свидетеля вы можете представить? Кто предоставил информацию? Послушайте! Идиот! Значит, раб - это мужчина! Допустим, он ничего не сделал. Я сделаю это. Я настаиваю на этом. Пусть моя воля будет стоять вместо разума". Почитайте Марциала, Ювенала и Плавта.] Чего можно было ожидать от класса, у которого не было цели, ради которой стоило жить. Они стали самыми деградировавшими смертными, готовыми к грабежу, и их справедливо опасались в час опасности. Рабство, несомненно, оказалось самой разрушительной язвой римского государства. Оно подорвало его жизнеспособность. Именно это социальное зло, а не политическое беззаконие, подорвало империю. Рабство оказалось в Риме чудовищным проклятием, разрушающим всю мужественность характера, порождающим презрение к честному труду, делающим людей робкими и в то же время жестокими, праздными, легкомысленными, слабыми, зависимыми, бессильными. Империя могла бы просуществовать на столетия дольше, если бы не этот инкуб, вечный позор языческого мира. Язычество никогда не признавало того, что является самым благородным и прославленным в человеке; никогда не признавало его равенства, его общего братства, его естественных прав. Не было ни малейшего раскаяния в лишении людей их высших привилегий. Вся его тенденция заключалась в том, чтобы деградировать душу и вызвать забвение бессмертия. Рабство процветает лучше всего, когда инстинкты великодушия подавлены, а эгоизм, чувственность и гордыня являются доминирующими побудительными мотивами человеческих действий.

[Примечание: Деградация женщины.]

Те же самые влияния, которые имели тенденцию лишать человека прав, данных ему Богом, и порождать жестокость и бессердечие в повседневной жизни, также имели тенденцию к деградации женского пола. В раннюю эпоху республики, когда люди были бедны, жизнь была простой и примитивной, а героизм и патриотизм были характерны для женщин, они были сравнительно добродетельны и пользовались уважением. Она отстаивала свое естественное равенство и вела спокойную домашнюю жизнь, занимаясь воспитанием своих детей и вдохновляя мужа на благородные поступки. Но при императорах эти добродетели исчезли. Женщина была бедно образована, ее учила рабыня или какая-нибудь горничная-гречанка, она привыкла к непристойным разговорам и была вскормлена досужими рассказами и глупыми суевериями. Она считалась более порочной по природным наклонностям, чем мужчина, и ценилась главным образом за домашние хлопоты. Она была доведена до зависимости; она почти не виделась со своими братьями или родственниками; она была прикована к своему

дому, как к тюрьме; ее охраняли евнухи и рабыни; ее выдавали замуж без ее согласия; с ней можно было легко развестись; ее ценили только как домашнюю служанку или как животное, препятствующее исчезновению семей; ее считали ниже своего мужа, для которого она была жертвой, игрушкой или рабыней. Любовь после замужества была редкостью, поскольку она не блистала добродетелями, с помощью которых поддерживается любовь. Она стала робкой или легкомысленной, без достоинства или общественного уважения. Ее счастье заключалось в экстравагантных нарядах, в замысловатых прическах, в кольцах и браслетах, в свите слуг, в позолоченных покоех, в роскошных ложах, в сладострастных танцах, в волнующих банкетах, в деморализующих зрелищах, в легкомысленных сплетнях, в бесславном безделье. Если она и была добродетельна, то не столько из принципа, сколько из страха. Поэтому она прибегла ко всевозможным уловкам, чтобы обмануть своего мужа. Ее гений был отточен вечными приспособлениями, и хитрость была ее великим ресурсом. Она не заводила высоких дружеских отношений; она не занималась филантропической миссией; она не лелеяла благородных чувств; она не вызвала рыцарского восхищения. Ее развлечения были легкомысленны, ее вкус испорчен, ее образованием пренебрегали, ее права нарушались, ее симпатии презирались, ее стремления презирались. И здесь я не имею в виду великие и позорные примеры, которые история преподнесла на трезвых страницах Светония и Тацита, или ту неприкрытую порочность, которая выделяется в горьких сатирах того времени. Я говорю не о прелюбодеянии, отравлении, детоубийстве, разврате, жестокости, в которых история обвиняет Мессалин и Агриппин императорского Рима. Я не имею в виду оргии на Палатинском холме или те мерзости, которые изображены на картинах Помпеи. Но среди женщин царили всеобщее легкомыслие и экстравагантность, которые делали брак нецелесообразным, если только мужу не приносили большое приданое. Императоры прилагали многочисленные усилия для поощрения почетных браков, но таких отношений избегали. Куртизанки узурпировали привилегию жен, причем с беззастенчивой наглостью. Мужчина, подумывавший о браке, подвергался насмешкам, поскольку в женской добродетели или способностях было мало уверенности. И женщина теряла все свое очарование, когда возраст разрушал ее красоту. Даже сами ее добродетели были неприятны ее потакающему своим желаниям мужу. И всякий раз, когда она добивалась власти благодаря своим чарам, она былатиранической. Ее родственники подстрекали ее лишить мужа родительских прав. Она жила среди непрекращающихся распрей. Она не заботилась о будущем и превосходила мужчин в расточительности. "Правление ее дома не более милосердно, - говорит Ювенал, - чем суд сицилийского тирана". Чтобы придать себе привлекательность, она прибегла ко всем средствам косметики и искусной прически. Она наслаждалась магическими заклинаниями и любовными зельями. В горькой сатире Ювенала мы получаем впечатление в высшей степени меланхолическое и отвратительное:

"Не пришлось долго рассказывать, какие фильтры они предлагают,
От каких лекарств лучше отказаться зятю.

Женщины, слабые в суждениях, сильные в чувствах,
Подчиняющиеся каждому порыву страсти.

К любящему супругу жена не проявляет милосердия;

Согретая таким же огнем, она насмехается над его горестями,

И торжествует, добывая добычу; ее своенравная воля

Разрушает его блаженство и обращает его добро во зло.

Женщины поддерживают *коллегию адвокатов*; они любят закон,

И ради соломинки поднимают спорные вопросы;

Более того, они фехтуют! кто не пометил свою нефть,
Свои пурпурные вышки для этого нелепого труда!
Женщина не останавливается ни перед чем, когда она носит
роскошные изумруды на шее и в ушах
Жемчуг огромных размеров; это оправдывает
Ее ошибки, и сделать все законным в ее глазах.
Еще больше позора Риму! на каждой улице их можно найти
Ароматное липанти, увенчанное розами,
веселый милетянин и тарентинец,
Похотливый, вздорный и кружащийся от вина!"

[Примечание: Состояние женщины.]

В шестой сатире Ювенала содержится самое суровое описание женщины, которое когда-либо создавал смертный. Несомненно, он клеветник и экстравагантен, ибо только бесчестные женщины могут опуститься до таких искусств и низостей, которые, казалось бы, были обычным явлением в его время. Но, при всем его преувеличении, мы вынуждены признать, что лишь немногие женщины, даже из высшего сословия, за исключением обращенных в христианство, проявляли добродетели Лукреции, Волюмнии, Корнелии или Октавии. Была лишь всеобщая коррупция. Великие добродетели Перпетуи, Фелиситас, Агнессы, Паулы, Блессиллы, Фабиолы украсили бы любую цивилизацию. Но огромная масса была такой, какой они были в Греции даже во времена Перикла, какой они всегда были под влиянием язычества, какой они когда-либо будут без христианства, которое направляло бы их, жертвами или рабами человека, мстящими за себя, растрачивая его богатство, крадя его секреты, предавая его интересы и покидая его дом.

[Примечание: Игры и фестивали.]

Другой существенной, но деморализующей чертой римского общества были игры, фестивали и гладиаторские представления, которые приучали людей к неестественному возбуждению и привычке к жестокости и страданиям. Они сделали все обычные удовольствия пресными. Они закончились тем, что сделали отдел по расследованию убийств институтом. Бойня в амфитеатре завораживала, отвлекала от литературы, искусства и радостей домашней жизни. Очень рано это был любимый вид спорта римлян. Марк и Децим Брут наняли гладиаторов для отпевания своих отцов почти за три столетия до Рождества Христова. "Богатство и изобретательность аристократии облагались максимальными налогами, чтобы удовлетворить население и обеспечить пищу для беспорядочной бойни в цирке, где зверь сражался с зверем, а человек снова с человеком, или где мастерство и оружие последних сопоставлялись с силой и свирепостью первых". Помпей выпустил на арену шестьсот львов за один день. Август порадовал народ четырьмя сотнями двадцати пантер. Игры Траяна длились сто двадцать дней, когда сражались десять тысяч гладиаторов и было убито десять тысяч животных. Тит убил пять тысяч животных за раз. Согласно Плинию, двадцать слонов сражались против отряда из шестисот пленников. Проб зарезервировал шестьсот гладиаторов для одного из своих празднеств, а на другом убил двести львов, двадцать леопардов и триста медведей. Гордиан выпустил на арену триста африканских гиен и десять индийских тигров. Каждый уголок земли был разграблен в поисках этих диких животных, которые ценились так высоко, что во времена

Феодосия законом было запрещено уничтожать гетулийского льва. Никто не может созерцать статую Умирающего гладиатора, которая сейчас украшает римский капитолий, без эмоций жалости и восхищения. Если мраморная статуя может так тронуть нас, то каково было видеть, как христианские гладиаторы сражаются со свирепыми львами Африки. "Христиане львам" было лозунгом жестокого населения. Какое зрелище представлял собой старый амфитеатр Тита, пятьсот шестьдесят футов в длину и четыреста семьдесят футов в ширину, построенный на восьмидесяти арках и поднимающийся на сто сорок футов в воздух, с его четырьмя последовательными архитектурными рядами, вмещающий восемьдесят тысяч зрителей, расположенных в соответствии с рангом, от императора до низших слоев населения, все сидящие на мраморных скамьях, покрытых подушками и защищенных от солнца и дождя широкими навесами! Какое волнение, когда люди сражались не только с дикими зверями, но и друг с другом, и когда все это человеческое умение и сила, увеличенные изощренным обращением и доведенные до предела, были вложены в бессмысленное убийство, и так до тех пор, пока иссушенная жаждой почва не стала влажной и покрылась человеческой кровью! Знакомство с подобными зрелищами, должно быть, ожесточило сердце и сделало ум нечувствительным к утонченным удовольствиям. Чем театры были для французов, чем бои быков для испанцев, чем скачки для англичан, эти гладиаторские представления были для древних римлян. Руины сотен амфитеатров свидетельствуют об универсальности этого обычая не только в Риме, но и в провинциях.

[Примечание: цирк.]

Спортивные состязания в цирке проводились с самых ранних периодов. По оценкам Плиния, Большой цирк мог вместить двести шестьдесят тысяч человек. Он предназначался для скачек лошадей и колесниц. Энтузиазм римлян к скачкам превышал все границы. Были розданы списки лошадей с их именами и мастями, а также погонщиков, и на каждую фракцию были сделаны крупные ставки. Игры начались с грандиозного шествия, в котором приняли участие все выдающиеся личности и те, кто должен был выставяться напоказ. Статуи богов составляли заметную часть представления, и их несли на плечах, как несут святых в современных процессиях. Колесницы часто запряжены восьмью лошадьми, и обычно в забеге стартуют четверо.

Театр также был прекрасным курортным местом. Савр построил театр, способный вместить восемьдесят тысяч зрителей. Театр Помпея, рядом с Большим цирком, мог вместить сорок тысяч. Но театр не привлекал римлян так, как греков. Они предпочитали пышные сцены.

[Примечание: Цирк и театр.]

[Примечание: Ванны.]

Вероятно, ни один народ не предавался удовольствиям более повсеместно, чем римляне, после того как война перестала быть главной страстью. Все классы одинаково стремились к ним с неугомонным рвением. Развлечения были модой и делом всей жизни. В театре, на великих гладиаторских представлениях, на гонках колесниц сенаторы, императоры и генералы всегда присутствовали на видных и зарезервированных почетных местах; за ними сидели обычные граждане, а в тылу у них люди, которых кормили за государственный счет. Большой цирк, Театр Помпея, Амфитеатр Тита в совокупности вмещали бы более четырехсот тысяч зрителей. Мы можем предположить, что более пятисот тысяч человек имели привычку постоянно посещать

эти деморализующие виды спорта. И мода распространилась по всем великим городам империи, так что едва ли нашелся город с населением в двадцать тысяч человек, в котором не было бы своих театров, амфитеатров или цирка. Энтузиазм римлян по отношению к цирку превышал все границы. И когда мы вспоминаем крупные ставки на любимых лошадей и всеобщую страсть к азартным играм во всех их проявлениях, мы можем составить некоторое представление о влиянии этих развлечений на обывательский разум, разрушающем вкус к домашним удовольствиям и ко всему, что было интеллектуальным и простым. Что мы должны думать о состоянии общества, при котором у всех классов был досуг для занятий этими видами спорта. Были уничтожены привычки к трудолюбию и всякое уважение к занятиям, требующим труда. Богатые поддерживались за счет пожертвований из провинций, поскольку они были крупными собственниками завоеванных земель. Бедные не заботились о пропитании, поскольку содержались за государственный счет. Поэтому они предавались удовольствиям. Даже бани, предназначенные для оздоровительных целей, стали местами отдыха и безделья, а в конечном итоге и неподобающих половых сношений. Когда термы полностью перешли в общественное пользование, не только мужчины стали мыться вместе в большом количестве, но даже мужчины и женщины беспорядочно посещали одни и те же бани. Во времена Юлия Цезаря мы находим не меньшую личность, чем мать Августа, пользовавшуюся общественными учреждениями; а со временем и сами императоры публично принимали ванну с самыми ничтожными из своих подданных. Бани во времена Александра Севера были открыты не только от восхода до заката, но даже всю ночь. Представители роскошного сословия практически жили в банях. Коммод принимал пищу в бане. Гордиан мылся семь раз в день, а Галлиен - столько же. Они мылись перед едой и после еды, чтобы возбудить новый аппетит. Они не довольствовались одной ванной, а последовательно проходили курс ванн, в которых применялось воздействие воздуха и воды. А купальщиц сопровождала армия рабов, преданных всевозможному мошенничеству и воровству. "*O furum optime balmariorum!*" - восклицает Катулл с отвращением и негодованием. Использовалась также не только вода. Простые люди использовали ароматические масла для умащивания лица и надушивали саму воду самыми драгоценными благовониями. Телесное здоровье и чистота были лишь второстепенными соображениями; главной целью было сладострастное наслаждение. Руины терм Тита, Каракаллы и Диоклетиана в Риме показывают, что они были украшены с расточительным великолепием и всем, что могло возбуждать страсти, — картинами, статуями, украшениями и зеркалами. Says Seneca, Epistle lxxxvi., "*Nisi parietes magnis et preciosis orbibus refulserunt.*" Бани были сценами оргий, посвященных Вакху, и фрески на раскопанных банях Помпеи до сих пор вызывают румянец на лице каждого зрителя, который их посещает. Я говорю не о замысловатых украшениях, нумидийском мраморе, драгоценных камнях, изысканных скульптурах, которые были частью убранства римских бань, а о деморализующих удовольствиях, с которыми они были связаны и которые, как правило, поощрялись. Бани стали, согласно древним авторам, в конечном счете местами чрезмерного и унижительного разврата.

"Balnea, vina, Venas corrumpunt corpora nostra."

[Примечание: Одежда и украшения.]

Изначально римляне были не только бережливы, но и одевались с большой простотой. Со временем они стали чрезмерно увлекаться искусно украшенной одеждой, особенно женщины. Они носили множество колец и ожерелий; они красили волосы и пользовались дорогой косметикой; они носили шелка различных цветов с великолепной вышивкой. В ушах у них были

подвешены жемчуга и рубины, на которые обменивались большие состояния. В волосах блестела сеть из золотых нитей. Их палантины были украшены пурпурными лентами и скреплены бриллиантовыми застёжками, в то время как палантины волочились по земле. На их сандалиях были вышиты драгоценные камни, а золотые ленты, булавки, гребни и помады поднимали волосы в легендарное сооружение на лбу. Они возлежали на роскошных ложах и разъезжали в серебряных колесницах. Их время уходило на нанесение визитов, посещение бань, зрелищ и банкетов. Столы, опирающиеся на колонны из слоновой кости, украшала дорогая посуда; по стенам были развешаны серебряные зеркала, а в необычных сундуках хранились драгоценности и деньги. Бронзовые лампы освещали их покои, а на шкафах стояли стеклянные вазы, имитирующие драгоценные камни. Над дверями и с потолков были подвешены шелковые занавеси, а рабы несли по улицам лектики, похожие на паланкины, на которых возлежали изнеженные жены и дочери богачей. Их сады были привлекательны благодаря оранжереям, цветочным клумбам и всевозможным фруктам и виноградной лозе.

Но именно на своих банкетах римляне демонстрировали величайшую роскошь и расточительность. Ни один народ никогда не думал больше об удовольствиях за столом. И расточительность проявлялась не только в том, что люди баловали свой вкус отборными лакомствами, но и в продуктах, которые из-за своей редкости стоили самых высоких цен. Они стремились не только вкусно поесть, но и увеличить свои возможности неестественными способами. The maxim, "*Il faut manger pour vivre, et non pas vivre pour manger*," was reversed. В четвертом часу они позавтракали хлебом, виноградом, оливками, сыром и яйцами; в шестом они пообедали еще более сытно; а в девятом часу поужинали; и эта трапеза, *coena*, была основной и состояла из трех частей: первая — *gustus* — состояла из возбуждающих аппетит блюд, моллюсков и пикантных соусов; вторая — *fercula* — состояла из различных блюд; и третья — десерт, *mensae* второе — состоит из фруктов и выпечки. Рыба была главным объектом римских эпикурейцев, из которых больше всего ценились *муллу*, *ромб* и *аселл*. Записано, что *муллу* (морской усач) весом всего восемь фунтов был продан за восемь тысяч сестерциев. Устрицы из озера Лукрин пользовались большим спросом. Для этой цели улиток кормили в прудах, а на виллах богатых людей аквариумы были заполнены пресноводной или соленой рыбой. Павлины и фазаны были самыми почитаемыми домашними птицами, хотя употреблять в пищу певчих птиц было абсурдно. Из четвероногих самым любимым был дикий кабан, главное блюдо грандиозной *козны*, подававшееся на стол целиком, и искушенный гурман делал вид, что различает по вкусу, из какой части Италии оно привезено. Блюда, сами названия которых вызывают отвращение, употреблялись на модных банкетах и пользовались большим уважением. Марциал посвящает целые две книги своих "Эпиграмм" различным блюдам и украшениям римского банкета. Он относится почти ко всем фруктам, овощам и мясу, которые мы сейчас употребляем — к капусте, луку-порею, репе, спарже, фасоли, свекле, гороху, салату-латук, редису, грибам, трюфелям, бобовым, чечевице среди овощей; к фазанам, уткам, голубям, гусям, каплунам, голубкам, куропаткам, павлинам, нумидийским птицам, журавлям, вальдшнепам, лебедям среди птиц; к кефали, миногам, турботам, устрицам, креветкам, гольцы, мурики, пескари, щуки, осетры — среди рыбы; к изюму, инжиру, айве, лимонам, финикам, сливам, оливкам, абрикосам — среди фруктов; к соусам и приправам; к дичи и двадцати различным сортам вина; обо всем этом он расхваливает, как истинный гурман. Он говорит о подарках гостям на пиршествах, табличках из слоновой кости и пергамента, игральным костях, стилетницах, зубочистках, золотых заколках для волос, гребнях, помаде, зонтиках, флаконах с маслом, зубном порошке, бальзамах и духах, тапочках, обеденных диванчиках, лимонных

столиках, старинных вазах, чашах с золотой чеканкой, ситечках для снега, вазах из драгоценных камней и хрусталя, кольцах, ложках, алых плащах, скатертях, киликийских носках, подушках, поясах, фартуках, матрасах, лиры, колокольчики для ванны, статуэтки, маски, книги, музыкальные инструменты и другие предметы вкуса, роскоши или необходимости. Удовольствия от застолья, однако, всегда превыше всего в его глазах, и роскошь тех, с кем он не мог соперничать, но которых он порицает:

"Ни кефаль не радует тебя, славный Бетик, ни дрозд;
Ни заяц со щитком, ни кабан с бивнем;
Ни сладких пирожных, ни таблеток, твой вкус так абсурден,
Ни Ливии не нужно посылать тебе, ни Фазису птицу.
Но каперсы и лук, замоченные в рассоле,
И тушеный окорок, в котором едва ли можно сомневаться, - твои.
Из отбросов, или стебельков хриплого тунца, ты тщеславен;
Канифоль - твоя радость, фалернец - твое проклятие".
[Сноска: Martial, b. iii. p. 77.]

[Примечание: Ужин у поэта.]

Так он описывает скромный ужин, на который он, поэт, приглашает своего друга Тураниуса: "Если ты боишься унылого ужина дома или хочешь немного подготовиться, приходи и попируй со мной. Вы не найдете недостатка в каппадокийском салате-латуке и остром луке-порее. Тунец будет скрываться под ломтиками яйца; цветная капуста, такая горячая, что обжигает пальцы, только что с грядки, будет подана свежей на черном блюде; белые сосиски будут плавать на белоснежной каше, а светлая фасоль будет сопровождать бекон с красными прожилками. На второе блюдо перед вами поставят изюм, груши, которые сойдут за сирийские, и жареные каштаны. Вкус вина вы докажете, выпив его. После всего этого к вашим услугам превосходные оливки с острой викой и тепловатым люпином. Ужин небольшой, кто может это отрицать? но вам не придется выдумывать ложь или слышать, как ее выдумывают; вы будете непринужденно сидеть и выглядеть естественно; хозяин не будет читать вслух объемистый том своих сочинений, и распущенных девушек из бесстыдного Кадиса не будет рядом, чтобы ублажать вас распутными позами; но будет слышна маленькая тростниковая свирель и милая Клаудия, чье общество вы цените даже больше моего". [Сноска: Там же. б. в., стр. 78.]

Как отличался обед этого поэта, накрытый без роскоши, но оживленный остроумием и дружбой, от того, что описывает Петроний о богатом вольноотпущеннике, который больше соответствовал моде вульгарных и роскошных гурманов его времени.

[Примечание: Дорогая мебель.]

По сравнению с застольными удовольствиями страсть к дорогой мебели казалась преобладающим безумием. Мы читаем о кушетках, украшенных панцирем черепахи, и столах из лимонного дерева из Африки. Серебряные и золотые вазы, а также столики из мавританского мрамора на подставках из ливийской слоновой кости; кубки из хрусталя; всевозможные серебряные блюда, шедевры Миро, работы Праксителя и гравюры Фидия. Сервант украшали золотые сервизы. Диваны были обиты пурпурным шелком. Стулья были украшены искусной резьбой; на стенах висели дорогие зеркала, а с расписного потолка свисали бронзовые

светильники. Но больше всего ценились не всегда самые красивые изделия, а те, которые добывались с наибольшим трудом или привозились из самых отдаленных провинций. То, что стоило больше всего, неизменно вызывало наибольшее восхищение.

[Побочное примечание: зарабатывание денег.]

Если бы можно было сослаться на зло более отвратительное, чем спортивные состязания в амфитеатре или непомерная роскошь за столом, я бы сказал, что всеобщий отказ от зарабатывания денег ради наслаждения надуманными удовольствиями, которые оно приобретало, был еще более печальным, поскольку он глубже затронул основы, на которых держалось общество. Главным источником жизни были деньги. Мальчиков с ранней юности приучали ко всем тайнам беспринципной наживы. Ростовщичество практиковалось до такой невероятной степени, что проценты по займам в некоторых случаях за несколько месяцев равнялись целому капиталу. Это был более аристократический способ зарабатывания денег, которым не брезговали даже сенаторы. Страницы поэтов показывают, как высоко ценились деньги и какими несчастными были люди без них. Богатые старые холостяки, не имевшие наследников, пользовались величайшим почетом. Деньги были первой целью во всех супружеских союзах, и при условии, что женщины были только богатыми, ни жених, ни родитель не были привередливы в отношении возраста, или уродства, или низости семьи, или вульгарности личности. Нуждающиеся потомки древних патрициев впрягались в ярмо удачливых плебеев, а цветущие девушки из уютной безвестности без стыда и нежелания продавали себя надутым сластолюбцам, которые могли дать им то, что они ценили превыше всего, - колесницы и бриллианты. Бесполезно взывать к возвышенным чувствам, когда счастье заключается во внешней, искусственной жизни. Легкомысленные женщины, влюбленные в украшения и наряды, и безбожные мужчины, ищущие, чем бы им подкрепиться, могли довольствоваться только тем, что покупало их удовольствия. Самая надменная аристократия, когда-либо известная на земле, прослеживающая свою родословную до времен Катона и хвастающаяся своим происхождением от Сципионов и Помпеев, в конце концов привыкла считать деньги единственным критерием своего социального положения. Не было такого высокого социального положения, которое не зависело бы от состояния. Даже поэтами и философами пренебрегали, а гладиаторам и шутам отдавали предпочтение перед ними. Великий Августин оказался в Риме совершенно заброшенным, потому что он зависел от своих учеников, а его ученики были достаточно подлыми, чтобы сбежать, не заплатив. Литература зачахла и умерла, поскольку не приносила ни чести, ни вознаграждения. Ни одного сановника не уважали за его должность, только за его выгоды; не ценилась и ни одна должность, которая не приносила богатого вознаграждения. А коррупция была настолько повсеместной, что чиновник, занимающий важный пост, был уверен, что за короткое время сколотит состояние. При таком идолопоклонстве деньгам все профессии приобрели дурную славу, которые не способствовали их накоплению, в то время как те, кто предавался удовольствиям богатого человека, были в почете. Повара, шуты и танцовщицы пользовались таким же уважением, каким художники и философы пользовались в Афинах во времена Перикла. Но художников и ученых было действительно очень мало в более упадочные времена империи. Да и влияния они бы не оказали. Остроумие Петрония, насмешки Марциала, горький сарказм Ювенала были утеряны для людей, предавшихся легкомысленным сплетням и деморализующим эксцессам. Высокомерное презрение, с которым чувственная красавица, живущая за счет улыбок и кошелек удачливого обжоры, проезжала в своей золоченой колеснице мимо обедневших потомков великого Камилла, могло бы вызвать улыбку, если бы нашелся кто-нибудь, даже

забытый поэт, кто оказал бы им поддержку и сочувствие. Но, увы! все поклонялись святыне Маммоны. Каждого ценили за то, что он *имел*, а не за то, кем он *был*; и жизнь ценилась не за те удовольствия, которые дешевы и бесплатны, как небеса, не за спокойные вкусы, богатые привязанности, великодушную симпатию и интеллектуальный гений, — за великолепную уверенность в любви, уважении и дружбе, которые, "какими бы они ни были, все же являются источником жизни всех наших дней", - а за удовлетворение порочных и дорогостоящих вкусов; за те недолговечные наслаждения, которые заканчивались с угасанием аппетита искука сбывшегося ожидания, — вся земля, приземленная; разрушающая божественный образ, который был создан для Бога и небес, и готовящая путь для самого страшного возмездия, и производящая на созерцательные умы печаль, соединенную с отчаянием, загоняющая их в пещеры и уединение, и делающая смерть избавлением от печали. Цинизм, презрение, неверие, отвратительная грубость и вульгарность превратили возвышенные чувства в пустую мечту. Четырнадцатая сатира Ювенала направлена главным образом на всеобщую страсть к наживе и деморализующие пороки, которые она несет с собой, превратившие Рим в Столпотворение и Ярмарку Тщеславия. "Льстецы, - говорит он, - считают скупцов людьми счастливого ума, поскольку они в высшей степени восхищаются богатством и думают, что невозможно найти примера бедняка, который был бы также счастлив; и поэтому они увещевают своих сыновей посвятить себя искусству добывания денег. Вперед, мальчики; разграбьте нумидийские лачуги и форты Бригантов, чтобы на вашем шестидесятом году жизни вам даровали орла, который сделает вас богатыми. Или, если вы уклоняетесь от долгих трудов в лагере, тогда возьмите с собой что-нибудь, чем вы можете выгодно распорядиться, и никогда не позволяйте отвращению к торговле прийти вам в голову и не думайте, что можно провести какую-либо разницу между парфюмерией и кожей. Запах наживы хорош от любой вещи, какой бы она ни была. Никто не спрашивает вас, *как* вы добываете деньги, но *иметь* их вы должны". Поэт Персий изображает эту страсть к золоту, проявляющуюся в обычаях того времени, в тоне одновременно возвышенном и скорбном, горьком и сатирическом: [Сноска: *Сатира* ii.]—

"О, если бы я мог увидеть моего богатого старого дядю
В траурной пышности! О, если бы какое-нибудь божество
К горшкам с зарытым золотом направились бы моя доля!
О, если бы мой подопечный, которого я считаю наследником,
когда-нибудь обрел покой! Бедное дитя! он лежит в муках,
И смерть для него должна считаться приобретением.
Усилием воли Нериус трижды увеличивал свои запасы,
И теперь он снова вдовец.
О пресмыкающиеся души, лишённые всего божественного!
Зачем приносить наши страсти в святилище бессмертного?"

Древнегреческие философы гордились своей бедностью; но бедность была величайшим поношением для римлянина. "В точной пропорции к сумме денег, которую человек хранит в своем сундуке, - говорит Ювенал, [Сноска: *Сатира* iii.] - доверие к его клятве. И первый вопрос, который когда-либо задают мужчине, касается его дохода, а не характера. Сколько рабов он держит? Сколько акров он владеет? Какими блюдами уставлен его стол? — таковы всеобщие запросы. Бедность, какой бы горькой она ни была, не имеет более острого жала, чем это, — что она делает их смешными. Кому когда-либо в Риме разрешалось стать зятем, если его состояние

было меньшим и не соответствовало доле молодой леди? Имя какого бедняка фигурирует в каком-либо завещании? Когда кого-то вызывают на консультацию даже к эдилу?"

"Давным-давно, в одной отчаявшейся группе, бедняки, ушедшие в добровольное изгнание, должны были покинуть страну".

И с этим упреком в бедности не было способа избежать его. Не было и облегчения. Человека считали глупцом, который давал что угодно, только не богатым. Милосердие и великодушие были неизвестными добродетелями. Больных и несчастных оставляли умирать без оплакивания и в неизвестности. Процветание и успех, независимо от того, какими средствами они были приобретены, обеспечивали почтение и влияние.

Действительно, римляне были мирским, эгоистичным, эпикурейским народом, которым мы можем испытывать лишь небольшое восхищение в любую эпоху республики. Они никогда не отличались утонченностью. У них не было чувств, если только в более ранние века они не принимали форму славы и патриотизма. В период своего процветания они были горды и презрительны. В невзгодах они погружались в низкие излишества. Их нелегко было тронуть смягчающим влиянием. У них не было возвышенного идеализма, как у греков; они даже не были общительными, какими были. Они были отвратительно *практичными*. *Oui bono?* — "кто покажет нам что-нибудь хорошее?" — это было их девизом, это был единственный принцип их существования. Они ревниво относились к своему достоинству и увлекались помпезностью и показухой. Они любили этикет и церемонии и были условны во всех своих привычках. У них было очень мало истинной интеллектуальной независимости, и они были рабами моды, так же как церемоний и одежды. Они были чрезмерно жадны до социального положения и социальных различий. Они любили титулы, фамилии и неравенство в ранге. Они гордились тем, что придерживались здравого смысла в жизни, презирая все высокие стандарты. Они были ослеплены внешней жизнью, и их мало заботили великие истины, на которых зиждутся истинное достоинство и счастье. У них не было понятия о филантропии. Они жили для себя. Не было у них и преклонения перед идеальной ценностью, красотой или абстрактной истиной. В общественной жизни они были сдержанны и надменны. Они были суеверны и верили в сны, предзнаменования и талисманы. Они были гостеприимны по отношению к своим друзьям, но главным образом для того, чтобы показать свое богатство и помпезность. Они были грубы и непристойны на пирах. Они чрезвычайно любили деньги, но безрассудно тратили их на удовлетворение тщеславия. У них не было высоких представлений об искусстве. Они были переписчиками греков и никогда не создавали ничего оригинального, кроме юриспруденции. Они даже не добавили ничего нового к искусствам и наукам, которые применяли в практических целях. Их литература никогда не порождала сентименталистов; их философия никогда не поднималась до идеализма; их искусство никогда не стремилось к новым творениям. Их высшим стремлением было править, и править деспотически. Они упивались рабством, унижали женщин и топтали беззащитных. У них не было ни жалости, ни мягкости, ни деликатности чувств. Они не могли понять бескорыстного поступка. Они жили для того, чтобы есть и пить, носить пурпурные одежды, ездить на серебряных колесницах, принимать приветствия на рыночной площади и быть сопровождаемыми армией подхалимов, льстецов и рабов. Над тем, что было возвышенным и чистым, смеялись как над нереальным, мечтательным, трансцендентным. Вся наука была направлена на *полезность*, а полезностями были вина, редкие рыбы и птицы, ковры, шелка, кулинария, дворцы, колесницы, лошади, помпезность. Их

высшей идеей было завоевание, господство над человеком, над животным, над морями, над природой — и все это с целью стать богатым, комфортным, благородным. Это была их утопия. Эпикур был их богом. Сенсуализм был конвертируемым термином для обозначения их полезности и пронизывал их литературу, их социальную жизнь и их общественные усилия; уничтожая поэзию, дружбу, привязанности, гениальность, самопожертвование, возвышенные чувства — настоящие полезные свойства, которые составляют нашу высшую жизнь и готовят человека к постоянно расширяющемуся счастью. Практически они были атеистами — неверующими в то, что является фиксированным и неизменным в душе, и в славных устремлениях души. У них были воля и страсть, проницательность и способность править, благодаря которым они возвысились; но им не хватало тех элементов и добродетелей, которые украшают память о них человечества. Они были и тиранами, и сластолюбцами; приспособленными для завоеваний, но не способными наслаждаться ими. В важном смысле они были великими цивилизаторами, но их цивилизация относилась к материальной жизни. Они поклонялись богу чувств, а не богу разума; и, по сравнению с греками, мало что оставили нашему времени из того, что мы ценим, за исключением законов и принципов правления, а также идей централизованной власти.

Таков был императорский Рим во всех внутренних отношениях жизни и среди всех трофеев и восхвалений, которые были результатом всеобщего завоевания. Я не могу понять энтузиазма Гиббона по поводу такого народа или такой империи — изнуряющего и непреклонного имперского деспотизма, чувственной и гордой аристократии, униженного и невежественного населения, несоразмерных состояний, рабства, достигшего беспрецедентного в мировой истории состояния, женщин, ставших жертвами и игрушками мужчин, распущенных представлений об общественной морали, целого народа, предавшегося деморализующим видам спорта и зрелищам, удовольствий - главной страсти народа, денег - главной пружины общества, всех пороков, которые ведут к насилию и подготавливают почву для полного затмения человеческой цивилизации. слава человека. Что такое культурный лик природы, или дворцы, или помпезность, или великолепная материальная цивилизация, или великие армии, или многочисленное население, или триумф энергии и мастерства, когда моральное здоровье полностью подорвано? Внешнее величие было ничем на фоне такого количества порока, порочности и убожества. Следовательно, мир, такой справедливый и славный, как наш собственный, должен был рухнуть. Не было надлежащих консервативных сил. Яд добрался до самых верхушек социальной системы. Испорченное тело должно умереть, когда жизненные силы покинули его. Душа ушла. Принципы, патриотизм, добродетель - все ушло в прошлое. Варвары наступали, чтобы завоевывать и опустошать. Не было силы, способной противостоять им, кроме ослабленных и робких легионов, с накопленными пороками всех народов земли, которым они обучались в течение четырехсот лет. Общество должно было распасться на свои первоначальные элементы, когда люди не хотели приносить жертвы, и так мало людей принадлежало своей стране. Машина наверняка развалилась бы при первом же сильном потрясении. Ни одно государство не могло устоять перед таким скоплением несправедливостей, перед такими сложными и смертельными болезнями, выедающими жизненно важные органы империи. Дом был построен на песках. Армия могла сплотиться под руководством способных генералов ввиду приближающейся катастрофы; философия могла озолотить дни нескольких возмущенных граждан; добрые императоры могли попытаться воздвигнуть барьеры против коррупции; и даже христианство могло обратиться в христианство тысячами: и все же, согласно законам природы, ничто не могло спасти империю. Она была

обречена. Карательное правосудие должно идти своим величественным курсом. Империя выполнила свою миссию. Пришло время ей умереть. Сивиллин оракул должен обязательно исполниться: "О надменный Рим, божественное наказание постигнет тебя; огонь поглотит тебя; твоё богатство погибнет; лисы и волки будут жить среди твоих развалин; и тогда какая земля, которую ты поработил, станет твоим союзником, и кто из твоих богов спасет тебя? ибо по лицу всей земли воцарится смятение, и произойдет падение городов". [Примечание: Если кто-либо считает это общее описание римской жизни и нравов преувеличенным, он может обратиться к таким поэтам, как Ювенал и Марциал, и прочитать, что говорит святая Пани в первой главе *Послания к Римлянам*.]

* * * * *

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.—Мистер Меривейл наиболее полно из современных авторов написал о состоянии империи. У Гиббона есть отдельные абзацы, которые показывают состояние римского общества. Следует прочитать "Жизнь императоров" Лаймана, а также "Жизнь цезарей" Деквинси. См. также Нибура, Арнольда и Моммзена, хотя эти авторы в основном ограничивались республиканским Римом. Но если кто-то хочет получить самое правдивое и яркое описание, он должен прочитать римских поэтов, особенно Ювенала и Марциала. Произведение Петрония слишком неприлично, чтобы его можно было читать. Аммиан Марцеллин дает нам несколько поразительных изображений последних римлян. Светоний в своей "Жизни цезарей" приводит много фактов. "Галлус" Беккера - прекрасное описание римских привычек и обычаев. Следует ознакомиться со словарем древностей Смита, поскольку это отличный справочник важных фактов. Лукиан не описывает римские нравы, но он направляет свои сарказмы на пустоту римской жизни, как это обычно делают великие сатирики. Тиймон является основой истории Гиббона в той мере, в какой это относится к императорам.

ГЛАВА XI.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.

Мы размышляли о величии и славе Римской империи; и мы также видели, в связи с великолепными триумфами искусства, науки, литературы и философии, печальную деградацию общества, настолько фатальную и всеобщую, что были подорваны все силы, и не осталось ничего, кроме изношенных механизмов и безжизненных форм, способных противостоять давлению внешних врагов. Столь огромной, столь сильной, столь гордой была эта империя, что никто и не мечтал, что ее когда-либо можно будет ниспровергнуть. При всех несчастьях народа, при той отвратительной деморализации, которая охватила все классы, порядки и интересы, все еще существовала великолепная внешняя среда, вызывавшая всеобщий панегирик, и идея общественной опасности высмеивалась или дискредитировалась. Если Рим на заре республики оказал сопротивление вторгшимся галлам, то чего было бояться полуголым варварам, жившим за пределами империи? Продолжительный мир и процветание породили не только пороки эгоизма, те разрушительные язвы, которые всегда приводят к разорению, но и общее чувство безопасности и преувеличение собственного достоинства. Вечный город все еще был процветающим и гордым, центром всего великого в цивилизации древнего мира. Провинциальные города соперничали со столицей в роскоши, помпезности, спорте и коммерческом богатстве. Ухоженный лик природы предвещал всеобщее процветание. Люди не испытывали недостатка ни в чем, кроме энергии, гениальности и добродетели.

[Примечание: Процветание обманчиво.]

Но все это процветание было обманчивым. В глубине души все было прогнившим и пустым; и, если бы не всеобщее заблуждение, было бы очевидно, что машина развалится при первом же сильном толчке. В великолепном механизме не было пружины. Она была сломлена, и обществодействительно шло назад со времен Траяна - с того момента, как оно завершило свою задачу завоевания. Повсюду воцарилось странное оцепенение, как только прекратился внешний антагонизм, и если бы не пришли варвары, империя распалась бы и вряд ли просуществовала бы еще два столетия.

[Примечание: Империя выполнила свою миссию.]

Более того, империя выполнила свою миссию. Она покорила мир, чтобы создать великую централизацию власти, при которой могли бы воцариться мир и изобилие и распространиться новая религия.

Тем не менее, какими бы ни были планы Провидения, позволившего этому имперскому деспотизму расти и распространяться от берегов Тибра до самых отдаленных уголков цивилизованного мира, мы не можем не чувствовать, что великое возмездие было заслужено за преступления, которые Рим совершил против человечества. Тот, кто возьмет меч, погибнет вместе с мечом. Рим пил кровь миллионов и был заражен всеми мерзостями покоренных им стран, и ее очередь должна настать, и новая раса должна поставить новые эксперименты на благо человечества.

[Примечание: Война - орудие наказания.]

Великим инструментом Бога в наказании нечестивых народов и осуществлении важных изменений является война. Существуют и другие формы божественного недовольства. Чума, мор и голод часто насылаются на деградировавшие народы. Но это либо необходимые сопутствующие факторы самой войны, либо они ограничены и преходящи. Они не производят великих революций, в ходе которых рождаются новые идеи и возникают новые формы общественной жизни.

Но война, по-видимому, является высшим бичом Божьим, когда он обрекает народы на разрушение или на великие перемены. Она сочетает в себе все виды зла и бедствий — бедность, болезни, плен, позор и смерть. Завоеванная нация наиболее заброшена и уныла. Песня побежденных звучит так— "У рек Вавилона мы сели и заплакали".

Страсти, порождающие войну, рождаются в аду. Это гордыня, честолюбие, жестокость, алчность и похоть. Это естественные причины, которые настраивают нацию против нации или людей против людей. Но это второстепенные причины. Первопричина - это Бог, который использует страсти и интересы людей как свои орудия наказания.

[Примечание: Иллюстрировано историей народов.]

Как впечатляет история различных цивилизованных народов, составлявших столь значительную часть всемирной монархии римлян. Ассирия, Египет, Персия, Малая Азия, Палестина, Греция последовательно становились великими империями и государствами - независимыми и завоевательными. Они возникли из-за преобладания воинских добродетелей, мужества, умеренности, стойкости в сочетании с честолюбием и бедностью. Тогда монархи

жаждали большей власти и владений. Их страсти были непростительны; но они обладали людьми, которые были могущественны и не были поработаны изнуряющими пороками. Они вели войну с народами, погрязшими в изнеженности и мерзком идолопоклонстве, — с людьми еще худшими, чем они. Покоренные народы нуждались в наказании и восстановлении; и, как правило, своей слепотой и высокомерием провоцировали проблему. Богатство и власть наделили их ложной уверенностью, эгоистичными целями; или же ослабили их и подорвали их силу. Они стали подчиняться более сильной власти. Их гордость была похоронена в пыли. Они стали поработанными, несчастными, разоренными. Они были наказаны таким же знаменательным, хотя и не чудесным образом, как допотопные жители или города Содом и Гоморра. *Однако* одна и та же рука проявляется и в мести, и в милосердии. В невзгодах они вновь обретали силу, утраченную при процветании, и цивилизация ничего не теряла от их страданий.

[Примечание: Войны под контролем.]

Державы-завоеватели, в свою очередь, стали могущественными, богатыми и коррумпированными. На смену пришли изнеженность и слабость; на них обрушилась война, и они стали добычей более сильных. Их завоеватели, опять же, были поработаны своими пороками, и их империя погибла в том же мраке и отчаянии.

Однако в каждом последующем завоевании мы видим разрушение не цивилизации, а людей. Страны захвачены, троны свергнуты, богатые превращены в рабов, гордецы издают крики отчаяния; но земля выживает, искусства и науки приобретают новое направление, и новые хозяева больше заинтересованы в великих улучшениях, чем старые тираны. Состояние Вавилонии, вероятно, было лучше после персидского завоевания, в то время как весь восточный мир выиграл от войн Александра. Греческая культура пришла на смену персидскому правлению. Римляне пришли и отняли у греческих династий в Азии и Египте, когда они ослабли от процветания и потакания своим желаниям, власть, которую они узурпировали, не разрушив греческую цивилизацию. Это осталось и останется в той или иной форме навсегда, как семейная реликвия, имеющая бесценную ценность для всех будущих наций. Греки, когда они покорили персов, также пощадили самые ценные памятники своей прежней промышленности и гения. Римляне, также, когда они завоевали саму Грецию, охраняли и ценили ее особый вклад в развитие человечества. И они дали всем этим завоеванным территориям что-то свое. Они дали законы и хорошее правительство. Греческие и азиатские города были унижены тем, что они считали варварскими набегами, ибо культура Афин, Коринфа, Антиохии и Эфеса в то время была выше культуры Рима; но кто может сомневаться в благотворной перемене в управлении общественными делами? Общество, несомненно, повсеместно улучшилось в результате римских завоеваний. Маловероятно, что Афины после того, как они стали данниками Рима, были равны Афинам Перикла и Платона; но вполне вероятно, что общество в Афинах было лучше, чем за столетие до ее падения. Но что, если страдают отдельные города? Они не составляли всю страну. Можно ли сомневаться в том, что Сирия, как провинция, пользовалась большей рациональной свободой и большим простором для энергии при римском правлении, чем при выродившихся отпрысках старых греческих царей? Мы видим возмездие в завоевании, а также скрытое благословение.

[Примечание: кельтские народы.]

Но еще более убедительно эти истины проявляются в завоевании кельтских народов Европы. Они были варварами; у них не было ни науки, ни литературы, ни искусства; они были преданы

вечным ссорам и грубым удовольствиям. Невежество, суеверия и необузданные страсти были основными чертами общества. Другие грубые воины кочевали с места на место, не имея другой цели, кроме грабежа. У них были прекрасные черты характера, но они нуждались в цивилизации. Они были завоеваны. Римляне обучили их законам, языку, литературе и искусствам. Среди них возникли города, и эти покоренные варвары стали друзьями порядка и мира и образовали самую процветающую часть всей империи. Именно из этих кельтских народов набирались римские армии. Великие люди Рима во втором и третьем веках были выходцами из этих кельтских провинций. Они вливали новую кровь разлагающееся тело. Кто может сомневаться в пользе для человечества завоеваний Британии, Галлии и Испании? Римляне оказались величайшими цивилизаторами древнего мира, со всем их высокомерием и нежеланием ценить те вещи, которые принесли славу грекам. Они ввели среди варварских народов свои собственные искусства, язык, литературу и законы; и цивилизация, которой они учили, никогда не исчезала. Действительно, она была затемнена во время революций, последовавших за падением империи, но постепенно возродилась и засияла еще большим блеском, когда ее достоинства были наконец осознаны.

Таким образом, войны не являются простым бедствием, поскольку зло побеждается высшим благом народов. Но для своего времени они представляют собой великое бедствие, и их посылают, когда народы больше всего нуждаются в наказании.

[Примечание: Завоевание кельтов.]

Римляне одержали победу, благодаря своей великой и беспримерной энергии, терпению и героизму, над всем миром и воздвигли свою всемирную империю на руинах всех государств древности. Им было позволено расти и процветать, чтобы можно было достичь великих целей либо путем наказания старых наций, либо путем создания новой цивилизации.

Но они, в свою очередь, были развращены процветанием и ослаблены миром. Они были виновны в самых бессердечных и жестоких злодеяниях на протяжении восьмисот лет. Их империя была построена на страданиях человечества. Они также должны понести возмездие.

Это долго откладывалось. Это произошло только после того, как все консервативные силы потерпели крах. Состояние общества становилось все хуже и хуже, пока не достигло разврата и апатии, губительных для всех гениев, и более позорных, чем среди тех людей, которых они клеймили как варваров. Затем должна была произойти революция, иначе расы иссякли бы и цивилизация была бы потеряна.

[Примечание: варварские завоевания.]

Бог послал войну — всеобщую, жестокую, разрушительную войну, развязанную неизвестными воинами; и они привели к полному затмению славы человечества. Империя распалась на свои первоначальные элементы. Его земли были захвачены и разграблены; его города были сожжены и разграблены; и неприкрытое насилие охватило землю, так что крик отчаяния вознесся к небесам, от Геркулесовых столпов до Каспийского моря. Действительно, в связи с этим всеобщим переворотом общества так широко верили в приближение конца света, что некоторые из лучших людей бежали в пещеры и пустыни; и было больше монахов, которые искали личного спасения в своих аскезах, чем солдат, которые храбро отдавали свои жизни в бою.

Именно эту великую революцию я и пытаюсь представить, эту великую катастрофу, которой подверглись римляне после того, как покорили сто двадцать миллионов человек. Вероятно, это было самое скорбное событие во всех его аспектах, когда-либо виденное на лице этой земли со времен всемирного потопа. Несомненно, никогда такие бедствия не были вызваны рукой человека. Греки и римляне, когда они побеждали непокорную или ослабленную нацию, приносили свою цивилизацию и способствовали миру и общей безопасности. Они принесли законы, науку, литературу и искусства в составе своих армий; они не уничтожили древние институты; они оставили людей такими, какими они их нашли, только с большими возможностями для обогащения; они сохранили картины, статуи и храмы; они читали литературу и почитали мудрецов, которые ей обучали; они, возможно, приводили пленников в свои столицы в качестве рабов, но они не искореняли все следы культуры и не относились к ней с высокомерным презрением. Но когда пришла их очередь наказывать, весь мир наполнился скорбью и запустением, и все отношения в обществе изменились.

[Примечание: Увлечение римлян.]

Это был печальный час в древней столице мира, когда ее ослепленные жители очнулись от чудовищного заблуждения, что они непобедимы; когда каждому бросился в лицо сокрушительный факт: легионы были побеждены, провинция за провинцией были захвачены, гордые и многолюдные города пали, варвары наступали, топча ногами все, что считалось ценным, редким или священным, они приближались к самым воротам Рима, — что его судьба предрешена, что нет убежища, в котором можно было бы укрыться. Они могли бежать, понимая, что нет способа предотвратить гибель, что они обречены на безнадежную бедность или рабство, что их жены и дочери будут подвергнуты унижениям, которые хуже смерти, и что все зло, причиненное их предками во время их триумфального шествия, постигнет их с десятикратной суровостью. Римляне, даже тогда, когда они обращали свой взор на внешнюю природу, видели богатые хлебные поля, цветущие виноградники, роскошные сады, да, виллы, храмы и дворцы без конца; и как могло быть разрушено то, что просуществовало столетия? Как мог вечный город, который не видел чужеземного врага у своих ворот со времен нашествия галлов, который избежал всех опасностей, такой богатый и веселый, как мог он теперь уступить голым варварам из неведомых лесов? Они все еще созерцали великолепный механизм правления, блеск и пышность армий, триумфальные шествия, новые памятники победы, гордых орлов и все эмблемы неограниченного владычества. Чего *им* было бояться? "*Nihil est, Quirites, quod timere possitis.*"

[Примечание: Фатальная безопасность римлян.]

И для глаз современников не были очевидны великие перемены, постепенно происходившие со времен правления Траяна. Трусость и слабость были скрыты от глаз людей. Соразмерны были слабоумию войск богатство их мундиров и дерзость их манер. Это был день хвастовства и помпезности. Все формы и эмблемы обладали своей древней силой. Все люди были причастны к тем порокам и безумствам, которые восхвалялись. В своем легкомыслии и заблуждении они не видели реальной пустоты своих институтов. Ослепленное поколение никогда не сможет увидеть знамений времени. Лишь несколько созерцательных людей прятались в уединенных местах, но их обвинили в мошенничестве или злонамеренности. Все были заинтересованы в поддержании этой иллюзии. Паника редко длится долго. Мир слишком любит свою легкость, чтобы верить истинам, которые разрушают покой и достижения. Все чувствовали себя в безопасности,

потому что они всегда были защищены. В конечном счете, разорение может наступить, но не в их дни. "*После моего потолка*" Никто не стал бы приносить жертвы, поскольку никто не боялся непосредственной опасности. Более того, общественный дух и патриотизм улетучились. Если их городам грозила опасность, они говорили, что лучше погибнуть здесь с нашими женами и детьми, чем умереть на границах, претерпев все лишения и незащищенность. Должно быть, существовало всеобщее безразличие, иначе варвары не смогли бы одержать победу. У римлян были все стимулы, которые когда-либо были у любого народа, для храброго и отчаянного сопротивления. На карту была поставлена не только их собственная жизнь, но и безопасность их семей. Их институты, их интересы, их права, их дома, их алтари - все было в опасности. И на них напали самые безжалостные враги, без жалости или уважения, и все же они несражались, как должны сражаться нации, и иногда сражаются, когда в их страну вторгаются. Почему они больше не оказывали упорного сопротивления? Почему полностью вооруженные и хорошо обученные легионы уступили врагам-варварам, без дисциплины и без самого эффективного оружия? Увы, подавленные и обессиленные люди никогда не будут сражаться. Они предпочитают рабство смерти. Таким образом, Персия пала перед Александром, а Малая Азия - перед сарацинскими полководцами. Воинская отвага идет рука об руку с добродетелью. Без возвышения чувств не будет самопожертвования. Нет никакой надежды, когда нации предаются чувственности или эгоизму.

[Примечание: Слабость империи.]

Мы должны верить в самое необычайное вырождение общества, иначе Рим не пал бы. При любой обычной степени мужества империя должна была оказать сопротивление готам и вандалам. Они были не более многочисленны, чем те орды, которые Марий и Цезарь истребляли даже в их собственных болотах и лесах. Это было не похоже на македонцев с их непробиваемой фалангой и усовершенствованными доспехами, сражавшихся с полуварварами. Это было совсем не похоже на испанцев, маршировавших по Перу и Мексике. Это было не похоже на англичан, обладающих всем усовершенствованным оружием нашего времени, стреляющих в народ, вооруженный дротиками и стрелами. Но это были варвары, без защитных доспехов, без дисциплины, без престижа, атакующие легионы, которые тысячу лет обучались военному искусству. *Proh Pudor!* Солдаты империи, должно быть, утратили свой древний дух. Должно быть, они представляли собой самых никчемных людей. Мы теряем нашу жалость в силе нашего негодования и отвращения. Цивилизованная нация, которая уступит варварам, должна заслужить их участь. Какими бы благородными ни были черты характера германских племен, они все же были варварами в искусстве, в манерах, в знаниях, в механизмах. У них не было ничего, кроме грубой силы. Наука должна была победить грубую силу, но этого не произошло. Мы не можем не сделать вывод о самом поразительном вырождении. Следует сожалеть, что у нас нет более удовлетворительных данных относительно точного состояния общества. Я склоняюсь к мнению, что общество было гораздо более деградированным, чем это принято считать. Когда в течение двух столетий во всей империи едва ли появился поэт, философ или историк; когда даже труды знаменитых людей времен Августа были утеряны или непрочитаны; когда за период от Траяна до Гонория, за триста пятьдесят лет, едва ли появилось произведение оригинального гения, общество, должно быть, было совершенно деморализовано, и вся жизнь и энергия улетучились.

[Примечание: Завоеватели Рима.]

Затем пришло время империи пасть. И это наша работа — нарисовать руины - и такие руины. Кровавыми завоевателями были готы и вандалы, а также другие тевтонские племена — франки, свевы, аланы, герулы, бургунды, лангобарды, саксы. Они пришли родом из Центральной Азии, из района Каспийского моря, и были в родстве с мидянами и персами. Они вытеснили перед собой более древних жителей, вероятно, кельтские народы, и в конечном итоге обосновались в обширном регионе между Балтикой и Дунаем, Рейном и Вислой, охватывающем те страны, которые сейчас называются Норвегией, Швецией, Данией и Германией.

[Примечание: Германские нации.]

Вероятно, все эти племена были схожи по манерам, привычкам, вкусам и природным чертам характера. Тацит предоставил нам наиболее достоверное описание их обычаев и особенностей. [Footnote: Tacitus, *De Moribus Germanorum*.] У них были строгие голубые глаза, рыжие волосы, крупные тела и огромная сила. Ими правили короли, но не неограниченной властью. Священники также обладали необычайным влиянием, которое они разделяли с женщинами, присутствовавшими в битвах и отличавшимися большой чистотой и мужеством. Женщинам приписывалась даже способность предсказывать будущее. Германцы были суеверны и были склонны к гаданиям по приметам и жребию, по полету птиц и ржанию лошадей. Они не занимались никакими делами, общественными или частными, не имея оружия. Они были воинственны во всех своих привычках и вкусах, и поле битвы было полем славы. Их главным божеством был героический принц. Один, типичный человек нации, был диким капитаном, который учил, что самое почетное - умереть в бою. Они ненавидели покой и бездеятельность и, когда не были заняты войной, с жадностью предавались удовольствиям охоты; однако в промежутках между войной и охотой они делили свое время между сном и пиршествами. Они любили леса, опасные виды спорта и авантюрные предприятия. Они ненавидели города, которые считали тюрьмами деспотизма. Грубая страсть к личной независимости была одной из их главных черт, такой же могущественной, как почитание женщин и религиозная направленность ума. Они не терпели никаких ограничений своей воли или своих страстей. Их воля была суровой, а страсти безудержными. Они уступали только голосу мольбы или любви. Обычно они были сдержанны, за исключением редких случаев, когда предавались пьяному веселью. Целомудрие было добродетелью, которая строго соблюдалась. Среди них было мало случаев супружеской измены, и неверная жена подвергалась суровому наказанию. Мужчины и женщины, без соблазнительных зрелищ и праздничных банкетов, были окружены целомудрием и связаны семейными узами. Полигамия была неизвестна, а брачные обязательства считались священными. Жена не приносила своему мужу приданого, но получала от него не легкомысленные подарки, а быков, коня в попоне, щит, копье и меч в знак того, что она должна быть партнером в тяжелом труде и опасности, страдать и отваживаться в мирное время и на войне. Гостеприимство было еще одной добродетелью, распространявшейся в равной степени на незнакомцев и знакомых, но за праздничным столом часто происходили ссоры, и однажды возникшая вражда редко прощалась. Мстительные обиды были столь же заметны, как и сердечные и откровенные дружеские отношения. На своих пирах они пили пиво или эль вместо вина, хотя их обычным напитком была вода. Их пищей были фрукты, сыр, молоко и оленина. Они питали непомерную страсть к азартным играм и даже могли поставить на кон саму свою свободу. Рабство было обычным явлением, но не таким суровым и безжалостным, как у римлян. У них было мало торговли, и они не были знакомы с искусством ростовщичества. Их сельское хозяйство было примитивным, и единственным продуктом, который они выращивали, была

кукуруза. У них были обычные домашние животные, но их лошади не были ни красивыми, ни быстрыми.

[Примечание: Врожденные черты характера варваров.]

Легко видеть, что по своим манерам и чертам характера они имели большое сходство с кельтами до того, как стали покоренными и цивилизованными, но не были ни такими страстными, ни импульсивными, ни бездумными, ни безрассудными, как они. Они также не были так сильно пристрастны к обжорству и пьянству. Они были более настойчивыми, более серьезными, более правдивыми и более целомудренными. Они также не были настолько поработаны священством. Правление друидов ограничивалось кельтами, однако, как и кельты, они поклонялись Богу в освященной роще. Их религия была пантеистической: они видели Бога в камнях, дожде, громе, облаках, реках, горах, звездах. Предполагалось, что Он правит повсюду и является высшим разумом. Их взгляд на Бога был очень похож на взгляд ранних ионийских философов Греции: "*Regnator omnium deus, coetera subjecta atque parentia*". Они никогда не были идолопоклонниками; они поклонялись природе и называли ее чудеса богами. Но это поклонение природе было заменено поклонением герою. В Одине они видели силу, мужество, великодушие - атрибуты, которые они обожали. Быть храбрым было основополагающим принципом религии, и они приписывали Божеству все, что могло внушать ужас, как ужасному, — гневному богу, который отмечал тех, кому суждено быть убитыми. Поэтому их рощи, где он должен был председательствовать, были темными и таинственными. Мы обожаем сумрак лесов, тишину, которая царит вокруг. "*Lucos atque in iis silentia, ipsa adoremus*." Хотя жрецы этого ужасного существа не были такими деспотичными, как друиды, они все же пользовались большим влиянием: они вызывали бури внутренней войны; они произносили ужасную анафему; они наделяли военачальников священной властью; и они несли во главе своих армий освященное знамя Божества. Короче говоря, они владели тем духовным оружием, которое впоследствии стало молнией в руках духовенства и которое подготовило путь к самодержавному правлению пап, в которых германские народы всегда признавали наместника своего невидимого Господа. Они были в высшей степени религиозным народом, управляемым религиозными идеями — под которыми я подразумеваю, что они признавали божество, воле которого они должны были повиноваться, и чью благосклонность можно было купить только доблестными поступками. Их мораль проистекала из преклонения перед Великим Незримым, в руках которого были их судьбы.

Эта черта характера является самой замечательной и выдающейся среди немцев, наряду с их яростной страстью к войне, их почитанием женщин и их любовью к личной независимости, которым Ласт Гизо придает большое значение. Чувствовать себя человеком в самом неограниченном смысле было высшим наслаждением немецкого варвара. Это была личность с чувствами и интересами, враждебная общественным формам и муниципальным установлениям. Их не заботило ничего, кроме удовлетворения своих наклонностей. Быть необузданными, свободными в самом диком смысле этого слова, делать все, что им заблагорассудится, повинаясь сиюминутному порыву, - вот их ведущая черта. Кто не видит, что такая черта была враждебна цивилизации и препятствовала бы повиновению закону — делала бы необразованного воина необщительным и одиноким и побудила бы его впоследствии, когда он завладел землями покоренных римлян, построить свой замок на неприступных высотах и скалистых утесах? Отсюда изолированные убежища, дикие приключения, сельская жизнь,

удовольствия от охоты, характерные для новых поселенцев. Они избегали городов и строили замки.

[Примечание: национальные черты.]

[Примечание: Характер германских народов.]

Эта страсть к свободе, сопровождаемая духом отваги, приключений и войны, была бы фатальной, если бы не правление священников и огромное влияние женщины. В этом последнем элементе характера варвары из Скандинавии представляют интересный контраст с цивилизованными народами, которым они ниспровергли власть. Они, очевидно, испытывали большее уважение к женщине, чем любой из народов древности, не исключая евреев. В ней они видели что-то священное и божественное. В ее голосе звучало вдохновение, а в ее присутствии чувствовалась безопасность. В Греции не было настоящего энтузиазма по отношению к женщине, даже когда Сократ преклонялся перед чарами Аспазии. Таковых не было в Риме, когда Волумния прикрывала город от мести своего разгневанного сына. Но германцы боготворили красавицу и видели в ней воплощение всех добродетелей и прелести. И таким образом, среди такой расы возник славный древний институт рыцарства, которого не могло быть ни у римлян, ни у греков, даже после того, как христианство смягчило характер и расширило сердце. В средневековом баронском особняке это естественное почитание переросло в преданность и галантность. Среди рыцарей ревность к Богу и дамам считалась единственной обязанностью; и "тот, кто был верен своей госпоже, - говорит Хэллем, - был уверен в спасении с точки зрения теологии замков, если не монастырей". Эта преданность выражалась в грубой поэзии варварских эпох, в спортивных состязаниях на турнирах и тильтах, в замковых пирах, в мужских удовольствиях охоты, в ведении домашнего хозяйства, в воспитании детей, в законах, признававших равенство, в свободном общении с мужчинами, в доверии к женской чести и добродетели, в деликатности любви и утонченности дружбы. Одна эта черта показывает превосходство германских рас, особенно когда их учит христианство, и заставляет нас радоваться тому, что великолепные завоевания римлян достались им в гордое наследство.

Таковы были люди, ставшие наследниками римлян, — народы, никогда не покорявшиеся ни оружию, ни порокам, среди которых христианство приобрело особое влияние и постепенно развило среди них принципы прогресса, каких никогда не видели у более древних народов. Можем ли мы удивляться, что такие люди одержали победу? — люди, которые любили войну, как римляне при республике; люди, которые гордились самими своими потерями и чувствовали, что смерть на поле боя обеспечит будущее спасение и вечную честь; люди, полные надежды, энергии, энтузиазма и рвения; люди, у которых было то, чего не было у древних рас, — душа, жизнь, неповрежденные силы.

Однако, когда они вторглись в римский мир, не следует забывать, что они были грубыми, невежественными, дикими, свирепыми и беспринципными. К ним относились с абсолютной ненавистью, как двести лет назад к североамериканским индейцам, на которых они были похожи во многих важных отношениях. Их целью был грабеж. Они скитались в поисках более плодородных земель и более благоприятного неба. Они были склонны к завоеваниям, грабежу и насилию. Их называли Северными ордами — варварами, — и даже их пороки преувеличивались. Они действительно были самыми грозными и устрашающими врагами; и, побежденные в битве, они сплачивали свои силы и продвигались вперед с новыми силами.

[Примечание: Готы.]

Первыми из этих тевтонских варваров, совершивших успешные набеги, были готы. Я сейчас не имею в виду кельтские народы, которые были полностью покорены и включены в состав империи до восшествия на престол императоров. Я также не говорю о германцах, которых Марий победил за сто лет до христианской эры, или о германских племенах, совершавших безуспешные набеги во время правления предыдущих императоров. Август, должно быть, испытывал печальные предчувствия опасности, когда его полководец Вар потерпел позорное поражение от меча Армина в темных закоулках Тевтобургского леса, даже когда Карл Великий закрыл лицо своими железными руками, когда увидел вторжение нормандских пиратов на его территорию. В течение трех столетий шла постоянная борьба между римскими армиями и варварами за Рейном. В правление Марка Антонина они сформировали всеобщий союз для вторжения в римский мир, но потерпели сокрушительное поражение, и великий столп Марка Аврелия описывает его победы на Дунае, который погиб, сражаясь с вандалами, в 180 году нашей эры. В 241 году нашей эры великий Аврелиан сражается с франками близ Майнца, которые, тем не менее, продвигались вперед, пока не пробились в Испанию.

[Примечание: Вторжение готов.]

Самыми грозными врагами Рима были готы. Когда впервые в истории о них заговорили, они населяли берега Балтийского моря. Тацит назвал их готонами. Во времена Каракаллы они мигрировали на побережье Черного моря. Во время правления Александра Севера, 222-235 годы н.э., они угрожали миру в провинции Дакия. При Филиппе, в 244-249 годах н.э., им удалось завоевать эту провинцию и проникнуть в Мосию. В 251 году они столкнулись с римской армией под командованием Деция, которую они уничтожили, а сам император был убит. Затем они продолжили свои опустошительные действия вдоль берегов Эвксинского залива, пока не стали хозяевами Крыма. С большим флотом плоскодонок они проплыли во все северные районы Эвксинского полуострова, взяли Питий и Трапезу, напали на богатые города на Фракийском Босфоре, завоевали Халкидон, Никомедию и Ниццу и отступили, нагруженные добычей. На следующий год с пятьюстами лодками — их нельзя назвать кораблями — они продолжили свое разрушительное плавание, разрушили Кизик, пересекли Эгейское море и высадились в Афинах, которые разграбили. Фивы, Аргос, Коринф и Спарта не смогли защитить свои полуразрушенные укрепления. Они продвинулись к берегам Эпира и опустошили весь Иллирийский полуостров. В ходе этой разрушительной экспедиции они разрушили знаменитый храм Дианы в Эфесе с его ста двадцатью семью мраморными колоннами высотой шестьдесят футов и интерьером, украшенным отборнейшими скульптурами Праксителя. Но в конце концов они устали от опасностей и тяжелого труда и вернулись через Мосию в свои собственные поселения. Хотя это вторжение было скорее набегом, чем завоеванием, все же что мы должны думать о военной мощи империи и состоянии общества, когда менее чем через триста лет после того, как Август закрыл храм Януса, пятнадцати тысячам недисциплинированных варваров, не имевшим даже вождя с исторической славой, было позволено разорить самую густонаселенную и возделанную часть империи, даже классические города, оказавшие сопротивление персидским войскам, и уйти целыми и невредимыми со своей добычей? Император Галлиен, один из самых легкомысленных из всех цезарей, воспринял известие с эпикурейским безразличием и предался бесславному удовольствиям; и как Нерон, как говорят, играл на скрипке, пока его столица лежала в руинах, так и он в этой чрезвычайной ситуации

тратил свое время на садоводство и кулинарное искусство, и его придворные-идолопоклонники превозносили его как философа и героя.

На самом деле, это вторжение готов рассматривалось не с той тревогой, которую оно должно было вызвать, а скорее как случайное зло, подобное эпидемии или чуме. Более того, это было упущено из виду в общей нищете и несчастьях того времени. Император Валериан только что потерпел поражение и был взят в плен Сапором. Претенденты на императорский титул появились в девятнадцати разных местах. Бандиты сеяли опустошение на Сицилии.

Александрию охватили беспорядки. Голод и чума свирепствовали в течение десяти лет почти во всех частях империи. Рим ежедневно терял от эпидемии пять тысяч человек, в то время как половина жителей Александрии была сметена. Солдаты, тираны, варвары и Божье посещение угрожали гибели римского мира.

Но разрушение было отложено на сто лет благодаря трудам и гению ряда великих князей, которые вели свое происхождение от воинственной провинции Иллирик. И все, что было в силах сделать императоры, было сделано для того, чтобы остановить разрушение. Ни одной империей никогда не управляла череда лучших и более великих людей, чем бедствия того времени, вызванные смертью Галлиена в 268 году нашей эры. Но что толку от энергии и талантов правителей, когда нация обречена на гибель? Мы испытываем глубочайшее восхищение героями империи, которые несли бремя трона в те дни скорби. Им удалось восстановить древнюю славу — но за славой последовал более глубокий позор. Они пытались совершить невозможное, когда их подданные погрязли в лени и деградации.

[Примечание: Успех и поражение готов.]

Клавдий, один из полководцев Галлиена, был облачен в пурпур в возрасте пятидесяти четырех лет. Он восстановил военную дисциплину, возродил законность, подавил беспорядки и направил свои мысли на предотвращение варварских вторжений. Различные народы Германии и Сарматии, объединившись под готским знаменем и на шести тысячах судов, снова приготовились опустошать мир. Отплыв от берегов Днестра, они пересекли Эвксинский полуостров, прошли через Босфор, бросили якорь у подножия горы Афон и напали на Фессалоники, богатую столицу македонских провинций. Клавдий двинулся навстречу этим тремстам двадцати тысячам варваров. При Наиссе, в Далмации, произошло одно из самых запоминающихся и кровопролитных сражений древних времен, но не одно из самых решающих. Пятьдесят тысяч готов были убиты в той ужасной битве. На каждого имперского солдата приходилось по три готские женщины. Смущенные воины в ужасе бежали, но их отступление было отрезано уничтожением их флота; и с наступлением весны могучее войско превратилось в отчаянный отряд в недоступных частях горы Хемус.

[Примечание: Победы Клавдия.]

Клавдий пережил свою победу всего на два года, и ему наследовал в 270 году н.э. еще более великий человек — его полководец Аврелиан, отец которого был крестьянином из Сирмия. Каждый день его короткого правления был наполнен чудесами. Он положил конец готской войне; он наказал германцев, вторгшихся в Италию; он вернул Галлию, Испанию и Британию из рук узурпатора; он разрушил гордую монархию, которую Зенобия воздвигла в пустынях Востока; он разбил алеманнов, которые с восьмьюдесятью тысячами пехотинцев и сорока тысячами

всадников опустошили страну от Дуная до По; и, что не менее важно, он взял в плен саму Зенобию — одну из самых знаменитых женщин древности, равную Клеопатре по красоте, Елизавете по учености и знатности характера. Артемизия в доблести — женщина, сочетавшая популярные манеры римских принцев с величавой пышностью восточных королей.

Зенобия, царица Пальмиры, вдова Одената, правила значительной частью Малой Азии, Сирии и Египта и с многочисленной армией двинулась навстречу императорским легионам. Побежденная в двух катастрофических битвах, она удалилась в прекрасный город, построенный Соломоном, затененный пальмами, украшенный дворцами и богатый восточными сокровищами. Затем, снова атакованная своим упорным врагом, она оседлала самого быстрого из своих дромадеров, но была настигнута на берегах Евфрата и доставила пленника в палатку воинственного императора, в то время как Пальмира, ее столица, со всеми ее богатствами, попала в руки завоевателя.

[Примечание: Успехи Аврелиана.]

Аврелиан вместе с надменной царицей, осмелившейся восстать с оружием в руках против империи, вернулся к успехам Рима, и тогда был отпразднован самый великолепный триумф, который мир видел со времен Помпея и Цезаря. И с момента основания города ни один завоеватель не заслуживал триумфа в большей степени, чем этот добродетельный и суровый солдат удачи. И когда августейшая процессия со всей помпой и военными обстоятельствами двинулась по Виа Сакра, вверх по Капитолийскому холму и остановилась у Храма Юпитера, чтобы получить благословение жрецов и поместить в его священные стены сокровища Востока, могло показаться, что Риму суждено преодолеть обычную судьбу народов и править какладычица мира *per secula seculorum*.

Но это грандиозное зрелище было лишь одним из последних блистаний заходящего солнца римского величия. У Аврелиана не было ни мира, ни покоя. "Боги повелели, - сказал нетерпеливый император, - чтобы моя жизнь была постоянной войной". Ему пришлось выступить на поле боя через несколько месяцев после своего триумфа, и он был убит, но не в битве, а от рук убийц — обычная участь его предшественников и преемников - "обычные врата", через которые цезари отправлялись на свой счет к вечному Судье. Он хвастался, что общественная опасность миновала — "*Эго эффективно, а не сидеть сложа руки*". *Nos publicae necessitates teneant; vos occupent voluptates.*" Но едва этот воинственный монарх спел свой реквием волнениям Рима, как возникли новые опасности, и его скипетр перешел к мужчине семидесяти пяти лет от роду.

Однако новый император Тацит был достоин своего трона. Он был выбран как самый подходящий человек, которого только можно было найти. Едва он вступил в должность, как был вынужден выступить против аланов, которые распространили свои разрушительные действия на Понт, Каппадокию, Киликию и Галатию. Он погиб, хотя и добился успеха в сражении, среди тягот зимней кампании, и Проб, один из его генералов, который когда-то был иллирийским крестьянином, был облачен в императорский пурпур в 278 году нашей эры.

[Примечание: Успехи Пробуса.]

Этому энергичному монарху было тогда сорок пять лет, он был в расцвете сил, пользовался популярностью в армии, отличался патриотизмом и широтой взглядов. Он правил шесть лет и снискал славу, равную славе древних героев. Он восстановил спокойствие и порядок во всех

провинциях империи; он нарушил мощность сарматских племен; он укрепил Союз Готского народа; он вел Исавряне их крепости среди гор; он наказывал непокорных городов Египта; он выступил из Галлии германских варваров, которые вновь наводнили империю о смерти Аврелиана, он прогнал Франков в их болотистым в устье Рейна; он победил бургундов, кто забрел в поисках трофеев с берегов Одера; он победил Lygii, свирепое племя от границ Силезии и взял их атаман Semno жив; он умер Рейна и преследовал своих побед до Эльбы, взыскивая дань зерно, скот, и лошадей, от побежденных немцев; он даже воздвиг оплот против своих будущих посягательств—за каменной стеной в две сотни миль в длину, через долины и холмы, и реки, от Дуная до Рейна—защита слабая, конечно, но, например, чтобы возбудить интерес его возраста; он, кроме того, разогнали пленных варваров в провинциях, которые были впоследствии Вооруженных в обороне империи, и чьи братья были вынуждены проводить расчеты с ними, так что, наконец, "там не осталось во всех регионах", - говорит Гиббон, "враждебный варвар, тиран, или даже разбойник."

Уничтожив четыреста тысяч варваров, победитель вернулся в Рим и, подобно Аврелиану, отпраздновал свои успехи одним из тех великолепных триумфов, которым современные нации не имеют аналогов. Затем он снова, подобно завоевателю Зенобии, взошел на Фасгу надежды и окинул взором сатурнианские века, которые, как он полагал, в его видении Мира должны были последовать за его победами. *"Respublica orbis terrarum, ubique secura, non arma fabricabit. Boves habebuntur aratro; equus nasciter ad pacem. Nulla erunt bella; nulla captivitas. Aeternes thesauros haberet Romana respublica."* Но едва пеаны ускользнули от него, как, в свою очередь, он был убит во время мятежа собственных войск — человек добродетельный и способный, хотя его суровый нрав незаметно, под влиянием военной мощи, перерос в тиранию и жестокость.

Без одобрения Сената солдаты избрали нового императора, и он тоже был героем. Едва Кар принял пурпур в 282 году н.э., как в разгар зимы выступил против персов через Фракию и Малую Азию, и послы персидского царя застали нового императора мира сидящим на траве за скромным ужином из бекона и гороха с той суровой простотой, которая впоследствии отличала первых преемников Мухаммеда. Но прежде чем он успел переправить свое победоносное оружие через Тигр, он внезапно скончался в своем шатре, пораженный, как некоторые думают, молнией. Его сын Карин был недостоин трона, на который он наследовал, и его правление запомнилось главным образом великолепием его игр и празднеств. Его правление и правление его брата Нумериана было, однако, коротким, и еще более великий человек, чем кто-либо из взошедших на трон цезарей со времен Августа, встал у руля в самый критический период римской истории, 285 год н.э.

[Прим. автора: Диоклетиан.]

Этим человеком был Диоклетиан, получивший печальную известность в церковной истории как самый ожесточенный гонитель, который когда-либо был у христиан; человек неизвестного происхождения, но обладавший самыми выдающимися способностями и фактически основатель новой империи. Он считал невозможным нести общественное бремя в столь беспорядочный и дезорганизованный век, когда варвары угрожали каждой провинции, и он объединил с собой трех коллег, которые прославились в войнах Аврелиана и Кара и все они оказали значительные услуги — Галерия, Максимиана и Констанция. Эти четыре цезаря, сознавая опасность, угрожавшую империи, поселились в отдаленных провинциях. Все они были великими полководцами и одержали великие победы на берегах Рейна и Дуная, в Африке и

Египте, в Персии и Армении. Их жизнь проходила в лагере; но заботы, досада и недовольство преследовали их. Варваров постоянно били, но они постоянно продвигались вперед. Их продвижение напоминает прилив на бушующем пляже. Волна за волной разбиваются о берег, отступают, возвращаются, и ничто не может остановить постепенное продвижение вод. Таким образом, в течение ста лет после Галлиена волна за волной постоянно возникали варварские вторжения, отступали, возвращались с новыми силами. Героические императоры неизменно были победителями; но их победы были напрасны. Они постоянно отвоевывали мятежные провинции, или низвергали узурпаторов, или наказывали варваров, которые набирались сил после каждого поражения и становились все более ненасытными в своих требованиях и неумолимыми в своей воле. Они были полны решимости победить, и величайшие полководцы Римской империи в течение четырехсот лет не могли подчинить их, хотя и могли победить.

[Примечание: Константин.]

Империя снова объединена при Константине после кровопролитных гражданских войн в 324 году н.э., через тридцать четыре года после того, как Диоклетиан разделил свою власть и провинции со своими единомышленниками. Он возобновляет войну против готов и сарматов, сурово наказывает их, а также других врагов Рима и умирает, оставляя империю своему сыну, который не справился с возложенной на него задачей. Бесславное правление Констанция и Галла только позволило варварам восстановить свои силы. Они потерпели сокрушительное поражение от императора Юлиана в 360 году н.э., который единственный выжил из всех наследников Констанция Хлора. Прилежный Юлиан, который считался простым философом, оказался одним из самых воинственных императоров. Он дает отпор алеманнам, побеждает франков, освобождает Галлию и с триумфом переносит римских орлов за Рейн. Его победы задерживают гибель империи; они не приводят к завоеванию Германии, и он умирает, смертельно раненный, но не германским копьем, а копьем персидского всадника, за Тигром, в неудачном предприятии против Сапора, 363 г. н.э.

[Примечание: Новые вторжения варваров.]

После его смерти опустошительные действия варваров стали еще более страшными. Алеманны вторгаются в Галлию в 365 году н.э., персы возвращают Армению, бургунды появляются на Рейне, саксы нападают на Британию и распространяются от Стены Антонина до берегов Кента, готы готовятся к новому вторжению; в Африке происходит крупное восстание под предводительством Фирмауса. Империя потрясена до самого своего центра.

Валентиниан, солдат удачи и способный полководец, теперь носит императорский пурпур. Как и Диоклетиан, он оказывается неспособным нести бремя своего трона. Он избирает союзника, разделяет империю и отдает Валенту восточные провинции. Всякая идея о мирном правлении и передаче бразд правления удовольствиям исчезла из сознания императора. Должность императора требует самых суровых добродетелей, самых суровых качеств и самых непрестанных трудов. "Неспокойно сидит голова, носящая корону", - теперь можно сказать обо всех последующих императорах. День прошел для удовольствий или помпезности. Присутствие императора требуется то здесь, то там. Валентиниан энергично правит и добивается успехов над варварами. Он один из великих людей своего времени. Он оставляет за собой западные провинции и устанавливает свою резиденцию в Милане, но не может сохранить спокойствие и умирает в приступе гнева от разрыва кровеносного сосуда, оскорбляя послов Квади, в 375 году н.э., в возрасте пятидесяти четырех лет.

[Примечание: Бедствия Валента.]

Его брат Валент, император Востока, не обладал ни его талантами, ни энергией, и ему было суждено увидеть первые крупные успешные набеги готов. В течение тридцати лет римляне охраняли свои границы, а готы расширяли свои владения. Германрик, первое известное историческое имя среди них, правил всей нацией и одержал ряд блестящих побед над другими племенами варваров после того, как ему исполнилось восемьдесят лет. Его владения простирались от Дуная до Балтики, включая большую часть Германии и Скифии. В 366 году его подданные, соблазненные междоусобицами, вызванными Прокопием, вторглись во Фракию, но встретили сопротивление полководцев Валента. Престарелый Германрик был взбешен этим несчастьем и начал готовиться к всеобщей войне, в то время как сам император вторгся на готские территории. В течение трех лет война продолжалась с переменным успехом на берегах Дуная. Германрик доверил защиту своей страны Атанариху, который потерпел поражение в кровопролитной битве, и с Виктором и Аринтеем, военачальниками Валента, был заключен фиктивный мир. Готы сохраняли спокойствие в течение шести лет, пока, гонимые скифами, которые в огромном количестве вышли из замерзших областей севера, они снова не продвинулись к Дунаю и не обратились за помощью к Валенту. [Примечание: см. Аммиан Марцеллин, род. ххi, из которого Гиббон в основном черпал свои повествования.] Молитвы готов были услышаны, и они были переправлены через Дунай — самоубийственный поступок императора, который ввез двести тысяч воинов с их женами и детьми на римские территории. Готы сохранили свое оружие и свою жадность и притворились, что мирно обосновались в провинции Мосия. Но они были беспокойными и недисциплинированными варварами, и требовалась величайшая ловкость, чтобы управлять ими в их новых обиталищах. Они были наглы и неразумны в своих требованиях и ожиданиях, в то время как министры императора были деспотичны и продажны. Вскоре возникли трудности, и император слишком поздно понял, что он завел самых опасных врагов в сердце империи.

[Примечание: Фритигерн, предводитель готов.]

[Примечание: Смерть императора Валента.]

Великим вождем этих готов был Фритигерн, который вскоре разжег пламя войны. Он объединил под своим знаменем все различные племена своего народа, усилил их вражду и повел их к устью Дуная. Там на них напали наместники Валента, и произошла битва без иного результата, кроме как приостановить на время продвижение готов. Но только на время. Различные племена варваров под умелым командованием Фритигерна, чья хитрость была равна его храбрости, продвинулись к пригородам Адрианополя. Под стенами этого города в 378 году нашей эры произошла самая катастрофическая битва за имперское дело, которая записана в анналах римской истории. Сам император был убит вместе с двумя третями всей своей армии, в то время как остальные в ужасе бежали. Шестьдесят тысяч пехотинцев и шесть тысяч кавалеристов пали смертью храбрых на кровавом поле боя — на треть больше, чем в роковой битве при Каннах. Самый знаменитый оратор того времени, хотя и язычник, [Примечание: Либаний Антиохийский.] произнес надгробную речь по побежденной армии и приписал катастрофу не трусости легионов, а гневу богов. "Ярость готов, - говорит святой Иероним, - распространялась на все существа, обладающие жизнью: на зверей полевых, птиц небесных и рыб морских". Победители, опьяненные своим первым большим успехом, осадили Адрианополь, где были сложены огромные богатства. Но они были не в состоянии справиться с задачей взятия столь

укрепленного города; и когда жители пришли в себя в пароксизме отчаяния, они сняли осаду и отправились разорять более незащищенный Запад. Нагруженные добычей, они отступили к западным границам Фракии, а оттуда рассеяли свои силы до границ Италии. От берегов Босфора до Юлийских Альп не было видно ничего, кроме пожаров, убийств и опустошений. Церкви превращались в конюшни, дворцы сжигались, бесценные произведения уничтожались, мощи мучеников осквернялись, самые плодородные провинции разорялись, население сокращалось, земля зарастала лесами, земледелие приостанавливалось, а отчаяние и страх овладевали умами всех классов. Несчастье иллирийских провинций было так велико, что впоследствии они так и не оправились и в течение десяти столетий поставляли материалы только бродячим грабителям. Империя никогда не видела такого дня бедствия.

[Примечание: Отчаянное положение римлян.]

Это печальное положение дел, столь отчаянное и повсеместное, требовало избавителя и героя; но где было найти героя? Теперь ничто, кроме сверхспособностей, не могло остановить свержение. Кто должен унаследовать вакантный трон Валента?

[Прим. автора: Феодосий.]

[Примечание: Его характер и выдающиеся деяния.]

Император Грациан, управлявший скипетром Валентиниана на Западе в этот тревожный кризис, обратил свой взор на изгнанника, отец которого был несправедливо казнен с его собственного разрешения три года назад. Этим человеком был Феодосий, живший тогда на скромном покое на своей ферме в Испании, недалеко от Вальядолида, такой же честолюбивый, как Давид среди своих овец, такой же довольный, как Цинциннат за плугом. Великих освободителей часто избирают с самых скромных должностей; но ни один мировой герой, ни в древние, ни в современные времена, не был более прославлен, чем Феодосий, своей скромностью и великодушием, соединенными с великими способностями. Нет человека дороже Церкви, чем он, как за его заслуги, так и за его добродетели. Красноречивый Флечье прославил его, как Боссюэ изобразил принца Конде. Даже Гиббон откладывает в сторону свои насмешки, восхваляя этого великого христианского императора, хотя его характер не был безупречен. Он скромно, но с готовностью принял освободившийся скипетр и ведение готской войны. Ему было тридцать три года, он гордился своей силой и был хорошо обучен либеральным устремлениям. Грациан не мог бы сделать лучшего выбора. Он был так же благоразумен, как Фабий, так же великодушен, как Ричард, так же настойчив, как Альфред, так же всеобъемлющ, как Карл Великий, так же благодетелен, как Генрих IV, так же богат ресурсами, как Фредерик II. Один из величайших императоров и последний великий человек, который управлял скипетром своего предка Траяна, его правление заслуживает слишком высокой оценки, поскольку он живет в такую эпоху, подвергается стольким опасностям, сталкивается со столькими трудностями. Он был последним мерцающим огоньком умирающей монархии, любимым и почитаемым всеми классами своих подданных. "Простонародье с восхищением взирало на мужественную красоту его лица и изящное величие его особы, которые они с удовольствием сравнивали с изображениями и медалями императора Траяна; в то время как умные наблюдатели находили в сердечных качествах и разуме более важное сходство с лучшим и величайшим из римских императоров". [Сноска: Гиббон, глава ii. xxvi.]

Мистер Лонг из Оксфорда в прекрасном замечании о Феодосии считает, что восхваления Гиббона экстравагантны и что император, вероятно, был сластолюбцем и гонителем. Но Гиббон не склонен восхвалять любимцев Церкви. Тийемон представляет его в том же свете, что и Гиббона. [Примечание: Tillemont, *Hist. des Emp.* vol. v.] Человек, который мог бы понести такую епитимью, какую наложил Амвросий за Фессалоникийскую резню, не мог быть отлит по образцу, отличному от самого старого Давида. Со своей стороны, я восхищаюсь его характером и его поступками.

[Примечание: Поражение готов.]

Как только он был облачен в пурпур, он безраздельно отдал всю свою энергию возложенной на него великой задаче; но ему так и не удалось полностью отомстить за битву при Адрианополе, которая была одним из решающих сражений мира по своим конечным результатам. У него были таланты, энергия и благоразумие, но он был окружен невозможным. Тем не менее, он на какое-то время предотвратил разорение. Смерть Фритигерна обуздала страсти варваров, и они могли бы спровоцировать новые восстания, если бы не подчинились власти Атанариха, которого император пригласил в свою столицу, пировал за его столом и был поражен его богатством и славой. Вестготы, завоеванные политикой или любезностью Феодосия, стали подданными империи. Остготы, которые четыре года назад ушли из придунайских провинций, вернулись завербованными с отрядом гуннов и переправились через Дунай, чтобы напасть на римскую армию, но были разбиты Феодосием; и с ними был заключен договор, по которому они были поселены во Фригии и Лидии. Сорок тысяч из них состояли на службе у императора; но они были сомнительными союзниками, как показали последующие события, даже при жизни великодушного императора. [Сноска: Зосима, i. 4.]

[Примечание: Гонорий и Аркадий.]

Феодосий умер в Милане на руках Амвросия в 395 году нашей эры, и с его смертью начинается настоящая драма падения Рима. Его империя была разделена между двумя его сыновьями, Гонорием и Аркадием, которые были недостойны или неравноправны в сохранении своего великого наследства. Варвары, освобожденные от ограничений, налагаемых страхом перед Феодосием, возобновили свои объединения и опустошительные действия, в то время как солдаты империи были подавлены и обессилены. Примерно в это же время они сбросили свои защитные доспехи, не способные выдержать вес кирасы и шлема; и даже тяжелое оружие их предков, короткий меч и пилум, были заменены луком — самым заметным отступлением в военном искусстве. Без защитных доспехов, даже без щита, они были беззащитны перед смертоносными снарядами своих врагов и обращались в бегство при первых серьезных атаках, особенно кавалерийских, в которых готы и гунны преуспели.

[Примечание: Аларих, король вестготов.]

История почти не обращала внимания на вождей различных племен варваров, пока не появился Аларих, способный преемник Фритигерна. Он принадлежал ко второму по знатности роду своей нации и впервые появляется в истории как полководец готских вспомогательных войск в войне Феодосия против Евгения в 394 году нашей эры. В 396 году, побуждаемый гневом, или честолюбием, или подстрекательством Руфина, [Примечание: Сократ, *Экклз. Hist.*, vii. 10.] он вторгся в Грецию во главе могущественного отряда и опустошил страну. Он спустился с равнин Македонии и Фессалии и вступил в классическую страну, которая долгое время

избегала разрушений войны, через Фермопильский проход. Полуоруженные солдаты-дегенераты теперь защищали узкий проход, где триста героев когда-то остановили продвижение персидских войск. Но Греция больше не была Грецией. Солдаты бежали по мере продвижения Алариха, и плодородные поля Фокиды и Беотии были сразу же покрыты враждебными и жестокими варварами, которые убивали мужчин и насиловали женщин во всех деревнях, через которые они проходили. Афины купили ее сохранение огромным выкупом. Коринф, Аргос, Спарта сдались без единого удара, но не избежали участи побежденных городов. Их дворцы были сожжены, их произведения искусства уничтожены, их женщины подверглись унижениям, которые были хуже смерти, а их семьи были порабощены. [Сноска: Гиббон, глава xxx.]

[Примечание: Преемственность готов.]

У слабого и запуганного Аркадия оставалась только одна надежда, и это были мастерство и мужество Стилихона, вандала по происхождению, но который продвинулся по службе императору до тех пор, пока Феодосий фактически не доверил ему опеку над своими сыновьями и империей. Он был наместником Гонория, который женился на его дочери, но, вызванный опасностями Аркадия, выступил вперед, чтобы дать отпор захватчикам Греции, которые не встретили никакого сопротивления от Фермопил до Коринфа. Последовала отчаянная кампания в лесистой стране, где, по легенде, в незапамятные времена обитали Пан и Дриады. Римляне одержали верх, и Алариху грозила неминуемая опасность уничтожения, но его спас слишком самоуверенный дух Стилихона и его снисходительность к удовольствиям выродившихся греков. Он добился своего освобождения, прорвав ряды осаждающих и совершив быстрый марш к Коринфскому заливу, где погрузил на корабль своих солдат, пленников и добычу и благополучно добрался до Эпира, где заключил договор с министрами Аркадия, который он никогда не собирался соблюдать, и даже был назначен главнокомандующим Восточной Иллирией. Успешная война приносит непреодолимую *симпатию* в равной степени как варварам, так и цивилизованным нациям. Нет славы лучше, чем слава воина. Поэты и философы склоняют головы в присутствии великих военачальников; и те люди, которые основывают свои претензии на благодарность или восхищение мира на своем интеллектуальном и моральном превосходстве, одними из первых уступают первенство генералам-завоевателям, независимо от того, невежественны они, или беспринципны, или надменны, или амбициозны. Имена воинов передаются из поколения в поколение, в то время как благодетели разума забыты или обесцениваются. Кого могут удивлять военные амбиции, когда успех на войне неизменно сопровождался такими великолепными наградами, начиная со времен Помпея и Цезаря и заканчивая Мальборо и Наполеоном?

Готский разбойник и убийца был вознагражден своим народом всей силой и славой, которые он мог даровать. Он был провозглашен королем и получил неограниченную поддержку во всех своих будущих начинаниях.

[Примечание: Опасность Италии.]

Он обратил свой взор на Италию, на протяжении многих поколений не запятнанную присутствием внешнего врага и обогатившуюся трофеями трехсот триумфов. Он прошел маршем из Фессалоник через Паннонию к Юлийским Альпам; прошел через ущелья этих охраняемых гор и предстал перед стенами Аквилеи, одного из важнейших городов Северной Италии, обогащенного золотыми рудниками соседних Альп и процветающей торговлей с

иллирийцами и паннонцами. Здесь великий Юлий устроил свою штаб-квартиру, когда воевал с Иллирией, и здесь был убит младший Константин. Это была столица Венеции, и здесь располагался монетный двор. Это был девятый город всей империи, уступавший в Италии только Риму, Милану и Капуе. Он был расположен на равнине и был сильно укреплен стенами и башнями. И, похоже, она устояла перед атаками Алариха, который удалился на Дунай за подкреплениями для нового похода.

[Примечание: Стилихон командует римлянами.]

Император Гонорий, слабый, робкий и незащитный в Милане, был охвачен страхом и умолял о немедленной помощи своего единственного надежного полководца. Стилихон откликнулся на призыв и оценил опасность. Он созвал со всех сторон подданных или союзников императора. Крепости на Рейне были оставлены; легионы выведены из Британии; аланы были привлечены в качестве вспомогательных войск, и Стилихон выступил на помощь своему беглому государю, бежавшему из Милана в город в Пьемонте, как раз вовремя, чтобы вырвать его из рук Алариха, который, в свою очередь, был осажден войсками, вышедшими со всех перевалов Альп. Готы подверглись нападению в своих укреплениях при Поллентии и были вынуждены отступить, оставив добычу в Коринфе и Аргосе и даже жену Алариха. Поэт Клавдиан прославлял эту победу как более великую, чем даже та, которую одержал Марий над кимврами и тевтонами. Однако побежденный гот превзошел все невзгоды и опасности. Он бежал с основными силами своей кавалерии, прорвался через Апеннинские перевалы, опустошил плодородные поля Тосканы и был полон решимости рискнуть еще одним сражением ради великой награды, которой он так жаждал, — владения самим Римом. Однако ему помешал Стилихон, который купил отступление врага за сорок тысяч фунтов золота. Но готы не соблюдали никаких договоров. Едва они перешли реку По, как их предводитель решил захватить Верону, которая господствовала над перевалами Ретийских Альп. Здесь он снова подвергся нападению Стилихона и понес потери, равные тем, что были понесены при Поллентии, и был вынужден отступить из Италии в 404 году н.э.

[Примечание: Увлечение римлян.]

Победителя приветствовали с радостью и благодарностью; слишком скоро на смену ему пришли зависть и клевета, как это обычно бывает с благодетелями в порочные времена. Отступление Алариха было расценено как полное избавление, и римский народ предавался нелепым ликованиям, гладиаторским зрелищам и триумфальным процессиям. В царских колесницах бок о бок с императором восседал Стилихон, и процессия прошла под триумфальной аркой, ознаменовавшей полное уничтожение готов. В последний раз римский амфитеатр был осквернен кровью гладиаторов, ибо Гонорий, увещиваемый поэтом Клавдианом, навсегда отменил бесчеловечные жертвоприношения.

[Примечание: Новые орды варваров.]

[Примечание: Опустошение Галлии.]

Однако едва Италия была освобождена от готов, как с побережья Балтийского моря началось вторжение вандалов, свевов и бургундов под предводительством Родогаста или Радагаста, насчитывавшего двести тысяч воинов, не считая такого же числа женщин и детей. Треть из них пересекла Альпы, По и Апеннины, razорила города Северной Италии и осадила Флоренцию, которая была доведена до крайней необходимости, когда победитель при Поллентии появился

под ее стенами с *последней* армией, которую могла предоставить империя, и ввела припасы. Более того, он, в свою очередь, окружил врага сильными укреплениями, и варварское воинство было вынуждено уступить. Предводитель Родогаст был обезглавлен, а пленники проданы в рабство. Стилихон во второй раз освободил Италию, но сто тысяч варваров все еще оставались с оружием в руках между Альпами и Апеннинскими горами. Изгнанные из Италии, они вторглись в Галлию и с тех пор никогда не отступали за Альпы. Галлия была тогда одной из самых культурных римских провинций; берега Рейна были покрыты фермами и виллами, а мир и изобилие издавна приучали людей к роскоши и покою. Но все внезапно изменилось, и менялось на протяжении поколений. Богатые кукурузные поля и плодородные виноградники превратились в пустыню. Менц был разрушен и сожжен. Вормс пал после упорной осады, и его постигла та же участь. Страсбург, Шпир, Реймс, Турне, Аррас, Амьен перешли под германское иго, и пламя войны охватило семнадцать провинций Галлии. Страна была полностью опустошена, и все классы испытывали безжалостную жестокость. Епископы, сенаторы и девственницы были одинаково порабощены. Никакое отступление не соблюдалось, и ни пол, ни положение не щадились. Галлия перестала существовать как римская провинция.

[Примечание: Убийство Стилихона.]

Однако Италия на какое-то время была освобождена, причем единственным способным человеком, оставшимся на службе императору. Возможно, он остановил бы дальнейшее продвижение готов, если бы слабый император доверился его руководству. Но императорская зависть и голоса фракций навсегда лишили Рим этой последней надежды. Легкомысленный сенат, который он спас, и робкий император, которого он охранял, были одинаково безумны. Спаситель Италии был объектом страха и ненависти, и кинжал убийцы, оборвавший его дни, нанес смертельный и самоубийственный удар по самому Риму.

[Примечание: Аларих опустошает Италию.]

[Примечание: Рим без защитников.]

Готский король в своем отдаленном лагере на границах Италии с нескрываемой радостью наблюдал за интригами и группировками, которые лишили императора его лучшего защитника и поставили над его последней армией некомпетентных генералов. Итак, ускорив свои приготовления, он снова подобно лавине обрушивается на равнины Италии. Аквилея, Алтинум, Конкордия и Кремона покорились его оружию и увеличили его силы. Затем он опустошил побережье Адриатики и, следуя путем Фламиния, пересек Апеннинские перевалы, опустошил плодородные равнины Умбрии и беспрепятственно достиг города, который в течение шестисот лет не подвергался нападению чужеземного врага. Но Рим был уже не таким, каким он был, когда Ганнибал привел своих африканцев к его воротам. Действительно, она была окружена более обширными укреплениями и содержала в своих стенах, которые имели двадцать одну милю в окружности, большое население. Но где были ее сто пятьдесят тысяч воинов? Где были хотя бы три армии, выстроенные в боевой порядок, которые противостояли карфагенскому вождю? Она может похвастаться сенаторов, которые возводили свою родословную к Сципионов и Гракхов; она могла перечислить одна тысяча семьсот восемьдесят дворцов, резиденции богатых и гордых семей, многие из которых были равными в любой город, в том числе в их стенах, рынки, ипподромы, храмы, фонтаны, бани, портики, рощи и вольеры для птиц; она могла сказать в Сенат доходом в четыре тысячи фунтов золота, около восьмисот тысяч долларов в год, без учета кукурузы, масло и вино, который равнялись триста тысяч долларов

больше—люди настолько богаты, что могли позволить себе потратить пять тысяч долларов в популярный фестиваль, и это в то время, когда золото стоило, по крайней мере, в восемь раз больше, чем его нынешнее значение, она могла бы с гордостью ее словам христианских святых, один из которых, знаменитый Паула, другом Святого Иеронима, был индивидуальный предприниматель из города Никополь, который основал август в честь победы над Антонием; она может рассчитывать двух миллионов жителей, тесно в узких улочках, и четыреста тысяч человек-любитель удовольствий, которые добивались ежедневно в цирк или в театр, и три тысячи публичных танцовщиц, и три тысячи исполнителей, которые пытались скоротать время ленивый сброд, которые кормились за общественный счет, и кто, за небольшую медную монету, мог бы отмыть свои грязные тела в мраморные термы Диоклетиана и Карагаллы; но где были ее защитники—где были ее легионы?

[Примечание: Аларих осаждает Рим.]

[Примечание: Позорные условия мира.]

День возмездия настал, и спасения не было. Аларих не предпринимал попыток штурмовать город, но спокойно сел и окружил несчастных горожан кордоном, через который ничто не могло пробиться. Он прервал все сообщения со страной, перехватил судоходство по Тибру и командовал двенадцатью воротами. Город, не подготовленный к осаде и никогда не мечтавший о таком бедствии, вскоре ощутил на себе все бедствия голода, к которым добавились бедствия мора. Они с жадностью поглощали самую отвратительную пищу, и, как говорят, даже матери пробовали мясо своих убитых детей. Тысячи людей ежедневно погибали в домах, и общественные склепы отравляли воздух. Наконец отчаяние овладело надменными горожанами, и они умоляли готского короля о милосердии. Он высмеивал послов, которых отправили угощать, и оскорблял их грубыми шутками. Наконец он снизошел до того, чтобы пощадить жизни людей при условии, что они отдадут все свое золото и серебро, все ценное движимое имущество и всех своих рабов варварского происхождения. Впоследствии были предоставлены более умеренные условия; но победитель не отступал до тех пор, пока не нагрузил свои повозки большим количеством богатств и освобожденных пленников, чем римляне привезли из Карфагена и Антиохии. Он удалился на плодородные поля Тосканы, чтобы вступить в переговоры с Гонорием; и только при условии, что он будет назначен главнокомандующим армиями императора с ежегодной субсидией зерном и деньгами и свободным владением провинциями Далмация, Норикум и Венеция в качестве резиденции своего королевства, он даровал мир императору, который укрепился в Равенне. Эти условия были проигнорированы, и Аларих снова повернулся лицом к Риму. Он овладел Остией, одним из самых грандиозных произведений римского великолепия, и римский порт был защищен, город снова оказался в его власти. И снова Сенат, опасаясь голода и побуждаемый населением, согласился с требованиями завоевателя. Он назначил императором Атика, префекта города, вместо сына Феодосия и получил от него должность главнокомандующего западными армиями.

[Примечание: Аларих захватывает Рим.]

[Примечание: Страдания римлян.]

У нового императора было несколько дней процветания, и большая часть Италии подчинилась его правлению при поддержке готских войск. Но, в конце концов, он был всего лишь марионеткой в руках Алариха, который использовал его как инструмент и отбрасывал в сторону,

когда это соответствовало его целям. После недолгого правления Аттик был низложен, и между Аларихом и Гонорием состоялись возобновленные переговоры. Император, получив временное облегчение, окончательно порвал с варварами, которые держали Италию в своей власти, и Аларих, мстительный и возмущенный, снова отправился в Рим, теперь уже решившись на грабеж и месть. Тщетно дворяне организовывали оборону. Трусость и предательство открыли салиарские ворота. Никакой Гораций не удержал мост. Никакой Сципион не поднялся до последней крайности. Глубокой ночью на улицах без ответа зазвучала готическая труба. Королева Мира, Вечный город, стал добычей свирепых солдат. В течение пяти дней и ночей она подвергалась всяческому варварству и вседозволенности. Были спасены только сокровища, собранные в церквях святого Петра и святого Павла. Хотя похититель обещал пощадить жизни людей, была устроена жестокая резня, и улицы были заполнены мертвецами. Сорок тысяч рабов были выпущены на свободу кровавыми завоевателями для удовлетворения своих давно подавляемых страстей похоти и мести. Римские матроны и девственницы подвергались всяческому унижению и терпели каждое оскорбление. Город был брошен на разграбление, были разграблены даже дворцы и их дорогая мебель. Буфеты из массивного серебра и пестрые гардеробы из шелка и пурпура были навалены на повозки. Произведения искусства были уничтожены или повреждены. Красивые вазы были переплавлены для сервиза. Дочери и жены сенаторских семей становились рабынями — теми, кто не мог заплатить за них выкуп. Итальянские беглецы толпились на берегах Африки и Сирии, выпрашивая хлеб насущный. Они были разбросаны по разным провинциям, вплоть до Константинополя и Иерусалима. Вся империя была охвачена ужасом. От этой новости язык старого святого Иеронима прилип к небу в его келье в Вифлееме, которая даже была осаждена нищими. "В течение двадцати лет, - воскликнул он, - римская кровь текла от Константинополя до Юлийских Альп. Скифия, Фракия, Македония, Дакия, Эпир, Далмация, Ахайя, две Паннии, - да, он мог бы добавить, Галлия, Британия, Испания и Италия, - все принадлежат варварам. Печаль, убожество, опустошение, отчаяние, смерть повсюду. Что можно увидеть, кроме как одно вселенское кораблекрушение человечества, из которого нет выхода, кроме как на доске покаяния ". Такое же горькое отчаяние исходило от святого Августина. Предполагалось, что конец света близок, и великие церковники того времени находили утешение только в доктрине о том, что второе пришествие нашего Господа близко, чтобы установить новое устройство мира и праведности на земле или явиться в качестве сурового и окончательного судьи среди облаков небесных.

[Примечание: Готы в Италии.]

Через шесть дней готы покинули разоренный ими город и двинулись по Аппиевой дороге в южные провинции Италии, безжалостно уничтожая всех, кто противодействовал их походу, и нагружая себя еще большей добычей. Зерно, вино и масло страны потреблялись в лагере варваров, а прекрасные виллы на побережье Кампании были разрушены или разграблены. Грубые жители Скифии и Германии простирали свои конечности в тени итальянских пальм и заставляли прекрасных дочерей гордых сенаторов павшей столицы прислуживать им, как рабынь, в то время как они потягивали старые фалернские вина из кубков из золота и драгоценных камней. Ничто не остановило карьеру готов. Их победоносный лидер теперь обдумывал вторжение в Африку, но внезапно скончался после непродолжительной болезни, и мир на некоторое время избавился от сильного страха.

[Примечание: Разрушения в других провинциях.]

Его преемник Адольф приостановил военные действия, заключил с императором мирный договор и даже встал под его знамена, чтобы наказать его врагов в Галлии. Но угнетенные провинциалы были жестоко разорены их мнимыми друзьями, которые оккупировали города Нарбонну, Тулузу и Бордо и распространились от Средиземного моря до океана. Адольф женился на Плацидии, сестре Гонория, к сильному унижению министров Гонория. Но этот брак оказался удачным для империи, и готы обосновались в завоеванных ими плодородных провинциях и основали готское королевство. Среди сокровищ, которые готы привезли в Нарбонну, было знаменитое блюдо из чистого золота весом в пятьсот фунтов, украшенное драгоценными камнями и искусно выгравированными фигурами людей и животных. Но этот драгоценный образец римской роскоши не шел ни в какое сравнение со столом, сделанным из цельного изумруда, окруженного тремя рядами жемчужин, поддерживаемого тремястами шестьюдесятью пятью футами драгоценных камней и массивного золота, который был найден в готической сокровищнице при разграблении арабами и который также был одним из украшений сенаторского дворца. [Примечание: Этот изумрудный столик, вероятно, был сделан из цветного стекла. Его оценили в пятьсот тысяч золотых.] Благосклонность франков была впоследствии куплена этим золотым блюдом испанским монархом, который украл его обратно, но компенсировал подарком в двести тысяч золотых монет, на которые Дагоберт основал аббатство Святого Дениса. [Сноска: Гиббон, глава xxx.]

[Примечание: новые варварские вторжения.]

[Примечание: Постоянные поселения готов в Испании.]

За разграблением Рима готами последовали успешные набеги других варварских племен. Свевы, аланы и вандалы вторглись в Испанию, которая в течение четырехсот лет процветала во всех видах мирного искусства. Великие города Кордуба, Мерида, Севилья, Бракара и Барселона свидетельствовали о ее богатстве и роскоши, в то время как наука и торговля одновременно возвышались и ослабляли людей. И все же ни одна из римских провинций не пострадала так сильно. Таким образом, Гиббон цитирует слова испанского историка. "Варвары проявляли неизбирательную жестокость к судьбам как испанцев, так и римлян и с одинаковой яростью опустошали города и открытую местность. Голод вынудил несчастных жителей питаться плотью своихсобратьев, а эпидемия унесла большую часть тех, кого голод пощадил. Затем варвары обосновались на постоянной основе в стране, которую они опустошили огнем и мечом; Галисия была разделена между свевами и вандалами; аланы были рассеяны по провинциям Карфагения и Лузитания, а Ботика досталась вандалам". Но он добавляет, и это наиболее впечатляющий факт, "что большая часть испанцев предпочла условия бедности и варварства жестоким притеснениям римского правительства". [Сноска: Гиббон, глава xxx.]

Преемники Алариха в 419 году н.э. обосновались в Тулузе через сорок три года после того, как они переправились через Дунай, который стал резиденцией готской империи в Галлии. Примерно в то же время бургунды и франки основали постоянное поселение в этой разоренной, но богатой провинции и разорили все, что считалось богатым или удачливым.

[Примечание: римляне покидают Британию.]

Тем временем Британия после ухода легионов была оставлена на растерзание саксонским пиратам и дикарям Каледонии. Остров был безвозвратно потерян для империи в 409 году нашей

эры, хотя прошло сорок лет, прежде чем саксы получили постоянную опору и обеспечили свое завоевание.

Но более жестокое наказание, чем Рим получил от готов — самых могущественных и великодушных из его врагов, — было нанесено вандалами, чье имя является синонимом всего свирепого и отвратительного.

[Примечание: Вандалы.]

Эти варвары принадлежали к великой тевтонской расе, хотя некоторые утверждают, что они были славянского происхождения. Их поселения располагались между Эльбой и Вислой; и во время правления Марка Аврелия они вместе с другими племенами вторглись в римский мир, но были побеждены римским императором. Сто лет спустя они поселились в Паннонии, где вели ожесточенную борьбу с готами. Потерпев поражение от них, они обратились за защитой в Рим и завербовались в императорские армии. В 406 году они переправились через Рейн и вторглись в Галлию, и франки были не в силах противостоять им. Они продвинулись к самому подножию Пиренеев, причиняя всевозможные зверства кельтским и римским жителям. Не щадили ни возраста, ни пола, ни состояния, и сами церкви были преданы огню. Затем они переправились в Испанию в 409 году нашей эры, поселились в Андалусии и под ее солнечным небом возобновили сельскохозяйственную жизнь, которую вели в Паннонии. [Примечание: *Падение Рима* Шеппарда, стр. 364.] Теперь земля выглядела процветающей; богатые урожаи покрывали равнины, в то время как холмы были белыми от стад. Они, по-видимому, жили в дружбе с римлянами, так что "среди варваров нашлись те, кто предпочел свободу бедности, а не жизнь, ставшую жалкой из-за налогов среди их собственных соотечественников". [Сноска: Орозиус, vii. 41.] Это свидетельство подтверждается Сальвианом, который заявляет: "они предпочитают жить как свободные люди под видом плена, а не как пленники под видом свободы". [Сноска: *De Gub. Dei*, v.] Если это правда, то, по-видимому, правление варваров было предпочтительнее налогообложению и притеснению, с которыми они сталкивались со стороны римских чиновников. И этот вывод правомерен, если вспомнить безразличие и апатию, охватившие старых жителей, когда империи угрожала серьезная опасность. Возможно, в конце концов, вторжения варваров не считались таким уж большим бедствием, если они должны были разорвать рабство и облегчить страдания, наполнявшие римский мир.

[Примечание: Успех вандалов.]

Римское правительство, по-видимому, [Сноска: Шеппард, стр. 364.] не потерпело бы присутствия вандалов в Испании и сговорилось с готами, их наследственными врагами, напасть на них, возможно, с целью ослабления силы самих готов, в 416 году нашей эры. Валлия, король готов, добился успеха, и вандалы были обеспокоены. Римляне также послали армию, чтобы отвоевать Испанию из их рук, что отбросило вандалов в Андалусию. Но вандалы повернулись к своим врагам и полностью разгромили их, и двадцать тысяч человек остались мертвыми на поле боя. Испания теперь была полностью во власти этих разъяренных варваров, которые могли бы мирно устроиться, если бы не зависть императорского правительства, которое в те дни навлекло на себя зло своим собственным неправильным управлением. В течение двух лет на всем полуострове царил "вандализм", который был разграблен.

[Примечание: Генсерический.]

Королем этих вандалов был Гензерихх, достойный соперник Алариха и Аттилы, "бич Божий". Если мы можем отдать должное писателям, принадлежавшим к народу, которого он унизил, [Сноска: Прокопий, *Белл. Ванд.*, i. 3.] он был одним из самых отвратительных монстров, когда-либо облеченных властью. Он был амбициозным, утонченным, лживым, мстительным, жестоким и страстным. Но он был сдержан, обладал ясным видением и непреклонной целью.

[Примечание: Вандалы угрожают Африке.]

Он обратил свой взор на Африку, житницу Рима и единственную провинцию, которая до сих пор избежала разрушительных последствий войны. В час триумфа и при всей полноте власти он решил покинуть Испанию, которой владел неопределенно долго, поскольку был всего лишь незаконнорожденным сыном покойного монарха Гундериха, и основать новое королевство в Африке. Он был богат фермами и городами, столица которых, Карфаген, восстала из пепла и вновь соперничала с Римом в величии и великолепии. Она даже переросла Александрию, и ее торговля процветала больше, чем в столице Египта. Она была знаменита даже школами и кафедрами философии, но больше теми искусствами, которые когда-либо порождало материальное процветание.

[Примечание: Разногласия римских полководцев.]

В то время на службе империи находились два выдающихся генерала — Бонифаций и Аэций, первый из которых был губернатором Африки. К несчастью, они были соперниками, и их разногласия и зависть ставили под угрозу империю. Объединившись, они, возможно, смогли бы противостоять потоку, который вот-вот захлестнет Африку и Италию. Аэций убедил императора отозвать Бонифация, в то же время посоветовав графу не подчиняться вызову, представив это как смертный приговор. Бонифаций поставил себя в положение мятежника и, опасаясь имперских войск, пригласил Гензериха и его вандалов в Африку с предложением союза и выгодного урегулирования. Несомненно, на это великое безумие его толкнули интриги Аэция.

Гензерик с радостью воспользовался приглашением, которое сулило ему самую богатую награду в империи. С пятьюдесятью тысячами воинов он высадился на побережье Африки, заключил союз с маврами и стал таким же опасным союзником для графа Бонифация, каким был лорд Клайв для местных принцев Индии. Затем Африка была взбудоражена расколом донатистов, и эти фанатичные люди были взяты под *защиту* вандалов. Мавры всегда ненавидели своих римских хозяев. Объединившись с вандалами, маврами и донатистами, Африка оказалась в серьезной опасности.

[Примечание: Вандалы вторгаются в Африку.]

Высадка вандалов, которые из всех варваров носили самое ужасное имя, была сигналом к стремительному бегству. Ужас охватил все классы людей. Ущелья и пещеры горы Атлас были переполнены беглецами. Вандалы сжигали деревни, через которые они проходили, и разграбляли города, и уничтожали урожай, и вырубали деревья. Мавры пополняли ряды захватчиков и потворствовали их общей ненависти к цивилизации и Риму. Бонифаций слишком поздно осознал свою ошибку и обратился против общего врага, но потерпел поражение в битве и был вынужден уступить три важные провинции в качестве цены за мир в 432 году нашей эры. Но мир длился недолго. Вандалы постоянно вторгались на более ценные территории. Более того, они были номинально обращены в христианство и были непримиримыми ревнителями

арианской веры и самым безжалостным образом преследовали христиан-католиков, которые придерживались Никейского символа веры.

[Примечание: Гензерихий в Карфагене.]

[Примечание: Судьба города.]

Наконец (439 г. н.э.) разразилась буря, и мир был поражен известием о том, что Гензерихх захватил и разграбил Карфаген. Внезапно, без предупреждения, в один неожиданный день этот великолепный город был разграблен, а его жители перебиты самыми вероломными варварами, которые растоптали умирающую славу империи. Ее гибель была подобна той, что обрушилась на Тир и Сидон. Горький крик, донесшийся из опустошенного города, возвестил о возмездии Божьем за грехи более ужасные, чем грехи Антиохии или Вавилона. Из всех городов мира Карфаген был, вероятно, самым порочным — бурлящий котел нечистот и мерзости, обитель всех пороков, которые позорили человечество, — настолько непристойных и скандальных, что вызывали отвращение у самих варваров. Согласно одному из авторов того времени, цитируемому Шеппардом, [Сноска: Сальвиан, *Де Губ. Dei*, vii. 251.] "они были печально известны пьянством, алчностью и лжесвидетельством — характерными грехами вырождающихся коммерческих столиц. Готы вероломны, но целомудренны, франки лжецы, но гостеприимны, саксы жестоки, но континент; но африканцы - пылающий огонь нечистоты и похоти; богатые опьянены развратом, бедные подавлены безжалостным гнетом, в то время как другие пороки, слишком неприличны, чтобы их можно было назвать, оскверняют каждый класс. Кто может удивляться падению римского общества? Какая надежда может быть у Рима, когда варвары более целомудренны и умеренны, чем они?"

При разграблении Карфагена объемистые труды Августина, испускавшего последний вздох в молитве к Богу о том, чтобы можно было предотвратить судьбу Содома, к счастью, сохранились и, несомненно, сделали больше для просвещения и, возможно, цивилизации западных народов, чем все искусства и науки торговой столицы. Удивительно, как мало осталось от коммерческих городов древности, которые мы ценим как трофеи цивилизации. Несколько скульптурных руин - это все, что свидетельствует о гордости и славе древних. Стихи слепого школьного учителя с Хиоса и рапсодии странствующего философа с холмов Греции принесли миру большее наследие, чем все вместе взятые сокровища Африки и Малой Азии. Где находится карфагенская литература, кроме как в трудах Августина, влияние которых на формирование характера варваров невозможно оценить.

[Примечание: Новые опасности Рима.]

Крик агонии, донесшийся из Карфагена через Средиземное море, возвестил Риму, что настанет ее черед. Напрасно она обращалась ко всем за помощью. Каждый город и провинция нуждались в собственных силах. Теодорих, король вестготов, сражался с Аэцием; в Испании свевы продолжали свои опустошительные действия; Атилла угрожал восточным провинциям; император Валентиниан был вынужден укрыться в равеннских болотах и наблюдать второе разграбление столицы империи, теперь поверженной державы — трупа в простыне.

[Примечание: Вандалы в Италии.]

Вандалы высадились на побережье Италии. Они продвинулись к берегам Тибра. Королева Городов обернула вокруг себя выцветшие складки своего императорского пурпура,

разорванного фракцией, пронзенного варварскими кинжалами и втоптанного в пыль. И все же она умерла не с достоинством своего великого Юлия. Она молила о пощаде, не гордая и величавая среди своих палачей, а как иссохшая ведьма с чародейской чашей в руке, бледная, изможденная, ужасная, шатающаяся, беспомощная.

[Примечание на стороне: Разграбление и падение Рима.]

Последней надеждой Рима был его христианский епископ, и великий Лев, который был для Рима тем же, чем Августин был для Карфагена, в своей папской мантии поспешил в лагерь варваров. Но все, чего он смог добиться, - это обещания, что несопротивляющиеся будут пощажены, здания защищены от пожара, а пленники - от пыток. Даже это обещание было выполнено лишь частично. Грабеж продолжался четырнадцать дней и четырнадцать ночей, и все, что уцелело у готов, было перевезено на корабли Гензериха. Среди трофеев были статуи древних языческих богов, украшавшие капитолий, священные сосуды еврейских храмов, которые Тит вывез из Иерусалима, а также святыни и алтари христианских церквей, обогащенные щедростью пап и императоров. Позолота капитолия обошлась Домициану в двенадцать миллионов долларов, или двенадцать тысяч талантов, но бронза, на которой она была вызолочена, была увезена. Императорские украшения дворца, великолепная мебель и гардеробные сенаторских особняков, серванты из массивной посуды, золота, серебра, латуни, меди - все, что только можно было найти, было перевезено на корабли. Сама императрица Евдокия была лишена своих драгоценностей и уведена в плен вместе с двумя дочерьми, единственными оставшимися в живых после великой Феодосии. Тысячи римлян были насильно отправлены на флот, в то время как жен разлучили со своими мужьями, а детей - с родителями и продали в рабство. [Сноска: Гиббон, глава xxxvi.]

[Примечание: Гибель Рима.]

[Примечание: Героизм папы Римского.]

Такова была судьба Рима в 455 году н.э., через сорок пять лет после вторжения готов. Надменный город постигла та же участь, которую она обрекла на своих соперников. И она никогда бы, вероятно, возникли из своего падения, но, вероятно, остались разрушенные и опустошенные, были не ее великий святитель, поднявшись с величием кризиса, и меня вдохновили старые нетленные идеи национального единства, который в течение трехсот лет поддерживал разваливающуюся империю, воскликнул грубый *spoliators*, теперь обращенные в его вере, в то время как все вокруг него были запустение и разруха, плач вдов, пепел, стоны, причитания, горькое горе—ничего не осталось, кроме воспоминаний, ничего не видно, но запустения реченную через пророка Джереми, а также Сумеан Сибил; все центральные власти извращаться, закона и справедливости,-слова, литературы и искусства измельчают, вице безудержно размножаться, созерцательной прячется в клетках, богатых рабов, женский визг ужаса, епископы молятся в отчаянии, Сердце мира кровотечение, Варвары везде торжествует— в этот скорбный кризиса, Лео, бесстрашный понтифика, в покое и без страха, и концентрируя в себе все, что сохранилось от амбиций и надменной воле древней столицы, воскликнуть суеверным победителей, в духе, если не в словах Хильдебранд, "осторожно, я преемник Петра, которому Бог дал ключи Царства Небесного, и против которого церковь врата ада не одолеют; я ныне живущих представителя божественной власти на земле; я Цезарь, христианин Цезаря, правящего в любви, кому все христиане клялись в верности; я держу в руках проклятия ада, и благословения небес; Я прощаю всех подданных от верности королям; я дать и отнять, по

Божественному праву, все престолы и княжеств христианского мира—будьте осторожны, как вы оскверняете вотчина дал мне свой невидимый король, да, склони шею ко мне, и молиться, что гнев Бога может быть предотвращено." И суеверные завоеватели заплакали и склонили свои лица в прах в почтении и благоговении, и Рим снова восстал из своего запустения — резиденция нового деспотизма, более ужасного, чем централизованная власть императоров, контролирующего волю королей, священников и народа и становящегося все более величественным с течением веков; жизненной и таинственной силы, которую не смогла сломить даже Реформация, и которая даже сейчас не подает признаков упадка и смело бросает вызов, в полноте духовной власти, более великому правителю, чем тот, кто стоял у истоков возрождения. зимнее время, три дня и ночи перед воротами замка Каносса, с непокрытой головой и босиком, в смиренном подчинении Григорию VII.

[Примечание: Возобновленное вторжение варваров.]

[Примечание: гунны.]

В то время как вандалы таким образом грабили Рим, еще более свирепая раса варваров топтала их ногами опустевшие святилища империи. Гунны, славянская раса, самые отвратительные дикари, татарские орды, со смуглыми лицами, запавшими глазами, плоскими носами, квадратными телами, большими головами, широкими плечами, низким ростом, без жалости, или страха, или пощады, — в равной степени враги римлян и германцев, расы, до сих пор неспособные к цивилизации, — теперь распространились от Волги до Дуная, от берегов Каспия до Адриатики. Они были кочевым народом, с отарами и табунами, не сажали семян, не собирали урожая, бродили в поисках пропитания, но были могущественны со своими лошадьми и дротиками. В течение пятидесяти лет после того, как они вторглись в Южную Европу, опрометчивый константинопольский двор обращался к ним за помощью в качестве противовеса могуществу готов и других германских племен. Они были упрямыми язычниками и питали непобедимую ненависть к цивилизации. Им сопутствовала разная удача в их переселениях и войнах, и они потерпели несколько ужасных поражений. Но у них были открыты глаза на добычу рушащейся империи — "спелый плод" для них, а также для готов и вандалов.

[Прим. автора: Атилла.]

Вождем гуннов в этот период был Атилла — человек большой проницательности и военного гения, которому удалось покорить одно за другим все существующие племена варваров за Дунаем и Рейном, а затем обратить свое оружие против восточной империи. Это было в 441 году. Они разорили Паннонию, разбили две римские армии, опустошили Фессалию и угрожали Константинополю. Император Феодосий в 446 году н.э. купил мир позорной данью, настолько большой, что многие знатные семьи оказались в нищете. Затем "бич Божий" направил свои стопы на более истощенные поля западных провинций и вторгся в Галлию. Вестготы основали там королевство, враждебное власти вандалов. Гунны и вандалы объединились со всеми дикарскими легионами, которые можно было собрать от Лапландии до Инда, против готов и имперских войск под командованием Аэция. "Никогда, — говорит Тьерри, [Сноска: *История Атилии*, т. i., стр. 141] "со времен Ксеркса не было такого скопления народов, которое сейчас шло под знаменем Атиилы, около пятисот тысяч воинов - гуннов, аланов, гепидов, неви, гелони, бастарнов, герулов, лангобардов, беллонитов, ругов, некоторых германских, но преимущественно азиатских племен, с их длинными колчанами, тяжелыми копьями и кирасами из плетеных лент. волосы, и косы, и круглые щиты, и короткие мечи. Это разнородное воинство

с Сарматских равнин и берегов Вислы и Немана простиралось от Базеля до устья Рейна. Атила направил его против Орлеана на Луаре, важной стратегической позиции. Аэций отправился ему навстречу, приведя с собой всех варваров—помощников, которых смог собрать, - бриттов, франков, бургундов, свевов, саксов, вестготов. Это было сражение не столько римлян против варваров, сколько Европы против Азии, которая теперь была развернута на равнинах Шампани, ибо Орлеан попал в руки гуннов. Там, при Шалоне, произошла самая решающая и кровопролитная битва того ужасного века, в результате которой Европа была избавлена от Азии, точно так же, как позже сарацины были изгнаны из Франции Карлом Мартеллом. "*Bellum atrox, multiplex, immane, pertinax, cui simile nulla usquam narrat antiquitas.*" [Сноска: Джорданес.] Сражение начал Атила; слева от него были остготы под командованием Владимира, справа - гепиды, а в центре расположились гунны со своей неотразимой кавалерией. Аэций разместил франков и бургундов, в лояльности которых он сомневался, в центре, а сам укрепил свои фланги и принял командование своим левым флангом. Гунны, как и ожидалось, предприняли стремительную атаку; римская армия была рассечена надвое; но фланги Аэция перекрыли кавалерию Атилы и отбросили его фланги назад. Атила был разбит, а Галлия спасена от славянских захватчиков. Подсчитано, что с обеих сторон было убито триста тысяч варваров — самая страшная резня, зафиксированная во всех анналах войны. Побежденный царь гуннов отвел свои войска к Рейну, разоряя города и деревни, через которые он проходил, и собрал новую армию. В следующем году он вторгся в Италию.

[Примечание: римский полководец Аэций.]

[Примечание: Отступление Атилы.]

Аэций остался один, чтобы остановить полчища варваров. Он одержал одну из величайших побед древних времен и жаждал награды. И, учитывая блеск его победы и величие его заслуг, женитьба его сына на принцессе Евдокии не была необоснованным объектом честолюбия. Но его величие сделало его непопулярным при распутном дворе в Равенне, и он остался без достаточных сил, чтобы остановить вторжение гуннов. Аквилея, самый важный и сильно укрепленный город Северной Италии, какое-то время противостояла нападению варваров, но в конце концов сдалась. Беглецы с венецианской территории искали убежища на островах, омывающих северное побережье Адриатики, — в местах обитания рыбаков и морских птиц. Там родилась Венеция, которая должна возродить славу Запада и написать свою историю на волнах на тысячу лет вперед. Атила провел весну в своем наступлении на Аквилею, а летняя жара была неблагоприятна для дальнейших операций, и его солдаты требовали отдыха; но, не уstraшенный опустошениями, которые болезнь произвела в его армии, он решил перейти Апеннины и нанести последний удар Риму. Лев снова отправился в лагерь варваров и добился большего успеха, чем в схватке с вандалами. Атила согласился покинуть Италию в обмен на ежегодную дань и обещание руки принцессы Гонории, сестры императора Валентиниана, которая много лет назад в приступе женской злобы из-за того, что ее сослали в Константинополь, послала свое кольцо в качестве *знака любви* отвратительному варвару. Затем он удалился на Дунай через перевалы Альп, где провел зиму в вакхических оргиях и приготовлениях к вторжению в восточные провинции. Но его карьера внезапно оборвалась из-за мстительного кинжала Ильдиги, бактрийской или бургундской принцессы, которую он принял за одну из своих многочисленных жен и чьих родственников убил.

[Примечание: Бедствия гуннов.]

После его смерти германские племена отказались дольше служить под разделенным правлением его сыновей, и после жестокого противостояния с более варварскими гуннами империя Атилы исчезла как одна из великих держав мира, а Италия была навсегда избавлена от нашествия саранчи. Битва при Нетаде, в которой они потерпели сокрушительное поражение, была, пожалуй, столь же решающей, как и битва при Шалоне. Они вернулись в Азию или же постепенно были измотаны в бесплодной борьбе с готами.

[Примечание: авары.]

Авары, племя великой туранской расы, родственное гуннам, через несколько лет после их отступления переправились через Дунай, обосновались между этой рекой и Савой, вторглись в греческую империю и разорили провинции почти до стен Константинополя. Со слов Шеппарда может показаться, что авары мигрировали из самого центра Азии, за две тысячи миль от Каспийского моря, спасаясь от турок, подчинивших их своему влиянию. [Примечание: Шеппард, раздел iv.] В своей миграции на Запад они опрокидывали все на своем пути и сеяли великую тревогу в Константинополе. Юстиниан, тогда еще старик, в 567 году н.э., купил их мир ежегодной данью и пожалованием земель. В 582 году аварская империя прочно утвердилась на Дунае и в долинах Балкан. Но она была более враждебна славянским племенам, чем византийским грекам, которые тогда населяли центр и юго-восток Европы и были доведены до жалкого рабства. Авары также вступили в конфликт с франками и, после различных удач, были покорены Карлом Великим. Их последующая история не может быть рассмотрена здесь до тех пор, пока они не были вычеркнуты из списка европейских наций. Более того, только после падения Рима они стали грозными.

[Примечание: Последние бедствия империи.]

[Примечание: императоры-идиоты.]

Настоящая драма падения Рима завершается вторым разграблением города вандалами, поскольку императорская власть была почти повержена на Западе и заключена в стенах Равенны. Но Италия была ареной великих бедствий в течение двадцати лет после этого, пока последний из императоров — Августул Ромул; какое имя, которым можно завершить череду римских императоров! — не был свергнут с престола Одоакром, вождем герулов, скифского племени, и Рим снова подвергся штурму и разграблению в 476 году нашей эры. В течение этих двадцати лет Восток и Запад были окончательно разделены, Италией правили варварские вожди, и их господство было закреплено надолго. Валентиниан, последний император из рода Феодосиев, был убит в 455 году (по наущению сенатора Максима из знаменитого аницианского рода, жену которого он изнасиловал), человека, унаследовавшего все слабости своего императорского дома, но без его добродетелей, и при чьем отвратительном правлении народ был настолько подавлен налогами и связан инквизицией, что предпочитал варваров империи. Последовательные правления Максима, Авита, Майориана, Севера, Антемия, Олибрия, Гликерия, Непота и Августула, девяти императоров за двадцать один год, не предполагают ничего, кроме беспорядков и революций. Убийца Валентиниана правил всего три месяца, в течение которых Рим был разграблен вандалами. Авит был возведен на свой вакантный трон при поддержке вестготов Галлии, которыми тогда правил Теодорих, величественный варвар и самый просвещенный и цивилизованный из всех вождей готского воинства, которые когда-либо появлялись. Он сражался и победил свевов, обосновавшихся в Испании, от имени императора, которого он посадил на трон, но на самом деле он правил по обе стороны Альп, а

Авитус был всего лишь его марионеткой и отличался только своими позорными удовольствиями, хотя как полководец однажды спас империю от гуннов.

[Примечание: Последние дни Рима.]

Он, в свою очередь, был свергнут графом Рицимером, свитом и генералиссимусом римских армий, а на его место был назначен Майориан, которого Рицимер считал своим орудием. Но он был способным и хорошим человеком и пытался возродить традиции империи, и его постигла участь всех реформаторов в безнадежный век, несомненно, под влиянием Рицимера, который заменил Севера, Луканина, который умер от яда после четырехлетнего правления, как только он стал неприятен подчиненному военному, который был всемогущ в Риме и который шесть лет правил Италией без императора с деспотической властью. В течение этих шести лет Италия постоянно подвергалась опустошениям со стороны вандалов, которые высаживались и грабили побережье, а затем удалялись со своей добычей. Рицимер, оставшись без кораблей, обратился за помощью к константинопольскому двору, который посадил грека на трон Италии. Несмотря на большие способности, новый император Антемий был непопулярен среди италиков и варваров, и он снова был свергнут Рицимером, и Олибрий, сенатор из аницианского дома, правил вместо него в 472 году нашей эры. Именно тогда Рим в третий раз был разграблен одним из его собственных генералов. Олибрий правил всего несколько месяцев, и Гликерий, капитан его гвардии, был выбран его преемником — назначение, неприятное греческому императору Льву, который противостоял ему Юлию Непоту — выдающемуся полководцу, которому удалось изгнать Гликерия. Оскорбленные вестготы объявили войну римской Галлии. Юлий послал против них Ореста, паннонца, прозванного патрицием, который оказался предателем и после убийства Юлия с триумфом вступил в Равенну. Его сына, при крещении названного Ромулом, солдаты подняли на щит и приветствовали Августа; но поскольку он был слишком мал, чтобы носить пурпурную мантию, они назвали его Августулом — горькая насмешка, напоминающая обитве при Акциуме и основании Рима. Он был последним из цезарей. Было легче сделать императором, чем удержать его на месте. Банды Ореста требовали земель, равных трети Италии. Орест колебался и отклонил это требование. Солдаты были объединены под командованием Одоакра — вождя герулов, генерала на службе патриция - одного из самых смелых и беспринципных наемников, которые предоставляли свое оружие на службу правительству Равенны. Знамя восстания было поднято, и армия варваров выступила против своего бывшего хозяина. Оставив своего сына в Равенне, Орест, сам способный полководец, прошедший подготовку на службе у Аттилы, отправился навстречу своему врагу на ломбардские равнины. Не в силах выстоять, он заперся в Павии, которая была взята и разграблена, а Орест предан смерти. Затем варвары двинулись на Равенну, которую они взяли вместе с мальчиком в пурпуре, который не был убит, как его отец, но получил пенсию в шесть тысяч крон и был отправлен на кампанскую виллу, некогда принадлежавшую Сулле и Лукуллу. Трон цезарей был безнадежно подорван, и Одоакр стал королем Италии и раздал ее земли своим жадным последователям в 476 году нашей эры. Он не был недостойн своего высокого положения, но его королевство находилось в печальном состоянии запустения, и после четырнадцатилетнего правления его, в свою очередь, вытеснил выдающийся гений Теодориха, короля остготов, при котором в 490 году н.э. в Италии и на Западе началась новая эра.

[Примечание: Расчленение империи.]

Римская империя была теперь расчленена, и различные племена варваров после двухсотлетней борьбы прочно обосновались в ее провинциях.

[Примечание: Поселение остготов в Италии.]

В Италии мы находим остготов в качестве доминирующей державы, которые, переселившись из устья Дуная со всеми варварами, которых они могли привлечь под знамена Теодориха, одержали верх над Одоакром и поселились в Италии. Впоследствии готское королевство подверглось нападению Велизария и Нарсеса, великих полководцев Юстиниана, а также лангобардов под командованием Альбоина, которые укрепились на севере Италии.

[Примечание: Поселение франков в Галлии.]

Галлия была разделена между франками, бургундами и вестготами, чьи непрекращающиеся войны и чье молодое королевство я не собираюсь описывать.

[Примечание: Поселение саксов в Британии.]

Британией владели саксы, Испанией - вандалы, свевы и вестготы, Африкой - вандалы, в то время как вся восточная империя попала в руки сарацин, за исключением Константинополя, который хранил сокровища греческой и римской цивилизации, пока варвары, возвышенные христианской религией, не были готовы привить ей свои собственные грубые законы и обычаи.

Было бы интересно проследить различные судьбы этих тевтонских племен в опустошенных провинциях, которыми они овладели в результате завоевания. Но это привело бы нас в безграничную область, чуждую нашему исследованию. Я стремлюсь представить падение Рима, а не восстановление его новыми расами. Также было бы интересно осмотреть древнюю столицу мира в руках различных хозяев, разграбленную и разграбляемую всеми по очереди; но ее судьба была предreshена, когда Аларих вошел в ворота, которые были закрыты в течение шестисот лет для внешнего врага, и империя фактически пала, когда надменный город, так долго царивший среди народов, сдал свои дворцы в качестве трофеев. Восточная империя прожила более долгую жизнь, но она была бесславной, когда Рим больше не был высшим городом.

[Примечание: Размышления о падении империи.]

История падения величайшей империи, когда-либо созданной на нашей земле, проста и впечатляюща. Гений, энергия и терпение привели к обширным владениям, которые были сохранены благодаря единой политике, которую ничто не могло изменить. Процветание и успех вели к безграничному самоуважению и обесцениванию врагов, в то время как пороки своекорыстия постепенно подрывали всякую реальную силу. Общество стало совершенно деморализованным и ослабленным, и не было достаточно консервативных сил, чтобы удержать его вместе. Жизненная сила была разрушена несоразмерными состояниями, рабством, вымиранием средних классов, деградацией женщин, деморализующими волнениями, искусственной жизнью, имперским произволом, проконсульской тиранией, изнуряющими пороками, отсутствием возвышенных чувств, всепоглощающим отказом от зарабатывания денег и удовольствий, которые оно приносило, так что не могло быть сделано ни одного возвышенного призыва, к которому дегенеративный народ прислушался бы или который он мог

понять. Империя прогнила насквозь — была пропитана эгоизмом, чувственностью и легкомыслием, и этот яд пропитал все классы и сословия и докатился до самых верхушек социальной системы. Что можно было сделать? Помощи от человека не было. Империя была на грани распада, когда пришли варвары. Они лишь вызвали шок и ускорили падение. Империя была спелым плодом, который должна была сорвать самая сильная рука.

Тремя столетиями ранее было бы оказано храброе сопротивление, и варвары были бы свергнуты и уничтожены или проданы в рабство. Но теперь они были сильнее, даже со своим грубым оружием и без военного искусства, которому римляне обучались тысячу лет. И все же они понесли огромные потери, прежде чем одержали окончательную победу. Но они упорствовали, движимые необходимостью, а также любовью к приключениям и грабежу. Отчаявшиеся генералы откатывали волну за волной, но прилив вернулся и смыл все прочь.

К счастью, они восстановили то, что когда-то разрушили. Они были обращенными в христианство и симпатизировали многим элементам цивилизации. "Несколько одиноких искр упали из прекрасного мира, который миновал в ночь их трудов". Они зажгли огонь, который никогда не угасал. При всем своем варварстве они обладали некоторыми замечательными чертами характера и по всем твердым качествам сердца превосходили покоренные ими расы. Они внесли свою свежую кровь в политическое тело и были живы чувствами религии, патриотизма и любви. Они были полны энтузиазма, надежд, великодушны и не запятнаны теми утонченными пороками, которые всегда приводят к разорению. Они совершали бесчисленные ошибки и непростительные безумства. Но после долгого паломничества и суровой дисциплины, испытанной несчастьями, они воздвигли новую ткань, созданную прекрасным союзом германской силы и римского искусства, на более прочных основах христианской истины.

* * * * *

Авторитетные авторы этой главы немногочисленны. Это историки империи в период ее упадка и бедствий. История Гиббона, несомненно, лучшая на английском языке. Его можно сравнить с историей Тийемона "Об императорах". Шеппард написал интересную и поучительную книгу об этом периоде, но в особенности она относится к возникновению новых варварских государств. Главу Тацита о нравах германцев следует читать в связи с войнами. Гиббон цитирует в основном Аммиана Марцеллина, лучшего латинского историка последних дней Рима. Зосима - авторитет, но он краток. Прокопий написал историю войн с вандалами. Григорий Турский описывает опустошения в Галлии, а также Журнанд. Труды Иеронима, Августина и других отцов церкви в некоторой степени намекают на страдания и нечестие того времени. Но из всех авторов, описывающих этот мрачный период, Гиббон является наиболее удовлетворительным и исчерпывающим; и маловероятно, что он скоро будет вытеснен в столь унылой области.

ГЛАВА XII.

ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ КОНСЕРВАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НЕ ОСТАНОВИЛО КРУШЕНИЕ РИМСКОГО МИРА.

[Примечание: Ничего консервативного в простом человеческом творении нет.]

Это в высшей степени интересный вопрос, почему искусство, литература, наука, философия, политические организации и другие трофеи человеческого разума без посторонней помощи не предотвратили столь печального затмения человеческой славы, которое произошло после

падения величественной империи римлян. Не может быть никаких сомнений в том, что цивилизация достигла самых блестящих триумфов даже под влиянием языческих институтов. Но не язычество одержало эти победы; это были воля и разум благородной расы, несмотря на ее увядающие последствия. Это был гордый разум человека, который взлетел на такие высокие высоты и попытался обеспечить себе счастье и процветание. Эти великие цели были достигнуты в определенной степени, и самодостаточный философ мог бы указать на эти победы как на славные и постоянные. Когда взоры современников останавливались на прекрасном и культурном облике природы, на торговле и кораблях, на военных успехах и триумфах, на славе героев и полководцев, на покоренном мире, на сложном механизме социальной жизни, на сверкающих чудесах искусства, на скульптурах и картинах, храмах и монументах, украшавших каждую часть империи, когда они размышляли о ярких теориях, которые предлагала философия, об истинах, которые были включены в систему юриспруденции, о чудесной конституции, которую сформировал опыт веков, о гении поэтов и историков, о том, что такое философия. вся система общественной жизни, украшенная изысканными манерами и грацией дружеского общения, — когда они увидели, что все эти победы были одержаны над варварством и постоянно прогрессировали с последующими поколениями, им показалось, что царство мира и процветания будет вечным. Не имеет значения, была ли цивилизация, которой все люди хвастались и в которую они верили, выше или ниже той, которой впоследствии достигли готские расы. Вопрос в том, *оказали ли* эти искусства и науки достаточно сильное влияние, чтобы сохранить общество? То, что они шлифовали и украшали людей, не подлежит сомнению. Вдохнули ли они жизнь в разлагающуюся массу? Продлили ли они политическое существование? Породили ли они доблесть и моральную силу в массах? Возвели ли они оплот, способный противостоять человеческому вырождению или варварскому насилию? Привели ли они к самоограничению? Создали ли они возвышенные общественные настроения, презирующие низость и ложь? Неужели они настолько подняли моральный тонус общества, что люди были вынуждены идти на жертвы и благородные усилия ради сохранения благ, которые уже были обеспечены?

[Примечание: Цивилизация может подняться до определенной высоты только по неустановленной причине.]

Я должен показать, что величайшая империя древности погибла по тем же причинам, которые разрушили Вавилон и Карфаген; что все великолепные трофеи интеллекта оказались напрасными; что источники морального обновления были отравлены; что ничто практически и в целом не принесло того блага, к которому стремились и на которое надеялись энтузиасты; что сами средства культуры были извращены и что вкус к жизни превратился в вкус к смерти. Короче говоря, из примера Рима видно, что человек не может спасти себя сам; что он не может изобрести никаких средств сохранения, которые не были бы разрушены и не стали бы бесполезными из-за силы человеческого разложения; что человек, предоставленный самому себе, потерпит неудачу в своих собственных целях, и что все его предприятия и проекты закончатся позором и унижением, поскольку они предназначены для сохранения общества. История всех языческих рас и стран показывает, что когда-либо можно достичь лишь ограниченной высоты, и что общество обречено как на постоянные падения, так и на триумфы, и будет вечно двигаться по кругу, где не приходит более высокой помощи, чем от самого человека. И эта великая истина настолько убедительно подтверждается фактами, что те глубокие и образованные историки, которые скептически относятся к силе христианства, в целом приняли теорию о том, что нации *должны* возвышаться и падать до скончания времен; и

общество будет демонстрировать, подобно изменениям в природе, только те фазы, которые проявлялись раньше. Их мрачные теории напоминают нам о вечном раскачивании маятника или бесконечных трудах Иксиона — кругах и циклах движения, но никакого общего прогресса к совершенному состоянию счастья и процветания. И если бы нас не поддерживали надежды, которые дает христианство, если бы мы приняли языческие принципы Гиббона или Бакла, история только подтвердила бы самые мрачные теории. Но история Греции, Рима и Египта - это всего лишь главы в великой работе, которую разворачивает Провидение. Это всего лишь действия в великой драме мировой жизни. История этих древних языческих империй полна поучений. В каком-то смысле она кажется печальной, но она лишь показывает, что общество, должно быть, потерпело неудачу под влиянием человеческого гения. Этому миру не суждено потерпеть неудачу, хотя империи древности потерпели неудачу. Я разделяю самую безрадостную философию неверующих историков, утверждающих, что для человека нет другой надежды, как показано на примере взлета и падения империй, кроме той, которую изобрел языческий интеллект. Но эта индукция недостаточно широка. У них слишком мало фактов, на которых можно построить теорию. И все же теория, которую они выдвигают, подтверждается всеми фактами, выявленными историей языческих стран. И это причина, по которой я раскрываю так много действительно славного, в важном смысле, в римской истории, чтобы показать, что эта слава не спасала и не могла спасти. И моральный урок, который я хотел бы извлечь, заключается в том, что *любая* цивилизация, основанная на том, что создает или порождает человек, даже в своих самых возвышенных усилиях, потерпит столь же явный крах, как греческая и римская, в том, что касается сохранения общества, в час опасности, когда коррупция и вырождение также завершат свою работу. Язычество не может дать ничего, кроме временных триумфов. Его победы не прогрессивны. Они не стремятся к бесконечному и постоянно расширяющемуся прогрессу. Они просто демонстрируют интеллектуальный блеск, который вскоре затуманивается испарениями, возникающими в результате брожения коррумпированного общества.

[Примечание: Добродетели примитивных рас.]

[Примечание: Упадок цивилизации древних рас.]

Здесь может возникнуть вопрос, почему сами греки и римляне поднялись из состояния варварства на тот уровень культуры, который дал им бессмертие? Почему они не остались варварами, подобно уроженцам Центральной Африки? Но они принадлежали к особой расе — той великой кавказской расе, которая во всех своих проявлениях демонстрировала высочайшее совершенство и которая, по-видимому, в древнейшие времена лелеяла идеи и добродетели, которые, вероятно, были почерпнуты из первобытного откровения. Римляне в ранние века республики превосходили своих потомков во времена императоров по всем тем качествам, которые придают характеру истинное достоинство. Я сомневаюсь, что римляне когда-либо сильно совершенствовались с моральной точки зрения. Они приобретали искусства по мере того, как падали в добродетели. Я полагаю, что при тщательном изучении окажется, что римский характер за шестьсот лет до Рождества Христова был более благородным, чем во втором веке нашей эры. Именно великолепный материал, над которым пришлось поработать цивилизационному влиянию, объясняет величие Рима, в том же смысле, в каком в патриархальный период еврейской истории существовало достоинство, которого не было при правлении царей. То же самое можно сказать и о греках. Поэмы Гомера демонстрируют естественную красоту и простоту, более привлекательную, чем рационалистический характер

афинян времен Сократа. В искусстве наблюдался прогресс, которого не было в обычной жизни. И это верно также для персов. При Кире они были действительно более великим народом, чем когда они правили в Вавилоне. Нет никаких свидетельств об индогерманских расах, которые не указывали бы на определенное величие характера в самые ранние периоды. Германские племена были варварами, но в благочестии, в дружбе, в гостеприимстве, в проникательности, в суровой морали, в высоком отношении, которым пользовались женщины, в самой великолепии суеверий мы видим черты благородного национального характера. Было бы трудно показать абсолютную деградацию этих людей в любое время. Трудно показать, как они приобрели эти величественные черты в своих первобытных лесах. Конечно, они никогда не были таким народом, как африканцы или малайские расы, или даже славянские племена. Эти естественные черты характера вызывали восхищение Тацита, точно так же, как жители Востока завоевали уважение Геродота. Легче понять, почему такие народы, какими были греки и римляне в своей первобытной простоте, когда они были смелыми, доверчивыми, любящими, предприимчивыми, должны были добиваться прогресса в искусствах и науках, чем почему они должны были вырождаться после достижения высокой цивилизации. Они создали искусства и науки. Искусства и науки не создали их. Они были великими до того, как зародилась цивилизация в техническом понимании. Почему они были настолько выше других рас, мы не можем сказать. Они либо были созданы такими, либо, должно быть, получили откровение свыше, либо усвоили некоторые из великих истин, которым Бог учил патриархов. Возможно, мудрость, которую они проявили очень рано, передавалась от отца к сыну из глубочайшей древности. Божественный аромат, возможно, пропитал всю расу еще до того, как была написана история. Благодаря своим неиспорченным и примитивным привычкам, они обладали моральной силой, которая позволяла им добиваться значительных улучшений. Без этой силы они никогда бы не достигли столь высокой культуры. И когда моральная сила была израсходована, созданная ими цивилизация также перешла от них к другим неповрежденным расам. Греки учились у египтян, как римляне учились у греков. Цивилизация достигла лишь ограниченного состояния у египтян. Она не развивалась в течение трех тысяч лет. Греческая культура пришла в упадок после эпохи Перикла. После Антонинов в Риме было создано лишь несколько гениальных произведений. Эпоха Августа ознаменовалась более высоким триумфом искусства, чем эпоха Катона, однако моральное величие римлян было более заметно во времена Катона, чем при Августе. Если нравственный подъем шел в ногу с искусством, то почему произошел достопамятный упадок нравов, когда гений римлян взлетел на предельную высоту? Общественные добродетели были почвой, на которой процветало искусство, и искусство продолжало развиваться еще долго после того, как реальная энергия иссякла, но только достигло определенного предела и пришло в упадок, когда жизнь ушла. Другими словами, сила характера, проявленная ранними римлянами, дала огромный импульс цивилизации, плоды которой появились после того, как слава характера угасла; но, не имея почвы, древо познания в конце концов засохло. Если бы старая цивилизация жила сама по себе, это спасло бы расу. Но поскольку это было чисто творение человека, его работа, в ней не было присущей ему жизненной силы, способной спасти его. Люди были великими до того, как появились плоды их культуры. Они были великими благодаря жизненным добродетелям, а не наследию гениальности. Они следовали обычным путем древних народов. Безупречные добродетели первобытных времен привели к процветанию и материальному величию. Материальное величие покровительствовало искусству и науке. Искусство и наука не развращали людей до тех пор, пока они сами не стали развращенными. Но процветание породило праздность, гордыню и чувственность, которые запятнали науку, искусство и литературу. Коррупция распространилась. Общество было

подорвано, и искусство пришло в упадок вместе с народом, за исключением тех, которые служили развращенному вкусу, таких как деморализующие картины и зажигательная музыка. Почему искусство не сохранило строгости греческих образцов? Почему философия выродилась в эпикурейство? Почему поэзия снизошла до таких тривиальных тем, как охота и рыболовство? Почему свет истины померк? Почему были упущены из виду великие принципы красоты? Почему возникло несоответствие между законами и их исполнением? Почему извращался каждый триумф гения? Это было потому, что люди в своей порочности были безразличны к истине и добродетели. Хорошие люди создали хорошие законы; плохие люди извратили их. Испорченная цивилизация ускорила, а не затормозила движение вниз, и цивилизация неизбежно должна была испортиться, когда таковыми стали люди. Мы не можем видеть никакого прогресса у народов без моральных сил, а они происходят не от человека. Они могут храниться долгое время среди людей; они не являются естественными для них. Они даны изначально Богом. Они являются плодом Его откровений. Ни в пустыне, ни в многолюдном городе они не произрастают естественным путем. Совершенное естественное состояние, без света с Небес, - это крайняя грубость, бедность, невежество и суеверия, где господствуют и торжествуют жестокие страсти. Пороки дикарей столь же фатальны, как и пороки городов. Они в равной степени разрушают общество. Поместите человека в любом месте на земле и при любых обстоятельствах без религиозной жизни, и за этим последует моральная деградация. Откуда берется религиозная жизнь? Где Авраам, Исаак и Иаков, эти восточные скотоводы, почерпнули свою моральную мудрость? Несомненно, она была унаследована от более ранних патриархов, преподана им их отцами или дана непосредственно от самого Бога.

[Примечание: Достоинства примитивной жизни.]

Максимум, что можно сказать о примитивном состоянии общества, - это то, что оно благоприятно для сохранения религиозных и моральных истин, в большей степени, чем густонаселенные города, поскольку в нем меньше соблазнов разжигать страсти. Но дикарь в любой стране останется дикарем, если его не возвысят и не научат с помощью независимых от него влияний. Готтентоты не добиваются прогресса. Греки добились прогресса, поскольку обладали моральной мудростью, переданной им их предками: божественный свет боролся с человеческими склонностями. Когда внешние обстоятельства были благоприятными, добродетели сохранялись; они не рождались, и они были стимулом ко всякому совершенствованию; а когда они были утрачены, все реальные улучшения исчезли. Цивилизация - плод человеческого гения, когда человек добродетелен. Но она не обновляет расы. Это может сделать только религия, исходящая от Бога.

Было бы интересно исследовать, насколько религия древних греков и римлян была чистой - насколько она не была запятнана суевериями. Я думаю, что при исследовании, если бы у нас были средства определенного познания, было бы обнаружено, что все, что возвышало этот характер, пришло из далекой древности, а суеверия, с которыми он был смешан, были более поздними изобретениями. Предки греков, вероятно, были более по-настоящему религиозны, чем сами греки. И поскольку новые откровения не были сделаны Богом, первобытные откровения были затемнены растущей тьмой, пока суеверие не сформировало преобладающий элемент.

[Примечание: христианство - единственная консервативная сила.]

Следовательно, откровения Бога могут быть сохранены только в письменной форме, без изменений и комментариев. Христианство увековечено Библией. Пока существует Библия, христианство будет иметь обращенных и сможет успешно бороться с человеческим вырождением. Откровения, первоначально данные восточным народам, стали традициями. Стандарт не сохранился в письменной форме, к которой люди имели доступ.

[Примечание: примитивная жизнь благоприятствует добродетели.]

[Примечание: Зло процветания.]

[Примечание: Превосходство ранних греков в добродетели над поздними.]

Более того, грекам и римлянам, когда они были наиболее добродетельными, когда они были в состоянии создать цивилизацию, приходилось преодолевать большие препятствия и с трудностями бороться. Они всегда развивают гениальность и подавляют разрушительные страсти. Сила всегда приходит через слабость и зависимость. Это суровое условие нашей нравственной природы. Это первобытный и неизменный закон, согласно которому мужчина должен зарабатывать себе на жизнь в поте лица, точно так же, как женщина может быть счастливой и добродетельной только тогда, когда ее воля подчиняется воле ее мужа. Состояние, при котором труд не является необходимым, порождает праздность, чувственность, безразличие к страданиям, потакание своим желаниям и обычную черствость, которая замораживает душу. Никогда в этом мире не было выявлено более возвышенных добродетелей, чем среди пуритан в их холодных и унылых поселениях в Новой Англии, даже среди тех, которые принято приписывать благоприятному климату и солнечному небу. Пуританский характер был столь же полон страсти, сколь и самопожертвования. Мы читаем о существовании и культуре дружбы, любви и социального счастья, когда страна была наиболее стерильной, а зарабатывать на жизнь было труднее всего. В нем чувствовались внешняя чопорность и резкость, вызванные тяжелым трудом и опасностью. Но когда люди чувствовали, что могут разгибаться, они становились не айсбергами, а вулканами, потому что невидимый огонь горел в душе. Веселье от вина сентиментально и недолговечно. Оно не побуждает к труду и не разжигает жертвоприношений. Оно сатанинское; оно вспыхивает и гаснет, ужасная насмешка, ликующая и мимолетная. Но радость от дома, сияющий лик прощения, милосердие, покрывающее множество недостатков, помощь, оказываемая в часы тьмы и трудностей, энтузиазм по отношению к истине, стремление к высшей жизни, восхитительный обмен мыслями и чувствами - все это источники жизни, мира и силы. Нельзя полагаться ни на что, что не стимулирует высшие способности ума и души. Легкость жизни притупляет нравственные чувства, и даже красота природы не ценится, когда "все, кроме духа человека, божественно". Но когда люди серьезны и правдивы, не испорчены пороками своекорыстия и необразованны радостями искусственной жизни, тогда даже природа, во всей ее дикости, является учителем и вдохновителем. Величественный пейзаж, суровые скалы, таинственные леса и высокие горы, какими бы бесплодными они ни были, вызывают более возвышенные чувства, чем улыбающийся виноградник, или богатая апельсиновая роща, или плодородное кукурузное поле, где трудятся рабы, а ленивые хозяева возлежат на роскошных кушетках, чтобы поспать в полдень, или предаются легкомысленным забавам. Ни великая, ни богатая страна - ничто, если поощрять только гордыню и безрассудство; в то время как изоляция, бедность и физический дискомфорт, если они сопровождаются благочестием и смирением, часто являются высшими благами, которые дарует Провидение, чтобы люди помнили о Нем. Процветание, возможно, и

было благословением ветхого Завета, но невзгоды — это благословение Нового Времени - таинственное благословение Христа, Апостолов и мучеников. Богатая страна не создает великих людей, кроме как в ремесле, политике или деловых расчетах; и нет более изощренной лжи, чем та, которая строит надежды нации на обширности ее прерий, или на глубокой почве ее долин, или на богатых рудниках в ее горах, или на великих потоках, несущих ее богатства в океан. Мистер Бакл ошибочно и софистически приводит примеры— Египет особенно удачлив и счастлив, потому что он владел Нилом; но все, что было великолепного в Египте, ушло в прошлое до того, как была написана подлинная история, в то время как Греция с ее бесплодными горами заложила фундамент всего ценного в древней цивилизации. Что сохранилось от Карфагена, Антиохии или Тира, чем общество дорожит сейчас? И все же многое можно отнести к Греции, когда люди были бедны и боролись с волнами и лесами. Не природа облагораживает человека; это человек освящает природу. Развитие разума важнее, чем развитие материальных ресурсов. Истинное величие заключается не в легкой жизни, а в борьбе с природой и победе над неблагоприятными влияниями. Даже в нашей собственной стране можно увидеть, что школы, колледжи и религиозные учреждения чаще процветали, когда люди были бедными и трудолюбивыми, чем когда они были богатыми и расточительными. Почему Новая Англия произвела на свет так много педагогов? Почему так мало выдающихся гениальных и образованных людей вышло из суматохи и тщеславия процветающих городов? Почему деньги не могут создать колледж и бесполезны, если среди его профессоров и студентов нет жизнестойкости? Условия национального величия такие же, как те, которые наблюдаются в возвышении и судьбе отдельных людей. Трудолюбие, честность и терпение важнее банков и складов. Характер, даже в порочном и оживленном городе, имеет большую ценность, чем деньги.

Эти истины наиболее ярко иллюстрируются цивилизацией римлян. Нас привлекает блеск искусств и наук. Давайте посмотрим, что они сделали для Рима, когда Рим пришел в упадок. Давайте рассмотрим главы, написанные в этой книге. Мы с гордостью указываем на трофеи гения и силы. Мы не принижаем их. Они были творениями человека. Давайте посмотрим, насколько у них были силы для спасения.

Первым великим проявлением гениальности римлян была военная сила. Мы ослеплены славой воинских подвигов. Мы видим великую армию, мощь легионов, военную науку. Почему военные организации не спасли империю в час испытаний?

[Примечание: Римские армии в республике.]

[Примечание: Упадок воинских доблестей.]

[Побочное примечание: Вырождение легионов.]

Легионы, вышедшие на битву во времена Аврелиана и Севера, были не такими, какие маршировали при Марии и Цезаре. Солдаты республики шли на битву, ожидая смерти и готовые умереть. Пожертвовать жизнью в бою было великой идеей римского героя, как и германского варвара. Без этой идеи, глубоко запечатленной в сознании солдата, не может быть истинного военного энтузиазма. Он был характерен для всех рас-завоевателей. Простой механизм не может выполнять работу всей жизни. При империи армия была всего лишь механизмом. Она утратила свой древний дух; ее не вдохновляла патриотическая слава; она продолжала обороняться. Граждане не желали записываться в армию, и ряды постепенно

пополнялись теми самыми варварами, с которыми римляне некогда боролись. Армия фактически состояла из наемников из всех стран, авантюристов, которым нечего было терять, и которые мало что могли приобрести. Они были беспокойными и непокорными. Восстания среди солдат были обычным явлением. Они принесли в лагерь новые пороки и вдобавок усвоили все пороки римлян. Они были жадными, ненадежными и лелеяли скрытую вражду. У них не было общих интересов или уз союза. Они всегда были готовы к восстанию и раздавали самые высокие награды удачливым генералам. Они продали императорское достоинство и стали скорее хозяевами, чем слугами императоров. Диоклетиану пришлось распустить преторианский отряд. Пехота, прорвавшаяся сквозь македонскую фалангу, сбросила свои защитные доспехи и сменилась отрядами робких всадников, главным оружием которых был лук. И они тратили свои силы больше на гражданские распри, чем на борьбу с врагами-варварами. Они больше не переплывали реки, не взбирались на горы и не маршировали с ношей в восемьдесят фунтов. Они презирали свою старую пищу и свое старое жалованье. Они искали удовольствий и разгула. Расходы на содержание армии соответствовали ее неэффективности. Солдаты были помехой, где бы они ни находились, и разжигали беспорядки и бунты. Их вседозволенность и грабежи заставляли друзей бояться их не меньше, чем врагов. Они убивали императоров, когда те не выполняли их непомерных требований. Они часто сочувствовали тем самым врагам, с которыми им следовало сражаться. Ослабленные, вероломные, лишенные общественного духа, несколько не заботящиеся об империи, выродившиеся, они, таким образом, были неспособны противостоять удару своих жестоких врагов. Наконец, они не могли даже поддерживать порядок в провинциях. "В империи не было, - говорит Гиббон, - ни одной провинции, в которой поддерживалось бы единообразное правительство или в которой человек мог бы искать защиты у своих братьев". На что можно было надеяться в империи, когда люди не желали вступать в армию и когда войска потеряли престиж победы? Подробности военной истории поздних римлян наиболее отвратительны — восстания, соперничающие генералы, ослабление центральной власти, беспорядки, анархия. Даже военное послушание было ослаблено. Что бы подумал Цезарь о солдатах Валентиниана, перешедших на сторону миланского духовенства, когда Амвросию угрожала месть императора? Что бы подумал Тиберий о мятежах в Константинополе, когда самые доверенные солдаты потребовали голову министра, которого они ненавидели? Где была сила механизма, если им не руководил гений? Что оставалось делать осажденным городам, когда предательство открыло ворота? Империя пала, потому что никто не хотел принадлежать ей. Какой бессильной была армия, лишенная духа и отваги, когда отважные народы Севера, предприимчивые и отважные, хлынули на провинции — люди, которые не боялись смерти; люди, которые гордились самими своими потерями! Легионы оказались совершенно не в состоянии справиться со своей задачей; они были отозваны из отдаленных провинций, подвергшихся большей опасности со стороны столиц, и границы империи остались без защитников. Империя была создана силой, энтузиазмом и отвагой; когда они потерпели неудачу, она распалась. И даже если бы старая дисциплина была сохранена, насколько неадекватной была бы армия против подавляющего потока варваров, полностью вооруженных и нацеленных на завоевания. Во всех победах Валериана, Константина и Феодосия мы видим лишь мерцающие огоньки уходящей славы. Военный гений, объединенный с патриотизмом, мог бы отсрочить падение, но где была слава легионов в те последние дни? Военная наука принадлежала республике, а не империи. Одна из причин, по которой армия не спасла империю, заключалась в том, что не существовало армии, способной удовлетворить потребности четвертого и пятого веков. Она была испорчена, извращена, завоевана.

[Примечание: Бездарная слабоумность армии при императорах.]

[Примечание: Отчаяние военных императоров.]

И *любая* армия, какой бы сильной она ни была, не могла сделать ничего, кроме поддержки существующих институтов. Они сами по себе прогнили. Деспотизм не может спасти государство. Правление Людовика XIV. было одним из самых блестящих в современной истории. Но ни одно правление не подрывало государство более заметно. Спасает солдат патриотизм, а не их физическая сила. Их силу можно обратить как против интересов государства, так и использовать в его пользу. Деспотизм сеет семена будущей гибели. Ни одно государство никогда не поддерживалось военной силой, за исключением какого-то времени, и то только тогда, когда солдаты были воодушевлены благородными чувствами. Имперские силы Рима, сохраняя трон абсолютизма, разрушали уверенность граждан в себе и поддерживали порочные институты. Разница в целях правления при цезарях и при консулах была небывалой. Военный гений, создавший империю, был направлен не туда, когда эта империя стремилась увековечить зло. Насколько отличается дух, который воодушевлял армии Соединенных Штатов, когда они стремились сохранить институты свободы и целостность государства, от того духа, который воодушевлял армии турецкого султана! Римская империя при более поздних императорах была больше похожа на Османскую империю, чем на республику во времена Катона. Она была больна и должна была умереть. Огромная армия, преданная интересам деспотизма, порождает больше зла, чем лечит. Она истощает жизненные силы и отравляет источники обновления. Она подавляет любое великодушное восстание человеческого разума. Она просто наделяет тиранов властью подавлять гениальность и патриотизм. Она препятствует здоровому развитию энергий в полезных каналах. Максимум, что можно сказать в пользу армий империи, это то, что они на время сохранили разлагающееся тело. Они не могли восстановить жизненные силы; они отражали удары судьбы. Они могли удерживать империю от падения только до тех пор, пока силы врагов не будут организованы. Никакое полководчество не могло спасти Рим. Великие военные императоры, должно быть, чувствовали, что они бессильны против объединения варварских сил. Душа Феодосия, должно быть, запала в него, чтобы увидеть, насколько бесплодными были его победы, насколько бесплодны *любые* победы для такой больной и разваливающейся империи. Диоклетиан удалился в расцвете сил, чтобы умереть от разбитого сердца. Самое большее, что могли сделать императоры, - это воздвигнуть на берегах Босфора новую столицу и фактически создать новую комбинацию этих провинций, наиболее удаленных от опасности. Старая столица была брошена на произвол судьбы.

[Примечание: Римская конституция.]

[Примечание: Позор имперского режима.]

[Примечание: Безуспешные усилия добрых императоров.]

Тщательно продуманная и запутанная конституция римлян, на создание которой было затрачено столько гения и опыта, была ниспровергнута, когда Цезарь перешел Рубикон. Остались только формы, горькая насмешка и тонкая маскировка. Это было ничто. Ни консулы, ни преторы, ни понтифики, ни цензоры, ни трибуны не существовали, кроме как по названию. Все государственные учреждения республики были поглощены имперским деспотизмом. Великолепная конституция, давшая власть Катону и достоинство Цицерону, была мертвой буквой. Место сенаторов заняли льстецы, подхалимы и придворные. Имперский деспотизм

подавил каждый элемент народной власти, каждый протест патриотов, каждый порыв энтузиазма. Конституция не могла спасти, когда она сама была утрачена. Никогда не было более бессмысленного и решительного пренебрежения теми великими правами, за которые народы проливали кровь, чем при императорах. Всякое консервативное влияние, исходившее от народа, было безнадежно подавлено. Правление благодетельных императоров, таких как Антонины, и чудовищ, таких как Нерон и Каракалла, было одинаково фатальным. Печать политического краха была наложена, когда Август был наиболее могущественным и внушал наибольший страх. Правительство просто означало организованный механизм угнетения. В правительстве нет ничего консервативного, что не принимало бы во внимание интересы управляемых. Когда оно просто используется для приумножения гигантских состояний, или создания неравенства, или поощрения легкомыслия, и позволяет великому злу оставаться безнаказанным, тогда сам его механизм становится утонченной деспотической жестокостью. Когда подхалимы, шуты, льстецы и потворствующие страстям становятся получателями благосклонности двора и контролируют руку, которая их кормит, тогда нет ответственной власти. Самое худшее правительство - это правительство фаворитов, и таким было правительство Рима, когда только придворные могли добиться расположения государя и когда в их интересах было покрывать преступления. Каким, должно быть, было правительство, когда даже Сенека накопил одно из крупнейших состояний древности в качестве министра? Каким должен был быть двор, когда такие женщины, как Мессалина и Агриппина, контролировали его советы? Господство женщин и подхалимов бесконечно хуже, чем произвол суровых, но опытных генералов. Вся империя была разграблена ради личного удовольствия императоров и тех, кто их окружал. "Это то, что есть у меня" - было девизом каждого императора от Августа до Феодосия. С таким духом, таким монополизирующим и таким гордым, права подданных были утрачены во всеуправляющем деспотизме, который подавил как возвышенные чувства, так и благородные поступки. Никто не мог подняться, кроме тех, кто пользовался удовольствиями императора. Все были обречены на падение, кто противился его воле. От этого не было спасения. Соппротивление было гибелью. В каждой части империи существовала совершенная система шпионажа, и скрыться от агентов имперской мести было невозможно. И деспотизм императоров был особенно ненавистен, поскольку он скрывал свою власть под формами древней республики, пока в самом разгуле своих обширных прерогатив не отбросил свою тщетную маскировку и открыто и оскорбительно не упивался принудительными пожертвованиями мира. Были хорошие и мудрые императоры, которые стремились к благосостоянию государства, но это были исключения из общего правила. Октавий, этот Улисс государственного ремесла, законодательными актами пресекал открытую безнравственность, поощрял безбрачие, изгонял недостойных членов из Сената, назначал способных министров и губернаторов и стремился предотвратить коррупцию, которая тогда была столь постыдной. Веспасиан ввел суровую военную дисциплину в легионах, разрешил гражданам иметь свободный доступ к своей персоне и продвигал многие важные объекты общественного назначения.

[Прим. автора: Адриан.]

[Примечание: Марк Аврелий.]

Адриан пытался придать достоинство сенату и лично посетил почти все провинции своей империи, беспристрастно вершил правосудие, великолепно покровительствовал искусству и поощрял самые возвышенные формы греческой философии. Антонин Пий и Марк Аврелий

показали в своей собственной жизни примеры самой суровой добродетели, хотя они были обмануты в характере тех, кому они делегировали свои полномочия, и даже управлялись недостойными фаворитами. В конце концов, Марк Аврелий был прекраснейшим персонажем древности, которому была доверена абсолютная власть. В отличие от Соломона, или Августа, или даже Феодосия, он был образцовым правителем, поскольку имел все возможности потакать своим страстям, но свои страсти он обуздывал и до конца вел жизнь строжайшего воздержания и добродетели, поддерживаемый строжайшими доктринами школы стоиков. Все, что его жесткая суровость и моральное возвышение могли сделать для спасения распадающейся империи, было сделано. Он стремился основать стабильность трона на жесткой морали, на самоотречении и самопожертвовании. Когда ему было всего двенадцать, он принял одеяние и аскетизм философа, веря в добродетель ради нее самой.

С самой ранней юности он общался со своими наставниками с величайшей свободой, и для него было счастьем всей жизни награждать философов и ученых. Он выдвигал ученых людей на высшие посты империи и даже проявлял величайшее почтение к развитию ума. Философия была главным предметом его рвения, но он также уделял свое внимание всем отраслям науки, юриспруденции, музыке и поэзии. Его нрав был добрым и дружелюбным, и ему удалось приобрести то самообладание, которое, по словам стоиков, было целью стоиков. Он был твердым, но не упрямым, мягким, но не слабым. Он был скромным, замкнутым и прилежным. Он считал, что для хорошего правления необходимо, чтобы правители находились под властью философии. Он был настолько любим и почитаем всеми, что каждый, кто мог себе это позволить, имел его статую в своем доме. Ни один человек на троне никогда не пользовался таким глубоким почитанием. Если когда-либо и был в языческой стране пример возвышенной добродетели, то он сиял в жизни Марка Аврелия; если когда-либо и было выражение божественной красоты, то это было в его чертах, сиявших любовью, кротостью и смирением. Он никогда не пренебрегал обязанностями своей должности. Он был благороден во всех отношениях семьи. Он был образцом императора. Он жаловался только на нехватку времени для продолжения своих литературных трудов. Вероятно, он был самым образованным человеком в своих владениях. Римляне называли его братом и отцом, и Сенат чувствовал, что его древнее достоинство восстановлено. У него были большие причины для недовольства. Варвары вторглись на его территорию; длительный мир уничтожил воинственную энергию; римский мир погружался в истому и упадок; его приемный брат Вер жил в роскоши и распутстве; его жена Фаустина была второй Мессалиной, предавшей беспорядочному разврату; эпидемия опустошила Малую Азию, Грецию, Италию и Галлию, и все же этот великий человек сохранил свое спокойствие, свои добродетели и свою славу. Он не был подвержен никаким смертным искушениям и оставил незапятнанный характер и непревзойденное почитание своей памяти. И когда мы примем во внимание, что он был абсолютным хозяином ста двадцати миллионов, имея в своем распоряжении богатства мира и все его удовольствия, — выше общественного мнения, без закона, который мог бы его сдерживать, — закона только для него самого, мы обнаружим больше поводов для восхищения, чем у Соломона до его падения. *Недавно были переведены и опубликованы его "размышления"* — произведение, полное моральной мудрости, соперничающее по морали с Эпиктетом и с мудрецами Средневековья по созерцательному благочестию. Нибур говорит, что говорить о нем приятнее, чем о каком-либо другом человеке в истории. Исторический критик может видеть только один недостаток — его преследование христиан. Он, несомненно, был фанатичным стоиком, как Павел когда-то был фанатичным фарисеем; и величайшим заблуждением его жизни было

строить основу национального процветания на возвышенной морали философов, которым он подражал. Он стремился спасти государство с помощью стоической философии. Никогда еще князь-философ не предпринимал более благородных усилий; но ни его покровительство философам, ни его собственный яркий пример, ни доктрины Папства, какими бы консервативными они ни были, не принесли никакой пользы. Римский мир не мог быть спасен философией Аврелия так же легко, как имперский деспотизм не мог быть предотвращен патриотизмом Цицерона. После славного двадцатилетнего правления ему наследовал его сын Коммод, столь же неспособный управлять империей, сколь Ровоам был неспособен управлять царством его отца Соломона. Так планы и предприятия лучших людей оказываются сбитыми с толку таинственной силой над нами, которая держит в своих руках судьбы народов, — Божественным Провидением, которое дает и которое удерживает силу.

Марк Аврелий сделал все, на что была способна человеческая добродетель, чтобы остановить разорение, которое, как он с глубочайшей скорбью видел, надвигалось на империю, несмотря на все внешнее процветание, вызвавшее такой всеобщий панегирик. И империя также пользовалась благосклонностью череды военных императоров, которые испытывали силу оружия, подобно философии Аврелия.

Никогда более способные люди не правили на абсолютном троне. Все, что могли сделать гений, опыт и мастерство, чтобы остановить волны варваров, было сделано. Череда самых блестящих побед ознаменовала эти последние дни Рима. Среди беспрецедентных бедствий были и самые запоминающиеся триумфы. Слава римского имени возродилась при Клавдии, Аврелиане, Пробе, Каре, Диоклетиане, Констанции, Галерии, Константине, Юлиане, все из которых оказали важные услуги. Эти великие императоры неизменно были победителями, но были обречены отбрасывать постоянно наступающие силы тевтонских воинов, которые были полны решимости завоевывать. Диоклетиан был вторым Августом, а Константин - вторым Юлием. Но все их завоевания и реконструкции были напрасны. Варвары продвигались вперед. Они становились все более и более могущественными после поражения; римляне слабели все больше и больше после победы. В середине четвертого века готы прочно обосновались в Дакии, персы вернули себе провинции между Евфратом и Тигром, в Галлию вторглись германцы, саксы разорили Британию, скотты и пикты распространились от стены Антонина до берегов Кента, Африка восстала, Сапор нарушил свои договоры, готы перешли Дунай, император Валент был убит с шестью тысячами пехоты и шестью тысячами кавалерии. От берегов Босфора до Юлийских Альп не было видно ничего, кроме изнасилований, убийств и пожаров. Дворцы были разрушены, церкви превращены в конюшни, мощи мучеников осквернены, женщины изнасилованы, епископы молились в отчаянии, города пали, страна была опустошена; опустошение распространилось на рыб и птиц. Плодородные поля превратились в пастбища или заросли лесами. Близился день гибели. Нужен был герой, чтобы восстать, избавитель, второй Моисей. И в лице Феодосия появился великий человек — самый способный и доблестный из всех императоров после Юлия Цезаря.

[Прим. автора: Феодосий.]

Карьера Феодосия чрезвычайно интересна, поскольку показывает, что все, что мог сделать императорский гений, чтобы предотвратить разорение, было сделано им самим.

Феодосию было тридцать три года, когда его призвали из отставки, чтобы править миром. Он научился военному искусству у своего отца в Британии и при жизни победил сарматов.

Римляне, обескураженные сокрушительным поражением, которое они потерпели под стенами Адрианополя, и смертью императора Валента, больше не имели мужества противостоять готам в открытом поле, а Феодосий был слишком благоразумен, чтобы повести их против торжествующего врага. Он удалился в Фессалоники, чтобы наблюдать за варварами. За четыре года он возродил мужество своих войск, точно так же, как Альфред впоследствии вновь разжег воинственный пыл саксов после их поражения от датчан. После смерти Фритигерна, первого великого исторического имени среди вестготов, его солдаты были деморализованы и разделены завистью, но были привлечены искусством и государственной мудростью Феодосия, и с ними был заключен договор, по которому они получили поселение в пределах империи и стали союзниками императора. Вскоре после этого остготы потерпели поражение в решающей битве на Дунае, и все опасения перед этими враждебными варварами рассеялись, по крайней мере на время.

[Примечание: Преемники Феодосия.]

[Прим. автора: Диоклетиан.]

Феодосию не менее повезло в его конфликтах с Максимом, который узурпировал провинции Галлия, Испания и Британия и замышлял завоевание Италии. В Аквилее узурпатор был схвачен после ряда поражений, с него сняли императорские украшения и передали палачу, и Феодосий без соперника правил обновленной империей, практикуя добродетели домашней жизни, вознаграждая выдающиеся заслуги и защищая интересы церкви. Он восстановил авторитет законов и исправил злоупотребления предыдущих царствований. Любой соперник или враг, который в те смутные времена восстал против императорской власти, был легко подавлен. Евгения постигла участь Максима, и Арбогаст направил свой меч себе в грудь. Феодосий царствовал в мире и мудрости, был кумиром церкви и предметом страха для варварского мира. У него были свои недостатки, он совершал ошибки и преступления, но его правление было благотворным, и христианский мир надеялся, что зло, угрожавшее империи, было устранено. Увы, империя была обречена. Смерть Феодосия стала сигналом к возобновлению боевых действий. Его сыновья, немощные Аркадий и Гонорий, не справились с задачей управления империей, и она попала в руки варваров, которые безжалостно прошли по руинам, не обращая внимания на сокровища классической земли и на стражей, которых христианство представляло в присутствии протестующих епископов. Империю не могли спасти способные императоры, каким бы великим ни был их военный гений. Абсолютизм, будь то у тиранов, философов или генералов, одинаково потерпел неудачу. На что надеяться империи, когда Сенат насаждал принципы пассивного повиновения тиранам; когда такие юристы, как Папиний и Павел, заявляли, что императоры свободны от всех ограничений? Что мог сделать Александр Север, когда самый прославленный человек в империи — ученый и бессмертный Ульпиан — был убит на его глазах гвардией, префектом которой он был, и когда распушенность солдат была такова, что император не мог ни отомстить за своего убитого друга, ни за свое оскорбленное достоинство; когда его собственная жизнь была принесена в жертву недовольству армии, ставшей хозяином самих императоров? После убийства этого храброго и просвещенного принца ни один император не был в безопасности на своем троне и не мог сделать ничего большего, чем воздвигнуть слабую преграду варварам на границах. Внешние опасности, возможно, и выдвинули способных военачальников, таких как Деций, Аврелиан и Проб; но они не могли предотвратить набеги готов или излечить общество от невзгод. Из девятнадцати тиранов, восставших во время правления Галлиена, ни один не умер естественной смертью. И

когда после позорного периода бедствий на трон взошел Диоклетиан, возможно, самый способный из всех императоров после Августа, никакие таланты не могли выдержать тяжести государственного управления, и даже этот император попытался уничтожить единственное влияние, которое могло спасти. Абсолютизм посеял семена разорения, которым суждено было принести самые жалкие плоды.

[Примечание: римская юриспруденция.]

Юриспруденция была наукой, которой римляне могли похвастаться больше всего; и она не была доведена до совершенства до времен императоров. Он был тесно связан с конституцией, но превосходил ее, поскольку основывался на принципах естественной справедливости. Это продолжалось и тогда, когда все материальное величие исчезло, и до сих пор составляет основу законов европейских народов. Это был важный элемент самой цивилизации; это было частью механизма общественного порядка; это пронизывало все части империи; это делало правление тиранов терпимым.

Нет никаких сомнений в том, что превосходство законов сформировало одно из самых мощных консервативных влияний языческой древности. Мы превозносим эти законы как одно из величайших достижений человеческого разума. Но законы - это скорее показатель состояния общества, чем контролирующая сила, которая его изменяет. Если убийца должен быть повешен или вор заключен в тюрьму, суровый закон просто не проявляет милосердия к убийцам и вора; он не создает чувства, которое предотвращает беззаконие, хотя и может наказывать его. Разумное разделение собственности между наследниками может препятствовать пагубному накоплению, но не предотвращает непропорциональное обогащение. Чем сложнее судебная практика, тем больше общество нуждается в ограничениях и противовесах. Закон не может быть выше фонтана. Чем совершеннее состояние общества, тем меньше потребность в законах. Осторожные меры предосторожности против мошенничества просто показывают, что мошенничество распространено и его легко совершить. Подробные инструкции, касающиеся защиты собственности и контрактов, показывают, что преобладающие обычаи и привычки дилеров были коррумпированными и нуждались в сильной руке защищающего их правительства. Как правило, обнаруживается, что законы лучше всего и строже всего соблюдаются, когда преобладает беззаконие. Человек в Париже в безопасности, когда он не в Бостоне, но из этого факта мы не делаем вывод, что общество выше, а что со стороны правительства существует более суровая необходимость сдерживать преступность. Законы римлян создают впечатление необходимости постоянной бдительности и надзора, чтобы сильные не охотились на слабых. Другие влияния более необходимы, чем законы, для поддержания людей в добродетели и порядке. Законы действительно необходимы, но они не являются первыми условиями общественного существования.

[Примечание: Извращение законов.]

Но что мы должны думать о законах, когда от них либо уклоняются, либо извращают, когда нет мудрости, чтобы почувствовать их справедливость, или добродетели, чтобы их исполнять? Что такое законы, если судьи коррумпированы? Продажность римских судей вошла в поговорку. Даже в сравнительно добродетельную эпоху Цицерона один друг написал ему, чтобы он не вспоминал некоего крупного чиновника, поскольку тот сам был замешан в его грабежах, и просьба была удовлетворена. Империя считалась добычей, а провинции были лишены своих самых ценных сокровищ. Посмотрите на поборы Верреса на Сицилии, когда двухлетнего

пребывания в стране было достаточно, чтобы разбогатеть губернатору провинции. Римское право также никогда не было независимым от политической власти. Преторы были политиками, преследующими амбициозные цели, выходящие за рамки осуществления судебной власти. Влиятельные люди всегда могли покупать вердикты, и правительство не обращало внимания на этот позор. *Была justice in the abstract смыслereality.* А когда юриспруденция усложнилась, решения принимались по техническим вопросам, а не на основе принципов справедливости. Обращаться к юриспруденции в Риме было так же разорительно, как и в Лондоне. Адвокаты поглощали спорные деньги своими уловками и проволочками. Они сделали практику своей благородной профессии неясной и ненадежной. Клиенты ухаживали за выдающимися юристами и получали обещания, улыбки и устричные раковины. Кроме того, часто было лучше смириться с нанесенным ущербом, чем пытаться его исправить. Дела решались *против* правосудия, если какая-либо техническая форма или древний обычай благоприятствовали более могущественной стороне. Юристы составляли большой и могущественный класс, и им предстояло сколотить состояния. Вместо того чтобы защищать невиновных, они прикрывали виновных. Те, кто платил самые высокие гонорары, были наиболее уверены в благоприятном приговоре. Законы практически действовали для того, чтобы богатые становились еще богаче, а бедные беднее. Из-за продажности суда и ученого жонглерства адвокатов у неизвестных и неимущих было мало надежды. Меривейл говорит: "Занятие судебной скамьи было великим инструментом, с помощью которого могущественные люди защищали свои монополии; ибо, держа это в своих руках, они могли пресекать любые попытки раскрыть с помощью юридической практики чудовищность своего управления. А разрешенные законом средства обольщения, такие как скрытый подкуп на шоу и фестивалях, использовались открыто и дерзко". На что же тогда можно было надеяться от законов, когда они превратились в канал вымогательства и угнетения? Закон, абстрактная слава Рима, превратился в самую мрачную насмешку над правами человека. Соль - это хорошо, но если соль потеряла свой вкус, она ни на что не годна, даже на навозную кучу. Когда законы практически усугубляют зло, от которого они были призваны избавиться, какая надежда есть на их консервативное влияние? Юридическая практика всегда оставалась почетной профессией, и сыновья великих были обучены ей; но мы находим таких людей, как Киприан, Златоуст и Августин, которые первоначально приступили к ней, отвернувшись от нее с отвращением, поскольку были полны уловок и педантизма, успеха в которых можно было добиться только проституированием моральных сил. Извращенные законы были хуже, чем их полное отсутствие, поскольку хитрые и проницательные юристы могли обратить их против истины и невиновности. Было бы грубо и узко сказать, что юристы не были нужны; но они сделали очень мало для предотвращения зла. Нечестивое поколение преодолеvalo слабые барьеры, которые законы воздвигали против беззакония. Они были всего лишь паутиной для уловления ничтожеств. Если добрые законы не подкрепляются добродетелью и умом, они оказываются ловушкой. Государство спасает исполнение законов, основанных на принципах справедливости, а не их создание.

[Примечание: Искусство поздних римлян.]

Если сложная система законов и правления, на которую были потрачены разум и опыт веков, не предотвратила попадания империи в руки варваров, то тем более нельзя было ожидать от искусства, которым римляне также отличались наравне с греками. Много говорится об облагораживающем влиянии этих великих творений, придавших столь великий блеск древней цивилизации. Основанные на нетленных идеях, мы, естественно, приписываем им большой элемент национального самосохранения, поскольку они были предметом славы и гордости.

[Примечание: Присущая ему красота.]

Нельзя отрицать, что искусство, находясь в гармонии с возвышенными идеалами красоты и изящества, которые оно стремится увековечить на холсте или мраморе, во многом улучшает вкус, способствует развитию утонченности и эстетической культуры. И когда искусство преследует высокую цель, ища, подобно добродетели, своей собственной награды, в нем есть многое облагораживающее. Даже та литература, которая наиболее ценна и долговечна, является художественной, как оды Горация, эпосы Вергилия, сжатое повествование Тацита; как "Элегия на сельском кладбище", или "Заброшенная деревня", или "Коринна", или "Уэверли". Варрон был самым образованным писателем, которого создал Рим, и самым объемным. И все же от его произведений почти ничего не осталось. Им не хватало искусства, как немецким историкам — очень полезным в свое время, но сохранившимся только в трудах тех, кто пользовался их материалами. Следовательно, наука не так долговечна, как поэзия, когда поэзия возвышается, поскольку ее вытесняют новые открытия. Следовательно, стиль письма, достигающий большого совершенства, придает бессмертие произведениям, которые не смогли бы существовать без него, даже если бы они были когда-либо столь глубокими. "Карл XII" Вольтера по-прежнему остается классикой, как и номера "Зрителя", хотя и поверхностной и, возможно, ненадежной. Великая картина подобна истории Фукидида — она живет, потому что это творение. Следовательно, искусство, когда оно сурово и возвышенно, нельзя слишком высоко восхвалять или лелеять. Человек не может писать ради хлеба насущного, как он пишет ради славы; и он не может писать ради славы, как он пишет для удовлетворения своего собственного идеала. Бессмертные поэты - это те, кто воспевают себя в царстве блаженства, в божественном экстазе, из любви к искусству или для того, чтобы выразить чувства, наполняющие душу. Сэр Вальтер Скотт мог написать своего "Айвенго", вдохновленный чувствами, которые согревали рыцарские века; он стал простым литературным халтурщиком, когда писал, чтобы расплатиться со своими долгами.

[Примечание: Истинный художник.]

Истинный художник - один из любимцев Небес, в значительной степени возвышенный над состраданием смертных, даже если его дни омрачены заботами и печалью. Он живет в иной и более чистой атмосфере, чем обычные люди. Возможно, он не наслаждается чувственными удовольствиями, но он упивается радостями души. Данте может быть печален, как тогда, когда в своих мрачных скитаниях и изоляции он просил у фра Иларио покоя в его священной обители; но он был печален больше, чем плакал над Иерусалимом, из-за глубокой серьезности высшего знания, из-за возвышенного одиночества обитателя другой, более величественной сферы. Гений всегда испытывает эту печаль, и было бы столь же мелко принимать ее за страдание, как было бы жалеть святого, проходящего через невзгоды нашего мирского паломничества, несмотря на бесконечную славу, которая уготована ему в небесном граде. Высшие радости души чужды легкомыслию, суматохе и веселью от вина — тех удовольствий, которые больше всего ценятся слабыми или чувственными. В этом мире нет ничего более возвышенного, чем пример возвышенной натуры, ищущей нетленного, истинного, прекрасного, доброго среди дискомфорта, упреков или пренебрежения.

Таковы поистине великие художники. Иногда они щедро вознаграждаются своим поколением похвалами и материальными благами, как это было с Апеллесом у греков и Рафаэлем у итальянцев. Иногда их совершенство не ценилось, за исключением немногих. Но независимо

от того, ценились они или нет, великие художники древности принадлежат к созвездию гениальных людей, которое будет сиять вечно. Они жили в своем собственном великолепном царстве мыслей и чувств, которое мир не может ни понять, ни разделить. Они жили не ради выгоды. Они жили для того, чтобы реализовать свои собственные возвышенные идеи о совершенстве.

[Примечание: Упадок искусства.]

[Примечание: Проституция искусства.]

[Примечание: поздние римляне были неспособны ценить искусство.]

[Примечание: Деграция искусства.]

[Примечание: полный провал искусства как консервативной силы.]

Но это было не так в императорском Риме. Все авторы говорят о наиболее заметном упадке искусства от Августа до Диоклетиана. Даже архитектура пришла в упадок. Это было безвкусное сооружение или простая копия, как арка Константина, со старых моделей. Оригинальных зданий возведено не было, а те, что были построены, противоречили всем принципам, которые были установлены греческими архитекторами. Меньше всего искусство поощряло возвышенные чувства. Он не рисовал неземную красоту. Он не высекал мрамор, чтобы возвышать или наставлять. Статуи были сделаны в угоду деградировавшему вкусу богатых, но вульгарных семей, для придания пышности роскоши, для потворства порочным страстям. Живопись была абсолютно постыдной; и мы прикрываем глаза и прячем румянец, рассматривая украшения Помпеи. Как унизительны картины, найденные среди развалин древних бань! Искусство было чувственным, извращенным, развращающим. Картины взывали либо к извращенным вкусам, либо разжигали бессмысленную гордыню, либо разжигали нечестивые страсти, либо льстили тщеславию богатых — низводили ангелов на землю, а не возносили смертных на небеса. Они увековечивали режим тиранов или забавляли богатые классы, чье богатство покупало как музу поэтов, так и видения скульптора. Искусство было продажным. Она продала свою славу, которую следовало бы так же некупать, как жизненные блага и улыбки красавицы; и она стала раскрашенной Гетерой, опьяненной кубками с вавилонским вином и фантастической от колдовства Египта. Как могла она, будучи такой проституткой, возвысить народ, или остановить вырождение, или освятить древние суеверия? Она скорее способствовала, чем замедлила разрушение. Удивительно, как быстро искусство выродилось вместе с развитием роскоши, воспроизводя зло быстрее, чем добро, и затемняя даже самую истину. Удовольствия, взывающие к интеллекту, всегда будут соответствовать преобладающим вкусам, и чем изысканнее искусство, тем более фатально оно сбивает с пути истинного, коварно появляясь в образе ангела света. Мы не можем уничтожить искусство, не уничтожив одно из самых благородных достижений цивилизации; но мы не можем иметь цивилизацию, не умножая опасностей и искушений человеческого общества. И даже если допустить, что искусства языческого мира оказывали очищающее влияние на немногих, что это такое, если не сопровождаться добродетелями, проистекающими из самопожертвования? Я говорю не о том великолепии, которое должно представлять искусство, а о той привлекательности, которую оно представляет, когда приходит в упадок. Какое консервативное влияние может оказать Венера Тициана? Почему искусство не реформировало мораль, поскольку мораль возвысила искусство? И почему искусство выродилось? Почему оно не сохранило свое? Правда в том, что

искусство эзотерично, а не популярно. Воображение вульгарного человека недостаточно развито, чтобы увидеть в символах, олицетворяемых искусством, те страсти или чувства, которые с энтузиазмом двигали поколениями. Готический собор бесконечно интереснее для сентиментального или образованного человека, чем для неграмотного грубияна. Невежды не могут оценить историческую достоверность и изумительное изучение рас, которые представлены в такой статуе, как африканская Сивилла. Мы должны понять характер Моисея, прежде чем сможем проникнуться восхищением достоинством и величием, которые Микеланджело воплотил в своей статуе. Когда Фидий, Пракситель и Лисипп лепили свои глиняные модели, у них были критики и почитатели в лице Перикла, Платона или Демосфена. Именно для них они работали, и именно они их стимулировали, а не сброд рабов и подхалимов. Но когда в Риме не было ни Цицерона, ни Октавия, ни Мекены, ни Горация, художники трудились, чтобы угодить императорским обжорам, претенциозным вольноотпущенникам, невежественным генералам, пьяницам-сенаторам и продажным судьям. Их возвышенное искусство стало служанкой изнеженности, тщеславия, чувственности. Оно не могло подняться выше уровня тех, кто посвятил себя его служению. Оно не делало людей лучше. Был ли Лев Х более мудрым папой, потому что ему нравились картины? Сделало ли искусство Медичи во Флоренции более восприимчивым к религиозным впечатлениям? Освящает ли искусство Дрезден или Флоренцию? Делает ли это современные столицы более сильными или более самоотверженными, лучше приспособленными для борьбы с насилием или защиты от безумств, подрывающих государство? Каковы истинные консервативные силы нашего мира? На чем Лютер и Кранмер строили надежды на возрождение? Древние апостолы и мученики посмеялись бы над дилетантским жаргоном. Искусство забавляет и может облагораживать, когда оно само по себе чисто. Она не готовит душу к конфликту. Она не учит, как противостоять искушению. Скорее, она представляет искушения. Она позолачивает очарование земли. Это не указывает на обязанности или будущую жизнь. Консервативность - это то, что спасает, а не то, что украшает. Нам нужны идеи, невидимые силы, то, что возвышает разум над материальным. Насколько искусство может это делать, это хорошо. Это великий элемент цивилизации. Насколько сады и цветы, виллы и рощи могут это делать, давайте иметь их. Давайте сотворим рай из пустыни. Человек был помещен в Эдем, чтобы одевать и содержать его. Материал, правильно направленный и используемый, является частью нашего справедливого наследия. Человек как физический, так и интеллектуальный. Отвергать внешние благословения Провидения - это по-монашески сумасбродно. Наследство в Мидлсексе стоит больше, чем наследство в Утопии. Подарите нам красоту и изящество — они бесценны. Но давайте также помнить, что душа расширяется главным образом благодаря моральной истине — осознанию ответственности. Какими бы великолепными ни казались нам триумфы искусства в его эстетическом влиянии, возникает вопрос: привели ли они, в их лучшем проявлении, в Греции и Риме, к патриотизму, к самопожертвованию, к возвышенному социальному положению? И если это не останавливало коррупцию, то как могло искусство, будучи извращенным, спасти падающую империю? Все глубокие исследования относительно прогресса расы сосредоточены на моральных истинах, — тех, которые имеют отношение скорее к духовному, чем к материальному, к будущему, а не к настоящему. Искусство потерпело неудачу, потому что оно не выдвигало великих идей, имеющих отношение к духовным и будущим интересам. Она особенно терпела неудачу, когда потворствовала извращенным вкусам, когда это было просто времяпрепровождением богатых и отвлекало ум от того, что является величайшим и святейшим. Святой Павел, когда он бродил по греческим городам, очень мало говорил о скульптурах и храмах, которые попадались ему на глаза на каждом шагу. Он не был равнодушен к красоте и

величию. Но он чувствовал, что все обновляющие силы исходят от идей, проповедовать которые его послали. Он не осуждал искусство; вероятно, он восхищался им; но это, по его мнению, было слабой основой национального счастья и силы. Если суровая мораль стоиков была слабым барьером против коррупции, то насколько более слабыми были храмы Минервы, статуи Юпитера и изображения Венеры? Велика была Диана Эфесская, но не как влияние, способное остановить вырождение. Превозносим искусство так высоко, как только можем, оно не является обновляющей силой, и именно об этом мы говорим.

[Примечание: Литературные попытки.]

[Примечание: Деградация литературы.]

Литература стремилась к чему-то более высокому, чем искусство; нам также нет необходимости распространяться о ее трансцендентном совершенстве в классические века. Это само по себе было искусством, искусством в высшей и наиболее прочной форме, и оно будет жить, когда мрамор истлеет. Вергилий, Цицерон, Гораций, Тацит, Ливий, Овидий были великими художниками, и цивилизация увековечит их славу. Они не могут умереть. Что может быть более бессмертным, чем художественные очертания человека и природы, которые поэты и историки создали с таким трудом и гениальностью? Когда люди, не вдохновленные христианством, высказывали чувства более нежные, или мысли более глубокие, или стремления более возвышенные? Это наше постоянное изучение и чудо — чудеса гения, которые появляются лишь через большие промежутки времени. Все, что наиболее ценно в древней цивилизации, увековечено в ее литературе и переживает империи и перемены. Люди, которых позабавили и наставили эти великие шедевры, *have* ушли из жизни, как и их империя, но они будут интересны самым отдаленным поколениям. Они живут за счет своей собственной жизненной силы. Если человеческий интеллект без посторонней помощи мог взлететь так высоко под иссушающим влиянием язычества, политического рабства и социальной деградации, мы не можем не чувствовать, что у христианства есть более высокие миссии, чем стимулировать интеллектуальные способности человека; и, хотя мы помним, что в наше время некоторые из высочайших творений гения были созданы теми, кто отрекся от духа христианства, мы не можем не чувствовать, что консервативное влияние исходит не от литературы в ее лучшем виде, если только ее идеи не вдохновлены Евангелием. Великие писатели эпохи Августа останавливали вырождение не больше, чем Гете, Бульвер, Байрон и Гюго в наши дни. Они развлекали, они культивировали, они украшали; они не спасали. Также маловероятно, что великие шедевры древности были любимыми предметами изучения, за исключением немногих образованных людей, не больше, чем люди читают в наше время Мильтона, Бэкона и Паскаля. Они обогатили библиотеки; их почитали и хранили в дорогих переплетах; но они не были привычными путеводителями. Люди ничего не читали. Великие писатели древности жалуются на легкомыслие общественного вкуса. Более того, беды империи и развращенность общества были неблагоприятны для возвышенных творений гения. Люди были поглощены мимолетными событиями, а литераторы обычно потворствовали низменным вкусам народа или опускались до того, чтобы льстить чудовищам, которых они боялись. Охота и соколиный промысел служили музами поэтов. История была сведена к скучным и сухим сокращениям и еще более сухим комментариям. Люди искали скандальные анекдоты, или деморализующие зарисовки, или пенистую поэзию. Упадок литературы, как и упадок искусства, шел в ногу с общественными невзгодами. Когда возвышенные и созерцательные личности были опечалены и обескуражены общественной и частной коррупцией и видели приближение разорения, у них не хватало духу

прилагать большие усилия — и усилия, которые не были бы оценены по достоинству. Они искали уединения. В литературе не было жизни, не было энтузиазма. Она была общепринятой — для модных кругов, для которых сила была неприятна, а достоинство — порицанием. Смыслу предпочитали звук. Риторика вытеснила мысль. Сентиментальный поток слов сменился поэзией. Литераторы объединялись в общества взаимного восхищения и превозносили свои собственные легкомысленные произведения. Подобно тому, как современные экономисты перечисляют в своем каталоге великих людей, главным образом тех, кто писал романы и стихи для журналов, и обходят незамеченными суровых мыслителей эпохи, так и литературные сплетники Рима заставляли город звенеть, как кузнечиков, своим назойливым стрекотанием. К несчастью, они были единственными обитателями поля, ибо "никакой крупный рогатый скот" не хранил молчания под сенью защитного дуба. Нерон запретил труды Лукана, потому что тот изобразил в своей "Фарсалии" безумства того времени. Лукиан дал волю своим горьким сарказмам и приподнял завесу лицемерия, в которую окутало себя его поколение; но его насмешки, как и насмешки Вольтера, были разрушены, не стремясь заменить их чем-то лучшим. Петроний смеялся над пороками, от которых не хотел избавляться и которые сам разделял. Ювенал и Марциал льстили тиранам, которых они ненавидели. Знать, возможно, и смеялась над их горьким сарказмом, но они стремились к своим удовольствиям. Литература при Августе мало что сделала для возвышения римского сознания. Чего можно было ожидать, когда это было грубо, слабо и легкомысленно? Если интеллектуальная сила не удерживает людей от пороков, чего можно ожидать, когда интеллект потворствует страстям и интересам? Нет более абсурдной поговорки, чем то, что культура ума благоприятствует культуре сердца. Что делают оперы и театры для возвышения общества? Побуждает ли к исполнению долга сентиментальный роман? Образование редко удерживает людей от безумств, когда на волю не влияют добродетели. Если Сократ искал общества Аспазии, если Сенека сколотил гигантское состояние, выполняя государственные поручения, если Цицерон томился в изгнании, потому что был лишен привычных удовольствий, если Марк Аврелий был слеп к правам и добродетелям христиан, то на что можно было надеяться от литературных сенсуалистов четвертого века? Если знание не сдерживало страсти философов, то как можно было обуздать страсти, когда любое влияние имело тенденцию их возбуждать? Афины пали, когда их искусство и школы были в зените своей славы, как мог выстоять Рим, когда искусство и школы подрывали нравственное здоровье? Ни поэты, ни историки, ни критики не имели в виду перерождения общества. Они писали, как пишут сейчас поэты и романисты, ради хлеба, славы, общественного положения. Если такой человек, как Расин, такой возвышенный и суровый, был убит хмурым взглядом Людовика XIV, то как мог такой утонченный сластолюбец, как Петроний, жить за счет улыбок Нерона и лести двора? Если литература бессильна остановить вырождение, когда она возвышенна, поскольку она достигает лишь немногих образованных людей, то насколько же она неадекватна, когда она сама испорчена! Вкус нашего времени со всей нашей славной христианской литературой, нашими публичными библиотеками, нашими лекторами, нашими проповедниками, нашими профессорами и нашими стандартными классическими авторитетами едва ли удерживается от извращения захлестнувшей нас надуманной литературой и газетными банальностями, которые мы поглощаем за завтраком. При всех усилиях истинных и христианских филантропов сомнительно, есть ли среди нас какой-либо моральный прогресс. Есть материальный рост; но соответствует ли мораль всему нашему огромному механизму возвышения общества? Чего же тогда можно было ожидать в Риме, где не было ни публичных библиотек, ни газет, ни лицеев, ни кафедр, ни печатных станков, и где книги были утешением немногих аристократов, и где эти аристократы могли развлекаться только

скандальными анекдотами и фривольными стихами? Литература даже не занимала своего места. Начиная с эпохи Августа, она неуклонно приходила в упадок. Она приходила в упадок по мере того, как у людей появлялся досуг для ее чтения. Вместо того, чтобы возвышать общество, общество развращало литературу. О литературе можно сказать то же, что было сказано об искусстве. Она не выполнила своей миссии, если и была призвана спасать. Она могла охватить лишь небольшую часть населения, а тех, кого она все-таки охватила, просто позабавила.

[Побочное примечание: Литературный провал.]

Было бы слишком огульно утверждать, что лучшие формы римской литературы не облагораживали и не возвышали, но, к сожалению, они достигли лишь немногих умов, и не всегда тех, кто обладал политической и социальной властью. Литература была недостаточно мощной, недостаточно распространенной, и большая ее часть деморализующей, таким образом, демонстрируя скорее привкус смерти, чем привкус жизни. Когда цивилизация воспроизводит зло быстрее, чем добро, у общества не так уж много надежды, кроме как на какое-то сигнальное вмешательство Всемогущей силы. Общество бесконечно мрачно для созерцательного человека, когда нет противоядий от яда, который быстро поглощает жизненную силу государств. Мы размышляем о приближающейся смерти, и смерти среди множества физических достоинств. Это подобно богатому человеку, лежащему на кровати, с которой он никогда не встанет, окруженному всеми удобствами и удовольствиями, к которым стремятся мужчины. Литература была слабым лекарством для умирающего пациента. Если бы все классы наслаждались богатым сокровищем разума и были довольны, тогда, возможно, была бы какая-то надежда. Но это было не так. Лишь немногие наслаждались великолепием мысли. И они презирали людей.

[Примечание: Древняя философия.]

Но философия пыталась сделать нечто более высокое и благородное — даже реформировать мораль, особенно в Риме. Римлянам было не по вкусу абстрактные рассуждения. И поэтому они не расширили границы мышления и разума за пределы, к которым пришли греки. Но они приняли то, что было наиболее практичным в греческой философии, и применили это к обычной жизни.

Если и есть что-то возвышенное в язычестве, так это философия. Она предлагала искать прекрасное, истинное, благое; отвлекать людей от унижительных занятий; занижать оценку деньгам, материальным выгодам и пустым удовольствиям. Оно было спокойным, бесстрашным и пытливым. Все секты философов презирали занятия вульгарных и притворялись мудрыми. Минерва, а не Венера, не Диана, была богиней их идолопоклонства. Она обожествляла разум и стремилась контролировать страсти. Она стремилась в царство истины и любви. Оно верило в божественное и ненавидело грубое. Следовательно, философы не стремились к внешним вознаграждениям и держались в стороне от деморализующих людей удовольствий. Они одевались в другую одежду, жили уединенно и изучали благосостояние души. Разум почитался, а материя обесценивалась. Это были эзотерические люди, которые ненавидели порок и стремились к высшему благу. В моральном плане они в целом превосходили других людей, поскольку обладали интеллектуальными способностями и достижениями. И они противостояли популярному течению мнений и искореняли популярные пороки. Они были реформаторами древнего мира, мудрецами — серьезными людьми, отстаивавшими великие ценности любви, дружбы и патриотизма, — возвышенными духами своего времени, озабоченными и

увлеченными своими благородными исследованиями природы и Бога. Посмотрите на Сократа, столь небрежно относившегося к одежде, ходившего босиком, раздававшего то, что у него было, добивавшегося унижения и пренебрегавшего народной благосклонностью, если бы он только мог убедить своих учеников в величии бесконечного и нетленного. Посмотрите на Пифагора, отказавшегося от политического поста и посвятившего себя преподаванию. Посмотрите на Ксенофана, странствующего по Сицилии в святом энтузиазме рапсода истины. Посмотрите на Парменида, отказавшегося от родового богатства, чтобы он мог учить различию между идеями, полученными с помощью разума, и идеями, полученными с помощью чувств. Взгляните на Гераклита, отказавшегося от великолепных предложений Дария и удалившегося в уединение, чтобы исследовать глубины своей собственной натуры. Посмотрите на Анаксагора, позволившего своему богатству растаять, чтобы он мог открыть для себя множество граней природы. Посмотрите на Эмпедокла, раздающего свое состояние бедным девушкам, чтобы напасть на антропоморфизм своего времени; или на Демокрита, отказывающегося от суверенитета Абдеры, чтобы у него было время поразмышлять о различии между отражением и ощущением; или на Диогена, живущего в ванне; или на Платона в его саду; или на Аристотеля в тенистой части Лицея; или на Зенона, охраняющего ключи от цитадели. Посмотрите на доброго Аврелия в более поздние и более развращенные века, отказавшегося от удовольствий императорского трона, чтобы поразмышлять о благополучии своей души, или на раба Эпиктета, преподающего богатейшие уроки моральной мудрости развращенному и вялому поколению.

[Примечание: римляне не ценят философию.]

Более возвышенные формы древней философии никогда не были популярны, даже в Афинах. Популярными учителями были софисты и риторы, которые, будучи людьми светскими и честолюбивыми, презирали возвышенные рассуждения Сократа и Платона. Философией Платона владели лишь немногие, и это были люди с сильным умом, но стоявшие в стороне от господствующих вкусов и удовольствий. Это оказало еще меньшее влияние на римский ум, который был практичным и житейским. Платонизм выступал против сенсуализма и материализма того времени, верил в вечные идеи, стремился к познанию Бога как великой цели жизни — возвышенный реализм, который едва ли ценился больше, чем само христианство. Платонизм, несомненно, был высшим усилием невдохновенных людей, находящихся под влиянием языческих идей и институтов, достичь познания Бога и души. Оно прославляло бессмертие и утверждало, что природа человека сродни божеству и ему предназначено более высокое развитие после смерти. Оно пыталось понять нашу сложную природу и проследить связь между землей и небом. Он стремился провести различие между формами и сущностью, духовным и чувственным. Он одухотворил популярную мифологию и настаивал на единстве, на котором она в основе своей покоится. Оно не насмехалось над религиозной серьезностью и рассматривало блаженства души как высшее благо на земле.

[Примечание: платонизм.]

Но такое знание было слишком чудесным для римлян. Оно было высоким, и они не могли достичь его. Его цели были слишком духовными и возвышенными. Едва ли нашелся выдающийся римлянин, принявший эту систему. Цицерон ближе всех подошел к пониманию ее духовного смысла, но она была слишком возвышенной даже для него. Он сочинил республику и свод законов, в которых разум и верховенство права должны были стать руководством

государств и империй. Таким образом, платонизм, как возвышенная гипотеза, вошел в юриспруденцию. Это повлияло на мышление великих умов, даже когда оно вошло в христианство в более поздний период и заключило с ним союз. Но практически это не оказало большого влияния на жизнь и нравы. Это рассматривалось как система мистицизма, лелеемая очень небольшой группой эзотерических верующих, которых отвергали как мечтателей. На них смотрели во многом так же, как смотрят на трансценденталистов наших дней, к которым большая часть эвенских мыслителей испытывала лишь небольшую симпатию. В Риме к Платону относились не с большим уважением, чем к Канту среди лондонских купцов. Его имя, возможно, произносили с оракульским восхищением, но не было ни глубокой оценки его, ни общего знания его трудов, ни сочувствия к его доктринам. Для римлян они были глупостью, примерно в том же смысле, в каком христианство было для греков. Они превзошли свой опыт, вышли за пределы своих мыслей и искали духовной уверенности, которой пренебрегали.

[Примечание: Философия Аристотеля.]

[Примечание: его провал.]

Философия Аристотеля была почти так же неприятна римлянам, как и философия Платона, и она была менее возвышенной. Она имела скептическую направленность, исключала научный свет из сферы деятельности и воспитывала гордый и уверенный в себе дух. Ученые отрицали возможность с уверенностью прийти к истине; и, следовательно, считали сомнительным, существуют ли боги или нет, смертна ли душа или переживает тело, предпочтительнее ли добродетель пороку или наоборот. Они насмехались над религиозной серьезностью и молчаливо поощряли влияния, которых следовало опасаться. Они с величайшим презрением относились к популярной религии и высмеивали религиозные церемонии. Они подорвали суеверия, но ослабили и религию, ничего не заменив абсурдностью, от которой они отмахнулись. Лукиан был одним из таких философов, и его горький сарказм был сильнее логики Цицерона, разрушавшего то, что не могло быть доказано. Можно сказать, что ученые были рационалистами древности. Старые религии не могли устоять перед пытливым скептицизмом и саркастическим остроумием этих нерелигиозных философов, которые довольствовались безжизненным деизмом — системой, которая на самом деле не отрицала существование и провидение Бога, но приписывала Божеству безразличие к делам людей. Доктор Неандер в первом томе "Истории Церкви" показал влияние неверия академиков на состояние общества в Риме, особенно на людей высокого положения и моды. Неверность в любой форме не может оказывать консервативного влияния. Она предназначена для подавления, а не для наращивания. Суеверие, со всеми его ребяческими проявлениями, лучше, чем презрительная и гордая философия, которая не принимает во внимание нужды и устремления народа.

[Примечание: Стоическая философия.]

Если какая-либо форма древней философии могла обновить общество, то это была школа стоиков, основанная Зеноном. В наш развращенный век она прославила себя среди многих благородных и могущественных умов, потому что подняла их над окружающей их коррупцией и провозгласила идеальный стандарт морали. Римлян очень мало заботили простые рассуждения о Боге или вселенной; но они действительно почитали то, что предлагало практическую цель. Стоики презирали господствующую низость и подавали примеры суровой морали. Марк Аврелий, один из самых возвышенных последователей этой школы, был образцом всех добродетелей и рассматривал свою философию как средство спасения рушащейся империи.

Но стоики, со всей их моралью, были фарисеями языческой древности. Они считали себя выше всех других классов людей. Они гордились своей гордой изоляцией. И при всей возвышенности стоицизма, он учил не о Боге, который правил миром с милосердием и любовью, а в соответствии с железными указами необходимости. Он нападал на ошибки с суровой суровостью, но не терпел человеческой слабости. Это смешивало идею Бога с идеей вселенной и, следовательно, разрушало его личность, превращая само Божество в объект влияния или развития. Стоик презирал эпоху и всякое влияние на ее возвышение, которое исходило не от него самого. Он трактовал самые полезные истины настолько частично, что приводил к величайшей абсурдности доктрины и несоответствию ее общему принципу. Эпиктет, действительно, вдохнул новую жизнь в философию стоиков. Он так убедительно проповедовал доктрину пассивного терпения, что христиане признали его своим. Но в стоицизме не было ничего, что привлекало бы людей. Он был слишком суровым и холодным. В нем не было человечности. Поэтому они стояли в стороне, как и от всех систем греческой философии. Это было не для них, а для образованных. Это была система мышления; это была не религия — спекуляция, а не жизнь. Подобно платонизму, стоическая философия была эзотерической и привлекала лишь немногие возвышенные умы, которые притворялись безразличными к жизненным порокам и научились побеждать естественные привязанности. Стоические доктрины Эпиктета преследовали более практическую цель, чем доктрины Зенона, поскольку они применялись к римской мысли и жизни. Мы не можем отрицать чистоту и красоту его афоризмов, но он был подобен Ною, проповедовавшему перед потопом. У него были ученики и почитатели, но они создавали слабый барьер против коррупции. Это был протест человека перед толпой возбужденных и разъяренных преследователей, решившихся на его смерть. Его слышали не больше, чем предсмертную речь Стефана. Это было совершенно потеряно для людей, предавшихся бесславному наслаждению.

[Примечание: эпикурейская философия.]

Единственной формой философии, которая была популярна у римлян и которую ценили по достоинству, была эпикурейская. Ученики этой школы были, конечно, людьми роскошными, модными, светскими, и она оказывала на них лишь слабое сдерживающее влияние. Она отрицала провидение Божье; она утверждала, что миром правит случай; она отрицала существование нравственной доброты; она утверждала, что душа смертна и что удовольствие — единственное благо. Если более созерцательные и наименее страстные осуждали грубые пороки, они по-прежнему выступали за спокойное безразличие к внешним событиям, которое не проявляло ни возвышенности, ни страха осуждения. Их система была открыто основана на атеизме. Любовь к себе была основой всех действий, а потакание своим желаниям было высшим благом. Эпикурейцы были покровителями цирка, и театра, и банкета, и, более того, всего того тщеславия и безумия, которые позорили последние дни Рима. Их влияние имело тенденцию ослаблять и развращать. Их философия, вместо того чтобы сохранять старые формы жизни, старые обычаи, старые институты, старые традиции и ассоциации, превратила их в посмешище и была столь же эффективна в создании разложения, как философия восемнадцатого века во Франции в прокладывании пути для революции. Самый чистый тип эпикурейства, возможно, и облагородил некоторых из лучших, но преобладающее влияние, несомненно, подорвало общество. Бог разума был связан с богом чувств, и безумная душа лживого пророка вошла в школы. Образование, направленное ими, служило только для того, чтобы сделать молодежь мирской и легкомысленной. Учителя стремились развлекать, а не наставлять, прокладывать королевские дороги к знаниям, превозносить всемогущество денег,

придавать большое значение тому, что проходит. Они ограничивали человека самим собой и не признавали никакой другой цели человеческих усилий, кроме той, которую можно найти в пределах мимолетных явлений нынешней жизни. У них не было никаких желаний, кроме настоящего часа, и они стремились только утешить человека в развращенности и нищете, которые он видел вокруг себя. У них не было высоких целей; они также не стремились произвести глубокое впечатление. Они приспосабливались к тому, что было, а не к тому, что должно было быть. Они были непринужденны и любезны, но совершенно лишены серьезности. - *Что такое истина?* - насмешливо поинтересовался перипатетик. Эпикурейец лениво произнес: "Что для *меня* есть истина?" Нет ни истины, ни добродетели, ни Бога, ни места для наград и наказаний. Этот мир - мой театр. Дай мне есть и пить, ибо завтра я умру. Я буду воздерживаться от чрезмерного потакания своим желаниям, потому что это сократит мою жизнь или вызовет пресыщение, скуку, отвращение — не потому, что это неправильно. Я использую землю и свои способности по максимуму для удовольствий. Богатство - величайшее благословение, бедность - величайшее бедствие. Друзья ничего не значат, если только они не развлекают меня или не помогают мне. Чувство дружбы невозможно и было бы неудовлетворительным ". Истинный эпикурейец не ссорился ни с кем и ни с каким мнением. Ничто не имело значения, кроме легкости, процветания, самозабвения. Душа человека ни к чему не могла стремиться за пределами этой жизни; и когда приходила смерть, это было освобождение, о котором не стоило ни сожалеть, ни радоваться, но которому нельзя было противостоять. Чего можно ожидать от такой системы? Какого обновления в такой холодной, бесплодной, негативной вере, без надежды, без Бога в мире? Самая распространенная из всех философских систем, столь далекая от того, чтобы творить добро, творила зло. Как она могла спасти, когда ее цели были разрушительны для всех тех чувств, на которых зиждется истинное величие? Чего можно было ожидать от философии, которая служила только для развлечения великих, для презрения к людям, для подрыва религиозных устремлений, для извращения морального чувства, для игнорирования Бога, долга и будущей жизни?

Таким образом, любое влияние в Риме, будь то искусство, или литература, или философия, или правительство, вместо того чтобы спасать, имело тенденцию к разрушению. Все это пришло от человека и не могло возвысить его над самим собой. Даже религия была смесью суеверий, ритуальных обрядов и ребячества. Она пришла не от Бога. Это не было ни возвышенно, ни чисто. То хорошее, что там было, вскоре стало извращенным, и зло воспроизводилось быстрее, чем добро. Только ошибка, казалось, обладала жизнеспособностью. Ложные огни, зажженные грехом, проливали лишь обманчивый отблеск. Душа время от времени утверждала достоинство, данное ей Богом, и великие люди подметали и украшали дома, но дьяволы возвращались, и нормальным состоянием человечества было то, о чем говорит Библия, с тех пор как Адам был изгнан из Рая. Гению, энергии, честолюбию было позволено одерживать свои победы, и они проливали великолепный свет и на какое-то время возвышали разум человека, но, увы, вскоре за ними последовали позор и деградация.

[Примечание: все формы цивилизации не могут быть консервативными.]

И каков логический вывод — дедукция, которую мы вынуждены сделать из этой скорбной истории крушения всех тех великих трофеев цивилизации, которые создал человек? Может ли быть иначе, чем это: что человек не может спасти себя сам; что ничто из того, что исходит от него, будь то гений или воля, не оказывается консервативной силой из поколения в поколение; что это будет извращено, каким бы истинным, или прекрасным, или славным оно ни было,

потому что "люди больше любят тьму, чем свет". Все, что по-настоящему консервативно, все, что становится все ярче и ярче с течением веков, все, что нерушимо и обладает постоянной красотой, должно исходить от силы более высокой, чем человеческая, сверхъестественной или нет, — должно быть откровением для человека с Небес при содействии божественной благодати. Это должна быть божественная истина в сочетании с божественной любовью. Это должен быть свет от Того, Кто сотворил нас, и который один сдерживает силу зла.

Он действительно послал христианство, когда все остальное явно потерпело неудачу, как это будет продолжаться вечно. И это семя женщины, которое поразит змею в голову.

Теперь мы должны показать, почему это великое обновляющее и животворящее влияние не предотвратило разрушения империи; и мы можем быть убеждены, что если эта великая цель не могла быть достигнута в соответствии с планами Провидения и законами, по которым Оно правит миром, христианство ни в коем случае не было неудачей, как это было с замыслами человека; но устами и трудами великих епископов, святых и врачей оно проецировало свои спасительные истины далеко в тень варварской Европы и заложило фундамент новой и более славной цивилизации - цивилизации, которой не суждено погибнуть. , постольку, поскольку это согласуется с божественным откровением.

ГЛАВА XIII.

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНСТВО НЕ ОСТАНОВИЛО КРУШЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Один из самых интересных вопросов, который предлагает история, заключается в том, почему христианство не помешало славе старой цивилизации смениться позором? Это не только грандиозное расследование, но и загадочное. Мы, естественно, удивлены, что литература, искусство, наука, законы и совершенный механизм управления оказались такими слабыми барьерами против вырождения, ибо это одни из высочайших триумфов человеческого разума, которым мир добровольно не позволит умереть. Но еще более могущественное и величественное влияние, чем все, что исходит от человека, все еще оставалось у надменных властителей древнего мира. С основанием империи была провозглашена новая религия, которая постепенно разрушила старые суеверия, победила ненависть и предрассудки как греков, так и римлян, вытеснила старые системы язычества и шла от завоевания к завоеванию, пока не воссела на императорский трон и не доказала, что является мудростью и силой Божьей.

Но мы видим, что по мере того, как эта замечательная религия завоевывала популярность, будь то в изменении жизни отдельных людей или в объединении с доминирующими институтами, Римская империя приходила в упадок. Когда христианство было впервые провозглашено, римские орлы венчали главные города древности, а центральная деспотия на берегах Тибра была мировым законом. Когда на горах Галилеи появлялся слабый свет, слава Рима становилась предметом всеобщего восхваления, и город семи холмов радовался великолепию, которое обещало быть вечным. Но когда язычество уступило место христианству, и когда последнее распространилось на каждый город и деревню империи с ее великой иерархией епископов и врачей, гордая империя лежала в руинах. Может даже показаться, что ее упадок шел в ногу с триумфами религии, которую она отвергала и преследовала.

[Примечание: Общество пришло в упадок по мере распространения христианства.]

Каково объяснение этой великой тайны? Почему общество должно было прийти в упадок по мере распространения христианства, если, как мы верим, христианство является великой консервативной силой мира и ему суждено возродить все правительства, науку и социальную жизнь? Если стабильность империи зиждилась на добродетелях и была подорвана пороками, то добродетель должна была прийти в упадок, а порок возрасти. Но как мы можем согласовать такой факт с прогрессом религии, которая является главной движущей силой всякой добродетели и уничтожения всякого порока? Мы знаем, что христианство не предотвратило падение империи, но также у нас есть свидетельства поэтов и историков о чрезвычайной порочности общества, когда христианство было справедливо установлено.

[Примечание: загадочный факт.]

Представляя странный феномен падающей империи со всепобеждающей религией, необходимо разобраться с мрачной проблемой. У нас безграничная вера в силу христианства спасти мир, и все же мы видим, как могущественная империя разваливается на куски из-за пороков, которые христианство не смогло победить. Какой вывод можно было бы сделать из этого странного факта, что христианством *могло, но не спасло*. Каким печальным было бы будущее современных христианских наций, если бы повторился тот же факт — если бы цивилизация пришла в упадок по мере того, как христианство достигает своих триумфов! Возможно ли, что цивилизация, триумф человеческого гения и воли, может исчезнуть по мере развития христианства, придающего жизненную силу обществу? Разве цивилизация не имеет ничего общего с христианством?

[Примечание: христианство, однако, не является провалом.]

Но не может быть ничего печального в развитии божественной религии — ничего обескураживающего в завоеваниях, которые казались незавершенными. На самом деле ни в одном важном деле она не потерпела неудачи; но среди пепла старого мира, когда он исчез, мы видим новое творение и слушаем мелодичные песни о рождении. Действительно, падение империи, если мы внимательно рассмотрим его, вместо того чтобы умалить значение христианства, лишь подготовило путь к более высоким триумфам и к более высокому развитию самой цивилизации. Будущие века, вероятно, ничего не потеряли от крушения Рима, в то время как мир выиграл от утверждения христианства, даже от семян истины, посеянных ранней церковью.

Тем не менее, нельзя подвергать сомнению тот факт, что в Римской империи пороки и разврат распространялись с ужасающей и печальной быстротой даже после того, как было открыто христианство — настолько быстро, что христианство встретило лишь слабый барьер.

История христианства у римлян наводит на следующие три вопроса:

Во-первых, почему оно оказалось таким слабым в борьбе с вырождением; во-вторых, насколько оно сохранило старые институты; и в-третьих, насколько оно создало новую и более высокую цивилизацию.

[Примечание: христианству не удастся остановить вырождение.]

Первое исследование, на поверхностный взгляд, обескураживает. Мы видим, как возвышенный реализм спокойно обращает в свою веру тысячи людей, казалось бы, не сдерживая обычные

пороки. Это напоминает нам о Сократе, создавшем Платона, но не сумевшем реформировать Афины. Мы видим свидетелей истины в каждой стране, которая постепенно все глубже и глубже погружается в позор по мере увеличения числа свидетелей. И когда земля вот-вот будет захвачена варварами, когда отчаяние овладевает общественным сознанием, и запустение охватывает землю, и добрые люди прячутся в скалах, логовах, и пещерах, мы видим церковь блистающей богатством и славой, ее епископов, восседающих на троне как сановники, принцев, воздающих почести святым, и даже самих варваров, склоняющихся в почтении и благоговейном трепете. Какими бесплодными кажутся эти церковные победы поверхностному взгляду или неверующему! Если христианство - это то, что утверждают его новообращенные, почему оно достигло так мало?

[Примечание: Все еще религия завоевателей.]

Но, с другой стороны, победы не кажутся такими уж бесплодными; и они даже кажутся все более и более величественными, чем больше их созерцаешь. Есть что-то грандиозное в распространении новых идей, которые неприятны могущественным и мудрым. Учитывая скромные характеры первых Апостолов и их учеников, их триумфы были поистине великолепны. Удивительно, что учение рыбаков вытеснило учения еврейских раввинов и греческих философов при столь большом и всеобщем противодействии. Примечательно, что их доктрины так полностью изменили жизнь тех, кто их принял. Удивительно, что императоры, которые преследовали, и мудрецы, отвергавшие религию Иисуса, были побеждены моральной силой, превосходящей все почитаемые влияния старой религии, хранителями и толкователями которой они были. Удивительно, что такие безжалостные и кровавые преследования, которые происходили в течение трехсот лет, оказались столь тщетными. Когда мы вспоминаем распространение христианства во всех странах, известных древним, и чудесные плоды, которые оно принесло своим новообращенным, сделав их братьями, героями, мучениками, святыми, врачами — благословением, куда бы они ни пошли; и когда мы видим эти маленькие эзотерические группы, в верхних покоях или в катакомбах, преследуемыми, замученными, презируемыми, но все же ежедневно набирающими новых приверженцев, без помощи богатства, или образования, или социального положения, или политической власти, пока генералы, сенаторы и короли добровольно не вступили в их братство и не связали себя их правилами, и изменили весь уклад своей жизни, смотрят в будущее, а не в настоящее, — в бесконечное, а не в конечное; безупречны в нравственности, возвышенны в вере, небесны в любви; овцы среди волков, но не съеденные — мы чувствуем, что христианство не может быть слишком превознесено как побеждающая сила.

Но дело не в том, что христианство не смогло победить, а в том, что оно не смогло спасти римский мир. Завоевания церкви повсеместно признаются и вызывают всеобщее восхищение. Это были самые замечательные моральные победы, когда-либо достигнутые. Но, хотя христианство завоевало Рим, почему оно не смогло остановить его гибель? Порок вырос на добродетели, а не добродетель на пороке, даже когда крест водружали на зубчатые стены императорских дворцов.

[Примечание: христианство слишком поздно спасать.]

Победы христианства пришли слишком поздно не для человечества, а для стабильности Римской империи. Если бы христианство полностью восторжествовало, когда Юлий Цезарь сверг республику, империя, возможно, продержалась бы долго. Но когда Константин обратился

в христианство, империя была потрясена до основания, и варвары наступали. Никакое лекарство не могло предотвратить смерть старого больного тела. Время пришло. Когда несчастный пьяница принимает духовную религию, стоя одной ногой в могиле, с полностью подорванным организмом и посеянными семенами смерти, тогда никакое раскаяние или возвышенное устремление не могут предотвратить физическую смерть. Так было и в Риме. Общество было полностью подорвано задолго до того, как императоры стали христианами. Плоды беззакония пожинались, когда Златоуст и Августин возвысили свой голос. Тело было больным, так что никакое духовное влияние не могло подействовать на него. Если бы каждый человек в империи был христианином, но все же, когда армия потеряла свою дисциплину и боеспособность, когда патриотизм иссяк, когда столетия пороков ослабили физические силы, когда ничтожные расы утратили весь боевой пыл и не могли представлять ничего, кроме слабости и трусости, — и все это по физическим причинам, как они могли бы успешно противостоять новым и могущественным армиям варваров? Христианство спасает душу; оно не восстанавливает истощенные физические функции. Пороки, которые подорвали ее, были изучены до того, как христианство выступило против этого, и были доминирующими, когда христианство было слабым. Последствия этих пороков были универсальными еще до того, как можно было применить средство правовой защиты.

[Примечание: количество обращенных ограничено.]

[Примечание: ранние христиане не имеют значения.]

Более того, когда само христианство было жизненно важной и завоевывающей силой, число его новообращенных составляло лишь небольшую долю от населения империи. Свидетелей истины посылали во все важные города мира, но они просто протестовали в темном углу. Их предостерегающий голос остался без внимания, за исключением немногих, и это были неважные люди с социальной, политической или интеллектуальной точки зрения. Даже когда Константин обратился в христианство, число христиан в империи, согласно Гиббону, утверждение которого не было опровергнуто, составляло лишь пятую часть всего населения. И это объясняет незначительные социальные изменения, произведенные христианством. Подавляющее большинство было настроено против них даже в четвертом веке. Несомненно, в третьем веке в Риме, Антиохии, Александрии, Коринфе, Эфесе и других густонаселенных городах было большое количество христиан, а также существовали могущественные церкви в крупных торговых центрах, где собирались люди всех наций; но они подвергались жестоким преследованиям и не осмеливались выставяться напоказ, даже в тех зданиях, где они собирались для поклонения Иегове. В течение двух столетий они поклонялись Богу в тайных и уединенных местах, подвергаясь преследованиям и презрению. Христиане были не только немногочисленны по сравнению со всем населением, но и принадлежали в основном к низшим классам. В первом веке не так много было мудрых или благородных. Никакие великие имена не были переданы нам по наследству. Время от времени обращался центурион, или кто-нибудь из приближенных великого человека, или какой-нибудь слуга в императорской семье; но ни философы, ни государственные деятели, ни дворяне, ни генералы, ни губернаторы, ни судьи, ни магистраты. В первом веке христиане не имели достаточного значения, чтобы подвергаться всеобщему преследованию со стороны правительства. Они даже не привлекли внимания общественности. Никто не писал против них, даже греческие философы. Мы не читаем о протестах или извинениях от самих христиан. Ни один современный историк или поэт не упоминает о них. В их рядах не было выдающихся людей ни по учености, ни по талантам, ни по

богатству, ни по социальному положению. В городах они были в основном ремесленниками, рабами, прислужой или механиками, а в деревне - крестьянами. Они были неграмотными, плебейскими, неважными. Если и были выдающиеся новообращенные, мы не знаем их имен. Церковная история умалчивает о выдающихся личностях, за исключением преследователей или великих современников. Мы читаем о бедствиях евреев, Ирода Агриппы, Филона, о гонениях Нерона, об императорах, но не о христианах. Евсевий не рассказывает ни об одном интересном или важном факте, имевшем место в первом веке при посредничестве великого человека. Мы знаем едва ли больше того, что содержится в Новом Завете. Мы читаем, что Климент был епископом Рима, но ничего не знаем о его управлении. Мы не знаем, был ли он человеком каких-либо мирских взглядов. Нет ничего в истории более бесплодного, чем анналы церкви первого века, если говорить о великих именах. Тем не менее, в этом столетии число обращенных увеличилось в каждом городе, и традиции указывают на мученическую смерть тех, кто был выдающимся, включая почти всех Апостолов.

[Примечание: Незнание ранних христиан.]

[Примечание: Их интенсивная религиозная жизнь.]

Во втором веке нет более великих имен, чем Поликарп, Ириней, Игнатий, Иустин Мученик, Климент Мелито и Аполлоний — тихие епископы или бесстрашные мученики - епископы, которые обращались к своей пастве в верхних покоях и которые не имели мирского звания, известные только своей святостью или простотой характера и упоминаемые только за свои страдания и веру. Мы читаем о мучениках, некоторые из которых написали ценные трактаты и апологии; но среди них мы не находим людей высокого положения, даже таких дам, как Паула, Марселла и Фабиола, во времена Иеронима, если только Симфороза не является исключением. Быть христианином в глазах моды или власти было позором. Даже великий Марк Аврелий, столь выдающийся человек и философ, питал величайшее презрение к новым апостолам истины и был одним из их самых безжалостных преследователей. Раннехристианская литература носит в основном апологетический характер, а доктринальный характер отцов церкви этого столетия прост и практичен, не демонстрируя большого знакомства с системой языческой мысли. В церкви были разногласия — интенсивная религиозная жизнь, великие деяния, великие добродетели, но никаких внешних конфликтов, никакой светской истории, ничего, что привлекало бы внимание общественности. Но обращенные в христианство, какими бы плебейскими они ни были, все же имели достаточное значение, чтобы подвергаться преследованиям. Они привлекли внимание правительства. На них смотрели как на фанатиков, которые стремились разрушить уважение к существующим институтам. Но они еще не нападали на правительство или великие социальные институты империи. В этом столетии государственное устройство церкви было тихо организовано. Между членами церкви существовало организованное общение: епископы стали влиятельными не в обществе, а среди христиан; были учреждены епархии и приходы; существовало различие между городскими и сельскими епископами; делегаты церквей собирались для обсуждения вопросов веры или подавления зарождающихся ересей; была развита епархиальная система и началась церковная централизация; дьяконы стали причисляться к высшему духовенству; было выковано оружие отлучения; продолжались миссионерские усилия; были учреждены церковные праздники; был принят гностицизм — своего рода философская религия. многими ведущими умами; катехизические школы систематически преподавали веру; формулы крещения и другие таинства приобрели огромное значение; браки с неверующими не поощрялись; и монашество

стало популярным. Внутренняя история церкви становится интересной, но все же христиане не имели большого влияния за пределами своей собственной организации; она была эзотерической, тихой, ненавязчивой; и это была очень маленькая группа чистых и непорочных людей, которые не стремились контролировать общество.

[Примечание: Империя в безнадежном состоянии.]

В то время как церковь, таким образом, закладывала фундамент своего будущего государственного устройства и власти, но не более того, и не смогла привлечь великих или людей с амбициозными взглядами — тех, кто руководил обществом, — империя приближалась к самому страшному кризису. Адриан построил стену от Рейна до Дуная, чтобы остановить набеги варваров; римские гарнизоны за Дунаем были выведены; готы продвинулись от Вислы и Одера к берегам Черного моря; евреи были рассеяны; в римском пантеоне царил хаос божеств; греческая философия пришла в упадок; вкус народа совершенно испортился; игры и празднества стали делом и развлечением народа; деспотизм императоров полностью отменил все права; чередой слабых и порочных людей превратилась в рабов. Верховной властью правили принцы; империя погружалась в состояние роскоши и бесславного мира; средние классы вымерли; а непропорционально большие состояния привели к значительному росту рабства. Началась работа по дезинтеграции.

[Примечание: Церковь третьего века.]

В третьем веке церковь стала более могущественной как институт. В крупных городах империи собирались регулярные синоды; система метрополий была зрелой; церковные каноны были определенно перечислены; великие богословские школы привлекали пытливые умы; доктрины веры были систематизированы; христианство распространилось так широко, что его необходимо было преследовать или легализовать; великие епископы управляли растущей церковью; великие ученые размышляли над вопросами, волновавшими греческие школы; церковные здания были расширены, и в честь мучеников были учреждены банкеты. Церковь быстро продвигалась к положению, которое привлекало внимание человечества. Но даже в конце третьего века было всего несколько христиан, выдающихся богатством или высоким положением. Было несколько великих епископов, таких как Киприан, Ипполит, Виктор, Деметрий; несколько великих богословов, таких как Ориген, Тертуллиан и Климент; несколько великих еретиков, таких как Гермогон, Савеллий и Новациан — все они были выдающимися людьми, бессмертными людьми; но не пользовались большим влиянием вне своих рядов.

Что они могли сделать во времена такой общественной нищеты и несчастий, которыми была отмечена империя, когда ею правили чудовища; когда варвары закрепились в провинциях; когда императоры покинули столицу ради лагеря; и когда признаки упадка были очевидны для всех вдумчивых умов?

[Примечание: Церковь четвертого века.]

Только в четвертом веке, когда прекратились императорские гонения; когда Константин был обращен; когда церковь объединилась с государством; когда сама древняя вера была искажена; когда суеверия и тщетная философия проникли в ряды верующих; когда епископы стали придворными; когда церкви стали богатыми и великолепными; когда синоды попали под политическое влияние; когда монашествующие установили ложный принцип добродетели; когда политика и догматика шли рука об руку, а императоры приводили в исполнение

постановления соборов, — высокопоставленные люди вошли в церковь, и церковь оказала заметное влияние на государство. . Только в четвертом веке такие великие имена, как Арий, Афанасий, Осий, Евсевий, Кирилл Александрийский, Иларий Пуатьерский, Мартин Турский, Диодор Тарсский, Амвросий Миланский, Василий Кесарийский, Кирилл Иерусалимский, Григорий Назианзин, Феofil Александрийский, Златоуст Константинопольский, поднялись и заставили свои голоса прозвучать в залах великого совета.

[Примечание: Империя распалась до политических триумфов христианства.]

Но когда церковь стала могущественной и признанной силой, когда она атаковала социальные институты, когда она привлекала в свои ряды высокопоставленных людей, когда быть христианином больше не было позором, — тогда резиденция империи была перенесена на берега Босфора; тогдаготы и вандалы стали самыми грозными врагами, и Феодосий, последний великий император, предпринял смелую, но тщетную попытку возродить славу Траяна и Антонинов. Империя разваливалась на куски — умирала, — и даже христианство не могло спасти ее политически.

[Примечание: христиане образуют несовершенный барьер против коррупции.]

[Примечание: христиане - эзотерическая группа верующих.]

[Примечание: христиане бессильны вне своих рядов.]

[Примечание: Церковь бессильна вне своего круга.]

[Примечание: само христианство испорчено.]

Таким образом, когда христианство было чистой и по-настоящему обновляющей религией, оно не оказывало никакого социального влияния на высокопоставленных лидеров и моду. Как могли люди без политического или социального положения, которые были объектами насмешек и презрения, произвести большие социальные или политические изменения? До своего обращения они не изменяли закон и тем более не вводили его в действие. Как они могли дойти до ушей тех, кто презирал, отталкивал и преследовал их? Они не имели никакого влияния на создателей или исполнителей законов. Они не могли призвать на помощь огромную силу моды, поскольку у них не было социального престижа. Они не могли создать общественное мнение, поскольку были вынуждены скрываться, чтобы спасти свои жизни. Они не научились привлекать философов. Им не разрешалось проповедовать публично, и они не могли достучаться до людей. У них не было ни школ, ни книг, ни колледжей. Они не могли нападать на общественные институты, поскольку установился деспотизм, которому нельзя было противостоять. Не было свободы слова, с помощью которой они могли бы обратить в свою веру людей выше их по рангу. Они не могли ниспровергнуть рабство, не оказав влияния на тех, кто его контролировал. Они не могли разрушить непропорционально большие состояния, поскольку богатые были защищены правительством. Они не могли вмешиваться в игры и деморализующие зрелища, поскольку они находились под контролем императора и его министров, до ушей которых они не могли достучаться и на которых были бы напрасны все возвышенные доводы. Двор, армия, аристократия с безудержным рвением предавались излишествам и удовольствиям, которым не могли помешать мудрые и добрые люди их

собственного ранга, не говоря уже о классе несносных и забытых. Христиане не могли даже выразить возмущенный протест без личной опасности, к которой они не были призваны. Не было никакого возможного способа создать барьер против коррупции вне их собственных рядов. Малоизвестные люди в наше время могут писать книги, но не при империи; сейчас они могут читать лекции и проповеди, но не тогда. Они были вынуждены скрывать свои чувства, когда существовала опасность быть заподозренными в том, что они христиане. Те, кто наблюдал непреодолимую тиранию моды в наше время — как даже христиане втягиваются в ее водовороты не только в таких вопросах, как одежда, дома и образование, но даже в сомнительных удовольствиях и во мнениях, которые ложны, — что мы должны думать о подавляющем влиянии моды в Риме, когда общество было еще более искусственным, когда его лидерами были короли и тираны, и когда все склонности человеческой природы соответствовали обычаям, передававшимся веками, и одобрялись всеми, кто обладал властью в обычной жизни? Если христиане в Париже, Лондоне и Нью-Йорке так слабы в подавлении признанного зла, исходящего от мира, то как могли ранние христиане предотвратить распространение зла среди тех, на кого они не имели никакого влияния — возможно, тех, кто вообще не считал их злом? Если христиане, занимающие высокое общественное положение в наших городах, не могут запретить театры и другие деморализующие развлечения, то как могли ранние христиане навлечь дурную славу на игры в амфитеатре? Если социальное зло растет среди нас, несмотря на церкви и школы, свободную прессу и лекции, как мы могли ожидать, что оно уменьшится, когда не было приложено никаких усилий, чтобы опорочить их, и когда общий тон общества был бесконечно ниже, чем в худших столицах современности? Какое дело богатым сенаторам с их армиями клиентов и рабов, или легкомысленным придворным безбожных императоров, или чувственным наездникам, составлявшим денежный класс, до противодействия их удовольствиям со стороны тех, кого они презирали, с кем никогда не общались и кто не имел никакого влияния на общественное мнение? Христиане не могли и не осмеливались сделать так, чтобы их голоса были услышаны в какой-либо степени за пределами их собственного эзотерического круга. Они имели влияние, или их круг не мог увеличиться, но это было личное и скрытое. Ремесленники разговаривали с ремесленниками, слуги со слугами, солдаты с солдатами. Они обращали, тихо и ненавязчиво, путем личных бесед и безупречной жизни, тех, с кем они свободно общались. Таким образом, их число умножалось, но их престиж не возрастал до тех пор, пока эти механики, рабочие и рабы не стали оказывать некоторое благоприятное влияние, время от времени обращаясь с мольбами, на своих надменных хозяев. Любимая рабыня иногда могла привлечь внимание дамы, чьи волосы она причесывала; или какой-нибудь опытный и доверенный слуга мог убедить снисходительного хозяина выслушать новые истины, которые были для него смыслом жизни. Таким образом, круг христиан постепенно охватил некоторых наиболее искренних, интеллектуальных и бесстрашных из великих. Но следует иметь в виду, что по мере расширения круга, особенно для того, чтобы охватить людей, чья жизнь была эгоистичной и потакающей своим желаниям, уровень морали снижался. Также мы должны помнить, что по мере увеличения круга, даже набожных верующих, порок и вырождение увеличивались и за пределами круга, и также быстро. Непреодолимый поток коррупции сметал все на своем пути. Что, если бы небольшое меньшинство было добродетельным, в то время как подавляющее большинство было порочным. Они были всего лишь свидетелями истины; они не были торжествующими победителями заблуждения. Если бы государство могло просуществовать еще тысячу лет в мире и процветании, тогда закваска Евангелия могла бы вскипятить весь ком. Но варвары не могли ждать обновления общества. Они появились, когда общество было наиболее ослаблено. Когда христиане приобрели достаточное влияние, чтобы

прекратить игры в цирке и амфитеатре; когда они убедили императоров отменить рабство; когда они выступили с протестами против деморализующих развлечений, варвары продвинулись вперед и стали новыми хозяевами империи. Молитвы Августина, письма Иеронима, проповеди Златоуста, аскетический пример Василия могли остановить продвижение мстителей за столетия жестокого правления не больше, чем заступничество Авраама могло остановить удары Божьих молний над виновными жителями Содома. Римский мир, так долго предававшийся всяческим глупостям и грехам, должен пожать горькие плоды. Это не было упреком христианству в том, что оно не предотвратило последствий греха, так же как это не было упреком Ионе в том, что он не смог спасти Ниневию. Если христианство так мало влияет на нас, когда нет противостоящих религий, и все институты, по общему признанию, находятся в гармонии с ним; когда оно контролирует прессу, школы и литературу страны; когда его церкви украшены эмблемой нашего искупления в каждой деревне; когда его служители не встречают сопротивления и имеют все возможности донести свое послание даже до мудрых и могущественных; когда филантропия приходит своей могучей рукой и сбрасывает оковы рабов и посылает Евангелие во все страны — как это могло повлиять на общество, когда все влияние было против этого? Если религия слабеет перед ослепительными силами блестящей материальной цивилизации и едва держится на ногах, когда все заявляют, что руководствуются христианской истиной, так что с моральной и духовной точки зрения общество скорее отстает, чем продвигается вперед, я поражен, что оно добилось такого значительного прогресса в Римской империи и увеличивалось из поколения в поколение, пока не пошатнуло трон императоров. И пример ранней церкви, по-видимому, указывает на то, что религия может распространяться только здоровым образом, постоянно охраняя и очищая тех, кто ее исповедует. Казалось бы, истинная миссия церкви состоит в том, чтобы возвышать своих собственных членов, а не участвовать в сценах, оказывающих развращающее влияние. Нелегко сделать театр средством нравственного совершенствования, ибо он опустеет, когда поднимется над народными вкусами, и чем больше он потворствует этим вкусам, тем больше он процветает. Возможно, театр был высоко развит в Афинах, когда горожане, толпившиеся, чтобы послушать пьесы Софокла, сами были образованными. Расином, возможно, и наслаждались в Версале, но только потому, что публику составляли придворные великого короля. Театр никогда не поднимается выше вкуса тех, кто ему покровительствует. Христианское учение было бы отвергнуто в Риме, даже если бы не было преследований. Церковь процветала, потому что она наставляла своих собственных членов и незаметно расширяла свое влияние, а не потому, что она привлекала тех, кто выступал против нее. Церковь в те дни не была филантропическим учреждением, или образовательным предприятием, или сетью агентств и "инструментов" для оказания на общество в целом определенного благотворительного влияния или благотворительных реформ. Они были вне его досягаемости. Но это было тайное сообщество верующих, своего рода масонство, целью которого было контролировать и реформировать тех, кто к нему принадлежал. Его правила были для членов, а не для внешнего мира. Следовательно, история ранней церкви относится главным образом к ее дисциплине, к ее служителям, к управлению епархиями, к соборам, праздникам, фестивалям, литургиям, символам веры, имеющим отношение только к ее собственной внутренней организации. Члены этого тайного общества жили отдельно от мира, поглощенные своими собственными духовными интересами или стремясь спасти души тех, с кем они соприкасались. Истинный триумф христианства заключался в том, что из тех, кто исповедовал его доктрины, делались хорошие люди, а не менялись внешне популярные институты, или правительство, или законы, или даже возвышалась огромная масса неверующих. И гораздо утешительнее чувствовать, что церковь

была маленькой и чистой, чем то, что она была большой и коррумпированной. И в течение трех столетий есть основания полагать, что христиане, пусть и слабые по влиянию и малочисленные по сравнению со всем населением, были замечательны своим изяществом и добродетелями - своим благородным сопротивлением тем искушениям, которые увлекают столь большое число наших современных верующих. Ничтожный в смысле, они, возможно, не возвысил свой голос против системы рабства, который сделал так много, чтобы расшатывать государство; они могут не выступал против деспотической власти императора; они, возможно, взяли, но мало интересуется политикой, отдавая кесарю то, что было связано, будь то налоги или подчинение; они не могут образоваться школ или колледжей или лицеев; они не могут вмешиваться в любую вещь вне своих рядов, за исключением проповедовать умеренность, справедливость и грядущем суде, и Спасителя, который был распят, и небо, которые должны быть получены, но они практики между собой все обязанности, предписанные Самим Христом и его апостолами; они отказались приносить жертвы богам в языческой древности; они посетили не видно; они не посещали театрализованные представления; они не давали роскошные пиры; они не свидетель, игры, театра и цирка; они не играют в кости, или брать лихву, или покрасить волосы, или носить нелепые украшения, или заказать гоже торжеств: они терпеть не могли астрологи и предсказатели, святынь, образов и идолопоклонство; они соблюдали субботу, обучали своих детей в вере, уладили свои споры без обращения в суд, были терпеливы при травмах, благотворительных и ненавязчивый, были полны веры и любви, практикующих самые суровые добродетели, набожной и духовной, когда все мирское и легкомысленным вокруг них, готовые к мученической кучу, и хотите мученический венец. То, что христианство спасло стольких людей от осквернения язычеством при таком всеобщем вырождении, очень удивительно. То, что она расширила круг своих искренних верующих на фоне растущего вырождения, является еще более важным фактом, и это наиболее обнадеживающий факт для друзей религиозного прогресса. Если она не смогла достучаться до модных и светски образованных людей до того, как общество было подорвано, а провинции стали добычей варваров, она все еще могла похвастаться славной армией мучеников, свидетелей истины, которых все века будут почитать, драгоценным семенем для будущих и лучших времен. Если христианство, когда оно было жизнью, — великая преобразующая и обновляющая сила, реформирующая то, что было плохим, сохраняющая то, что было хорошим, — имело лишь небольшое влияние за пределами круга верующих, то еще меньше оно могло спасти империю, когда оно само было испорчено, когда оно было просто номинальной религией, как бы широко она ни распространилась. Когда она стала религией двора и светских классов, ее использовали для поддержки того самого зла, против которого она изначально протестовала и которое должна была устранить.

[Примечание: в нем используются восточные ошибки.]

Она впервые восприняла многие ошибки восточной философии. Гностицизм был воспринят многими ведущими интеллектуалами церкви. Это была реакция того старого аристократического духа, который правил языческим миром. Это был эклектизм знания и культуры, которые изначально презирали доктрины Креста. Она объединила восточную теософию с философией Платона, обе из которых были гордыми, исключительными, презрительными. "Это проводило различие между человеком интеллекта, чьим призванием было знать, и человеком, который не мог подняться выше слепой и безоговорочной веры". Первых христиан отличала простота их веры. Но с триумфом веры возникла тяга к знаниям среди более образованной части новообращенных.

[Примечание: Попытки примирить разум с верой.]

Павел, по-видимому, отвергал все тщетные спекуляции и греческий дух философии, полагая, что они не помогут в объяснении христианских тайн, а скорее окажутся камнем преткновения и безумием, поскольку сфера веры существенно отличается от сферы разума — не обязательно антагонистическая, но отличная. Этот фундаментальный принцип всегда поддерживался наиболее ортодоксальными лидерами церкви — Афанасием, Августином, Бернардом, Паскалем, Кальвином - даже в качестве фундаментального принципа здоровой философии, который отстаивал Бэкон, что мир опыта и наблюдений не может быть объяснен метафизическими выводами, был причиной всего великого современного прогресса в науках. Гностики, люди, стремившиеся к высшему знанию, презирали смиряющее учение Павла, которое ставило веру превыше всех форм философии, и были первыми, кто искал решения трудных вопросов теологии с помощью заумных расспросов — почетных для интеллекта, но подрывающих тот послушный дух, который предписывало христианство. Эта склонность к спекуляциям была прискорбной, но естественной для тех активных умов, которые стремились обнаружить связь между истинами, преподанными откровением, и теми, к которым мы приходим сознанием. Греческая философия, когда она была наиболее возвышенной, как выразился Платон, была основана на этих ментальных качествах — на этих внутренних убеждениях, достигнутых логикой и размышлением. Что может быть более безобидным и даже похвальным, по всей видимости, чем эта искренняя попытка примирить разум с верой? Лучшие умы и характеры церкви вступили в дискуссию с необычайной интенсивностью и пылом. Они объясняли бы Человека-Бога, Троицу, Слово, ставшее плотью, и все другие моменты, которые возникли из благодати и свободной воли. Возник диалектический дух, который боролся или объяснял то, что раньше принималось с беспрекословным подчинением. В первом веке едва ли была какая-либо потребность в символах веры, поскольку вера христиан была объединена несколькими простыми доктринами, подобными тем, которые выражены в Апостольском Символе веры. Во втором и третьем веках начались волнения и спекуляции, в том числе с гностиками, тем классом людей, которые прибегали к помощи восточной и греческой философии в распространении новой религии. Это должно было быть поставлено в зависимость от человеческих домыслов — самая опасная ошибка, поскольку она вновь вводила ту самую мудрость, которая не знала Бога и которую игнорировали Апостолы. Это возвестило о воцарении рационализма, который до сих пор отказывается отречься от своего трона и который абсолютно безудержен и ликует в великих университетах самых образованных и пытливых европейских наций.

[Примечание: гностицизм.]

Но гностицизм больше соответствовал высокомерному и исключительному духу восточных мудрецов, чем терпеливой и пытливой природе греческих школ. Она взмыла в те области, куда даже платонизм не осмеливался забираться. Она стремилась подчинить даже греческий разум своим диким и возвышенным полетам. Доктрины, которым учил Зороастр, относящиеся к двум антагонистическим принципам добра и зла — восточному дуализму— парсизму, имели большое очарование, особенно для тех, кто был склонен к монашескому уединению. Дух Зла, который, казалось, господствовал на земле и который был связан с материальными вещами, приковывал душу к чувствам. Душа, стремящаяся к истине и святости - к Богу и небесам, — задыхалась от желания освободиться от тлетворного влияния материи, которая заключила в тюрьму самую благородную часть человека. Восточный христианин, не полностью

освобожденный от духа, который буддизм передал всем странам Востока, то есть от стремления души к освобождению от материи, воссоединению с изначальной силой, из которой истекает вся жизнь, и отчуждению от человеческих страстей и мирских интересов, искал покоя и уединения— где разум мог бы свободно размышлять над великими вопросами, относящимися к Богу и бессмертию. Дуалистический принцип, один из главных элементов гностицизма, гармонировал с преобладающим настроением той эпохи, точно так же, как пантеистический принцип управляет философскими школами в нашей собственной. Все христиане были живы в сознании силы зла. Гностицизм признавал это. Христианство побеждает его силой Креста, который приносит искупление. Гностицизм добивался спасения с помощью абстракций, аскетической строгости, отказа от мирских удовольствий. Следовательно, это истинный отец монашества — того духа уединения и самоотречения, который стал столь распространенным в третьем и четвертом веках и который оставался в церкви на протяжении всего средневекового периода. Гностицизм занимался решением неразрешимых вопросов о происхождении зла, которые христианство справедливо отнесло к области бесполезных изысканий — "мудрости мира". Гностицизм не признает границ человеческим спекуляциям; христианство принимает тайны, скрытые от мудрых и благоразумных, и все же открытые младенцам. Отсюда в церковь проникли всевозможные грубые верования, такие как идея демиурга и различные способы созерцания личности Христа. Более того, гностики подвергли Новый Завет самой смелой критике, утверждая, что невозможно прийти к истинным доктринам Христа; и поэтому они стремились выйти за рамки Христа, объясняя сложные темы рационалистическими интерпретациями. Керинф провел безграничную пропасть между Богом и миром и заполнил ее духами различных категорий в качестве промежуточных существ. Василид предполагал, что ангел был поставлен над всем земным ходом мира. Валентин объявил о различии между психическим и пневматическим христианством. Птолемей утверждал, что сотворение мираисходило не от верховного Бога. Бардесанес стремился проследить следы истины среди людей каждой нации. Карпократ утверждал, что все сущее истекает из одного высшего изначального существа, к которому оно стремится вернуться. Продик утверждал, что, поскольку люди были сыновьями верховного Бога, царственной расой, они не были связаны никаким законом. Сатурнин выдвинул причудливую систему сотворения мира. Татиан выступал за смертность души. Маркион пытался отделить Бога Природы и Бога Ветхого Завета от Бога Евангелия. Трудно перечислить все причудливые теории, выдвинутые гностиками и возникшие в результате попытки привить христианству ориентализм.

[Примечание: манихейство.]

Еще большая попытка смешать христианство с религиями древней Азии была предпринята персом Мани, который особенно старался соединить зороастризм с христианскими доктринами. Он стремился добиться максимального отчуждения от всех мирских влияний, поскольку злой принцип держал в рабстве элементы, происходящие из царства света. Освобождение от этого рабства он считал великой целью жизни. Его дух был пантеистическим, вероятно, заимствованным из буддизма, который он изучил во время своих обширных путешествий по Индии и Китаю. Он принял дуализм Зороастра и предположил, что существуют два принципа, антагонистичных друг другу: с одной стороны, Бог, изначальный свет, от которого исходит весь свет, с другой стороны, Зло, сущность которого - самопротиворечивый шум, материя, тьма. Наиболее тесно связанными с верховным Богом были Эоны — каналы распространения света, — бесчисленные по количеству и превосходящие величием. Мать Эона

жизни создала первобытного человека для противостояния силам тьмы. Следовательно, природа человека полна достоинства, хотя он и пострадал в конфликте со Злом. Но дух еще раз возносит его в царство света и очищает его душу, которая произошла от первобытного человека. Чистая душа - это Христос, восседающий на троне под солнцем, стоящий выше всякого контакта с материей и неспособный к страданию.

[Примечание: мистицизм.]

Таковы были некоторые черты той мистической философии, которая сделала Христа духом солнца, дающим свет и жизнь душе, заключенной в царстве тьмы. Таким образом, человек становится копией мира света и тьмы, борющейся с материей, возвышенной источником жизни — душой, живущей в царстве света, и телом, происходящим из царства тьмы, и соблазненным всеми чувственными удовольствиями, и таким образом низвергнутым в мир материи и зла, которому противодействует ангел света. Это тот дуализм, который составлял существенный элемент манихейских спекуляций, столь близких мистическим теогониям Востока, и который был принят частью восточной церкви, особенно теми, кто был очарован утонченностью и претензиями философии, нацеленной на решение высших проблем существования — природы Бога и сотворения человека. Эти смелые рассуждения, которые ввели в заблуждение столь многие пытливые умы, были, однако, слишком мистическими и неопределенными, чтобы достичь массового сознания, и они относились к вопросам, которые не шокировали христианские инстинкты, подобно тем, которые нападали на личность или служение Христа. Гностицизм рассматривался как разновидность иудаизма, поскольку его исключительность основывалась не на титуле рождения, а на особых знаниях, сообщаемых немногим просветленным. Это была философия, чьи эзотерические доктрины возвышались над пониманием обывателей; но она затронула не только поверхностные слои общества; она отравила умы тех, кто стремился руководить интеллектом эпохи. Его дух был антагонистичен простоте веры, и поэтому, когда он возобладал, он стал оказывать влияние, которого следовало опасаться, и призвал величайшую энергию александрийской школы, чтобы победить его и свести на нет. Но его опасные семена остались, чтобы дать всходы рационалистической теологии, особенно в сочетании с неоплатонической философией.

[Примечание: Принятие восточных церемоний и помпезности.]

Но церковь была не только пропитана ошибками языческой философии, но и переняла многие церемонии восточного богослужения, которые были одновременно тщательными и величественными. Если что и отличало первобытную церковь, так это простота богослужения, отсутствие церемоний, фестивалей и пышных обрядов. В четвертом веке церкви стали такими же внушительными, как старые храмы идолопоклонства. Праздники стали авторитетными; сначала их было немного, и они были чисто добровольными. Предполагалось, что, когда христианство вытеснило иудаизм, обязательства соблюдать церемонии Моисеева закона были отменены. Ни апостолы, ни евангелисты не налагали ярма рабства, но оставили Пасху и любой другой праздник почитать благодарностью получателей благодати. Изменение общественного мнения в четвертом веке вызвало резкое неприятие историка Сократа, но было бесполезно сдерживать течение эпохи. Праздники стали частыми и внушительными. Люди цеплялись за них, потому что они получали прекращение труда и возбуждение. В древних рубриках упоминаются только Страсти, Пасха, Троица, Рождество и сошествие Святого Духа. Но за этим последовало празднование смерти Стефана, поминовение Иоанна, поминовение убиения

Невинных, праздник Богоявления, праздник Очищения и другие, пока католическая церковь не установила празднование какого-либо святого и мученика на каждый день в году. Они способствовали возникновению тяги к внешней религии, которая взывала к чувствам, а не к сердцу. Они привели к бесчисленным ссорам и спорам по несущественным вопросам, особенно в связи с празднованием Пасхи. Они создали иллюзорное убеждение относительно паломничества, крестного знамения и освящающего действия таинств. Почитание мучеников вылилось во введение изображений — будущего источника народного идолопоклонства. Христианство было воплощено в помпезных церемониях. Почитание святых приближалось к их обожествлению, а суеверия превозносили мать Господа нашего до объекта абсолютного поклонения. Столы для причастия превратились во внушительные алтари, типичные для еврейских жертвоприношений, а мощи мучеников хранились как священные амулеты.

[Примечание: Монашеская жизнь.]

Монашеская жизнь вылилась также в грандиозную систему покаяния и искупительных обрядов, характерных для восточного аскетизма. Армии монахов удалились в мрачные и уединенные места и предались восхвалениям, постам и самоискуплению в противовес великому учению об искуплении Христа. Они отчаялись в обществе и бросили мир на произвол судьбы — мрачная и фанатичная кучка людей, пренебрегающих практическими целями жизни. Они жили скорее как звери и дикари, чем просвещенные христиане — дикие, свирепые, одинокие, суеверные, невежественные, фанатичные, грязные, одевались в лохмотья, ели самую грубую пищу, практиковали мрачный аскетизм, вводили ложный стандарт добродетели, невзирая на удобства цивилизации, и пренебрегали теми великими интересами, которые им было доверено охранять. Часто они были людьми необычайной добродетели и влияния, и в их жизни не было больших искушений. Они воздерживались от брака, и безбрачие стало рассматриваться как ангельская добродетель — доказательство высочайшей и чистейшей христианской жизни. Огромное количество людей покинули святыни заповеди блаженства родного дома ради безрадостной жизни в пустыне, и их мрачный и отталкивающий аскетизм был преувеличен до необычайных добродетелей. Монахи и отшельники пытались спастись, поднимаясь на Небеса по той же лестнице, которую искали суфии и факиры, — это заблуждение оказало огромное влияние на подрыв доктрины благодати. Христианство быстро сливалось с восточной теософией.

[Примечание: Честолюбие и богатство духовенства.]

Духовенство снова стало честолюбивым и мирским, стремилось к рангу и отличиям. Они даже толпились при дворах или у князей и стремились к мирским почестям. Они больше не поддерживались добровольными пожертвованиями верующих, а за счет доходов, предоставляемых правительством, или имущества, унаследованного от старых храмов. Богачи оставили церкви большое наследство, которое контролировало духовенство. Эти завещания стали источниками неисчерпаемого богатства. По мере того, как богатство увеличивалось и передавалось духовенству, оно становилось безразличным к нуждам людей, которые его больше не поддерживали. Они стали ленивыми, высокомерными и независимыми. Люди были отстранены от управления церковью. Епископ стал важной персоной, который контролировал и назначал свое духовенство. Церковь была в союзе с государством, и религиозные догмы насаждались мечом магистрата. Была установлена внушительная иерархия различных степеней, кульминацией которой стал епископ Рима. Император решал вопросы веры, и духовенство было освобождено от бремени государства. Когда духовенство обладало такой

большой властью и стало таким богатым, на священнические должности устремилось огромное количество людей; и люди были возведены на великие престолы не из-за своего благочестия или талантов, а из-за влияния среди великих. Какое отступление от учения первоначального духовенства, когда епископы были спутниками князей, а не проповедниками бедным, и когда духовенство могло жить без приношений народа, и назначалось по милости, а не по заслугам. Духовная миссия церкви была упущена из виду в унижительном союзе с государством и миром. "Сделайте меня епископом Рима, - сказал языческий военачальник, - и я тоже стал бы христианином".

[Примечание: Церковь приспосабливается к миру.]

[Примечание: христианство порождает свидетелей, но не всепобеждающее.]

Когда само христианство так нуждалось в реформе, когда христиан едва можно было отличить от язычников по любви к показухе и эгоистичным целям, как оно могло преобразовать мир? Когда это было зрелищем, ритуализмом, оружием государства, тщеславной философией, суеверием, формулой, как оно могло спасти, если когда-либо было таким доминирующим? Развращенность церкви в четвертом веке так же достоверна, как чистота и нравственное возвышение христиан во втором веке. Исаак Тейлор представил самый скорбный взгляд на состояние христианского общества, когда религия креста стала религией государства. И развращение шло в ногу с внешними триумфами веры, особенно когда язычники уступили верховенству креста. Тот же факт замечен в истории мусульманства. Когда это было впервые провозглашено выдающимся человеком, который утверждал, что является величайшим из пророков Божьих, когда это был возвышенный теизм, неизмеримо превосходящий преобладающие религии Аравии, и особенно когда он был распространен моральными средствами, его новообращенных было немного, но они были возвышенными. Когда она была распространена благодаря призыву к мечу и дурным страстям людей, когда она обещала деморализующие радости и была принята могущественными классами и вождями, она быстро распространилась по Азии и Африке и даже вторглась в Европу. Мусульманство, несомненно, восторжествовало вследствие самих своих заблуждений, приспособившись к порочным наклонностям человечества. Если она процветала благодаря своим истинам, то почему ее прогресс был таким медленным, когда она была сравнительно чистой и возвышенной? Внешние триумфы религии не являются показателем ее чистоты, поскольку чем более она испорчена, тем более популярной она будет, а чем чище, тем меньше вероятность того, что ее примут, за исключением немногих, которых Бог предназначил быть свидетелями его силы и истины. У буддизма и брахманизма больше приверженцев, чем у мусульманства, а у мусульманства больше, чем у христианства, и у римско-католического христианства больше, чем у протестантизма, а протестантизм, когда речь идет о жизни, ограничен очень небольшой группой верующих. Христианство, которое популярно и модно, не обязательно возвышенно и облагораживает, а когда оно модно или популярно, то очень склонно принимать формы навязчивого ритуализма, или смешиваться с философскими спекуляциями, или опускаться до деградации суеверных обрядов и церемоний. Когда христианство опускается до уровня господствующей моды, обычаев и мнений, оно оказывает не очень сильное обновляющее влияние на человеческую жизнь. Иезуиты совершили великие завоевания в Японии и Китае, но какими бесплодными они оказались. Пуритане заселили бесплодные холмы Новой Англии суровыми и непреклонными верующими в духовного и личного Бога и распространили свои принципы по всей стране. Какое обновляющее влияние оказывает номинальное христианство

Южной Америки, Испании или Италии? Религия, принятая мудрыми и великими, склонна превращаться в рационализм, а религия, исповедуемая деградировавшим населением, - в суеверие. Принятие христианства сердцем подразумевает жертвы и самоотречение, и ни в какую эпоху оно не будет сердечно принято, за исключением немногих. Лолларды в Англии во времена Генриха VII были слабой группой, но они сделали больше для развития религиозной жизни, чем весь механизм и влияние Римско-католической церкви. И как только Англиканская церковь одержала верх над государством и утвердилась, она начала вырождаться и нуждалась в последовательных реформах. Как ничтожны все формы инакомыслия как подлинно обновляющей силы, когда они становятся триумфальными! Что сделали модные придворные религии Европы для реального возрождения общества? Протестантизм в Германии, когда он протестовал, жил могучей жизнью. Когда университеты и суды приняли его, он превратился в ядовитый рационализм или мертвую формулу. Пуританизм, установившийся в Новой Англии незадолго до революции, сильно отличался от того, каким он был, когда его приверженцы были изгнанниками и скитальцами. Оно распространилось и почиталось, но сохранило в основном свои формы, свои традиции, свою вражду. Как быстро выродились гугеноты после битвы при Иври! Даже иезуитизм не устоял перед собственными триумфами. Его настоящая жизнь пришла на времена Ксавье и Аквавивы, а не Эскобара и Лашеза. Любая господствующая вера найдет своих сторонников среди тех, чья практическая жизнь противоречит изначальным принципам. Ее сила обновления зависит от ее возвышенных доктрин, а не от числа тех, кто ее исповедует, потому что, когда она доминирует, людей привлекают к ней амбиции или интерес. Они больше унижают это, чем это возвышает их. Следовательно, может показаться, что христианство в этом устройении предназначено для того, чтобы призывать свидетелей своих истин в каждой стране, избранных Богом, а не для того, чтобы быть универсальной обновляющей силой человеческих институтов. Но если ей суждено быть всепобеждающей, приводящей правительство, науку и общественную жизнь в гармонию со своим духом, как верит большинство людей, и, возможно, с самыми убедительными доказательствами на их стороне, все же ее настоящие завоевания должны быть медленными, без сверхъестественной помощи. Оно распространится, потеряв присущую ему жизнь и силу; оно испортится и не сможет оказывать такого большого духовного влияния, как надеялись; оно будет реформировано после больших унижений, когда это будет едва ли более чем номинальная вера, за исключением немногих свидетелей; и реформирующая партия или секта обретут господство и, в свою очередь, вырождаются и станут бессильными как обновляющая сила. Таким образом, история, по-видимому, указывает, начиная со времен Феодосия и до наших дней, что особенно иллюстрируется созданием различных монашеских орденов, великими пробуждениями при Лютере, Кальвине и Ноксе, успехами иезуитов и янсенистов, триумфами пуритан, квакеров и методистов, подъемом пьюзиизма или Англиканской церкви. Вряд ли можно подвергать сомнению тот факт, что христианство остается жизненно важным в мире и делает настоящие успехи из поколения в поколение. Но эти успехи медленные и обманчивые. Духовная сила исчезнет по мере того, как партия победителей приобретет приверженцев из мира моды и высокого положения. Оно не исчезнет, но разница между его истинным влиянием, когда оно преследуется и когда оно торжествует, меньше, чем обычно предполагается. Духовное нельзя измерить материальным. Кто может сказать, где пребывает истинное и постоянное влияние? Кто может оценить силу духовных агентов? Принято говорить о расширенных сферах полезности, но священник в скромном приходе может привести в движение идеи, которые окажут большее влияние на эпоху, в которой он живет, и на последующие времена, чем какое-либо блестящее положение в большом и густонаселенном

городе. Бог видит не так, как видит человек. Заполнять сферу, предназначенную Провидением, - вот истинная мудрость; верно выполнять возложенные на себя обязательства и жить возвышенными идеями - вот миссия хороших людей.

[Примечание: Причины, по которым христианство не спасло империю.]

Таким образом, христианство в четвертом веке не было более обновляющей силой из-за своего быстрого распространения и огромного внешнего влияния. Она никогда не была более возвышенной, чем тогда, когда делала мучениками и героями тех немногих, кто осмеливался принять ее доктрины. Было больше надежды на возрождение мира, когда это был постоянно расширяющийся круг набожных верующих, бескомпромиссных и агрессивных, чем когда в нем были мудрые, благородные и могущественные, с их старыми пороками и безумствами. Его внешние триумфы скорее уменьшили его духовную силу.

Если христианство потерпело неудачу как великолепный ритуализм, вооруженный государственным оружием и связанный с языческой философией, каким бы привлекательным оно ни было для разных классов, где надежда на обновление этого мира от воздействия климата, почвы, материального богатства и других похвал за физические улучшения и культуру? Какую слабую основу для надежд человека создают такие проводники, как графы, Баклзы и Миллсы! Если модная и популярная религия не могла спасти, то как может спасти холодный материализм, который приковывает мысли к чувствам и ограничивает стремления к мирскому успеху.

Христианство, как могло бы показаться, не предотвратило крушения империи, потому что в чистом виде оно имело лишь небольшое влияние за пределами круга эзотерических верующих, в то время как общество прогнило насквозь и быстро приближалось к естественному распаду. Когда она была доминирующей, она потерпела неудачу, потому что сама была испорчена, и началось разрушение. Варвары наступали, чтобы опустошать и разрушать, разгромяли армии, разграбляли города и обращали в рабство горожан, в то время как великие отцы церкви закладывали фундамент христианского государства. Крушение империи было угрожающим, когда христианство было запрещенной и гонимой верой; оно было неизбежным, когда оно захватывало скипетр государей.

[Примечание: Истинная миссия церкви.]

[Примечание: Падение империи - необходимость.]

[Примечание: Созидание, которое следует за разрушением.]

[Примечание: То, что по-настоящему ценно, никогда не пропадает.]

[Примечание: Реконструкция.]

Более того, мы относимся к христианству низко и материалистично, когда задаемся вопросом, почему оно не спасло империю. Она была послана, чтобы спасти мир, а не институты эгоистичного народа. Почему мы должны горевать о том, что ей не удалось увековечить такую организацию или правительство, какими обладали императоры? Что такое централизованный и гордый деспотизм с огромной военной машиной, сопутствующими аристократией и неравенством, а также накопленные сокровища всех эпох и наций на берегах Тибра по сравнению с государством, более благоприятным для развития новой цивилизации? Какое

человечеству дело до увековечения римской гордости? Провидение придает лишь небольшое значение человеческим горестям и жертвам, исчезновению иллюзий, помпезности, тщеславия и безумия по сравнению с распространением тех нерушимых идей, на которых основано истинное счастье человека. Если бы империя выдержала натиск варваров, существовало бы государство, неблагоприятное для высших и будущих триумфов креста. Где была надежда, когда имперский деспотизм, и непропорциональные богатства, и рабство, и господство общепринятых форм и традиций, и тирания глупой моды, скорее всего, будут увековечены? Как могло христианство ниспровергнуть это чудовищное зло, не вызвав революций, более разрушительных, чем даже варварское насилие? Кажется, что некоторые пороки настолько утонченны, ядовиты и глубоко укоренились, что ничто, кроме насилия, не может их устранить. Сколько времени прошло до того, как рабство было бы уничтожено в Соединенных Штатах какими-либо моральными средствами? Как можно было уничтожить рабство, когда самые красноречивые из христианских учителей были его защитниками, а все родственные ему институты поддерживались церковью? Итак, о рабстве в Римской империи. Там было шестьдесят миллионов рабов, но не из потомства Хама, а из потомства Сима и Иафета. Каждый преуспевающий человек стремился обладать рабом, и христианство никогда открыто и недвусмысленно не осуждало такой гигантский институт. Где была надежда на искоренение такого зла, когда христианство приспособлялось к господствующим модам и мнениям и думало только об облегчении некоторых из его наихудших форм? Уменьшатся ли рабы, когда мирские люди станут надзирателями церкви, а императоры будут председательствовать на соборах? Где были надежды на его отмену, когда весь мир был его театром действия, а каждый богатый человек - его защитником; где вместо четырех миллионов было шестьдесят миллионов и где общий уровень морали и интеллекта был ниже, чем сейчас? Так и с непропорциональными состояниями. Они были безнадежным злом. Если аристократические институты сохранили свои позиции в лучшей стране Европы, какими должны были быть возможности знати в римском мире? Отказ от зарабатывания денег был еще одним социальным злом. Если мы в Америке не можем ослабить его власть, даже в большинстве христианских общин; если мы не можем предотвратить тиранию денег в самих наших церквях, где нам каждое воскресенье напоминают, что это корень всего зла, да, когда у нас в руках Библии, — что могло бы сделать с этим развращенное христианство, когда материальные удовольствия ценились выше, чем у нас, и когда филантропические институты так и не родились? Если вся мощь галликанской церкви была направлена на поддержание феодальных привилегий французской знати, и нужна была ужасная и кровавая революция, чтобы уничтожить их, то гораздо больше требовалась революция в Риме, чтобы уничтожить унаследованную власть еще более гордой и могущественной аристократии. Если права женщин так медленно признаются среди потомков рыцарских народов, несмотря на все моральные силы Евангелия, насколько безнадежно возвышение женщин среди народов, где женщина на протяжении тысячелетий рассматривалась как жертва, игрушка или рабыня? Когда мы вспоминаем унаследованные мнения народов Востока, греков и римлян относительно состояния, обязанностей и отношений женского пола, кажется, что никакое обычное обучение не могло бы разорвать оковы женщины на неопределенный период. Институты языческого мира были слишком прочно укоренены, чтобы дать надежду христианским учителям, даже если они когда-либо были настолько просвещенными. Великий кардинальный принцип всеобщего братства людей мог быть применен только при более благоприятных обстоятельствах. Единство империи действительно способствовало внешним триумфам и распространению христианства, и, возможно, это была великая миссия, для выполнения которой Римская империя была задумана

Богом. Но социальные и политические институты римлян были крайне неблагоприятны для здорового развития христианской добродетели. Учителя новой религии изначально ставили своей целью исключительно спасение души. Апостолы трудились для того, чтобы спасти людей от грядущего гнева и донести весть великой радости несчастному населению древнего мира. Они не нападали открыто и напрямую на политические или крупно организованные системы коррупции. Достаточно было обещать Рай, а не менять структуру общества. За четыре столетия ни положение женщины, ни положение рабыни радикально не улучшилось. Христианство не смогло бы, без чудесной силы, принести свои лучшие плоды на римской земле. Оно не смогло бы наилучшим образом воздействовать на дегенеративные и изношенные расы. Сколько веков потребуется, чтобы христианство, даже если его примут все жители Японии или Китая, сделало таких же благородных христиан, как в Шотландии или Новой Англии? Должен быть материал для работы. В Римской империи не было этого материала. Необходима была ужасная революция, в ходе которой новые и неиспорченные расы должны были получить господство, и на которых христианство могло бы действовать с новой силой. В такой катастрофе добро должно страдать вместе со злом, справедливый - вместе с несправедливым. Готский солдат не пощадил бы монастырь скорее, чем дворец, или дворец скорее, чем хижину, философ охотнее, чем крестьянин. Христиане, так же как и язычники, должны испить горькую чашу, ибо естественный закон не может проливать слез и давать поблажек. Беззакония отцов постигли детей даже в третьем и четвертом поколении. А что, если на земле были страдания? Скорбь, как правило, является скрытым благословением. Люди рождены не для безмятежного счастья на земле, а для подготовки к небесам. Все, что побуждает мысли от низшего к высшему, является величайшим благом, которое дает Провидение. Чудовищные бедствия четвертого и пятого веков оказали заметное влияние на открытие врат церкви даже для самих варваров, поскольку они не были обращены до тех пор, пока не стали завоевателями. Новая жизнь, несмотря на бедствия, вливалась в пошатнувшуюся и рушащуюся империю. Именно среди новых рас началось новое творение, и именно среди их потомков были достигнуты самые высокие триумфы цивилизации. Так что в конечном итоге для мира было благом, что империя и все ее плохие институты были сметены. Созидание последовало за разрушением, и за песней смерти последовала мелодичная песня рождения. Все страдания и печаль были преодолены. Будущие века были лучше для таких печальных бедствий. Храмы были разрушены, но возвышенные идеи красоты и изящества, с помощью которых они были возведены, все еще живы. Армии были уничтожены, но военная наука не была утрачена. Библиотеки были сожжены, но образцы древнего стиля сохранились, чтобы подстрекать к новому творчеству. Царила анархия, но на руинах старых провинций возникали новые государства. Люди уходили из жизни, но не приносили ни плодов земли, ни остатков гениальности. Новые расы, когда они достаточно утвердились, дали новый импульс сельскому хозяйству, торговле и искусству. Падение империи привело к краху состояний и ферм, смене хозяев, распаду центральной власти императоров, крушению проконсуловской власти, исчезновению условностей и моды; но это не было крушением человеческих надежд или порабощением человеческой энергии. Гений, поэзия, вера, чувства и благочестие остались. Земля не обезлюдела; она была опустошена. Все существенные элементы величия были облечены в новые формы. Среди простых и серьезных людей, спустившихся с Одера и Вислы, зародилась свежая и прекрасная жизнь. Были сформированы совершенно новые институты. Старая ткань разлетелась на куски, но из руин было построено новое здание, более приспособленное для того, чтобы приютить обездоленных и несчастных. Варвары ухватились за старые традиции церкви и придали им поэтическую красоту. Тевтонская цивилизация, более христианская, чем римская, превзошла ее во всех популярных формах и

стала более приспособленной к потребностям человека. Вероятно, ничто по-настоящему великое в цивилизации никогда не погибало и никогда не погибнет. Я не верю в "утраченные искусства". Их хоронят лишь на время, подобно великолепным скульптурам Праксителя или Лисиппа, среди обломков бесполезных тканей, чтобы при необходимости выкопать как образцы новых творений. Я сомневаюсь, что в египетской, ассирийской или индийской цивилизации безнадежно ушло в прошлое что-либо действительно ценное, что могло бы сослужить человечеству реальную службу. Действительно, остается загадкой, как были подняты венчающие камни пирамид — такие огромные блоки поднимались на пятьсот футов в воздух; но я верю, что механические силы действительно известны или будут известны в надлежащее время и будут снова применены, если труд окупится. Мы могли бы построить Вавилонскую башню в Нью-Йорке, или храм Карнака, или Колизей, и построили бы его, если бы такое сооружение было необходимо или мы могли позволить себе пустую трату времени, материалов и рабочей силы. Во всей древности не было ничего более грандиозного, чем современная железная дорога, или *Великий Восточный* пароход, или канал Эри. Дворец Навуходоносора не шел ни в какое сравнение с церковью Святого Петра или Версалем, а его висячие сады - с Кротонскими водохранилищами. Гибралтар или Эренбрайтштайн более неприступны, чем стены Вавилона, которые Кир отчаялся взять штурмом или разрушить. Каждое последующее поколение наследует богатства и знания прошлого, даже если Рим и Карфаген будут разграблены, а Александрийская библиотека сожжена. Варвары разрушили памятники былого величия — храмы, дворцы, статуи, картины, библиотеки, школы, языки и законы. Эти *они* не восстанавливали, но они были восстановлены их потомками, по мере необходимости, и добавлены новые творения. Парфенон вновь появляется в "Мадлен"; Золотой дом Нерона в Тюильри и Лувре; Юпитер Фидия в "Моисее" Микеланджело; Елена Зевксидская в "Венере" Тициана; Александрийская библиотека в "Имперской библиотеке"; Академия Платона в Оксфордском университете; речи Цицерона в "Красноречии" Берка; Институты Юстиниана в "Кодексе Наполеона". Кроме того, у нас есть соборы, архитектурный эффект которых Витрувий представить себе не мог; картины, которые Полигнот не смог бы написать; книги, которые Аристотель не мог себе представить; университеты, перед которыми Зенон преисполнился бы благоговейного трепета; суды, которые вызвали бы восхищение Павла и Папиниана; дома, которым позавидовал бы Скавр; экипажи, за обладание которыми Нерон отдал бы жизни десяти тысяч христиан; ковры, которые не смог бы соткать Вавилон; краски, превосходящие тирский пурпур; шелка, бархат, стеклянные зеркала, буфеты, ткани итальянского производства. лен, хлопок и шерсть, корабли, железные дороги, часы, телескопы, компасы, карты, печатные станки, порох, огнестрельное оружие, фотографии, гравюры, банковские билеты, телеграфные провода, химические соединения, домашняя утварь, мельницы, паровые машины, воздушные шары и тысячи других чудес цивилизации, которых не достигла ни одна древняя раса. *Мы* мы ничего не потеряли из старых трофеев гения и приобрели новые для будущей цивилизации. Римляне, если бы оставались во владении завоеванными ими провинциями еще на две тысячи лет, вероятно, никогда бы не совершили наших современных открытий и изобретений. Они были бы больше похожи на современных жителей Китая. Требовалась новая раса, чтобы проводить новые эксперименты и достигать новых триумфов. Греки и римляне внесли свой вклад, выполнили великую миссию для человечества, но они не могли навсегда монополизировать саму человеческую расу.

[Примечание: У каждой эпохи своя особая миссия.]

Каждой великой нации и эпохе предстоит проделать свою работу в области неразвитых энергий; но эта область неисчерпаема в ресурсах, ибо интеллект человека безграничен в своих резервных возможностях. Будущим триумфам гения и силы не может быть предела. Мы так же ничего не знаем о некоторых будущих чудесах, как в прошлом столетии не знали о паре и телеграфных проводах. Мы также не можем сказать, что возникнет в следующий раз. Чудеса греков и римлян поразили бы египтян и ассирийцев. Восточная цивилизация уступила место эллинской и римской; а эллинская и римская уступили место тевтонской. Итак, расы и эпохи движутся дальше. У них есть свои миссии, они разворачиваются и уходят из жизни. Но разрушение их институтов, даже насильственным путем, когда они больше не являются благословением для мира, и передача их земель и богатств другой расе, не изношенной, а новой, свежей, полной энтузиазма и силы, привели к постоянному благу для человечества, даже если мы чувствуем, что человеческий разум никогда не взлетал на более высокие высоты и не проявлял большей и более удивительной индивидуальной энергии, чем в том старом и разрушенном мире.

[Примечание: Насколько сохранилось христианство.]

Мы не можем сказать, насколько христианство сохранило сокровища прошлого. Никто не может сомневаться в влиянии христианства на возрождение литературы, в придании стимула мысли, в воспитании благородного стремления к благу общества и выработке того морального тона, который позволяет душе ценить то, что действительно велико. Именно церковь сохранила рукописи классических эпох; которая увековечила латинский язык в песнопениях, литаниях и богословских эссе; которая дала новый импульс сельскому хозяйству и многим полезным искусствам; которая сохранила традиции Римской империи; которая использовала старые каноны права; которая придала новую славу архитектуре в готических сводах средневековых соборов; которая поощряла рост университетов; которая дала мудрость правителям и законы общественной жизни. Монастыри в свои лучшие времена были вместилищами искусств, промышленными ульями, учебными заведениями, приютами для несчастных, убежищами для мудрецов, больницами для бедных и оплотами цивилизации, на которые грубые воины не осмеливались нападать. Что только не охраняло и не увековечивало христианское духовенство?

[Примечание: Настоящие триумфы христианства.]

То, что тевтонские народы поднялись бы на такую же высоту, как древние греки или римляне, без христианства, достаточно вероятно. Интеллекту благородной расы нет предела, пока он не развращен. Без христианства общество все еще могло бы обладать нашими современными открытиями, поскольку готские расы проявили выдающийся гений в области механических изобретений. Я понимаю, что христианство не имеет большого отношения ко многим чудесам наших дней; и я нахожу некоторые классы людей, добившихся больших успехов в определенных областях, в антагонизме к христианству. Я сомневаюсь, что духовная религия дала толчок паровому судоходству, или нарезным пушкам, или электрическим машинам, или астрономическим расчетам, или геологическим выводам. Она не создала научных школ, или мастерских художников, или фабрик Лоуэлла, или бирмингемских магазинов товаров, или лондонских доков. Материальную славу мы разделяем с древними; мы просто улучшили ее. В некоторых вещах они превосходят нас. Мы видим превосходство современной цивилизации над древней не столько в материальных чудесах, сколько в нематериальных идеях. То, что действительно является величайшим и благороднейшим в нашей цивилизации, исходит из

христианских истин. Безусловно, наиболее характерным является плод духовных идей, которым язычество никогда не учило и даже представить себе не могло; таких, например, как социальные изменения, народное образование, филантропические предприятия, просвещенное законодательство, возвышение бедных и обездоленных, разрыв рабских оков и истинное понимание миссии женщины. Римская империя также не была сметена с лица земли до тех пор, пока святые отцы и учителя церкви не посеяли семена всех этих великих современных усовершенствований, поднимающих общество на новый уровень. Они работали для нас, для всех будущих эпох, для всех возможных цивилизаций, а также для своего собственного времени. Следовательно, они являются бессмертными благодетелями человечества, поскольку они были первыми, кто провозгласил великие идеи обновления. Ранняя церковь - настоящий архитектор европейской цивилизации. Она заложила фундамент благородного здания, под которым народы до сих пор укрываются от жизненных бурь. Христианство не только спасло часть населения Римской империи от деградации и разорения; оно не только имело славных свидетелей своей трансцендентной силы и красоты в каждой стране, таким образом одержав победу над человеческой немощью и несчастьем, как никакая другая религия; но оно также доказало, что является постепенно завоевывающей силой благодаря великим и благотворным идеям, которые были посеяны в умах варваров, а также восточных христиан, и которые время от времени приносят плоды в каждой стране, так что любому, кроме извращенного интеллекта, становится очевидным, что христианство является источником того, что мы больше всего ценим саму цивилизацию и то, что без нее нации могут достичь только определенного уровня, а затем, по закону разврата, придут в упадок, подобно Греции, Малой Азии и Риму. Если бы у нас не было христианства, мы были бы вынуждены, поскольку история преподносит нам уроки, принять теорию Бакла и его школы о необходимом прогрессе и упадке наций — о вращении по бесконечным кругам, подобно философским системам. Но с нерушимыми идеями, которые насаждали отцы, должно происходить постоянное обновление и нескончаемый прогресс, пока мир не превратится в Эдем.

ССЫЛКИ.—Вниманию читателя предлагается только обычная история церкви. Все историки излагают важные факты, и было выявлено лишь несколько новых. Историки различаются лишь способом изложения своего предмета. Церковным историям, как правило, недостает искусства, и поэтому они неинтересны. Самым способным и образованным из современных историков, несомненно, является Неандер. Он также является наиболее полным и удовлетворительным; но даже он непривлекателен. Мосхайм сух и скучен, но сведущ в фактах. Доктор Шафф наиболее умело представил первобытное христианство, и его недавняя работа одновременно популярна и ценна. Милман - лучший английский писатель о церкви, и он самый читаемый из современных историков. Тийлемон и Дюпен очень полные и очень образованные люди. Но поистине бессмертная история церкви, исчерпывающая, но художественная, блестящая и ученая, еще предстоит написать. Древние историки, такие как Евсевий, Сократ и Зосима, очень скудны. О гении и духе ранней церкви можно почерпнуть только из жизни и трудов отцов церкви.

ГЛАВА XIV.

НАСЛЕДИЕ РАННЕЙ ЦЕРКВИ БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ.

Моя цель в этой главе - показать великие христианские идеи, которые проповедовали отцы церкви и которые оказали столь большое влияние на средние века и нашу собственную

цивилизацию. Они были провозглашены до падения Римской империи; и если они не остановили разорение, то все же облегчили страдания общества и заложили основу всего того, что наиболее облагораживает современные нации. Ранняя церковь должна стать самой славной главой в истории человечества. В то время как работа по разрушению продолжалась во всех частях света, как с помощью порока, так и насилия, все еще продолжалась новая работа по созиданию, драгоценный аромат жизни для будущих эпох. Если и есть что-то возвышенное, так это сила обновления идей среди всеобщего вырождения. Это семена истины, которые прорастают и созревают в великие институты. Они не приобрели достаточного значения, чтобы привлечь внимание историков, пока их не начали культивировать германские народы в Средние века.

Можно было бы показать, что почти все, что прославляет христианскую цивилизацию, берет свое начало в ранней церкви. Немногие знают, какими гигантами и героями были те отцы и святые, которых наш век научили презирать. Мы действительно пожинаем плоды этих конфликтов — конфликтов с фанатичными еврейскими сектами; конфликтов с первосвященниками язычества, с греческими философами, с гностиками-манихейскими иллюминатами; с символистами, прорицателями, астрологами, магами, которых мистические суеверия породили среди дегенеративных людей. И не только с князем силы воздуха, но и с самими собой, со своими собственными огненными страстями и с осязаемыми внешними врагами. Они были прославленными чемпионами и мучениками посреди великой Ярмарки Тщеславия, в огне гонений Навуходоносора, во всепроникающей атмосфере лжи, нечистоты и мерзости, которые взывали к небесам об отмщении. Они разрешили для нас и для всех будущих поколений тысячи новых вопросов, которые дерзкое язычество выдвинуло в своей последней борьбе; они разоблачили иллюзии, очаровывавшие это легкомысленное поколение эгоистов; они устранили ложь, которую тщеславные философы привнесли с помощью откровения; и они засвидетельствовали, с предсмертной агонией, истинность тех тайн, которые давали им утешение и надежду среди ужасов разрушающегося мира. Они впитали даже в сферу христианства все, что было действительно ценного в взорванной ими системе, будь то философия или социальная жизнь, и передали то же самое будущим эпохам. И они подают примеры, которые мир никогда не упустит из виду, терпения, стойкости, мужества, великодушия, которые будут вдохновлять всех мучеников до скончания времен. И если, ввиду их великой растерянности, обстоятельств, которые они не могли контролировать, полного вырождения и приближающегося варварства, они оказывали свою помощь некоторым институтам, которые мы не можем одобрить, конечно, будучи испорченными, таким как манихейство и церковное господство, давайте вспомним, что они были приспособлены к своему времени или были вызваны настоятельной необходимостью. И далее, давайте иметь в виду, что, одобряя это, они не могли предвидеть злоупотребления абстрактно хорошими и мудрыми принципами, такими как бедность, послушание, целомудрие, благочестивая медитация и уединенное общение с Богом. Тем не менее, во всем их поведении и мнениях мы видим великодушную человечность, терпимость и милосердие к человеческим немощам, а также прекрасный дух братской любви. Хотя они с большой горячностью и серьезностью отстаивали определенные вероучения, они все же превзошли их и прославляли общее название, которое носили, до тех пор, пока фундаментальные доктрины их религии не подверглись нападкам.

Однако в течение двух столетий у них не было никакой истории, кроме записей о мученичестве. Мы знаем об их страданиях лучше, чем о каких-либо странных идеях, которые они отстаивали. У

нас есть свидетельства об их непорочной жизни, об их безупречной морали, об их добропорядочном гражданстве и об их христианских достоинствах, а не о каких-либо доктринах, которые выделяются как особые ориентиры для обсуждения или конфликта, подобных тем, которые волновали соборы в Ницце или Эфесе. Но если бы нас спросили, каков был первый принцип, выявленный историей ранней церкви, мы должны были бы сказать, что это был принцип мученичества. Несомненно, первым зафиксированным актом в истории христианства была та памятная сцена на Голгофе, когда основатель нашей религии объявил об исполнении завета, заключенного с Адамом в Эдемском саду. И как освобождение человечества было совершено этой великой жертвой за грех, так и самым ранним развитием христианской жизни был дух мученичества. Нравственное величие, с которым мученики встречали поношения, изоляцию, преследования, страдания и смерть, не просто лишило могилу ее победы, но и внедрило принцип неограниченной силы среди всех будущих героев. Мученичество зажгло героический дух, но не для завоевания наций, а для завоевания души и отказа от всего, что земля может дать в подтверждение великих и спасительных истин. У нас есть несколько примеров мучеников языческой древности, таких как Сократ и Сенека, которые встретили смерть стойко, но не с верой, не с неистребимой радостью оттого, что этот смертный вот-вот облечется в бессмертие. Христианские мученичества были новым этапом развития человечества. Они учили необходимости нынешних жертв ради будущей славы и, более того, ради великих интересов истины и добродетели, с которыми отождествлялись хорошие люди. Они приносили жизнь и бессмертие людям, которые не осмеливались размышлять о своем будущем положении. Их мученики вселили в общество дух, которому ничто не могло противостоять; практическую веру в то, что жизнь - это нечто большее, чем мясо; что будущее важнее настоящего: и это, несомненно, один из великих фундаментальных принципов христианства. Они пробуждали дух стойкости и мужества при всех жизненных невзгодах и придавали достоинство людям, которые в противном случае были бы незначительными. Пример людей, которые с радостью расстались со своими жизнями ради своей религии, стал для мира самым впечатляющим голосом, который он когда-либо слышал, о ничтожестве этой жизни по сравнению с жизнью грядущей. "Какая польза человеку от того, что он приобретет весь мир и потеряет свою собственную душу?" таким образом, это стало одним из самых грандиозных вопросов, который мог быть задан будущим поколениям и затронул все отношения в обществе. Мученичество было одним из решений этого могущественного вопроса, который привнес новую силу на землю, ибо мы не можем представить христианство как всепобеждающее влияние, за исключением того, что оно раскрывает новое и высшее существование, по сравнению с которым настоящее ничего не стоит. Принцип мученичества, бросающий вызов настоящему, привел к безграничной благотворительности и отказу от мирского имущества. Чего они на самом деле стоят? У каждого мученика в сознании глубоко запечатлелась сравнительная бесполезность богатства, почестей и комфорта ввиду величия Бесконечного и важности будущего.

Таким образом, ранние мученичества с неизмеримой силой выявили принцип веры, без которого жизнь не может иметь цели, — веру в будущие судьбы, веру в обетования Божьи, веру в силу Креста, способную окончательно победить все формы зла. Жертва Христа принесла в мир чувства безграничной любви и благодарности за то, что Он, самый совершенный тип человечества и сам Сын Божий, пришел в этот мир, чтобы понести его грехи на кресте и таким образом дать небеса, которые нельзя было купить искупительными дарами. Именно любовь побудила Иисуса к распятию; и любовь породила любовь и побудила тысячи людей терпеливо

переносить бедствия, от которых они могли бы погибнуть. Мученичество первых христиан на самом деле не вызывало чувства благодарности, но оно вселяло мужество и вело к неизмеримым формам героизма. Робкая и сжимающаяся женщина, униженная рабыня и презируемый нищий - все они сразу стали безмятежными, возвышенными, непобедимыми, поскольку знали, что, хотя их земная обитель будет разрушена, у них есть жилище на небесах, свободное от всякого будущего труда, печали и поношения. Мученичество сделало этот мир ничем, а небеса - всем. Они доказали мощную веру в абсолютное преобладание истины и проявили непобедимый моральный героизм, который вызвал всеобщее восхищение; и они послужили образцами и примерами для будущих поколений, когда христиане подвергались горьким испытаниям.

Мы не можем не чувствовать, что мученичество - один из самых впечатляющих человеческих примеров, поскольку оно является признаком практической веры в Бога и небеса. И хотя мы признаем его одним из самых интересных среди духовных триумфов, мы убеждены, что за отсутствием его духа или его упадком обычно следует низкое состояние общества. Эпикурейство является его антагонистическим принципом и настолько же разрушительно, насколько другой консервативен. В тот момент, когда люди не желают жертвовать собой ради великого дела, они фактически говорят, что временные и мирские интересы следует предпочесть духовным и будущим. Язык эпикурейца чрезвычайно эгоистичен. Это: "Душа, расслабься; ешь, пей и веселись", на что Бог говорит: "Ты глупец". Христианство было послано, чтобы уничтожить этот эгоизм, который подрывал силу древнего мира; и оно создало практическую веру в будущее и веру в истину. Без этой веры общество всегда отступало; с ней происходили постоянные реформы. Это важный элемент прогресса и признак достоинства и морального величия.

Должны ли мы искать связь между их мученичеством и цивилизацией? Они свидетельствовали о религии, которая является источником всего истинного прогресса на земле; они подтверждали ее божественную истинность среди длительных страданий; они были выдающимися примерами для созерцания всех веков.

Возможно, самым мощным эффектом их добровольной жертвы было обеспечение доверия к тайнам христианства. Сократ умер за свои собственные мнения; но кто когда-либо был готов умереть за мнения Сократа? Но бесчисленные мученики ликовали от привилегии умереть за доктрины Того, чья жертва спасла мир. И для них смерть не была обычным страхом, поскольку они были уверены в великолепном бессмертии. Они преподали языческому миру глубокий урок о том, что будущее больше настоящего; что должен наступить день наград и наказаний. Среди всех невзгод и опустошений общества было великим делом свидетельствовать о реальности будущего счастья и несчастья. Надежда на бессмертие, должно быть, была невыразимым утешением для несчастных страдальцев Римской империи. Она придавала им мужество, терпение и стойкость. Она вселяла в них надежду и покой. Среди опустошительных бедствий болезней, вторжений варваров, распада общества и приближающегося затмения славы человека было великой и святой тайной, что душа переживает эти бедствия и что вечное блаженство должно быть наградой верующих. Ничто другое не могло примирить жителей распадающейся империи с рабством, войной и грабежом. Требовалась мощная поддержка разума в сложных условиях бедствий того времени. Эта поддержка была обеспечена смертью и ликованием мучеников. В душах миллионов страдающих было написано, что их ждет высшая жизнь, славное будущее, чрезвычайно великая награда. Было невозможно видеть тысячи

людей, готовых умереть, ликующих от привилегии мученичества, с уверенностью предвкушающих свой "венец", и не чувствовать, что бессмертие - это уверенность, выявленная Евангелием. И пример мучеников разжег все лучшие эмоции души в священное сияние. Их смерть, такая безмятежная и прекрасная, наполнила зрителей любовью и восхищением. Их страдания выявили величайшие добродетели и проникли их духом в сердца всех, кто видел их неистребимую радость. Неужели в такой век это ничто - дать толчок самым возвышенным чувствам, которые только могут быть у людей? Благополучие народов основано на нерушимой уверенности в любви, дружбе, вере, стойкости духа, самопожертвовании. Не столько Марафон, сколько Фермопилы придали жизненную силу греческому героизму и сделали это незабываемое самопожертвование одним из вечных столпов, знаменующих национальный прогресс. Таким образом, страдания мучеников ради Христа согрели распадающуюся империю верой в Небеса и подготовили ее к встрече с самыми беспримерными бедствиями, которые когда-либо видел наш мир. Они нанесли решающий удар эпикурейству и скептическому цинизму, так что в бедствиях, которые вскоре после этого случились, людей поддерживали надежда и доверие. Они могли прятаться в пещерах и пустынях, они могли искать уединения в монашеских обителях, они могли потерять веру в человека и всю мирскую славу, они могли тратить свои жизни на медитацию и уединение, они могли предвидеть исчезновение всего сущего, но они с верой ожидали пришествия своего Господа. Подготовленный к любому исходу или любому бедствию, класс героев восстал, чтобы показать моральное величие пассивных добродетелей и торжество веры среди крушений материального величия. Разве это не было необходимо в конце четвертого века? Особенно разве такие яркие примеры не были нужны для грядущих веков? Поликарп и Киприан были предшественниками мучеников Средневековья и принадлежали к Реформации. Ранние гонения развили дух мученичества, который является семенем церкви, запечатлели его в сознании мира и подготовили путь для моральных триумфов Бекетов и Савонарола отдаленных поколений. Мученичество было первым впечатляющим фактом в истории церкви, а идея умереть за веру - одним из наиболее ярких свидетельств превосходства над древними религиями. Это была новая идея, которая совершенно ускользнула от старых наставников человечества.

Другой великой идеей, которая была провозглашена церковью задолго до падения империи, была идея благотворительности. Благотворительность не была одним из плодов язычества. Мужчины, возможно, продавали свои товары и раздавали бедным, но у нас нет записей о таких поступках. Больницы и благотворительные учреждения были почти неизвестны. Когда человеку не везло, ему ничего не оставалось, кроме как страдать и умереть. Помощи от других не было. Все были поглощены своими планами получения удовольствий или честолюбивыми амбициями, и сострадание было редкостью. Больные умирали без облегчения. "Зритель, который смотрел на великолепные здания, покрывавшие семь холмов, храмы, арки, портики, театры, бани и дворцы, не мог обнаружить никаких больниц и приютов, за исключением, возможно, храма Эскулапа на острове в Тибре, где увечных и больных оставляли в одиночестве бороться со смертными муками". Но церковь накормила голодного, одела нагого, посетила узника и приютила чужестранца. Благотворительность была одним из основополагающих предписаний Христа и Апостолов. Новый Завет дышит безграничной любовью, благожелательностью, настолько обширной и универсальной, что самоотречение игнорировалось. Самоотречение в творении добра другим было одной из добродетелей, ожидаемых от каждого христианина. Следовательно, у первых последователей нашего Господа было все общее. Предполагалось, что собственность принадлежит всей церкви, а не отдельным

лицам. "Пойди и продай все, что у тебя есть" было истолковано буквально. Вся церковь должна была следить за тем, чтобы незнакомцев принимали, чтобы за больными ухаживали, чтобы бедные были накормлены, чтобы сироты были защищены, чтобы навещали тех, кто был в тюрьме. Для этих целей пожертвования собирались на всех собраниях, созываемых для публичного богослужения. Отдельные люди также подражали всей церкви и раздавали свое имущество бедным. Матроны, в особенности, посвящали себя этим делам милосердия, кормили бедных и навещали больных. Они посещали самые убогие лачуги и самые мрачные тюрьмы. Но "какой язычник, - говорит Тертуллиан, - допустит, чтобы его жена ходила с одной улицы на другую по домам незнакомцев? Какой язычник позволил бы ей улизнуть в темницу, чтобы поцеловать цепь мученика?" И эти дела милосердия были совершены не только по отношению к друзьям, но и по отношению к незнакомцам; и именно это особенно поражало язычников удивлением и восхищением — то, что люди разных стран, рангов и жизненных отношений были связаны друг с другом невидимой нитью любви. Незнакомец с письмами к "братьям" был уверен в щедром и сердечном приеме. Среди христиан не было чужих; все они были братьями; они называли друг друга братом и сестрой; они дарили друг другу братский поцелуй; они не знали различий; все они имели равные права на наследие церкви. И эта щедрость и великодушие распространялись на нужды христиан в отдаленных странах; церкви выкупали пленных, взятых на войне, и даже в редких случаях продавали освященные сосуды для этой цели, как это сделал Амвросий в Милане. В третьем веке один епископ поддерживал две тысячи бедняков. Киприан собрал в свое время в своей церкви в Карфагене сумму, равную четырем тысячам долларов, для отправки манихейским епископам на благотворительные цели. Особенно во времена общественных бедствий проявлялся этот дух благожелательности, и он разительно контрастировал с язычниками. [Сноска: Неандер, том i, раздел 3.] Когда в правление Галлиена Александрию посетила чума, язычники бросили своих друзей при первых симптомах болезни; они оставили их умирать на улицах, даже не потрудившись похоронить их после смерти; они думали только о том, как бы самим спастись от заразы. Христиане, напротив, брали тела своих братьев на руки, ухаживали за ними, не думая о себе, выполняли их нужды и хоронили их со всей возможной осторожностью, даже в то время, как лучшие люди общины, пресвитеры и дьяконы, сами лишались жизни из-за своего самоотверженного великодушия. [Примечание: Евсевий, 1. vii. глава ii. 22.] И когда Карфаген был опустошен подобной эпидемией в царствование Галла, язычники бросили больных и умирающих, и улицы были заполнены мертвыми телами, что значительно усилило заразу. Никто не приближался к ним иначе, как с целью грабежа; но Киприан, созвав свой народ в церковь, сказал: "Если мы делаем добро только своим, то что мы делаем больше, чем мытари и язычники". Воодушевленные его словами, члены церкви разделили работу между собой: богатые давали деньги, а бедные трудились, так что за короткое время тела, заполонившие улицы, были похоронены.

И церковь никогда не отказывалась от этого принципа доброжелательности. Это был один из основополагающих столпов монашеской жизни в Средние века, когда монастыри были благословенными убежищами для несчастных, где все незнакомцы находили приют; где они распространяли благотворительность на всех, кто обращался к ним за помощью. Сам монастырь был построен на благотворительности, на дарах и наследии благочестивых. В языческом Риме люди завещали свои состояния фаворитам; они редко раздавались бедным. Но христианство повсюду проповедовало необходимость благотворительности не просто как испытание христианской надежды и веры, но и как одно из условий самого спасения. Одной из самых замечательных черт нашей современной цивилизации является широко

распространенная система общественной благотворительности, распространяющаяся на миссии, обездоленные церкви, больницы, колледжи, богадельни, на поддержку бедных, которых не оставляют умирать без внимания, как в древнем мире. Каждая форма христианства, каждая секта и партия имеют свои особые благотворительные организации; но благотворительность с какой-либо благой целью является основным принципом общего вероучения. Какие неизмеримые благословения были дарованы человечеству вследствие этого закона доброты и любви! Какой прекрасной чертой он является во всем прогрессе цивилизации!

Ранняя церковь подала хороший пример терпения в условиях гонений, а практическая доброжелательность распространилась на все формы общественной жизни, которые были установлены в каждую последующую эпоху и от которых в определенной степени можно проследить здоровое состояние общества.

Следующая миссия церкви состояла в том, чтобы придать достоинство и важность публичной проповеди Евангелия, которая с тех пор никогда не упускалась из виду и была немаловажным элементом нашей цивилизации. Это было совершенно новым явлением в истории общества. Языческий жрец не призывал людей к морали, не указывал на их религиозные обязанности, не напоминал им об их будущей судьбе, не разъяснял великие принципы религиозной веры. Он приносил жертвы Божеству и появлялся на внушительных церемониях. Он носил богатые и великолепные платья, чтобы ослеплять чувства людей или будоражить их воображение. Его долгом было взывать к богам, а не к людям; умиловать их дорогостоящими обрядами, окружать себя тайной, внушать благоговейный трепет и возбуждать суеверные чувства. У христианского священника была более возвышенная сфера деятельности. В то время как он взывал к Богу в молитве и подходил к его алтарю с подобающей торжественностью, его долгом было также проповедовать людям, как это делали Павел и Апостолы по всему языческому миру, чтобы обратить их в христианство и изменить весь характер их жизни и привычек. Пресвитер, крестя верующих и раздавая символические хлеб и вино, также учил людей, объяснял им тайны, возлагал на них обязанности, взывал к их интеллекту, совести и сердцам. Он бесстрашно погружался во все темы, имеющие отношение к религиозной жизни, и смело представлял их для размышления.

Какой грандиозный театр для развития ума, для здорового обучения и командного влияния открыла христианская кафедра. Не было сферы, равной ей по моральному достоинству и силе. Это отбросило в тень театр и форум. А во времена, когда книгопечатание было неизвестно, это был почти единственный способ учить людей. Это значительно усилило власть духовенства и дало ему влияние, которым старые жрецы язычества никогда не могли пользоваться. Это создало совершенно новую силу в мире, действительно моральную силу, но такую, которой история не знает равных. Философы преподавали в своих школах, они обучали нескольких восхищенных учеников; но сфера их учения была ограничена, как и число тех, к кому они могли обратиться. Кафедра стала учреждением. Все христиане должны были регулярно собираться для общественных наставлений, а также для богослужений. Каждый седьмой день люди откладывали свои светские обязанности и посвящали себя религиозному совершенствованию. Кафедра дала силу субботе; и каким институтом является христианская суббота. Субботе и публичной проповеди христианский мир обязан больше, чем всем другим источникам нравственного возвышения, вместе взятым. Верно, что еврейская синагога служила образцом для церкви; но раса левитов не претендовала на особую святость и не выполняла никаких

дружеских обязанностей за пределами храма. В синагоге люди собирались для того, чтобы помолиться или послушать чтение Священных Писаний, а не для того, чтобы получить религиозные наставления. Еврейская религия была так же полна церемоний, как и языческая, и интеллектуальная часть ее была ограничена юристами, раввинской иерархией. Но проповедь великих доктрин христианства была превращена в особую священную обязанность и поручена классу людей, которые избегали всех мирских занятий. Христианский священник был признанным главой общества, которое он обучал и контролировал. Со временем он стал великим сановником, контролирующим различные интересы; но его первой миссией было проповедовать, и его первой темой был распятый Спаситель. Каждую неделю он поднимался на кафедру как уполномоченный, так и священный учитель, и, иллюстрируя свои предметы, ему была предоставлена большая свобода действий. Нелегко оценить, какая разница существовала между языческими и христианскими общинами с момента возникновения этой новой силы, и мы могли бы также сказать, института, поскольку кафедра и суббота взаимосвязаны и ассоциируются воедино. Чего бы ни добился мир благодаря Субботе, это достижение усиливается и значительно увеличивается благодаря публичному обучению. Это поставило христианина настолько же выше еврея, насколько раньше еврей был выше язычника. Это также создало касту священнослужителей. Люди, возможно, и имели привилегию изливать свои сердца перед братьями и говорить им в назидание, но не все прихожане были пригодны для светской должности учителей. Христианство претендует на способность к знанию, а также на способность чувствовать. Преподавание рано считалось великим даром, подразумевающим не только высшее знание, но и высшую мудрость и благодать. Лишь немногие обладали драгоценной харизмой, чтобы с пользой обращаться к собравшимся людям, [греч. *charisma didaskalias*], и эти немногие стали назначенными проводниками христианских стад, [греч. *didaskaloi*]. Другие должностные лица новых общин делили с ними управление, но учитель был высшим должностным лицом, и постепенно он стал пресвитером, особой функцией которого было рассказывать людям о великих темах, изучать которые было их долгом. И даже после того, как пресвитер стал епископом, его главной обязанностью было публично преподавать, даже в четвертом и пятом веках. Лев и Григорий, великие епископы Рима, были красноречивыми проповедниками.

Таким образом, церковь постепенно присвоила себе великую прерогативу красноречия. Красноречие родилось не в церкви, но оно было освящено, выделено в отдельное русло и приспособлено для тысячи новых целей, и особенно отождествлялось с публичным учением народа. Великие тайны, глубокие доктрины, наводящие на размышления истины, трогательные истории, практические обязанности христианства были усвоены и претворены в жизнь публичным учителем; и красноречие проявилось в проповеди. В языческие века красноречие ограничивалось форумом или палатой сената и было направлено исключительно в светские русла. Это всегда высоко ценилось как врожденное право гения — скорее вдохновение, как поэзия, чем искусство, которым можно овладеть. Но она не всегда была служанкой поэзии и музыки; она была принесена на землю для практических целей и использовалась главным образом для защиты преступников, или обеспечения принятия законов, или стимулирования лидеров общества к важным поступкам. Дар языка принадлежал риторам, юристам, политикам, философам, но не священникам, которые были ходатаями перед Божественным Началом. Теперь христианство переняло все искусства красноречия, обогатило их и применило к множеству новых предметов. Она с триумфом унесла самое яркое украшение языческих школ и передала его в руки своих избранных служителей. Кафедра вскоре начала соперничать с

форумом в демонстрации рожденного небесами искусства, которое теперь было посвящено гораздо более возвышенным целям, чем те, для которых оно применялось. По мере того как публичное обучение становилось все более и более образованным, оно также становилось все более и более красноречивым, поскольку у проповедника были возможности, тема, аудитория, мотив - все это требуется для достижения большого совершенства в публичных выступлениях. Через определенные промежутки времени он собирал живую паству; у него был спектр всех тех возвышенных запросов, которые волнуют душу; и у него были души, которые нужно было спасти — величайший из мыслимых мотивов для хорошего человека, осознающего истины Евангелия. Все человеческие предприятия и схемы становятся в конечном счете пресными для человека, у которого нет возвышенных взглядов на благо человечества, или своей семьи, или своего друга. Мы были созданы, чтобы творить добро. Уберите этот стимул, и сама энергия ослабеет и иссякнет. В жизни нет цели для искателя удовольствий или выгоды, когда однажды страсть удовлетворена. Какой объект жалости может быть таким меланхоличным, как человек, измученный эгоистическим возбуждением и неспособный к веселью? Но тот, кто трудится на благо других, никогда не испытывает скуки. Доброжелательный врач, патриотически настроенный государственный деятель, добросовестный юрист, учитель-энтузиаст, писатель-мечтатель - все они работают и надрываются в изнурительных трудах в надежде быть полезными телам, или интеллекту, или умам людей. Это великое условие счастья. В азартных играх есть азарт, как и в удовольствии, в зарабатывании денег, как и в трате денег; но это истощает благородные способности и заканчивается скукой, самобичеванием и горьким разочарованием. Стремиться к благу других - это не условие нашей природы, которая была создана для того, чтобы приносить пользу. Те самые счастливые и уважаемые, у кого это благо постоянно в сердце. Не может быть несчастья для человека, поглощенного творением добра. Он может быть беден и гоним, как Сократ; он может ходить босиком, испытывать семейные невзгоды и быть лишенным своих удобств — но он безмятежен, ибо душа торжествует над телом. Теперь, что за мотив столь грандиозный, как спасение бессмертной части человека. Это желание наполнило древнего христианского оратора сверхъестественным энтузиазмом, а также придало ему неограниченную власть и внушительное достоинство. Он был самым счастливым из смертных, когда его преследователи вели его на пылающий костер, и он был самым величественным. Чувство, что он разжигает огонь, который никогда не должен погаснуть, даже тот, который должен был сжечь всех нечестивых идолов поколения идолопоклонников, развязало ему язык и оживило черты его лица. Самые яркие примеры серафической радости, своего рода божественной красоты, играющей на чертах лица, есть у ораторов. В оживленной беседе человек, обычно невзрачный, вроде мадам де Сталь, становится красивым и впечатляющим. Но за кафедрой, когда священный оратор внушает собравшимся страхи и надежды иного мира, в его красоте есть величие, которое нигде больше не проявляется так полно. Нет красноречия, подобного красноречию кафедры, когда проповедник одарен и серьезен. В Греции были свои Перикл и Демосфен, а в Риме - свои Гортензий и Цицерон. Мы могли бы упомянуть многих других великих ораторов. Но когда Греция и Рим существовали в интеллектуальном плане, подобном тому, с которым наше современное время не имеет аналогов, в нашей всепоглощающей погоне за удовольствиями и выгодой и среди богатства механических изобретений, даже в тех классических странах было всего несколько ораторов, имена которых дошли до наших дней; в то время как в церкви, в период упадка, когда литература и наука почти исчезли, было больше христианских ораторов, чем в классической древности. Да, в те темные и несчастные века, которые последовали за падением Римской империи, в каждой стране были замечательные ораторы с кафедр, подобные тем, кто

раздувал Крестовые походы. В средние века не было красноречия вне церкви. Бернард обладал гораздо большей моральной силой, чем Цицерон в расцвете своей славы. И в наше время, какие ораторы появились, подобные тем, которых породила Реформация, как в римско-католической церкви, так и среди многочисленных сект, которые протестовали против нее? Какого оратора родила Германия, равного по славе Лютеру? Какой оратор во Франции достиг славы Боссюэ, или Бурдалу, или Массильона? Даже среди всех волнений, связанных со сменой правительства, кто имел такую власть над народом, как Лакордер или Моно? В Англии великие ораторы были проповедниками, за очень немногими исключениями; и эти люди достигли бы еще больших успехов в искусстве публичных выступлений, если бы они обучались в церкви. В наши дни мы видели великих ораторов в светской жизни, но они уступают в очаровании либо тем, кто привык говорить со священного места, либо тем, кто получил духовное образование, подобно многим нашим популярным лекторам. Ничто никогда не открывало такой арены красноречия, как проповедь Евангелия, ни в древнем, ни в средневековом, ни в современном мире, не только из-за величия и важности обсуждаемых тем, но и из-за количества выступавших. В законодательном собрании, где все должны уметь обращаться к аудитории, а некоторые должны быть красноречивыми, за день можно заслушать только двоих или троих. За всю сессию в Конгрессе или парламенте произносится всего около двадцати или тридцати грамотных речей; но в Англии или Соединенных Штатах одновременно выступают около тридцати тысяч проповедников, многие из которых гораздо более одарены, образованны и блестящи, чем кто-либо из великих советов страны. Это красноречие не ограничивается протестантской церковью; оно существует также в римско-католической церкви в каждой стране. Нет более серьезных и вдохновляющих ораторов, чем в Италии или Франции. Даже в грубых, неграмотных и отдаленных районах мы часто слышим образцы красноречия, которые были бы замечательны в столицах. Какие шансы у адвокатуры в большом городе по сравнению с кафедрой в плане проявления красноречия? Вероятно, каждое воскресенье с различных кафедр христианского мира произносится больше красноречивых речей, чем было произнесено всеми ораторами Греции за весь период ее политического существования. Несомненно, каждое воскресенье в каждой христианской стране звучат более трогательные и действенные призывы к сердцу народа, чем в течение всего года, когда речь идет о предметах, по существу светских. Тогда какой импульс ораторское искусство с кафедры придало объектам строго филантропического характера! Церковь была кормилицей и матерью всех программ благотворительности с момента своей организации. Это само по себе великое филантропическое учреждение, перевязывающее раны заключенного, приносящее облегчение страждущим и стимулирующее великие предприятия. Для всего этого была призвана кафедра, и она оказала свою помощь, так что мир был в большем долгу перед красноречием богословов, чем перед каким-либо другим источником. Кто может подсчитать моральную силу ста пятидесяти-двухсот тысяч христианских проповедников в мире, подобном нашему, большинство из которых стоят на стороне морали и учености? Можно сказать, что правильнее считать, что эти блага проистекают из христианства, открытого в Библии; что Библия является причиной всего этого великого импульса к цивилизации. Мы не возражаем против такого толкования; тем не менее, указывая на влияние церкви еще до падения империи, следует упомянуть создание проповеднического красноречия, поскольку оно внесло такой большой вклад в моральное возвышение христианского мира. Христианство было бы лишено половины своих триумфов, если бы не публичная проповедь своих истин. У язычества не было публичных учителей, которые регулярно обучали бы людей и стимулировали их благороднейшую энергию. Это был новый институт, эти субботние упражнения, и они оказали

невообразимое влияние на прогресс и состояние расы. Сила Евангелия действительно была главной и первопричиной; но церкви должна принадлежать заслуга в том, что она присвоила то, что наиболее ценилось в интеллектуальных центрах древности, и придала этому новое направление. Христианское ораторское искусство также является интересной темой для представления только в художественном отношении. Его огромное влияние никто не может подвергнуть сомнению.

Опять же, кто может оценить тот долг, которым цивилизация в ее самом широком и всеобъемлющем смысле обязана отцам ранней церкви в разработке христианского учения? Они обнаружили, что языческий мир поработен определенным классом самых унижительных представлений о Боге, о божественности, о добре, о будущем, о наградах и наказаниях. Действительно, его мнения были ошибочными и деморализующими почти по каждому пункту, касающемуся духовных отношений человека. Они отвечали требованиям своего времени, ухватившись за великие радикальные принципы христианства, которые самым прямым образом противостояли этим деморализующим идеям, и придав им необходимое значение. Более того, в самой церкви время от времени высказывались мнения, столь тесно связанные с языческой философией и восточными теогониями, что вера христиан подвергалась опасности быть ниспровергнутой. Священные Писания действительно были признаны содержащими все, что необходимо знать в христианской истине; но они по-прежнему допускали большую свободу верований, и противоречивые вероучения черпались из одного и того же великого авторитета. Если Библия должна была стать спасением человека или великим тезаурусом религиозной истины, необходимо было систематизировать и обобщить ее великие доктрины, чтобы противостоять опасным языческим обычаям и еретическим мнениям в самой церкви. И даже более того, установить стандарт веры для всех грядущих эпох; не произвольную систему догм, а те, которые Писание признает наиболее прямо и решительно. Христианская жизнь была изложена мучениками в различных формах учения, в поклонении Богу, в применении тех добродетелей и милостей, которые заповедал Христос, в благожелательности, милосердии, вере, молитве, терпении, в различных отношениях социальной жизни, в таинствах, в постах и праздниках, в занятиях, которые можно было выполнять с пользой и честью. Но христианство повлияло на мышление и знания, а также на внешние отношения. Оно не провозглашало жесткой системы доктрин, когда впервые было провозглашено. Это должно было быть развито, когда этого потребовала необходимость. В течение двух столетий существовало всего несколько вероучений, и они были очень простыми и всеобъемлющими. Спекуляция тогда еще не вошла в моду, как и языческий дух философии. Существовало великое единство веры, и оно было сосредоточено вокруг Христа как Исккупителя и Спасителя мира. Но со временем христианство было вынуждено бороться с иудаизмом, ориентализмом и греческими спекуляциями, поскольку они проникли в саму церковь и были более или менее приняты ее членами. С откровенным язычеством шла постоянная борьба; но в этой битве все слои христиан были едины воедино. Их не отвлекали никакие споры о том, следует или не следует терпеть идолопоклонство. Но когда гностические принципы были приняты хорошими людьми, теми, которые, например, вступили в монашество или аскетическую жизнь, было необходимо, чтобы появился какой-нибудь великий гений и разоблачил их восточное происхождение, и определенно изложил христианский закон по этому вопросу. Итак, когда манихейство, арианство и другие еретические мнения были защищены и приняты самими христианами, отцы церкви, вставшие на сторону православия в возникших великих спорах, оказали важные услуги всем последующим поколениям, поскольку, вероятно, никогда эти тонкие вопросы,

относящиеся к Троице, человеческой природе Христа, предопределению и другим родственным темам, не обсуждались с такой проницательностью и широтой. Они занимали мысли всего века, и императоры вступали в споры по теологическим вопросам с интересом, превосходящим интерес к мирским делам, которые требовали их особого внимания. Христианам нашего века, когда все великие доктрины веры устоялись, нелегко оценить то огромное возбуждение, которое вызывали их дискуссии во времена Афанасия и Августина. Весь интеллект того времени был посвящен теологическим исследованиям. Все говорили о них, и они были общей темой на всех публичных мероприятиях. Если дискуссии на темы, некогда имевшие такое всеобщее очарование, никогда больше не вернутся, если они будут проходить мимо, как олимпийские игры, или дискуссии афинских философских школ, или спортивные состязания Колизея, или оракулы Додоны, или быки средневековых пап, или состязания на турнире, или "поле с золотой тканью", они все равно сохраняют историческое очарование и укажут на великие ступени человеческого прогресса. Если это действительно грандиозные и важные идеи, на которые они претендовали, они будут продолжать вдохновлять самые отдаленные поколения. Если это просто диалектические умозаключения, то они относятся к числу наиболее глубоких усилий разума в христианских философских школах.

Мы, конечно, не можем вдаваться в споры, посредством которых церковь выработала общепринятую ныне систему доктрин, или описывать тех великих людей, которые придавали такое значение богословским исследованиям. Климент был поднят для борьбы с гностиками, Афанасий - для пресечения тревожного распространения арианства, а Августин - для провозглашения действительности божественной благодати против пелагианцев. Трактаты этих людей и других великих светил о Троице, о воплощении и о первородном грехе оказали такое же большое влияние на мышление эпохи и последующих эпох, как рассуждения Платона, или силлогизмы Фомы Аквинского, или теории Кеплера, или объяснения Бэкона, или дедукции Ньютона, или диссертации Берка, или суровая ирония Паскаля. Они не создавали революций, поскольку стремились к перевороту, но они стимулировали человеческие способности и сохраняли наиболее ценные знания. Их определенные взгляды стали стандартом веры среди восточных христиан и были переданы германским варварам. Они были приняты католической церковью и сохранили единство веры в века смуты и суеверий. Одной из величайших признанных причин современной цивилизации было создание университетов. В них великие вопросы, которые начали и развили отцы церкви, обсуждались с новой остротой. Если бы не было Оригена, или Тертуллиана, или Августина, не было бы ни Ансельма, ни Абеляра, ни Эриджены. Спекуляции и исследования александрийских богословов контролировали мышление Европы в течение тысячи лет и придали литературе Средневековья этот глубоко теологический характер, направляя гений Данте, а также Бернарда. Их влияние на Кальвина было столь же значительным, как и на Боссюэ. Языческая философия не обладала таким очарованием, как великие истины христианской веры. Августин и Афанасий отодвинули Платона и Аристотеля в тень. Ничто так не выделяло великих богословов, которых породила Реформация, как обсуждение вопросов, которые систематизировали и которым учили отцы церкви. Интерес не ограничивался только богословами. Людовик XIV. обсуждал свободу воли и предопределение с Расином и Фенелоном, точно так же, как придворные Людовика XV обсуждали вероятности и ментальные оговорки. А в Новой Англии, у пуританских очагов, случайный прохожий в старые времена, когда религия была жизнью, вступал в теологические дискуссии с таким же пылом, с каким он сейчас описывал бы колебания курсов акций или преходящую суету кринолина и краски для волос. Не является одним из лучших признаков этого

материального века и то, что интерес к великим вопросам, волновавшим интеллекты наших отцов, угасает. Но великие идеи обладают могучим постоянством, и мы верим, что снова наступит время, когда нерушимой уверенности будет уделяться больше внимания, чем политике или моде.

Влияние отцов церкви в равной степени проявляется в музыке и поэзии, дошедших до наших дней. Церкви удалось унаследовать религиозную лирику, не имеющую себе равных в истории литературы. *Magnificat* и *Nunc dimittis* пели с самых ранних христианских времен. Улицы восточных городов эхом отзывались на соблазнительные мелодии Ария и Златоуста. Флавиан и Диодор ввели в Антиохии антифонное пение, которое, усовершенствованное Амвросием и еще больше Григорием, стало радостью блаженных святых в те беспокойные века, когда пение в хоре было развлечением, а также обязанностью значительной части религиозных людей. Гимнов Амвросия, Илария, Августина и других было так много, что они стали популярной литературой на века и до сих пор составляют самую прекрасную часть богослужения католической церкви. Кто может оценить влияние гимнов, которые исполнялись на протяжении пятидесяти поколений подряд? Какое очарование все еще сохраняется в средневековых песнопениях! Поэзия ранней церкви сохранилась в этих священных гимнах. Они вдохновляли варваров энтузиазмом, точно так же, как они разжигали восторг ранних христиан в Миланской церкви. Лирические поэты бессмертны и оказывают широкое влияние. Пылкие строфы Уоттса, Стила, Уэсли, Хиберы поются из поколения в поколение. Гимны Лютера являются одними из наиболее ценных его различных произведений. "С ледяных гор Гренландии" — эта священная лирика — будет жить так же долго, как "Элегия на сельском церковном дворе" или "Субботний вечер дачника", да, переживет "Ночные мысли" и "Ход времени". В греческой или римской поэзии нет ничего, что могло бы заменить псалмопение ранней церкви. Песни Амвросия были его богатейшим наследием для торжествующих варваров, утешая монаха в его унылой келье и крестьянина на его поросших виноградом холмах, выражая чувства вселенского вероучения и посвящая самые нежные воспоминания. Таким образом, христианская литература в ее различных аспектах, ее толкование, ее проповеди, ее вероучения и ее псалмопение, если и не равнялись по художественным достоинствам классическим произведениям древности, то оказали неизмеримое влияние на человеческую мысль и жизнь не только в римском мире, но и во все последующие эпохи.

Но великие истины, провозглашенные отцами церкви относительно моральных и социальных отношений в обществе, еще более замечательны по своему последующему влиянию.

Великая идея христианского равенства подорвала основы той великой системы рабства, которая была одной из главных причин крушения империи. Христианство не положило конец рабству; возможно, оно никогда и не уничтожило бы его при римском правлении, но оно протестовало против него, как только облеклось светской властью. Как в глазах небес нет различия между людьми, так и идея социального равенства получила распространение по мере понимания отношения христианства к практической жизни. Отмена рабства и общее смягчение других социальных зол жизни — все это логически вытекает из доктрины христианского равенства, согласно которой Бог создал из одной крови все народы земли, что они одинаково ценны в его глазах и имеют равные права на небесное счастье. Все теории прав человека исходят из этой утешительной доктрины и сосредотачиваются вокруг нее. То, что мы рождаемся свободными и равными, на практике может быть не совсем правдой; но то, что отношения в обществе следует рассматривать так, как они рассматриваются в Священных Писаниях,

которые раскрывают достоинство души и ее славные судьбы, не подлежит сомнению; так что угнетение человека человеком, несправедливость и неравные законы согласуются с одним из великих фундаментальных откровений Бога. Внушите христианскому равенству разум человека, и социальное равенство станет само собой разумеющимся. Раб был признан мужчиной, личностью, а не вещью. Всякий раз, когда он садился, как делал раз в неделю, рядом со своим хозяином, в знак обожания простого Господина, позор его тяжелого положения исчезал, даже если его обязательства повиновения не отменялись. Как будущий гражданин небес, его важность на земле признавалась все больше и больше, пока с него постепенно не сняли оковы.

С того дня, когда было провозглашено христианское равенство, основы рабства подверглись нападкам, и прогресс свободы шел в ногу с христианской цивилизацией, хотя апостолы прямо не осуждали рабство, опозорившее древний мир. Это было нечто вроде провозглашения принципов, которые, будучи логически осуществленными, в конечном счете ниспровергли бы зло, ибо никакое зло не может существовать вечно, если оно противоречит логическим выводам из истин христианства. Моральная философия - это такой же ряд логических выводов из доктрины любви к ближнему, как и к самому себе, как и та огромная сеть теологических систем, которые Августин и Кальвин разработали на основе величия и всевластия Бога. Те различия, которые Христос устранил своим Евангелием о всеобщем братстве, никогда не смогут вернуться или сосуществовать с продвижением истины. Масштабная социальная революция началась, когда было объявлено о вечной судьбе раба. Это не закончится простым уничтожением рабства как института; это повлияет на отношения бедных и богатых, невезучих и процветающих в каждой христианской стране до тех пор, пока справедливость и любовь не станут доминирующими принципами. Какой шаг от римского рабства к средневековому крепостному праву! Каким благожелательным было отношение церкви во все века к бедняку! Сын крестьянина становится священником и поднимается в христианской иерархии, чтобы стать правителем мира. В средние века у бедного крестьянского мальчика не было другого способа возвыситься, кроме как в церкви. Он привлекает внимание какого-нибудь благотворительного монаха; он получает образование в монастыре; он становится почитаемым братом, аббатом, возможно, епископом или папой римским. Если бы он остался на службе у феодала, то никогда не смог бы подняться выше своего первоначального ранга. Церковь поднимает его из рабства и возлагает на его чело свою печать, а в его руки - молнии духовной силы, тем самым наделяя его достоинством, вниманием и независимостью. Поднявшись, как это делало духовенство в средние века, во все века, из низших и средних классов, они стали такими же противниками рабства, как и войны. Таким образом, в лоне церкви была защищена и возвращена свобода. Церковь также никогда не забывала о своей миссии в интересах бедных и не сочувствовала в целом узурпации власти королями. Возможно, она стремилась к господству, подобно Хильдебранду и Иннокентию III, но это было духовное господство, контроль над разумом мира. Но она всегда сочувствовала угнетенным классам, как Бекет, даже когда он бросал вызов светскому оружию Генриха II. Даже иезуиты уважали достоинство бедных. Их ошибками были вера в механизмы и безграничные амбиции, но в свои лучшие годы они трудились на благо народа. И в наше время самые последовательные и бескомпромиссные противники деспотизма и рабства находятся в рядах церкви. Духовенство, правда, иногда становилось орудием деспотизма и было абсурдно консервативно в отношении своих собственных привилегий, но в целом оно всегда возвышало свой голос в защиту тех, кто был подавлен.

Возвышение женщины также было вызвано доктриной равенства полов, которую открыло христианство; не "правами женщины" в интерпретации неверующих; не игнорированием предназначения женщины подчиняться мужчине, как провозглашено в Эдемском саду и святым Павлом, а ее великолепной природой, которая подходит ей для общения с мужчиной. Язычество низводит ее до рабства, зависимости и тщеславия. Христианство возвышает ее, развивая ее социальные и моральные качества, ее более тонкую натуру, возвышение души, ее сочувствие к горю, ее нежную и милосердную помощь. Возвышение женщины произошло не из природных черт германских варваров, а из христианства. Рыцарство обязано своим чарующим изяществом влиянию христианских идей. Милосердие и великодушие, мягкость и сочувствие возникли не в немецких лесах, а в учении духовенства. Почитание женщины было делом рук церкви, а не языческой цивилизации или тевтонской простоты. Равенство полов было признано Иеронимом, когда он посвятил себя воспитанию римских матрон и получил из рук Паулы средства к существованию, пока трудился в своей келье в Вифлееме. Насколько более влиятельными были Фабиола или Марчелла, чем Аспазия или Фрина! Именно женщина обратила варварских королей в свою веру и правила не личным очарованием, как восточные красавицы, а твердыми добродетелями сердца. Женщина никогда не занимала такого почетного положения в древнем дворце, как в феодальном замке. Когда Паула посетила Восток, ее приветствовали христианские епископы, и проконсул Палестины сдал свой собственный дворец для ее приема не потому, что она была высокого ранга, а потому, что ее добродетели были известны всему миру; и когда она умерла, множество самых известных людей провожали ее тело в могилу со вздохами и рыданиями. Страдания женщин-мучениц являются наиболее трогательными проявлениями морального величия в истории ранней церкви. А в средние века все, что по-настоящему славно или прекрасно, можно отнести к деятельности женщины. Если город спасают от восстания или освобождают от тяжких налогов, то именно Годива заступает и побеждает. Стоит ли противостоять властному священнику, это Этельгива, которая единственная осмеливается противостоять ему даже в королевском дворце. Именно Этельбурга, а не Ина, правит среди саксов — не потому, что король слаб, а потому, что его жена мудрее его. Простая крестьянская девушка, вдохновленная чувством патриотизма, спасает целую нацию, удрученную и обескураженную, ибо такой была Жанна д'Арк. Берта, оскорбленная жена Генриха, пересекает Альпы глубокой зимой со своим отлученным от церкви господином, чтобы снять проклятие, лишившее его подданных. Анна, графиня Уорик, одевается как кухарка, чтобы избежать визитов герцога королевской крови, а Эбба, настоятельница Колдинггема, отрезает себе нос, чтобы сделать себя непривлекательной для солдат, которые опустошают ее земли. Филиппа, жена великого Эдуарда, заступает за жителей Кале, и город спасается.

Феодальная женщина снискала уважение и почитание, потому что обладала моральными качествами, которые развило христианство. Если она с жадностью предавалась удовольствиям охоты или чести банкета, если она с энтузиазмом слушала песни менестреля и рассказы крестоносцев, ее настоящей славой были чистота характера и незапятнанная слава. В Древнем Риме мужчин водили в цирк и театр для развлечения и утешения, но среди тевтонских рас, когда они были обращены в христианство, грубые воины общались с женщиной без соблазнительных удовольствий, чтобы обезоружить ее. Не богатство, не элегантность манер, не роскошные привычки, не освобождение от суровых и трудоемких обязанностей привлекали христианку средневековья. Именно ее сочувствие, ее верность, ее мужество, ее простота, ее добродетели, ее благородное самоуважение сделали ее помощницей и проводником. Она

всегда заступалась за несчастных и была готова терпеть страдания. Она перевязывала раны заключенных и никогда не прогоняла голодных от своей двери. И потом, насколько возвышенна и прекрасна ее религиозная жизнь. История с гордостью указывает на религиозный порыв и духовный подъем Екатерины Сиенской, Маргариты Анжуйской, Гертруды Саксонской, Терезии Испанской, Елизаветы Венгерской, Изабеллы Французской, Эдит Английской. Каким священным был труд женщины в условиях феодальных раздоров и насилия. Откуда могло возникнуть такое всеобщее поклонение Деве Марии, если бы ее блаженная красота не отразилась в жизни женщин, которых возвысило христианство? На французском языке ей поклонялись под феодальным титулом Нотр-Дам, а рыцарская преданность женскому полу достигла кульминации в почитании, которое принадлежит Царице Небесной. И поэтому качества, приписываемые ей, *Virgo Fidelis*, *Mater Castissima*, *Consolatrix Affectorum*, были теми, к которым призывали стремиться всех благородных женщин. Возвышение женщины шло в ногу с распространением христианства. Почитание к ней возникло только после того, как она продемонстрировала добродетели Моники и Нонны, но эти добродетели были плодом одних только христианских идей.

Мы могли бы упомянуть другие идеи, вошедшие в наши современные институты, такие как образование, филантропия и миссионерское рвение. Идея самой церкви, эзотерической группы христиан среди искушений мира, связанных вместе правилами дисциплины, а также общностью душ, полна величия и красоты. И единство этой церкви - возвышенная концепция, на которой покоилась вся духовная мощь пап, когда они пытались править в мире и на принципах вечной любви. Какой бы извращенной ни стала идея единства церкви в Средние века, все же кто может отрицать, что миссией церкви было создание духовной силы, основанной на надеждах и страхах будущей жизни? Идея теократии составляет важную часть политики Кальвина, как и самого Гильдебранда. Это основа его законодательства. Он утверждал, что она долгое время была скрыта в недрах первоначальной церкви и постепенно была раскрыта, хотя и в искаженной форме, папами, достойнейшие из которых постоянно держали идею божественного правления в поле зрения и следовали ей с ясным пониманием ее последствий. И те, кто знаком с возвышенными планами Льва и Григори, оценят их усилия по возвышению власти, которая должна была быть высшей в варварские века, и сохранению того, что было самым ценным в старой цивилизации. Автократ Женева цеплялся за необходимость духовной религии и стремился реализовать то, к чему стремились Средние века, и тщетно, а именно, что церковь всегда должна оставаться матерью духовных принципов, в то время как государство должно быть рычагом, с помощью которого эти принципы должны насаждаться. Подобно Гильдебранду, он, если бы это было возможно, пустил бы в ход страшное оружие отлучения от церкви. Отрезая людей от церкви, он также отрезал бы их от высших привилегий общества. Возможно, он зашел в своих взглядах слишком далеко, но они были основаны на идее церкви, которую не могли одолеть врата ада. Кто может оценить неизмеримое влияние такой идеи, которая, какой бы извращенной она ни была, когда-нибудь будет признана одной из величайших сил мира? Церковь без духовной силы немыслима; и она не может исчезнуть даже перед материальными тенденциями гордой и рационалистической цивилизации. Оно утвердит свое достоинство, когда троны и княжества рассыплются в прах.

Таковы одни из главных идей, которым учили отцы церкви и которые проникли даже в современные общественные институты и составляют особую славу нашей цивилизации. Когда мы вспоминаем об этом, мы чувствуем, что церковь выполнила нелегкую миссию, даже если она и не спасла Римскую империю. Слава воинов, государственных деятелей, художников,

философов, законодателей, деятелей науки и литературы в древнем мире все еще сияет, и никто не стал бы затемнять ее или прятать от восхищения человечества. Но более чистое сияние великих огней церкви затмевает все это и будет сиять все ярче и ярче, пока семя женщины не поразит голову змея. Это истинное солнце, которое рассеет тени суеверия и невежества, покрывающие столь значительную часть земли, и это приведет общество в здоровое сияние единства и любви.

* * * * *

В другом томе я представлю более подробно труды отцов христианства по основанию новой цивилизации, которая все еще царит среди народов. И в творении, последовавшем за разрушением, мы будем дополнительно поражены мудростью и благодеянием Великой Первопричины, благодаря провидению которой наша падшая раса приведена в новый Эдем, где истина, справедливость и любовь царят в вечной красоте и славе.

КОНЕЦ.

[Примечание переписчика: варианты написания "панигеричный", "красивый" и "систематический" встречались как таковые в строках 2285, 2473 и 10763 соответственно и были исправлены.]